

О БРИГАДИРЪ ФОНЪ-ВИЗИНА *).

Изъ того, что было написано о фонъ-Визинѣ, подъ руками у меня были, когда я писалъ эту статью, сочиненіе о фонъ-Визинѣ князя Вяземскаго и статья, помѣщенная о фонъ-Визинѣ въ 8 и 9 нумерахъ Отечественныхъ Записокъ 1847 года (написанная вѣроятно Майковымъ).

И тому и другому сочиненію я много обязанъ. Книга князя Вяземскаго важна тѣмъ, что проясняетъ жизнь и личность фонъ-Визина, но я мало могъ пользоваться ею прямымъ образомъ, потому что хотѣлъ разобратъ не личность фонъ-Визина и не отношеніе его къ его вѣку, а только одно изъ его произведеній, да и то съ чисто-литературной стороны. Статья, помѣщенная въ Отечественныхъ Запискахъ, раздѣляется на двѣ половины: въ первой (№ 8) авторъ рассматриваетъ, какъ онъ говоритъ, „свѣтлую сторону вѣка Екатерины II въ умственномъ и нравственномъ отношеніи“, рассматриваетъ движеніе, сообщенное обществу Екатерининскаго вѣка при-мѣромъ Императрицы и отчасти другими благопріятными обстоятельствами. Это до меня не относится, потому не распространяюсь о томъ, что въ его взглядахъ справедливо, что односторонно. Во второй половинѣ статьи (въ № 9) авторъ рассматриваетъ комедіи фонъ-Визина, главнымъ образомъ въ томъ отношеніи, до какой степени удовлетворяютъ онѣ требованіямъ художественности—здѣсь онъ говоритъ большею частью очень справедливо и особенно хорошо доказываетъ, что ихъ никакъ нельзя назвать въ строгомъ смыслѣ комедіями, потому что онѣ не имѣютъ органическаго единства (къ

*) *Примѣчаніе издателя.* Статья эта была найдена М. К. Лемке въ бумагахъ А. В. Никитенки и представляетъ собою ученическое сочиненіе, писанное моимъ отцомъ въ бытность его на IV курсѣ Петербургскаго университета въ 1849—1850 г. По сохранившемуся у меня росписанію за этотъ годъ лекцій IV курса философскаго факультета видно, что по вторникамъ отъ 12 до 1½ час. была лекція профессора Никитенки: педагогика или разборъ сочиненій ученическихъ.

тому же результату приходит и князь Вяземскій, который говоритъ, что „фонъ-Визинъ не былъ драматикомъ, не былъ даже и комикомъ“, стр. 204—205,—мнѣніе, съ которымъ должно вполне согласиться). Чрезвычайная слабость комедій фонъ-Визина въ художественномъ отношеніи хорошо доказана имъ въ этой половинѣ его статьи, и его выводамъ едва ли кто захочетъ противорѣчить. Потому я не много говорю о художественной сторонѣ Бригадира, позволяя себѣ распространяться только о тѣхъ вещахъ, относительно которыхъ имѣю мнѣніе, отличное отъ мнѣній той литературной школы, къ которой принадлежитъ авторъ статьи Отечественныхъ Записокъ. Я стараюсь обращать свое вниманіе болѣе на естественность, нежели на художественность: вопросъ о естественности произведенія также очень важенъ, а между тѣмъ о томъ, въ какой степени произведенія фонъ-Визина удовлетворяютъ требованіямъ естественности, писано довольно мало.

Я оставляю безъ вниманія языкъ фонъ-Визина, потому что все, что можно сказать о немъ вообще, давно уже сказано и признано всѣми (то, что это живой языкъ тѣхъ классовъ тогдашняго общества, которые выводятся фонъ-Визинымъ и т. д.). А для того, чтобы прослѣдить въ подробностяхъ отношеніе языка фонъ-Визина къ языку его предшественниковъ и современниковъ, нужно было бы имѣть въ рукахъ несравненно больше матеріаловъ, нежели сколько могъ имѣть ихъ я.

О вліяніи фонъ-Визина на общество я не говорю ничего, потому что если фонъ-Визинъ его и имѣлъ, то слишкомъ мало. Нужно впрочемъ согласиться въ томъ, что называть вліяніемъ на общество какого-нибудь литературнаго произведенія: если то, что при появленіи новаго произведенія поговорять о немъ, похвалять или осудять автора, то фонъ-Визинъ имѣлъ его, и имѣлъ особенно Бригадиромъ; онъ самъ говоритъ въ своей Исповѣди, какъ много при дворѣ говорили о его Бригадирѣ, какъ другъ передъ другомъ наперерывъ приглашали вельможи его читать свою комедію—но кажется этого еще нельзя назвать вліяніемъ на общество. Оно бываетъ только тогда, если идеи, лежащія въ основаніи произведенія, входятъ въ живое прикосновеніе съ дѣйствительною (умственной, нравственною или практическою, это все равно, но непремѣнно съ дѣйствительною) жизнью общества, такъ что, прочитавши это произведеніе, общество станетъ чувствовать себя не совсѣмъ такимъ, какъ прежде, почувствуетъ, что его взглядъ на вещи прояснился или измѣнился, почувствуетъ, что данъ толчекъ его умственной или нравственной жизни. Такого вліянія на общество русская литература при Екатеринѣ не имѣла. Она была забавою, способомъ препровожденія времени, больше ничѣмъ: писали изъ подражанія французамъ или нѣмцамъ (оды Ломоносова); читали — высшіе классы потому, что нельзя же было оставить безъ всякаго вниманія эти подражанія, когда такъ увлекались оригиналами; читали также изъ подражанія императрицѣ; читали по модѣ французскихъ вельможъ мецентовствовать, а не потому, чтобы находили въ русскихъ повѣстяхъ и стихахъ что-нибудь новое, что-нибудь интересное — все, что тамъ было, давно уже знали они изъ французскихъ книгъ. Въ среднемъ классѣ читали тогда еще чрезвычайно немногіе, и эти немногіе начали читать еще такъ недавно, что почти никто изъ нихъ еще

не успѣлъ понять, зачѣмъ собственно читаетъ онъ, и что значитъ то, что онъ читаетъ; впечатлѣніе на этихъ немногихъ читателей изъ средняго класса отъ прочитанныхъ ими романовъ, драмъ и т. д. было для нихъ такъ непривычно, такъ мало были приготовлены къ нему, что оно оставалось совершенно неопредѣленнымъ: — прочитавши переводъ какой-нибудь повѣсти, чувствовали, что въ ней есть что-то, но что именно? — Это изъ ста читателей едва ли понималъ одинъ. Почему же читалъ средній классъ, если не понималъ? Читалъ потому, что умѣющій читать человѣкъ не можетъ не прочитать книги, если ему дѣлать нечего, а книга есть подъ руками; читалъ отчасти и изъ подражанія знатнымъ. Такимъ образомъ результатъ отъ чтенія былъ только одинъ — пріучались къ повѣстямъ, драмамъ; уже только слѣдующія поколѣнія, знакомыя съ малолѣтства съ подобными книгами и, до нѣкоторой степени, съ образованностью, которая произвела ихъ, стали читать ихъ понимая, что въ нихъ писано. Такъ литература была для общества забавой или чѣмъ-то непонятнымъ, которое читали сами не зная зачѣмъ. Мнѣ кажется, что настоящаго вліянія на жизнь нашего общества не имѣлъ и Державинъ, не имѣлъ даже довольно долго и Жуковскій. Исторія Карамзина была едва ли не первою писанною по-русски книгою, которая имѣла серьезное вліяніе на наше общество — изъ нея Русскіе узнали свое прошлое и слѣдствія этого знакомства глубоко отразились въ ихъ взглядѣ на себя, въ ихъ жизни и стремленіяхъ. До тѣхъ поръ вліяніе русскихъ книгъ простиралось только на книги же — когда принимались писать, писали подражанія Ломоносову, Державину, писали въ духѣ Жуковского, тѣмъ дѣло и кончалось. Фонъ-Визинъ и этого вліянія не имѣлъ — онъ не нашелъ себѣ въ нашей литературѣ послѣдователей. Что онъ не имѣлъ вліянія на жизнь нашего общества, можетъ быть покажется съ перваго взгляда несправедливымъ; но пусть поищутъ слѣдовъ его вліянія — ихъ нѣтъ нигдѣ. Силѣшу подтвердить свои слова словами князя Вяземскаго: „фонъ-Визинъ одинъ изъ немногихъ, которые выражали себя въ своихъ сочиненіяхъ; главные творенія его несутъ слѣды его личности и его эпохи, но... въ обществѣ не дознался я отголоска фонъ-Визина и въ самомъ историческомъ фонъ-Визинѣ отыскалъ мало отголосковъ общества. Напримѣръ комедіи его не картина нравовъ въ обществѣ, ему предстоящемъ: онъ жилъ въ столицѣ, а описывалъ провинцію... Сходство ихъ (лицъ имъ изображенныхъ) отвлеченное, безъ живаго примѣненія къ лицамъ, передъ которыми они были выведены... Настоящіе Простаковы въ глуши губерній и деревень вѣроятно и не знали, что Дворъ смѣется надъ ними, глядя на ихъ изображенія. Вѣроятно были Недоросли и Бригадиры и въ числѣ зрителей комическихъ картинъ фонъ-Визина, но комикъ кололъ не ихъ глаза“ (стр. 18—20). Правда и то, что потомъ (стр. 209) князь Вяземскій говоритъ противное, приписывал комедіямъ фонъ-Визина то, что у насъ исчезли Недоросли и т. д. — да во-первыхъ Недорослей и теперь, черезъ 80 лѣтъ, много еще найдется; во-вторыхъ, какъ могли они исчезнуть отъ комедій фонъ-Визина, когда ни они, ни окружавшіе ихъ люди не читали книгъ?

Вещь общеизвѣстная, что форма комедій фонъ-Визина — Мольеровская, цѣликомъ перенесенная имъ въ его Недоросля и Бригадира; я старался

объяснить происхождение этой формы, такой противухудожественной и противуестественной. Но оригинально ли содержаніе комедій у фонъ-Визина? Обыкновенно отвѣчаютъ, что совершенно оригинально. Я сильно сомнѣваюсь въ этомъ, но пока долженъ ограничиться одними сомнѣніями, потому что не могу доказать заимствованій въ содержаніи, не имѣя подъ руками собранія французскихъ комедій Мольеровской школы. А не сомнѣваться въ оригинальности всего въ комедіяхъ фонъ-Визина нельзя, потому что князь Вяземскій доказалъ, что у фонъ-Визина многія лица и многія мысли, кажется родившіяся изъ самой глубины души фонъ-Визина, заняты изъ французскихъ книгъ. Вѣдь кажется, что устами Стародума говоритъ самъ фонъ-Визинъ, и именно фонъ-Визинъ, русскій Екатеринина вѣка, такъ хорошъ и вѣренъ, повидимому, мѣстный колоритъ во взглядахъ Стародума; а между тѣмъ князь Вяземскій нашелъ, что Стародумъ составленъ весь изъ выписокъ у Лабрюера и Ларошфуко (стр. 137); точно также и Нельстецовъ, повидимому такой же „оригинальный“ мыслитель, говоритъ выписками изъ „Мои мысли“ Лабомеля. Чтд, кажется, принадлежит личности фонъ-Визина больше его писемъ къ Панину изъ Франціи? а князь Вяземскій оцѣтъ-таки говоритъ, что всѣ порядочныя остроты и анекдоты тамъ выписаны изъ Дюкло *Considérations sur les mœurs de ce siècle* (кн. Вяз. стр. 138 и 135). По-неволѣ станешь сомнѣваться и въ оригинальности остального. Скажутъ: „Совѣтникъ — списокъ съ Тартюфа или одного изъ его потомковъ, это правда; но остальные комическія лица у фонъ-Визина чисто русскіе и нравы чисто русскіе“. Въ этихъ приговорахъ о народности нравовъ и лицъ надобно быть очень осторожнымъ; наружность часто бываетъ обманчива; я увѣренъ, что многіе передѣланные съ французскаго водевили покажутся очень вѣрными списками съ чисто-русскихъ нравовъ всякому, кто не знаетъ того, какъ пишутся у насъ водевили. И какъ не показаться имъ чисто-русскими? Въ нихъ все чисто-русское: и толстые купцы, которые пьютъ чай десятками стакановъ и поглаживаютъ рукою по брюху, и дочки ихъ, которыя хотятъ выйти замужъ непременно за офицеровъ, и мало ли чего „чисто-русскаго“? Я думаю, что внимательное сличеніе лицъ и разговоровъ у фонъ-Визина съ тогдашними французскими комедіями покажетъ, что и комическія лица и сцены заняты фонъ-Визинимъ у другихъ точно также, какъ заняты лица и мысли Стародума и Нельстецова. Но справедливость требуетъ сказать, что заимствованій изъ Мольера (кромя лица совѣтника) я не нашелъ у фонъ-Визина.

Находятъ дурнымъ то, что въ Бригадирѣ „нѣтъ единства“. Не знаю, что именно понимаетъ подъ „единствомъ“ князь Вяземскій; авторъ статьи отечественныхъ записокъ понимаетъ подъ „отсутствіемъ единства“ въ Бригадирѣ то, что въ немъ „нѣтъ главнаго лица, нѣтъ и господствующей идеи“. Дѣйствительно, намъ теперь кажется, будто бы главнаго лица въ Бригадирѣ нѣтъ, будто бы всѣ лица (за исключеніемъ приставныхъ Добролюбова и Софьи) играютъ одинаково важную роль. Но что же за бѣда, еслибъ и въ самомъ дѣлѣ не было главнаго лица? Неужели непремѣнное, необходимое условіе художественности произведенія то, чтобы въ немъ одно лицо было

главнымъ? Мы часто слышимъ такіа сужденія: „Этотъ романъ нехорошъ, потому что въ немъ вмѣсто одного главнаго лица—два главныхъ лица: интересъ между ними раздвѣивается, и не знаешь, на которомъ сосредоточить вниманіе — одно мѣшаетъ другому, одно заслоняетъ другое“. Нѣтъ, такіа требованія несправедливы; необходимо требовать отъ художественнаго произведенія единства идеи, а то, должно ли быть въ произведеніи одно главное лицо, или должно ихъ быть нѣсколько, дѣло, рѣшаемое не теорією, а характеромъ идеи и конценцією извѣстнаго произведенія: если идея такого свойства и такъ развилась въ сознаніи вашемъ, что воплощается въ характерѣ, дѣйствіяхъ и отношеніяхъ одного лица, разумѣется одно лицо и должно стать главнымъ въ вашемъ произведеніи; а если идея такого рода или такъ развилась въ вашемъ сознаніи, что для воплощенія ея нужно вамъ нѣсколько лицъ (особенно часто бываетъ это, когда основная идея произведенія не изображеніе характеровъ, а изображеніе жизни извѣстнаго класса, или, еще болѣе, извѣстной исторической эпохи), то какъ же не явится въ созданіи вашемъ нѣсколько равно важныхъ, равно необходимыхъ лицъ? И можно быть впередъ увѣрену, что интересъ вашего произведенія вовсе не будетъ отъ этого ни ослабленъ, ни раздробленъ, если только вы строго сохраните единство основной идеи. Не должно, напримѣръ, въ Борисѣ Годуновѣ Пушкина считать недостаткомъ того, что тамъ два главныхъ лица—Борисъ и Дмитрій Самозванецъ: съ появленіемъ Самозванца вы не забываете о Борисѣ, напротивъ, тутъ-то именно всего болѣе и начинаете вы интересоваться имъ. Въ большей части романовъ Вальтеръ-Скотта (во всѣхъ, кажется) по нѣскольку главныхъ лицъ, равно важныхъ по своему внутреннему значенію и по своей необходимости для идеи романа, если не для его интриги. Кто, напримѣръ, въ Айвенго главное лицо и по своему интересу для читателя и по своему внутреннему значенію? Айвенго? А развѣ не также важны, какъ онъ, или не важнѣе его Ребекка, Ричардъ-Львиное-сердце, Робинъ-Гудъ? Кажется, они дѣлаютъ впечатлѣніе гораздо глубже того, какое дѣлаетъ самъ Айвенго и несравненно больше интересуютъ читателя, нежели этотъ довольно безцвѣтный рыцарь, который самъ получаетъ занимательность почти только отъ своихъ отношеній къ Ребеккѣ.

Такимъ образомъ если бы въ Бригадирѣ и не было единства главнаго лица, большого грѣха тутъ не было бы. Но фонъ-Визину самому показалось бы это непростительнымъ преступленіемъ противъ законовъ изящнаго (какъ можно было тогда обойтись безъ единства лица?) и онъ не могъ сдѣлать этого. И дѣйствительно, онъ этого не сдѣлалъ. Если намъ кажется, будто бы въ Бригадирѣ нѣтъ главнаго лица, намъ кажется такъ потому только, что и основной идеею этого произведенія кажется намъ не та идея, которую положилъ въ основаніе его фонъ-Визинъ. Мы думаемъ, что онъ хотѣлъ представить намъ въ Бригадирѣ картину быта и понятій извѣстнаго класса людей въ его время (въ родѣ того, какъ Гоголь представляетъ картину быта извѣстнаго класса въ какомъ-нибудь своемъ произведеніи): если такъ, дѣйствительно всѣ лица въ Бригадирѣ равно важны для достиженія этой цѣли. Но внимательнѣе вникнувши въ ходъ дѣйствія Бригадира, рассмотримъ съ вниманіемъ другія произведенія фонъ-Визина (напр. Выборъ гувернера,

Разговоръ у княгини Халдиной, письмо Дурыкина и отвѣтъ Стародума, и т. д., самого Недоросля съ Митрофанушкой, Вральманомъ и разсужденіями Стародума, даже Исповѣдь фонъ-Визина). сообразивши все, что извѣстно намъ о мнѣніяхъ фонъ-Визина, мы придемъ къ заключенію, что въ Бригадирѣ хотѣлъ онъ развить и доказать свои мысли о нелѣпости и вредѣ тогдашней французomanіи, о нелѣпости и пагубности тогдашней системы воспитанія у знатныхъ и тянувшихся вслѣдъ за знатными, системы, заключавшейся въ препорученіи дѣтей французскимъ гувернерамъ, и имѣвшей, по мнѣнію фонъ-Визина, слѣдствіемъ то, что изъ воспитанниковъ выходили полуобразованные дураки, набитые французскими фразами и другимъ французскимъ вздоромъ, выходили такіе люди, которые, по мнѣнію фонъ-Визина, были хуже даже своихъ совершенно необразованныхъ родителей. Эта мысль вездѣ у него высказывается; она была повидимому средоточіемъ умственной и нравственной жизни фонъ-Визина. Больше всего убѣждаютъ насъ въ томъ, до какой степени дурно и вредно казалось ему все французское и какъ глубоко проникнуть онъ былъ этимъ взглядомъ, его „Письма изъ путешествія“. Для человѣка, подобнымъ образомъ судившаго о французахъ, о ихъ жизни и понятіяхъ, конечно не могло быть ничего прискорбнѣе того, что наше молодое поколѣніе выросло подъ этимъ „въ высшей степени пагубнымъ“ вліяніемъ.

Я считаю основною идеею Бригадира протестъ противъ уваженія, пристрастія общества Екатерининскаго вѣка къ тогдашней французской образованности.

Если согласиться съ этимъ мнѣніемъ, то будетъ ясно, что по плану самого фонъ-Визина главнымъ лицомъ Бригадира долженъ быть Иванъ, сынъ Бригадира; послѣ него интересъ сосредоточивался на лицѣ совѣтницы. Такимъ образомъ выполнялось требованіе тогдашней теоріи: „главнымъ героемъ художественнаго произведенія должно быть непременно одно лицо; но для „занимательности“ подлѣ него должно стоять другое лицо, другого пола; между этими двумя главными лицами должна быть любовная интрига“.

Но и совѣтница и, еще болѣе, самъ герой Иванушка вышли у фонъ-Визина, отъ излишняго старанія сдѣлать ихъ какъ можно „смѣшнѣе“, такими мертвыми, неестественными, плохими карикатурами, что потеряли не только всякое художественное значеніе, а даже и сходство съ тѣми, кого должны были изображать; фонъ-Визинъ ихъ натянулъ до такой степени, что они совершенно не достигаютъ цѣли, которой хотѣлъ онъ черезъ нихъ достичь. Потому, не имѣя совершенно никакого внутренняго смысла, совершенно никакого внѣшняго приложенія къ тому, что было на самомъ дѣлѣ въ обществѣ, Иванъ и совѣтница заставляютъ читателя не обращать на нихъ никакого вниманія; дѣлаясь для него нулями, нисколько ненужными и нисколько не занимательными, они заставляютъ его не замѣчать и той идеи, которая должна была высказаться черезъ нихъ. А между тѣмъ лица, которыя по плану фонъ-Визина должны были быть второстепенными, до извѣстной степени удались, и потому, дѣлаясь нѣсколько интересными, сосредоточиваютъ на себѣ все вниманіе читателя, выставляются передъ нимъ на первомъ планѣ и произведеніе кажется имѣющимъ не тотъ смыслъ, ко-

торый хотѣлъ придать ему авторъ. А удались эти лица именно потому, что для фонъ-Визина были они второстепенными, и что потому не обращалъ онъ слишкомъ большаго вниманія на ихъ „отдѣлку“ т. е. утрировку, пересаливанье—это ихъ иногда спасало и они часто являются не въ обезображенномъ съ намѣреніемъ „для смѣха“ видѣ.

Что же осталось въ Бригадирѣ послѣ гибели для читателя двухъ главныхъ лицъ и основной идеи этой комедіи? Остались лица совѣтника, Бригадира и Бригадирши; осталась еще интрига—тройное влохитство, въ-первыхъ Совѣтника за Бригадиршей, во-вторыхъ Бригадира за Совѣтницей, въ-третьихъ Ивана и Совѣтницы другъ за другомъ. Разсмотримъ эти лица и эту интригу. (О взаимной любви Добролюбова и Софьи не буду я говорить, точно также какъ не буду говорить и о нихъ самихъ—эти лица давно уже оцѣнены по достоинству и въ самомъ дѣлѣ по всѣмъ правамъ слѣдуетъ имъ любить другъ друга—они такъ достойны одинъ другого. Можно только замѣтить, что они даже и языкомъ говорятъ такимъ же нелѣпымъ и нескладно-жеманнымъ, какъ сами, между тѣмъ какъ всѣ другія лица у фонъ-Визина говорятъ почти вездѣ превосходнымъ языкомъ, который въ большей части мѣстъ не потерялъ еще и теперь своего эстетическаго достоинства, а историческую свою цѣнность сохранить навсегда).

Прежде всего надобно сказать, что и князь Вяземскій, и авторъ статьи „Отечественныхъ Записокъ“, упрекаютъ фонъ-Визина за то, что въ Бригадирѣ нѣтъ дѣйствія, нѣтъ жизни. Правда, въ Бригадирѣ нѣтъ дѣйствія, если понимать подъ этимъ то, что характеры дѣйствующихъ лицъ не развиваются во все продолженіе хода интриги, что какими показались они въ первомъ явленіи, такими и сошли со сцены, не выказавъ ни одной новой черты, ни одной новой стороны въ своихъ характерахъ.

Требованіе: „характеры, выведенные писателемъ, особенно писателемъ драматическимъ, должны непременно развиваться; если они остаются неподвижными, авторъ виноватъ и произведеніе лишено художественнаго достоинства“,—это требованіе слышишь безпрестанно, безпрестанно слышишь упреки тому или другому произведенію за невыполненіе его. Но кажется, что такого требованія нельзя поставить всегда приложимымъ закономъ художественной красоты литературнаго произведенія. Законы художественности не могутъ противорѣчить тому, что есть въ дѣйствительности, не могутъ состоять въ томъ, чтобы дѣйствительность изображалась не въ своемъ настоящемъ видѣ; какъ она есть, такъ и должна она отразиться въ художественномъ произведеніи. А въ дѣйствительности мы часто встрѣчаемъ людей съ такой неглубокой натурою, съ такимъ немногосложнымъ характеромъ, что съ перваго же раза видишь такого человѣка насквозь и видишь его всего, рѣшительно всего, такъ что если и двадцать лѣтъ проживешь съ нимъ, не увидишь въ немъ ничего, кромѣ того, что выказалось въ первомъ же его словѣ, въ первомъ же его взглядѣ. Какимъ же образомъ такой человѣкъ будетъ развивать передъ вами свой характеръ въ художественномъ произведеніи, когда въ дѣйствительности не развиваетъ его? Или художественное произведеніе должно представлять не всю дѣйствительность, а только извѣстную часть ея? вѣроятно только сцены съ кинжалами, въ-

стрѣлами, разбойниками въ красныхъ плащахъ или только героевъ, которые нынѣ ненавидятъ весь родъ человѣческій, проклинаютъ и бѣснуются, а завтра бѣгаютъ по улицамъ и обнимаются со всѣми? Нѣтъ, и неподвижные, неразвивающіеся характеры могутъ быть точно такими же поэтическими и интересными, какъ развивающіеся;—возьмемъ въ примѣръ хоть мистриссъ Виккемъ, доктора Блимбера съ семействомъ и съ мистеромъ Фидеромъ, мистрисъ Пичинъ и т. д. въ „Домби“ Диккенса, Манилова съ супругой, Ноздрева, двухъ дамъ — „прекрасную во всѣхъ отношеніяхъ“ и „просто прекрасную“ и т. д. въ „Мертвыхъ душахъ“ Гоголя—не правда ли, что все это самыя художественныя, самыя живыя, самыя интересныя лица? а развѣ они не высказались передъ вами съ перваго же раза всѣ сполна? развѣ развились сколько-нибудь ихъ характеры въ продолженіе дѣйствія? — „Но зато они и не дѣйствуютъ“. — Итакъ, если всегда требовать дѣйствія, жизни, то Ноздревъ, двѣ дамы города NN, Маниловъ—неудачныя или непоставленныя въ настоящее положеніе лица? А если этого нельзя сказать изъ того, что они не дѣйствуютъ, выйдетъ только, что извѣстное лицо въ художественномъ произведеніи можетъ не только не развивать своего характера, но можетъ даже и вовсе не дѣйствовать, нисколько не теряя своего художественнаго достоинства. Но нѣкоторые изъ нихъ, если я не ошибаюсь, и дѣйствуютъ, напр., эти двѣ дамы въ Мертвыхъ душахъ даже двигательницы катастрофы и двигательницы ея по внутреннимъ причинамъ, а не по внѣшнему принужденію. — „Но другое дѣло романъ, другое дѣло драма“. — Здѣсь неумѣстно было бы настаивать на томъ, что не совсѣмъ „другое дѣло“, что, можетъ быть, напрасно полагаютъ основнымъ характеромъ драматической формы „сосредоточенную борьбу страстей“, „изображеніе или, лучше сказать, наглядное представленіе рѣшительныхъ, полныхъ жизни и дѣйствія моментовъ“ и т. д. (разумѣется, и эти моменты могутъ служить содержаніемъ драматическаго произведенія, какъ и всякаго другого произведенія—эпическаго, лирическаго, какого угодно; но разница, сказать: „это содержаніе можетъ быть въ извѣстной формѣ“ и говорить, что „эта форма непременно требуетъ этого содержанія, и если вы вложили въ нее другое, то вы виноваты“); достаточно сказать, что нельзя найти ни одного драматическаго произведенія, гдѣ бы не было нѣсколькихъ неподвижныхъ характеровъ, нисколько не мѣшающихъ ни „драматизму“ произведенія, ни „быстротѣ хода“ дѣйствія, ни одному изъ такъ называемыхъ существенныхъ и отличительныхъ качествъ драматическаго произведенія. Не знаю, можно ли сослаться на Шекспира—могутъ сказать, что у него часто содержаніе не вмѣщается въ форму или что онъ часто вводитъ эпизоды „замедляющіе дѣйствіе“, какъ говорятъ его поклонники *quand-même*, то-есть, по просту сказать, эпизоды нисколько не вытекающіе изъ идеи произведенія — (чтобы подкрѣпить свои слова, сошлюсь на то, что Гёте считаетъ необходимымъ передѣлать Гамлета для сцены — выпустить эпизодъ о путешествіи и при этомъ нѣсколько лицъ и т. д.). Но можетъ быть и найдутся такіе жаркіе поклонники Шекспира, которые не отрекутся принять его нѣкоторыя трагедіи, напр., Макбета, за образцы драматическихъ произведеній: если найдутся, то можно указать имъ на самого же

Макбета, котораго обыкновенно и считают величайшимъ по драматичности созданиемъ Европейской литературы: кромѣ самого Макбета (характеръ въ самомъ дѣлѣ замѣчательный по тому, какъ хорошо развивается онъ—или, лучше сказать, не онъ, самъ онъ остается неизмѣннымъ, а его страсть), и, если угодно, леди Макбетъ (здѣсь тоже много сторонъ въ характерѣ раскрывающихся постепенно) въ этой трагедіи нѣтъ, кажется, ни одного лица съ развивающимся характеромъ; не знаю, можетъ быть слишкомъ смѣло покажется, если я скажу—нѣтъ и характеровъ.—„Но въ томъ дѣло, что тутъ есть все-таки развивающіеся характеры, и въ нихъ сосредоточивается интересъ драмы, они-то именно и главные лица ея; второстепенныя лица могутъ не развиваться, если угодно, но главное непремѣнно должно, и это недостатокъ Бригадира, что тамъ нѣтъ ни одного лица развивающагося“.—Нѣтъ, можно драмѣ и вовсе обойтись безъ развивающихся лицъ; возьмемъ „Горе отъ ума“—кажется, его никто не упрекалъ въ недостаткѣ драматизма или интересности; а есть ли тамъ хоть одинъ развивающійся характеръ? Кто же? Чацкій или Софья? или Молчалинъ? или Скалозубъ? Про одного Фамусова можно—но нѣтъ, и про него нельзя—сказать, что въ немъ есть развитіе, хотя почти незамѣтное.—„Грибоѣдовъ намъ не указъ“. — Не знаю, гдѣ же вы найдете такую драму, которая была бы вамъ указомъ, т. е. подходила бы подъ ваше требованіе. Скорѣе всего можно было бы указать на „Нааана Мудраго“ Лессинга,—въ немъ дѣйствительно больше развитія характеровъ, нежели гдѣ-нибудь; но, во-первыхъ, вѣроятно всякій согласится, что несмотря на это, драматизма въ Нааанѣ не чрезвычайно много (онъ есть, но его тамъ меньше, нежели въ Макбетѣ, Фаустѣ); во-вторыхъ, правда, тамъ удивительно хорошо развиваются подъ конецъ характеры Саладдина и Тамплиера (когда они узнаютъ, одинъ, что Рая была дочь его брата, другой, что она дочь христіанина) и характеръ Дайи, но главное лицо, Нааанъ, не развивается и не можетъ развиваться, иначе вся драма погибла бы; о сестрѣ Саладдина, Раѣ, Аль-Гафи нечего и говорить. Наконецъ, беру Фауста, самое драматическое произведеніе, по моему мнѣнію, изъ всѣхъ мнѣ извѣстныхъ и самое безукоризненное по строгой художественности формы (кромѣ двухъ сценъ „кухня вѣдьмъ“ и Walpurgisnacht, которыя инымъ кажутся слишкомъ длинными, особенно первая, нельзя найти тамъ ни одного слова, которое не было бы необходимо и не было бы на своемъ мѣстѣ; и какъ страшно и необходимо развивается передъ вами драма!). Тамъ два лица развивающихся: Гретхенъ (и то больше развивается внѣшняя обстановка, нежели характеръ) и самъ Фаустъ (собственно говоря, развивается только его положеніе и страсти, а характеръ весь высказался уже въ первомъ монологѣ); всѣ остальные характеры—совершенно неподвижны: Вагнеръ квинтъ-эссенція неподвижности, Марта неподвижность, Валентинъ неподвижность; Мефистофель—неужели онъ съ перваго слова до послѣдняго не одно и то же и говорить и дѣлаетъ. Нечего уже и говорить о второстепенныхъ лицахъ, какъ студентъ, приходящій къ Фаусту, подруга Гретхенъ, лица на загородномъ гуляньѣ, вѣдьмы: гдѣ и когда и на что раскрывать имъ многосторонность своего характера, если она есть въ нихъ. А между тѣмъ вѣдь Мефистофель глав-

ный двигатель въ Фаустѣ; а между тѣмъ Вагнеръ и Марта принадлежатъ къ числу самыхъ лучшихъ созданий поэзіи и ни Вагнера, ни Марты никакъ нельзя исключить изъ Фауста—безъ нихъ дѣйствіе невозможно въ его настоящемъ видѣ.

Нѣтъ, дѣло не въ томъ, чтобы всякій характеръ въ романѣ ли, въ драмѣ ли, непременно развивался, выказывалъ въ себѣ въ продолженіе дѣйствія все новыя стороны, которыхъ прежде вы не замѣчали въ немъ, или, если замѣчали, то слишкомъ смутно: дѣло въ томъ, чтобы всякое лицо было живымъ человѣкомъ и, главное, дѣйствовало такъ, какъ должно дѣйствовать по своей натурѣ, а не такъ, какъ заблагоразсудится автору. Такимъ образомъ, мнѣ кажется, вовсе не должно считать въ Бригадирѣ недостаткомъ того, что дѣйствующія лица не развиваются. Но если они не живые люди или дѣйствуютъ противъ своей природы, это будетъ невознаградимымъ недостаткомъ. Разберемъ сначала лица.

Бригадиръ, по справедливому замѣчанію автора статьи Отечественныхъ Записокъ, имѣетъ сродство съ Тарасомъ Скотининымъ у самого же фонъ-Визина въ Недорослѣ и со Скалозубомъ у Грибоѣдова въ Горѣ отъ ума. Но сродство его со Скотининымъ невелико; оно ограничивается только тѣмъ, что оба они здоровые, грубые мужичищи, говорить съ которыми нужно осторожно, не то шутя „выхватятъ ребра два“ у собесѣдника. Гораздо больше у него сходства со Скалозубомъ—оно такъ велико, что бесполезно распространяться о немъ; нужно только сдѣлать оговорку что Скалозубъ вовсе не списокъ съ Бригадира и не развитіе его: нѣтъ сомнѣнія, что Грибоѣдовъ и не вспоминалъ о Бригадирѣ во все время, пока писалъ Горю отъ ума. Сходство произошло единственно оттого, что оба характера очень немногосложны и очень вѣрно сняты съ природы, которая представляетъ намъ столько „Бригадировъ“ и „Скалозубовъ“, что нетрудно комическому писателю напасть на мысль вставить такое лицо въ свое произведеніе. По чрезвычайной несложности своего характера Бригадиръ, кажется, близокъ къ общему мѣсту въ родѣ „добродѣтельный человѣкъ“, „скупецъ“, „лицемѣръ“ и т. д.; но онъ живой человѣкъ и вѣрный дѣйствительности: развѣ мало людей, весь характеръ которыхъ только и состоитъ изъ одной той черты, которая развита въ Бригадирѣ? Нужно различать односторонность характера, происходящую отъ преобладанія виѣшней привычки (мужикъ всегда говоритъ по-мужицки, и за это еще нельзя назвать его общимъ мѣстомъ) и то, когда выставляютъ лицо только для того, чтобы говорить о себѣ въ каждомъ словѣ: „я лицемѣръ, я лицемѣръ, смотрите, какъ я лицемѣрю“. По концепціи (которая такъ проста, что нетрудно съ ней справиться) характеръ Бригадира уступаетъ характеру его жены, но по выполненію онъ лучшій въ пьесѣ и, можетъ быть, лучшій у фонъ-Визина: онъ нигдѣ не переходитъ въ карикатуру (рѣдкость у фонъ-Визина), нигдѣ, кромѣ развѣ сцены его объясненія съ совѣтницею. Да и здѣсь его объясненіе не карикатура, а скорѣй общее мѣсто, которымъ до сихъ поръ пользуются не только наши, даже англійскіе писатели (кажется, самъ Диккенсъ иногда несвободенъ отъ этого упрека); особенно процвѣтаетъ оно до сихъ поръ у французовъ. Формула его такая: „сол-

дать вездѣ и всегда долженъ употреблять образы, картины, сравненія, заимътые изъ военной техники; чиновникъ—изъ техники той вѣтви дѣлъ, которою занимается; ремесленникъ—изъ техники своего ремесла и т. д.“ и одна изъ выгодъ этого общаго мѣста представляется такимъ образомъ: „черезъ это часто можно получать сцены недоразумѣній, которыя довольно (очень, думаютъ писатели этихъ сценъ) интересны и забавны: онъ говорить не у мѣста и непонятно для того, кому хочетъ объяснить дѣло“. Что и говорить, человѣкъ сродняется съ той сферою, въ которой долго прожилъ, и часто (очень часто) слова его носятъ отпечатокъ его спеціальнаго занятія; но заставляя съ начала до конца солдата сравнивать всѣ предметы съ фортеціей, судью—съ тяжбою, истцомъ и отвѣтчикомъ—плохая шутка: одна рѣчь не пословица; нужно разбирать, въ какомъ случаѣ какъ долженъ говорить человѣкъ. Мнѣ кажется, что человѣкъ, подобный Бригадиру, не сталъ бы объясняться аллегоріями, которыя онъ вообще не долженъ любить, а тутъ никогда не вздумаетъ употребить. Аллегоріи замедляютъ дѣло; кромѣ того, нужно, чтобы человѣкъ имѣлъ много умѣнья и привычки хитрить, чтобы вздумалось ему въ рѣшительную минуту объ аллегоріяхъ—не онѣ будутъ у него на умѣ, да и время дорого. Бригадиръ любить дѣлать дѣло живо и напрямки: „сказалъ, какъ есть, была не была“; положеніе его затруднительно, а онъ при своемъ характерѣ не можетъ извертываться, забѣгать стороною; да и терпѣнья у него недостатъ. „Пошелъ напроломъ, да такъ да, нѣтъ такъ нѣтъ: люблю тебя, матушка“—въ этомъ родѣ должно быть объясненіе Бригадира, если ужъ непременно надобно вставить въ него техническое слово, а не должно оно растягиваться на двѣ страницы.

Характеръ Бригадира, кажется мнѣ, выдержанъ вѣрно въ продолженіе всей пьесы. Только не совсемъ натурально, будто бы онъ могъ отдать сына во французскій пансіонъ по просьбѣ жены; никогда не могъ онъ послушаться ея въ этомъ, а отдалъ его увлеченный примѣромъ другихъ и совершенно противъ своей воли; по его собственному понятію слѣдовало бы пораньше записать его въ полкъ; не жена, а примѣръ другихъ заставили его сдѣлать иначе. Да и Бригадирша, которая выставлена скупою до невозможности, не могла настаивать, чтобы отдать сына во французскій пансіонъ, тѣмъ болѣе послать его въ Парижъ: это должно слишкомъ дорого стоить; а выгоды отъ подобнаго воспитанія не можетъ она никакихъ видѣть, потому что не въ такихъ понятіяхъ выросла и состарѣлась; она не увлечется ловкостью молодого человѣка, а скажетъ развѣ: „Да что онъ ломается, бѣсовъ сынъ?“ По ея мнѣнію, слѣдуетъ оставить сына дома и кормить его, чтобы не „изнурить“ „младенца“—а вѣдь ученіе тоже изнуряетъ. Вообще фонъ-Визинъ не объяснилъ, какимъ образомъ у такого человѣка, какъ Бригадиръ, вышелъ сынъ, подобный Ивану и кажется, что онъ сдѣлалъ Ивана его сыномъ только для того, чтобы дать ему случай къ нѣсколькимъ удачнымъ (и ко многимъ неудачнымъ) отвѣтамъ на Ивановы выходки. Какъ бы то ни было, по исполненію Бригадиръ лучшее лицо въ комедіи, живой, и часто натурально дѣйствующій человѣкъ.

Но если Бригадиръ живой человѣкъ, то совѣтникъ, мнѣ кажется, общее мѣсто, распространеніе на тему: „святоша, лицемѣръ, Тартюфъ, взяточникъ“. Взятчиковъ и прежде фонъ-Визина описывалъ у насъ Сумароковъ и, только мнѣ кажется, ничуть не хуже фонъ-Визина (или фонъ-Визинъ не хуже его, какъ угодно), такъ что даже и относительной заслуги въ новизнѣ нѣтъ тутъ никакой со стороны фонъ-Визина. А ханжей, да еще влюбленныхъ, съ легкой руки Мольера наплодилось послѣ Тартюфа столько, что и тутъ фонъ-Визинъ только повторялъ пѣтую тысячи разъ пѣсню, которая, пусть простятъ мнѣ это мнѣніе, и запово-то не была слишкомъ хороша. Нужно, впрочемъ, отдать ту справедливость фонъ-Визину, что онъ не буквально перевелъ изъ Тартюфа сцену объясненія въ любви совѣтника, которая начинается хорошо.

Другое замѣчательное лицо въ Бригадирѣ, приносящее честь фонъ-Визину—Бригадирша. Лидо Бригадирши было бы превосходно, еслибъ фонъ-Визинъ по своему обыкновенному пристрастію къ неумѣстнымъ фарсамъ не заставлялъ ее часто, слишкомъ часто играть шутовской роли. Но оставимъ въ сторонѣ эти выходки, недостойныя таланта фонъ-Визина, оставимъ также и ея скупость, не высказывающуюся ни въ чемъ, кромѣ ея словъ и взваленную на нее тоже безъ всякой нужды только для того, чтобы „смѣшнѣе было“, и тогда Бригадирша явится намъ въ своемъ настоящемъ видѣ:—это простая, до крайности простая и ограниченная, но кроткая и чрезвычайно добрая женщина; жить ей привелъ Богъ очень, очень плохо, потому что у мужа слишкомъ „крутой“ характеръ и церемониться съ ней онъ не охотникъ. Одно изъ мѣстъ, гдѣ она менѣе обезображена, 2 явленіе 4 дѣйствія (гдѣ она плачетъ и жалуется на мужа Софѣ и Добролюбову). Но фонъ-Визинъ, разумѣется, не могъ остановиться, гдѣ должно, и прилагаетъ всевозможное стараніе какъ можно больше и пѣшнѣе заставлять ее говорить глупостей, чтобъ „смѣшнѣе“ было, и достигаетъ своей цѣли такъ хорошо, что рѣдко на ней остается человѣческій образъ. Къ сожалѣнію, писатели романовъ и повѣстей до сихъ поръ еще не бросили привычки смотрѣть свысока на тѣхъ простыхъ, нищихъ духомъ людей, къ которымъ должна была бы принадлежать Бригадирша, если бъ фонъ-Визинъ утрировкой не сдѣлалъ изъ нея чучелы вмѣсто человѣка: до сихъ поръ не бросили еще привычки обращать этихъ людей въ посмѣище, до сихъ поръ еще публика, къ стыду своему, читая эти глумленія, неумѣстныя и жалкія, потѣшается вмѣстѣ съ авторомъ надъ этими лицами. Вѣдь люди въ повѣстяхъ бываютъ двухъ родовъ: умные—эти бываютъ живыми людьми, хоть слишкомъ часто бываютъ чересчуръ умны, и глупые—эти за тѣмъ и выводятся, чтобъ дѣлать и особенно говорить глупости, а не за тѣмъ, чтобъ жить, и жаль бываетъ этого бѣднаго человѣка, преданнаго незаслуженному посмѣянію; совѣстно бываетъ и за автора, который бьетъ лежачаго, и бьетъ, и трунить и глумится надъ своимъ беззащитнымъ созданіемъ и глумится почти всегда чрезвычайно пошло, такъ что роняетъ самъ себя въ вашемъ мнѣніи. Нѣтъ, господинъ „великій“ писатель, вы же и „умный“ человѣкъ, не слѣдуетъ вамъ смотрѣть на этихъ людей съ геніально-возвышенной точки остроумія, на

которую вы стараетесь взгромоздиться, не слѣдуетъ считать ихъ за паяцовъ, которые созданы на свѣтъ для потѣхи умныхъ людей, то-есть насъ съ вами: и они люди, какъ мы съ вами, и они живутъ, радуются и скорбятъ, какъ мы съ вами, и у нихъ есть умъ и душа, какъ у насъ съ вами, и много, много, можетъ быть больше, нежели въ насъ съ вами, есть въ нихъ такого, что заслуживаетъ уваженія и полного сочувствія. И повѣрьте, если уже говорить мысль до конца, что разница между вами, господинъ „умный“ человекъ, и между ними, между ихъ жизнью и вашей жизнью, даже между ихъ умомъ и вашимъ умомъ вовсе не такъ велика, какъ угодно вамъ предполагать. Посмотрите на Пикквика у Диккенса: не правда ли, что онъ очень ограниченный человекъ? А между тѣмъ кто можетъ не любить его, кто не станетъ уважать его, кто бы не посовѣтовался съ нимъ и не послушался его совѣта? Нельзя читать безъ отрад-наго чувства „Маленькой Фадетты“, „Франсуа-ле-Шампи“ и другихъ повѣстей въ этомъ родѣ величайшаго писателя нашего времени: какъ отдыхаешь въ этой прекрасной, чистой сферѣ! Каждого изъ этихъ поселянъ съ удовольствіемъ назвалъ-бы своимъ другомъ, безъ скуки прожилъ бы годы въ ихъ обществѣ и не пришло бы, кажется, ни разу въ голову, что ты выше ихъ по уму и образованію, хоть бы и въ самомъ дѣлѣ былъ много выше ихъ: а между тѣмъ не правда ли, что всѣ они (кромѣ самой Фадетты) люди ограниченные и по большей части очень и очень ограниченные? (Я не отношу къ этому разряду произведеній такихъ повѣстей, какъ Гоголева „Шинель“: ихъ довольно много, онѣ также выводятъ небогатыхъ умомъ людей не на посмѣшище, но выводятъ ихъ въ критическія тяжелыя минуты или въ бѣдственныхныхъ положеніяхъ, а я говорю о изображеніи не трагической стороны ихъ жизни (одинъ развращенный глупецъ въ состояніи потѣшаться надъ страданіемъ), а о изображеніи въ ихъ жизни свѣтлыхъ моментовъ или не слишкомъ стѣсненныхъ положеній, такихъ, которыя бы вызвали только сочувствіе, а не состраданіе).

Бригадирша по настоящему должна была бы принадлежать къ такимъ людямъ. Но фонъ-Визинъ въ такомъ видѣ не могъ изобразить ея: вѣдь ему нужны были шуточки, паяцы, карикатуры; и Бригадирша только въ меньшей части мѣсть является у него живымъ лицомъ: обыкновенно заняты они съ своимъ сыномъ, „Иванушкой“, какъ она его зоветъ, возложенною на нихъ авторомъ обязанностью говорить какія-то нескладныя нелѣпицы, которыя заставляютъ стыдиться за неразборчивость вкуса тогдашней публики. Впрочемъ и то нужно сказать, что много стыдиться намъ за нашихъ предшественниковъ читателей нечего: мы и сами не слишкомъ разборчивы: чѣмъ болѣе нескладно и нелѣпо лицо, тѣмъ смѣшнѣе намъ оно кажется; и въ нашей и даже во французской литературѣ до сихъ поръ еще основное правило для „созданія“ комическихъ характеровъ: „соли, соли, пересаливай; чѣмъ солонѣе, тѣмъ вкуснѣе“. Но порадоваться можно тому, что лучшіе теперешніе юмористическіе писатели, Гоголь и Диккенсъ, никогда не впадаютъ въ этотъ недостатокъ: ихъ можно часто упрекнуть въ идеализаціи положительной стороны жизни,

но въ утрировкѣ комическихъ лицъ—никогда. У Жоржъ-Зандъ не можетъ быть этого недостатка уже и по ея направленію.

Итакъ: совѣтникъ общее мѣсто, занятое у Мольера и другихъ (если угодно, даже у Сумарокова); Бригадиръ — живой человѣкъ, за котораго нельзя не похвалить фонъ-Визина; Бригадирша въ нѣкоторыхъ мѣстахъ комедіи также живая женщина, за концепцію которой нельзя не отдать большой чести фонъ-Визину; но въ большей части мѣстъ она выводится какою-то чучелою, которой нельзя назвать даже карикатурой, потому что на карикатурѣ есть человѣческій образъ, а фонъ-Визинъ и его не оставилъ на Бригадиршѣ.

Такими же, какъ она, уродливостями въ художественномъ отношеніи сдѣлалъ фонъ-Визинъ Ивана и Совѣтницу—или мало сказать, уродливостями въ художественномъ отношеніи—уродливостями и просто въ отношеніи къ здравому человѣческому смыслу. А между тѣмъ, по справедливому замѣчанію автора статьи Отечеств. Записокъ, онъ далъ совѣтницѣ такую роль, что часто она дѣйствуетъ какъ умная женщина (напр. когда тотчасъ догадывается, что если Бригадирша скажетъ мужу о волокитствѣ совѣтника, то разстроится и ихъ нѣжныя отношенія съ Иваномъ, потому что Бригадиръ разсорится и уйдетъ) и тутъ же заставляетъ ее говорить такія вещи, что „становится скучно и стыдно за умъ фонъ-Визина“ (слова автора статьи Отеч. Зап.).

Ни о Софѣ и Добролюбовѣ, ни о взаимной любви ихъ не буду я распространяться, потому что не стоитъ. Остается разсмотрѣть остальные волокитства, которые служатъ завязкою пьесы.

Естественно, что Иванъ, сынъ Бригадира, и Совѣтница влюблены другъ въ друга: между ними такъ много общаго, что, встрѣтившись одни среди людей вовсе на нихъ непохожихъ, не могущихъ имъ нисколько сочувствовать, людей, на которыхъ они смотрятъ какъ на полу-животныхъ, они необходимо должны были быть очарованы другъ другомъ. Кромѣ того, вся ихъ жизнь по фонъ-Визину состоитъ въ стремленіи быть французами; а французы тогда только и дѣла дѣлали, что волочились, и романы французскіе съ начала до конца были набиты однимъ волокитствомъ: нельзя же было имъ отстать отъ своихъ образцовъ; оба они только и думали о волокитствѣ.

Но и князь Вяземскій и авторъ статьи Отечеств. Записокъ замѣтили уже, что двѣ остальные страстишки въ Бригадирѣ совершенно неестественны: съ какой стати Бригадиру влюбиться въ Совѣтницу, а Совѣтнику въ Бригадиршу? Оба они люди пожилые, одинъ думаетъ о взяткахъ, другой о прежнихъ баталіяхъ, оба думаютъ о своихъ чинахъ; а расположенія влюбиться въ нихъ не можетъ быть никоимъ образомъ, вовсе они не такіе люди. Но фонъ-Визину нужно было заставить ихъ волочиться, потому что другихъ причинъ дѣйствія не могъ онъ придумать—и онъ заставилъ ихъ волочиться совершенно вопреки характеру и положенію ихъ. Конечно, можно было бы удовольствоваться и остальными двумя любовными интригами, совершенно естественными; но фонъ-Визину показалось тѣхъ двухъ интригъ мало. А главное, почему заставилъ онъ ихъ волочиться, было то, что, по

его мѣнѣю, чрезвычайно смѣшно видѣть, какъ эти почтенные господа, одинъ рубака, другой святоша, будутъ строить куры и объясняться въ любви: фонъ-Визинъ всѣмъ жертвовалъ желанью смѣшнить, не только правдоподобіемъ, которое такъ сильно страдаетъ отъ этой двойной любви, но очень часто даже и здравымъ смысломъ.

Откуда произошла эта непремѣнная обязанность комическому писателю смѣшнить и острить во что бы то ни стало, уже прежде меня сказалъ авторъ статьи Отечественныхъ Записокъ—оттуда же, откуда взята и манера выводить утрированныя одностороннія лица, которымъ другого названія нельзя дать, кромѣ названія нелѣпныхъ общихъ мѣстъ въ человѣческомъ образѣ, лица въ родѣ „скупца“, „святоши“ и т. д.—все это наслѣдство французской комедіи XVII вѣка и знаменитаго до сихъ поръ представителя ея Мольера, у котораго во всѣхъ сочиненіяхъ едва ли можно найти двѣ страницы сряду естественнаго разговора, до того все натянуто и пересолено, чтобъ выходило смѣшнѣе и чтобы „рѣзче“ выставлялись характеры. Но авторъ этой статьи не сказалъ, какимъ образомъ явилось въ самой французской комедіи правило смѣшнить во что бы то ни стало. Постараюсь сказать, какъ понимаю это.

Французская комедія XVII вѣка произошла изъ итальянскихъ комическихъ представленій, которыя часто импровизировались самими актерами по слегка только набросанному эскизу общаго хода комедіи (какъ это бываетъ и теперь въ Италіи), часто и вполне писались. У самого Мольера большая часть пьесъ или подражаніе итальянскимъ или просто переводъ итальянскихъ; а о предшественникахъ Мольера во Франціи нечего и говорить. Къ итальянскому элементу присоединилось сильное вліяніе классической Греко Римской комедіи, какъ она дошла до насъ въ передѣлкахъ Плавта и Теренція. Но итальянскій элементъ преобладалъ.

Что же такое были эти итальянскія комическія представленія? Они произошли опять изъ двухъ элементовъ: простонародныхъ комическихъ представленій, принадлежащихъ уже самому итальянскому народу (это главный элементъ) и подражанія (впрочемъ довольно слабаго) все тѣмъ же знаменитымъ Плавту и Теренцію.

Итальянскія простонародныя представленія, въ которыхъ постоянными дѣйствующими лицами до сихъ поръ остались нѣсколько типовъ—паяцовъ (Арлекинъ и т. д.) были тоже самое, что наши балаганныя представленія съ паяцами. Разница только въ томъ, что наши балаганныя представленія чужды нашей народности, грубая спекуляція, пошлы и глупы; а итальянскія представленія объ Арлекинѣ—произведеніе самого народа, и, какъ все, что производитъ народъ, имѣютъ въ Италіи значеніе и смыслъ, представляютъ чисто народные нравы, очень часто чрезвычайно живы и остроумны. Но во всякомъ случаѣ не имѣютъ они никакого притязанія на естественность: о ней нечего было имъ и думать; народъ сходилъ поохотать, а не „изучать дѣйствительность“, притязаніе, отъ котораго не можемъ оторваться мы, идя въ театръ. Потому единственная и на своемъ мѣстѣ совершенно законная цѣль ихъ была—потѣшить народъ карикатурами и скандально смѣшными приключеніями. О правдоподобіи тутъ нечего и го-

ворить: когда и въ образованномъ обществѣ соберутся нѣсколько человѣкъ и примутся, чтобъ не скучно было, рассказывать смѣшныя исторіи, вѣдь никто тутъ не думаетъ о правдоподобіи: напротивъ, чѣмъ вашъ рассказъ нелѣпѣе и смѣшнѣе, тѣмъ лучше.

Другой элементъ, изъ котораго развилась итальянская комедія и который, кромѣ этого непрямого черезъ нее, имѣлъ на французскую комедію и прямое вліяніе, это древняя комедія. Она тоже наводнена фарсѣрствомъ, которое въ ней уже неизвинительно при ея высокихъ притязаніяхъ, и нелѣпѣйшимъ остроуміемъ, передъ которымъ блѣднѣютъ глупѣйшіе нѣмецкіе witz'ы, вицы. Въ древней комедіи этотъ элементъ долженъ былъ развиваться такимъ образомъ:

Аристофанова комедія и вся древняя Аѳинская комедія была чисто политическая комедія на извѣстное лицо и на извѣстный случай (вспомнимъ, что и давалась она одинъ разъ). Цѣль ея, единственная цѣль ея была — выставить смѣшную, глупую, вредную сторону этого лица или этой вещи, чтобъ уронить ихъ черезъ то въ общественномъ мнѣніи. Она была тоже самое, что политическія карикатуры въ *Journal pour rire*, *Punch* и т. п., гдѣ не въ томъ дѣло, чтобы вещь была естественна, чтобы лицо было изображено такимъ, какимъ человѣческое лицо можетъ быть въ дѣйствительности, а въ томъ, чтобы представить какъ можно смѣшнѣе, какъ можно глупѣе то, что нужно поразить. Потомъ политика была изгнана изъ Аѳинской комедіи, а творчество между тѣмъ изсякло, рутина преобладала, да если бы новые комики были и очень даровитые люди, то Аристофанъ былъ не такой человѣкъ стѣ вліянія котораго можно было бы ускользнуть послѣдующимъ писателямъ въ его родѣ: а новые комики не были гении и не имъ было освободиться отъ его подавляющей гениальности. И вотъ они подражали Аристофану во всемъ, въ чемъ могли подражать. Что же вышло у нихъ? Живой современный интересъ комедіи пропалъ; мѣткость карикатуры, по которой всякій, взглянувши на актера, кричалъ: „это Сократъ!“ „это Клеонъ!“ „это Ламахъ“ — исчезла, потому что новая комедія должна была отказаться отъ возможности изображать отдѣльныя лица, какъ изображала древняя; смѣлость, которая нужна была для того, чтобы вывести на сцену какого-нибудь Клеона, стала ненужна, исчезло и одушевленіе автора отъ этой смѣлости; патриотизму, проникавшему Аристофана, дѣлать тутъ было нечего; изъ всего, что было въ древней комедіи, новая комедія могла подражать только ея площадности, ея неблагопристойности, ея стремленію представить все въ утрированной карикатурѣ. Такъ для нея исчезло все содержаніе Аристофановой комедіи, осталась одна ея форма — она и схватилась съ жадностью за ея форму, не разбирая того, годится ли сколько-нибудь эта форма для нея, у которой совѣмъ другія притязанія и совѣмъ другое содержаніе. Хороша же должна была выйти новзя комедія!

Но еще лучше стала она у Римлянъ, отъ которыхъ отъ однихъ и дошли до насъ комедіи послѣ — Аристофановскія: у Грековъ карикатуры новой комедіи, провозглашавшія себя „характерами, вѣрными дѣйствительности“, были взяты по крайней мѣрѣ изъ греческой же жизни; а у Римлянъ и комедія (по крайней мѣрѣ та, которая дошла до насъ), какъ вся поэтиче-

ская сторона ихъ литературы, не имѣла ровно никакого отношенія къ ихъ собственной народности, была рабскимъ подражаніемъ тому, что было написано Греками. И если Греки могли еще интересоваться сколько-нибудь, напоминаютъ ли о своихъ подлинникахъ карикатуры, выводимыя ихъ новою комедіею подъ именемъ гетеръ, леноновъ, старыхъ развратниковъ и т. п., то у Римлянъ конечно и этой заботы не было (живой примѣръ наши водевили, передѣльваемые съ французскаго: думаютъ ли тѣ люди, которые хохочутъ надъ ними, о сходствѣ типовъ и нравовъ съ дѣйствительностью или о чемъ-нибудь подобномъ?). Греки еще должны были сколько-нибудь думать о содержаніи; для Римлянъ его уже рѣшительно не существовало. И остались для Римлянъ въ комедіи однѣ пошлости, скандалѣзности, площадныя остроты и фарсы.

Всѣ эти драгоцѣнности перенесли цѣликомъ изъ итальяно-римской комедіи во французскую Мольеръ и его предшественники. Для нихъ въ итальянской комедіи понятны и занимательны были только ея шуточки, скандалѣзности, фарсѣрство, а не нравы; въ римской комедіи кромѣ фарсѣрства и остроумничанья и для Римлянъ ничего не было.

Отсюда и по моему мнѣнію это жалкое стремленіе къ пошлomu и неумѣстному остроумію у фонъ-Визина. Но не только отсюда, какъ повидимому думаютъ многіе.

Вкусъ у самого фонъ-Визина не былъ слишкомъ разборчивъ на то, умѣстны ли остроты, или неумѣстны, удачны ли онѣ или неудачны. Чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ прочесть его мелкія юмористическія статьи, хоть напр. его Придворную грамматику, гдѣ на одну удачную остроту

(Вопросъ. Что разумѣешь ты черезъ гласныхъ?)

Отвѣтъ. Черезъ гласныхъ разумѣю тѣхъ сильныхъ вельможъ, кои по большей части самымъ простымъ звукомъ, чрезъ одно отверстіе рта производятъ уже въ безгласныхъ то дѣйствіе, какое имъ угодно . . .

Вопр. Что есть полубояринъ?

Отвѣтъ. Полубояринъ есть тотъ, который уже вышелъ изъ безгласныхъ, но не попалъ еще въ гласные; или, иначе сказать, тотъ, который передъ гласными хотя еще безгласный, но передъ безгласными уже гласный . . .)

приходится по крайней мѣрѣ 20 натянутыхъ и вовсе не острыхъ; впрочемъ если кому вздумается назвать вялою и приведенную мною остроту, я много спорить не буду.

„Лисица-Кознодѣй, басня“ — чрезвычайно вяло и задумана и выполнена; остроты нѣтъ ни капли. Письмо Взяткина къ Его Превосходительству и отвѣтъ на это письмо Его Превосходительства остроуміе, но пересолены до нельзя и наполнены такими вещами, которыя вовсе не остроумны. Такую же неразборчивость и утрировку въ выборѣ остротъ видимъ и въ „Поученіи на Духовъ день“: фонъ-Визину мало было написать его такъ, чтобы оставалась хоть какая-нибудь вѣроятность, что оно могло быть произнесено въ церкви; онъ утрируетъ до того основную мысль, наполняетъ

его такими выходками, что не понимаешь, зачѣмъ написано это поученіе? А между тѣмъ фонъ-Визинъ имѣлъ кажется серьезно ту цѣль, чтобы показать, какъ нужно писать для поселянъ. А какъ мало удачнаго въ сравненіи съ неудачнымъ и неестественнымъ въ статьяхъ, присланныхъ отъ Стародума, напр. хоть въ двухъ письмахъ отъ Дѣдиловскаго помѣщика Дурыкина и въ отвѣтѣ на нихъ Стародума и „Университетскаго Профессора“, какъ неостроумно и неправдоподобно они написаны! беру первое, что попалось подъ глаза изъ отвѣта Университетскаго Профессора о томъ, какіе кандидаты нашлись на мѣсто учителя у Дурыкина:

... „Представился мнѣ еще одинъ молодой человѣкъ 22 лѣтъ; поучень изрядно. Я оставилъ его у себя обѣдать и нахожу, что жретъ безъ милосердія. Онъ требуетъ, кромѣ обѣда и ужина, чтобъ данъ былъ ему добрый завтракъ, а не меньше и полдникъ, также чтобы и предлагаемая порція пива была удвоена.

„Господинъ Кераксинъ желаетъ также быть учителемъ, просить 250 рублей въ годъ. Онъ знаетъ по-гречески, по-еврейски, но не знаетъ по-русски, что кажется для дѣтей Его Превосходительства и не нужно. Нынѣ, къ сожалѣнію, многіе изъ русскихъ дворянъ хотятъ дѣтей своихъ учить по-русски; но поистинѣ, охота сія есть одна пустая затѣя; ибо самъ Г. Дурыкинъ грамотою ли дослужился до титула Его Превосходительства“ . . . . . (стр. 538 Смирд. изданія). Есть ли тутъ что-нибудь, кромѣ плоскости, невообразимо пошлой плоскости, кромѣ самаго ничтожнѣйшаго общаго мѣста? Неужели это не реторическое распространеніе на заданную тему, которое несносно бываетъ и въ серьезномъ тонѣ, а еще въдесятеро непріятнѣе дѣйствуетъ на читателя, когда выдаютъ его за юморъ?

То же самое, только съ болѣею еще примѣсю неестественности, повторяется въ разговорѣ у княгини Халдиной, гдѣ, кромѣ всего этого, Сорванцовъ говоритъ вещи, до того несообразныя другъ съ другомъ, что онѣ не могутъ выйти изъ устъ одного человѣка; жизнь свою описываетъ онъ такъ, какъ не могъ никогда описывать (еслибъ не было подписано, что говорить Сорванцовъ, подумалъ бы, что это принялся отдѣлывать его Стародумъ); разговоръ слѣпленъ очень плохо и очень вялъ; къ довершенію всего, какъ только входитъ Здравомысль и начинаетъ говорить о введеніи преподаванія „Политической науки“ и т. п., Сорванцовъ съ книжницей принимаются поддакивать ему: съ чѣмъ это сообразно и для чего даже нужно это фонъ-Визину?

То же самое и въ „Наставленіи дяди своему племяннику“ — вездѣ говорящій говоритъ о себѣ такъ, какъ не могъ говорить и постоянно вслѣдъ за фразою, которая показываетъ въ немъ хитраго и негоднаго мошенника, отпускаетъ отъ глубины души Стародумовскую аксіому.

Но если стремленіе къ неумѣстнымъ остроумамъ и фарсамъ много (мнѣ кажется, главнымъ образомъ) принадлежитъ личности фонъ-Визина, то, я думаю, одной только мольеровской комедіи одолженъ онъ тѣмъ, что считалъ непременно нужнымъ главною пружиною дѣйствія сдѣлать любовную интригу, несмотря на всю ея неумѣстность въ Бригадирѣ (авторъ статьи Отеч. Записокъ хорошо доказалъ, что любовь была бы въ Бригадирѣ во всякомъ

случаѣ самую плохую и слабою пружиною дѣйствія, потому что лица въ Бригадирѣ, кромѣ Совѣтницы и Ивана, выводятся такія, для которыхъ любовь совершеннѣйшіе пустяки, нисколько ихъ не интересующіе, которые нисколько не могутъ расшевелить ихъ натуры): ни одна Мольерова комедія не обходится безъ любовника, любовницы и прочаго снадобья, нужны ли они или нѣтъ. Какимъ же образомъ явилось во французской комедіи непремѣннымъ правиломъ, чтобы завязкою комедіи была любовь, клеится ли она къ лицамъ, или не клеится? Мнѣ кажется, это правило явилось путемъ, почти одинаковымъ съ тѣмъ, которымъ развилась аксіома, что основная стихія комедіи — шутка во что бы то ни стало.

Въ Греческомъ обществѣ, какъ теперь на Востокѣ, мужчина проводилъ свое время внѣ дома; и тамъ и здѣсь это происходило отъ унижительнаго положенія женщины въ семействѣ: въ Греціи женщина жила въ гинекеѣ, какъ на Востокѣ живетъ въ гаремѣ, была чужда образованія, считалась не болѣе какъ нянькою дѣтей своего мужа, значенія въ глазахъ мужа имѣла очень мало. Жена не была собесѣдницею мужа; молодежь не знала своихъ сестеръ, не только другихъ дѣвицъ. А женское общество для Грека было потребностью ужъ и по стремленію его окружать себя физическою красотой — онъ и нашелъ женское общество въ кругу гетеръ. Какъ Турки и Арабы проводятъ все свое время съ утра до ночи въ кофейныхъ, такъ Грекъ проводилъ его въ кругу гетеръ. А отношенія къ гетерамъ должны были быть всегда одного рода — любовь, развратъ, назовите это какъ угодно, но одно это и составляло частную жизнь Грека. Когда комедія вмѣсто политической жизни должна была изображать частную, она должна была взяться за эти отношенія, потому что кромѣ ихъ у Грека ничего не было; потому она постоянно вращается въ кругу гетеръ, содержаніемъ ея должны были быть непремѣнно любовныя интриги и однѣ только онѣ.

Другой источникъ французской комедіи — итальянская комедія, частью была тоже подражаніемъ древней. Да и другой элементъ, лежащій въ основаніи итальянской комедіи, — простонародныя итальянскія представленія были основаны всегда на любви, потому что въ итальянской жизни она играла важную роль и, главное, потому что простой народъ вездѣ любитъ въ юморѣ больше всего скандальность похожденій, цинизмъ шутокъ; а для скандальности и цинизма самое лучшее приволье — отношенія между различными полами и рассказы о любовныхъ приключеніяхъ. Это содержаніе итальянской комедіи пришлось очень по вкусу французамъ XVII вѣка, которые только и думали о волокитствѣ.

Теперь я долженъ былъ бы подробно разобрать ходъ Бригадира. Но это уже хорошо исполнено авторомъ статьи Отеч. Записокъ; такъ я долженъ только сказать, что совершенно согласенъ съ его выводами: ходъ пьесы несвязенъ, произволенъ, прерывается ненужными отступленіями на каждомъ шагѣ. Впрочемъ я не ставлю этого слишкомъ большимъ недостаткомъ: очень часто основная идея художественнаго произведенія можетъ быть выполнена просто рядомъ отдѣльныхъ сценъ или отдѣльныхъ картинъ; что за нужда, вытекаетъ ли одна сцена изъ другой, если все онѣ вытекаютъ изъ идеи

произведенія? а идея можетъ потребовать для своего осуществленія нѣсколькихъ событій, идущихъ параллельно безъ большой связи другъ съ другомъ.

Теперь хотѣлъ бы я просмотрѣть всю комедію, слѣдя за подробностями, но это показалось бы вѣроятно слишкомъ утомительнымъ, такъ что я рѣшаюсь не представлять этого разбора, а только сообщить его результаты. Я зналъ, что хорошихъ и естественныхъ подробностей наберется мало у фонъ-Визина, общихъ мѣстъ и натянутыхъ остротъ — бездна. Я попробовалъ сосчитать, сколько именно; и вышло, что у фонъ-Визина въ Бригадирѣ приходится на каждыя 11 страницъ:

хорошаго одна страница;

очень посредственнаго, такого, для чего не нужно ни ума. ни таланта, пять страницъ;

невыносимо дурныхъ общихъ мѣстъ и шутокъ тоже пять страницъ.

Итакъ одна страница хорошаго, разведенная въ 10 страницахъ пустого или дурного! Влейте стаканъ уксуса въ 10 стакановъ воды и отвѣдайте: едва, едва услышите кисловатость. А между тѣмъ я считалъ за хорошее все, что можно было набрать не совсѣмъ дурного. И потомъ — это хорошее нужно отбирать по три, четыре строки между несносными мѣстами, такъ что еще не успѣетъ оно произвести на васъ при чтеніи никакого впечатлѣнія, какъ это впечатлѣніе уже подавляется противоположнымъ впечатлѣніемъ.

ОПЫТЪ СЛОВАРЯ

къ

ИПАТЬЕВСКОЙ ЛѢТОПИСИ *).

Изъ 7-го выпуска II-го тома Прибавленій къ Извѣстіямъ Второго
Отдѣленія Академіи Наукъ.

Аб-иѹ.

Августъ.

Агп-я.

Адъ.

Аерь 154,32 рет. зѳиръ.

Актазъ. 165,24 да ему конь свой борзый *актазъ*—собственное или (ско-
рѣе) нарицательное?

*) 1. Изъ настоящаго словаря исключены имена собственные, потому что Архео-
графическая Коммиссія готовитъ общій указатель собственныхъ именъ ко всѣмъ
лѣтописямъ.

2. Изъ словъ нарицательныхъ въ него вошли только имена существительныя,
прилагательныя и глаголы съ производными отъ нихъ нарѣчіями. Частицы и мѣсто-
именія войдутъ въ особенный списокъ.

3. Словарь расположенъ по этимологическому порядку; слова расположены подъ
корнями по степени простоты своего производства и по близости значенія. Слова слож-
ныя изъ двухъ знаменательныхъ словъ (Begriffswörter) помѣщены подъ первымъ изъ
корней, входящихъ въ ихъ составъ.

4. Большія цифры означаютъ страницу; мелкія, отдѣленные отъ нихъ запятою,
строку. Буква послѣ крупной цифры, означающей страницу, отдѣленная отъ нея запя-
тою, указываетъ на вариантъ. Въ счетъ строкъ не приняты курсивомъ напечатанныя
замѣчанія издателя; такъ на 1-й страницѣ 1-ю строкою считаю я „Въ лѣто 6619. Вложи
Богъ“.... Но строки точекъ, означающія пробѣлы въ спискахъ, приняты въ счетъ; такъ
на страницѣ 48-й строку: „....глаголю ему“... и т. д. считаю я 2-ю строкою.

5. Если цифры стоятъ прямо послѣ слова, это значитъ, что выставлены *всѣ* мѣста
въ которыхъ попадаетъ слово (напр. законъ 5, 13, 17, 26, 30, 4_ и т. д. — выставлены
всѣ мѣста, въ которыхъ попадаетъ слово *законъ*).

Алѣк-ати быть голодну.—Алѣчньи голодньи.

Алумниада, см. Олимпіада.

Аминѣ, аминѣ.

Ангель.—Ангельскыи.

Антихристъ.

Аньхимаьдритѣ, см. Архимаьдритѣ.

Апостоль.

Априль.

Араматѣ род. множ.

Архангелѣ.—Архангеловѣ.

Архиенископѣ, арцибискоупѣ, арципискоупѣ (Венгерскій).

Архиереи.

Архимаьдритѣ, аньхимаьдритѣ 107,25. 126.16. 128,32. 152,12.

Архистратигѣ.

Аспидьньи? 111,33 аспидньи цятами украшена церковь.

Ачетѣваитаиксовѣ 25,4. Слова эти отмѣчены въ изданіи какѣ испорченныя. Но ясно, что смысл ихѣ, испорченны они, или нѣтъ, тотѣ же самый, какой имѣетѣ фраза, ихѣ замѣняющая въ Х. и Е. *„если вамѣ та дума будетѣ къ собѣ“*—если бѣ у васѣ и случилось какое-нибудь секретное дѣло (не скрывайте его отѣ мужа моего Къстяжка). Ихѣ можно позволить себѣ читать такѣ; аче (аще, если) тѣ (ти, союзъ непереводимый, употребляемый въ рѣчи, обращенной къ кому-нибудь) ва (вама, двойств. число, дат. над.) и (союзъ) тай (тайно, нарѣчіе; сравн. отай, потай) къ собѣ: *„аче тѣ ва и тай къ собѣ“*,—если вамѣ и по секрету между собою (что-нибудь случится говорить). *Ачети* или *ачетѣ* попадаетѣся вѣроятно много разѣ; у издателя отмѣчено въ вариантахѣ 55, ч.

6. Изѣ сокращеній нуждаются въ объясненіи только:

ЦС.—Церковно-Славянское (обыкновенное библейское) слово;

рет.—реторически составленное или употребительное слово.

Когда мое мнѣніе только предположеніе, я ставлю эти отмѣтки съ вопросительнымъ знакомъ: ЦС?; рет.?

Отмѣчая такимъ образомъ слова, я говорю только, что употребленіе ихѣ въ *Ипатьевской лѣтописи* заставляетѣ считать ихѣ принадлежащими не народному Русскому, а Церковно-Славянскому или реторически-книжному языку; но очень можетѣ быть, что въ другихъ памятникахъ древней Русской письменности найдутѣся мѣста, доказывающіи противное: я не утверждаю рѣшительно, а только обращаю на нихъ вниманіе въ этомъ отношеніи.

7. Я ставлю вопросительный знакъ послѣ тѣхъ словъ, значенія которыхъ нельзя объяснить изѣ одной Ипат. лѣтописи. (Напр. *кобѣ* 201, 34 ворожба?; *коярѣ* 187,10 кони въ коярѣхъ кожаныхъ?).

8. Оставляя орфографію изданія въ выпискахъ изѣ лѣтописи, я восстанавливаю по мѣрѣ возможности древнее русское правописаніе (вмѣсто правописанія XIII—XIV вѣка находимаго въ Ипат. спискѣ) въ выставяемой мною первообразной формѣ слова. Одного я не рѣшился дѣлать, по недостаточности матеріаловъ: восстанавливать ѣ вм. е послѣ согласной; конечно ѣ въ этомъ случаѣ русское нарѣчіе употребили гораздо чаще, нежели Церковно-Славянское; не будучи въ состояніи восстановить ѣ во всѣхъ словахъ, я рѣшился оставить вездѣ послѣ согласной простое е. Поэтому же пишу я напр. епископѣ, не зная, епископ или епископ произносили это слово въ XII вѣкѣ.

Бав-а.—Бабинъ.

Бав—избавити, см. быти.

Баг-рянии.—Багряниця.

Бан-я.

Баскакъ 191,34.

Бат-я 89,23. *Романъ Ростиславичъ посылаетъ попа своего къ Изяславу река тако: отдаваетъ ти батя Черниговъ.*

Батогъ 119,2. *батогъ божій*—наказаніе.

Берегъ.—Бережистъ 123,37 *ръка бережиста, твердо текущи*—круто-берегая.

(Берег) бережи, небережи 17,21. 145,5.29 *Новгорода не березита* 17,21 на Новгородъ не обращайтесь вниманія, не берите его (его предлагаютъ имъ).—Невъзъберечи 31,30.32 *невъзъберегоша цѣловати хреста.*

Берладъникъ? 84,1 *и придоша къ нему* (изгнанному князю, замышляющему возвратить отчину свою) *Половци мнози и берладника у него скуписи* 6,000.

Бесоурменинъ 128,38. 129,14 (у Кончака Половецкаго въ войскѣ, искусникъ, умѣющій стрѣлять живымъ огнемъ—) басурманъ.

Би-ти битъ, убивать; 168,19 вмѣсто *битися*—сражаться; разбивать (стѣны города).—Битися сражаться; *битися о рѣку*—сражаться (стрѣлятися) черезъ рѣку.—Възъбити отбить назадъ нападающихъ (на городъ).—Выбити 178,1. 214,24 *выбити кого изъ городовъ*—выгнать вооруженною рукою, отнять у него города.—Изъбити—убить, перебить (обыкновенно многихъ; см. *оубити*).—Изъбитися 202,36 перебить другъ-другу.—Избитіе 165,28. 212,5 рѣзня.—Отъбитися.—Побити; *кубки*—перебить ихъ для перечекилки въ монету.—Оубити (обыкновенно одного; см. *изъбити*).—Оубиеніе.—Оубитіе 201,36. 202,5.11. 204,22 убійство.—Оубиство; *Игорево убиство*—то, что Игорь убить.—Оубицѣя.—Било 126,21 въ Печерскомъ монастырѣ—доска, употребляемая вмѣсто колокола?—П. Бой.—Побойще 175,35 *Батыево*—побойще, бой.—Розвъбойникъ 33,31. 151,18. ЦС?

(Бид) обида см. (бѣд).

Билинчя 142,11 въ изданіи написано большою буквою, и можетъ быть въ самомъ дѣлѣ собственное имя какого-нибудь Чернаго Клобука (едва ли однако): Половцамъ, прѣѣхавшимъ „мира дѣля“ и требующимъ, чтобы Русскіе князья переѣхали къ нимъ на другую сторону Днѣпра, отвѣчаютъ, что они сами должны переѣхать на Русскую сторону (князь-ямъ ѣхать къ нимъ безчестно) и часть Половцевъ, Бурчевичи, *не хотѣе дати билинча, и не ѣхаша; бѣша бо у нихъ колодници отъ Черныхъ Клобукъ, и ѣхаша прочь.* Вост.?

Биричъ 40,7 глашатай, бирючь.

Бисеръ 196,32 *украси иконы бисеромъ златымъ.*

Благыи см. (блог).

Блаз-нитися 92,20 *намъ ся о нь не блазнити*—не сомнѣваться въ немъ, не подозрѣвать его.—Облазнити 124,39 *прошибитися, сбитися съ дороги.*—Облазнъ 145,10 *дати волость молодѣющему въ облазнъ передъ*

старѣйшимъ—такъ что изъ этого выходитъ соблазнъ, неудовольствіе, оскорбленіе.

Блещатися см. (блъск).

Близъ 1, (предлогъ) близъ; 2, (нарѣчіе) близко; *якоже быша близъ себе* 73,29 когда сблизились (войска).—Ближе.—Ближъшии.—Приблизитися.

Блистатися см. (блъск).

Блоуд-ити 1, плутать, блуждать 2, прелюбодѣйствовать; *вожемъ блудящимъ я* 186,29 дѣйств.—заводить не туда, куда должно вести.—Изъблоудити 102,3 *всю ночь* проблуждать, проплутать.—Заблужение 219 20.—Блоудъ.—Блоудънии 113,41 ЦС? заблудившійся.—Блоудъница 151,18 ЦС? II. Блядение 184,32 болтовня, пустословіе. (Блъск) влистатися 171,29 187,11 блестятъ.—Блистание 128,29 блескъ (молніи).—Блещатися 196,28 блестятъ.

(Блюд) влюсти хранить; напр. 33,8 плѣннаго, чтобъ не ушолъ; *хрестыанъ* 38,22 жалѣтъ, щадить, чтобы не погибли отъ войны; *блосты, абы ся не снялъ* 62,18 сторожить, чтобъ не соединился (съ кѣмъ); *блосты Переяславля* 103,29 бояться, опасаться за П., чтобъ его не взялъ непріятель.—Блюстися бояться, остерегаться кого.—Съблюсти беречь, щадить (=блосты) напр. *землю Русскую* жалѣтъ т.-е. избѣгать междоусобицъ.—Съблюденіе 153,13. 27 рет.—Оублюсти 11,28.—Оублюстися 124,8. 145,37 *ублюдъся теплыни*—побоявшись оттепели.

Блюд-о 219.5.

Бовръ 180,31. 207,37.—Бобровыи (бобровые в. мн.) 180,28.

Богъ; *како Богъ дастъ, како Богъ разсудитъ* отвѣтъ непріятелю передъ битвою=„я рѣшаюсь на битву“; *передъ Богомъ не что учинити* 74,26—противъ Вожьей воли нечего дѣлать=что дѣлать? такъ Богу было угодно; *Боже мя избави*—я не хочу, не рѣшусь ни въ какомъ случаѣ.—Богонабѣдимыи, въ Х. Богосънабѣдимыи 152,11. 153,21 о комъ печется, кого любить Богъ рет.—Богобоязливыи 119,32. 135,27 рет.—Богобойныи Ип. 135, м., вм. *богобоязливый* рет.—Богоизъволеныи 153,26 пріятны Богу? рет.—Боголюбъць 154,23 любящій Бога; рет.—Боголюбивыи.—Богомиръныи 154,20 рет.—Богомоудрыи 153,3. 24. 154,13 рет.—Богомоудръство 154,33 рет.—Богоотъць.—Богопріятныи 152,32 рет.—Богородиця.—Богословъць 102,29 богословъ ЦС.—Богостоудъныи 121,40. 139,12 бо-гомерзкій рет.—Богонечъстивыи 181,9 рет.—Богоявление.—Божии.—Божьствъныи *ревнивъ по божественнымъ* 79,23 горячій защитникъ церкви.—Безъбожьныи эпитетъ Половцевъ и Татаръ.—Божьнѣка церковь или часовня.—Божьница=божьнѣка.—II. Оубогныи.—Оубожити 103,9 рет.?—Оубожьство 166,2 рет.?—III. Богатыи.—Богатити 103,10 рет.—Богатьство.—Въсебогатьство.—Обогатитися 93,11.—Обогатѣние 222,8 рет.

Богатырь 180,37 начальникъ отряда у Татаръ.

(Бод)бости ткнуть, ранить (копьемъ или мечемъ).—Оубости 158,23 *оубоденъ* убить (копьемъ или мечемъ).—Востися 186,7 сражаться.—

Въбости напр. *въ городъ*—оттѣснить назадъ сдѣлавшихъ вылазку.—
Побости ранить.—Побадыватися 210,4 *побадыватися кони* сра-
жаться.—Пробости 191,23 проколоть.—Събости *съ коня* сбить копьемъ
(или мечемъ) съ коня.

Бой см. битися.

(Бои).—Воятися.—Оубоятися.—Боязнь.

Бокъ.—Бочьныи боковой.

Болъти быть нездорову.—Розъболѣтися.—Больныи.—Болѣзнь.—
Болѣсть=болѣзнь.

Бол-ии бѣльшій.—Боле бѣльше.—Больма и больми больше.—Болише
163,25 больше.—Прѣболе гораздо больше рет. 154,17.

(Болог)влаги ЦС? какъ и слѣд. сложныя.—Прѣблагии.—Благово-
волити.—Благовоньныи.—Благовѣрьныи, благовѣрьнии.—
Благовѣрию.—Благовѣщение.—Благодать.—Благодарити.—
Благодарение.—Благодѣяние рет? 154,4.—Благолюбивни,
благлюбьныи рет.?—Благоправьныи.—Благосрьдныи 123,39
рет.?—Благословляти, благословяти.—Благословлятися, благо-
словлятися получить благословение.—Благословление, благосло-
вление *положиша тѣло его въ отни ему благословленіи* нп. 94,31.
151,3 въ церкви, которою благословилъ его отецъ, которую наслѣдо-
валъ онъ отъ отца.—Благооумьныи рет.—Благооухание.—Благо-
оуханьныи.—Благохвальныи и благопохвальныи рет.—Благоч-
стивныи.—Блажити *прозваша и Сварогомъ и блажиша и Елуптяне*
5,19 ублажали, причли къ богамъ? или просто „хвалили“? „блажилъ“
и Патріархъ Нифонта 79,27 и къ святымъ причиталъ его.—Бла-
женныи эпитетъ епископовъ и покойниковъ (внзай).—Прѣблаженныи.—
Блаженство.

Боло-ние низменное мѣсто (но не всегда поемное?), дугъ, займище: на бо-
лоньи растутъ лозы 89,39; наводнение затопляетъ его 92,37; на болоньи
въ Кіевѣ построены дворы 96,22.—Болото.

Бороти см. бр—II.

Боръ; полки идутъ какъ *борове велиции* 2,21.—Борькъ 24,2. 89,5. 99,38
лѣсокъ.

Бород-а.—Бородьныи 219,27.40 *челюсть бородная*—нижняя.—Боро-
датыи 61,17 *азъ уже бородатъ*—я уже взрослый мужчина.

Бороздо см. бръзны.

Борс-оуковыи 180,29.—Воръсоуковъ дѣль 175,29.

Бос-ныи.

Бояр-инъ.—Боярьскыи *сынове боярьстии* 46,4 (кажется) сыновья бояръ;
но 210,15 *дворный его слуга, любимый сынъ боярьскыи*.—Боярыни.

(Бр)I. А, врати 5,1.—Изъбрати.—Изъбраникъ.—Перебрати *дружину*
у братья взять у нихъ на помощь въ походъ.—Перебратися 130,32.
141,9.—Побрати 194,4 *на комъ данъ*.—Поборъ 215,30 *Далъ есми*
княгини своей городъ свой и съ данью, а поборомъ и татарычиною
по князю—государственныя подати?—Събрати.—Събратися.—Съборъ
об. соборъ святителей; *сборъ народа* 6,7 собраніе.—Съборьныи *сборная*

- церкви*—соборная.—Съборьникъ.—В, заборола, забрала (мнж.) 6,19. 84,4. 132,38. 168,21. 24. 34. 38. 199,10. 19. 207,25. 210,1. 2. 4. 5. 226,10.—С, Бракъ 125,31. 136,28 сватба, брачное торжество.—Брачъный 199,39.—D, Брашно.—П. Бороти сражаться; *самострѣлы* (твор.) стрѣлять изъ самострѣловъ.—Боротися сражаться.—Боръць 59,5 воинъ.—Поборъникъ.—В, Боронити оборонять, защищать; б. *чего* останавливать отъ чего, совѣтовать, чтобы не дѣлали.—Възъборонити, възъбранити *отъ чего* совѣтовать, чтобы не дѣлали.—Брань война; битва.—Бранъный 192,29 *мужъ* рет. воинъ.—Броня, или мнж. бронѣ ип. 83,12 (на одномъ).
- Братъ, братия.—Братънии.—Братолюбъць.—Братолюбине.—Братоубиство.—Братъство.—Братоучадине, братоучадо 170,21. 27. 30 племянникъ отъ брата.—Братоучада 185,34 племянница отъ брата.—Братанъ 78,18. 93,4 такъ въ изданіи по Ип. 78,18. Братънь, Хл. (ошибочно) братъ—племянникъ отъ брата.—Братанъна 121,31 племянница отъ брата.—Братъщина 83,10 *начаша Ростислава звати у братъщину къ святой Богородици къ старей, на Петровъ день*—пирушка вѣхъ прихожанъ въ складчину по праздникамъ.
- (Бред) въврести въ *рѣку*, чтобы перейти ее въ бродъ.—Перебрести перейти въ бродъ рѣку.—Вродитися итти въ бродъ.—Перебродитися.—Бродъ, бродове.
- Брени...ць 29,1 *тысячу брени...ць дружины Ылозерское*; въ Ип. дополнено бренидьецъ? Хл. бернистьецъ? Карамз. направляетъ бронникъ, съ чѣмъ нельзя согласиться.
- Бретьяница 26,30. 27,10 въ бр-ахъ медъ; сравн. братыня Обл. Слов.; и братина (Сарат. губ.) чашка большая съ накладною крышкою: „кадка съ покрышкою“?
- Бродъ см. бредъ—.
- (Броус) оуброусъць 95,37 платокъ.
- Бръз-ни об. конь. У Тройдена *бяхуть братья борза* 204,31 *бяхуть же живущие во св. крещеніи, ... въ кротости и во смиреніи „дѣятельные, предприимчивые“*? или просто „прекрасные“ въ противоположность „проклятому“ Тройдену?—Въбръзѣ, набръзѣ *пхати, попхати*—наскоро, торопясь.—Бръзость коньская.—Вороздо 104,9 *несвѣдущимъ поезда князя своею бороздо*—въбръзѣ?
- Бръковскъ 27,11 „500 *берковсково меду*“?
- Бръгъ см. берегъ.
- Боувнь 63,10. 12. 67,8 *бити въ полку въ бубны*—барабанъ?
- Боуди предл. ед. 115,11 *вложимы и (убитаго князя) любо си въ буди, —любо си въ гробъ?*
- Бодити см. бѣдѣти.
- Боуѣсть *младѣства ради и буести (избытокъ силъ, здоровья) не чюли: ранъ* 164,29.
- Боур-я.
- (Бѣд)възъвъноути 79,22. 143,34 проснуться.—Бодити 65,12.—Бѣдрый 134,15 смѣлый, рьяный.—Набѣдѣти *церкви, нищая пещи*сь о нихъ,

давать имъ подаваніе.—Побѣдѣти 76,3 *дати чимъ побѣдѣти свѣчу и просфору его*—дать въ церковь вкладъ, чтобы служили по комъ панихиды и поминали на обѣднѣ.

Быти.—Бытіе.—Небытіе.—Побыти погостить, побыть.—Прѣбыти, перебыти пробывать, прожить.—Прибыти 55,28.—Събытіе.—Събытіе 154,12 исполненіе (пророчества) ретор.—Оубываніе 90,15 *луны*—уменьшеніе при затмѣніи.—Добыти—добыть, получить; *головую чего* (нп. *Кіева*) съ опасностью жизни, т.-е. вооруженною рукою овладѣть чѣмъ. *Добылъ есми стрѣя своего и твоего Кыевъ тебе дѣля* 58,19 добился союза съ нимъ, привлечь на свою сторону.—Добытъкъ 1, добыча 2, имущество.—Забыти.—Незабытно 155,5 рет. Ип. *незабыти*.—Изъбыти 102,30. 131,41. 133,1 *уцѣлѣть*; но 102,30 *сель избыши*—лишились.—Изъбыть сущ. 178,1 *остатокъ*.—II. Избавити *боже мя избави*—я не хочу.—Изъбавитися.—Изъбавленіе.—Изъбавникъ 197,24 *избавитель* рет.

(Бѣг) бѣжати *передъ кѣмъ*—отъ кого; *чего* 149,31 *уклоняться* отъ чего; *бѣжати любви чей* 149,31 *уклоняться* отъ союза съ кѣмъ.—Бѣгъ *бѣгу ятися*—обратиться въ бѣгство.—Въбѣжати *въ городъ* убѣжать въ него, успѣть спастись въ городъ.—Възъбѣжати *въбѣжать* (куда); но 191,20 *побѣжать*, обратиться въ бѣгство.—Выбѣжати *бѣжать* (нп. *изъ города*).—Забѣжати 200,10.—Изъбѣжати=выбѣжати.—Изъбѣжати 203,12 *избѣгли бо ся бяху въ градъ* убѣжали.—Обѣжати 7,1 *смерти*—стараться избѣгнуть.—Отъбѣжати 158,26 *хоругви свое*—потерять ее.—Перебѣжати.—Побѣжати.—Прибѣжати.—Прибѣжище.—Пробѣжати.—Розъбѣжати.—Събѣжати 62,3 *съ конь*—соскочить съ лошадей.—Събѣжати.—Оубѣжати.

(Бѣд) I. А, Бѣда бѣда, несчастье.—Бѣдовати 153,19—бѣдствовать рет.—В, Побѣдити.—Побѣда.—Побѣдныи *внѣсь пріяти*—о мученикахъ и убитыхъ за отечество.—С, Оубѣдити *дары* (твор.)—подарками склонить; *завистью оубѣженъ* 167,25 *движимый завистью*.—II. Обидѣти; *обижаютъ тѣмъ* (князя), что не даютъ волости 93,21.—Обида *обида твоя* (injuria tua) то что тебя обижаютъ; *обида* то, что 49,4 не отдають назадъ отнятого; *въ обидѣ не могу быти* нп. 49,6 не могу позволить нарушать свои права; *быти самому за чью обиду* 58,2 *самому заступаться за кого*; *обида* не наша „обида“=оскорбленіе чести, а собственно нарушеніе правъ по имуществу; оскорбленіе чести скорѣе *соромъ*.—Приобидѣти, переобидѣти *разобидѣть* (не давши волости), 39,10. 41,9. 61,2. 7. 11,

Бѣл-ни.—Оубѣлити 196,37 *выбѣлѣть* рет.—Бѣль 6,20. 194,5. 207,37.—Бѣльчати 223,7 *бѣлчатия паволока*.

Бѣс-тъ.—Бѣшеніе 184,39 *сумасбродство*.

Изъ-ва-яти 154,19. 196,25. 197,5. 13.

Ваб-ити призывать, приглашать Ип. 16,5 *вѣбити*.—Повабити.—Привабити.

Вѣгаты, вѣгаты вин. множ. 129,13 *Коньчакъ стоялъ у лузъ, его же пѣдуще по шеломені оминуша; инѣмъ же въ паты* (изданіе; Ип. ва-

гаты; Карамз. въ гаты=гати, отъ гать) *узръвшие удариши на нихъ*. Кажется, должно читать *ваталы*: Кончакъ Русскими не былъ найденъ, а другіе таборы (ватаги) Половцевъ были замѣчены Русскими.

(Ваг) вазнь 216,20 отважность.

Вад-ити см. вед.

Вал-ъ.—Повалитися.

Прѣдъ-вар-ити.

Варвъ 186,30 вм. варваръ—описка или нѣтъ?

Ватага 140,4 *возвратишися* (Половцы) къ *ватагамъ своимъ* въ станъ или въ вѣжи.

(Вед) I. вести, водити *кого ротъ, кресту* приводить къ присягѣ (при договорѣ); *вести кого на княженіе* къ собѣ 137,21 приглашать; просто *вести кого* 31,23 звать въ походъ.—Водитися 173,9 *съ кѣмъ въ божницю*—присягать другъ другу.—Вожь проводникъ.—Въвести *въ любовь* 47,29 помирить; *въ крестное цѣлованіе къ собѣ*—сдѣлать своимъ союзникомъ.—Възвести *кого на кого* 72,5 возбудить на войну противъ кого; *возвести Гречники* 93,32 проводить ихъ (отъ Половцевъ, которые „*накостили*“ имъ); *возведе городъ и посла Володимерю* 100,28 вывелъ жителей и послалъ въ Вол.—Вывести *князя* 12,24 велѣтъ ему итти вонъ; *стрѣлци выведены отъ всихъ князей (изъ полковъ встѣхъ князей)* 130,20 отборные.—Довести *доведе мя сего* 63,29 довелъ до этого; *абы ю Богъ того довелъ* 216,7 чтобы ей Богъ далъ дожить до того.—Завести.—Извести вывести.—Навести *на кого что* 135,14 бѣду.—Перевести *мѣто* 150,24 провести; *переводити кѣмъ* 167,24 обманывать кого.—Повести *кого на кого* возбудить на войну противъ кого; *не може ихъ повести* не могъ уговорить итти.—Повестися *нужею отъ любви Ростислави къ Изяславу* 89,25 принуждену быть перейти отъ союза съ Р. къ союзу съ И.; *поводяйся на Кіевъ тѣстя своего* 145,31 Ип. вар. возбуждая на походъ.—Подвести *кого на кого* 76,17. 111,5 призвать на походъ.—Привести.—Провести, провадити; *вся на Бозъ покладывая провожаши* 123,18 переносиль.—Проводникъ.—Дспровадити 85,23. 88,32 проводить.—Отъпровадити 75,27 прогнать.—Прѣпровадити 158,25 *рѣку* переправиться черезъ нее.—Розвести.—Съвести *въ любовь* 146,38 помирить.—Възводьныи 168,22 *мостъ подземный?*—Поводъ *у коня*.—Поводьныи *конь* 67,13. 133,36. 200,33—запасной, котораго ведутъ въ поводу.—Прѣводъ 196,24 *съ каждаго ула въ церкви*.—II. Завадитися Хл. 110,2 вм. *сѣвадитися*.—Съвадити перессорить.—Съвадитися вступитъ въ бой.—Съвада 26,14. 150,13. 156,26 ссора; битва безпорядочная.

(Вез) везти, возити.—Вестися, возитися ѣхать; перевозить свое войско 209,31.—Вывозиги.—Извозитися 209,32 *переѣхать черезъ рѣку*.—Перевести.—Перевестися черезъ рѣку.—Повести.—Привести.—Возъ телѣга; *возове обозъ*.—Возила множ. 6,16 на возилахъ перевозятъ раку.—Перевозъ.—Повозъ; *повози подводы* (даются гостю-князю и послу) 66,14. 72,15.—Оувозъ (или въвозъ?) 9,18. 19. 20.

- Ярославу пѣздящю подѣ городомъ, вѣшедше два Ляха надѣ увозъ, и ту легоста скрившася... и бывшю ему въ увозъ (Ип. узъ) Ляха та..., съсунувшася въ увозъ (Ип. узъ) пободоста и оскепомъ??—Весло.
- Вел-ѣти.—Велѣниѣ.—Повелѣти.—Повелѣниѣ.—Воля быти, ходити въ чьей воли — быть кому подвластнымъ; въ волю свою примирити 139,24 заставить принять всѣ условія.—Неволя.—Вольныи мы есмы воля князя пріяли 117,24 мы приняли князей по доброй волѣ, не завоеваны ими.—Изъволити.—Изъволеніѣ.—Доволѣ довольно.—Доволѣти быть достаточну.
- Вел-ии.—Велегласно.—Вельможя.—Вельми.—Великыи.—Повеликоу.—Прѣвеликыи.—Величіѣ.—Величятися чѣмъ — ставить въ чѣмъ славу.—Възвѣличяти.—Величавыи.—Величѣство.
- Вельблудъ 177,31.
- Веп-рь 192,10. 216,18.
- Вередъ, врѣдъ—вредъ.—Вередити *сердце кому*—огорчить, оскорбить.—Неврѣженъ.
- Верига.
- Вес-елыи *весели быша*, т.-е. навеселѣ, напились.—Веселиѣ *пробыти въ веселии*—пропировать все время.—Веселити.—Веселитися.—Възвеселитися.
- Вес-ѣна.
- Вехоть 218,17 *соломы*—ключекъ.
- Вечер-ъ.—Вечернии.—Вечерняя, вечерня.—Въчера.—Въчерашнии.
- (Ви) овити обвить.—Съвити.—Оувити.—Съвитѣкъ.—Съвитѣка 33,35 на князѣ.—II. Вино.—III. Вѣнъць.—Вѣнчяти увѣнчать.—Вѣнчятися увѣнчаться.
- Ви-нити.—Вина 1, вина 2, причина.—Виноватыи.—Безъвиньныи.—Изъвинитися 119,5 провиниться.—Обинити обвинить.—Повиньныи 131,35 виноватыи.—Неповиньныи.—Повиноватися.
- (Вид, вѣд) I. Видѣти *разбѣгшася, камо кто видя* 202,9 куда глаза глядѣтъ; *а тѣ видимъ, что ны богъ явитъ* — носовѣтуемся, что намъ надобно дѣлать.—Видѣтися.—Видѣниѣ.—Невидимыи.—Невиданыи.—Невидѣныи.—Видомо 105,23 видимо.—Видъ 112,7. 13.—Оувидѣти.—Завидѣти завидовать.—Зависть.—Ненавидѣти.—Независть.—II. Вѣдѣти.—Вѣданіѣ.—Невѣдѣниѣ.—Невидѣникъ 33,36 *вм. невѣдѣниѣ*.—Невѣдомо.—Вѣдатися *съ кѣмъ*—имѣть дѣло, развѣдаться.—Зановѣдѣти.—Заповѣдъ.—Изъвѣдѣти 183,1 развѣдать.—Повѣдѣти.—Повѣдатися, сказаться, извѣстити о своемъ намѣреніи.—Исповѣдѣти рассказать.—Исповѣдѣтися исповѣдаться.—Неисповѣдимыи.—Проповѣдати.—Съвѣдѣти знати.—Оувѣдѣти.—Оувѣдатися *съ кѣмъ* 208,11 раздѣлаться съ кѣмъ.—Вѣсть *бѣ ему, у него*—онъ извѣщенъ былъ; *безъ вѣсти изъпхати* 111,2 въ располхъ.—Вѣстовати 169,4 разговаривать.—Вѣстно 178,34 *бысть ему* его извѣстили.—Вѣстникъ.—Възвѣстити.—Изъвѣсто 97,28. 153,23. 158,31 очевидно.—Изъвѣститися

кому удостовѣрить кого (цѣлуя крестъ) 31,28. 89,7. 8. 92,21.—Повѣстити 1, дать извѣстіе 2, разговаривать.—Повѣстовать разговаривать.—Съвѣсть 125,25, 30. 201,25. 26 сестра жены.

Вино см. ви-ти.

Вир-а 117,20 дѣтскіи, которымъ розданы посадничества, многу *тяготу людемъ створиши продажами и вирами?*

Вись см. высь.

Висикость високосной годъ.

(Вит) обительникъ 221,17 рет.

Вицькыи 185,20 отпавленъ посломъ отъ Венгерскаго короля?

Владѣти, власъ, влѣщи см. володѣти, волосъ, волочи.

Влѣк-ъ 86,15. 180,31 *блѣлый волкъ* 85,15.—Влѣчии 180,29.

Влѣх-ъвъ 166,10. 11. 182,20.—Влѣшьба 184,33 волхвованіе.

Вод-а.—Водьныи водяной.—Наводьнитися разлитися (о рѣкѣ); быть поняту водою.—Поводъ 92, л. Ип. наводненіе.—Водохреши, водо-креши крещеніе (праздникъ).

Водити, возити см. вед, вез.

Вои-нѣ, множ. вои.—Воєвода.—Воєводство 133,16. 158,7 санъ воеводы.—Воиникъ 128,12. 172,29. 182,20.—*воинъ*.—Воиньскыи.—Воєвати *села и городы*—грабить, разорять.—Воєватися грабить волости другъ у друга.—Воєваніе.—Повоєвати.—Воєвальныи рет.—Воина.—Подъвоискыи 40,6 *посла* (князь) *по улицамъ под-войскыи кликати зовучи на обидѣ?*

Воля см. велѣти.

Волод-ѣти, владѣти.—Владыка.—Владычиця.—Владычьи.—Владычство.—Волость.—Волостель 48,4 правитель волости.—Волоститися 84,10 считаться волостями, спорить изъ-за волостей.—Изъволодѣти 214,1 *чѣмъ* управитися, совладѣти.—Обладати.—Область 1, область 2, власть рет.—Самовластьць 91,22 князь становится самовластьцемъ, выгнавъ братьевъ—единовластитель.—Само-властно 154,15. 18. рет.

(Волок) волочи, влѣщи.—Възъволочи 47,5 *стягъ възъволочють* передъ началомъ битвы.—Възъволочися быть поднятѣ. Выволочи.—Изъ-волочи.—Изъволочися 83,11 одѣться.—Облѣчи, оболочи одѣть.—Ободочися.—Поволочи.—Привлачити.—Съволочи *кого* раздѣть; *ризы*—скинуть платье.—Съволочися 34,16 *чего* скинуть что.—Облако.

Волос-ъ, власъ.—Власатый 202,31 *власатая звѣзда*—комета.

Вон-я 222,15 запахъ благоуханный рет.?

Вор-ъ 6,18 *княземъ за ракою идущимъ* (при перенесеніи Борисовой раки) *межи воромъ; и не бѣ лѣзти везти отъ множества народа: полам-ляху воръ*.

Ворог-ъ, врагъ.—Ворожьба 187,21 вражда.—Ворожьбитъ 114,29.31 врагъ.—Ворожьда, вражда.—Вражьныи 112,38 рет.—Ворожь-ство 187,21 неприязнь.—Вражьствовати.—Заворожити 41,18 *кого съ кѣмъ*—поссорить.

Воронъ 183,12.

(Вороп) воронъцъ 141,6 *яши языка въ воронцяхъ* (но Ип. въ *воротцяхъ* — описка?) поѣхавшій на воронъ. — Наворонъ 11,18. 80,18. 96,22. 98,26. 101,21. 129,6. 141,6. 203,25 *пустити наворонъ, вънаворонъ* — на рекогносцировку? — Наворспити 10,23. пустить наворонъ. — Наворонъникъ 129,11. поѣхавшій на воронъ.

Ворот-ити. — Воротитися. — Възвратити. възвворотити, възвратити. — Възвратитися, възвворотитися. възвратитися. — Възвращение. — Извворотитися 11,28 = возвратиться. — Навратити 174,13. 181,30 *конь на бѣзъ* оборотить коня, чтобы бѣжать. — Наворотитися оборотиться. — Обратити. — Обратитися. — Поворотити. — Поворотитися. — Оуворотити 33,13. 193,10 поворотить. — Оуворотитися 97,20 — Ворота множ. — Воротъца Ип. 141,6 вар. вм. *воронъци* описка? — II (врът) въврътѣтися 128,7. 140,35 *вертѣшася въ нѣ* ворвались въ средину непріятелей. — Възвърноутися 193,13 оборотиться. — Навръпоутися 193,13 оборотиться. — Обрътѣти обвертѣть. — Проврътаныи провернутый. — Розвърътѣти. — Оувръноутися Ип. 141,7 147,27 поворотиться назадъ. — Врътливыи 101,3 непрямодушный, не „управливающій крестнаго цѣлованія“.

Воск-ъ.

(Вош) овощъ.

Врагъ, вратити, врьтѣти, врьдъ см. ворогъ, воротити, вередъ.

(Вр—) верема, врьмя *верема ему есть* обстоятельства благопріятны: *не верема есть* — негодится. — Врьменьныи ЦС.? — Изъверемени 72,4 *на кого* — воспользоваться обстоятельствами для войны съ нимъ.

Врь-ие мѣсто поросшее вербою. — Врьбная недѣля. — Врьбница 29,28 вербная недѣля.

Врьв-ъ 127,23. 24.

Врьг-ноути бросить. — Въврьгати. — Възвърьгноути бросить. — Выверечи. — Изъврьгати. — Изъврьжеся *нѣчто на нозъ* 143,25 нарывъ сдѣлался. — Поврьгати. — Приврьщи 190,30 *что граду* набросать около города. — Исъпроврьгноути. — Съврьгноути.

(Врьз—) отъврьсти 112,18. 221,6 отворить. — Поврьсти 34,12. 154,35 обвязать.

Врьст-а 93,27. 94,22. 106,36. 111,26 1) верста, 2) *отъ млыды версты* 111,26 съ молодыхъ лѣтъ. — Съврьстьница 200,1 *мужи плакажуся сверстницъ своихъ* — о женахъ?

Врьт-ъпъ, 222,7 ошиб. изд. вм. *оутроба*.

Врьх-ъ, врьхоу, въврьхъ, наврьхъ, съврьхоу. — Възвърьхъ 206,36 *вверхъ*. — Врьхний. — Врьховъныи Хл. 36, ы вм. *врьхний*. — Съврьшити. — Съврьшитися. — Съврьшение.

Въгаты вм. вагаты.

Вън-ъ вопъ. — Въноу снаружи. — Изъвъноу. — Вънѣ ошиб. изд. вм. *дѣнѣ*. — Вънѣшныи.

Въноук-ъ. — Въноука. — Правъноукъ.

Въспадши 30,24 поправлено издателемъ; но въ спискахъ въ *спани*, т.-е. въ Спасскѣ (городѣ).

Вѣторый.—Вѣторьникъ.

(Вѣк, оук) I. Навѣкнуоти.—Обыкнуоти.—Обычяи.—Обычныи.—
II. Оучити.—Оучитель.—Оученикъ.—Наоучити 79,26 подъ-
учить наур. воевать.—Наоучение.—Подъоучити.

(Выс) выше, вышыйи.—Съвыше.—Вышыйи.—Высокийи.—Высоко-
мысляще 110,28 рет.—Высокомыслие рет.—Высокооумие кичли-
вость рет. ? —Высота.—Выспрь.—Вись 140,2 — высь?

Вѣдова.—Вѣдовиця.

Вѣчера см. вечеръ.

Вѣсь—*весь* постоянно отдѣляется отъ *села*.—Вѣсьця 193,7 уменьшитель-
ное отъ вѣсь.

Всянамъ 164,4 отмѣчено въ изданіи, какъ непонятное.

Вѣяти.—Вѣтьрь.—Вѣтьрило.

Вѣвер-иця 5,4.

Не-вѣг-ласъ 7,9 невѣжда.

Вѣдѣти см. вид—.

Вѣж-я 1) кибитка (какъ у Калмыковъ) у Черныхъ Клобуковъ 51,18 и
у Половцевъ; 2) столбъ, башня 138,36.

Вѣк-ъ.—Вѣчыйи.

Вѣньць см. ви-ти.

Вѣр-овати вѣрить, довѣрять.—Вѣра.—Вѣрыйи.—Оувѣряти *кого*
86,34 внушать ему довѣріе къ себѣ.—Невѣра измѣна.—Невѣріе—
неutra.—Невѣрѣстивіе и невѣрѣство измѣна.—Невѣрыйи измѣн-
никъ.—Изъневѣрится 159,25 стать измѣнникомъ.

(Вѣс) Вѣшати.—Завѣса.—Повѣсити.—Повѣшение 159,5.—
Съвѣситися 138,37 *по ужицію съ вѣжа*—спуститься.

(Вѣт) вѣяти, вѣщати.—Вѣзвѣщыйи.—Обѣтъ.—Обѣчати.—
Обѣчати *дары и волости* 225,25 обѣщать дары и волости.—
Отвѣтъ.—Отвѣчати.—Съвѣтъ 1, совѣтъ 2, намѣреніе.—
Съвѣтънь 77,26.—Съвѣтъникъ.—Съвѣчати, съвѣщевати совѣтъ
держать.—Съвѣчати *условливаясь*.—Оувѣщевати 185,24.—
Вѣче 17,7. 11. 22,1. 22. 28. 32,25. 40,9. 10. 83,16. 88,9. 13. 17. 97,25. 27.
132,33. 168,33. 171,3. *вѣче втайнѣ по дворомъ* 97,25.—Завѣтъ.—
Изъвѣтъ 31,28. 79,31. 83,2. 15. 86,13. 89,3. 92,23. 99,25. 145,29.
не створивъ извѣта крѣстному цѣлованію 70,31 не объявивши, что
снимаетъ съ себя присягу; *извѣтъ до кого доложити* нп. 83,2 измѣ-
нить кому? *безъ всякаго извѣта пхати куда* 83,15. 86,13. 89,3 непо-
дозрѣвая злаго умысла; *извѣтомъ просити у кого волости* 99,25 съ
намѣреніемъ измѣнить ему; *извѣта ловити на комъ* 145,29 стараться
найти противъ него обвиненіе въ нарушеніи крестнаго цѣлованія; —
измѣна крестному цѣлованію.

(Вяз, оуз) I, вязати.—Съвязаныи колодникъ.—Связънь 131,32 тоже.—
Вязити 148,24 быть „связнемъ“, быть въ плѣну.—Вязячи 74,6 *видѣть*
множество колодникъ вязячи — прич. отъ глагола *вязати*; увидѣлъ,

что много навязано колодниковъ, — II. а) оуже веревка. — Оужище 138,37 тоже. — б) оужика родственникъ. — в) оузькыи.

Гад-ати совѣтоваться. — Изъгадати придумать. — Нагадаться рѣшить вслѣдствіе совѣщанія. — Погадати посовѣтоваться. — Розъгадати. — Съгадати рѣшить по совѣщаніи. — Оугадати 1) рѣшить что, 2) условиться, 3) посовѣтоваться.

Газофулаккя 154,9 рет.

Галѣя 125,35 насады и чалѣ — родъ судна.

Изъ-гас-ити 218,30 *сочю надъ чымъ гробомъ* — не дѣлать поминокъ, не давать въ церковь на содержаніе свѣчи надъ гробомъ. — Оугасити. — Оугасати.

Гат-и, — Перегатити.

(Гвозд-ь) пригвоздити. — Пригвоздитися.

ГЕНВАРЬ.

Герьдикъ, герьцюкъ. — Герьцюковъ.

Глаголати. — Глаголъ. — Поглаголати.

Глава, гладъ, гласъ. См. голова, голодъ, голосъ.

Глаз-ѣкъ 4,34 *стекляный* — шарикъ.

Глоуб-окыи. — Глоубина.

На-глоум-итися 139,26 позабавиться.

Гляд-ати. — Розъгляданіе 78,26 шпионство, подсматриваніе. — Съглядати.

Гн-ати, гонити, женоу 1) *гнати кого* (дѣйств.) гнать. 2) *гнати* сред. скакать. — Гонитися *съ кѣмъ, межю собою* биться въ разсыпную, скача туда и сюда. — Гонъ 171,11 погоня. — Гоньць. — Въгнати средн. вскакать. — Възгнати отогнать. — Выгнати дѣйств. — Выгоньць 164,6? *Галичане и Величцы со своими князьями придоша коньми, а въпонцы Галичскыя придоша по Днѣпру и воидоша въ море.* — Догнати 168,13 доскакать. — Загнати 1) загнать кого, 2) ускакать впередъ. — Загоньць 124,40. Черные Клобуки, ѣдучи ночью на Половцевъ, сбиваются съ дороги; *крыло же ихъ въ малѣ отлучивше отъ дружины, вогнаша у товары ихъ; Половцы же видивше ѣ, загонытъ ты Черныхъ Клобукъ, и яша нѣсколько ихъ?* — Изгнати выгнать; но *Литва изгнаша Ездоу* 200,10 = *изгнана*? захватили врасплохъ? — Изгнаніе. — Изгонъ 210,14 = разгонъ. — Надгнати 122,34 *надъ берегъ* — подскакать къ берегу. — Отгнати дѣйств. — Перегонити 54,33. 128,3 *черезъ рѣку* скакать черезъ р. — Погнати 1) погнать, 2) поскакать. — Пригнати прискакать. — Прогнати дѣйств. — Прогнаніе. — Розгнати. — Розгнатися 303,26 разсыпаться (о конницѣ). — Розгонъ 74,2. 210,17 когда „полци рушены“, несоблюдается строй, и воины „гонять“, скачутъ кому куда вздумалось. — Съгонити 50,14. 106,3. 161,6 догнать. — Оугонити догнать.

Гни-ти. — Выгнити. — Перегнити.

Гнѣвъ; твор. мн. гнѣвы „по гнѣву, въ сердцахъ“ 80,25. 93,25. —

Гнѣватися. — Погнѣватися. — Розгнѣватися. — Розгнѣвити.

Гнѣд-ѣи.

(Гнѣт) погнѣсти 171,6.

Говѣти 5,14 *ходити говѣючи* жить цѣломудренно. — Говѣннѣ напр. *Филипово* — постѣ.

Гов-ядо 177, 1 рогатый скотѣ.

Год-ѣ 1) время нѣ. 56,27. 2) годѣ нп. 139,3. — Година 5,26 время. — Годитися 123,1 *добро бѣшетъ тишина; но оже ся уже не годило* — не привелось ей бѣть? — Годѣ 219,34 угодно рет. — Годнѣно угодно, хочется, прилично Оугодити. — Оугодный и пріятный. — Оугодникѣ. — Оугодитися 133,28 *не угодися ему веремѣ таково, како же искашетъ* не выдалось случая. — Негодовати. — Непогодинѣ 106,29 *зимѣ воевати* — неудобное время.

Гол-ѣи 171,26.

Голов-а, глава на свою голову 41,4 на бѣду себѣ; *добыти Києва головою своею* 43,34 съ опасностью жизни, вооруженною рукою; *ся откупити кому головою своею* 58,4 идя на войну, нещадя жизни за кого; *оже ся извинитъ мужь, (то) у голову* 119,6 отвѣчаетъ головою; *головы своя складати хочемъ (складаемъ)* за тя, говорятъ передъ битвою князю = „не пощадимъ жизни“. — Головня 186,4. 195,12. — Безъголовинѣ 19,13 *обсажался ими на безголовіе себѣ* — на бѣду?

Голод-ѣ. — Голоднѣи.

Голос-ѣ, гласѣ. — Гласохвальнѣи 105,4 рет. — Възгласити. — Оглашениѣ читаетъ издатель 222,7 но должно читать *охлаженіе* вар. в: *ты бѣ алчущимъ кормля и жажущимъ въ утробѣ охлаженіе*: утоленіе зноя, жажды въ утробѣ.

Голоувѣи 134,33.

(Голоувѣ) приголовувлениѣ 121,29 ласка.

Гонити см. гн-ати.

Гоньзноути 193,7. — Гоньзноутися 171,13 спастись бѣгствомѣ. — Оугоньзноути Ерм. 27, ѣ вм. *утечи*.

Гор-а. — Горѣ. — Горьнѣи. — Загоринѣ 118,10. — Подѣгоры 20,14 *бѣху бо болота пришли, но оли на подѣгоры* — какѣ читать? вин. мн. отъ *подѣгора*? такѣ въ изданіи; или *на-подѣ горы*, принимая *на-подѣ* за сложный предлогѣ? — Подѣгоринѣ 174,35.

Горазд-ѣи очень хорошій, искусный. — Гораздо хорошо.

Город-ѣ, градѣ крѣпость *городѣ разсытати* 189,18 потому главнѣи укрѣпленія землянѣи; *городѣ устроенъ на церкви* 162,29; *городѣ строится въ одинѣ день* 178,4; *вы есте нашъ городѣ* 104,24 наша защита, надежда. — Городѣкѣ. — Градѣцѣ. — Городище 122,5. 195,12; мѣсто гдѣ былъ геродѣ 195,12. — Горожанинѣ, горожане, гражане. — Граднѣи. — Городѣскѣи. — Городѣница 132,39 *горожане взопли на заборолѣ и летѣста дѣти городничѣи съ людьми къ ратнымъ?* — Загородити. — Огородити. — Огородитися. — Огородѣ, оградѣ. — Передѣгородинѣ.

Горностаи 86,14.

Господ-ѣ. — Господинѣ. — Огосподинѣ вм. господинѣ Ип. 179,х. —

Господьнь. — Господьскыи. — Господа 156,17 *предати господу* свою княгиню съ дѣтьми = госпожу? или (скорѣе) собирательное, какъ княжъ? — Господичичь 133,17. 202,7. — Госпожа.

Гост-ь 1) гость, 2) прѣвзжій купецъ.

Готовый. — Приготовленіе. — Оуготовати. — Готовизнина 26,30 запасъ.

(Гр, гор, жар) I. А) Горѣти. — Горѣниѣ. — Загорѣтися. — Изъгорѣти. — Погорѣти. — Розъгорѣтися. — Съгорѣти. — В) Грѣньць 162,7. — Грѣнило. — С) Горьнька 72,21 у князя. — II. Пожаръ. — III. Горькыи. — Горьшии. — IV. Горе.

Гравити см. греб. — градъ см. городъ.

Град-ъ 210,3 *grando*.

Грамота обыкн. *грамоты хрестыныя*.

(Грѣв. гров, грав) I. Грѣбць. — Грѣбля, гробля 47,9. 102,7. 168,26. 180,4. 190,29 окопъ. — Погрѣбати. — Погрѣбениѣ. — Погрѣбальныи. — Гробъ. — Гробьниця. — Погрѣбъ. — II. Грабити. — Граблениѣ. — Грабитель. — Грабительство. — Грабежъ. — Заграбити. — Изъграбити. — Пограбити. — Розъграбити.

(Грем) громъ.

Грив-ьна 20,21. 28,33. 34,6. 78,39. 82,22. 23. 108,28. 139,3. 215,33. 219,6. 223,15. 17. 225,5. — Гривьныи прил. 222,5 *шейный яко гривною утварю златою украсуся*.

Гровъ см. греб. —

Гроз-ити. — Загрозити. — Пригрозити. — Гроза угрозы. — Грозьныи.

Гроуь-ость 154,8 невѣжество рет.

Гроуна 193,5 *поити тихо на трунахъ?*

Грѣ-ло. — Грѣтань.

Грѣд-ыи. — Прѣгрѣдныи. — Грѣдѣти 179,26. 201,8 гордиться. — Грѣдитися. — Загрѣдѣтися. — Розъгрѣдѣти 9,14 возгордиться. — Розъгрѣдѣтися. — Грѣдость. — Грѣдыни.

О-грѣн-оути 34,1 И. обернуть.

(Грѣк) грѣчньникъ, Хл. грѣчиньникъ 93,31. 32. 94,15. 98,37. 38?

Грѣх-ъ. — Грѣховьныи. — Грѣшьныи. — Грѣшити 62,2. 122,36. 124,39 *бродя* 62,2 не попасть на бродъ, *помысла своего* 122,26 потерпѣть въ немъ неудачу. — Грѣшьникъ. — Прегрѣшениѣ. — Съгрѣшити. — Съгрѣшениѣ.

(Гряд) гряди.

Гряз-ь 63,8; *врязи* топкое мѣсто. Грязина Хл. 63,8 *вм. врязи*. — Грязькыи 195,21 тонкій. — Нагрязноути 195,21 *труповъ* быть загружену ими. — Погрязноути и оугрязноути утонуть.

Гоувити см. гѣб-.

Гоуд-ьць 155,19.

Гоум-ьно. — Гоуменьце 40,15 у дьячка простригается.

(Гѣв, гоув, гѣв) I. огноути 34,1 изд. ошиб. *вм. оугноути*. — Розъгноути. — Соуугоубити. — II. Гоубити 1) губить 2) лишать кого имущества, грабить что, нп. волости. — Поугоубити 1) погубить 2) *что*

лишиться своего имущества 3) разорить *погубити смерды отъ ролы* 1,3. 10 разорить; отвлекши отъ нивы; *погубити отчину свою* 162,27 потерять ее. — Погубитися, — Пагоуба бѣдствіе — Пагоубоубиственный рет. — III. Гыбноути. — Погыбноути 1) гибнуть, пропадать; 2) быть разорену *стада раздавая тѣмъ, иже кто погуби въ Телебузину рать* 219,8 разорились отъ Т. похода. — Погыбель.

Да-ти *городъ, люди на щитъ, на полонъ; дати кому полкъ* выйти на битву съ нимъ; *дати чѣмъ на чемъ* — заплатить чѣмъ за что. — Датися отдаться, сдаться. — Дание 216,10 то что сдались. — Въдати отдать. — Въдатися отдаться. — Въздати. — Въздание. — Выдати. — Отъдати *грѣхъ, инѣвъ, инѣва кому* простить вину; *отдати того всего* 69,9 простить все то; *отда ему богъ болѣзнь* 94,32 освободилъ отъ болѣзни. — Передати, прѣдати. — Передатися, прѣдатися сдаться. — Прѣдание сдача (города). Прѣдатель. — Подати *честь* 144,23 оказать; *городъ* 217,37 отдать. — Подание подаянье. — Придати прибавить. — Продати 207,37 хлѣбъ за воскъ и т. п. — Продажа 117,20 посадники *тяготу людемъ створиша продажами и сирами*. — Попродати 111,6 *весь Кіевъ* т. е. продать имѣнье всѣхъ Кіевлянъ? или обложить налогами? — Розъдати. — Роздавание — Дань 5,23. 12,10. 39,19. 46,19. 26. 28. 48,20. 82,1; 117,23. 185,8. 194,3. 5. 6. 7. 9. 215,28 1) подати 82,1 2) дань съ побѣжденныхъ. — Даръ, дарове. — Дарити. — Даритися дарить другъ друга. — Одарити. — Подарити. — Даровати. — Оудалыи 149,2. — Оудатыи 167,24 = оудалый.

По-дав-итися передавать другъ друга.

Дав-ьно. — Изъдавна.

Дал-ѣ, далѣе. — Въдалѣе 70,23. 93,27. 142,36 вар. Ип. = *далѣе*, за столько-то ип. верстъ отъ чего. — Възъдалѣ, възъдалъ Хл. 225,31 далеко. — Одалъ. — Одалѣ, далеко. — Подалѣ 54,21 тоже. — Далекое, далече. — Изъдалеча. — Дальнии. — Оудалитися.

Двиг-ноути. — Двигноутися. — Двизание. — Недвижимъ. — Въздвигноути. — Въздвигноутися. — Въздвигженіе (праздникъ). — Въздвизальныи *крестъ*. — Подвигноути. — Подвигноутися. — Неподвижно 154,30 ошиб. изд. вм. *непостыжно*. — Розъдвигноути.

Дворъ. — Дворьныи, дворьнии *слуга* — придворный? или (скорѣе) старинный? — Дворьскыи санъ при князѣ 100,10. 158,7. 175,22. 181,15. 182,6. 183,24. 184,10. 186,15. 189,28. 191,34. 192,33. 193,3. 6. 22. 23. 195,17. — Дворьцькыи 180,25 (сановникъ). — Дворяне 187,38 *божии* — рыцари. — Въдворитися. — Подворіе.

Двър-ь. — Ободвъріе.

Девелыи 220,40 толстый.

Девя-носто. — Девятинадесять.

Дейсоусъ 112,4. 223,8.

Дѣкабрь.

Демествяникъ, деместъникъ 115,24.

ДЕРЕВ-О, ДРѢВО. — Деревянный.

ДЕРЯЖДЬЕ 186,26?

ДЕС-ЬНЫИ. — Десъница.

ДЕСЯТ-Ь. — Десятыи. — Десятъкъ. — Десятина 82,1. 103,20. — Десятинъныи.

ДИАВОЛЪ, дияволъ, дьяволъ. — Дьяволь.

(ДИАКЪ), дьякъ 40,15. 161,6. — Дьячъкъ 96,37.

ДИАКОНЪ, дьяконъ.

ДИВ-ИТИСЯ. — Дивление. — Подивитися. — Оудивити *церковь* украсить на диво рет. — Оудивитися. — Оудивление — Диво. — Въдивъ. — Дивъныи. — Прѣдивъныи. — Дивии дикій.

ДИК-ЫИ *диции Половци* обыкн.; въ противоположность Чернымъ Клобукамъ?

(ДОВ) надобъ, надоби нужно 62,28. 31. 64,7. 65,33. 110,35. 114,25. 137,9. 144,34. 146,26. 148,33. 162,28. 31. — Надобъныи. — Подобають. — Подобъникъ рет. — Подобъныи. — Прѣподобъныи. — Съподобити. — Съподобитися. — Оуподобитися. — Доблии. — Доблестъ. — Добрыи, добро, недобрыи, недобро; *добрии людѣ*, и просто *добрии* 110,15. 125,1. 131,14 знатные. — Прѣдобрыи — Добръ 1) хорошо 2) очень. — Недобръ нехорошо. — Добровонъныи рет. — Добродѣтель хорошій поступокъ. — Добродѣянiе. — Добропрѣлюбъныи рет. — Добромыслити. — Добронравъныи. — Добро-сръдию. — Оудобренъ (*церковь, зданiе*) украшенный рет. — Доброта.

ДЛѢГ-Ь. — Длѣжьныи обязанный; должникъ.

ДОЛЪ см. дѣл. —

О-дол-ѣти, одоляти. — Преодолѣти 9,24 рет.

ДОМ-Ь. — Дома. — Домови, домовъ.

СЪ доров-ЫИ. — Съдоровию. — Несъдравию. — Несъдравоуя. — Осъдоровивъся 203,5 ошиб. изд. вм. *Ип. устобивъся*.

ДОРОГ-А.

ДОРОГ-ЫИ.

ОУ-ДОС-ИТИ 5,27. 180,27. 197,32 захватить, застать; оудасити Хл. 180,27; оудоусити *Ип.* 197,32 вм. *оудосити*.

РОЗЪ-ДРАТИ. — Розѣдратися 172,19 перебить другъ друга. — Оударити. — Оударитися 110,23. 146,9; 1) броситься 2) сразитися. — Оударение; *отъ дарения* *Ип.* 172,27 вм. *отъ оудар.* — Дыря 156,20 дыра *изъиде дырею градьною?*

ДРЕВ-ЛЕ. — Дрѣвъныи.

ДРОВЪНИЦА 222,27 *завѣсы оксамитныи съ дровницею?*

ДРОУГ-ЫИ. — Дроугъ. — Дроугъ друга. — Дроугое вторично. — Дроугояко 72,22 иначе. — Дроугоиде 55,33 въ другомъ мѣстѣ. — Дроужьба. — Подроуга. — Подроужие мужъ рет. 131,24. — Дроужина. — Дроужиниъ 116,29.

(ДРОУК) оудроучити.

ДРЪЖ-ЯТИ *ратъ* — воевать; *вражду* — враждовать; *честь на комъ* почитать. —

Дръжати*ся* по кою 117,27; по комъ 138,11 держаться чей стороны.—
Дръжаниіе 102,30 епископа—время его правленія.—Дръжатель пра-
витель.—Въздръжати.—Въздръжаниіе.—Невъздръжаниіе
109,22.—Одръжати, обдръжати 1) владѣть 2) защитити.—
Обдръжаниіе осада.—Поддръжати.—Сдръжати.—Оудръ-
жати.—Оудръжати*ся*.—Дръжава.—Дръжавьно.—Въседръжи-
тель.—Самодръжьць 153,1. 155,10. 12. 201,5 единовластитель.

Дръзъ отважны.—Дръзкыи.—Дръзость.—Дръзнуоти отважиться,
броситься на непріятеля.—Дръзновение.

Дръво см. дерево.

Дръм-аниіе.

Доув-рова.

Доуг-а 18,3 радуга.

(Доуг) недоужьныи.

Доум-ати 1) совѣтъ держать 2) совѣтовать.—Подоумати посовѣто-
ваться.—Розъдоумывати 134,37. 195,16.—Съдоумати рѣшиться
послѣ „думы“.—Оудоумати=съдоумати.—Доума—что „удумали“
(на что рѣшились вслѣдствіе совѣта) или что мнѣ думаютъ (совѣтуютъ)
1) замысль, намѣреніе 2) совѣтъ.—Думьнь 226,2 мудрый.—Доумьця
133,30 совѣтники.

Оу-доусити см. оу-дос-ити.

Дъв-а.—Дъвадесать.—Дъванадесать.—Дъвъсѣтъ.—Дъвоичя 61,14
дважды.—Дъвои (муж. ед.) двойной.—Надъвоіе.—Дъвоюрѣчу
218,10.—Дъвмадесатьмати 5,21 испорчено? по смыслу нужно два-
десять въ дат. п.

Дъждъ, дъжгъ, дъжчь.—Дъжгьць 5,7.—Безъдъжгіе 10,4 засуха.
(Дъл, дол) I. Доль.—Доловъ.—Оудоль долина.—II. Подлѣ.—Възлѣ
возлѣ.—III. Длгыи, длго.—Надлзѣ долго.—Продлжити.—
Продлжитися.—Оудлжитися 53,20 оудлжися кому—онъ соску-
чился по комъ.

(Дъм) въздымъ 90,39 отъ въздымѣти поднять.

Дъна 72,22 подступила, думаютъ, когда челоувѣъ упалъ; дна—плоская
глиста (Област. словарь).

Дън-ѣ внутри.—Дъноу тоже.—Издъноу изнутри.—Безъдъна.

Дъск-а.—Дъщиця.—Дъщятыи.

(Дъх, доух, дых) доухъ.—Доуховьныи.—Въдъхнуоти.—Въздъх-
нуоти.—Въздыханіе.—Въздоухъ.—Задъхнуотися.—Издъ-
хнуоти.—Издыханіе—Доуша.

Дъчи, дъщи.

Дъвр-ь.

Дън-ь.—Дъньсь.—Дъневьныи.—Дънина 131,7. 195,5 (цѣлый) день.—
Дънище 40,3. 4. 87,2. 142,36 сутки пути.

Дьяволь, дьякъ, дьяконъ, см. дна—

(Дѣ) I. Въздѣти поднять нп. руцѣ.—Придѣти 170,16 мясо къ устомъ
поднести.—Одѣти.—Одѣяніе.—Одежа.—II. Дѣяти.—Дѣя-
тися.—Дѣяніе. Издѣяти сдѣлать.—Подѣяти.—Сдѣти, сдѣ-

яти. — Съдѣяться. — Оудѣяться. — Дѣло. — Дѣлати. — Дѣлатель. — Издѣлати. — Дѣля для. — III. Недѣля. — Недѣльный день воскресніе. — Понедѣльникъ. — IV. Дѣтя. — Дѣтище. — Дѣтищъ 5,16 вин. — Дѣтскыи 30,15. 47,9. 17. 72,25. 27. 83,16. 97,12. 18. 115,16. 117,20. 157,32 160,5. 183,20 1) прилаг. молодой, въ дѣтскихъ лѣтахъ; *дѣтскъ*—дѣтя 2) люди при князѣ; дѣтскіе одни слѣдуютъ за княземъ 47,9, когда другіе всѣ отстали; дѣтскій извѣщаетъ князя объ измѣнѣ; 83,16; имъ раздаются посадничества 117,20. — Дѣтиньць цитадель 70,12. 90,21. 141,33. 199,27. 206,5. — V. Надѣяться. — Надѣяніе. — Ненадѣялся. — Надежа.

Дѣв-а. — Дѣвѣка 177,13 чья—дочь.

Дѣд-ъ. — Дѣднѣ, дѣднѣ. — Прадѣдъ. — Дѣдичъ 133,4 наслѣдникъ по дѣлу. — Дѣдина дѣдовское владѣніе.

Надѣл-ити нп. князя, давши ему волость. — Надѣленіе. — Надѣлѣкъ 146,17 дати=*надѣлѣти*. — Подѣлѣтися. — Подѣлъ 195,10 дѣлѣжъ. — Роздѣлѣтити. — Роздѣлѣтисѣ. — Роздѣлѣніе. — Нероздѣлѣно.

(Дѣра) дыря см. др—

Дяд-ько 156,19.

Евшянъ 155,21 дай ему (Половецкому хану) *поухати зелья именемъ евшанъ*, если онъ не будетъ согласенъ воротиться въ свою землю: тогда опъ захочеть.

Единъ см. одинъ.

Ел-инъ 190,29 еловый лѣсъ—*градъ створенъ елнью*.

Епископъ, епискоупъ, пископъ, пискоупъ. — Епископия, епискоупия. — Епископлъ, епискоупль. — Епискоупити 127,18 епископствовать.

Еретикъ 102,37. 103,2. 114,36 иногда ругательное слово нп. 114,36.

Ермолой—ирмологіонъ (церк. кнѣга).

Ероусалымъ *церковными* 112 1. 12. 120,26.

Ес-тьство.

Еуангелие. — Еуангельскыи. — Еуангелисть.

Жд-ати. — Дождати дождаться. — Дождохю 143,36 будущее, образ. при помощи *хочю*, какъ по Сербски; дождусь. — Дождатисѣ. — Ожидати. — Переждати. — Пождати. — Съждати *кого* — подождать пока соберутся. — Съждатисѣ подождать другъ друга.

Жел-ати. — Желаніе.

Желя см. жал—.

Желѣзо; желѣза множ. оковы. — Желѣзныи.

Женоу, см. гн.—

Жен-а. — Женьскыи. — Женитисѣ. — Оженити женить. — Оженитисѣ.

Женьчюгъ. — Женьчюжныи.

Жереви 6,26. 28.

Жеравъць 168,22 *и возводнымъ мостъ и жеравець возжыгоша?*

Жи-ти. — Житіе. — Живыи. — Животь жизнь. — Жизнь нп. 26,27. 31,3.

32,11. 37,16. 17. 38,5 имущество. — Ожити 155 17. *рыбою*—питаться?

Пожити. — Прижити. — Оужити 44,36 *съ кѣмъ*—ужиться. — Живо-

творяи (*крестъ*).—Оживити.—Жито.—Зажитиѣ 85,12. 212,12. 24. 225,30 фуражировка; вообще повѣдка за хлѣбомъ.—Зажитьиикъ 27,29. 67,16 фуражиръ.

Ожидати см. ждати.

Жидовинъ 114,36 жидъ какъ бранное слово.

Жлѣт-ни.

Жрѣти 188,6.9 *богомъ* приносить жертву богамъ.—Жръць 135,18.—Пожръти 118,14 полки идутъ *ключоче, яко пожрети хотяще*—перерѣзати, перебить всѣхъ?

(Жьг, жег)жечи.—Жьженое *золото* 187,13. 222,30 позолота черезъ огонь.—Въжечи зажечь.—Въжьгегъ 6,14 причастіе отъ въжечи.—Выжечи.—Зажечи.—Зажечися загорѣться.—Зажьженіе.—Изъжечи.—Отъжечися 70,3 *я тому ся отжожу противу*—я за это самъ выжгу (его волости).—Пожечи.—Пожьженіе.—Розъжечи.—Розъжечися нп. *иньвомъ; раждъся* Ип. 122,21 *вм. рожьдъся* причастіе.—Съжечи.

(Жьм. жя) съжяти, съжьмоу.

(Жьн, жя) жятва.

Жяд-ати жажда, нетерпѣливо ждать.—Жядьни 219,10. 13 нищій.—Жяжя жажда.—Жяжяти жажду чувствовать.—Въжядати почувствовать жажду.

Жякоу 186,27 винит.

Жял-ъ жалость, горе—Жялитися, жалѣть.—Пожялити.—Пожялитися и пожалити себе 146,27 пожалѣть о себѣ.—Съжялитися.—Жялость, печаль.—Жялостьно печально.—Жяловати 1) жалѣть, 2) *на кого* жаловаться.—Жяловатися=*жяловати*.—Пожяловати.—Жялоба.—Желя 131,20. 195,38 печаль.

Пожаръ, см. гр.—

(Жях) оужасъ.—Оужасьныи ужаснувшійся.—Оужясть ужасъ.—Оужясатися.

Задъ.—Задѣ 129,7. позади.—Назадъ и назадъ 141,16=назадъ.—Назадѣ, назади.—Задьнии.—Задьничи 23,9 *у Оловичъ не хочемъ въ задничи быти*—предл. отъ сущ. *задьниця* или прил. *средн.* род. *задьниче*=*задьниця*?

Заяць.—Заячии 188,7. читай заячии.

(Зв, зов, зыв) зв-ати.—Възвати 1) воззвать ЦС.? 2) позвать.—Възвzтися 192,2 отозваться о себѣ.—Назвати.—Назватися.—Позвати.—Призвати.—Призваніе.—Прозвати.—Съзвати.—Съзватися 14,30 *съ братьею* призвать ихъ на думу.

(Звьн, звон) звонити.—Звоненіе.—Звоукъ.

Звъзда.

Звър-ъ.—Звъроядивыи 103,12 рет.

Зд-ати, зижду=зиждуу.—Здание построеніе.—Подъздати *на камени* 196,36 выстроить на каменномъ фундаментѣ.—Създати.—Създание.

Зе-ница, зѣница 95,35.

Зел-еныи.—Зелие.

Зем-ля.—Земьный, земельный.—Тоземьць, тоземьць туземець.

Зим-а.—Зимовати.

—Зир—см. зр ; злато см. золото.

Зми-и —Змиєвъ.

Зн-ати.—Незнаемьи.—Познати.—Познатися *познася худъ*—увидѣли, что онъ плохъ.—Знаменіе 1) об. предназначенованіе; 2) знакъ 185,40; Берендичи пишутъ свои знаменія 85,13 письма^а или условные знаки?—Назнаменати назначить.—Назнаменовати 198,32 обозначать рет.—Рознаменати 99,5 *конъ* положивъ на нихъ свои клейма (*пятны*).

Знои.

Зовоу см. зв-ати.

Золото, злато.—Золотый, златый.—Золотовръхый.—Златооустъ.—Позолотити.—Позлотистъ 223,3 позолоченный.

(Зр, зор, зир) зр-ѣти *на ся зряща* 38,1; выжидая другъ друга; *зрѣти на кого* 149,10 слушать кого; *на Володимерь* 160,9 думать какъ-бы завладѣть имъ.—Зрѣмо 129,31 *перейти*—сколько видно мѣста раз-разъ, 3—4 версты?—Взрѣти *на Богъ, на Божію помочъ*—надѣяться.—Дозрѣти 42,15. 49,32 *чего* дожидаться.—Обзрѣти.—Озрѣтися.—Перезрѣти 54,9. 212,4 *не могу отчины свое* 54,9 не могу отказаться отъ нея; *пожы* пересмотрѣть.—Позрѣти.—Подзрѣти 24,1. 84,37. 105,2 *подъ княземъ волость*—подъсматривать, подыскиваться, нельзя ли отнять ее.—Призрѣти призрѣть, призрѣть; но 21,25 *вм. прѣзрѣти*, оставить безъ вниманія.—Прозрѣти.—Прозрѣніе.—Розирати 52,19.—Сзрѣтися переглянуться.—Оузрѣти.—Оузрѣтися.—Позоровати.—Зоря или множ. зорѣ.—Оузоръ 196,29 то, что двери украшены разноцвѣтнымъ камнемъ.—Оузорочкине украшеніе.—Зръцяло.—II. Зазоръ 156,24 *имѣти чему*—завидовать.

Зрън-о.

Зоубъ-ъ *рыбий* 86,15.

Зъл-ни.—Зълодѣи.—Зълоба свирѣпость, злодѣйство.—Незълобивый.—Озълобити 99,4 наказать?—Озълобленіе.

Зъл-о.—Дозѣла.

Про-зѣв-еніе.

Зятъ род. *зятя и зяти* и т. д.

И-ти итти, итти въ походъ.—Вънити.—Възити.—Выити.—Доити, об. недоидуче.—Зайти *кого отъ чего* отрѣзать кого отъ чего; *заиде и болѣзнь* 223,20 задержала? или застигла?—Изити.—Произити 10,12 рет.—Найти 1) найти 2) встрѣтить 3) прійти на кого войною.—Нашѣствіе.—Изнанити найти.—Обити.—Отити.—Отѣшѣствіе.—Перейти; *перейти и прити, прѣидоша и придоша* часто смѣшиваются, нп. 2,6. 44,1. 153,1.—Поити.—Прити.—Пришѣствіе.—Пришѣльць.—Проити.—Розити 37,32. 63,3. 110,11. 148,30 1) раздѣлять кого отъ кого 2) разойтись.—Розитися.—Сънити, съити, соити.—Съитися, сънитися *крестнымъ цѣлованіемъ* 137,36 помириться.—Оуити.

- Игр-ати *душею* 42,29 шутить спасеньемъ т.-е. нарушать клятву.—Игра.—
Съигра-ти.
- Игоумень.—Игоумень прил.—Игоуменія.—Игоуменьство
- Июреи.—Июрейскіи.
- Известъ 141,34.
- Изморагдъ 152,26 смарагдъ.
- Икона.
- Икономль (экономовъ).
- Им-ѣти *кого въ любовь* 21,10 любить; *имѣть службу нашу* 169,3 прійми нашу покорность, прійми насъ въ подданные; *имѣти яко отца*—считать за отца; *лѣсть имѣти*—коварствовать, измѣнять.—Имѣніе.
- Имя.—Именовати.—Именоватися.—Въсеименити 166,1 знаменитый рет.—Именины 141,36.
- (Ин) иноплемённыи.—Иноплемённикъ.—Иноязычъникъ.
- Индиктъ.
- Индитѣва, индитія одежда на престолъ.
- Иск-ати *воласти*—пытаться завоевать; *стрыичича*—83,31 вести съ нимъ войну; *искать мѣха кому*—зложелательствовать.—Възискати *Июря* 25,10 стараться освободить.—Изискати 28,15. 32,11 съискать.—Поискати.
- Ист-ина.—Въистиноу.—Истиньни, истиньи.—Истовое, *вм. извъсто* Хл. 97,0. навѣрное.
- Июль.
- Июнь.
- Ка-ятися раскаяваться, просить прощенья.—Покаятися.—Покаяніе.—Оканьни проклятый.—П. Казнь наказаніе.—Казнити наказывать (казнить смертью *пп.* 119,31).—Показнити наказать.
- Кадѣло, кандѣло.—Кадѣльница.
- Каз-ати 1) показывать 2) приказывать 3) сказывать 4) наказывать 119,1.—Наказати 1) дать инструкцію, наказъ 2) приказывать.—Наказаніе 116,4 наказанье.—Показати.—Показатися 134,24 отличиться.—Приказати поручить.—Съказати.—Съказаніе.—Оуказати.—П. Казитися 37,23 портиться (о замерзшей рѣкѣ).
- Росъ-кал-іе распутица.
- Калоугеръ 153,35. 184,27.
- Кам-ы, каменіе.—Каменьный, камяни.—Каменьникъ 117,13 каменщикъ.
- Канъ см. ханъ.
- Каноунъ 2,9 канонъ, всенощная.—На каноунъ наканунѣ.
- Карити, см. кор—.
- Кация, кацѣя, кацѣя 27,13?
- Келія.
- Керѣлешъ, керелесь Хл. киреилѣсонъ, куриелисонъ—киріе элейсонъ,
- (Клад) класти.—Въсѣласти.—Докладывати 216,35 *кого* спрашиваться у *кого*.—Накласти.—Покладати *честь на комъ* уважать;

вины на комъ—обвинять; *на Бозъ вся покладывая провожаише* 123,18 переносилъ все (оскорбленія), возлагая на Бога (говоря только: да Богъ взомститъ).—Покладъникъ 95,25?—Прикладывати, прикладати 72,22. 153,13.—Съкладати.—Оукладывати 38,28 *на комъ* предоставлять рѣшеніе кому.

Клекъ-ътати 183,12 *объ* орлахъ.

Кли-кати.—Кликъ.—Кличъ.—Въсѣкликноути.

Клиросъ, крилосъ.—крилошане.

Клобоукъ.

(Клон, клан) кланятися.—Кланяніе.—Клонитися 172,17.—По-клонитися *кланяється, поклонися*—знакъ покорности.—Поклонъ.—Прѣклонитися.—Съклонити.—Оуклонитися 101,3 *на что*—полститься, броситься.

(Кльн) клясти.—Клястися, клятися.—Клятва.—Проклясти, про-клятый.—Треклятый.

Клѣть 19,29,30 *аябаръ, клѣтъ*.

Клѣщъ (двойств.) 5,12.

(Клю) клевета.—Клеветати.—Оклеветати.

(Ключ) ключитися.—Ключъ *держати*—быть ключникомъ.—Ключъ-никъ 75,40 113,19.27. 114,32.

Кметъ-ство 56,22 *дивляхуся* (Кіевляне) *кметства ихъ* (Венгровъ, за-бавляющихся военными играми на коняхъ).

Ковъ-ь 201,34 *ворожба?* Кобъникъ 182,20 *волхвъ и кобъникъ*.—П. Ко-была.—Кобылии.

Ковъръ 114,34.38.

Кож-яны.—Кожухъ 187,13.

Всѣ-козн-енны 23,19 *діаволь рет*.

(Кои, чи) I. Покои.—Покойныи—Покойще ЦС. 222,8.—II. Пере-почити отдохнуть.—Опочити остановиться на отдыхъ послѣ похода; но 128,23 *пріютитися?*

(Кол) заклати.—Заколение.—Колъ.

Колъ-но,

Кол-а множ. тѣлѣга 21,33. 34,13. 92,39.—Около.—Коловоротъныи 226,5 *самострѣлъ*.—Окольныи, окольнии.

Колъ-ватися.

Колодъ-ьникъ.

(Колод) кладязь.

Колоколь.

Колымагъ 158,27. 186,10. 190,19 *въ колымагы рекше во станы* (у Венгровъ и у Ятвяговъ); *въ колымагъ свой рекше во станъ* 190,19 (у Данила).

Комар-а, комары *церковныи*; онѣ устраиваются для положенія тѣлъ Бо-риса и Глѣба 6,25. 26. 29; на нихъ бѣгутъ люди запершіеся въ церкви отъ непріятеля 192,15.

Комонъ-ь. конь; *комонъ* 55,28. 56,22. 57,19.—Комонство 47,20 князь погребаетъ убитаго коня, *жалуя комонства его?*—Кониная конское

мясо.—Конюхъ 202,з по Хл. *конюхий*. — Конюшии 133,27. 35. 38 конюхъ?—Коньникъ, конници конница.—Коньскыи.—*удариха на конихъ его* 51,8 — предл. мн. отъ конь? по Ип. поправлено послѣ на *конюхы*—потому должно производить отъ коньнии=конный? на коньниихъ=на конныхъ.

Коньдакъ.

Исъ-коп-ати.—Росъконати.

Коп-иѣ.—Копиинни.

(Кор) I. А) Оукорити.—Оукоритися 201,22 *укариуашеться ему*—бранилъ его. — Оукоръ. — Оукоризна.—В) Покорити.—Покоритися. — Покорение.—Непокорьство.—II. Карити 201,23. 25. 26 *по умершей*—оплакивать.

Кор енъ.—Въкоренитися.—Исъкоренити.

Кор-абль 78,39.

Кор-истъ добыча.

Коркодиль—конечно древняя форма *крзкодиль*.

Король.—Королевъ.—Королева, королевая.—Королевскыи.—Королевиць сущ. — Королевиць 172,23 прил. королевичевъ. — Королевство.

Коромола заговоръ.—Коромоловати.—Коромольникъ.

Короуна корона.

Коръзно 34,1. 114,38. 115,8.

Кост-ъ.

Кот-ьль.

Котора ссора, междоусобіе.—Росъкоторатися.

Кошъи 98,17. 26 *бытъ въсть Половцемъ отъ кошъи Гаврилкова сына...*

Мьстиславъ посла наворопъ съдельники свои и кошъи?

Коярь 187,10 *кони въ кояръхъ кожаныхъ?*

(Крад) покрасти.—Оукрасти.

Оу-краи-на 138,9. 160,32. 208,24 пограничныя земли.—Оукраиняне 203,13.

Крас-ити украшать. — Краситися, — Оукрасити. — Оукраситися. — Оукрашение. — Красьныи прекрасный. Прекрасьныи. — Красота.—Оукрасоватися 222,5.

Крестьянинъ см. хрестьянинъ.

Крив-ыи.

Криж-евъникъ 175,5. рыцарь креста Господня.

Кри-чяти.

Крил-о *полку*.—Крилати.

Крилось, см. клирость.

Оукропъ 72,22 больного влагаютъ въ укропъ.

Крот-ъкыи.—Кротость. — Оукротити 52,11 *Половиръ* — не дать имъ грабить?

Крох-ъти 5,8 крошки, пыль?

Кроуг-ъ. — Въкругъ. — Окроугъ. — Окроужити. — Окроужный. —

Кроуживо 187,14. 220,13 кружево, бахрама.

(Кроух) съкроушити.—Съкроушится.

Кръв-ь.—Кръвопролитіе. кръвипролитіе.—Кръвопитіе 184,33.—
Кръвавыи.

Кръм-ъ провіантъ.—Кръмити.—Кръмитися.—Накормити.—
Накормитися насытитися.—Перекормити пропитать.—Покормъ
53,20 Угры посланы на покормъ въ Устилогъ,—Кръмля 194,29.
222,7 пища.—Кръмитель.—Кръмительница.—Кръмильць 61,33.
100,28 дядька.—Кръмилиця 156,20 кормилица? или скорѣнянька?—
Кръмиличия 171,19 жена кормилица?—Кръмиличичь 156,9.
158,3.

Кръм-а.—Кръмьникъ 59,5 рулевой.—Въскръмити 214,38 напра-
вить ЦС.

Кръчяга 27,11 въ корчагахъ вино.

Кры-ти.—Открыти.—Покрыти и Ип. 6,19 покрити.—Прикрыти.—
Скрыти.—Скрытися.—Кровь.—Покровъ.—Безъпокровьныи
222,8 рет.—Прикровъ 34,21.

Кръс-ити 64,16 воскресить.—Въскресеніе.

Кръсть, хръсть.—Кръстьецѣлованіе 18,20 присяга.—Кръстьць 72,8
маленькій крестъ.—Кръстьныи, хръстьныи *крестное цѣлованіе*—
присяга.—Кръстити.—Кръститися.—Кръщеніе.—Кръститель.—
Кръстильница 197,15 въ ней крестятъ воду на богоявленіе.—
Окръсть.—Окръстьныи, окръстьныи.

Кръп-ити 113,18 ободрять.—Кръпитися ободрять себя.—Оукръпити
1) укрѣпить 2) ободрить.—Оукръпитися.—Кръпость мужество.—
Кръпѣкыи сильныи *крѣпко битися* 1) съ мужествомъ сражаться 2)
быть на битвѣ въ опасности; *крѣпка брань*, *сѣча* сильная, тяжелая;
крѣпка рѣчь 86,3 сильный споръ.—Кръпѣкодоушьныи 176,24 рет.
(Коу) ковати.—Въсковати 78,39 *на икону серебро*—сдѣлать ризу.—
Исковати 88,23 перековать, заковать въ оковы.—Оковати.—
Оковы 125,24.—Поковати 7,7 *комаръ серебромъ*—украсить кованымъ
серебромъ.—Съковати.—Коузьникъ 196,22 кузнецъ.

Коубара 83,39.

Коув-ѣкъ 112,16. 219,6.

Коуд-равыи 220,39.

Коуд-ъшьскыи 184,32 суевѣрный, языческій.—Коудъшьство 184,40 суе-
вѣріе, изувѣрство.

(Коук) докоучивати 19,14 усиленно просить.

Коум-ъ 17,12. 204,20.

Коумоузъ, коумызъ 133,37. 185,2 у Половцевъ и у Татаръ.

Коун-а 86,15. 145,16. 194,5. 208,1. 215,33. 223,15. 225,5 куна; 1.
куница, 2. кунья шкура (=монета).

Коуп-ьно, въ коупѣ.—Съвъкоупити, съкоупити и ошиб. изд. ско-
пити собрать нп. *вои*—войско.—Съвъкоупитися, съкоупитися
ошиб. изд. скопитися собраться; о князьяхъ 1) собирающихся на
сонмъ 2) собирающихъ *вои*; *съкоупитися въ любовь* 89,35.—
Съвъкоупленіе соединеніе.—Съкоупость.—II. Коупити.—Вы-

коупити. — Искоупити. — Искоупъ выкупъ. — Отъкоупитися 58,4 кому — расплатиться съ кѣмъ. — Коупьць.

Коуп-ль 152,33. — Коупалья 200,11 *наканунъ Иванъ дня, на самая купалья.*

Коуп-ина 113,7 ЦС.

Коур-ъ 72,25. 220,2. 225,5 пѣтухъ; *якоже бысть къ куроу* — около полуночи; *въ куры* — въ полночь.

Куръ, кюръ титулъ цареградскихъ императоровъ и царевичей.

Курелисонъ ср. керельшъ.

(Коус) коушати 62,11. 128,17 попробовать. — Въкоушати. — Искоу-сити. — Искоушение.

Коуст-ъ 184,35. 37. 185,12.

Коутиа 153,32.

(Кън, кон, чън, чя). — I. Искони. — Законъ 5,13. 17. 26. 30,4. 115,17. 22. 135,30. 181,7.9. 209,11. 219,23 1) собств. обычай, 2) законъ, 3) вѣра. — Законопрѣстоульникъ. — Незаконно 102,40 *мученъ* за свои беззаконія. — Безаконіе. — Безаконныи, безаконни. — Безаконіе. — Безаконьновати, безаконovati. — Коньць. — На-коньць. — Коньчъный 113,7. 126,18. *тъсни* — похоронныя. — Оконьчъныи 12,28 концевой. — Коньчяти 33,9. 40,13. 125,22. 152,1. 220,7 *съ кѣмъ* раздѣляться (нп. и убить 125,22). — Коньчя-тися. — Доконьчяти 88,33. 207,27. 218,11. 226,19 кончить. — При-коньчяти 34,14 убить. — Съконьчяти 1) кончить 2) убить. — Съконьчятися 1) умереть 2) 200,2 довершиться. — Оуконьчяти 144,11. 25. 146,35 кончить. — II. Кънязь. — Кънязь 105,28 прилаг. княжескій. — Къняжия 13,31 собирает. женск. р. = князя. — Къня-жичъ сынъ князя. — Къняжь. — Кънягъни. — Кънягънинъ. — Къня-жити. — Къняжение. — Къняжитися 159,5 корчить изъ себя князя. — Въкъняжитися 159,32. 179,10 сѣсть на престолъ. — III. Зачяти. — Зачатию. — Зачяло. — Начяти. — Начатию. — На-чяло. — Начинание. — Начяльникъ 23,27. 85,10. 113,19. 121,37. 224,37 зачинщикъ. — Почяти. — Почятися. — Чядо. — Исчядице. — Чядь 30,13. 99,37. 100,9. 101,25. 106,10. 25. 213,11 *чади* (у По-ловцевъ) *шестьдесятъ, четьреста; Бастъева, Чарова чадъ* (у По-ловцевъ); *простая чадъ* 213,11 противопоставляется боярамъ.

Къниг-а. — Кънижъникъ мудрецъ.

Кър-а 13,8. 9. 140,27 см. объясненіе издателя.

Ла-яти кричать 61,35. 184,2.

Лад-ити 48,4 мирить. — Ладитися мириться, вести переговоры. — Оула-дити, помирить.

Лазоуръ 196,27.

Ласк-ание 194,19 притворное улещиванье.

(Лег, лог) I. Лежати. — Вълечи 114,25. 132,36. *грабитъ* принялись; *во Днипръ* войти. — Вълягомо 28,12. 72,24 *якоже бысть вягомо* — когда пришла ночь. — Налегати напирать (нп. о неприятеляхъ). — Налога 26,13 обременение. — Обълечи 130,35 остановиться на ноч-

легъ.—Перележати 2,10. 122,36 *ночь* простоять на роздыхѣ.—
Прѣдлежащее на *пр. възвратимся*—о чемъ прежде говорено? или:
о чемъ слѣдуетъ говорить?—Прилежати *чему*—усердно заниматься.—
Прилежныи.—Оулечи 4,19 *мятежъ влече*—успокоилось волненіе.—
Пожьница 113,16. 22 спальная—П. Въложить нп. *въ гробъ; въ*
тяготу кою—ввести въ непріятность.—Възложить нп. *честь на*
комъ—почтить кого; *впру на лжю* 166,3 придать вѣроятіе лжѣ.—
Доложити 83,2.—Заложити нп. *церковь; заложити церкви* 9,1 *вм.*
заложися, заложна бысть.—Заложитися 37,20. 55,2? 87,22.
98,26. 124,24. 141,17 *рѣкою, лѣсомъ* заслониться; *заложивъсь* ночью,
ночь поща 87,22. 98,26. 124,24 уложившись ночью на возы?—Изъ-
ложити 223,11 описать.—Наложити.—Объложити.—Отъложити
отложить; по 14,23 *вм. отъложитися*.—Отъложитися 161,4.—
Положити *тѣло, честь на комъ* почтить; *положити на собѣ что*
66,6. 25 оставить на себѣ (безчестье); *положити вину*—сказать что
виноватъ *старѣйшинство на комъ* 110,29 признать старшимъ; *со-*
вить 61,39 рѣшить.—Положение то. что положили.—Приложити
честь къ кому 25,25 почтить.—Приложитися *къ кому*—стать его
союзникомъ.—Съложити *сорокъ*—отмстить за безчестье; *голову сло-*
жити за кого—жизни не жалѣть; *путь съ кѣмъ сложити* 81,10
условиться о походѣ.—Съложитися 89,15. 19 *любовью съ кѣмъ*—
вступить въ союзъ.

Летѣти 1) летѣть 2) падать.—Перелетѣти.

За-ли-ти.—Изълити.—Обълити.—Полити.—Росъполиватися
37,25 разливаться (о рѣкѣ).—Пролити.—Пролитися.—Пролитіе
крови.—Сълити.

Лививыи Хл., любывыи Ип. 212,10 *конь* *вм. любимыи* какъ издатель.

Лиз-ати 175,24 *уста своя*—когда хотять подольститься.

Лик-ъ нп. *чернецкій*.—Лице 1) лицо 2) улика.—Нелицемѣр-
ныи.—Личина 187,10 *кони въ личинахъ*—палобникахъ?—Объли-
чити.—Объличение.—Розъличыи.—Разъличъ 5, 6. Ипат.
вм. различныи.

Лис-иця 169,23.

Литоургия.

Лих-ши, лихо 1) плохой 2) злой; *лихо пздити* 217,38 плохо, такъ
что есть опасность,—Прѣизълиха 204,33 чрезвычайно; рет?

Лиш-ити.—Лишится 12,29. 25,15. 38,34. 54,8. 98,18. 19. 108,34.
138,5. 146,29. 149,9 *чего, кого* бросить, покинуть, нп. *брата* по-
кинуть хлопотать о немъ; *Кіева*—перестать домогаться; *Переяславля*—
покинуть его.—Обълишенъ 152,15 рет.

(Ловѣз) обълобызати 143,27.

Лов-ити 1) ловить, охотиться 133,18; 2) *ловити чего* подыскивать
случай, чтобъ сдѣлать какой вредъ; вообще искать, стараться нп.
битися.—Ловы вин. множ. охота.—Ловѣць.—Ловѣчии.—Ловѣчене
225,1. 3 родъ налога.—Обълovitи 139,25 наловить довольно.

Под-ия.—(Олядия 164,10=лодия).—Лодииникъ 126,12 гребецъ на ладѣ.

Въ-лож-ити вм. лег—.

Лоз-а 89,39 на болонѣи въ лозахъ.—Лозина 169,19 городъ обогнали вода и сильная лозина и вербѣе.—Залозьныи 97,35 путь отбиваютъ Половцы.—Залозьникъ 94,16. 98,37 Гречнику и Залознику князя выходятъ на встрѣчу, чтобы сберечь ихъ отъ Половцевъ.

Локоть, лакоть род. множ. 106,36. 197,6. 215,33.

Вы-лом-ити.—Изъломити.—Изломитися.—Объломити 133,14 сокрушить, рет.—Объломитися 37,27. 141,10 на озеръ проломитися подъ ледъ.—Поломити 6,18. 203,36 полкъ сломить.—Проломити.—Оуломити 183,37. 188,9 отломить.—Ломъ 110,10. 123,37, 178,2 ломанье; по 123,37 стояху на горахъ, во пропаstechъ и ломохъ—обвалъ?

Лонокравовичъ 157,36.

Лошадь, Ип. лошадька 1,11. 12.

Лоугъ противополог. „горъ“; обыкн. луговая сторона Днѣпра.

(Лоук—) I. Лоукъ *самострѣльный* 128,39.—Лоучьникъ 196,22 мастеръ, дѣлающій луки.—Лоукъ *сѣдельный* 47,11 лука у сѣдла.—II. Лоука 104,29 моря—заливъ.—III. Лоукавыи.—Вьселоукавыи 98,2 ретор.

Лоукъ-но, Хл. локно 225,3 *дѣтъ лункъ меду*—кадочка?

(Лоук) I. А) Отълоучити; вм. *отлучитися* 124,39 Ип.—отѣхатъ; *что на кого отлучити* 179,16 отдѣлить, оставить для кого.—Отълоучитися 24,16. 68,25. 38. 69,11. 190,7 *съ кѣмъ* 24,16—поѣхатъ; *отлучитися кого*—отстать отъ союза.—Розълоучити; *розълучивая съ братьею* 17,35 дѣлась.—Розълоучитися 1) разлучиться 2) покинуть другъ друга.—Розълоучение 19,7 ссора. Нерозълоучьно.—В) Полоучити.—Полоучение случай 132,1.—Прилоучитися 153,36. 175,17. 195,32. 196,3 случиться.—Прилоучаи 158,1 случай.—Сълоучитися.—Оулоучити 47,9 *улучи самъ по нихъ*—погнался самъ? или: попались ему самому они?—II. Лоучии, лоуче; *лоучии людѣе, мужеве* 66,30. 94,21=*мѣшшии, добрыи людѣе*—знатные; *лоучая дружина* 13,26 тоже.—III. Лоучь.

Лоун-а.

Лоуп-ити 209,11. 212,12 грабить.—Изълоупити 212,25 ограбить.—Обълоупити 27,12. 209,12 тоже.—Полоупити 209,12 тоже.

Лъвъ.—Прилъбица 104,27. 180,28 племъ?

Лъг-ати.—Сълъгати.—Лъжь прил. 48,17. 166,1. 184,3. 218,10 лживыи.—Лъжя 89,22. 99,22. 165,22. 166,2. 3 ложь.—Лъжьныи 101,29.—Лъживыи.—Лъжеименьць 166,3 рет. лжець? самозванецъ?

Лыс-ни.

Лъвъ-тъ.

Лъгъ-къи, лъгъко.—Лъгосръдыи 224,2 незлопамятный.—II. лъзѣ, нельзѣ.—Польза 20,9.

Лъдъ, множ. *лдове*—ледъ.

Лънъ 225,4.

Лѣсть-обманъ, лукавство, измѣна; на лѣсти обманомъ.—Лѣстити; *подѣ* кѣмъ обманывать, коварствовать, измѣнять, зложелательствовать.—Лѣстьць измѣнникъ.—Лѣстивый измѣннический.—Лѣстный 176,25 лѣстивый.—Нелѣстно 154,7 истинно.—Облѣстити обмануть.—Перелѣстити *кого*—обмануть, измѣнить ему.—Прѣлѣсть обманъ, измѣна.—Прѣлѣщение 176,12 обманъ.

По-лѣв-оу полѣво.

(Лѣз—) лѣсти 50,3. 72,14. 134,1. 212,11 ити.—Влѣсти 41,6. 143,26 войти; но 170,15 влѣзъ.—Влѣзлѣсти 132,38.—Влѣсти 212,24. 219,39 выйти; но 97,2 *вылѣзе послухъ по Васили* нашелся свидѣтель за Василья.—Илѣзлѣсти 205,21 *городъ* взять приступомъ.—Налѣсти найти; *столъ отца, отчину*—отыскать, завоевать; *брата* 25,19 отыскать, освободить; *честь свою*—смытъ обиду, отыскать права свои; *хотѣніе свое* 146,6 достичь его исполненія; *правду свою* 148,26 отыскать свои права.—Налѣстися 133,23 *налѣзся мужъ* нашемъ челоуѣкъ.—Полѣзти пойти; на конѣ—сѣсть на коней, отправиться въ походъ. Прилѣсти 210,2 прійти.—Слѣстися 170,15 сойтись (или сползтися?)—Лѣствица 199,20.

Лѣн-иво, лѣнность.

Лѣп-ны, лѣпо, нелѣпо, лѣпшии, лѣпше, лѣпше *лѣпшии мужи* 17,10. 96,24. 121,3. 122,26 *лучшіе, знатные; нелѣпо есть*—нехорошо, негодится.—Безлѣпа 31,30. 35,5. 140,21. 208,9 безъ причины, неосновательно, попусту.—Нелѣпѣти 99,15 такъ издат. но Ип. Хл. *нелѣпѣти (велитъ братъ хрестъ цѣловати)* неосновательно, безъ всякаго повода съ твоей стороны; смыслъ ясенъ; но описка *нелѣпъ* вм. *нелѣпъ*, или правильно?—П. Прилѣпа 196,29 *прилѣпѣ въ церкви отъ всихъ шаровъ и злата?*

Лѣс-ъ, лѣсные.

Лѣто 1) лѣто 2) годъ.—Лѣтовати 132,18 провести лѣто.—Лѣтописецъ 225,6 хронографъ, лѣтописъ.

Лѣв-ити 1) любить 2) предпочитать 3) желать.—Любимыи.—Прѣлюбимъ 81,35 очень любимъ.—Влѣзлюбити 1) полюбить 2) предпочитать 3) захотѣть.—Влѣзлюбленни.—Илѣзлюбити 44,4 захотѣть.—Оулѣбѣти захотѣть, предпочесть, согласиться на что; *умлюбилъ бы Кіевъ ему* 77,27 *вм. умлюбися* понравился ему Кіевъ.—Любыи, любъ, любо (нарѣчіе)—милый.—Нелюбъ, нелюбо.—Любо (союзъ) или; *како любо* 145,27 во всякомъ случаѣ; *любо въсхотѣть* 211,32 можетъ быть захотѣть; *любовы же дати жену на полонъ* Ипат. Хл. 66 *вм. любо же дати* какъ въ изданіи—описка или нѣтъ?—Любы 1) любовь 2) доброе согласіе, миръ союзъ; *велику любовь створити межи собою* 52,3 (о встрѣтившихся союзникахъ) очень хорошо, дружелюбно обходиться? *цѣловати крестъ на всей любви* 79,4 отъ чистаго сердца? *любы Ростиславля т.е. къ Р., союзъ съ нимъ; любви святѣства* 178,21 *узы свойства.*—Любовная 89,14 *рѣчь* дружеская.—Нелюбіе и 211,37 нелюбовіе непріязнь.—Нелюбовати 127,32. 143,28. 201,23 негодовать.—Любзьно дружески.—Любзьникъ 121,23. 136,34 на

дружину бѣ любилъ ее; питію многому любилъ пить.—Прѣлюбъ 5,14. 27 *дѣяти.*—Любодѣецъ.

Люд-иѣ.—Людская 80,27 *погибелъ* то, что народъ гибнетъ.

Лют-иѣ.

За-маз-ати 222,12. 16.—Помазати.—Помазание.—II. Маслопоусты-
ная Ип. Хл. 20,34 *вм. мясопоустыная*, тоже что *масляная*.—Масль-
ная 3,26. 14,24. 29,11. 107,7 *недѣля*.

Маи.

Мал-иѣ, мало, немалъ, немало; *мало* 1) нарѣч. и 2) сущ. *вп. въ малъ*
дружины, съ маломъ дружины съ небольшимъ числомъ дружины; ма-
ломи 142,27 можетъ быть, что мудренаго; *малѣи* 191,22=*дѣтѣстѣи*.—
Малѣ 94,23 *не весь*—едва не весь.—Нимало.—Замало *не* 156,8.
165,12.—Замаломъ *не* 106,35 *едва не*.—Помалоу.—Маловрѣмень-
ныи рет.—Маловѣрныи 154,35 рет?—Малодоушныи рет?—Ма-
ломошь 153,19. 34 бѣдный? ЦС.ѣ—Оумаляти 221,21 *уменьшить*.

Манѣти, манотѣ 33,30 и мятля 72,31. 33. 199,23 (=манотѣ) мантія.

Мартѣ.

Мастеръ 88,38. 153,26 188,1. 196,21; но Ип. 88,38 *мастыръ*.

Мат-и.—Матерныи 89,9 *материнъ*.—Мачеха 73,12. 74,10.—Маче-
шичъ 78,8 *сынъ мачехи*.—Матка 175,21 *пчелиная*.

Мед-ъ 26,31. 27,11. 171,6. 177,21. 225,3.—Медоуша 113,17 *медовой*
погребъ.—Медвѣдъ 216,18.

Мет-ати бросать; покидать.—Вѣметати 47,13. 88,26 *въ погребъ; въ на-*
пастъ.—Вѣметатися, Ип. вѣметатися 67,29 *въ Угры*—броситися
въ средину Венгровъ.—Възѣметати 92,39 *взметнуть*.—Наметати.—
Отѣметыиѣкъ 33,31 *отступниѣкъ рет*.—Переметати 56,4. 97,19
мостъ—послѣ этого нельзя пройти, и надобно опять *помостити* его.—
Пометати покинуть, оставить.—Приметъ 190,29 *взяти городъ при-*
метомъ наваливъ соломѣ и хворосту къ стѣнамъ и потомъ зажегши
ихъ.—Въсѣпрометатися 183,13 *на воздухъ*—объ орлахъ рет.—Розѣ-
метати 6,20. 198,19. 20. 21. 26. 27 *раскидывать*.

Меч-ѣ.—Мечевыи 172,27. 31.—Мечныиѣкъ 22,33. 109,5. 115,16 (*санов-*
ныиѣкъ при князѣ).

Ми-ноути миновать; *изъ землѣ* 214,13 *выйти наконецъ*.—Изѣминоутися
198,4 *сторожи изминушася съ ними* разошлись, не встрѣтились.—
Оминоути 129,13 *кого*—пройти мимо его, не встрѣтиться.—Поми-
ноути *что*—миновать.—Проминоути 42,37. 38=*поминоути*.—
Мимо.—Мимотеѣныи рет.

Миръ I, миръ рах.—Миролюбіе.—Мирити.—Миритися.—Омирити
7,22 *кого* заключить миръ съ нимъ.—Примирити *кого къ себѣ* заклю-
чить съ нимъ миръ.—Сѣмирити, сѣмѣрити помирить.—Сѣмири-
тися, сѣмѣритися помириться.—Оумирити.—Оумиритися.—Мирь-
ныи 1) мирныи 2) мирной, невѣдущій войны.—Немиръныи 111,7.—
Мирныиѣкъ 198,3. 13. 19 съ кѣмъ у насъ миръ.—Немиръныиѣкъ 203,9
съ кѣмъ незаключено мира.—II. Миръ mundus.—Мирьскыи,

мирьскы, мирьскыи (нарѣчіе) по мірскому (имя другое, Славянское) 58,26. 93,33. 102,12. 121,16. 136,10. 151,8.

Мил-ни.—Милосръдіе.—Немилосръдіе.—Милосръдовати.—Прѣ-милосръдны 150,11 рет.—Мировати.—Мированіе 153,18 рет.—Помиловати.—Помилованіе 100,14.—Милость 1) милость 2) помилованье 3) милостыня.—Милостивыи.—Немилостивыи.—Безъ-милостивъ.—Въсемилостивыи ЦС?—Немилостивыи, немилостивыи.—Милостыни.—Милостыникъ 114,19. 122,26 *шедше от-туда* (убійцы Андрея) *убиша Прокопѣя, милостыника его; Святославъ сдумавъ съ княгиніею своею и съ Кочкаремъ, милостыникомъ своимъ?*—Милостыни, Хл. милостыниковъ 114,20. 21 *кони милостыные, оружіе милостное* у князя Андрея?

Митрополить.—Митрополия.—Митрополитьскыи.—Митрополичь. Млѣ-ниа.

Млѣв-ити говорить, сказать; *во здорověе кому* 15,25 доброжелательство-вать.—Измлѣвити 102,37. 185,4.—Отмлѣвити 68,10 отвѣчать.—Перемлѣвити 178,11. 179,35 уговорить, чтобы перешли на нашу сторону.—Подъмлѣвити 41,1. 81,8. 83,32 подговорить.—Розъмлѣ-вити 48,34 уговорить чтобы недѣлали, отговорить.—Съмлѣвитися условиться, уговориться.—Оумлѣвити уговорить; *на чемъ* 147,12 усло-виться въ чемъ.

(Млѣз) млѣко, молоко.

(Млѣк) млѣчати.—Млѣчанинъ.—Оумлѣчати 41,38 промолчать.

Мнихъ.—Мнискыи.

Мног-ны, много.—Многоглаголивны 20,6. 21,10 вар. Х. Ип.—Мно-гоисиманіе 117,21 поборы, грабительство.—Многokrаты 177,15.—Многорозъличныи 88,34 рет.—Многолоукавыи 109,20 рет.—Многолѣтныи рет.—Многоплодныи 222,4 рет.—Многострасть-ныи 34,16 рет.—Многоцѣнныи рет?—Прѣмногыи 81,35 рет.—Многажды 47,13.—Оумножити 82,28 ошибочная поправка перепис-чика вм. *обнажити*, какъ правильно Лавр.—Оумножитися.—Оум-ноженіе 213,23.—Множество.—Въсемножество 220,35 рет.

(Мог) мочи.—Възмочи.—Измочи 23,30 Хл. вм. *възмочи*.—Пере-мочи 100,7 пересилить.—Перематися 15,28 перебиваться вести тя-желую войну.—Помочи.—Поможение.—Розъмочи 48,13 усилиться, процвѣтать.—Мочно, немочно.—Възможно.—Въсемогныи ЦС?—Въсемощныи ЦС?—Въсегоушьство ЦС?—Помочь 1) по-мощь, 2) вспомоgetельное войско, союзники; иногда во множ. *помочи* нп. 90,9.—Помочыныи 128,5 *помъ* союзники.—Помочыникъ.—Помочыница.—Немочи быть нездорову.—Измнемочи быть тяжело больнымъ, быть при смерти.—Измнемочися 101,32. 132,35. 134,35. 166,24. 27. 174,5 утомиться нп. отъ похода, войны.—Немочь 1) без-силіе 2) болѣзнь.—Мбщи множ. 6,5. 53,22 нп. Игорева = тѣло Игорево.

Могыла курганъ надъ могилою?

Мол-ити просить.—Молитися 1) молиться 2) умолять челоуѣка нп.

20,17.—Домолитися 53,2 достичь просьбами.—Помолитися.—Оумолити.—Молитва.—Молитвѣникъ 1) книга молитвеникъ 2) рет. богомолецъ.—Мольба 1) молитва 2) просьба къ челоѡѡу.

Молод-ыи; *молодъ* 176,26 дити *моложышяя дружина* 55,30 *моложышій людіе* 110,13 въ противоположность *старышій дружинѣ*—почетнымъ людамъ.—Изъмлада—Младѡство 164,29 молодость.—Младѡнѡцъ 110,16. 122,2 ЦС?—Молодъ 43,18. 87,17 молодежь, = *моложышяя дружина?*

Мон-исто 219,7. 223,18.

Монастырь, манастырь.—Манастырьскыи.

Мор-е.—Морьскыи.

Мост-ъ.—Мостъкъ мостикъ.—Помостити 56,8 *мостъ*—наместить.—Помость 196,27 въ церкви—поль.

Мот-ъви предл. пад. 135,15 мятяхуся акы въ мотви.

Съ-мотр-ѡти.—Осъмотрѡти 205,36.—Росъмотрѡти 15,8. 198,36 обсу-дить.—Росъмотрѡніе 14,7 обсужденіе рет.—Оусъмотрѡти.

(Мр) мерети 90,25.—Измерети умереть (о многихъ).—Померети.—Оумерети.—Съмръть *взяти* 16,15 найти.—Съмрътъныи смертельный.—Бесъмрътъныи.—Мрътъвыи.—Умрътъвити 103,10. 131, 5 *умертѡиша шойцю его* 131,5 ранили въ лѡвую руку такъ, что онъ не могъ владѡть ею?—Моръ 74,17. 82,13. 105,15. 212,35. 213,4.—Поморити 207,36.—Оуморити.

Мраморъ 197,13.

(Мръз) съмръзатися 53,4.—Морозъ 205,37. 212,25.—Заморозъ 70,31 *уже бѣ къ заморозу*—къ тому времени, какъ мерзнуть рѣки.—Мръзъкыи 109,23.

По-мрък-ноути.—Съмръкноутися 10,7 глаг. безличн.—Мракъ.—Омрачити.—Омрачъныи 113,6 находящійся во мракъ рет.—Помрачити.

Моуд-рыи.—Моудролюбіе.—Прѡмоудрыи.—Прѡмоудръно 103,10 рет.—Моудрость.

Моуж-ъ 1) мужчина, челоѡкъ; 2) *мужъ чей*—членъ чѡей дружины, становникъ.—Мужьскы нарѣч.—Моужьскыи мужественный.—Моужьство.—Моужьствъныи.

Мдук-а.—Моучити.—Моучитися.—Моученіе.—Моучитель.—Примоучити 146,5 обезсилить (непріятеля).—Оумоучити 21.24 замучить.—Моученикъ; двойств. *мученика*—Борисъ и Глѡбъ.—Моучениця.—Моученичьскыи.

Моут—см. мят—

(Мък) вѡмъчяти 34,4 *во дворѣ*—вомчать.—Примъчяти 43,14.—Оумъчяти 9,20.—Изъмъкъ Ип. Хл. причаст. отъ изъмъкноути 159, 9 *мечъ вынувъ*.—Отъмъкноути 115,1. 10 отпереть.

Мы-тися.—Омыти.—Оумытися 112,37. 116,8 *прегрѡшеній*—омыться отъ прегр.—Мовница 202,4 баня?

Мысл-ъ 1) мысль 2) намѣреніе; *мысль высока* надменность; *въ одной мысли быти*—единодушными быть.—Мыслити.—Домыслитися 114,31 *чего придумать что*.—Замыслити.—Замысль 61,26.—Помыслити.—

Помышление.—Помысль.—Промыслити заботиться о чемъ 1) въ хорошую сторону нп. о *Руской земли* 1,8; 2) въ дурную, *промыслимы* о князи 113,14 говорятъ убійцы—избавимся отъ него; *промышляй о себѣ* 117,4 = мы тебя выгоняемъ; и *нача промышляти* 205,22 хлопотать о дѣлѣ т.-е. послалъ за Татарами.—Промысль.—Розмыслити.—Съмыслити 179,30 *съ кѣмъ* посоветоваться.—Съмышлятися 158,11 Ип. толковать между собою.—Съмысль 1) разсудокъ 2) смыслъ, значеніе.—Несъмысленны 34,19 рет?—Оумыслити задумать.

Мыт-о 215,29.—Мытникъ 56,4.—Мытарь 151,18 ЦС?

Мыш-ья.

Мыг-а.

Мыд-лити 172,14.—Оумьдлити 183,18.—Немыдльно 152,34 рет?

Мызд-а 1546 ЦС?—Мыздыдавъць 153,20 рет.—Мыздоимъць 221,1 рет?—Везъмьздыникъ 192,2 ЦС.—Възмьздити 171,2 вознаградить ЦС.—Възмьздіе ЦС.—Оумьздити 53,2 склонить подарками.

(Мѣн) I. Мѣнѣти; *мняще мирни суще* 168,8 вм. *мнящиеся*; считаемые за друзей.—Мѣнѣтися 1) казаться 2) думать о себѣ.—Вѣсьпоминати.—Вѣсьпомѣнитися 119,2. 133,10 ЦС. опомниться (отъ грѣховъ).—Напоминатися 211,11 напоминать.—Помѣнити, поминати.—Намять.—Помянути вспомнить.—Помянуутися 116,23 вспомнить.—Съмѣнѣтися 38,1 сомнѣваться.—II. Въмѣнити 65,33. 108,38. 112,39. 121,20. 146,27 1) думать о чемъ 65,33. 112,39; 2) поставить въ обязанность, говорить о чемъ (при заключеніи договора) 108,38. 146,27 *Богъ въмѣнитъ кровь вашу съ мученикы* 121,20 почтетъ вашу смерть за мученическую.

Мѣн-ии, мѣнѣе.—Мѣнѣшиця 129,14 *Конякъ же утече, а мѣнѣшицю его яша?*

Мѣст-ъ; *мѣсти* множ. 65,17.—Мѣстити.—Мѣститися 122,22. 30. 139,32 мѣстить за себя.—Мѣститель.—Възмѣстити.—Отъмѣстити.—Отъмѣститися.—Отъмѣстїе 131,29. 178,36 отмщеніе.—Отъмѣстникъ отмститъ; ЦС?—Помѣстити отмститъ.

Мѣч-аніе 184,32 *Чинизаконова мечтанія*—выдумки или суевѣрія?—Изъмѣчтаныи 112,4 придуманный, рет.

Мѣд-ь.—Мѣдѣныи.—Мѣдѣяныи.—Мѣдѣница ЦС. лепта.

(Мѣн) изъмѣнити.—Прѣмѣнити.—Прѣмѣнитися 159,17 *во злато*—превратиться въ золото, расплатиться золотомъ.—Непрѣмѣнно 154,15 рет.

Мѣнея, минея.

Въмѣнити см. мѣнѣти.

Мѣр-а.—Мѣрити.—Въмѣрїтисѣ ЦС.—Съмѣрити смирить.—Съмѣрїтисѣ.—Съмѣренны смиренный.—Съмѣрєніе.

Съмѣс-ити.

Мѣс-яць.

Мѣст-о; въмѣстѣ, намѣсто, намѣстѣ, помѣстоу вмѣстѣ; *на всихъ мѣстѣхъ* во вѣхъ обстоятельствахъ; *до сихъ мѣстѣхъ* до этого времени.—Везъмѣстїе 19,13 *осажалъсѣ ими* (врагами) *около*, а намъ на безо-

ловіе и безмѣстіе и собѣ—то, что недостаетъ волостей?—Мѣстичъ 216,10. 225,31 житель вѣшняго города; они противуполагаются *горожанамъ*, жителямъ крѣпости.—Вмѣститися.—Намѣстныи 223,17. 18.—Намѣстникъ 221,20.

(Мяк) оумякъчити 186,22 *умякшиа сердца Ятвягомъ*—они содрогнулись. Мясо.—Мясопоуши 73,16.—Мясопоушная недѣля.

(Мят) мястися 88,9. 132,15 волноваться.—Мятежъ волненіе въ народѣ.—Мятежникъ 169,32. 184,11 *земли*—виновникъ безпорядковъ.—Възмясти 13,29 *полкъ*—разстроить.—Възмястися взволноваться, разстроиться.—Замясти 209,28 *къмъ*—разстроить кого?—Измясти 135,2. 142,24. 167,35 *къмъ*—тоже.—Смясти 131,25 привести въ безпорядокъ.—Смястися.—Смятение.—Ш. Смяутитися.

Наг-ни.—Нагота.—Обънажити *церкви иконами* 100,16 ограбить иконы изъ церквей.—Обънажитися 131,32 *отъ всего*—лишиться всего, рет. Нев-о.—Небесныи.—Подънебесная.

Нес-ти; Половцы *несутъ хрестьяны* 97,33 грабятъ, уводятъ въ полонъ?—Вънести.—Възнести.—Възнестися.—Изънести.—Перенести.—Понести.—Принести.—Възнесеніе.—Внести.—Донести.—Занести.—Пронести 202,2 *думу*—разгласить намѣренія.—Рознести.—Снести.—Снестися 85,10. 99,29 *рѣчми*—сговориться черезъ пословъ.—Оунести.—Носилица (мнж.) 115,25. 118,3. 15. 134,21 носилки (для покойника; для больного).—Понось 135,24 поношеніе, упреки.

Въ-низ-ъ.—Ниже (сравн. отъ низькій).—Понизіе 166,35. 167,19. 179,11.

(Ник) ниць прилаг. 147,5 *падаху ници*—падали ниць.—Вникнути 199,18. 210,3 высунуться.—Поникнути 130,6.—Оуничжити 168,38. 221,12 ЦС.—Оуничженіе 154,3 ЦС.

Нищ-ии.—Нищелюбъцъ 10,12 рет?—Нищетооуміе 154,11 рет.

Нов-ьи.—Изънова,—Объновити и поновити подновить, заново отдѣлять.—Поновитися ЦС.—Поновленіе рет?

Ног-а.—Подъножка 197,6.

Норовъ, нравъ.

Нос-ъ 59,6.—Нозьдри 63,35.

Ноч-ъ; ночьсь 101,9 и сыночи 72,35, 75,34 въ эту (предъидущую) ночь, вчера вечеромъ.

Ноябрь.

Ноуд-ити.—Ноужа 1) принужденіе 2) нужда 3) крайность, необходимость; ноужею приневоленный; *Игорь у нужи* 28,21 въ бѣдствіи.—Ноужьныи, 7,1. 133,15 *нужная смерть*—мучительная? или насильственная? *нужная вся* рет. всѣ мученія.—Поноудити.—Приноудити 65,24.—Оуноужень 190,18 приневоленный.

(Нож) пронырливый 25,9. 102,17.

Оу-ны-ніе 127,5. 206,30. 217,2 *тѣла его* (у больного) то, что стало худъ, пропала красота,

(Нъз) вынъзити 47,15. 64,7 *вынза мечъ*—вынуть.—Ножъ 176,29. 185,13.

Нѣм-ны 164,31.

Обада 139,27 *Святославъ я Кондудья, Торькаго князя, по обады* — по наговору? корень ба-яти говорить? или (скорѣе) отъ корня вад (вед) ср. съвада—ссора?

Обилие.—Изобилие.—Изобильно.

Объч-ии общій.—Объщѣнникъ 221,16 вм. общѣнникъ рет.

Ов-ѣця.—Овчя 6,32 ЦС?

Овьс-ъ 225,4.

Огън-ъ.—Огънъни.—Огънезаръни 135,11.

Одинъ, единъ; заодно 209,7. 8.—Одиною 62,1. 225,30 заразы, въ одно время.—Идинодоушью 116,8 рет.—Идиномыслъни рет.—Идиночяды ЦС.—Одинадесять 213,7.—Въединию 191,15 соединенье; описка или нѣтъ?—Одиного тѣмъ не менѣе, не смотря на то.

Озер-о.

Ож-о.—Очевисто 106,38 очевидно.—Ожъно 196,25.

Оксамить, оксамоть 92,9. 114,37. 220,13. — Оксамитьни 222,27. 223,5.

Октябрь.

Олоу род. отъ имен. олъ? 165,38 oleum, растительное масло ЦС.

Юлень 155,5. — Оленьць 5,5 олененокъ.

Олетъ нѣкто 72,20 *и рече* (Володимерко, съ которымъ вдругъ сдѣлался припадокъ) *олетъ нѣкто мя удари за плече; олеть* непонятно; конечно не собств. имя, а какая нибудь испорченная фраза, въ которой главное слово какая-нибудь форма глагола *летѣти* (сравн. этотъ глаголъ строкою ниже *и хотѣ летѣти*).

Олов-о 196,28.

Оловиръ 187,14. 223,10.

Олтарь.

Олумпиада, алумпиада.

Онъбонъ амвонъ.

Опракосъ (евангеліе, апостолъ).

Ор-ати 1,11. 180,9 пшеницю.

Ор-ьль.

Орѣници вин. множ. 6,20 *повелѣ Володимеръ рѣжючи наволоки, орѣници, бѣль розметати народу.*

Осень.

Осьм-ъ. — Осьми. — Осьмынадесять осьмнадцатый. — Осьмникъ 81,15 *пивъ Гюрги у осьмика у Петрила, разболѣся.*

Остр-ыи.—Острота 172,31.—Възостритися 109,14 *на рать* порываться.—Изоостритися читай изостритися 187,3 *на поганья* = възостритися.

Островъ.

От-ѣць.—Отънь *и* отъчь Хл. 4,9 вм. *отънь* отцовскій.—Отъчина, вотьчина (чит. вотьчина) отцовская волость.—Отъчество родина.—Отъчество 120,7. 158,13 рет? *исполнити отечество свое* 120,7 быть достойнымъ отца?—Отъчина, 14,11 Хл. вм. *отъчина*.—Отъ-

чимъ 85,7 вотчимъ.—Отъичицъ напр. *наимъ* тотъ, котораго отецъ былъ нашимъ княземъ.—Праотъчьскыи 153,22 рет.

Оточина см. чинъ.

Отрокъ 1) дитя 2) слуга.—Отročя 176,1 з1.

Охтай октоихъ, церковная книга.

Паволока 6,20. 29,16. 57,19. 92,9. 115,15. 223,6. 7.

(Пад) пасти.—Пастися 10,1. 103,5. 174,9. 183,3 = *пасти* нп. *пада*ся *церкви*; *пáстися* (быть убиту) *отъ ратныхъ* 174,9.—Падение.—Въпасти *въ руку*—попасть въ руки.—Въпастися 103,5 = *въпасти*.—Напасти.—Нападение.—Опадати.—Припасти 5,27 *нощю на кого* нагрнуть.—Съпасти.—Съпастися 183,37 = *съпасти*.—Напасть.—Пронасть 123,37 *стояху въ пропастехъ*—оврагъ?—Западъ.

Пак-ы.—Наипаче особенно.—П. Пакость вредъ, уронъ, неприятность; *пакости дñати*=*пакостити*, грабить.—Пакостити кому—грабить кого.—Пакоститися 52,11=*пакостити*.

Пал-иця 5,12 палка.

Папа.—Папинъ.

Парамья паремейникъ, церк. книга.

Пардоусъ 29,22. 86,17 дается въ подарокъ (какъ рѣдкость?)

(Пас) пастоухъ 126,20. з1. *стаду черноризецъ*—игуменъ.—Опасъ 132,25. 136,39 *емлемъ хороды безъ опасы*—не „опасные“, беззащитные? или (скорѣе) безъ страха, безопасно? *Романъ слалъ безъ опасы къ мужемъ Галичкымъ*—явно, нескрываясь.—Опасеная 204,6 земля, приведенная въ безопасное положеніе.—Съпасти.—Съпастися.—Съпасеніе.—Съпасъ.—Съпасовъ.

Пасха, паска.

Патриархъ, патрѣархъ.—Патриаршъ.—Патрѣаршъскыи.

(Пек—) I печь, печь.—Печать 219,18.—Печатьникъ 179,33. 180,7 посланъ Даниломъ исписать грабительства бояръ; печатьникъ идетъ съ войскомъ.—II. А) Попешися.—В) Печяль.—Печяльныи 1) печальный 2) *члмъ*—заботящійся о чемъ.—Печялитиси 115,1 *печяль ти имъ*—заботься о немъ, возись съ нимъ самъ.—Печяловати быть печальну, безпокойну.—Печяловатиси 133,22=*печяловати*.

Передъ 1) существ. 137,22 *Романъ передъ свои посла къ Прѣсьску*—авангардъ? 2) предл. передъ.—Передѣ, переди.—Въпередѣ, въпередѣ.—Напередѣ, напередѣ, напереди *пздити*—быть въ авангардѣ (почотная обязанность нп. 127, 1)—Попередити 202,2. 207,8. 212,21 и оупередити 70,5. 75,32. 93,24. упредить прійти прежде.—Передьнии 1) передній 2) предъидушій, прежній 3) о войскѣ—передовой; *переднии мужи* 91,22. 93,7.—Прѣжьнии 109,26. 211,21.—Прѣжепоминаемыи 153,23 рет.—Прѣженаписанныи 153,26 рет.—Прѣжереченныи 202,10. 211,15 рет?

Перекъ 129,30 *пхати полемъ*—тоже что *перекы*.—Перекы 35,35. 36,2. 8. 9. 10. 148,1 *пхати*—наперерѣзъ, такъ чтобы перехватить дорогу.—Въперекы 81, 5=*перекы*.—Поперекъ 131,15. 211,23.

Печера 79,11 пещера.

Печени множ. 214,10.

(Пи) I. Пити.—Питиѣ 1) питье, пьянство 2) напитки.—Пиво 185, 6 не наше пиво, а вино.—Испити.—Напитися.—Попитися 144,21=напитися.—Оупитися.—Пияны.—Пиянство.—Пирь.—II. Въпити 1) кричать отъ боли 2) кричать громко, чтобы слышали.—Въплъ 115,31.—Възъпити 15,2. 170,3. 186,25 *къ кому* — начать просить.

Пис-ати, пьсати; *пишетъ* 153,4 *вм. пишеться* (=сказано въ св. Писаніи); *слово писаное* 48,2 *слово св. Писанія*.—Писание.—Письць 215,18. 225,1 *писецъ* (чиновникъ у князя).—Въписати. въпьсати записать въ книгу.—Исписати *грамоту*—написать: 177,36 переписать, записать.—Написати, напьсати.—Написание 154,12 *сочиненіе рет.*—Пописати 218,12 *грамоты*—написать.—Съписати 1) списать 2) написать.

Пит-атися.—Въспитати 152,28.—Въспитаемъ 149,2 *Всеволодъ бѣ всихъ удале рождемъ и воспитаемъ* (въ изд. *воспитаніемъ*)—причаст. отъ *въспитати*?—Пищя 116,9 *райская*—блаженство.

(Пла—) запалити.—Попалити.—Пламя.—Пламяныи 1661 *рет?*—Росъполѣтися 109,22. 122,21 *иньомъ*—воспылать.—Опала 198,18. 23 *опалу створити на кого*—разгнѣваться.—Попельъ 206,29 *пепель*.

Плак-ати.—Плакатися *чего* плакать по чемъ.—Въсплакати.—Опалати.—Росъплакатися.—Плачь.

Плат-ити.—Заплатити.

Пле-мя.

Плеч-е, плеще; *вѣдати плещи на близъ*—обратиться въ бѣгство; *въ плече кому стрѣляти* 100,9 въ бѣгущаго.

Росъ-плод-ити 222,4 размножить.—Росъплодитися 48,13.

Плоск-ныи 187,14.

(Плоу) плавати.—Росъплыватися 37,25 *Хл. Днепръ ся росплываетъ* *вм. росполиваетъ*—разливается.

Плъз-оущи 197,2 *мидь отъ огня*—растопливающаяся.—Плъзкыи 193,14 *ледъ*—скользкій.—Попалзыватися 84,31: князь, грозя другому, говорить: *ты тогда не жалуй на мя, оже ся начнешь попалзывати изъ Чернигова къ Новгороду* — если тебѣ придется убираться изъ Ч. въ Н.

Плък-ъ 1) отрядъ, 2) войско, выстроенное къ битвѣ, 3) самая битва; *дати кому полкъ*—предложить или принять битву; *полкъ Киевскый*—Киевская волость, Киевскія силы; *по Переяславскомъ полку* 48,24 послѣ Переясл. похода.—Полкъвесь 98,5 *испорчено по мнѣнію изд.; кажется, нѣтъ: и съзкупившеся вся братья Киевъ, Рюрикъ и Давидъ, полкъ весь, а самому (Мстиславу) нездравующую* — „братья собрались, Рюрикъ и Давидъ, вся дружина“, т.-е. и вся дружина.—Плъчище *нп.* 13,30 *мѣсто, гдѣ была битва.*—Плъчъныи 131,31 *рядъ* *рет.*—Исплъчити построить въ боевой порядокъ.—Исплъчатися и 190,26

сѣплъчитися — стать въ боевой порядокъ, приготовиться къ бою. — Оуплъчитися 135,19 ополчиться ЦС?

Плѣн-ны. — Плѣнити 148,30 *руцѣ поганымъ* — давать волю грабить. — Исполънити. — Исполънитися. — Наплѣнити — Наплѣнитися 1) наполниться, 2) набрать сколько душъ угодно нп. 164,19 — Росѣплѣнитися 134,18 изд. поправляетъ бо *росполонился Днѣпръ* вм. Ип. Хл. *борзо сполонился* (разлился). — Исполъноу 146,6 вм. *исполню*, какъ ошиб. попр. изд.: сполна, совершенно.

Плѣт-ь 153,8 рет? — Плѣтная 109,4 *сила* — многочисленное войско. — Въплѣтитися.

(Плю) плевати 195,13.

Повой 82,24 *по княжи животъ княгини вѣда* (церкви) 100 *гривенъ серебра*; а *по своемъ 5 селъ, и все то да и до новоя* — на покойника? для поминовѣнія (по усопшемъ мужѣ и по себѣ)? ср. *повой* — покойникъ, Обл. Слов.; корень *вы-ти?* или *вити?*

Поганыи язычникъ; *поганѣи* обыкн. = Половцы; но также Черные Клобуки 23,11; Болгаре 114,32; Чюдъ 120,16; простой эпитетъ, а не бранное слово, какъ теперь. — Поганъ собирает. 115,4. 214,9.13 язычники (Татары, = *поганѣи* — Поганьскыи. — Поганьство языческая вѣра.

Погостъ 7,25. 120,27; *погостъ безъ числа взяша* (Русскіе у Чуди); дѣдъ Всеслава ходилъ на Новгородъ, и *погостъ одинъ завелъ за Полтескъ?* корень *пог-остъ?* ср. *ragus*.

Исѣ-под-ьнии 219,2.27. 220,40 *исподняя устна* — нижняя губа..

Позд-ь. — Поздѣный, поздно. — Опоздितися 133,4 опоздать.

Пол-ь 1) половина, 2) полъ *sexus*; наполю пополамъ; обапола, обаполы, обаполъ — по обѣ стороны (об. рѣки); сѣполоу 218,9 *то бы ми с полу было* (о волости) — она бы мнѣ прилась ктати; это бы хорошо, по мнѣ. — Полътора. — Полътретия. — Полътретинадесять. — Полъдѣнь; полоудѣне, полоудѣни въ полдень. — Полуудѣниіе югъ. — Полоунощъ, полъночи, полоуночи въ полночь. — Полоунощѣнныи сѣверный. — Полъземли 194,21; полоуотъчины 184,24 *полътъртака* 146,21 — должно читать раздѣльно, принимая *полъ* а вин. пад., *полоу* за родит. *полъ*: *полъ земли*; *полоу отъчины*; *полъ търтака*. — Половина.

Пол-е степь; полемъ — не дорогою, а цѣликомъ, неѣзженными мѣстами.

Полат-а 111,27 187,17 палаты, огромный домъ. — Полати множ. 72,18, 115,5. 117,22 въ божницѣ — хоры?

Полон-ь 1) страд. то, что я нахожусь въ плѣну; наше „плѣнъ“, 2) дѣйств. то, что я „полонилъ“ — добыча. — Полонити, плѣнити *городы* — ограбить; *люди* — отвести въ полонъ. — Плѣнение. — Полонѣникъ. — Ополонити 129,16 *конь* — захватить въ добычу. — Ополонитися набратъ добычи. — Отъполонити освободить изъ плѣна. — Поплѣнити 1) ограбить, 2) взять въ плѣнъ. — П. Пелены 214,38 пеленки (младенческія).

(Полоск-) выполаскивати 5,1 вымывать, выкидывать (о водѣ).

(Полот—) плат-ъ 27,12 *служебный*—воздухъ (въ церкви) ЦС.—Платъкъ 223,5 тоже.

(Полох) полошити 226,13 пугать.—Пополохъ 46,32,34 перепугъ, панический страхъ.—Пополошится и оуполошится пугаться, бояться, испугаться.

Поникадѣло, пониканьдѣло.

Поп-ъ.—Попинъ 3,25. 26,26=попъ?—Поповъ.—Попадия.

Попель см. пла—.

Порог-ъ, *порози* на Днѣпрѣ.

Пороз-ьныи тотъ, у кого нѣтъ хлопотъ, войны; *порозная недѣля*—пасхальная —Порожьныи 45,17. 23=*порозьныи*.—Праздъникъ (преимуществ. пасха) ЦС?—Праздънство, празньство.—Праздъновати праздновать праздникъ.—Оупорозънитися 15,31 *отъ рати* —освободиться отъ войны, окончить ее.—Оупражнятися 153,18 *на что*—заниматься чѣмъ, рет.

Порокъ, пракъ ип. 173,15. 176,17 стѣнбитное орудіе, бросающее камень, въ родѣ баллисты.—Пращъ муж. род.=*порокъ*. —Порочьныи 182,35 *съсуди порочныи*—метательныя стѣнбитныя орудія.

Порох-ъ, прахъ прахъ.

Пост-ъ.—Постьныи.

Пот-ъ ип. много *пота утерети* 15,30 много потрудиться; *взяти городъ съ великомъ потомъ* 208,37 съ трудомъ.

Пояс-ъ.—Пасати 46,4 вм. *полсати мечемъ* —посвящать въ рыцари (о Полякахъ)—Прѣпоясати, 95,31. 222,5 ЦС.

(Пр—) паръ 205,35,37 *отъ коній, съ истоковъ*—густой паръ, видный на воздухъ.

(Пр—) прѣтися спорить; но 208,9 запираяться; *кому чѣмъ*—спорить съ кѣмъ, основываясь на чемъ.—Пря 13,15. 133,19 ссора: споръ.—Заперети, запрѣти.—Заперетися, запрѣтися запереться ип. *въ городъ* 2) запираяться, непризнаваться.—Отъпрѣтися 206,13 *кому*—отказаться (отъ его приглашенія).—Прѣпрѣти 68,15. 83,37 оспорить.—Приперетися 63,2 *къ озеру*—быть приперту къ озеру.—Росъпрѣтися разсориться.—Расъпря 1) споръ 2) ссора.—Съпиралися 97,2 *съ чѣмъ*—спорить на очной ставкѣ.—Попрати 6,32 ЦС.—Поприще 161,21. 182,16. 194,19, 197,5 мѣра разстоянія.

Прав-ни, право 1) правый (ип. рука), 2) истинный, 3) справедливый; *правъ въ крестномъ цѣлованіи* 38,8 не нарушилъ его; *сердце ихъ не бѣ право съ нимъ* 98,27 не было искренне относительно ихъ; *слово наше право будетъ къ вамъ* 99,9 вы увидите, что мы говорили правду; *право ли, криво ли* 110,34 правдою или неправдою; *правый путь* 186,31 настоящая дорога; *рядъ правый* 149,31 искренній миръ? *такое право* 61,20 прекрасно; такъ и слѣдуетъ; *право, сыну, не моглъ* 77,13 наше „право, ей Богу“; *царство право* 5,7 изд. поправляетъ Прова (Проба) кажется справедливо; *направо; поправоу*—вправо.—Правовѣрныи.—Правовѣрию.—Правость 154,13 рет.—Правити 1) дѣлать, исполнять, 2) взыскивать то, что должно быть отдано: *а то уже Богови*

правити 38,21 судить это Богу, намъ уже должно поминать о томъ; *своего труда не правяче* 55,19 не обращая вниманія на усталость; *оже тако княжите съ своимъ отцемъ, а правите сами* 56,28 управляйтесь, воюйте (съ Изяславомъ) сами (или одни); *сего не правте* 60,3 на это не обращайтесь вниманія, объ этомъ не толкуйте; *не правяче себе* 61,2,11 не заботясь о своихъ правахъ; *правити (что) души своей* 102,14 употреблять для души своей (жертвовать въ церкви); *правити столъ церкви тоя* 152,8 управлять епархією; *правити посольство* 218,27 передавать слова. съ которыми посланъ; *правити Татары* 224,10 призывать. Правитися 45,25. 54,26 *ты ся прави, съ кимъ ти обида* управляйся съ обидѣвшимъ тебя; *правитися черезъ Горину*—переправляться.—*Выправитися* 43,30 *изъ города*—выйти.—*Доправити* 100,34. 139,2. 206,14 игумень *доправи* покойника—вынесъ, проводилъ; *доправити Галича*—достать его себѣ во владѣніе; *ратъ домови* проводить, привести.—*Исъправити* нп. *крестное цѣлованіе*—сдержать условія присяги; *прѣхати, ничтоже исправивъ своего* 48,29 не выправивши, не получивши, *братія крестъ цѣловала на томъ, яко мого, что есть, то исправити* 49,2 возратить мнѣ; *не исправи волости* 84,9 не отдалъ назадъ по уговору; *исправлю Богомъ и благословеніемъ брата* 224,3 вытребую. достану при помощи Божіей.—*Исъправитися* 30,6 исправится Климъ, взявъ благословеніе на митрополитскій санъ у Патріарха.—*Исъправленіе* 165,19 слѣдствіе, изслѣдованіе (о томъ, виновать ли).—*Направити* направить.—*Оправити старъишинство свое* 60,33 напомнить и доказать его, чтобы нельзя было сказать „ты не настаивалъ на немъ“; *оправити Клима въ митрополю* 92,7 сдѣлать, чтобы его признали (Патріархъ и всѣ) истиннымъ митрополитомъ; *оправи (его) Богъ передъ челоуки* 118,18 показалъ его правоту; *оправити Новгородскую волость и обиду* 120,27 отстоять ихъ права; *оправити его* 146,2,31 отстоять права (всѣ мѣста).—*Оправитися* 49,6. 96,33 *въ крестномъ цѣлованіи*—доказать, что не нарушаешь его, объявивъ, что оно не исполнено противниками и потому не обязательно; 96,33 оправдаться.—*Переправити* переправить.—*Переправитися* переправиться.—*Росъправити* 85,39 *тричи въ князю*—пересказать.—*Оуправити* об. *крестному цѣлованію* или *крестное цѣлованіе* и просто *управити*—исполнить условія договора, сдержать присягу; *управити хотя то* (обида отъ Гюргя Новгороду) 39,20 желая защитить, вытребовать прекращенія притѣсненій; *не управити ми съ братомъ* 59,29 онъ не исполнить того, чѣмъ обязался мнѣ по договору; *управи мя Богъ съ нимъ* 51,13 помогъ побѣдить его; *управити десницу свою* 193,19 направить.—*Оуправитися* 58,10 *отъ царя*—побѣдить его, кончить войну съ нимъ.—*Оуправитель* 126,23 ретъ?—Правда; *въправдоу*—въ самомъ дѣлѣ; *вправду путь сходити* 31,29 какъ слѣдуетъ, безъ „льсти“; *вправду имѣти братью* 39,13 обращаться съ братьями какъ истинному брату.—*Неправда*.—*Правьдолюбие*.—*Оправьдити* ЦС?—*Оправьдитися* ЦС?—*Правьдивый*.—*Правьдъныи*.—*Правьдъникъ*.

На-прас-ьный, напрасно 94,39. 190,16,29 жестокий, сильный.

Превошѣ, пробощъ 188,10. 203,19 прѣбощъ.

Пресвигтеръ, просвигтеръ.

Присьный истинный, настоящий, милый; присьно всегда ЦС.—Присьно-дѣвица ЦС.—Присьнодѣвыи ЦС.—Присьнопамятныи рет.

При-яти напр. 37,9. 191,28 благоприятствовать.—Пріятель приверженецъ, партизанъ.—Приятныи.—Приязнь 138,38 *во приязнь быти* = прияти.—Съприяти 17,12 быть партизаномъ.

(Про—) прьвыи 1) первый, 2) прежній.—Прьвое 1) предл. прежде, 2) напр. прежде, нѣкогда.—Исъпрьва сначала.—Прьвѣе прежде.—Прьвыинадесять.—Прьвомоучениця.—Топрьво 5,4. 97,28 104,19 вотъ только что.—Прьвьньць ЦС.

Прок-ъ остатокъ, остальные; *прокъ волости* 71,1 то, что уцѣлѣло; *прокъ дружины* 76,4 остальная дружина.—Прочии; прочее и такъ, впрочемъ ЦС.—Прочь; *ты ся прочь* 48,19 подраз. *отъидеши*—ты пойдешь прочь.—Прече Ип. 70,29 вм. *прочь*.—Напрочь 164,22 *отъхати*—прочь.—Прочю 91,26 *а прочю добръ хранити*—нарѣч. въ остальное время?—Проче предл. съ род. кромѣ.—Опроче 213,8 = проче.

Прологъ.

Прос-ити *того на мнѣ не проси* 41,18 отъ меня.—Проситися проситься, просить себѣ позволенія на что-нибудь.—Прошение просьба.—Прашати спрашивать; *здоровья чьего*—о чьемъ здоровьѣ (первое условіе хорошаго пріема его посланных).—Въпросити, въпрашати.—Въспросити просить.—Исъпросити выпросить.—Исъпроситися.—Отъпроситися.—Припрашивати 99 24 просить еще, довольствуясь тѣмъ, что прожде дано.—Росъпросити 217,15.—Съпроситися 137,35—*съ кѣмъ* спросить чьего мнѣнія.

Прос-о.

Прост-ити 135,35 ЦС.—Прощение 7,7. 90,13 ЦС?—Простыи, просто *просто рещи*—просто сказать, словомъ сказать.—Непростъ 153.26 мудрый, рет?—Простѣ 27,24 *бѣ путь*—свободенъ, безпрепятствененъ.—Простьць 102,34 мірянинъ.

Просфурѣ.

Проти витися.—Противьныи об. сущ.=врагъ.—Соупротивьнь 47,8 противникъ.—Противоу 1) противъ 2) на встрѣчу.

Протопопина 223,14 жена протопопѣ.

Прояли мѣ 21,49 *а прояли мѣ (X ми) уже и на печенехъ?* мѣ дат. отъ азъ, какъ на 31 строкѣ; но *прояли?* язвы, нарывы, отъ глаг. *примати?*

Прюг-ъ, проузи 146,22.

Прѣт-ове мужская одежда вообще, а не наше „порты“ *портове чернеческыи*.

Прьс-и.

Прѣт-ити кому—грозить, воспрещать съ угрозами.—Запрѣщати ЦС.

(Пряг—) напряди *лукъ*—натянуть.

О-прат-ати и съпратати *тѣло*—убрать покойника (не „похоронить“, а приготовить къ погребенію).

- Поуст-ити 1) пустить, позволить ити 2) отпустить, стправить, послать 3) не задержать, не оставить въ плѣну, не лишить свободы, не „пріяти“ напр. 18,11, *пустити помочь*—послать вспомогательное войско.—Поуститися пуститься, броситься.—Выноустити.—Исьпоустити.—Отъпоустити 1) отпустить, 2) отослать.—Отъпоущение *ирьхомъ*—прощеніе.—Перепоустити 17,20 *Новгородъ Володимерю племени*—позволить ему водвориться тамъ вмѣсто своего племени.—Попоустити ЦС? — Попоущение ЦС? — Подъпоустити 138,18.—Припоустити 60,29. 64,20 *припустити дружину* 64,20 послать съ кѣмъ, дать кому свою дружину.—Росьпоустити *вои* 1) по окончаніи похода по домамъ; 2) *росъпустити полкъ* для преслѣдованія непріятели: при этомъ *рушуются* ряды.—Росьпоуститися 51,22 скакать въ разсыпную при погонѣ за непріятеlemъ.—Оупоустити.—П. Попоуснѣти Ип. попоуснѣти. изд. 109,14 *бъобразъ лица его попустнѣлъ*.—III. Поустыи.—Поустыни.—Запоустѣти.—Опоустѣти,—IV. Поущей сравн. степень 130,14. 164,13 *соромъ пущеи смерти*—больше, пуще смерти; *людіе прости, пущеи Половецъ*—больше, пуще Половецъ.—Поуще 72,29 *пріяти муку пуще того*—больше, пуще.
- Пout-ъ 1) путь 2) походъ; *путь казати откуда* 108,18 выгонять; *суботъ имуци путь* 152,37 рет.
- (Пѣв—) I. оуповати.—Оупованіе.—II. Вънезаноу.—Вънезапныи 210,2.—Изънезапа, изънезапы 93,35. 118,11 внезапно.
- Пѣт-ѣка, Хл. пѣтаха 112,16 птица.—Пѣтѣскы 119,27 по птичьему.—Пѣтиця 183,12.
- Пѣшен-иця 5,7. 177,21. 180,9.
- Пѣч-ела 171,6. 175,21.
- Ись-пыт-ати.
- (Пѣи) росъпяти 102,33 *по стѣнѣ люди* (вымучивая имѣнье). — Опона 43,17 *повелъ Половщина перетяти тако и съ опоною?*
- Пѣс-ъ.—Пѣсни.—Пѣсарь 84,35.—Пѣсьць 86,15.
- Пѣ-ти.—Пѣниіе.—Пѣсьнь.—Пѣвьць 14,14. 180,29.—Отъпѣти *обѣдную* отслужить.—Отъпѣтиіе по отпѣтиіи заутрени.
- Пѣс-ѣкъ.
- (Пѣх) пѣшии.—Пѣшьць; обыкн. *пѣшии*—пѣхота.
- Пянтикостная недѣля.
- Пят-ъ.—Пятии.—Пятнадѣцять.—Пятѣкъ, пятницуця.—Пятничѣныи.
- (Пят) въсьпять.—Опять.
- Пят-но 99,5 тавро, клеймо, которымъ, „рознаменовываютъ“ коней.
- Равъ.—Работа, работа, 102,31. 104,35. 154,24. 163,1. 180,12 191,27. 194,3 одни лишались имѣнія, *друзи же работы добыли* 102,31 подвергались мученіямъ? *хрестыане избавлены тоя работы* 104,35 (Половецкихъ набѣговъ) отъ этихъ бѣдствій? рет. *работъ быти, въ работъ быти*—быть подвластнымъ.—Работѣныи 219,14 рет.—Поработити 121,6.—Паробѣкъ 113,24. 115,2. 162,25. 202,3; *о паробче!* кричить Андрей стучащемуся въ двери 113,24 (зная, что это

слуга?); *паробыи твои* 115,2 твои слуги; *паробокъ Добрынинъ*; *ко-юси Миндового*, четыре паробыи.

РАВ-ьныи 145,29.—Равнитися 103,9 ЦС.—Равнооумныи и равно-христолюбъ 219,22 рет.—Равночѣститель 219,23 рет.—Ровьня 171,12 ровное мѣсто, равнина.

Рад-ѣ. — Радость. — Радоватися. — Възърадоватися. — Объядоватися. — Оурадовати 58,31 обрадоваться. — Ради—для, изъ-за (чего), изъ уваженія (къ кому).

Раз-ьныи 170,16 неразъно Ип. нераздыно 146,2 *быти съ кѣмъ* — за одно, быть союзникомъ. — Розъно *поити*—разойтись.—Разънолич-ныи различные.

(Раз-) възъразити 186,8 *кого отъ острога*—отбить назадъ. — Выразити 183,3 *плече собѣ* — вывихнуть. — Съразити 193,20 *сбить съ коня*. — Съразитися. — Оуразъ 172,38. 190,1 *великъ въ полкохъ* (вслѣдствіе битвы) — много убитыхъ; *уразъ великъ земли учинилиа* — много въ ней отъ этого перемерло (перебито) людей; уронъ.—В) Объяразъ. — Прообъяразовати 90,19 предвѣщать.

РАи. — Раискии.

САК-А.

РАМ-яныи 127,7 *дождь*—сильный; *рамяно* и *рамяня* 92,39. 110,9 очень, чрезвычайно.

РАН-о. — Съзараня 36,20 Хл. вм. *съзаутра*.

РАН-ити, раненыи. — Рана 1) рана 2) *рана фараонова*—казнь, моръ?

РАТЬ 1) войско, 2) особ. войско непріятельское, непріятели 3) война *ратъ держати, въ рати быти съ кѣмъ* — быть въ войнѣ; *ратъ другая Гюрги* 55,21 другой непріятель. — Ратьныи 1) воинскій, военный 2) непріятельскій и въ смыслѣ сущ. — непріятель; *ратъная земля; ратъная сторона* Днѣпра 127,34 непріятельская; *ратенъ есмь съ кѣмъ* 45,18 воюю съ кѣмъ.—Ратьникъ 1) воинъ, 2) непріятель. — Заратитися начать войну.

(РВ-ати) прорѣви 24,12 *быша отъ озера* — ед. прорѣвъ? или прорѣвъ? провалы?

(РЕК) I. А) Речи; *рекуце, рекше*—то есть; *рекиий* 84,18 вм. *рекомый*; *рекомый*=по прозванію.—Речися 48,10 *речеться* (наст.) говорится.—Неизъреченно рет. — Наречи назвать; *прѣпхаша нарекуце: ты нашъ князь* 23,9 называя его своимъ княземъ; *нарицаемьи* 222,19. — Наречися быть названу, получить имя. — Пронареченныи 152,33 названный впередъ, рет. — В) Въречи 52,29 *самъ ми еси върекъ* — общалъ. — Въречися 126,28 Ип. вм. *отъречися*, какъ ошиб. попр. изд.—общаться. — Объяречи 20,18 назначить что кому. — Отъяречи 69,33. 92,14 *поидоша съ Гюремъ, а не отърекоша ему* 69,33 неотка-зались, не отреклись; *отърекоша дружини* (читай *дружина*) *Олови* 92,14 отвѣчали, что не хотятъ, отказались. — Отъяречися отка-заться.—Поречи 203,20 *снемъ* условиться о томъ, чтобы съѣхаться.—Съяречи *что*—условиться въ чемъ. — С) Съярокъ 195,3 условленное время. — Рокъ 211,2 условленное время. — Прирокъ 163,17.

164,32. 194,31 *прирокомъ* — по прозванію. — Пророкъ. — Пророчьскыи. — Пророчество. — D) Порокъ 1) порицаніе 2) наше „недостатокъ“ 164,40. — Непорочьныи 114,15 рет. — E) Нарочитыи 182,21. 26 знаменитый? — F) Рѣчь *послаша въ рѣчихъ* 166,34 послали съ рѣчами, съ посольскимъ порученіемъ. — Сирѣчь то есть нп. 172,11. — Нарѣчіе 156,14 *посла же нарѣчы попомъ къ Володимериємъ, рѣка имъ; нарѣчы* должно читать за одно слово, понимать въ смыслѣ угроза или приказаніе? — Рѣчьнь 135,27 краснорѣчивъ рет?

Рж-аніе 177,31.

Ри-ноутися. — Выриноутися 65,20. 132,29 *на кого изъ города—броситься* (о дѣлающихъ вылазку). — Париноутися 67,32. — Отыриноути.—Пориноути 23,32. 115,1 *стягъ—бросить знамя; это дѣлають измѣнники.*

Риг-ати 113,33 *начатъ ригати* (Андрей, раненый и *второпъ* выскочившій за убійцами) — ругаться? или (скорѣе) кричать?

Риз-а, множ. ризы 1) одежда, 2) одежда священническая при служеніи; въ единств. рет.

Рикс-ъ нп. 169,34 Венгерскій король.

Рипидия, рѣпидия рипида, церковн. утварь.

Риск-ати, рыскати 3,33 скакать туда и сюда.—Вырыскати 110,14 дѣлать вылазки (о конницѣ). — Прирыскати 102,27 рет.

Рог-ъ. — Рогатина, рогѣтиця (рогтиця) 47,13. 192,11. 193,19 ее вынимають изъ-за пояса и бросаютъ ею въ непріятеля. — Рожяньць 186,35 *стрѣльцемъ держащимъ рожанци свой и наложившимъ на нь стрѣлы своя?*

Род-ити, роженни родной *акы отъ ваю роженъ* 48,7 будто вашъ сынъ; родимыи 214,36. 216,7. — Родитися. — Роженіе 1) родина 2) дитя.—Рождество.—Родитель.—Родительница 153,17 рет.—Пороженіе 152,33 рет.—Родъ.—Съродьникъ.—Народъ 1) народъ, 1) *народъ много*—толпа. — Рожяемъ 149,2 *всихъ удале рожаемъ и воспитаемъ?*

Розъг-а 188,9 прутикъ.

Рол-ия 1,3. 10 — пашня.

По-роп-ътати 19,12.

(Рост—) I. Растеніе 154,15 *луны* рет. — Възърасти 5,4 вырасти.—Възърасть 1) ростъ, 2) *лѣта не ни отъ возраста своего* — съ малыхъ лѣтъ. — Отырасль 10,27 рет. — II. Рощеніе 43,23. 25. 188,9 лѣсъ, роща.

Рот-а присяга при договорѣ; *ротъ ходити къ кому*—дать клятву; *роту взяти съ кѣмъ, въ нити въ роту къ кому* — заключить договоръ. — Ротъникъ 32,20. 36,27. 87,7. 96,9. 107,3 *чей союзникъ.*

Роув-ити *городъ* строить. — Нароубити 66,23 *верхъ деревомъ*—сдѣлать деревянный куполь (или главу) у церкви. — Съроубити *городъ* построить. — Пороубъ 24,33. 28,19. 24. 33,4. 5. 86,29. 119,33. 36. 120,2 въ порубъ сажаютъ плѣнныхъ.

Роуг-атися 34,13 *чему* — наругаться. — Пороугаться 72,17. 19 наругаться кому. — Пороугание. — Пороугъ 158,26 поруганье.

Роук-а *ити въ руцѣ кому* 11,23 итти, отдаться во власть, въ руки; *въ рукахъ чьихъ быти* 109,28 въ чьей власти; *предати на руцѣ* 12,20; *дати на руцѣ кому дѣтя* 120,35 отдать въ опеку; *на руцѣ кому послати* 151,25 послать въ опеку ему; *прѣяти подѣ свою руку* 216,33 подѣ свое покровительство (другого князя). — Роукописание. — Изъроучь 186,7 нарѣч. *бодяхуся* — не пуская копы, а держа въ рукахъ. — Выроучити 76,32. 33 *кого у Половецѣ*. — Объроученны 166,29. — Пороучити. — Пороучитися. — Пороучьникъ 176,15. 191,36 поручитель. — Подъроучьникъ 109,12 *аки къ подручнику и просту челоуѣку* (прислалъ ко мнѣ приказаніе итти изъ Кіева; а будто я не такой же князь)?

Роусальная 107,19. 118,33. 144,13 *недѣля* — св. отецъ.

(Роух) роушати 61,39. 221,21 *полковѣ нероушати* — не разстраивать рядовъ. — Роушиться. — Пороушити 218,11. 225,6 *рядѣ, слово нарушить*. — Розъроушити 129,1. 183,38 *полкѣ* разстроить ряды. — Розъроушиться 170,25.

Рѣж-ь 225,5.

Изъ-ры-ти 103,5 ЦС. — Ровъ. — Прорѣви см. рв—.

Рыв-а. — Рыболовъ 83,39. — Рыбии 86,15 зубъ.

Рыд-ати. — Рыдание.

(Рѣв) ревьнивыи 79,23 ревностный ЦС? — Ревъновати соревновать ЦС? — По-ревъновати ЦС?

Рѣли 170,28 Ип. *въхавту ему во Браневичавѣрѣли*, Хл. въ *Браневича верли*? Сравн. обл. слов. *рѣжа* возвышенное мѣсто среди болота, незатопляемое водою; поляна въ чистомъ лѣсу.

По-рѣв-атися 131,27 *старѣи порѣвахуся* — при разграбленіи города — были увлекаемы?

Рѣз-ати 6,20. — Рѣзатися. — Вырѣзати. — Зарѣзати. — Изърѣзати. — Порѣзывать 102,32 *головы*. — Оурѣзати 21,22. 102,36 *языка* — языкъ отрѣзать.

Рѣк-а. — Рѣчка.

(Рѣт —) оустрѣсти, оустрѣсти (вм. въстрѣсти) встрѣтить, выйти на встрѣчу. — Оустрѣстися 147,20 встрѣтиться. — Оустрѣтѣние. — Обѣрѣсти. — Обѣрѣстися. — Изъобѣрѣсти найти. — Приобѣрѣсти 154 11 рет. — Сѣрѣсти, сѣтрѣсти. — Сѣрѣстися, сѣтрѣстися. — Сѣрѣтѣние, сѣтрѣтѣние 1) встрѣча, 2) праздникъ Срѣтенія.

(Рю —) ревьѣти 183,31 сильно кричать. — Ревѣние 177,31 *ведьблудовъ*.

(Ряд, роуд) I рядъ 1) рядъ, строй, 2) порядокъ, 3) распоряженіе, 4) договоръ, условіе; *ряды рядити* нп. 75,6 распоряжаться, управлять; *яды взяти съ кнѣмъ* 101,18 договоръ заключить; *рядѣ положити* 103,25 условиться (при переговорахъ); *ряды дѣяти* 122,14 толковать о дѣлахъ, собираться на сонмъ; *рядѣ укончати* 146,35 привести къ окончанію переговоры; *до ряду* 147,1. 13 пока переговоры будутъ кончены, до заключенія договора; *ажъ любилъ съ нами рядѣ правый и*

въ любви съ нами быти 149,31 если хочешь мира на условіяхъ справедливости (billig); или (скорѣе) если искренно хочешь мира; на *всѣхъ рядахъ* 150,10 на всѣхъ условіяхъ; *свой рядъ взять* 150,24 отдѣльно заключить миръ; *рядомъ* 171,31 по условію; *безъ ряду* 207,16 безъ порядку.—Рядити приводить въ порядокъ, устраивать нп. полкъ. — Рядитися вести переговоры.—Изърядити *полкъ*—построить въ боевой порядокъ. — Изърядитися 199,38. 200,21. 209,33 о войскѣ—стать въ боевой порядокъ; по 199,38 нарядиться. — Изърядьныи 111,35. 151,13 хорошій. — Нарядити 1) устроить. 2) распорядиться т.-е. приказать что или послать кого; *нарядити дружину изъ полковъ* 61,39 образовать, выбрать изъ войска отрядъ; *нарядити полкъ*—привести въ боевой порядокъ. — Нарядитися 13,24. 64,17. 209,30 стать въ боевой порядокъ; приготовиться, приготовить свое войско къ бою. — Нарядъ *розирая нарядъ его* 52,19 высматривая какой у него порядокъ, какъ онъ все устроилъ для защиты; *воевода бѣ и нарядъ весь держаше* 106,32 заведывалъ всѣмъ; *да весь нарядъ Галичаномъ* 137,17 все въ распоряженіе отдалъ (всѣ мѣста).—Сънарядити 147,20 *полкъ*=*нарядити*.—Отърядити послать, отрядить.—Порядъ 117,10 *положити* условіе заключить.—Прирядити 64,18 *помочь кому* отправить съ кѣмъ вспомогательное войско.—Оурядити урядить, порѣшить вслѣдствіе переговоровъ; *въ наворонъ* назначить въ фуражировку. — Оурядитися сойтись въ условіяхъ, заключить миръ на такихъ-то условіяхъ.—Оуряженіе 154,17 устройство рет.—Рядовы 105,1 *дѣля о дѣтѣхъ своихъ*—для распоряженія о дѣтяхъ; имен. *рядова?* сравн. *стонава*.—Рядьця 213,31. 224,7 *при царихъ и при его рядьцахъ?*—II. А) Орудіе дѣло; *есть ми къ тебѣ орудіе велико* 89,7 важное дѣло; *своихъ дѣля орудіи* 129,34 по своимъ дѣламъ; *послати по свое орудіе* 137,38 по своему дѣлу. — Орудіице 95,22 *суть ми орудьица*—есть у меня дѣлишки. — В) Оружіе. — Вороужитися. — Оружьныи 192,33 *отрочи оружьи?* — Оружіиныи 110,10. — Оружьникъ нп. 170,19 воинъ.

Савля 24,14. 90,39. 113,30. 187,13.

(Сад, свд) I. А) сажати 95,1 *на обѣдъ*.—Садитися 49,33 *на столъ*.—Всадити посадить; *на конь* и просто *всадити, всаживати* кого на кого нп. 165,21 звать на войну.—Осажатися 19,13 *ими около*—роздалъ имъ волости круговъ Кіева. — Посадити. — Посадьникъ 4,32. 5,6. 7,29. 8,31. 11,1. 2. 25,29. 27,9. 30,18. 35,18. 19. 52,37. 69,16. 91,14. 92,29. 100,28. 115,16. 117,12. 145,20.—Посадьничьство 117,19 садъ посадника.—В) Садъ 197,2.—Насаженіе 206,30 рет.—С) Насадъ, носадъ. — D) Засада гарнизонъ.—Засадыици 84,3 множ. люди, составляющіе гарнизонъ.—Е) Досадити,—Досада.—F) Всаженныи 5,24 знатный?—II. Сѣсти, сѣдѣти нп. *на столъ*—и просто *сѣдѣти*—княжить; *сѣдѣти на конихъ* и просто *сѣдѣти* нп. 53,36 быть готову въ походъ; *дружина уже сѣдяхуть по Тетерева*—были поселены, жили; *сѣдѣти на котну* 185,8 поджавши ноги. — Сѣдѣніе нѣ. княже—восшествіе на престолъ (*спсти*) или княженіе

(спдѣти). — Възѣсти на коня и прости възѣсти — собраться въ походъ. — Възѣсти 148,18 = възѣсти. — Выѣсти 41,8. 125,35. — Обѣсти осадить. — Посѣдѣти съ братомъ 217,23 побесѣдовать. — Съѣсти съ коня — слѣзть. — Соусѣдъ 116,18 сосѣдъ. — Подѣсѣдати 206,19 Тройденъ поселилъ Прусовъ въ Вослонимѣ; *Володимеръ же съ братомъ, пославши рать свою ко Вослониму, взята ѣ, а быша землѣ не подѣсѣдали?* — III. Село. — Сельце. — Въселеная. — Насельникъ 154,28. — IV. Сѣдло. — Сѣдлыныи 47,11 *мукъ* — лука у сѣдла. — Сѣдлыникъ 98,26. 29. 102,1. 4. 196,22 1) мастеръ дѣлающій сѣдла 196,22; 2) *пусти наворонъ спдельники и коушъ свои (Мстиславъ)..., убѣна быста... и спдельникъ Ярославъ Изяславича 98,26. 29; стаиа за Василевомъ у спдельниковъ... Половци же совокутившися съ спдельники биаша съ ними 102,1. 4? — Сѣдлыничии 170,34 посланъ преслѣдовать бѣгущихъ?* — V. Бесѣдовати.

Саж-ень.

Сайгати 143,8. 12. 14. 181,37. 195,23. 197,27. 200,30. 35. 208,5 подарки изъ добычи, подносимые побѣдителемъ въ знакъ почта обыкнов. старшимъ родственникамъ (отцу, тестю, брату) и ихъ мужамъ; также Василько далъ сайгати Бурондаю (котораго боялся) 197,27; сайгати состоитъ нп. въ коняхъ, сѣдлахъ, щитахъ, шеломахъ 200,35.

Сан-ъ.

Сан-и. санѣ 2,3. 4,5. 21,33. 143,24. 207,17. 220,14. 16; сани въ Кіевѣ послѣ 16 апрѣли 4,5; князь лѣтомъ ѣдетъ на санияхъ, потому что у него болитъ нога 143,24.

Сапогъ 187,14.

Св-оякъ 194,20. 203,20.

Сват-атися 125,24. 136,36 съ кѣмъ — породниться черезъ свадьбу. — Свадьба — свадебный пиръ нп. 19,27. — Сватъ 1) сватъ по свойству; 2) сватъ, которому поручено сватовство; сваты нп. идутъ за невѣстою 143,32. — Сватѣство — родство черезъ свадьбу, сватовство.

Свобода 1) свобода, 2) слобода 82,1. — Свободити. — Свободитися.

Свѣр-ъши, свирѣши.

Свѣт-ъ 1) свѣтъ lux, 2) свѣтъ mundus. — Свѣтоносѣни. — Свѣтати глаг. безлич. — Свѣтитися. — Освѣсти 114,18 глаг. безл. разсвѣсти. — Освѣтити. — Освѣтитися. — Просвѣтити. — Оусвѣтити 112,15 *каменьемъ дорогомъ* — разукрасить такъ чтобы сіяло. — Росвѣтъ. — Свѣтлыи. — Свѣтлость. — Свѣча, свѣща.

Свят-ни. — Прѣсвятѣи. — Святость. — Святѣни. — Святити *церковь*. — Священіе освященіе церкви. — Святитися рет. — Освятити. — Освященіе. — Священни, священнѣи. — Священомоученикъ. — Святитель. — Святительскѣи. — Священничѣскѣи.

(Седьмъ) семь, семъ. — Седьмыи. — Семьнадесять. — Семьдесять.

Сеньтябрь, Ип. сентябрь.

Серафимъ.

Серебр-о, срѣбро. — Серебрѣни, серебряни. — Серебрѣникъ 6,20.

СЕРЕДА, срьда. — Срѣдѣ посреди. — Насередѣ 21,15 среди. — Посрѣдѣ. —

Середохрестыная недѣля. — Срѣдний

СЕРЕНЬ 129,30. 185,18 туманъ?

СЕСТР-А. — Сестричиць сынъ сестры.

Си-яти.

Сив-ьи 161,30 конь.

СИЛ-А 1) множество, 2) сила, 3) насилие; *сидятъ сами о своей силѣ* 17,22 безъ союзниковъ; *съ силою прити* 30,14 со всѣмъ войскомъ, *поидоша всеми силами* нп. 40,17 всю толпою; *отъ силы миритися* 43,8 не по охотѣ, а отъ крайности; *сила народа* 50,6 множество; *сила великая* 54,25 и *сила тяжка* 158,6 многочисленное войско; *сила наша далеке* 54,37 главное наше войско; *отъ силы своя* 135,30 по мѣрѣ силъ; *создати манастирь своею силою* 215,32 на свое иждивеніе. — Сильныи 1) многочисленный, 2) обильный, 3) сильный; *силенъ будещи* 51,15 соберешь войско; *сильный домъ* 126,20 огромный (о Печерскомъ монастырѣ); *сильныи стѣны* 132,1 крѣпкія; *сильная милостыни* 144,20 обильная; *солнце бѣ мужъ силенъ* 5,24 — чело-вѣкъ твердаго характера? — Насилие кому *сворити* 78,14 прину-дить силою.

Синапныи ЦС.

Сир-ьи ЦС. — Сирота ЦС.

СКВРЬН-ЫИ. — Оскврънити.

СКЕП-АНІЕ 178,2 *щитъ скепаніе* — когда щиты разбиваются, разщепыва-ются. — Скепище 169,2 древко у копья? — Оскепище, Хл. осче-пище 172,27 древко у копья — Оскепъ 9,20 копье.

СКИМА. — Скимьникъ.

О-СКЛАВ-ИТИСЯ УСМѢХНУТЬСЯ.

(СКОК) I. Скакати 84,3. 135,23 перескакивать. — Вѣскакати 126,10 векочить. — Наскакати 103 15 *на святительскый санъ* — добиваться архіерейскаго сана. — II. Скочити 163,22 *на столъ митрополичь* — са-мовластно сѣсть. — Скокъ 56,21 *на скокохъ играти* — заниматься воин-скими играми на коняхъ. — Вѣскочити. — Выхкочити. — Искочити (=исъскочити) выскочить, соскочить — Перескокъ 44,7 передающійся непріятелю, переметчикъ? *побѣже перескокъ отъ Гюря въ полку, они же погнаша по немъ*. — Поскочити (атакуя или обращаясь въ бѣг-ство); 172,25 Ипат. *оскочиша* вм. *поскочиша* (обратились въ бѣгство), какъ, вѣроятно справедливо, поправляетъ издатель. — Поскокъ 76,27 *на первомъ поскоцѣ летѣ подъ нимъ конь* на первомъ же скаку. — Съскочити. — Оускочити 138,35 *изъ вѣжа* убѣжать.

О-ском-ина 22,17 *Телебужины рати* — непріятное воспоминаніе о томъ, каковъ былъ этотъ походъ.

СКОП-ЬЦЬ.

СКОР-А 29,16.

СКОР-ЫИ. — Вѣскорѣ. — Скороминоуи, нескороминоуи рет. — Оуско-рити, оускорѣти гл. средн. *передъ кѣмъ* — обогнать кого, прийти прежде.

Скорлатъ, Хл. шарлатъ 215,33.

Скотъ.—Скотъница 27,10 раздѣлили на 4 части и *скотъницу и бретьяницу* — кладовая? казна?

Скрание, обыкн. двойств. скрания высокъ.

Скрижаль ЦС.

Скрип-ание 177,30 *тепль* — скрипѣніе.

Скрѣбъ.—Скрѣбъныи.—Скрѣбѣти, скрѣбити.

По-скоуд-оу рет?—Скоудьно 90,16; *образъ* затмѣвающейся луны *бысть яко скудно*?—Неоскоудьно рет.—Скоудость ЦС.

Скынетръ 191,5.

Сль-нѣце; *слонце* Хл. 14,16.

Нео-славъно.—Ослабити 175,24 вм. осклабити—*ослабленное лице*.

Сладъкыи.—Наслажение ЦС?

(Слоу—) I. слоути 223,25 славиться.—Словни 211,18 славный.—Прослоути 216,19 прославиться.—Словоутъныи 180,29 знаменитый.—II. Слово.—Словесъныи рет.—Бесловесъныи рет.—III. Слава 1) слава, 2) нп. 183,34 похвальба, хвастовство.—Славити об. бога—прославлять; но 156,10 *славити кого* — быть его приверженцемъ.—Славиться.—Прославити.—Славъныи.—Неславъныи 133,26 безславный.—Прѣславъныи.—IV. Слоухъ молва.—Слоушати.—Неслоушание.—Отъслоушати *обидню*.—Послоушати 1) слушать что, 2) слушаться кого или чего.—Послоушание *ходити въ чѣмъ послушаньи* быть у кого подъ властью; *послушаніе братъне створити* послушаться брата.—Непослоушание.—Непослоушьно 192,30 *аще насъ послеши* (а не самъ поѣдешь ты, князь), *непослушьно есть*—то не будетъ послушанья, не будутъ слушаться.—Послоушьливый.—Послоухъ свидѣтель.—Послоушьство свидѣтельство.—V. Слышати.—Неслыханыи.—Слышание *колоколовъ* — звукъ.—Оуслышати.

Слоуж-а.—Слоужити; князь служить другому князю 224,23.—Слоужитель.—Послоужити; *контѣмъ кому* 68,4 быть чѣмъ союзникомъ.—Слоужьба; *имѣй службу нашу* 169,3 прійми нашу покорность.—Слоужьбъныи *плать*—въ церкви.—Слоужьбъникъ церк. книга.

Сльз-а.—Просльзитися.—Сльзьныи.

Сльдъ.—Въслѣдъ предл.—Въслѣдовати послѣдовать, наслѣдовать рет?—Въслѣдование подражаніе рет.—Наслѣдити наслѣдовать; *путь дѣда* итти по дѣдовскому пути, подражать дѣду.—Наслѣдіе рет.—II. Послѣдъ, послѣди послѣ, послѣ того, внослѣдствіи.—Послѣже послѣ.—Послѣдъныи 1) послѣдующи, 2) послѣдній.

Сльн-ыи.—Сльпоокыи.—Сльпити.—Ослѣпити.

Смола.

(Смрьд—) I. Смрадъ.—II. Смрьдъ 1,3.10.11.12. 84,3. 163,10. 181,27 смерды въ городъ 84,3 (ихъ тамъ триста); смердъ, поселянинъ.—Смрьдии мужицкій.

Смъ-ятися.—Росмъятися.—Оусмъятися усмѣхнуться.

Смъ-ти.

Снопъ, сноповиѣ 199,28. 210,5.

(Сноу—) основа 221,19 фундаментъ.—Основаниѣ рет.

Снѣгъ-ъ.

(Сов) I. Особъ особо.—Особѣ особо.—Особѣнныи особенныи.—Особѣно особенно.—II. Пособити.—Пособиѣ.—III. Оусобиця 169,7 междоусобиѣ.

Соволь 86,14.

Соколъ 172,18 *прѣхавшимъ соколомъ стрѣльцемъ?*

Солъ.—Соляныи и Ип. сольныи 97,35 *путь*.

Солома.

Сорокъ.

Сорсчѣка 179,26.

Соромъ 189,6 дат. множ.—описка?

Соромъ-ъ срамъ, пострамленіе, безчестье, оскорбленіе чести; *соромъ возложити на кого*—нанести кому обиду.—Соромота нп. 160,22. 188,29=—соромъ.—Соромити нанести безчестье.—Посрамити нанести безчестье.—Оусрамитися постыдиться, посовѣститься.

Сотона, сатана.—Сотонинъ.

Спѣ-ти 159,23 (дѣйств.) *ратъ*—собирать войско, готовиться къ походу.—Доспѣти нп. приготовиться; *доспѣти на путь* 31,4 и просто *доспѣши* нп. 32,34 или *доспѣти на кого* 73,15 собраться, приготовиться къ походу; *доспѣть яко взяти городъ* 22,4 сдѣлать приготовленіи ко взятію города; *доспѣтии церковь* (дѣйств.) 112,6 соорудить.—Поспѣти нп. 9,12. 66,25 1) спѣшнѣе 2) готовиться къ чему; но *поспѣвая и крѣпя* 131,18 (дѣйств.) возбуждая, готовя и ободряя (на битву); *Богу поспѣвающую* (дѣйств.)=*Богу помогающую*=при помощи Божіей.—Приспѣти; обнж. *приспѣть праздникъ*.—Оуспѣти, неуспѣти; *не успѣти кому* нп. 79,27 не имѣть успѣха противъ кого; *неуспѣтии* Ип. 167,38 вар.—Доспѣхъ 130,12. 199,23. 207,14.—Доспѣшныи 142,16,18 *доспѣшину быти* быть готову на битву.—Спѣшити на войну—порываться.—Спѣшникъ 196,17, Хл. *спѣшитель*—помощникъ.—Поспѣшити *путь свой*—ускорить; *Богъ поспѣши*—помогъ.—Поспѣшениѣ Божіе—помощь.—Поспѣшникъ Богъ—помощникъ.

Срьдъ-ще.—Срьдцевидѣць рет.—Срьдчѣныи.—Оусрьдѣно 209,35.—Срьдити 155,13 *Романъ бѣ срьдитъ яко и рысь*—мужественъ?—Пересрьдие 39,1 *учинити кому*—раздосадовать, огорчить кого.

Ста-ти, стояти; *стояти въ крестномъ цѣлованіи у кого* соблюдать договоръ; *стати у города*—осадить его, *стояти во чью обиду* 216,28 отстаивать чьи нарушенныя права; *не стояче* 75,26 Ип. Хл. *вм. не стояче*.—Стояниѣ 47,22. 196,24 1) осада, 2) *стояниѣ комаръ бѣ*—онѣ стояли, поддерживались.—Въстати.—Възъстати; *ратью по комъ въ чью защиту начать войну; ледомъ вставшимъ* когда взломался ледъ.—Възъстаніе—Выстояти 86,29. 120,1 148,26 *кого изъ поруба, изъ плѣна* освободить.—Достати 131,18. 223,35 *оружья въ руку его не доста*—не осталось; *како не достанетъ стрѣя твоего*—когда не станетъ его, когда онѣ умретъ.—Достояти 59,19 *чего стоимы сдѣ?* Чего до-

ждемся? Достоить гл. безл. должно, слѣдуетъ. — Достойныи подобающій; *достойно есть* — должно. — Достояніе *по достоянью* какъ слѣдуетъ. — Достохвальныи. — Застати. — Настати. — Остати 1) средн. остаться. 2) дѣйств. *остати кого* — отстать отъкого; *не оставающе* 70,31 не оставливаясь; *оному же оставишу* 167,13 когда онъ оставилъ, бросилъ (подразумѣв. его). — Остатися остаться; *останися високоумья своего* 15,3 оставь свою надменность. — Останѣкъ. — Остояти 110,15 Ип. вар. *и остояши около города 9 недѣль* — осаждали городъ. — Остои 212,13,28 осада. — Перестояти 55,20 ночь. — Перестати, непрѣставати. — Непрѣстанно. — Бесъперестани. — Постояти. — Пристати 217,20 устать. — Прѣдстояти ЦС? — Оустояти *въ крестномъ цѣлованьи и въ крестное цѣлованье*. — II. Ставити 1) ставити, 2) посвящать въ духовный санъ. — Ставитися *въ епископа* быть посвящаему. — Ставление рукоположенія въ духовныи степени. — Застава 157,14 — Наставити — Наставникъ. — Оставити. — Оставитися 36 27 остаться. — Оставление грѣховъ. — Поставити 1) нп. *городъ* — поставить, 2) *епископа* — посвятить въ епископы. — Поставление въ духовный санъ. — Прѣставитися умереть. — Прѣставление. — Приставити нп. *попы пѣти* 2, 8 приказать имъ пѣть; *приставити кого къ кому* — послать его провожать кого. — Приставъ 95,19 задержка; *осходити безъ пристава*, безпрепятственно. — Приставникъ 153,25 *чему* — надзиратель за чѣмъ рет? — Роставити разстановить. — Оуставити *законъ* — постановить; *уставити люди* нп. 25,4 успокоить ихъ, условиться, устроить свои дѣла съ народомъ (о новомъ князѣ); *да не уставливаетъ васъ Демьянъ* 170,4 — ободряетъ на войну? или успокоиваетъ, обнадеживаетъ? *уставити землю* 180,24 завести въ ней порядокъ, устроить ее. — Оуставъ 154,16. 221,21 ЦС? — III. Становитися. — Оустановити. — Оустановитися. — Станъ, станове; *станове въ городъ* 199,30, *пхати до трехъ становъ* 136,15 трое сутокъ, до третьей переночевки? — Становище 43,15. 82,27 1) мѣсто стоянки (о войскѣ), 2) мѣсто гдѣ прежде стояло что (нп. гробъ святыхъ). — IV. Пристанѣкъ 165,37 пристанище ЦС? — Статѣкъ 140,1: *изгнхаша городъ Чюрнаевъ, и острогъ взяши, и дворъ зажгоша и статокъ* (Хл. остатокъ) *его весь поимаши* — все остальное (въ городѣ)? или (скорѣе) все имущество (князя Чюрная)? — Соупостатъ 2,17 рет?

Стаемъ дат. множ. 197,32 *не удоси ею* (ихъ) *въ городъ, искаше ею по тасемъ посылая люди*?

Ста-до. — Стадъныи 26,16 *кобылы стадъныи*.

Ста-рьи. — Старѣць. — Старость. — Стариинишество, старишьство. — Старѣшина.

Стегно.

(Стерег) стеречи. — Стеречися 89,8. — Остеречи 124,36 *непріятеля* — подсмотреть, какъ онъ стоитъ. — Постеречи нп. *Русской земли* — оберегать ее. — Оустеречи нп. *ранъ* — подстеречь непріятеля. — Оустеречися 147,20 быть застигнутому не въ распахъ. — Сторожъ: *сторожи* — обыкн. пикеты (въ войскѣ). — Въсторожѣ 164,24. 172,2 *пхати* — по-

- ѣхать на рекогносцировку? — Осторожиться 186,34 стоять, разставивъ пикеты. — Острогъ нп. 21,33. 70,12. 14. 71,16. 17. 18 отдѣльный фортъ; *острогъ около города* 87,24. — Острожныи нн. *врата острожная* — ворота острога.
- Стен-аніе 100,20. — Стонати 165,35. — Стонаніе 95,4. — Стонава 110,9 стонъ, гул. — Постонати 134,25?
- (Стиг —) достигнути 154,32 рет? — Настигнути 96,17. — Перестигнути 36,10 перехватить, идя скорѣе; предупредить. — Постигнути догнать; *постигже дождь* 63,2. — Съпостигнути 67,36 = постигнути.
- Стогъ 27,1.
- Столъ престолъ. — Стольныи 215,22. 216,11 *городъ* — столица. — Стольць 72,33. 219,30 стулъ. — Стольникъ 179,13. — Прѣстоль 95,18 ЦС?
- Стлѣпъ 1) столбъ, 2) башня. — Стлѣпие 90,2. 3.6 столпѣмъ было загорожено въ Кіевѣ отъ Горы до Днѣпра. — Стлѣпникъ 220,25. — Остлѣпнати 177,29 *остолнати градъ сила Татарская* — окружила?
- Стоп-а. — Степень. — II. Стоупити. — Въстоупити. — Въстоупатися. — Възъстоупити — Выстоупити. — Застоупити 1) защитить, 2) отрѣзать. — Застоупленіе. — Застоупникъ. — Застоупница. — Изъстоупити 173,18 выступить. — Настоупити *на кого* — пойти войною. — Остоупити, обстоупити и Ип. *обистоупити* нп. *кого въ городъ* — осадить. — Остоупленіе — осада. — Отъстоупити *отъ кого* — разорвать союзъ съ нимъ; *кого* 28,32 тоже. — Отъстоупитися = отъстоупити; *къ кому* перейти на его сторону. — Перестоупити, прѣстоупити 1) переступить, 2) сдѣлать преступленіе. — Прѣстоупленіе *крестное* — нарушеніе договора. — Постоупити, постоупнати 1) двинуться впередъ, 2) *поступати на ся* позволять обижать себя, не стоять за свои права. — Подъстоупити 72,22. — Пристоупити; *къ кому* — перейти на чью сторону; *къ чему* 68,26 согласиться. — Състоупити, стоупити *креста* — измѣнить договору; *съступити Вятичь, Кіева* — уступить. — Състоупитися 1) = състоупити, 2) сойтись, сразиться (о войскахъ). — Състоупленіе 13,25 то, когда войска сошлись. — Състоупъ 2,15. 24,31. — Оустоупити 102,2. 118,7 *инымъ путемъ* — попасть на другую дорогу; *на сторону* — отойти въ сторону. — Оустоупитися 67,17 отступить.
- Оу-стороживъся 203,5 Ипат. выздоровѣвъ; издат. ошиб. поправл. оздоровился.
- (Стр —) I. Простръти. — Пространство 186,26 просторъ. — Напространѣ 154,3 напросторъ, т.-е. безопасно; рет. — II. Сторона, страна 1) сторона (рѣки), 2) страна, земля. — Страньныи чужой, пришелець. — Странникъ 168,36 *чи много странники есмь?* или мы чужіе тебѣ? — Страннопримѣникъ 222,8. — Пристраньно 169,18. 193,29 удивительно.
- Страд-ати 1) обыкн. *за отчину* — трудиться; воевать, 2) *на кого* 215,29 трудиться, работать (о поселянахъ). — Страданіе 112,37. — Страдальць 10,13 *за Рускую землю* — труженикъ, подвижникъ, защитникъ

- ея.—Пострадати.—Страсть страданіе.—Страстотръньць рет.—
Страстная *недѣля*.
- СТРАХ-Ъ.—Страшныи.—Страшливыи 172,14. 174,10 боязливый.—
Страшити 187,3 стращать.—Острашиться 11,23 испугаться.—
Перестрашити 70,21 чрезвычайно перепугать.—Пострашити 51,19
устрашить.—Оустрашиться 11,20.
- (Стриг—) стричи.—Постричи.—Постричися.—Постриженіе.—
Простричи.—Постригы, Ипат. пострѣгы вин. множ. 141,31 *сы-
нови постриги створити*.
- Стро-ити 135,31. 173,4. 182,33 устраивать, прилаживать; *строити* должно
читать и 52,19 *вм. стояти*.—Строиться 162,17 *на брань*—гото-
виться.—Строеніе 111,36. 112,11. 123,22 устроеніе, приведеніе въ
порядокъ.—Пристроити (такъ должно читать *вм. порестроитя*.
прѣ=при) 181,20 *праца*—приладить, устроить.—Пристроитиси
устроить свое войско (къ войнѣ, къ битвѣ).—Ростроити 135,29,
206,24 устроить, привести въ хорошій порядокъ.—Оустроити *вп.*
мостъ; устроити сильно Володимеръ 112,5 *укрѣпить? устроити*
златомъ поясъ 112,15 *сдѣлать изъ золота; полкъ устроено храбрыми*
людми 172,16 *отрядъ, составленный изъ храбрыхъ воиновъ*.—Оустроене-
ніе 112,13.—Пооустроити 222,24 *церковь чѣмъ*—снабдить.
- Стрьи, стрый, строи дядя по отцу.—Стрьини 78,16.—Стрьичичъ
сынъ стрья.
- Оу-стрѣм-ити.—Оустрѣмитися.—Оустрѣмленіе.—II. Стрѣмы и
Хл. стрѣмы 73,7. 8. 179,27 *пздити подлѣ чей стремень*—быть по-
слухнымъ кому (собств. сопровождать кого повсюду на войну).
- Стрѣ-ла.—Стрѣльная 126,14 *рана*—отъ стрѣлы.—Стрѣляти, стрѣ-
лити.—Стрѣлятися перестрѣливаться.—Стрѣльць стрѣлокъ, за-
стрѣльщикъ.—Застрѣлити.—Самострѣль.—Самострѣльныи 126,39
лукъ.—Перестрѣль 131,16. 174,1 *одинъ*—пространство выстрѣла.
- По-стря-ти 103,36 *остаться надолго, быть задержану*.—Стряпати, не-
стряпая, нестряпя, нестряпая, нестряпоуче медлить *вп.* 27,20.
36,2. 55,5 *погдѣ стряпать* 106,24—такъ зовутъ князя на княже-
ніе.—Перестряпъ 11,21.—Оустряпати 42,13. 74,28. 178,16.
- (Стоуд) I. Стоудныи 109,23 *Богови*—мерзкій передъ Богомъ.—Сто-
ужати 51,16 неотступно просить, надѣждать.—Стоужитися 190,18 *о*
чемъ—горевать?—II. Стыдиться 133,16.—Непостыжньо Ип. 154,30
вм. неподвижньо рет.—III. Стюднѣць 196,37 колодезь?
- Стък-ѣло 196,25.—Стъкѣлянни.
- По-стъл-ати 114,35.—Постѣль, постѣля 138,29. 218,16.
- Постѣги Ип. *вм.* постриги.
- Стѣна; у палатки 134,1.
- Стягъ знамя; его несли передъ тѣломъ князя 101,13. 115,30.—Стяго-
выи 104,26.—Стяговъникъ 154,20.
- (Соу)—соватися 63,35 *о конѣ*—метаться, бѣситься.—Присоуноутися
10,22 *къ Баручю* броситься, подступить.—Просоуноути 47,13 *рога-
тиною*—проткнуть.—Съсоуноутися 9,19 броситься внизъ.—Оусо-

уноути 72,36 *что си усунулъ* (Хл. *что се и усуну*) за плече—что-то хватился за плечо себѣ?—Соулиця дротикъ.

Соувота.—Соуботныйи день.

Соуд-ъ *Божій*—сраженіе, выигрышъ битвы.—Соудити *то уже Божю* *судити* (обыкн. слова передъ битвою).—это будетъ рѣшено битвою.—Соудитися 60,34. 102,39. Соудия 97,5.—Соудийскыи 135,17.—Осоудити 73,4. Осоудитися 103,1.—Осоуженіе 113,39.—Росоудити.—Соудьба 139,14.

Съ-соуд-ъ 1) сосудъ нп. *церковный*; 2) орудіе машина; *сосуди на взятые города* 181,20 *сосуди ратные и градные*—военныя и стѣнобитныя машины; *сосуди порочные* 182,35.

(Соуи) въ соуе 165,32.—Соуетьныи ЦС?

Соум-ъныи 158,34 *конь*—обозный, везущій поклажу?

Съл-ати.—Сълатися почти тоже, что сълати, но обыкн. посылать съ просьбою или посылать другъ къ другу.—Въсълати нп. 11,26 *въ городъ*—послать, чтобы вошли въ городъ (гарнизономъ),—Высълати.—Высълатися обыкнов. съ просьбою.—Досълати 38,23 *къ брату*—послать.—Насълати 107,8. 137,28. 34. 145,25. 148,31 *на кого съ угрозою*—прислать съ угрозами кому.—Отъсълати.—Посълати.—Посълатися обыкн. съ просьбою, умоляя.—Посълание 182,20.—Присълати.—Присълатися об. съ просьбою.—Росълати.—Съсълати 48,8.—Съсълатися послать другу къ другу пословъ, уговориться черезъ пословъ.—Сълъ посоль.—Посълъ.—Посъльникъ 32,7 *посоль*.—Посъльство 218,26.

Съноузьникъ 175,17. 186,9. 191,20. 195,19?

Съп-ати.—Сънъ.—Оусъноути.—Оусъпение.—П. Насыпати 5,8.—Присъпа 4,32 *насыпъ*?—Пересъпа 26,5 *плотина, пересыпъ*?—Росыпати 5,17. 26. 189,18 *законъ*—дать ему упасть; *города*.

Със-ати 176,1. 32 сосать.

Сът-о.—Сотъскыи 4,13. 120,23. 171,6.

(Съх) соухыи.—Посоухоу.—Соушя.—Исоушити.—Осъхноути 97,4 *еще ти ни уста осхла*—еще не обсохли уста (послѣ крестнаго цѣлованья).

Сын-ъ.—Сынъкъ 116,16 *маленькій сынъ*.—Съноха.—Сыновъць племянникъ.—Сыновиця племянница.

Сыр-ъ 196,37 сыръ, caseum.

До-сыт-и нп. 16,17. 26,29. 39,1 *досыта, довольно*.—Сыти родит. 218,36 *нѣту ти сыти* *недовольно тебѣ*.—Несыть 102,34 *ненасытный*.—Несытъныи 153,16 *несытная любовь*—чрезвычайная, ненасытимая, рет.—Досытъка родит. 197,38 *до досытка*=*досыти*.—Насытити 219,14.—Насытитися чего.

Съачесъ, Хл. съиачесе 190,1 *градъ съ ачесь прятъ бы былъ*—въ настоящей часъ, теперь?

Въ-съ-яти 109,23 *посѣять*.—Въсѣяние 222,3 *посѣвъ*, рет.

(Сѣк—) сѣчи нп. *люди*—рубить, бить.—Сѣчися въ битвѣ—рубиться.—Сѣчя битва, сѣча.—Высѣчи 33,4 *изъ поруба*—разрубить, прорубить

его и освободить узника.—Засѣчися 149,28 укрѣпиться засѣками.—Засѣкъ вм. *сусѣкъ* Хл. 5, м.—Исѣчи перерубить, перебить.—Осѣчи 102,36 *кого*—голову отрубить кому.—Осѣчися 182,5. 191,19 *въ мѣстѣ* укрѣпиться засѣками.—Осѣкъ 191,19. 20. 208,34. 37 круговая засѣка, за которую прячутся отъ непріятеля.—Отѣсѣчи.—Прѣсѣчи 131,28.—Посѣчи изрубить.—Подѣсѣчи 149,29 *мосты*.—Просѣчи 90,5 прорубить.—Росѣчи 131,28.—Сѣсѣчи 156,36. 161,7 *двери; главу*.—Соусѣкъ 5,8 сусѣкъ.—Оусѣкнути 5,29 *кого*—отрубить ему голову.

Сѣвъ 112,3 *въ церкви украшена золотомъ отъ верха и до деисуса*—иконостасъ.—Сѣни 21,9 50,1. 3. 10. 72,31. 32. 113,16. 19. 34. 35. 114,19. 127,24 *комната, покій; довольно большал, пріемная комната? Онѣ были на столбахъ*.—Сѣньница 49,38. 56,3 = *сѣни*.

Сѣтъ 109,20.

По-сѣтъ-ити 103,13 ЦС.—Посѣщение 155,3 ЦС.

По-сѣгати 5,13. 18. 185,35 *за мужъ*.—Присяга 157,1.

(ТА-ЯТИ) талый 129,20 *тала стопа бѣ*—стояли слѣды.

Тай-ти.—Потайти.—Оутайтися *кого*—тайкомъ отъ кого сдѣлать.—Отай нп. 25,6. 98,26 *кого*—тайкомъ отъ кого.—Потай = *отай*.—Тайныи.—Вѣтайнѣ.—Тайна.

Таль 169,5. 193,35. 194,28 *заложникъ*.

Талантъ 152,35.

Таранъ 173,37.

Тат-ѣва 221,2 *кража*.

Татаръщина 215,30 *подать для Татаръ*.

(Тв—) I. Творити 1) творить, дѣлать; 2) я *нынѣ того тобѣ не творю* 41,19 не понимаю о томъ, прощаю; 3) почитать, думать; *творяетъ ся передати* 43,16 думалъ, что сдается; *а творятъ ми, како уже ся совокупилъ* 149,18 говорятъ мнѣ, что уже соединился.—Творитися вц. 48,7. 69,12. 117,25 показываться, притворяться; *творися правъ* 48,7 *выставлялъ себя, считалъ себя правымъ но творяетъ ся тамо и домо быти* 133,21 думалъ, что долго тамъ пробудеть.—Творьць ЦС?—Потворити 206,8 *не потвори ихъ людми противу себе*—не почелъ и за людей, обошелся съ ними какъ съ пѣшками.—Сътворити сотворить, сдѣлать; *Георгіевъ день*—отпраздновать; *створити зло скоты и челядью* 83,19 *заграбить скотъ и челядь*.—Сътворитися нп. 13,13. 14,8. 15,18 *притвориться*.—Сътвореніе.—Тварь рет?—Оутварь 222,5.—II. Затворити *кого въ городъ*—оставить для защищенія города.—Затворитися *въ городъ* 1) *остаться для его защищенія*; 2) *не отворить города, т.-е. защищаться, не сдаваться*.—Затворъ 75,41. 111,7 *раздавати по монастыремъ и затворомъ и нищилъ; попрода весь Кіевъ, илумены... и черныи и черницы, латину и гости и затвори, всѣ Кыяны?*—Отворити *городъ*—сдать его.—Отворитися сдаться.—Притворъ 115,7 у божницы.

Тврьд-ни *рѣка твердо текущи* 123,37—въ крутыхъ берегахъ.—Тврьдь 67,17. 96,10. 150,37 *ста за твердь, на бродѣхъ*—за крѣпкою пози-

цією (закрившись рѣкою); *Ятвязи бѣжаша во свои тверди*—въ лѣса свои? или въ укрѣпленія? *твердь братья*—то, что „братья цѣловала крестъ“.—Тврьдость.—Тврьдити 194,16 *крестомъ кого*—заставлять цѣловать крестъ.—Оутврьдити.—Оутврьдитися обычн. *крестомъ съ кѣмъ*—присягнуть другъ другу.—Оутврьжение нп. 25,11. 13. 31,27 *то есть утверженіе дѣды и отецъ нашихъ*—такъ (цалуя крестъ) удостовѣряли (въ вѣрности договору) наши дѣды...

Тез-оименитыи 112,36.—Тезоименныи 153,17 рет?

(Тек—) I. Течи 1) течи; 2) бѣжать, ити куда.—Вытечи выйти (о народѣ).—Прѣтекущее *царство*—скоропреходящее, рет?—Потеchi (о народѣ) пойти навстрѣчу.—Притечи приходить, притекать.—Противоутечи выходить на встрѣчу.—Росѣтекатися 211,9 (о рѣкѣ) разливаться.—Сѣтечи (о водѣ).—Сѣтечися 199,25 *съ Татарами*—сойтись, встрѣтиться (въ битвѣ).—Оутечи убѣжать.—Вѣсѣтокъ.—Вѣсѣточьныи.—Исѣтокъ 205,37 источникъ.—Исѣточьникъ.—Потокъ.—Прѣдѣтеча.—II. Заточити.—Заточение.—Поточити=заточити.

Телѣга 177,31.

Теп-ьло.—Затепѣяла 65,36.—Теньлыни род. пад. отъ именит. теплынь? 124,8 оттепель.—Исѣтопѣка 88,23 изба (съ печью).—Исѣба 7,17 ставится у товара для долгой осады—строение на зиму.—Изѣба 138,29.

Тереб-ити 168,30 *лѣсы*—рубить?—Отеребити 207,1 мѣсто для города очистить отъ лѣсу?—Потрѣбити 162,6 *море* хвалится Филия.—Потрѣбитися ЦС.—Потрѣба 112,31. 153,18 падобность.—Трѣбовати требовать; *требуяи*—нуждающійся, рет?

Теремъ.

Тес-анни.—Исѣтесанни.

Тет-ѣка 122,12. 152,27.

Тивоунъ, тиюнъ, и Хл. тивонъ 22,22. 23. 27. 48,26. 27. 75,40. 96,4. 100,11. 115,16. 159,8. 194,39 тивуны у мужей 48,27; тивуновъ у Вячеслава нѣсколько 75,40.—Тивоунити 194,39.

Тих-ьи.—Потихоу.—Оутишити.—Оутишится.—Тихость.—Тишина.—II. Тѣшити 195,37 утѣшать, успокоивать.—Тѣшится 33,22 114,10 утѣшать себя, успокоивать себя.—Оутѣха.—Оутѣшити и *оутишити* смѣшиваются.—Оутѣшение.—Неоутѣшими 100,20.

Тл-ѣньныи.—Неглѣньныи.

Тлѣк-ноути средн. 104,27 *на кого*—атаковать кого.—Протлѣчи 164,8 р. ед. *сташа у рѣкы на бродуу протоки*.

Тлѣстыи.

Товаръ 1) имущество; 2) *товари* и *товари* множ. обозъ, станъ.—Товарьныи 67,14 *конь*—обозный.—Товарище 85,18, 19 мѣсто гдѣ стоялъ станъ, обозъ.

(Ток—) точеныи.

Оу-тол-итися.

Толмачъ 199,3.

- Том-итель 157,19. 20. 28 мучитель.—Притомити 132,9 обезсилить, довести до крайности.
- Топ-ити.—Топитися 87,20 тонуть.—Потопити.—Потопитися 174,39 перетонуть.—Потопъ.—Потопъ наводненіе.—Исьтоноути.—Потоноути.—Оутоноути.
- Въ-тороп-ъ 113,33 оторопѣвъ, непомня себя?
- Поточити см. тек —
- (Тр—) отерети 95,37 ЦС?—Притрѣти 187,22 *богатство* рет.—Оутерети.
- Трав-а 173,6. — Отрава 8,15. 91,7. — Потравити 70,37 *жита*—лошадьми.
- Треп-ѣтъ.—Трепетати.—Трепетъныи.—II. Сътропотливъ.
- (Треск—) тресноути.—Тресновеніе 183,26.
- Три.—Тридесять.—Третии.—Третиинадесять.—Полътретия.—Потроичи 199,8 трижды.—Троиця.
- Триодъ.
- Тропарь.
- Труд-ъ 1) трудъ, безпокойство 2) скорбь нп. 114,2. —Троудолубіе.—Троудъныи утомившійся, усталый.—Троудитися утомиться.—Исьтроудитися.—Потроудитися.—Оутроудитися.
- Троуба.—Троубити.—Вьсьтроубити.
- Троупъ, троупіе.
- Тръг-ъ 82,1 *десятый*.—Тръжькъ.—Тръговище 4,26.
- Ись-тръг-ноутися.—Отръгноути.—Сьтръгноути.
- Тръсть.
- Тръп-ѣти.—Сьтрѣти устоять.—Оутръпѣти.
- (Трях—) трястися.—Отрясти.—Потрястися.
- Тряпеза.—Тряпезъница.
- Тоуг-ыи.—Тоуга печаль.—Тоужити.
- (Тоук) тоучъныи.
- Тоул-ъ.—Тоульникъ.—Тоулитися 191,23 *закрыватьсѣ*?
- Тоуне.
- Тоуръ.
- Тоучя.
- Тѣк-ноути *на кого*—атаковать.—Възѣтъкноути дѣйств.—Натѣкноути дѣйств. — Потѣкноути *средн.* атаковать. — Потѣкноутися; *такъ ся ему поткло*—такъ ему привелось; *поткнуся къ ряду*—согласился на миръ. — Подѣтъкати возбуждать. — Сѣтъкноути. — Притѣчя. — Притѣчъникъ.
- (Тѣп—) отѣпѣтатися.—Потѣпѣтати *полжъ*—смять непріятелей; *роту* 139,33 нарушить.
- (Тѣск—) тѣшии.—Тѣшивыи.—Нетѣщъно, Ип. натощъно.—Тѣшитися. — Тѣщяниіе. — Потѣщитися.—Потѣщяниіе.—Тѣсноутися, тѣсенитися, цнитися, тѣцнѣтися спѣшитъ, стараться.—Потѣсенитися поспѣшитъ, постараться.—Сѣтъсноути, съцноути, съчъноути,

сътъсноутиси испугаться, въ испугѣ торопиться.—II. Тѣсьный.—
Тѣсьнота.—Сътѣсьнитися.—III. притисноути.

Тыл-ъ.

Тысячи 1) тысяча; 2) управленіе тысяческаго.—Тысячскыи, тысяцкыи,
тысячкыи.

Ть-ма.—Тѣмныи.—Отѣмняти.—II. Тѣма десять тысяч.—Тѣмничъ
сынъ—сынъ темника (у Татаръ).

(Тѣн, тѣ) тѣти 159,9.—Исѣтѣти.—Отѣтѣти.—Перетѣти перерубить.—
Потѣти.—Подѣтѣти.—Сѣтѣти, сѣтинати.

Тѣсть, цѣть, цѣть.—Тѣщя.

Тѣл-о.—Тѣлесьныи.

Тяг-ноути.—Въсѣтягивати удерживать отъ чего.—Въсѣтягноутися.—
Дотягнути 183,7 успѣть дойти.—Потягнути *потянемъ*—пой-
демъ.—Притягнути успѣть прійти.—Сѣтягнути.—Оутягнути
уйти впередъ, успѣть дойти.—II. Тяжкыи.—Тягота.—Тягость.—
III. Тяжя ссора.—Исѣтязати.—Сѣтяжати.

Оуг-тъль.

Оуи дяди по матери.

Оул-иця 40,7.

Оум-ѣти.—Оумъ.—Оумъникъ.—Безоумніе.—Безоумныи.—Изъ-
безоумитися.—Изоумѣтисѣ растеряться.—Изоумѣніе.—Разо-
умъ.—Розоумно.—Розоумѣти 1) разувать, 2) понять.—Оуро-
зумѣти.

Оун-ыи.—Оуность.—Оунота.

Оуст-а.—Оустѣна.—Оустіе.—Оустъ 29,14. 40,18. 26 нп. *на усть*
Медвѣдицы—на устьѣ Медвѣдицы.—Пооустити, пооущивати.

Оутро.—Заутра.—Зѣзаутра.—Оутрии.—Наоутрия, наутрѣе.—
Заутріе, заутрия.—Заоутрии *день*.—Оутръиин.—Заоутръ-
няя, заоутръня.

(Оутр—) вноутръиин.—Оутроба 222,7 вар. Ип.

Оух-о.—Об-оух-ати.—Пооухати.

Оучяны, въчяны 126,10 *прибѣгоша къ Волзѣ и воскакаша во вчяны,*
и ту абѣ испровергоша учянъ, и тако истопоша.

Фаръ 56,20. 162,22. 29 конь (Венгерскій).—Фаревъникъ 170,10 всад-
никъ (Венгерскій).

Февраль, февраль.

Философъ.—Философствовать.

Финиптъ 111,36. 123,22. 223,2. 9. 10.

О-хав-итися 182,34 остеречься.

Канъ, ханъ.—Кановъ.

Хвала.—Хвалити.—Хвалитися.—Похвала.—Похвалити.—Похва-
литися.—Похваление.—Похвальныи.

Хворость 193,22.

Хвост-атая.

Хероувимъ.

Хлѣвъ-ѣ.

Хлявь ЦС?

Ход-ити 1) ходить, 2) совершать походъ.—Въходити.—Въходъ.—
Въсѣхходити.—Въсѣ-ход-итися.—Въсѣхходьныи 114,15 *столнъ*.—
Выходити.—Выходъ.—Доходити.—Заходити.—Заходъ.—
Исѣхходити.—Исѣходъ.—Находити.—Нахоженіе.—Объходи-
ти.—Отъходити.—Прѣходити.—Переходъ.—Приходити.—
Приходъ.—Прихожии.—Проходити.—Росѣхходитися.—Сѣхо-
дити.—Сѣходъ.—Ходатаи.

Холопъ 99,4. 117,13. 185,8. 199,6.

Хоровъ-рыи.—Храбръ-ствоуаи рет.

Храм-ы 190,9 домъ?—Храмъ.

Хоронити защищать.—Похоронити.—Росѣххоронитися.—Сѣхо-
ронити.

Хороугъви.

Хот-ѣти; хотѣніе.—Въсѣххотѣти.—Похотѣти.—Хотя.—Неохво-
тивъ 63,29.—Вохвотити 108,33.—Оуохвотитися, оуохотитися
126,2. 137,32.

Христолюбивыи.—Христолюбъцъ.—Хрестыанинъ, крестыанинъ.—
Хрестыании.—Нехрестыании.—Хрестыаньскыи.—Хресты-
аньство.

Хром-ыи.

Хронографъ.

Хоуд-ыи слабый, изнеможенный.—Хоудость рет.—Охоудѣвати слабѣть.

Хоудожникъ.

Хоула.—Хоулити.—Хоулитися.—По-хоуп-ѣся 128,37 причастіе отъ
похоулитися?

Хъза род. 187,14 *сапози зеленого хъза?*

Хълоудъ 62,21?

(Хыт, хват) I. Въсѣххытити.—Похытити.—Подъхытити 72,21 под-
хватить.—Похватити 170,23.—II. Хытрыи.—Хытрость.—
Хытрыцъ.—Исѣххытрити рет.

Царь.—Царевъ.—Царьскыи.—Царевичъ.—Царица.—Въцари-
тися.—Царьство.—Царьствию.—Царьствовати.

Цвѣл-ити 201,27 мучить?

Цевръ 225,4.

Цръкъви.—Цръковъныи.—Цръковъникъ.

Цѣл-ыи. Цѣленіе.—Ицѣлити.—Ицѣленіе.—Неицѣлимыи.—Ицѣ-
лѣти.—Цѣломоудріе.—II. Цѣловати.—Цѣловатися.—Цѣло-
вапію.—Бе-цѣн-ѣныи.

Цѣп-ѣ.

Цята 111,32. 33. 223,9. 10.

Чел-о.—Челъка 104,26 *стяговая*.

Челюсть.

Челядь.

Черевѡ.—Червиѣ и Ип. *чрево* 170,15 обувь.

(Черѣд) оучрѣдити угостить.—Оучрѣженіе.

Чѣтыре.—Чѣтвертый.—Чѣтвертынадесять.—Чѣтыредѣсять.—Чѣтырѣсѣта.—Чѣтвергъ.—Чѣтвержныи *день*.

По-чѣти см. кои.—Чѣн, чѣ см. кѣн, кон.

Чин-ити.—Чинъ.—Въчинити. Оучинити.—Оучинитися.—Оточина 24,13. 60,20. 63,26 *то* здѣсь средн. родъ тѣстоим. *тѣ*, употребл. какъ сущ. (= много, мало) съ родит. сущ. *чинъ*—въ то время сравн. *въ тѣ чинъ*.

Чыст-ыи — Нечыстыи.=Прѣчыстыи.—Чыстѡта.—Очыстити.—Очыститися.—Очищеніе.

Члѣнъ.

Чръмьность.

Чръныи.—Чрънѣцъ.—Чрънѣчскыи.—Чрънѣчство.—Чръниця.—Чръноризѣцъ.—Чръноризскыи.

По-чрън-сти.

Чрът-овъ.

Чълѡвѣкъ.—Чълѡвѣчскыи.

(Чѣт) чѣсти.—Почѣсти.—Прочѣсти.—Росѣчѣсти.—Сѣчитати.—Оучѣтъ 104,1 *безъ учѣта*—безъ числа.—Причѣта 157,19=*прѣтѣча*.—Почѣтити.—Причитати.—Причитатися.—Чѣсть.—Чѣстьныи.—Вѣсѣтьныи.—Чѣстити.—Чѣстьникъ рет.—Нечѣстивыи.—Вечѣстіе.—Обечѣствовати.—Почѣстити.—Оучѣстити.—Число.—Бечисельныи.—Чисельница.

Чю-ти.—Очютити.—Почютити.—Сѣчювьствѣныи 154,14 матеріальныи рет.

Чюдо.—Чюдѣныи.—Прѣчюдѣныи.—Чюдѡтворѣныи.

Чюжи.—Чюжеземѣцъ.

Чюмъ 185,5 *вина*—мѣхъ?

Чѣ-яти.—Нечѣяніе рет.—Отѣчѣяніе.

Чѣга 98,24 Русскіе (у Половцевъ) *наполнились до избытка и колодники и чагами и дѣтьми ихъ*.

Чѣс-тъ.

Чѣсто.

Чѣсть.—Причѣститися.—Причѣщеніе.—Причѣстіе.—Причѣстьныи.

Чѣша.

Шѣлом-тъ — Шѣломя 63,6. 129,12. 13; Хл. соломя, солѣмя — грядѣ холмовъ.

Шѣлоудивыи, шюлоудивыи 15,26.

Шѣрѣтъ.

Шѣсть.—Шѣстыи.—Шѣстьдѣсять.

Шѣ-ти.—Ошитыи.—Подѣшѣва.

Шѣв-еніе.—Вишибити.—Вѣшибитися 65,9.—Сѣшибатися.

Шѣя.

Шѣд—см. и-ти.—Шѣствовати.

(Шюи) ошююю. — Шюиця, щюиця 131,6.

Шюмъ.

Шюр-инъ. — Шюрята множ. 171,38.

Шяръ краска.

Шят-атися.

Шятъръ.

Щедрота.

Щит-ъ. — Защитити. — Защититися.

Пра-щюръ, Хл. пращоръ 45,4.

Щяд-ити. — Пощядѣти. — Нещядьныи рет.

Яти, имати. — Ятися. — Ятию 99,9. — Въниматися 53,19 въвши-
ваться. — Възяти, възняти. — Възятися. — Възятіе. — Въяти,
выняти. — Вынятися. — Заяти. — Заиматися 63,10. — Изимати за-
брать. — Объяти. — Объятися, Ип. обоуятися. — Отъяти. — Отъ-
ятися. — Изъотъяти. — Переяти. — Пояти. — Поняти. — По-
ятися. — Подъяти. — Подъятися. — Прияти 1) принять; 2) удержать
въплѣну. — Приятися. — Приятию. — Неприятию. — Въсприяти. —
Розымати. — Съняти. — Сънятися. — Сънъмъ. — Оуяти ип. 118,3.

Яв-ити. — Явитися. — Обоуявитися, обявитися. — Проявити. — Явѣ.
(Яд) ѣсти. — Изъѣсти. — Поѣсти. — Сънѣсти. — Сънѣстися. — Обѣдати,
обѣдъ. — Обѣдъныи. — Обѣдъная, обѣдъная. — Ясть 31,э *не имати*
на пути ясти — ссоры? (то, когда ѣдятъ другъ друга, стараются сдѣ-
лать вредъ).

Язв-ити. — Язва. — Оуязвити. — Язвинити 172,23.

Язв-ъць 180,31.

Языкъ.

Яма.

Янда 195,13?

Яр-ость. — Възъяритися. — Розъяритися.

Ярыцѣхъ предл. множ. 187,11 *людіе во ярыцѣхъ?*

Ясын-ыи. — Оуяснитися.

Ястрѣвъ.

Ятры.

(Ях) ѣхати, ѣздити. — Ёздъ 135,3. — Въѣхати. — Възъѣхати. — Вы-
ѣхати. — Доѣхати. — Заѣхати *кого* — заѣхать въ тылъ. — Изъѣхати
кого — напасть въ располхъ. — Изъѣздъ; *изъѣздомъ ѣхати* — такъ
чтобы напасть въ располхъ. — Изъѣждениис 87,8 = изъѣздъ. — На-
ѣхати. — Наѣздъ 210,2. — Обѣхати. — Отъѣхати. — Отъѣздъ. —
Переѣхати. — Поѣхати. — Поѣздъ 104,9. — Поѣздство 89,6. —
Подъѣхати. — Приѣхати. — Приѣздъ. — Проѣхати. — Розъѣхати
кого — стать въ серединѣ, такъ что нельзя сразиться. — Розъѣхатися. —
Съѣхати. — Съѣхатися. — Съѣздъ.

**Извѣстія Императорской Академіи Наукъ по отдѣленію
русскаго языка и словесности.** Томъ II, листы 1—15 (или 28—41
листы общаго счета) и при нихъ XXII—LXVI листы *Прибавленій*. *)

Опытъ Словаря къ Ипатьевской Лѣтописи, г. Чернышевскаго, первый послѣ словаря къ „Остромирову Евангелію“ трудъ этого рода въ русской литературѣ. Потому обратимъ вниманіе на планъ и исполненіе этого труда, предполагая, что авторъ не оскорбится нашими замѣчаніями.

Словарь этотъ расположенъ по этимологическому порядку. И дѣйствительно, объяснительнымъ словарямъ тѣхъ языковъ, въ которыхъ значеніе многихъ словъ еще не опредѣлено, приличенъ этимологическій порядокъ. Но къ этимологическому словарю долженъ быть приложенъ алфавитный списокъ словъ, вошедшихъ въ него, по крайней мѣрѣ тѣхъ словъ, производство которыхъ неясно съ перваго взгляда для всякаго. Г. Чернышевскій не сдѣлалъ этого, потому его словаремъ не совсѣмъ удобно пользоваться; и мы часто не знаемъ даже, подѣ какимъ корнемъ надобно искать нужное намъ слово, потому что словопроизводство — вещь довольно загадочная во всѣхъ языкахъ, тѣмъ болѣе въ славянскомъ, менѣе другихъ обработанномъ. Приложить алфавитный списокъ словъ, въ которыхъ видъ корня измѣнился или затмился, было бы тѣмъ необходимѣе, что авторъ иногда отстываетъ отъ обыкновеннаго словопроизводства (иначе я не можетъ быть при нынѣшнемъ состояніи славянской филологіи); напримѣръ, слово *соулиця* относитъ онъ къ корню *соу-ти*, между тѣмъ, какъ обыкновенно предполагается для этого слова корень *соул-*, *взпити*, подобно *вззпити* относитъ онъ къ корню *пи-ти* (= *пѣ-ти*), а не къ корню *взп-*, какъ обыкновенно. Намъ кажется, что онъ слишкомъ стѣснилъ кругъ своихъ объясненій, рѣшась объяснять Ипатьевскую Лѣтопись только одною Ипатьевскою Лѣтописью, и отказавшись преднамѣренно отъ всѣхъ ностороннихъ пособій. Поэтому онъ принужденъ оставить безъ объясненія множество словъ, которыхъ значеніе можно опредѣлить, или уже давно извѣстно, напримѣръ *кація*, *скора*, *оло-вирь*, *паволока*, *скорлатъ*, и оставить ихъ безъ объясненія только потому,

*) Изв. Отгеч. Зап. 1854 г. т. ХСII (Янв.—Февр.).

что они объясняются не Ипатьевскою Лѣтописью. Г. Чернышевскій ставитъ вопросительные знаки при словахъ, относительно которыхъ онъ нетвердо увѣренъ, правильно-ли они объяснены у него; такая осторожность была бы излишнею, если бы онъ не былъ слишкомъ мнителенъ: его сомнѣнiе очень часто скрываетъ подъ собою рѣшительную достовѣрность. Мы совершенно согласны съ г. Чернышевскимъ въ необходимости отличать отъ народныхъ русскихъ словъ слова, заимствованныя въ наши лѣтописи изъ церковнославянскихъ книгъ, и слова, составленные нашими книжниками въ подражанiе греческимъ, или просто для витѣватости (последнiя слова называетъ онъ риторическими); но намъ кажется, что и здѣсь онъ слишкомъ остороженъ; по нашему мнѣнiю, изъ словъ на букву с къ церковнославянскимъ или риторическимъ словамъ, кромѣ отмѣченныхъ г. Чернышевскимъ, въ его словарь относятся еще: насаженiе, вселеная, свѣрпыи, прѣсвятii, священномученикъ, ослабитися, свѣтоносныи, оусвѣтити, свѣтлость, скранiе, скръбъ, неослабно, прѣславный, слышание, слоужитель, основа, поспѣшение, поспѣшникъ, спѣшникъ, срьдъчныи, достойтъ, достойныи, достояние, достохвальныи, наставникъ, оставление, прѣставитися, прѣставление, стонание, остлѣпити, строение, оустроение, поустроить, стоудныи, осоудитися, осоужение, исоужити, всѣяти, оусѣкнути, посягати.

ЭСТЕТИЧЕСКІЯ ОТНОШЕНІЯ

ИСКУССТВА КЪ ДѢЙСТВИТЕЛЬНОСТИ *).

Настоящій трактатъ ограничивается общими выводами изъ фактовъ, подтверждая ихъ опять только общими указаніями на факты. Вотъ первый

*) *Примѣчаніе издателя.* Статья эта—магистерская диссертация Н. Г. Чернышевскаго. Она была написана въ 1853 г., но разсмотрѣніе ея университетскимъ начальствомъ затянулось до 1855 г.

Привожу, кстати, относящіяся къ этой статьѣ двѣ выписки изъ писемъ моего отца къ дѣдушкѣ, Г. И. Чернышевскому:

(изъ письма отъ 21 Сентября 1853 г.).

..... Диссертацию свою пишу объ эстетикѣ. Если она пройдетъ черезъ университетъ въ настоящемъ своемъ видѣ, то будетъ оригинальна между прочимъ въ томъ отношеніи, что въ ней не будетъ ни одной цитаты, а всего только *одна* ссылка. Если же найдутъ это недовольно ученымъ, то я прибавлю нѣсколько сотъ цитатъ въ три дня. По секрету можно сказать, что ГГ. здѣшніе профессора словесности совершенно не занимались тѣмъ предметомъ, который взялъ я для своей диссертации, и потому едва-ли увидать, какое отношеніе мои мысли имѣютъ къ общественному образу понятій объ эстетическихъ вопросахъ. Имъ показалось бы даже, что я приверженецъ тѣхъ философовъ, которыхъ маѣнія оспариваю, если бы я не сказалъ объ этомъ ясно. Поэтому [я не думаю, чтобы у насъ поняли, до какой стѣпени важны тѣ вопросы, которые я разбираю, если меня не принудятъ прямо объяснять этого. Вообще у насъ очень затмилась понятія о философін съ тѣхъ поръ, какъ умерли или замолкли люди, понимавшіе философію и слѣдившіе за нею.....

(изъ письма отъ 3 Мая 1855 г.).

..... Диссертация, для сокращенія времени и издержекъ, напечатана мною въ большомъ форматѣ и очень убористымъ шрифтомъ; кромѣ того и для тѣхъ же цѣлей, я значительно сократилъ ее (хотя ценсура университетская не зачеркнула ни одного слова), когда рукопись была уже одобрена къ печати. Потому вышло всего только 6½ печатныхъ листовъ, вмѣсто 20, которые были бы наполнены ею безъ сокращеній, и при обыкновенномъ разговинистомъ печатаніи. .... Въ вѣншемъ отношеніи она имѣетъ ту особенность, что нѣтъ въ ней *ни одной* цитаты—наперекоръ общей замашкѣ шарлатанить этою дешевою ученостью. Къ числу особенностей принадлежить и то, что она писана мною *прямо на блго*—случай, едва-ли бывавшій съ кѣмъ нибудь. Этимъ всѣмъ я хотѣлъ себѣ доставить удовольствіе внутренне позабавиться надъ людьми, которые (не могутъ) сдѣлать подобнаго. О содержаніи пока не пишу—это до другаго письма. Заглавіе Вы знаете: „Эстетическія отношенія искусства къ дѣйствительности“.....

пунктъ, относительно котораго должно дать объясненіе. Нынѣ вѣкъ монографій, и сочиненіе можетъ подвергнуться упреку въ несовременности. Удаленіе изъ него всѣхъ спеціальныхъ изслѣдованій можетъ быть сочтено за пренебреженіе къ нимъ или за слѣдствіе мнѣнія, что общіе выводы могутъ обойтись безъ подтвержденія фактами. Но такое заключеніе основывалось бы только на внѣшней формѣ труда, а не на внутреннемъ его характерѣ. Реальное направленіе мыслей, развиваемыхъ въ немъ, уже достаточно свидѣлствуетъ, что онѣ возникли на почвѣ реальности и что авторъ вообще придаетъ очень мало значенія для нашего времени фантастическимъ полетамъ даже и въ области искусства, не только въ дѣлѣ науки. Сущность понятій, излагаемыхъ авторомъ, ручается за то, что онъ желалъ бы, елибъ могъ, привести въ своемъ сочиненіи многочисленные факты, изъ которыхъ выведены его мнѣнія. Но если-бъ онъ рѣшился слѣдовать своему желанію, объемъ труда далеко превзошелъ бы опредѣленные ему границы. Авторъ думаетъ однако, что общихъ указаній, имъ приводимыхъ, достаточно, чтобы напомнить читателю десятки и сотни фактовъ, говорящихъ въ пользу мнѣній, излагаемыхъ въ этомъ трактатѣ, и потому надѣется, что краткость объясненій не есть бездоказательность.

Но зачѣмъ же авторъ избралъ такой общій, такой обширный вопросъ, какъ эстетическія отношенія искусства къ дѣйствительности, предметомъ своего изслѣдованія? Почему не избралъ онъ какого-нибудь спеціальнаго вопроса, какъ это большею частью нынѣ дѣлается?

По силамъ-ли автора задача, которую хотѣлъ онъ объяснить, рѣшать это, конечно, не ему самому. Но предметъ, привлечшій его вниманіе, имѣетъ нынѣ полное право обращать на себя вниманіе всѣхъ людей, занимающихся эстетическими вопросами, то есть всѣхъ, интересующихся искусствомъ, поэзіею, литературою.

Автору кажется, что бесполезно толковать объ основныхъ вопросахъ науки только тогда, когда нельзя сказать о нихъ ничего новаго и основательнаго, когда не приготовлена еще возможность видѣть, что наука измѣняетъ свои прежнія воззрѣнія, и показать, въ какомъ смыслѣ, по всей вѣроятности, должны они измѣниться. Но когда выработаны матеріалы для новаго воззрѣнія на основные вопросы нашей спеціальной науки, и можно и должно высказать эти основныя идеи.

Уваженіе къ дѣйствительной жизни, недовѣрчивость къ апіорическимъ, хотя бы и пріятнымъ для фантазіи, гипотезамъ — вотъ характеръ направленія, господствующаго нынѣ въ наукѣ. Автору кажется, что необходимо привести къ этому знаменателю и наши эстетическія убѣжденія, если еще стѣдуетъ говорить объ эстетикѣ.

Авторъ не меньше, нежели кто-нибудь, признаетъ необходимость спеціальныхъ изслѣдованій; но ему кажется, что отъ времени до времени необходимо также обозрѣвать содержаніе науки съ общей точки зрѣнія; кажется, что если важно собирать и изслѣдовать факты, то не менѣе важно и стараться проникнуть въ смыслъ ихъ. Мы всѣ признаемъ высокое значеніе исторіи искусства, особенно исторіи поэзіи; итакъ не могутъ не имѣть высокаго значенія и вопросы о томъ, что такое искусство, что такое поэзія.

„Всѣ сферы духовной дѣятельности подчинены закону восхожденія отъ непосредственности къ посредственности. Вслѣдствіе этого закона идея, вполнѣ постигаемая только мышленіемъ (познаваніе подѣ формою посредственности), первоначально является духу подѣ формою непосредственности или подѣ формою воззрѣнія. Потому человѣческому духу кажется, что отдѣльное существо, ограниченное предѣлами пространства и времени, совершенно соотвѣтствуетъ своему понятію, кажется, что въ немъ вполнѣ осуществилась опредѣленная идея, а въ этой опредѣленной идеѣ вполнѣ осуществилась идея вообще. Такое воззрѣніе предмета есть призракъ (ist ein Schein) въ томъ отношеніи, что идея никогда не проявляется въ отдѣльномъ предметѣ *вполнѣ*; но подѣ этимъ призракомъ скрывается истина, потому что въ опредѣленной идеѣ дѣйствительно осуществляется до *нѣкоторой степени* общая идея, а опредѣленная идея осуществляется до *нѣкоторой степени* въ отдѣльномъ предметѣ. Этотъ скрывающій подѣ собою истину призракъ проявленія идеи вполнѣ въ отдѣльномъ существѣ есть прекрасное (das Schöne)“.

Такъ развивается понятіе прекраснаго въ господствующей эстетической системѣ. Изъ этого основнаго воззрѣнія слѣдуютъ дальнѣйшія опредѣленія: прекрасное есть идея въ формѣ ограничennaго проявленія; прекрасное есть отдѣльный чувственный предметъ, который представляется чистымъ выраженіемъ идеи, такъ что въ идеѣ не остается ничего, что не проявлялось бы чувственно въ этомъ отдѣльномъ предметѣ, а въ отдѣльномъ чувственномъ предметѣ нѣтъ ничего, что не было бы чистымъ выраженіемъ идеи. Отдѣльный предметъ въ этомъ отношеніи называется образомъ (das Bild). Итакъ прекрасное есть совершенное соотвѣтствіе, совершенное тожество идеи съ образомъ.

Я не буду говорить о томъ, что основныя понятія, въ зависимости отъ которыхъ выставлено такое воззрѣніе на прекрасное, теперь уже признаны не выдерживающими критики; не буду говорить и о томъ, что прекрасное въ этой системѣ понятій является только „призракомъ“, проистекающимъ отъ непроницательности взгляда, не просвѣтленнаго философскимъ мышленіемъ, предѣ которымъ исчезаетъ кажущаяся полнота проявленія идеи въ отдѣльномъ предметѣ, такъ что чѣмъ выше развито мышленіе, тѣмъ болѣе исчезаетъ предѣ нимъ прекрасное, и наконецъ для вполнѣ развитаго мышленія есть только истинное, а прекраснаго нѣтъ; не буду опровергать этого фактомъ, что на самомъ дѣлѣ развитіе мышленія въ чловѣкѣ нисколько не разрушаетъ въ немъ эстетическаго чувства: все это уже было высказано много разъ. Какъ слѣдствіе и часть метафизической системы, изложенное выше понятіе о прекрасномъ падаетъ вмѣстѣ съ нею. Но можетъ быть ложна система, а частная мысль, въ нее вошедшая, можетъ, будучи взята самостоятельно, имѣть справедливость, утверждаясь на своихъ особенныхъ основаніяхъ. Поэтому остается еще показать, что господствующее понятіе о прекрасномъ не выдерживаетъ критики, будучи взято и впѣ связи съ упавшими нынѣ метафизическими системами.

„Прекрасно то существо, въ которомъ вполнѣ выражается идея этого существа“ въ переводѣ на простой языкъ будетъ значить: „прекрасно то,

что превосходно въ своемъ родѣ; то, лучшее чего нельзя себѣ вообразить въ этомъ родѣ". Совершенно справедливо, что предметъ долженъ быть превосходить въ своемъ родѣ для того, чтобы называться прекраснымъ. Такъ, напр., лѣсъ можетъ быть прекрасенъ, но только „хорошій“ лѣсъ, высокій, прямой, густой, однимъ словомъ, превосходный лѣсъ; коряжникъ, жалкій, низенькій, рѣдкій лѣсъ, не можетъ быть прекрасенъ. Роза прекрасна; но только „хорошая“, свѣжая, неошипанная роза. Однимъ словомъ, все прекрасное превосходно въ своемъ родѣ. Но не все превосходное въ своемъ родѣ прекрасно; кротъ можетъ быть превосходнымъ экземпляромъ породы кротовъ, но никогда не покажется онъ „прекраснымъ“; точно то же надобно сказать о большей части амфибій, многихъ породахъ рыбъ, даже многихъ птицахъ: чѣмъ лучше для естествоиспытателя животное такой породы, т.-е. чѣмъ полнѣе выражается въ немъ его идея, тѣмъ оно некрасивѣе съ эстетической точки зрѣнія. Чѣмъ лучше въ своемъ родѣ болото, тѣмъ хуже оно въ эстетическомъ отношеніи. Не все превосходное въ своемъ родѣ прекрасно; потому что не всѣ роды предметовъ прекрасны. Опредѣленіе прекраснаго какъ полнаго соотвѣтствія отдѣльнаго предмета съ его идеею слишкомъ широко. Оно высказываетъ только, что въ тѣхъ разрядахъ предметовъ и явленій, которые могутъ достигать красоты, прекрасными кажутся лучшіе предметы и явленія; но не объясняетъ, почему самые разряды предметовъ и явленій раздѣляются на такіе, въ которыхъ является красота, и другіе, въ которыхъ мы не замѣчаемъ ничего прекраснаго.

Но съ тѣмъ вмѣстѣ оно и слишкомъ тѣсно. „Прекуснымъ кажется то, что кажется полнымъ осуществленіемъ родовой идеи“ значитъ также: „надобно, чтобы въ прекрасномъ существѣ было все, что только можетъ быть хорошаго въ существахъ этого рода; надобно, чтобы нельзя было найти ничего хорошаго въ другихъ существахъ того же рода, чего не было бы въ прекрасномъ предметѣ“. Этого мы въ самомъ дѣлѣ и требуемъ отъ прекрасныхъ явленій и предметовъ въ тѣхъ царствахъ природы, гдѣ нѣтъ разнообразія типовъ одного и того же рода предметовъ. Такъ, напр., у дуба можетъ быть одинъ только характеръ красоты: онъ долженъ быть высокъ и густъ; эти качества всегда находятся въ прекрасномъ дубѣ. и ничего другаго хорошаго не найдется въ другихъ дубахъ. Но уже въ животныхъ является разнообразіе типовъ одной породы, какъ скоро дѣлаются они домашними. Еще больше такого разнообразія типовъ красоты въ человѣкѣ. и мы даже никакъ не можемъ представить себѣ, чтобы всѣ оттѣнки человѣческой красоты совмѣщались въ одномъ человѣкѣ.

Выраженіе: „прекуснымъ называется полное проявленіе идеи въ отдѣльномъ предметѣ“ вовсе не опредѣленіе прекраснаго. Но въ немъ есть справедливая сторона—то, что „прекусное“ есть отдѣльный живой предметъ, а не отвлеченная мысль; есть и другой справедливый намекъ на свойство истинно художественныхъ произведеній искусства: они всегда имѣютъ содержаніемъ своимъ что-нибудь интересное вообще для человѣка, а не для одного художника (намекъ этотъ заключается въ томъ, что идея—„нѣчто общее, дѣйствующее всегда и вездѣ“); отъ чего происходитъ это, увидимъ на своемъ мѣстѣ.

Совершенно другой смысл имѣть другое выраженіе, которое выставляютъ за тождественное съ первымъ: „прекрасное есть единство идеи и образа, полное сліяніе идеи съ образомъ“; это выраженіе говоритъ дѣйствительно о существенномъ признакѣ—только не идеи прекраснаго вообще, а того, что называется художественнымъ произведеніемъ искусства: прекрасно будетъ произведеніе искусства дѣйствительно только въ томъ случаѣ, если художникъ передалъ въ произведеніи своемъ все то, что хотѣлъ передать. Конечно портретъ хорошъ только тогда, когда живописецъ сумѣлъ нарисовать совершенно того человѣка, котораго хотѣлъ нарисовать. Но „прекрасно нарисовать лицо“ и „нарисовать прекрасное лицо“ — двѣ совершенно различныя вещи. Объ этомъ качествѣ художественнаго произведенія придется говорить при опредѣленіи сущности искусства. Здѣсь же считаю неизлишнимъ замѣтить, что въ опредѣленіи красоты какъ единства идеи и образа,—въ этомъ опредѣленіи, имѣющемъ въ виду не прекрасное живой природы, а прекрасныя произведенія искусствъ, уже скрывается зародышъ или результатъ того направленія, по которому эстетика обыкновенно отдаетъ предпочтеніе прекрасному въ искусствѣ предъ прекраснымъ въ живой дѣйствительности.

Что же такое въ сущности прекрасное, если нельзя опредѣлить его какъ „единство идеи и образа“ или какъ „полное проявленіе идеи въ отдѣльномъ предметѣ“?

Новое строится не такъ легко, какъ разрушается старое, и защищать не такъ легко, какъ нападать; потому очень можетъ быть, что мнѣніе о сущности прекраснаго, кажущееся мнѣ справедливымъ, не для всѣхъ покажется удовлетворительнымъ; но если эстетическія понятія, выводимыя изъ господствующихъ нынѣ воззрѣній на отношенія человѣческой мысли къ живой дѣйствительности, остались въ моемъ изложеніи еще неполны, односторонни, или шатки, то это, я надѣюсь, недостатки не самыхъ понятій, а только моего изложенія.

Ощущеніе, производимое въ человѣкѣ прекраснымъ,—свѣтлая радость, похожая на ту, какою наполняетъ насъ присутствіе милаго для насъ существа *). Мы безкорыстно любимъ прекрасное, мы любимся, радуемся на него, какъ радуемся на милаго намъ человѣка. Изъ этого слѣдуетъ, что въ прекрасномъ есть что-то милое, дорогое нашему сердцу. Но это „что-то“ должно быть нѣчто чрезвычайно многообъемлющее, нѣчто способное принимать самыя разнообразныя формы, нѣчто чрезвычайно общее; потому что прекрасными кажутся намъ предметы чрезвычайно разнообразные, существа совершенно непохожія другъ на друга.

Самое общее изъ того, что мило человѣку, и самое милое ему на свѣтѣ—жизнь; ближайшимъ образомъ такая жизнь, какую хотѣлось бы ему

*) Я говорю о томъ, что прекрасно по своей сущности, а не потому только, что прекрасно изображено искусствомъ; о прекрасныхъ предметахъ и явленіяхъ, а не о прекрасномъ ихъ изображеніи въ произведеніяхъ искусства: художественное произведеніе, пробуждая эстетическое наслажденіе своими художественными достоинствами, можетъ возбуждать тоску, даже отвращеніе сущностью изображаемаго.

вести, какую любить онъ; потомъ и всякая жизнь, потому что все-таки лучше жить, чѣмъ не жить: все живое уже по самой природѣ своей ужасается гибели, небытія и любить жизнь. И кажется, что опредѣленіе:

„прекрасное есть жизнь“;

„прекрасно то существо, въ которомъ видимъ мы жизнь такую, какова должна быть она по нашимъ понятіямъ; прекрасенъ тотъ предметъ, который выказываетъ въ себѣ жизнь или напоминаетъ намъ о жизни“, — кажется, что это опредѣленіе удовлетворительно объясняетъ всѣ случаи, возбуждающіе въ насъ чувство прекраснаго. Прослѣдимъ главные проявленія прекраснаго въ различныхъ областяхъ дѣйствительности, чтобы провѣрить это.

„Хорошая жизнь“, „жизнь, какъ она должна быть“, у простаго народа состоятъ въ томъ, чтобы сытно ѣсть, жить въ хорошей избѣ, спать вдоволь; но вмѣстѣ съ этимъ у поселянина въ понятіи „жизнь“ всегда заключается понятіе о работѣ: жить безъ работы нельзя; да и скучно было бы. Слѣдствіемъ жизни въ довольствѣ при большой работѣ, не доходящей однако до изнуренія силъ, у молодого поселянина или сельской дѣвушки будетъ чрезвычайно свѣжій цвѣтъ лица и румянецъ во всю щеку — первое условіе красоты по простонароднымъ понятіямъ. Работая много, поэтому будучи крѣпка сложеніемъ, сельская дѣвушка при сытной пищѣ будетъ довольно плотна — это также необходимое условіе красавицы сельской: свѣтская „полувоздушная“ красавица кажется поселянину рѣшительно „невзрачною“, даже производитъ на него непріятное впечатлѣніе; потому что онъ привыкъ считать „худобу“ слѣдствіемъ болѣзненности или „горькой доли“. Но работа не дастъ разжирѣть: если сельская дѣвушка толста, это родъ болѣзненности, знакъ „рыхлаго“ сложенія, и народъ считаетъ большую полноту недостаткомъ. У сельской красавицы не можетъ быть маленькихъ ручекъ и ножекъ, потому что она много работаетъ — объ этихъ принадлежностяхъ красоты и не упоминается въ нашихъ пѣсняхъ. Однимъ словомъ, въ описаніяхъ красавицы въ народныхъ пѣсняхъ не найдется ни одного признака красоты, который не былъ бы выраженіемъ цвѣтущаго здоровья и равновѣсія силъ въ организмѣ, всегдашняго слѣдствія жизни въ довольствѣ при постоянной и вешуточной, но нечрезмѣрной работѣ. Совершенно другое дѣло свѣтская красавица; уже нѣсколько поколѣній предки ея жили не работая руками; при бездѣйственномъ образѣ жизни, крови льется въ оконечности мало; съ каждымъ новымъ поколѣніемъ мускулы рукъ и ногъ слабѣютъ, кости дѣлаются тоньше; необходимымъ слѣдствіемъ всего этого должны быть маленькія ручки и ножки; онѣ признакъ такой жизни, которая одна и кажется жизнью для высшихъ классовъ общества, жизни безъ физической работы; если у свѣтской женщины большія руки и ноги, это признакъ или того, что она дурно сложена, или того, что она не изъ старинной хорошей фамиліи. Поэтому же самому у свѣтской красавицы должны быть маленькія ушки. Мигрень, какъ извѣстно, интересная болѣзнь — и не безъ причины: отъ бездѣйствія кровь остается вся въ среднихъ органахъ, приливаетъ къ мозгу; нервная система и безъ того

уже раздражительна отъ всеобщаго ослабленія въ организмѣ; неизбѣжное слѣдствіе всего этого — продолжительныя головныя боли и разнаго рода нервическія разстройства; что дѣлать, и болѣзнь интересна, чуть не завидна, когда она слѣдствіе того образа жизни, который намъ нравится. Здоровье, правда, никогда не можетъ потерять своей цѣны въ глазахъ человѣка, потому что и въ довольствѣ, и въ роскоши плохо жить безъ здоровья; вслѣдствіе того румянецъ на щекахъ и цвѣтущая здоровьемъ свѣжесть продолжаютъ быть привлекательными и для свѣтскихъ людей; но болѣзненность, слабость, вялость, томность также имѣютъ въ глазахъ ихъ достоинство красоты, какъ скоро кажутся слѣдствіемъ роскошно-бездѣйственного образа жизни. Блѣдность, томность, болѣзненность имѣютъ еще другое значеніе для свѣтскихъ людей: если поселянинъ ищетъ отдыха, спокойствія, то люди образованнаго общества, у которыхъ матеріальной нужды и физической усталости не бываетъ, но которымъ зато часто бываетъ скучно отъ бездѣлья и отсутствія матеріальныхъ заботъ, ищутъ „сильныхъ ощущеній, волненій, страстей“, которыми придается цвѣтъ, разнообразіе, увлекательность свѣтской жизни, безъ того монотонной и безцвѣтной. А отъ сильныхъ ощущеній, отъ пылкихъ страстей человѣкъ скоро изнашивается: какъ же не очароваться томностью, блѣдностью красавицы, если онъ служитъ признакомъ, что она „много жила“?

Мила живая свѣжесть цвѣта,
Знакъ южныхъ дней;
Но блѣдный цвѣтъ, тоски примѣта,
Еще милѣй.

Но если увлеченіе блѣдною, болѣзненною красотою признакъ искусственной испорченности вкуса, то всякій истинно образованный человѣкъ чувствуетъ, что истинная жизнь — жизнь ума и сердца. Она отпечатлѣвается въ выраженіи лица, всего яснѣе въ глазахъ; потому выраженіе лица, о которомъ такъ мало говорится въ народныхъ пѣсняхъ, получаетъ огромное значеніе въ понятіяхъ о красотѣ, господствующихъ между образованными людьми; и часто бываетъ, что человѣкъ кажется намъ прекрасенъ только потому, что у него прекрасные, выразительные глаза.

Я пересмотрѣлъ, сколько позволяло мѣсто, главныя принадлежности человѣческой красоты, и мнѣ кажется, что все онъ производятъ на насъ впечатлѣніе прекраснаго потому, что въ нихъ мы видимъ проявленіе жизни, какъ понимаемъ ее. Теперь надобно посмотреть противоположную сторону предмета, рассмотреть, отчего человѣкъ бываетъ некрасивъ.

Причину некрасивости общей фигуры человѣка всякій укажетъ въ томъ, что человѣкъ, имѣющій дурную фигуру, — „дурно сложенъ“. Мы очень хорошо знаемъ, что уродливость — слѣдствіе болѣзни или пагубныхъ случаевъ, отъ которыхъ особенно легко уродуется человѣкъ въ первое время развитія. Если жизнь и ея проявленія — красота, то очень естественно, что болѣзнь и ея слѣдствія — безобразіе. Но человѣкъ дурно сложенный — также уродъ, только въ меньшей степени, и причины „дурнаго сложенія“ тѣ же самыя, которыя производятъ уродливость, только слабѣе ихъ. Если чело-

вѣкъ родится горбатымъ — это слѣдствія несчастныхъ обстоятельствъ, при которыхъ совершалось первое его развитіе; но сутуловатость та же горбатость, только въ меньшей степени, и должна происходить отъ тѣхъ же самыхъ причинъ. Вообще худо сложенный человѣкъ — до вѣкоторой степени искаженный человѣкъ; его фигура говоритъ намъ не о жизни, не о счастливомъ развитіи, а о тяжелыхъ сторонахъ развитія, о неблагоприятныхъ обстоятельствахъ. Отъ общаго очерка фигуры переходимъ къ лицу. Черты его бываютъ нехороши или сами по себѣ или по своему выраженію. Въ лицѣ не нравится намъ „злое“, „непріятное“ выраженіе, потому, что злость — ядъ, отравляющій нашу жизнь. Но гораздо чаще лицо „некрасиво“ не по выраженію, а по самымъ чертамъ: черты лица некрасивы бываютъ въ томъ случаѣ, когда лицевыя кости дурно организованы, когда хрящи и мускулы въ своемъ развитіи болѣе или менѣе несутъ отпечатокъ уродливости, т.-е. когда первое развитіе человѣка совершалось въ неблагоприятныхъ обстоятельствахъ.

Совершенно излишне пускаться въ подробныя доказательства мысли, что красотою въ царствѣ животныхъ кажется человѣку то, въ чемъ выражается по человѣкообразнымъ понятіямъ жизнь свѣжая, полная здоровья и силъ. Въ млекопитающихъ животныхъ, организація которыхъ болѣе близкимъ образомъ сравнивается нашими глазами съ наружностью человѣка, прекраснымъ кажется человѣку округленность формъ, полнота и свѣжесть; кажется прекраснымъ граціозность движеній, потому что граціозными бываютъ движенія какого-нибудь существа тогда, когда оно „хорошо сложено“, т.-е. напоминаетъ человѣка хорошо сложеннаго, а не урода. Некрасивымъ кажется все „неуклюжее“, то есть до нѣкоторой степени уродливое по нашимъ понятіямъ, вездѣ отыскивающимъ сходство съ человѣкомъ. Фермы крокодила, ящерицы, черепахи напоминаютъ млекопитающихъ животныхъ, но въ уродливомъ, искаженномъ, вѣльномъ видѣ; потому ящерица, черепаха отвратительны. Въ лягушкѣ къ непріятности формы присоединяется еще то, что это животное покрыто холодною слизью, какою бываетъ покрытъ трупъ; отъ того лягушка дѣлается еще отвратительнѣе.

Не нужно подробно говорить и о томъ, что въ растеніяхъ намъ нравится свѣжесть цвѣта и рсскошность, богатство формъ, обнаруживающія богатую силами, свѣжую жизнь. Увядающее растеніе нехорошо; растеніе въ которомъ мало жизненныхъ соковъ, нехорошо.

Кромѣ того шумъ и движеніе животныхъ напоминаютъ намъ шумъ и движеніе человѣческой жизни; до нѣкоторой степени напоминаютъ о ней шелестъ растеній, качанье ихъ вѣтвей, колеблющіеся листочки ихъ — вотъ другой источникъ красоты для насъ въ растительномъ и животномъ царствѣ: пейзажъ прекрасенъ тогда, когда оживленъ.

Проводить въ подробности по различнымъ царствамъ природы мысль, что прекрасное есть жизнь и, ближайшимъ образомъ, жизнь, напоминающая о человѣкѣ и о человѣческой жизни, я считаю излишнимъ потому, что есть уже нѣсколько курсовъ эстетики, нечуждыхъ мысли, что красоту въ природѣ составляетъ то, что напоминаетъ человѣка (или выражаясь ихъ терминологіею, предвозвѣщаетъ личность), утверждающихъ, что прекрасное

въ природѣ имѣть значеніе прекраснаго только какъ намекъ на человѣка; потому, показавъ, что прекрасное въ человѣкѣ — жизнь, не нужно и доказывать, что прекрасное во всѣхъ остальныхъ областяхъ дѣйствительности, которое становится въ глазахъ человѣка прекраснымъ только потому, что служить намекомъ на прекрасное въ человѣкѣ и его жизни, также есть жизнь.

Но нельзя не прибавить, что вообще на природу смотреть человѣкъ глазами владѣльца, и на землѣ прекраснымъ кажется ему также то, съ чѣмъ связано счастье, довольство человѣческой жизни. Солнце и дневной свѣтъ очаровательно прекрасны между прочимъ потому, что въ нихъ источникъ всей жизни въ природѣ, и потому, что дневной свѣтъ, благотворно дѣйствуетъ прямо на жизненные отправления человѣка, возвышая въ немъ органическую дѣятельность, а чрезъ то благотворно дѣйствуетъ даже на расположеніе нашего духа.

Можно вообще сказать, что, читая въ новѣйшихъ эстетикахъ мѣста, гдѣ перечисляются различные виды и качества прекраснаго въ дѣйствительности, приходишь къ мысли, что, сознательно поставляя красоту въ полнотѣ проявленія идеи, бессознательно принимаютъ ихъ авторы, что полнота жизни и красота въ дѣйствительности тождественны. И нетолько эта мысль кажется лежащею бессознательно въ основаніи взгляда ихъ на прекрасное въ природѣ, но и въ самомъ развитіи общей идеи прекраснаго слово „жизнь“ попадаетъ въ новѣйшихъ эстетическихъ сочиненіяхъ такъ часто, что наконецъ можно спросить, есть ли существенное различіе между нашимъ опредѣленіемъ: „прекрасное есть жизнь“ и обыкновеннымъ опредѣленіемъ: „прекрасное есть единство идеи и образа“? Такой вопросъ рождается тѣмъ естественнѣе, что подъ „идею“ въ новѣйшей эстетикѣ понимается „общее понятіе, какъ оно опредѣляется всѣми подробностями своего дѣйствительнаго существованія“, и потому между понятіемъ идеи и понятіемъ жизни (или, точнѣе, понятіемъ жизненной силы) есть прямая связь. Не есть ли предлагаемое нами опредѣленіе только переложеніе на обыкновенный языкъ того, что высказывается въ господствующемъ опредѣленіи терминологіею спекулятивной философіи.

Мы увидимъ, что есть существенная разница между тѣмъ и другимъ способомъ понимать прекрасное. Опредѣляя прекрасное какъ полное проявленіе идеи въ отдѣльномъ существѣ, мы необходимо прійдемъ къ выводу: „прекрасное въ дѣйствительности только призракъ, влагаемый въ нее нашею фантазіею“; изъ этого будетъ слѣдовать, что „собственно говоря, прекрасное создается нашей фантазіею, а въ дѣйствительности (или говоря языкомъ спекулятивной философіи: въ природѣ) истинно прекраснаго нѣтъ“; изъ того, что въ природѣ нѣтъ истинно прекраснаго, будетъ слѣдовать, что „искусство имѣетъ своимъ источникомъ стремленіе человѣка восполнить недостатки прекраснаго въ объективной дѣйствительности“, и что „прекрасное, создаваемое искусствомъ, выше прекраснаго въ объективной дѣйствительности“ — всѣ эти мысли составляютъ сущность господствующихъ нынѣ эстетическихъ понятій и занимаютъ столь важное мѣсто въ системѣ ихъ не случайно, а по строгому логическому развитію основнаго понятія о прекрасномъ.

Напротивъ того, изъ опредѣленія: „прекрасное есть жизнь“ будетъ

слѣдовать, что истинная, высочайшая красота есть именно красота, встрѣчаемая человѣкомъ въ мірѣ дѣйствительности, а не красота создаваемая искусствомъ; происхожденіе искусства должно быть при такомъ воззрѣніи на красоту въ дѣйствительности объясняемо изъ совершенно другого источника; послѣ того и существенное значеніе искусства явится совершенно въ другомъ свѣтѣ.

Итакъ должно сказать, что новое понятіе о сущности прекраснаго, будучи выводомъ изъ такихъ общихъ воззрѣній на отношенія дѣйствительнаго міра къ воображаемому, которыя совершенно различны отъ господствовавшихъ прежде въ наукѣ, приводя къ эстетической системѣ, также существенно различающейся отъ системъ господствовавшихъ въ послѣднее время, и само существенно различно отъ прежнихъ понятій о сущности прекраснаго. Но съ тѣмъ вмѣстѣ оно представляется какъ ихъ необходимое дальнѣйшее развитіе. Существенное различіе между господствующею и предлагаемою эстетическими системами будемъ видѣть постоянно; чтобы указать на точку тѣснаго родства между ними, скажемъ, что новое воззрѣніе объясняетъ важнѣйшіе эстетическіе факты, которые выставлялись на видъ въ прежней системѣ. Такъ, напримѣръ, изъ опредѣленія „прекрасное есть жизнь“, становится понятно, почему въ области прекраснаго нѣтъ отвлеченныхъ мыслей, а есть только индивидуальныя существа—жизнь мы видимъ только въ дѣйствительныхъ, живыхъ существахъ, а отвлеченныя, общія мысли не входятъ въ область жизни.

Что касается существеннаго различія прежняго и предлагаемаго нами понятія о прекрасномъ, оно обнаруживается, какъ мы сказали, на каждомъ шагѣ; первое доказательство этого представляется намъ въ понятіяхъ объ отношеніи къ прекрасному возвышеннаго и комическаго, которыя въ господствующей эстетической системѣ признаются соподчиненными видоизмѣненіями прекраснаго, проистекающими отъ различнаго отношенія между двумя его факторами, идеею и образомъ. Въ господствующей системѣ эстетическихъ понятій чистое единство идеи и образа есть то, что называется собственно прекраснымъ; но не всегда бываетъ равновѣсіе между образомъ и идеею: иногда идея беретъ перевѣсъ надъ образомъ и, являясь намъ въ своей всеобщности, безконечности, переноситъ насъ въ область абсолютной идеи, въ область безконечнаго—это называется возвышеннымъ (*das Erhabene*); иногда образъ подавляетъ, искажаетъ идею—это называется комическимъ (*das Komische*).

Подвергнувъ критикѣ коренное понятіе, мы должны подвергнуть ей и вытекающія изъ него воззрѣнія, должны изслѣдовать сущность возвышеннаго и комическаго и ихъ отношенія къ прекрасному.

Господствующая эстетическая система даетъ намъ два опредѣленія возвышеннаго, какъ давала два опредѣленія прекраснаго. „Возвышенное есть перевѣсъ идеи надъ формою“ и „возвышенное есть проявленіе абсолютнаго“. Въ сущности эти два опредѣленія совершенно различны, какъ существенно различными найдены были нами и два опредѣленія прекраснаго, представляемыя господствующею системою; въ самомъ дѣлѣ, перевѣсъ идеи надъ формою производитъ не собственно понятіе возвышеннаго, а понятіе „туман-

наго, неопредѣленнаго“ и понятіе „безобразнаго“ (das Hässliche); между тѣмъ, какъ формула: „возвышенное есть то, что пробуждаетъ въ насъ (или, употребляя терминологию спекулятивной философіи: что проявляетъ въ себѣ) идею безконечнаго“ остается опредѣленіемъ собственно возвышеннаго. Поэтому каждое изъ нихъ должно разсмотрѣть особенно.

Очень легко показать непримѣнимость къ возвышенному опредѣленія: „возвышенное есть перевѣсъ идеи надъ образомъ“, послѣ того какъ самъ Фишеръ, его привимающій, сдѣлалъ это, объяснивъ, что отъ перевѣса идеи надъ образомъ (выражая ту же мысль обыкновеннымъ языкомъ: отъ превозможенія силы, проявляющейся въ предметъ, надъ всѣми стѣсняющими ее силами, или, въ природѣ органической, надъ законами организма, ее проявляющаго) происходитъ безобразное или неопредѣленное. Оба эти понятія совершенно различны отъ понятія возвышеннаго. Правда, безобразное бываетъ возвышеннымъ, когда оно ужасно; правда, туманная неопредѣленность усиливаетъ впечатлѣніе возвышеннаго, производимое ужаснымъ или огромнымъ; но безобразное, если оно не страшно, бываетъ просто отвратительно или некрасиво; туманное, неопредѣленное не производитъ никакого эстетическаго дѣйствія, если не огромно или не ужасно. Безобразіемъ или туманною неопредѣленностью характеризуются не всѣ роды возвышеннаго; безобразное или неопредѣленное не всегда имѣетъ характеръ возвышеннаго. Очевидно, что эти понятія различны отъ понятія возвышеннаго. „Перевѣсъ идеи надъ формою“, говоря строго, относится къ тому роду событій въ мірѣ нравственномъ и явленій въ мірѣ матеріальномъ, когда предметъ разрушается отъ избытка собственныхъ силъ; неоспоримо, что эти явленія часто имѣютъ характеръ чрезвычайно возвышенный; но только тогда, когда сила, разрушающая сосудъ, ее заключающій, уже имѣетъ характеръ возвышенности, или предметъ, ею разрушаемый, уже кажется намъ возвышеннымъ, независимо отъ своей гибели собственною силою. Иначе о возвышенномъ не будетъ и рѣчи. Когда Ніагарскій водопадъ, сокрушивъ скалу, его образующую, уничтожится напоромъ собственныхъ силъ; когда Александръ Македонскій погибаетъ отъ избытка собственной энергіи, когда Римъ падаетъ собственной тяжестью, это явленія возвышенныя; но потому, что Ніагарскій водопадъ, Римская Имперія, личность Александра Македонскаго сами по себѣ уже принадлежатъ области возвышеннаго; какова жизнь, такова и смерть, какова дѣятельность, таково и паденіе. Тайна возвышенности здѣсь не въ „перевѣсѣ идеи надъ явленіемъ“, а въ характерѣ самаго явленія; только отъ величія сокрушающагося явленія заимствуетъ свою возвышенность и его сокрушеніе. Само по себѣ исчезновеніе отъ перевѣса внутренней силы надъ ея временнымъ проявленіемъ не есть еще критеріумъ возвышеннаго. Яснѣе всего „перевѣсъ идеи надъ формою“ высказывается въ томъ явленіи, когда зародышъ листа, разрастаясь, разрываетъ оболочку почки, его родившей: но это явленіе рѣшительно не относится къ разряду возвышенныхъ. „Перевѣсомъ идеи надъ формою“, погибелю самого предмета отъ избытка развивающихся въ немъ силъ, отличается такъ называемая отрицательная форма возвышеннаго отъ положительной. Справедливо, что возвышенное отрицательное выше возвышеннаго положительнаго; потому

надобно согласиться, что „перевѣсомъ идеи надъ формою“ усиливается эффектъ возвышеннаго, какъ можетъ онъ усиливаться многими другими обстоятельствами, напр., „уединенностью возвышеннаго явленія (пирамида въ открытой степи величественнѣе, нежели была бы среди другихъ громадныхъ построекъ; среди высокихъ холмовъ ея величіе исчезло бы); но усиливающее эффектъ обстоятельство не есть еще источникъ самаго эффекта; притомъ перевѣса идеи надъ образомъ, силы надъ явленіемъ очень часто не бываетъ въ положительномъ возвышенномъ. Примѣры этого могутъ быть во множествѣ отысканы въ каждомъ курсѣ эстетики.

Переходимъ къ другому опредѣленію возвышеннаго: „возвышенное есть проявленіе идеи безконечнаго“, или выражая эту философскую формулу обыкновеннымъ языкомъ: „возвышенное есть то, что возбуждаетъ въ насъ идею безконечнаго“. Самый бѣглый взглядъ на трактатъ о возвышенномъ въ новѣйшихъ эстетикахъ убѣждаетъ насъ, что это опредѣленіе возвышеннаго лежитъ въ сущности господствующихъ понятій о немъ. Мало того; мысль, что возвышенными явленіями возбуждается въ человѣкѣ предчувствіе безконечнаго, господствуетъ и въ понятіяхъ людей, чуждыхъ строгой наукѣ; рѣдко можно найти сочиненіе, въ которомъ не высказывалась бы она, какъ скоро представляется поводъ, хотя самый отдаленный; почти въ каждомъ описаніи величественнаго пейзажа, въ каждомъ разсказѣ о какомъ-нибудь ужасномъ событіи найдется подобное отступленіе или примѣненіе. Потому на мысль о возбужденіи величественнымъ идеи абсолютнаго должно обратить больше вниманія, нежели на предъидущее понятіе о перевѣсѣ въ немъ идеи надъ образомъ, критику котораго было достаточно ограничить нѣсколькими словами.

Къ сожалѣнію, здѣсь не мѣсто подвергать анализу идею „абсолюта“ или безконечнаго и показывать настоящее значеніе абсолютнаго въ области метафизическихъ понятій; тогда только, когда мы поймемъ это значеніе, представится намъ вся неосновательность пониманія подъ возвышеннымъ безконечнаго. Но и не пускаясь въ метафизическія пренія, мы можемъ увидѣть изъ фактовъ, что идея безконечнаго, какъ бы ни понимать ее, не всегда, или, лучше сказать, почти никогда, не связана съ идеею возвышеннаго. Строго и безпристрастно наблюдая за тѣмъ, что происходитъ въ насъ, когда мы созерцаемъ возвышенное, мы убѣдимся, что 1) возвышеннымъ представляется намъ самый предметъ, а не какія-нибудь вызываемыя этимъ предметомъ мысли; такъ, напр., величествененъ самъ по себѣ Казбекъ, величественно само по себѣ море, величественна сама по себѣ личность Цезаря или Катона. Конечно, при созерцаніи возвышеннаго предмета могутъ пробуждаться въ насъ различнаго рода мысли, усиливающія впечатлѣніе, имъ на насъ производимое; но возбуждаются онѣ или нѣтъ, дѣло случая, независимо отъ котораго предметъ остается возвышеннымъ: мысли и воспоминанія, усиливающія ощущеніе, рождаются при всякомъ ощущеніи, но онѣ уже слѣдствіе, а не причина первоначальнаго ощущенія; и если, задумавшись надъ подвигомъ Муція Сцеволы, я дохожу до мысли: „да, безгранична сила патріотизма“, то мысль эта только слѣдствіе впечатлѣнія, произведеннаго на меня независимо отъ нея *самымъ поступкомъ* Муція Сце-

воли, а не причина этого впечатлѣнія; точно также, мысль: „нѣтъ ничего на землѣ прекраснѣе человѣка“, которая можетъ пробудиться во мнѣ, когда я задумаюсь, глядя на изображеніе прекраснаго лица, не причина того, что я восхищаюсь имъ, какъ прекраснымъ, а слѣдствіе того, что оно уже прежде нея, независимо отъ нея кажется мнѣ прекрасно. И потому еслибы даже согласиться, что созерцаніе возвышеннаго всегда ведетъ къ идеѣ безконечнаго, то возвышенное, порождающее такую мысль, а не порождаемое ею, должно имѣть причину своего дѣйствія на насъ не въ ней, а въ чемъ-нибудь другомъ. Но рассматривая свое представленіе о возвышенномъ предметѣ, мы открываемъ, что 2) очень часто предметъ кажется намъ возвышенъ, не переставая въ то же время казаться далеко не безпредѣльнымъ и оставаясь въ рѣшительной противоположности съ идеею безграничности. Такъ Монабанъ или Казбекъ—возвышенный, величественный предметъ; но никто изъ насъ не думаетъ, въ противорѣчіе собственнымъ глазамъ, видѣть въ немъ безграничное или неизмѣримо великое. Море кажется безпредѣльнымъ, когда не видно береговъ; но всѣ эстетики утверждаютъ (и совершенно справедливо), что море кажется гораздо величественнѣе, когда виденъ берегъ, нежели тогда, когда береговъ не видно. Вотъ фактъ, обнаруживающій, что идея возвышеннаго не только не порождается идеею безграничнаго, но даже можетъ быть (и часто бываетъ) въ противорѣчій съ нею, что условіе безграничности можетъ быть невыгодно для впечатлѣнія, производимаго возвышеннымъ. Идемъ далѣе, пересматривая рядъ величественныхъ явленій по мѣрѣ возрастанія эффекта, ими производимаго на чувство возвышеннаго. Гроза одно изъ величественнѣйшихъ явленій въ природѣ; но необходимо имѣть слишкомъ восторженное воображеніе, чтобы видѣть какую бы то ни было связь между грозою и безконечностью. Во время грозы мы восхищаемся, думая при этомъ только о самой грозѣ. „Но во время грозы человѣкъ чувствуетъ собственную ничтожность предъ силами природы, силы природы кажутся ему безмѣрно превышающими его силы“. Что силы грозы кажутся намъ чрезвычайно превышающими наши собственные силы, это правда; но если явленіе представляется непреодолимымъ для человѣка, изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобы оно казалось намъ неизмѣримо, безконечно могущественнымъ. Напротивъ, человѣкъ, смотря на грозу, очень хорошо помнитъ, что она безсильна надъ землею, что первый ничтожный холмъ непоколебимо отразитъ весь напоръ урагана, всѣ удары молніи. Правда, ударъ молніи можетъ убить человѣка; но чтожъ изъ того? не эта мысль причиною, что гроза кажется мнѣ величественною. Когда я смотрю на то, какъ вертятся крылья вѣтряной мельницы, я также очень хорошо знаю, что, зацѣвъ меня, мельничное крыло переломитъ меня, какъ щепку, я „со-знаю ничтожность своихъ силъ предъ силою“ мельничнаго крыла; а между тѣмъ едва-ли въ комъ-нибудь взглядъ на вертящуюся вѣтряную мельницу возбуждалъ ощущеніе возвышеннаго. „Но здѣсь не пробуждается во мнѣ опасеніе за себя; я знаю, что мельничное крыло не зацѣпитъ меня; во мнѣ нѣтъ чувства ужаса, какое пробуждается грозою“. Справедливо; но этимъ говорится уже совершенно не то, что говорилось прежде, этимъ говорится: „возвышенное есть ужасное, грозное“. Посмотримъ на это опредѣленіе „воз-

вышеннаго силъ природы“, которое въ самомъ дѣлѣ находимъ въ эстетикахъ. Ужасное очень часто бываетъ возвышеннымъ, это правда; но не всегда оно бываетъ возвышеннымъ: гремучая змѣя ужаснаго льва; но она отвратительно-ужасна, а не возвышенно-ужасна. Чувство ужаса можетъ усиливать ощущеніе возвышеннаго, но ужасъ и возвышенность—два совершенно различныя понятія. Идемъ однако далѣе по ряду величественныхъ явленій. Въ природѣ мы не видѣли ничего, прямо говорящаго о безграничности; противъ заключенія, выводимаго отсюда, можно замѣтить, что „истинно возвышенное не въ природѣ, а въ самомъ человѣкѣ“; согласимся, хотя и въ природѣ много истинно возвышеннаго. Но почему же „возвышенна“ кажется намъ „безграничная“ любовь или порывъ „всесокрушающаго“ гнѣва? неужели потому, что сила этихъ стремленій „неодолима“, „пробуждаетъ идею безконечнаго своею неодолимостью“? Если такъ, то гораздо неодолимѣе потребность спать: самый страстный любовникъ едва-ли можетъ пробыть безъ сна четверо сутокъ; гораздо неодолимѣе потребности „любить“ потребность ѣсть и пить: это истинно безграничная потребность, потому что нѣтъ человека, не признающаго силы ея, между тѣмъ какъ о любви очень многіе не имѣютъ и понятія; изъ-за этой потребности совершается гораздо больше и гораздо труднѣйшихъ подвиговъ, нежели отъ „всесильнаго“ могущества любви. Почему же мысль о ѣдѣ и питьѣ не возвышенна, а идея любви возвышенна? Непреоборимость не есть еще возвышенность; безграничность и безконечность вовсе не связаны съ идеею величественнаго.

Едва-ли можно послѣ этого раздѣлять мысль, что „возвышенное есть перевѣсъ идеи надъ формою“, или что „сущность возвышеннаго состоитъ въ пробужденіи идеи безконечнаго“. Въ чемъ же состоитъ она? Очень простое опредѣленіе возвышеннаго будетъ, кажется, вполне обнимать и достаточно объяснять всѣ явленія, относящіяся къ его области.

„Возвышенное есть то, что гораздо больше всего, съ чѣмъ сравнивается нами“.— „Возвышенный предметъ—предметъ, много превосходящій своимъ размѣромъ предметы, съ которыми сравнивается нами; возвышенно явленіе, которое гораздо сильнѣе другихъ явленій, съ которыми сравнивается нами“.

Монбланъ и Казбекъ величественныя горы, потому что гораздо огромнѣе дюжинныхъ горъ и пригорковъ, которые мы привыкли видѣть; „величественный“ лѣсъ въ пять разъ выше нашихъ яблонь, акацій и въ тысячу разъ огромнѣе нашихъ садовъ и рощъ; Волга гораздо шире Тверцы или Клязьмы; гладкая площадь моря гораздо обширнѣе площади прудовъ и маленькихъ озеръ, которыя безпрестанно попадаютъ путешественнику; волны моря гораздо выше волнъ этихъ озеръ, потому буря на морѣ возвышенное явленіе, хотя бы никому не угрожала опасностью; свирѣпый вѣтеръ во время грозы во сто разъ сильнѣе обыкновеннаго вѣтра, шумъ и ревъ его гораздо сильнѣе шума и свиста, производимаго обыкновеннымъ крѣпкимъ вѣтромъ; во время грозы гораздо темнѣе, нежели въ обыкновенное время, темнота доходить до черноты; молнія ослѣпительнѣе всякаго свѣта—все это дѣлаетъ грозу возвышеннымъ явленіемъ. Любовь гораздо сильнѣе нашихъ ежедневныхъ мелочныхъ расчетовъ и побужденій; гнѣвъ, ревность, всякая вообще

страсть также гораздо сильнѣе ихъ—потому страсть возвышенное явленіе. Юлій Цезарь, Отелло, Дездемона, Офелія возвышенныя личности; потому что Юлій Цезарь, какъ полководецъ и государственный человѣкъ, далеко выше всѣхъ полководцевъ и государственныхъ людей своего времени; Отелло любить и ревнуетъ гораздо сильнѣе дюжинныхъ людей; Дездемона и Офелія любятъ и страдаютъ съ такою полною преданностью, способность къ которой найдется далеко не во всякой женщинѣ. „Гораздо больше, гораздо сильнѣе“—вотъ отличительная черта возвышеннаго.

Надобно прибавить, что вмѣсто термина „возвышенное“ (das Erhabene) было бы гораздо проще, характеристичнѣе и лучше говорить „великое“ (das Grosse). Юлій Цезарь, Марій не „возвышенные“, а „великіе“ характеры. Нравственная возвышенность только одинъ частный родъ величія вообще.

Просмотрѣвъ лучшіе курсы эстетики, легко убѣдиться, что въ нашемъ краткомъ обзорѣ подведены подъ принимаемое нами понятія возвышеннаго или великаго всѣ его главныя видоизмѣненія. Остается показать, какъ принимаемое нами воззрѣніе на сущность возвышеннаго относится къ подобнымъ мыслямъ, выраженнымъ въ курсахъ эстетики, пользующихся нынѣ особенной извѣстностью.

О томъ, что „возвышенность“ слѣдствіе превосходства надъ окружающимъ, говорится у Канта, и вслѣдъ за нимъ у позднѣйшихъ эстетиковъ. „мы сравниваемъ, говорятъ они, возвышенное въ пространствѣ съ окружающими его предметами; для этого на возвышенномъ предметѣ должны быть легкія подраздѣленія, дающія возможность, сравнивая, считать, во сколько разъ онъ больше окружающихъ его предметовъ, во сколько разъ, напр., гора больше дерева, растущаго на ней. Счетъ такъ длинень, что не дошедши до конца, мы уже теряемся въ немъ; окончивъ его, должны опять начинать, потому что не могли сосчитать, и считаемъ опять безуспѣшно. Такимъ образомъ намъ кажется, наконецъ, что гора неизмѣримо велика, бесконечно велика“.—„Сравненіе съ окружающими предметами необходимо для того, чтобы предметъ казался возвышеннымъ“,—мысль очень близкая къ принимаемому нами воззрѣнію на основной признакъ возвышеннаго. Но обыкновенно она прилагается только къ возвышенному въ пространствѣ, между тѣмъ какъ ее должно одинаково проводить по всѣмъ классамъ возвышеннаго. Обыкновенно говорятъ: „возвышенное состоитъ въ превозможеніи идеи надъ формою, и это превозможеніе на низшихъ степеняхъ возвышеннаго узнается сравненіемъ предмета по величинѣ съ окружающими предметами“; намъ кажется, что должно говорить: „превосходство великаго (или возвышеннаго) надъ мелкимъ и дюжиннымъ состоитъ въ гораздо большей величинѣ (возвышенное въ пространствѣ или во времени) или въ гораздо большей силѣ (возвышенное силъ природы и возвышенное въ человѣкѣ)“. Изъ второстепеннаго и частнаго признака возвышенности сравненіе и превосходство по великости должно быть возведено въ главную и общую мысль при опредѣленіи возвышеннаго.

Такимъ образомъ принимаемое нами понятіе возвышеннаго точно такъ же относится къ обыкновенному опредѣленію его, какъ наше понятіе о сущ-

ности прекраснаго къ прежнему взгляду—въ обоихъ случаяхъ возводится на степень общаго и существеннаго начала то, что прежде считалось частнымъ и второстепеннымъ признакомъ, было закрываемо отъ вниманія другими понятіями, которыя мы отбрасываемъ, какъ побочныя. Вслѣдствіе измѣненія точки зрѣнія и возвышенное, подобно прекрасному, представляется намъ какъ явленіе болѣе самостоятельное и однакоже болѣе близкое человѣку, нежели представлялось. Съ тѣмъ вмѣстѣ наше воззрѣніе на сущность возвышеннаго признаетъ его фактическую реальность, между тѣмъ какъ обыкновенно полагаютъ, будто-бы возвышенное въ дѣйствительности только *кажется* возвышеннымъ отъ вѣдѣтельности нашей фантазіи, расширяющей до безграничности объемъ или силу возвышеннаго предмета или явленія. И дѣйствительно, если возвышенное существенно есть безконечное, то возвышеннаго нѣтъ въ мірѣ, доступномъ нашимъ чувствамъ и нашему уму.

Но если по опредѣленіямъ прекраснаго и возвышеннаго, нами принимаемымъ, прекрасному и возвышенному придается независимость отъ фантазіи, то, съ другой стороны, этими опредѣленіями выставляется на первый планъ отношеніе къ человѣку вообще и къ его понятіямъ тѣхъ предметовъ и явленій, которые находитъ человѣкъ прекрасными и возвышенными: прекрасное то, въ чемъ мы видимъ жизнь такъ, какъ *мы* понимаемъ и желаемъ ея, какъ она радуетъ *насъ*; великое то, что гораздо выше предметовъ, съ которыми сравниваемъ его *мы*. Изъ обыкновенныхъ опредѣленій напротивъ, по странному противорѣчію, слѣдуетъ: прекрасное и великое вносятся въ дѣйствительность человѣческимъ взглядомъ на вещи, создаются человѣкомъ, но не имѣютъ никакой связи съ понятіями человѣка, съ его взглядомъ на вещи. Ясно также, что опредѣленіями прекраснаго и возвышеннаго, которыя кажутся намъ справедливыми, разрушается непосредственная связь этихъ понятій, подчиняемыхъ одно другому опредѣленіями; „прекрасное есть равновѣсіе идеи и образа“, „возвышенное есть перевѣсъ идеи надъ образомъ“. Въ самомъ дѣлѣ, принимая опредѣленіе: „прекрасное есть жизнь“, „возвышенное есть то, что гораздо больше всего близкаго или подобнаго“, мы должны будемъ сказать, что прекрасное и возвышенное—совершенно различныя понятія, неподчиненныя другъ другу и соподчиненныя только одному общему понятію, очень далекому отъ такъ называемыхъ эстетическихъ понятій: „интересное“.

Потому, если эстетика — наука о прекрасномъ по содержанію, то она не имѣетъ права говорить о возвышенномъ, какъ не имѣетъ права говорить о добромъ, истинномъ и т. д. Если же понимать подъ эстетикою науку объ искусствѣ, то конечно она должна говорить о возвышенномъ; потому что возвышенное входитъ въ область искусства.

Но, говоря о возвышенномъ, до сихъ поръ мы не касались трагическаго, которое обыкновенно признаютъ высшимъ, глубочайшимъ родомъ возвышеннаго. Господствующія нынѣ въ наукѣ понятія о трагическомъ играютъ очень важную роль не только въ эстетикѣ, но и во многихъ другихъ наукахъ (напр., въ исторіи), даже сливаются съ обиходными понятіями о жизни. Поэтому я считаю неизлишнимъ довольно подробно изложить ихъ, чтобы дать основаніе своей критикѣ. Въ изложеніи буду я строго

слѣдовать Фишеру, котораго эстетика нынѣ считается наилучшею въ Германіи.

„Субъектъ по своей природѣ существо дѣятельное. Дѣйствуя, онъ переноситъ во внѣшній міръ свою волю и тѣмъ самымъ приходитъ въ столкновеніе съ закономъ необходимости, властвующимъ во внѣшнемъ мірѣ. Но дѣйствіе субъекта необходимо запечатлѣно индивидуальной ограниченностью и потому нарушаетъ абсолютное единство объективной связи міра. Это оскорбленіе есть вина (die Schuld), и отзывается въ субъектѣ тѣмъ, что связанный узами единства внѣшній міръ весь какъ одно цѣлое взволновывается дѣйствіемъ субъекта, и чрезъ это отдѣльный поступокъ субъекта влечетъ за собою необозримый и непредусмотримый рядъ послѣдствій, въ которыхъ субъектъ уже не узнаетъ своего поступка и своей воли; тѣмъ не менѣе онъ долженъ признавать необходимую связь всѣхъ этихъ послѣдующихъ явленій со своимъ поступкомъ и чувствовать себя въ отвѣтственности за нихъ. Отвѣтственность за то, чего не хотѣлъ, и что однако сдѣлалъ субъектъ, имѣетъ для него послѣдствіемъ страданіе, — т. е. выраженіе противодѣйствія отъ нарушеннаго хода вещей во внѣшнемъ мірѣ нарушившему ихъ дѣйствію. Необходимость этого противодѣйствія и страданія усиливается тѣмъ, что угрожаемый субъектъ предвидитъ послѣдствія, предвидитъ зло себѣ, но подвергается ему чрезъ тѣ самыя средства, которыми хотѣлъ избѣжать его. Страданіе можетъ усилиться до гибели субъекта и его дѣла. Но дѣло субъекта погибаетъ только повидимому, погибаетъ не совершенно: объективный рядъ послѣдствій переживаетъ гибель субъекта и, мало-по-малу сливаясь съ всеобщимъ единствомъ, очищается отъ своей индивидуальной ограниченности, полученной отъ субъекта. Если субъектъ, погибая, усваиваетъ себѣ это сознаніе правдивости своего страданія и того, что дѣло его не погибаетъ, а очищается и торжествуетъ его гибелью, то примиреніе полно, и самъ субъектъ просвѣтленнымъ образомъ переживаетъ себя въ своемъ очищающемся и торжествующемъ дѣлѣ. Все это движеніе называется судьбою или „трагическимъ“. Трагическое бываетъ различныхъ родовъ. Первая форма его та, когда субъектъ является не фактически, а только въ возможности виновнымъ, и когда поэтому сила, его губящая, является слѣпою силою природы, которая на отдѣльномъ субъектѣ, болѣе отличающемся внѣшнимъ блескомъ богатства и т. п., нежели внутренними достоинствами, показываетъ примѣръ, что индивидуальное должно погибнуть потому, что оно индивидуальное. Гибель субъекта исходитъ здѣсь не отъ нравственнаго закона, а отъ случая, который однако находитъ себѣ объясненіе и оправданіе въ примиряющей мысли, что смерть — всеобщая необходимость. Въ трагическомъ простой вины (die einfache Schuld) возможность вины переходитъ въ дѣйствительную вину. Но вина лежитъ не въ необходимомъ объективномъ противорѣчій, а въ какой-нибудь запутанности, связанной съ дѣйствіемъ субъекта. Вина эта нарушаетъ въ чемъ-нибудь нравственную цѣлостность міра. Чрезъ нее страдаютъ другіе субъекты, и такъ какъ вина здѣсь на одной сторонѣ, то сначала кажется, что они страдаютъ невинно. Но въ такомъ случаѣ субъекты были бы чистымъ объектомъ для другаго субъекта, что противорѣчитъ значенію субъективности. Потому они должны открыты

въ себѣ слабую сторону какою-нибудь ошибкою, находящеюся въ связи съ ихъ сильными сторонами, и погибать чрезъ эту слабую сторону; страданіе главнаго субъекта, какъ обратная сторона его поступка, истекаетъ силою оскорбленнаго нравственнаго порядка изъ самой вины. Орудіемъ наказанія могутъ быть или оскорбленные субъекты или самъ преступникъ, сознающій свою вину. Наконецъ высшая форма трагическаго — трагическое нравственнаго столкновенія. Общій нравственный законъ дробится на частныя требованія, которыя часто могутъ находиться въ противоположности между собою, такъ что, удовлетворяя одному, человекъ необходимо оскорбляетъ другое. Борьба эта, истекающая изъ внутренней необходимости, а не изъ случайностей, можетъ оставаться „внутреннею борьбою въ сердцѣ одного человека. Такова борьба въ сердцѣ Антигоны у Софокла. Но какъ искусство олицетворяетъ все въ отдѣльных образахъ, то обыкновенно борьба двухъ требованій нравственнаго закона представляется въ искусствѣ борьбою двухъ лицъ. Одно изъ двухъ противорѣчащихъ стремленій справедливѣе и потому сильнѣе другаго; оно сначала побѣждаетъ все, ему сопротивляющееся, и тѣмъ самымъ становится уже несправедливо, подавляя справедливое право противоположнаго стремленія. Теперь справедливость на сторонѣ, которая сначала была побѣждена, и стремленіе, въ сущности болѣе справедливое, погибаетъ подъ тяжестью собственной несправедливости отъ ударовъ противоположнаго стремленія, которое, будучи оскорблено въ своемъ правѣ, имѣетъ за собой, въ началѣ противодѣйствія, всю силу истины и справедливости, но, побѣждая, впадаетъ само точно такимъ же образомъ въ несправедливость, влекущую за собою гибель или страданіе. Прекрасно весь этотъ родъ трагическаго развивается въ „Юлія Цезаря“ Шекспира: Римъ стремится къ монархической формѣ правленія; представителемъ этого стремленія является Юлій Цезарь; оно справедливѣе и потому сильнѣе противоположнаго направленія, стремящагося сохранить издавна установившееся устройство Рима; Юлій Цезарь побѣждаетъ Помпея. Но существующее издавна также имѣетъ право существовать, оно возстаетъ противъ своего побѣдителя въ лицѣ Брута. Цезарь погибаетъ; но заговорщики сами мучатся сознаниемъ того, что Цезарь, погибшій отъ нихъ, выше ихъ, и сила, которой онъ былъ представителемъ, воскресаетъ въ лицѣ Триумвировъ. Брутъ и Кассій погибаютъ; но на гробѣ Брута Антоній и Октавій высказываютъ свое сожалѣніе о немъ. Такъ совершается наконецъ примиреніе противоположныхъ стремленій, изъ которыхъ каждое и справедливо и несправедливо въ своей односторонности, постепенно сглаживающей паденіемъ ихъ обоихъ; изъ борьбы и гибели возникаетъ единство и новая жизнь“.

Изъ этого изложенія видно, что понятіе трагическаго въ вѣмечной эстетикѣ соединяется съ понятіемъ судьбы, такъ что трагическая участь человека представляется обыкновенно какъ „столкновеніе человека съ судьбою“, какъ слѣдствіе „вмѣшательства судьбы“. Понятіе судьбы обыкновенно искажается въ новыхъ европейскихъ книгахъ, старающихся объяснить его нашими научными понятіями, даже связать съ ними; потому необходимо представить его во всей чистотѣ и наготѣ. Оно чрезъ это избавится отъ несообразнаго смѣшенія съ понятіями науки, въ сущности ему

противорѣчащими, и выкажетъ всю свою неосновательность, которая прячется при новѣйшихъ передѣлкахъ его на наши нравы. Живое и неподдѣльное понятіе о судьбѣ было у старинныхъ грековъ (т.-е. у грековъ до появленія у нихъ философіи) и до сихъ поръ живетъ у многихъ восточныхъ народовъ; оно господствуетъ въ разсказахъ Геродота, въ греческихъ мифахъ, въ индійскихъ поэмахъ, сказкахъ Тысячи и одной ночи и проч. Что касается позднѣйшихъ превращеній этого основнаго воззрѣнія подѣ влияніемъ понятій о мірѣ, доставленныхъ наукою, эти видоизмѣненія мы считаемъ лишнимъ исчислять, и еще менѣе находимъ нужды подвергать ихъ особенной критикѣ, потому что всѣ они, подобно понятію новѣйшихъ эстетиковъ о трагическомъ, представляясь слѣдствіемъ стремленія согласить непримиримое—фантастическія представленія полудикаго человѣка и научныя понятія—страждутъ такою же несостоятельностью, какъ и понятіе новѣйшихъ эстетиковъ о трагическомъ: различіе только то, что натянутость соединенія противоположныхъ началъ въ предшествующихъ попыткахъ сближенія была очевиднѣе, нежели въ понятіи о трагическомъ, которое составлено съ чрезвычайнымъ діалектическимъ глубокомысліемъ. Поэтому находимъ не нужнымъ излагать всѣ эти искаженные понятія о судьбѣ, считая достаточнымъ показать, какъ угловато видѣется первоначальная основа даже изъ-подъ послѣдней и искуснѣйшей діалектической одежды, которую облеклась она въ господствующемъ нынѣ эстетическомъ воззрѣніи на трагическое.

Вотъ какъ понимаютъ ходъ жизни человѣческой народы, имѣющіе неподдѣльное понятіе о судьбѣ: если я не буду принимать никакихъ предосторожностей противъ несчастья, я могу уцѣлѣть, и почти всегда уцѣлѣю; но если я прийму предосторожности, я непременно погибну, и погибну именно отъ того, въ чемъ искалъ спасенія. Я собираюсь въ дорогу, и принимаю всѣ предосторожности противъ несчастій, могущихъ случиться въ пути; между прочимъ, зная, что не вездѣ можно найти медицинскія пособія, беру съ собою нѣсколько флакончиковъ съ нужнѣйшими лекарствами и прячу ихъ въ боковой карманъ экипажа. Чтò необходимо должно выйти изъ этого по понятіямъ старинныхъ грековъ? То, что экипажъ мой опрокидывается въ дорогѣ, флакончики летятъ изъ кармана; опрокидываясь самъ, я попадаю вискомъ на одинъ изъ флакончиковъ, раздавливаю его, осколокъ стекла врѣзывается въ мой високъ и я умираю. Еслибы не взято было мною предосторожностей, не было бы мнѣ никакой бѣды; но я хотѣлъ принять мѣры противъ несчастія и погибъ отъ того самаго, въ чемъ искалъ безопасности. Подобный взглядъ на человѣческую жизнь такъ мало подходитъ къ нашимъ понятіямъ, что имѣетъ для насъ интересъ только фантастическаго; трагедія, основанная на идеѣ восточной или старинной греческой судьбы, для насъ будетъ имѣть значеніе сказки, обезображенной передѣлкою. А между тѣмъ, все представленное нами изложеніе понятій о трагическомъ въ нѣмецкой эстетикѣ есть только опытъ привести понятіе о судьбѣ въ согласіе съ понятіями современной науки. Это введеніе понятія о судьбѣ въ науку посредствомъ эстетическаго воззрѣнія на сущность трагическаго было сдѣлано съ чрезвычайнымъ глубокомысліемъ, свидѣтельствую-

щимъ о великой силѣ умовъ, трудившихся надъ примиреніемъ чуждыхъ наукъ воззрѣній на жизнь съ понятіями науки; но эта глубокомысленная попытка служить рѣшительнымъ доказательствомъ того, что подобныя стремленія никогда не могутъ быть успѣшны: наука можетъ только объяснить происхожденіе фантастическихъ мнѣній полудикаго человѣка, но не примирить ихъ съ истиною. Понятіе о судьбѣ родилось и развилось слѣдующимъ образомъ.

Одно изъ дѣйствій образованности на человѣка состоитъ въ томъ, что она, расширяя кругъ его зрѣнія, даетъ ему возможность понимать въ истинномъ смыслѣ явленія, несходныя съ ближайшими къ нему, которыя одни только кажутся удобопонятными для необразованнаго ума, не постигающаго явленій чуждыхъ непосредственной сферѣ его жизненныхъ отправленій. Наука даетъ человѣку понятіе о томъ, что дѣятельность неорганической природы и жизнь растений совершенно отличны отъ человѣческой жизни, что и жизнь животныхъ не совсѣмъ одинакова съ ней. Дикарь или полудикій человѣкъ не представляетъ себѣ жизни иной, какъ та, которую знаетъ онъ непосредственно, какъ человѣческая жизнь; ему кажется, что дерево говоритъ, чувствуетъ, наслаждается и страдаетъ, подобно человѣку; что животныя дѣйствуютъ во всемъ такъ же сознательно, какъ человѣкъ, что они даже умѣютъ говорить на человѣческомъ языкѣ и не говорятъ на немъ только потому, что хитры и надѣются выиграть молчаніемъ больше, нежели разговорами. Точно такъ же онъ воображаетъ себѣ жизнь рѣки, скалы: скала—это окаменѣвшій богатырь, сохранившій чувства и мысль; рѣка—это наяда, русалка, водяной. Землетрясенія Сициліи происходятъ оттого, что гигантъ, заваленный этимъ островомъ, старается сбросить тяжесть, которая лежитъ на его членахъ. Во всей природѣ видитъ дикарь человѣкоподобную жизнь, всѣ явленія природы производитъ отъ сознательнаго дѣйствія челоѣкообразныхъ существъ. Какъ онъ очеловѣчиваетъ вѣтеръ, холодъ, жаръ (припомнимъ нашу сказку о томъ, какъ спорили мужикъ-вѣтеръ, мужикъ-морозъ, мужикъ-солнце, кто изъ нихъ сильнѣе) болѣзни (разказы о холерѣ, о двѣнадцати сестрахъ-лихорадкахъ, о цынгѣ — послѣдній между шпицбергенскими промышленниками), точно такъ же очеловѣчиваетъ онъ и силу случая. Приписывать его дѣйствія произволу челоѣкообразнаго существа еще легче, нежели объяснять подобнымъ образомъ другія явленія природы и жизни; потому что именно дѣйствія случая скорѣе, нежели явленія другихъ силъ, могутъ пробудить мысль о капризѣ, произволѣ, о всѣхъ тѣхъ качествахъ, которыя составляютъ принадлежность челоѣческой личности. Посмотримъ же, какимъ образомъ изъ воззрѣнія на случай, какъ на дѣло челоѣкообразнаго существа, развиваются всѣ качества, приписываемыя судьбѣ дикими и полудикими народами. Чѣмъ важнѣе дѣло, задуманное челоѣкомъ, тѣмъ больше нужно условій, чтобы оно исполнилось именно такъ, какъ задумано; почти никогда всѣ условія не встрѣтятся такъ, какъ челоѣкъ рассчитывалъ; и потому почти никогда важное дѣло не дѣлается именно такъ, какъ предполагалъ челоѣкъ. Эта случайность, разстраивающая наши планы, кажется полудикому челоѣку, какъ мы сказали, дѣломъ челоѣкообразнаго существа, *судьбы*; изъ этого основного характера, замѣчаемаго

въ случаѣ, или судьбѣ, сами собою слѣдуютъ всѣ качества, придаваемые судьбѣ современными дикарями, очень многими восточными народами и старинными греками. Ясно, что самыя важныя дѣла именно и служатъ игралищемъ судьбы (потому, какъ мы сказали, что чѣмъ важнѣе дѣло, тѣмъ отъ большаго числа условій оно зависитъ, и слѣдовательно тѣмъ обширнѣе въ немъ поле для случайностей); идемъ далѣе. Случай уничтожаетъ наши расчеты—значитъ судьба любитъ уничтожать наши расчеты, любитъ посягаться надъ человѣкомъ и его расчетами; случай невозможно предусмотрѣть, и невозможно сказать, почему случилось такъ, а не иначе, слѣдовательно судьба капризна, своенравна; случай часто пагубенъ для человѣка, слѣдовательно судьба любитъ вредить человѣку, судьба зла; и въ самомъ дѣлѣ у грековъ судьба — человѣконенавистница; злой и сильный человѣкъ любитъ вредить именно самымъ лучшимъ, самымъ умнымъ, самымъ счастливымъ людямъ — ихъ преимущественно любитъ губить и судьба; злобный, капризный и очень сильный человѣкъ любитъ выказывать свое могущество, говоря напередъ тому, кого хочетъ уничтожить: „я хочу сдѣлать съ тобою вотъ-что; попробуй бороться со мною“ — такъ и судьба объявляетъ впередъ свои рѣшенія, чтобъ имѣть злую радость доказать намъ наше безсиліе предъ нею и посягаться надъ нашими слабыми, безуспѣшными попытками бороться съ нею, избѣжать ея. Станными кажутся намъ теперь подобныя мнѣнія. Но посмотримъ, какъ они отразились въ эстетической теоріи трагическаго.

Она говоритъ: свободное дѣйствіе человѣка возмущаетъ естественный ходъ природы; природа и ея законы встаютъ противъ оскорбителя своихъ правъ; слѣдствіемъ этого бываетъ страданіе и гибель дѣйствующаго лица, если дѣйствіе было такъ могущественно, что вызванное имъ противодѣйствіе было серьезно: „потому все великое подлежитъ трагической участи“. Природа здѣсь представляется живымъ существомъ, чрезвычайно раздражительнымъ, чрезвычайно щекотливымъ насчетъ своей неприкосновенности. Неужели въ самомъ дѣлѣ природа оскорбляется? неужели въ самомъ дѣлѣ природа мститъ? Нѣтъ; она продолжаетъ вѣчно дѣйствовать по своимъ законамъ, она не знаетъ о человѣкѣ и его дѣлахъ, о его счастьи и его гибели; ея законы могутъ имѣть и часто имѣютъ пагубное для человѣка и его дѣлъ дѣйствіе; но на нихъ же опирается всякое человѣческое дѣйствіе. Природа безстрастна къ человѣку; она не врагъ и не другъ ему: она—то удобное, то неудобное поприще для его дѣятельности. Въ томъ нѣтъ сомнѣнія, что всякое важное дѣло человѣка требуетъ сильной борьбы съ природою или съ другими людьми; но почему это такъ? Потому только, что какъ бы ни было само по себѣ важно дѣло, мы привыкли не считать его важнымъ, если оно совершается безъ сильной борьбы. Такъ дыханіе важнѣе всего въ жизни человѣка; но мы не обращаемъ и вниманія на него, потому что ему обыкновенно не противостоятъ никакія препятствія; для дикаря, питающагося даромъ ему достаемыми плодами хлѣбнаго дерева, и для европейца, которому хлѣбъ достается только чрезъ тяжелую работу земледѣлія, пища одинаково важна; но собираніе плодовъ хлѣбнаго дерева — „не важное“ дѣло, потому что оно легко; „важно“ земледѣліе, потому что оно тяжело. Итакъ:

не всё важныя по существенному значенію своему дѣла требуютъ борьбы; но мы привыкли называть важными только тѣ изъ важныхъ въ сущности дѣлъ, которыя трудны. Много есть драгоцѣнныхъ вещей, которыя не имѣютъ никакой цѣны, потому что достаются даромъ, напримѣръ, вода и солнечный свѣтъ; и много есть очень важныхъ дѣлъ, которымъ не придается никакой важности, потому только, что они дѣлаются легко. Но согласимся съ обыкновенною фразеологіею; пусть важны будутъ только тѣ дѣла, которыя требуютъ тяжелой борьбы. Неужели эта борьба всегда трагична? Вовсе нѣтъ; иногда трагична, иногда нетрагична, какъ случится. Мореходецъ борется съ моремъ, бурями, подводными скалами; тяжело его поприще; но развѣ необходимо этому поприщу быть трагичнымъ? На одинъ корабль, который будетъ разбитъ бурей о подводныя скалы, приходится сотня кораблей, которые невредимы достигаютъ гавани. Пусть всегда нужна борьба; но не всегда борьба бываетъ несчастна. А счастливая борьба, какъ бы ни была она тяжела, не страданіе, а наслажденіе, не трагична, а только драматична. И не правда ли, что если приняты всё нужныя предосторожности, то почти всегда дѣло кончается счастливо? Гдѣ же необходимость трагическаго въ природѣ? Трагическое въ борьбѣ съ природою случайность. Этимъ однимъ разрушается теорія, видящая въ немъ „законъ вселенной“. — „Но общество? Но другіе люди? Развѣ не долженъ выдержать съ ними тяжелую борьбу всякій великій человѣкъ?“ Опять надобно сказать, что не всегда сопряжены съ тяжелою борьбою великія событія въ исторіи, но что мы, по злоупотребленію языка, привыкли называть великими событіями только тѣ, которыя были сопряжены съ тяжелою борьбою. Крещеніе франковъ было великимъ событіемъ; но гдѣ же при немъ тяжелая борьба? Не было тяжелой борьбы и при крещеніи русскихъ. Трагична ли судьба великихъ людей? Иногда трагична, иногда не трагична, какъ и участь мелкихъ людей; необходимости тутъ нѣтъ никакой. И даже надобно вообще сказать, что участь великихъ людей обыкновенно бываетъ легче участи незамѣчательныхъ людей; впрочемъ опять не отъ особеннаго расположенія судьбы къ замѣчательнымъ или нерасположенія къ незамѣчательнымъ людямъ, а просто потому, что у первыхъ больше силъ, ума, энергіи, что другіе люди больше питаютъ къ нимъ уваженія, сочувствія, скорѣе готовы содѣйствовать имъ. Если въ людяхъ есть склонность завидовать чужому величію, то еще больше въ нихъ склонности уважать величіе; общество будетъ благоговѣть предъ великимъ человѣкомъ, если нѣтъ особенныхъ, случайныхъ причинъ обществу считать его вреднымъ для себя. Трагична или нетрагична судьба великаго человѣка, зависитъ отъ обстоятельствъ; и въ исторіи меньше можно встрѣтить великихъ людей, участь которыхъ была трагична, нежели такихъ, въ жизни которыхъ много было драматизма, но не было трагичности. Крезъ, Помпей, Юлій Цезарь имѣли трагическую судьбу; но Нума Помпилій, Марій, Сулла, Августъ окончили свое поприще очень счастливо. Что можно найти трагическаго въ судьбѣ Карла Великаго, Петра Великаго, Фридриха II, въ жизни Лютера, Вольтера, Гёте, Вальтеръ-Скотта? Борьбы въ жизни этихъ людей было много; но, говоря вообще, надобно сознаться, что удача и счастье были на ихъ сторонѣ. А если Сервантесъ

умеръ въ нищетѣ, то развѣ не умираютъ въ нищетѣ тысячи незамѣчательныхъ людей, которые могли бы не меньше Сервантеса разсчитывать на счастливую развязку въ жизни и по своей незначительности вовсе не могли подлежать закону трагизма? Случайности жизни безразлично поражаютъ замѣчательныхъ и незамѣчательныхъ людей, безразлично благопріятствуютъ тѣмъ и другимъ.—Но продолжаемъ нашъ обзоръ, и отъ общаго понятія о трагическомъ переходимъ къ трагическому „простой вины“.

„Въ характерѣ великаго человѣка,—говоритъ господствующая эстетическая теорія,—всегда есть слабая сторона: въ дѣйствованіи замѣчательнаго человѣка есть всегда что-нибудь ошибочное или преступное. Эта слабость, проступокъ, преступленіе губятъ его. А между тѣмъ они необходимо лежатъ въ глубинѣ его характера, такъ что великій человѣкъ гибнетъ отъ того же самаго, въ чемъ источникъ его величія“. Не подвержено никакому сомнѣнію, что часто бываетъ это на самомъ дѣлѣ: безконечныя войны возвысили Наполеона; онъ же и низвергли его; почти тоже было и съ Людовикомъ XIV. Но не всегда бываетъ такъ. Часто великій человѣкъ погибаетъ безъ всякой вины со своей стороны. Такъ погибъ Генрихъ IV и съ нимъ вмѣстѣ палъ Сюлли. До нѣкоторой степени это безвинное паденіе находимъ и въ трагедіяхъ, несмотря на то, что авторы ихъ бывали связаны своими понятіями: неужели Деизмона была въ самомъ дѣлѣ причиною своей гибели? Всякій видитъ, что одні гнусныя хитрости Яго погубили ее. Неужели Ромео и Джульетта сами причиною своей гибели? Конечно, если мы захотимъ непременно въ каждомъ погибающемъ видѣть преступника, то можемъ обвинять всѣхъ: Деизмона виновата тѣмъ, что была невинна душою и слѣдовательно не могла предвидѣть клеветы; Ромео и Джульетта виноваты тѣмъ, что любятъ другъ друга. Мысль видѣть въ каждомъ погибающемъ виноватаго—мысль натянутая и жестокая. Связь ея съ идеею греческой судьбы и различными ея видоизмѣненіями очень ясна. Здѣсь можно указать на одну сторону этой связи: по греческимъ понятіямъ о судьбѣ, въ гибели своей бываетъ всегда виноватъ самъ человѣкъ; если бы онъ поступилъ иначе, его не постигла бы гибель.

Другой родъ трагическаго, трагическое нравственнаго столкновенія, эстетика выводитъ изъ той же мысли, только взятой наоборотъ: въ трагическомъ простой вины основаніемъ трагической судьбы считаютъ мнимую истину, что каждое бѣдствіе, и особенно величайшее изъ бѣдствій, гибель, есть слѣдствіе преступленія; въ трагическомъ нравственнаго столкновенія новѣйшіе эстетики исходятъ отъ мысли, что за преступленіемъ всегда слѣдуетъ наказаніе преступника или гибелью или мученіями его собственной совѣсти. И эта мысль явнымъ образомъ ведетъ свое начало отъ преданія о фуріяхъ, бичующихъ преступника. Само собою разумѣется, что въ ней подъ преступленіями разумѣются не въ частности уголовныя преступленія, которыя наказываются государственными законами, а вообще нравственныя преступленія, которыя могутъ быть наказаны только или стеченіемъ обстоятельствъ, или общественнымъ мнѣніемъ, или совѣстью самого преступника.

Что касается до наказанія посредствомъ стеченія обстоятельствъ, то

мы уже давно подсмѣиваемся надъ старинными романами, въ которыхъ „всегда подъ конецъ торжествовала добродѣтель и наказывался порокъ“. Однако многимъ романистамъ и всѣмъ авторамъ трактатовъ объ эстетикѣ непрѣмѣнно хочется, чтобы порокъ и преступленіе наказывались на землѣ. И вотъ явилась теорія, утверждающая, что они *всегда* наказываются общественнымъ мнѣніемъ и угрозами совѣсти. Но и это бываетъ не всегда. Что касается до общественного мнѣнія, то оно преслѣдуетъ далеко не всѣ нравственныя преступленія. А если голосъ общества не пробуждаетъ ежеминутно нашей совѣсти, то въ самой большей части случаевъ она и не проснется въ насъ, или, проснувшись, очень скоро заснетъ. Всякій образованный человѣкъ понимаетъ, какъ смѣшно смотрѣть на міръ тѣми глазами, какими смотрѣли греки героическихъ временъ; всякій нынѣ очень хорошо понимаетъ, что въ страданіи и гибели великихъ людей нѣтъ ничего необходимаго; что не всякій гибнущій человѣкъ гибнетъ за свои преступленія, что не всякій преступникъ погибаетъ; что не всякое преступленіе наказывается судомъ общественного мнѣнія и проч. Потому нельзя не сказать, что трагическое не всегда пробуждаетъ въ насъ идею необходимости и что вовсе не въ идеѣ необходимости основаніе дѣйствія его на человѣка и не въ ней сущность его. Въ чемъ же сущность трагическаго?

Трагическое есть страданіе или гибель человѣка—этого совершенно достаточно, чтобы исполнить насъ ужасомъ и состраданіемъ, хотя бы въ этомъ страданіи, въ этой гибели и не проявлялась никакая „безконечно могущественная и неотразимая сила“. Случай или необходимость причины страданія и гибели человѣка—все равно, страданіе и гибель ужасны. Намъ говорятъ: „чисто случайная гибель—нелѣпность въ трагедіи“—въ трагедіяхъ, писанныхъ авторами, можетъ быть; въ дѣйствительной жизни—нѣтъ. Въ поэзіи авторъ считаетъ необходимою обязанностью „выводить развязку изъ самой завязки“; въ жизни развязка часто совершенно случайна, и трагическая участь можетъ быть совершенно случайною, не переставая быть трагическою. Мы согласны, что трагична участь Макбета и лэди Макбетъ, необходимо вытекающая изъ ихъ положенія и дѣлъ. Но неужели не трагична участь Густава-Адольфа, который погибъ совершенно случайно въ битвѣ подъ Люценомъ, на пути торжества и побѣды? Опредѣленіе:

трагическое есть ужасное въ человѣческой жизни,

кажется, будетъ совершенно полнымъ опредѣленіемъ трагическаго въ жизни и въ искусствѣ. Правда, что большая часть произведеній искусства даетъ право прибавить: „ужасное, постигающее человѣка болѣе или менѣе неизбежно“; но, во-первыхъ, сомнительно, до какой степени справедливо поступаетъ искусство, представляя это ужасное почти всегда неизбежнымъ, когда въ самой дѣйствительности оно бываетъ большею частію вовсе не неизбежно, а чисто случайно; во-вторыхъ, кажется, что очень часто только по привычкѣ доискиваться во всякомъ великомъ произведеніи искусства „необходимаго сцѣпленія обстоятельствъ“, „необходимаго развитія дѣйствія изъ сущности самаго дѣйствія“ мы находимъ, съ грѣхомъ пополамъ, „необхо-

димость въ ходѣ событій“ и тамъ, гдѣ ея вовсе нѣтъ, напримѣръ, въ большей части трагедій Шекспира.

Съ господствующимъ опредѣленіемъ комическаго: „комическое есть перевѣсъ образа надъ идеею“, иначе сказать: внутренняя пустота и ничтожность, прикрываемая внѣшностью, имѣющею притязаніе на содержаніе и реальное значеніе, нельзя не согласиться; но вмѣстѣ съ тѣмъ надобно сказать, что слишкомъ ограничиваютъ понятіе комическаго, противопоставляя его, для сохраненія діалектическаго метода развитія понятій, только понятію возвышеннаго. Комическое мелочное и комическое глупое или тупоумное, конечно, противоположно возвышенному; но комическое уродливое, комическое безобразное противоположно прекрасному, а не возвышенному. Возвышенное, по изложенію самого Фишера, можетъ быть безобразнымъ: какимъ же образомъ комическое безобразное противоположно возвышенному, когда они различны между собою не сущностью, а степенью, не качествомъ, а количествомъ, когда безобразное мелочное принадлежитъ къ комическому, безобразное огромное или страшное принадлежитъ къ возвышенному? — Что безобразное противоположно прекрасному, ясно само по себѣ.

Окончивъ разборъ понятій о сущности прекраснаго и возвышеннаго, должно теперь перейти къ разбору господствующихъ взглядовъ на различные способы осуществленія идеи прекраснаго.

Здѣсь-то, кажется, сильнѣе всего выказывается важность основныхъ понятій, анализъ которыхъ занялъ такъ много страницъ въ этомъ очеркѣ: отступленіе отъ господствующаго взгляда на сущность того, что служить главнѣйшимъ содержаніемъ искусства, необходимо ведетъ къ измѣненію понятій и о самой сущности искусства. Господствующая нынѣ система эстетики совершенно справедливо различаетъ три формы существованія прекраснаго, подъ которыми понимаются въ ней, какъ его видоизмѣненія, также возвышенное и комическое. (Мы будемъ говорить только о прекрасномъ, потому что было бы утомительно повторять три раза одно и то же: все, что говорится въ господствующей нынѣ эстетикѣ о прекрасномъ, совершенно прилагается въ ней къ его видоизмѣненіямъ; точно также наша критика господствующихъ понятій о различныхъ формахъ прекраснаго и наши собственные понятія объ отношеніи прекраснаго въ искусствѣ къ прекрасному въ дѣйствительности вполнѣ прилагаются и ко всѣмъ остальнымъ элементамъ, входящимъ въ содержаніе искусства, а въ числѣ ихъ къ возвышенному и комическому).

Три различныя формы, въ которыхъ существуетъ прекрасное, слѣдующія: прекрасное въ дѣйствительности (или въ природѣ, если захотимъ удержатъ философскую терминологію), прекрасное въ фантазіи и прекрасное въ искусствѣ (въ объективномъ существованіи, придаваемомъ ему творческою фантазіею человѣка). Первымъ изъ основныхъ вопросовъ, здѣсь встрѣчающихся, — вопросъ объ отношеніи прекраснаго въ дѣйствительности къ прекрасному въ фантазіи и въ искусствѣ. Господствующая нынѣ система эстетическихъ понятій рѣшаетъ его такъ: прекрасное въ объективной дѣйствительности имѣетъ недостатки, уничтожающіе красоту его, и наша фантазія по этому принуждена прекрасное, находимое въ объективной дѣйствительности,

передѣлывать для того, чтобы, освободивъ его отъ недостатковъ, неразлучныхъ съ реальнымъ его существованіемъ, сдѣлать его истинно прекраснымъ. Фишеръ полиѣе и рѣзче другихъ эстетиковъ входитъ въ анализъ недостатковъ объективнаго прекраснаго. Потому его анализъ и должно подвергнуть критикѣ. Для избѣжанія упрека въ томъ, что преднамѣренно смягчилъ я недостатки, выставляемые на видъ нѣмецкими эстетиками въ объективномъ прекрасномъ, я долженъ буквально привести здѣсь Фишеру критику прекраснаго въ дѣйствительности (Aesthetik, II Theil, Seite 299 und folg.).

«Внутренняя несостоятельность всей объективной формы существованія прекраснаго открывается въ томъ, что красота находится въ чрезвычайно шаткомъ отношеніи къ цѣлямъ историческаго движенія даже и на томъ поприщѣ, гдѣ она кажется наиболѣе обезпеченною (*т.-е. въ человѣкѣ; историческія событія часто уничтожаютъ много прекраснаго; напримѣръ, говоритъ Фишеръ, реформація уничтожила веселую привольность и пестрое разнообразіе нѣмецкой жизни XIII—XV столѣтій*). Но вообще очевидно, что предполагаемая въ § 234 благосклонность случая рѣдко имѣетъ мѣсто въ дѣйствительности. (§ 234 говоритъ: для бытія красоты необходимо, чтобы при осуществленіи прекраснаго не было вмешательства вредныхъ случайностей, *der störende Zufall*. Сущность случайности состоитъ въ томъ, что она можетъ быть и не быть или быть иначе, следовательно вредная случайность можетъ иногда и не быть въ предметъ. Потому кажется, что вмѣстѣ съ безобразными индивидуумами должны быть и истинно-прекрасные). Кромѣ того именно по самой живости (Lebendigkeit), составляющей неотъемлемое преимущество прекраснаго въ дѣйствительности, красота его мимолетна; основаніе этой мимолетности въ томъ, что прекрасное въ дѣйствительности возникаетъ не изъ стремленія къ прекрасному; оно возникаетъ и существуетъ по общему стремленію природы къ жизни, при осуществленіи котораго появляется только вслѣдствіе случайныхъ обстоятельствъ, а не какъ что-нибудь преднамѣренное (*alles Naturschöne nicht gewollt ist*). Проблески прекраснаго рѣдки въ исторіи; рѣдко виолнѣ прекрасное и въ природѣ вообще. Въ извѣстномъ своемъ письмѣ Рафаэль, жившій въ странѣ красоты, жалуется на *carestia di belle donne*; и не часто встрѣчаются въ Римѣ такія модели, какова была Витторія изъ Альбано во время Румора. «Послѣднее созданіе все выше и выше стремящейся природы—прекрасный человѣкъ. Правда, рѣдко создастъ она его, потому что слишкомъ много условий, противодѣйствующихъ ея идеямъ» (Гете). Все живущее имѣетъ множество враговъ. Борьба съ ними можетъ быть возвышенною или комическою; но рѣдки случаи, когда безобразное переходитъ въ комическое или возвышенное. Мы стоимъ среди жизни и ея безконечно разнообразныхъ отношеній. Потому прекрасное въ природѣ живъ; но, находясь среди неисчислимо разнообразныхъ отношеній, оно подвергается столкновеніямъ, порчѣ со всѣхъ сторонъ; потому что природа заботится о всей массѣ предметовъ, а не объ одномъ отдѣльномъ предметѣ; ей нужно сохраненіе, а не собственно красота. Если такъ, то для природы нѣтъ потребности поддерживать прекраснымъ и то немногое прекрасное, которое она случайно производитъ: жизнь стремится впередъ, не заботясь о гибели образа, или сохраняетъ его только искаженнымъ. «Природа борется изъ-за жизни и бытія, изъ-за сохраненія и размноженія своихъ произведеній, не заботясь о ихъ красотѣ или безобразіи. Форма, отъ рожденія предназначенная быть прекрасною, можетъ случайно повредиться въ какой-нибудь части; тотчасъ же страдаютъ отъ этого и другія части; потому что природѣ тогда бывають нужны силы для возстановленія поврежденной части, и она отнимаетъ ихъ у другихъ частей, что необходимо вредитъ ихъ развитію. Существо становится уже не такимъ, какимъ должно было быть, а такимъ, какимъ можетъ быть» (Гете, въ примѣч. къ Дидро). Замѣтно или незамѣтно, поврежденія повторяются и увеличиваются; пока все существо разрушится. Мимолетность, непрочность—скорбная участь всего прекраснаго въ природѣ. Не только прекрасное освѣщеніе пейзажа, но и цвѣтущая пора органической жизни—одно мгновеніе. «Говоря строго, можно сказать, что только въ про-

долженіе одного мгновенія прекрасенъ прекрасный человѣкъ». — «Чрезвычайно непродолжителенъ періодъ времени, въ теченіе котораго человѣческое тѣло можетъ называться прекраснымъ» (Гете). Правда, изъ увядшей красоты юности развивается высшая красота — красота характера, которую возрѣніе замѣчаетъ въ чертахъ физиогноміи и въ поступкахъ. Но и эта красота мимолетна; потому что характеръ заботится о нравственныхъ цѣляхъ, а не о красотѣ фигуры и движеній при ихъ достиженіи... Въ одно время личность бываетъ исполнена сознаніемъ своей нравственной цѣли, является такъ, какъ есть, прекрасною въ глубочайшемъ смыслѣ слова; но въ другое время человѣкъ занятъ бываетъ чѣмъ-нибудь имѣющимъ только посредственную связь съ цѣлью жизни его, и при этомъ истинное содержаніе характера не проявляется въ выраженіи лица; иногда человѣкъ бываетъ занятъ дѣломъ, возлагаемымъ на него только житейскою или жизненною необходимостью, и при этомъ всякое высшее выраженіе погребено подъ равнодушіемъ или скукою, неохотою. Такъ бываетъ и во всѣхъ сферахъ природы, принадлежатъ ли онѣ или вѣтъ къ нравственной области... Эта группа сражающихся воиновъ располагается и движется, какъ будто бы воспламененная духомъ Марса; но чрезъ минуту она разсыпалась, движенія перестали быть прекрасны; лучшіе люди лежать равны или убиты: эти воины не *tableau vivant*, они думаютъ о битвѣ, а не о томъ, чтобъ ихъ битва имѣла прекрасный видъ. Непреднамеренность (*das Nicht-gewolltsein*) сущность всего прекраснаго въ природѣ; она лежитъ въ его сущности до такой степени, что на насъ чрезвычайно непріятно дѣйствуетъ, если мы замѣчаемъ въ сферѣ реальнаго-прекраснаго какой бы то ни было преднамеренный расчетъ именно на красоту. Красота, сознающая свою красоту и занимающаяся ею, учащаяся предъ зеркаломъ быть прекрасною, суетна, т.-е. ничтожна. Аффектація красоты въ дѣйствительно существующемъ совершенная противоположность истинной граціи... Случайность, непреднамеренность красоты, ея незнаніе о самой себѣ — зерно смерти, но и прелесть прекраснаго въ дѣйствительности; такъ что въ сознательной сферѣ прекрасное исчезаетъ въ ту минуту, когда узнаетъ о своей красотѣ, начинаетъ любоваться на нее. Наивность простого человѣка погибаетъ, какъ скоро касается до него цивилизація; народныя пѣсни исчезаютъ, когда обращаютъ на нихъ вниманіе, начинаютъ собирать ихъ; живописный костюмъ полудикихъ народовъ перестаетъ имъ нравиться, когда они видятъ кокетливый фракъ живописца, пришедшаго изучать ихъ; если цивилизація, прельстившись живописнымъ нарядомъ, хочетъ сохранить его, онъ уже обратился въ маску, и народъ покидаетъ его.

«Но благоприятность случая не только рѣдка и мимолетна, — она вообще должна считаться благоприятностью только относительною: вредная, искажающая случайность всегда оказывается въ природѣ не вполне побѣжденною, если мы отбросимъ свѣтлую маску, накидываемую отдаленностью мѣста и времени на воспріятіе (*Wahrnehmung*) прекраснаго въ природѣ, и строже всмотримся въ предметъ; искажающая случайность вносить въ прекрасную, повидимому, группировку нѣсколькихъ предметовъ много такого, что вредитъ ея полной красотѣ; мало того, эта вредящая случайность вторгается и въ отдѣльный предметъ, который казался намъ сначала вполне прекрасенъ, и мы видимъ, что ничто не изъято отъ ея владычества. Если мы сначала не замѣчали недостатковъ, это происходило изъ другой благоприятности случая — изъ счастливаго расположенія нашего духа, которое дѣлало субъекта способнымъ видѣть предметъ съ точки зрѣнія чистой формы. Ближайшимъ образомъ такое расположеніе духа возбуждаетъ въ насъ самый предметъ своею относительною чистотою отъ искажающаго случая.

«Надобно только ближе посмотрѣть на прекрасное въ дѣйствительности, чтобы убѣдиться, что оно не истинно прекрасно: тогда будетъ ясно, что мы до сихъ поръ только скрывали отъ себя очевидную истину. Эта истина — необходимое и повсемѣстное владычество искажающаго случая. Не мы должны доказывать, что оно простирается рѣшительно на все, а нуждалась бы въ доказательствахъ противоположная мысль, нуждалась бы въ доказательствахъ мнѣніе, что при безконечно-разнообразномъ и тѣсною сдѣленіи всего въ мірѣ какой бы то ни было отдѣльный предметъ можетъ сохраниться въ чѣлості отъ всѣхъ препятствій, помѣхъ, искажающихъ столько-

веній. Мы должны только изслѣдовать, откуда происходитъ обобщеніе, говорящее нашими чувствами, будто бы иныя предметы составляютъ исключеніе изъ общаго закона подвластности искажающему случаю; это мы сдѣлаемъ впоследствии; а теперь покажемъ только, что видимыя исключенія изъ общаго правила дѣйствительно составляютъ обобщеніе, призракъ (ein Schein). Нѣкоторые прекрасныя предметы составляютъ соединеніе многихъ предметовъ; въ этомъ случаѣ, всматриваясь внимательно, мы всегда найдемъ, во-первыхъ, что мы видимъ эти предметы въ такой связи, въ такомъ соотношеніи только потому, что случайно стали на извѣстное мѣсто, случайно смотримъ на нихъ съ извѣстной точки зрѣнія. Особенно прилагается это къ ландшафтамъ: ихъ равнины, горы, деревья ничего не знаютъ другъ о другѣ; имъ не можетъ вздуматься соединиться въ живописное цѣлое; въ стройныхъ очеркахъ и краскахъ мы ихъ видимъ только потому, что сами стоимъ на томъ, а не на другомъ мѣстѣ. Но и съ этой благопріятной точки зрѣнія мы найдемъ здѣсь кустарникъ, тамъ холмъ, нарушающій гармонію; тутъ недостатокъ возвышенія, тамъ тѣни; и мы должны будемъ сознаться, что внутренній глазъ переѣзжалъ, дополнялъ, исправлялъ ландшафтъ. То же самое бываетъ и съ движущеюся, дѣйствующею группою живыхъ существъ. Иногда сцена можетъ быть въ самомъ дѣлѣ полна значенія и выраженія, но въ ней группы, существенно связанныя, раздѣлены пространствомъ; внутренній глазъ опять уничтожаетъ его, сближаетъ связанное, выбрасываетъ ненужное, лишнее. Другіе предметы прекрасны въ отдѣльности. Тогда мы отказываемся отъ красоты обстановки, выпускаемъ обстановку изъ самаго воззрѣнія, совершаемъ актъ отдѣленія предмета отъ обстановки, большею частью безсознательно и безназмѣренно; когда красавица входитъ въ общество, наши глаза устремляются исключительно на нее, мы забываемъ о другихъ лицахъ. Но и въ томъ и въ другомъ случаѣ, въ отдѣльномъ ли предметѣ мы находимъ красоту или въ группировкѣ предметовъ, слѣдствіе будетъ одно и то же, если мы строже разсмотримъ красоту. На поверхности прекраснаго предмета мы откроемъ то же, что въ прекрасной группировкѣ предметовъ: между прекрасными частями найдутся непрекрасныя, и найдутся онѣ въ каждомъ предметѣ, какъ бы ни благопріятствовала ему счастливая случайность. Хорошо еще, что нашъ глазъ не микроскопъ, и простое зрѣніе уже идеализируетъ предметы; иначе грязь и инфузоріи въ чистѣйшей водѣ, нечистоты на нѣжнѣйшей кожѣ разрушали бы для насъ всякую красоту. Мы видимъ только при извѣстной степени отдаленія. А отдаленность идеализируетъ уже сама по себѣ. Она не только скрываетъ нечистоту поверхности, но и вообще сглаживаетъ подробности состава тѣла, приковывающія ихъ къ землѣ, отнимаетъ пошлую ясность, точность, считающую песчинки, ставящую всякую мелочь въ счетъ. Такъ уже самый процессъ зрѣнія беретъ на себя часть труда возведенія предмета къ чистой формѣ. Отдаленность во времени дѣйствуетъ такъ же, какъ отдаленность въ пространствѣ: исторія и воспоминаніе передаютъ намъ не всѣ мелкія подробности о великомъ человѣкѣ или великомъ событіи; они умалчиваютъ о мелкихъ второстепенныхъ мотивахъ великаго явленія, о его слабыхъ сторонахъ; они умалчиваютъ о томъ, сколько времени въ жизни великихъ людей было потрачено на одѣванье и раздѣванье, ѣду, питье, насморкъ и т. п. Но мало того, что чрезъ это скрывается отъ насъ мелочное и мѣшающее красотѣ: при внимательномъ разсмотрѣніи даже въ прекраснѣйшемъ, повидимому, предметѣ мы ясно замѣчаемъ очень много важныхъ и неважныхъ недостатковъ. Еслибы, напр., въ человѣческой фигурѣ и не было отчетливо никакихъ искажающихъ случайностей на поверхности, то въ основныхъ формахъ непременно замѣчалась нами какое-нибудь нарушение пропорціональности. Это ясно будетъ, какъ только мы взглянемъ на гипсовую модель, въ точности снятую съ дѣйствительнаго лица. Руморъ, въ предисловіи къ своимъ «Итальянскимъ изслѣдованіямъ», чрезвычайно перепуталъ всѣ относящіяся сюда понятія: онъ хочетъ обличить ложность фальшиваго идеализма въ искусствѣ, стремящагося улучшить природу въ ея чистыхъ и постоянныхъ формахъ; онъ справедливо говоритъ противъ подобнаго идеализма, что искусство не можетъ переѣзжать неизмѣнныхъ формъ природы, которыя даются ему природою необходимо и неизмѣнно. Но вопросъ въ томъ, находятся ли въ дѣйствительности въ совершенно чистомъ развитіи основныя, ненарушимыя для искусства формы природы. Руморъ отвѣчаетъ на это, что «природа не отдѣльный предметъ,

представляющийся намъ подъ владычествомъ случая, а совокупность всѣхъ живыхъ формъ, совокупность всего произведеннаго природою, или, лучше сказать, сама производящая сила» — ей долженъ предаться художникъ, не довольствуясь отдѣльными моделями. Это совершенно справедливо. Но Руморъ впадаетъ потомъ въ натурализмъ, который хочетъ преслѣдовать, какъ и ложный идеализмъ; его положеніе, что «природа наилучшимъ образомъ выражаетъ все своими формами», становится опаснымъ, когда онъ прилагаетъ его къ отдѣльному явленію, и, противорѣча тому, что самъ сказалъ выше, утверждаетъ, будто бы въ дѣйствительности бывають совершенныя модели», какъ, напр., «Витторія изъ Альбано, которая была прекраснѣе всѣхъ созданий искусства въ Римѣ, красота которой была недосижаема для художниковъ». Мы твердо убѣждены, что ни одинъ изъ художниковъ, бравшихъ ее моделью, не могъ перенести въ свое произведеніе всѣхъ ея формъ въ томъ видѣ, въ какомъ находилъ, потому что Витторія была *отдѣльная* красавица, а индивидуумъ не можетъ быть абсолютнымъ — этимъ дѣло рѣшается, больше мы не хотимъ и говорить о вопросѣ, который предлагаетъ Руморъ. Если даже согласимся, что въ Витторіи были совершенны всѣ основныя формы, то кровь, теплота, процессъ жизни съ искажающими красоту подробностями, слѣды которыхъ остаются на кожѣ, всѣ эти подробности были бы достаточны, чтобы поставить живое существо, о которомъ говоритъ Руморъ, несравненно ниже тѣхъ высокихъ произведеній искусства, которыя имѣють только воображаемую кровь, теплоту, процессъ жизни на кожѣ и т. д....

«Итакъ, предметъ, принадлежащій къ рѣдкимъ явленіямъ красоты, какъ показываетъ ближайшее разсмотрѣніе, не истинно прекрасенъ, а только ближе другихъ къ прекрасному, свободнѣе отъ искажающихъ случайностей».

Прежде, нежели подвергнемъ критикѣ отдѣльные упреки, дѣлаемые прекрасному въ дѣйствительности, смѣло можно сказать, что оно истинно прекрасно и вполне удовлетворяетъ здороваго человѣка, несмотря на всѣ свои недостатки, какъ бы ни были они велики. Конечно, ирраціональная фантазія можетъ о всемъ говорить: „здѣсь это не такъ, этого не достаетъ, это лишнее“; но такое развитіе фантазіи, недовольствующейся ничѣмъ, надобно признать болѣзненнымъ явленіемъ. Здоровый человѣкъ встрѣчаетъ въ дѣйствительности очень много такихъ предметовъ и явленій, смотря на которые не приходитъ ему въ голову желать, чтобы они были не такъ, какъ есть, или были лучше. Мнѣніе, будто человѣку непремѣнно нужно „совершенство“, — мнѣніе фантастическое, если подъ „совершенствомъ“ понимать такой видъ предмета, который бы совмѣщалъ всѣ возможныя достоинства и былъ чуждъ всѣхъ недостатковъ, какіе отъ нечего дѣлать можетъ отыскать въ предметѣ фантазіи человѣка съ холоднымъ или пресыщеннымъ сердцемъ. „Совершенство“ для меня то, что для меня вполне удовлетворительно въ своемъ родѣ. А такихъ явленій видитъ здоровый человѣкъ въ дѣйствительности очень много. Когда у человѣка сердце пусто, онъ можетъ давать волю своему воображенію; но какъ скоро есть хотя сколько-нибудь удовлетворительная дѣйствительность, крылья фантазіи связаны. Фантазія вообще овладѣваетъ нами только тогда, когда мы слишкомъ скудны въ дѣйствительности. Лежа на голыхъ доскахъ, человѣку иногда приходитъ въ голову мечтать о роскошной постели, о кровати какого-нибудь неслышанно драгоценнаго дерева, о пуховикѣ изъ гагачьяго пуха, о подушкахъ къ брабантскимъ кружевамъ, о пологѣ изъ какой-то невообразимой ліонской матеріи; но неужели станетъ мечтать обо всемъ этомъ здоровый человѣкъ, когда у него есть не роскошная, но довольно мягкая и удобная по-

стель? „Отъ добра добра не ищутъ“. Если человѣку пришлось жить среди сибирскихъ тундръ или въ заволжскихъ солончакахъ, онъ можетъ мечтать о волшебныхъ садахъ съ невиданными на землѣ деревьями, у которыхъ коралловые вѣтви, изумрудные листья, рубиновые плоды; но переселившись въ какую-нибудь Курскую губернію, получивъ полную возможность гулять досыта по небогатому, но сносному саду съ яблонями, вишнями, грушами, и съ густыми липовыми аллеями, мечтатель навѣрное забудетъ не только о садахъ Тысячи и одной ночи, но и о лимонныхъ рощахъ Испаніи. Воображеніе строить свои воздушные замки тогда, когда вѣтъ на дѣлѣ не только хорошаго дома, даже сносной избушки. Оно разыгрывается тогда, когда незаняты чувства; бѣдность дѣйствительной жизни источникъ жизни въ фантазіи. Но едва дѣлается дѣйствительность сколько-нибудь ссною, скучны и блѣдны кажутся намъ предъ нею всѣ мечты воображенія. Мнѣніе, будто бы „желанія человѣческія безпредѣльны“, ложно въ томъ смыслѣ, въ какомъ понимается обыкновенно, въ смыслѣ, что „никакая дѣйствительность не можетъ удовлетворить ихъ“; напротивъ, человѣкъ удовлетворяется не только „наилучшимъ, что можетъ быть въ дѣйствительности“, но и довольно посредственною дѣйствительностью. Надобно различать то, что чувствуется на самомъ дѣлѣ, отъ того, что только говорится. Желанія раздражаются мечтательнымъ образомъ до горячечнаго напряженія только при совершенномъ отсутствіи здоровой, хотя-бъ и довольно простой пищи. Это фактъ, доказываемый всей исторіей человѣчества и испытанный на себѣ всякимъ, кто жилъ и наблюдалъ себя. Онъ составляетъ частный случай общаго закона человѣческой жизни, что страсти достигаютъ ненормальнаго развитія только вслѣдствіе ненормальнаго положенія предающагося имъ человѣка, и только въ такомъ случаѣ, когда естественная и въ сущности довольно спокойная потребность, изъ которой возникаетъ та или другая страсть, слишкомъ долго не находила себѣ соотвѣтственнаго удовлетворенія, спокойнаго и далеко не титаническаго. Несомнѣнно то, что организмъ человѣка не требуетъ и не можетъ выносить титаническихъ стремлений и удовлетвореній; несомнѣнно и то, что въ здоровомъ человѣкѣ стремленія соразмѣрны съ силами организма. Съ этой общей точки перейдемъ на другую, спеціальную.

Извѣстно, что чувства наши скоро утомляются и пресыщаются, т.-е. удовлетворяются. Это справедливо не только относительно низшихъ чувствъ (осязанія, обонянія, вкуса), но также и относительно высшихъ—зрѣнія и слуха. Съ чувствами зрѣнія и слуха неразрывно соединено эстетическое чувство, и не можетъ быть мыслимо безъ нихъ. Когда у человѣка отъ утомленія исчезаетъ охота смотрѣть на прекрасное, не можетъ не исчезать и потребность эстетическаго наслажденія этимъ прекраснымъ. И если человѣкъ не можетъ цѣлый мѣсяцъ ежедневно смотрѣть не утомляясь на картину, хотя бы Рафаэлевскую, то нѣтъ сомнѣнія, что не одни глаза его, но также и чувство эстетическое пресытилось, удовлетворено на нѣкоторое время. Что достовѣрно относительно продолжительности наслажденія, то же самое должно сказать и объ его интенсивности. При нормальномъ удовлетвореніи сила эстетическаго наслажденія имѣетъ свои предѣлы. Если она

иногда переходить ихъ, это бываетъ слѣдствіемъ не внутренняго и натуральнаго развитія, а особенныхъ обстоятельствъ, болѣе или менѣе случайныхъ и нормальныхъ (напр., мы особенно восторженно восхищаемся прекраснымъ, когда знаемъ, что скоро должны будемъ разстаться съ нимъ, что не будемъ имѣть столько времени наслаждаться имъ, сколько намъ хотѣлось бы и т. п.). Однимъ словомъ, нѣтъ, повидимому, возможности подвергать сомнѣнію фактъ, что наше эстетическое чувство, подобно всѣмъ другимъ, имѣетъ свои нормальныя границы относительно продолжительности и интенсивности своего напряженнаго состоянія, и что въ этихъ двухъ смыслахъ нельзя называть его ненасытнымъ или безконечнымъ.

Точно также оно имѣетъ границы—и довольно тѣсныя—относительно своей разборчивости, тонкости, — требовательности или такъ называемой жажды совершенства. Мы впоследствии будемъ имѣть случай говорить, какъ многое даже вовсе не первоклассное по красотѣ своей удовлетворяетъ эстетическому чувству въ дѣйствительности. Здѣсь мы хотимъ сказать, что и въ области искусства разборчивость его въ сущности очень снисходительна. За одно какое-нибудь достоинство мы прощаемъ произведенію искусства сотни недостатковъ; даже не замѣчаемъ ихъ, если только они не слишкомъ безобразны. Въ примѣръ довольно указать на большую часть произведеній римской поэзіи. Не восхищаться Гораціемъ, Виргиліемъ, Овидіемъ можетъ только тотъ, у кого недостаетъ эстетическаго чувства. А сколько въ этихъ поэтахъ слабыхъ сторонъ! Собственно говоря, все въ нихъ слабо, кромѣ одного—отдѣлки языка и развитія мыслей. Содержанія у нихъ или вовсе нѣтъ или оно самое ничтожное; самостоятельности нѣтъ; свѣжести нѣтъ; простоты нѣтъ; у Виргилія и Горація почти нигдѣ нѣтъ даже искренности и увлеченія. Но пусть критика указываетъ намъ всѣ эти недостатки—съ тѣмъ вмѣстѣ она прибавляетъ, что форма у этихъ поэтовъ доведена до высокаго совершенства, и нашему эстетическому чувству довольно этой одной капли хорошаго, чтобы удовлетворяться и наслаждаться. А между тѣмъ даже и въ отдѣлкѣ формы у всѣхъ этихъ поэтовъ есть значительные недостатки: Овидій и Виргилій почти всегда растянуты; очень часто растянуты и Гораціевы оды; монотонность во всѣхъ трехъ поэтахъ чрезвычайно велика; часто непріятнымъ образомъ бросается въ глаза искусственность, натянутость. Нужды нѣтъ, все-таки остается въ нихъ нѣчто хорошее, и мы наслаждаемся. Какъ совершенную противоположность этимъ поэтамъ внѣшней отдѣлки можно привести въ примѣръ народную поэзію. Какова бы ни была первоначальная форма народныхъ пѣсенъ, но до насъ доходятъ онѣ почти всегда искаженными, передѣланными или растерзанными на куски; монотонность ихъ также очень велика; наконецъ есть во всѣхъ народныхъ пѣсняхъ механическіе приемы, проглядываютъ общія пружины, безъ помощи которыхъ никогда не развиваютъ онѣ своихъ темъ; но въ народной поэзіи очень много свѣжести, простоты,—и этого довольно для нашего эстетическаго чувства, чтобы восхищаться народною поэзіею.

Однимъ словомъ, какъ и всякое здоровое чувство, какъ всякая истинная потребность, эстетическое чувство имѣетъ больше стремленія удовлетворяться, нежели требовательности въ претензіяхъ; оно по своей натурѣ ра-

дуются удовлетворяясь, недовольно отсутствиемъ пищи, потому готово удовлетворяться первымъ сноснымъ предметомъ. Малотребовательность эстетическаго чувства доказывается и тѣмъ, что, имѣя первоклассныя произведенія, оно вовсе не пренебрегаетъ второклассными. Рафаэлевы картины не заставляютъ насъ находить плохими произведенія Грѣза; имѣя Шекспира, мы съ наслажденіемъ перечитываемъ произведенія второстепенныхъ, даже третьестепенныхъ поэтовъ. Эстетическое чувство ищетъ хорошаго, а не фантастически-совершеннаго. Потому, еслибы въ дѣйствительномъ прекрасномъ было очень много важныхъ недостатковъ, мы все-таки удовлетворялись бы имъ. Но посмотримъ ближе, до какой степени справедливы упреки, дѣлаемые прекрасному въ дѣйствительности, и до какой степени справедливы слѣдствія, изъ нихъ выводимыя.

I. „Прекрасное въ природѣ непредназначенно; уже по этому одному не можетъ быть оно такъ хорошо, какъ прекрасное въ искусствѣ, создаваемое предназначенно“. — Дѣйствительно, неодушевленная природа не думаетъ о красотѣ своихъ произведеній, какъ дерево не думаетъ о томъ, чтобы его плоды были вкусны. Но тѣмъ не менѣе надобно признаться, что наше искусство до сихъ поръ не могло создать ничего подобнаго даже апельсину или яблоку, не говоря уже о роскошныхъ плодахъ тропическихъ земель. Конечно, предназначенное произведеніе будетъ по достоинству выше непредназначеннаго; но только тогда, когда силы производителей равны. А силы человѣка гораздо слабѣе силъ природы, работа его чрезвычайно груба, неловка, неуклюжа въ сравненіи съ работою природы. И потому въ произведеніяхъ искусства превосходство со стороны предназначенности перевѣшивается и далеко перевѣшивается слабостью ихъ въ исполненіи. Притомъ же непредназначенна красота только въ природѣ безчувственной, мертвой: птица и животное уже заботятся о своей вѣщности, безпрестанно охорашиваются: почти всѣ онѣ любятъ опрятность. Въ человѣкѣ красота рѣдко бываетъ совершенно непредназначенною: забота о своей наружности чрезвычайно сильна у всѣхъ насъ. Разумѣется, мы здѣсь говоримъ не объ изысканныхъ средствахъ поддѣлывать красоту, а подразумеваемъ постоянныя заботы о вѣщномъ благообразіи, которыя составляютъ часть народной гигиены. Но если красота въ природѣ въ строгомъ смыслѣ не можетъ назваться предназначенною, какъ и все дѣйствованіе силъ природы то съ другой стороны нельзя сказать, чтобы вообще природа не стремилась къ произведенію прекраснаго: напротивъ, понимая прекрасное какъ полноту жизни, мы должны будемъ признать, что стремленіе къ жизни, проникающее органическую природу, есть вѣщствъ и стремленіе къ произведенію прекраснаго. Если мы должны вообще видѣть въ природѣ не цѣли, а только результаты, и потому не можемъ назвать красоту цѣлью природы, то не можемъ не назвать ее существеннымъ результатомъ, къ произведенію котораго напряжены силы природы. Непредназначенность (*das Nichtgewolltsein*), бессознательность этого направленія нисколько не мѣшаетъ его реальности, какъ бессознательность геометрическаго стремленія въ пчелѣ, бессознательность стремленія къ симметріи въ растительной силѣ, нисколько не мѣшаетъ правильности шестиграннаго строенія ячеекъ сота, симметріи двухъ половинъ листа.

II. „Отъ непредназначенности красоты въ природѣ происходитъ то, что прекрасное рѣдко встрѣчается въ дѣйствительности“.—Но еслибъ и дѣйствительно было такъ, его малочисленность была бы прискорбна только для нашего эстетическаго чувства, нисколько не уменьшая красоты этого малочисленнаго ряда явленій и предметовъ. Алмазы величиною въ голубиное яйцо попадаютъ очень рѣдко; любители брильянтовъ могутъ справедливо жалѣть о томъ, и все-таки они соглашаются, что эти очень рѣдкіе алмазы прекрасны. Но жалобы на рѣдкость прекраснаго въ дѣйствительности несовершенно справедливы: прекраснаго въ дѣйствительности вовсе не такъ мало, какъ утверждаютъ нѣмецкіе эстетика. Прекрасныхъ и величественныхъ пейзажей очень много; есть страны, въ которыхъ они попадаютъ на каждомъ шагѣ, напр., не говоря уже о Швейцаріи, Альпахъ, Италіи; укажемъ на Финляндію, Крымъ, берега Днѣпра, даже берега средней части Волги. Величественное въ жизни человѣка встрѣчается не безпрестанно; но сомнительно, согласился ли бы самъ человѣкъ, чтобы оно было чаще: великія минуты жизни слишкомъ дорого обходятся человѣку, слишкомъ истощаютъ его; а кто имѣетъ потребность искать и силу выносить ихъ вліяніе на душу, тотъ можетъ найти случаи къ возвышеннымъ ощущеніямъ на каждомъ шагѣ: путь доблести, самоотверженія и высокой борьбы съ низкимъ и вреднымъ, съ бѣдствіями и пороками людей не закрыть никому и никогда. И были всегда, вездѣ тысячи людей, вся жизнь которыхъ была непрерывнымъ рядомъ возвышенныхъ чувствъ и дѣлъ. То же самое должно сказать и объ увлекательно-прекрасныхъ минутахъ въ жизни человѣка. Вообще нельзя человѣку жаловаться на ихъ рѣдкость; потому что отъ самого человѣка зависитъ, до какой степени жизнь его наполнена прекраснымъ и великимъ. Пуста и безцвѣтна бываетъ жизнь только у безцвѣтныхъ людей, которые толкуютъ о чувствахъ и потребностяхъ, на самомъ дѣлѣ не будучи способны имѣть никакихъ особенныхъ чувствъ и потребностей, кромѣ потребности рисоваться. Въ заключеніе было бы надобно объясниться насчетъ того, чтѣ специально называется красотою, рассмотреть вопросъ о томъ, до какой степени рѣдкое явленіе женская красота. Но, быть можетъ, это не совѣмъ уместно въ нашемъ отвлеченномъ трактатѣ; ограничимся только замѣчаніемъ, что почти всякая женщина въ цвѣтѣ молодости кажется большинству красавицею, потому говорить здѣсь было бы можно развѣ о неразборчивости эстетическаго чувства большинства людей, а не о томъ, что красота рѣдкое явленіе. Людей прекрасныхъ лицомъ нисколько не меньше, нежели людей добрыхъ, умныхъ и т. д. Какъ же объяснить жалобу Рафаэля на недостатокъ красавицъ въ Италіи, классической странѣ красоты? Очень просто; онъ искалъ наилучшей красавицы, а наилучшая красавица конечно одна въ цѣломъ свѣтѣ—и гдѣ же отыскать ее? Первостепеннаго въ своемъ родѣ всегда очень мало, по очень простой причинѣ: если его соберется много, то мы опять раздѣлимъ его на классы и будемъ называть первостепеннымъ то, чего найдется всего два-три индивидуума; все остальное назовемъ второстепеннымъ. И вообще надобно сказать, что мысль, будто бы „прекрасное рѣдко встрѣчается въ дѣйствительности“ основана на смѣшеніи понятій „вполнѣ“ и „первое“: вполнѣ величественныхъ рѣвъ

очень много, первая изъ величественныхъ рѣкъ конечно одна; великихъ полководцевъ много, первымъ полководцемъ въ мірѣ былъ кто-нибудь одинъ изъ нихъ. Авторы трактатовъ объ эстетикѣ въ духѣ господствующей школы разсуждаютъ такъ: если есть или можетъ быть предметъ выше находящагося у меня подъ глазами, то предметъ, находящійся у меня передъ глазами, низокъ. Но не такъ чувствуютъ люди. Зная, что Амазона величественнѣе Волги, мы продолжаемъ однако считать и Волгу величественною рѣкою. Философская система, которой держатся эти авторы, говорить, что если одинъ предметъ больше другого, то превосходство перваго надъ вторымъ есть недостатокъ другого: возсе нѣтъ; въ дѣйствительности недостатокъ есть нѣчто положительное, а не нѣчто вытекающее изъ превосходства другихъ предметовъ. Рѣка, имѣющая одинъ футъ глубины въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, не потому считается мелкою, что есть рѣки гораздо глубже ея; она мелка безъ всякихъ сравненій, сама по себѣ, мелка потому, что неудобна для судоходства; каналъ, имѣющій тридцать футовъ глубины, не мелокъ въ дѣйствительной жизни, потому что совершенно удобенъ для судоходства; никому не приходитъ и въ голову называть его мелкимъ, хотя всякому извѣстно, что Па-де-Кале далеко превосходитъ его своею глубиною. Отвлеченное математическое сравненіе не есть взглядъ дѣйствительной жизни. Положимъ, что „Отелло“ выше „Макбета“, или „Макбетъ“ выше „Отелло“ — несмотря на превосходство одной изъ этихъ трагедій надъ другою, онѣ обѣ остаются прекрасными. Достоинства „Отелло“ не могутъ быть вмѣняемы въ недостатки „Макбету“ и наоборотъ. Такъ мы смотримъ на произведенія искусства. Если смотрѣть такъ же и на прекрасныя явленія дѣйствительности, то очень часто мы должны будемъ сознаться, что красота одного явленія безукоризненна, хотя красота другого еще выше. И въ самомъ дѣлѣ, развѣ кто-нибудь называетъ итальянскую природу не прекрасною, хотя природа Антильскихъ острововъ или Остъ-Индіи гораздо богаче? А только съ подобной точки зрѣнія, ненаходящей себѣ подтвержденія въ дѣйствительныхъ чувствахъ и сужденіяхъ человѣка, и можетъ эстетика утверждать, будто бы въ мірѣ дѣйствительности красота есть явленіе рѣдкое.

III. „Красота прекраснаго въ дѣйствительности мимолетна“ — согласимся; но развѣ отъ этого она менѣе прекрасна? И притомъ это не всегда справедливо: цвѣтокъ дѣйствительно увядаетъ скоро; но человѣкъ долго остается прекраснымъ; можно даже сказать, что человѣческая красота продолжается именно столько, сколько надобно человѣку, ею наслаждающемуся. Не советѣмъ, быть можетъ, соотвѣтствовало бы характеру нашего отвлеченнаго трактата вдаваться въ подробное доказательство этого положенія; потому скажемъ только, что красота каждаго поколѣнія существуетъ и должна существовать для этого самаго поколѣнія; и нисколько не нарушаетъ гармоніи, нисколько не противно эстетическимъ потребностямъ этого поколѣнія, если красота его увядаетъ вмѣстѣ съ нимъ — у послѣдующихъ будетъ своя новая красота, и жаловаться тутъ некому и не на что. Быть можетъ, неумѣстно было бы здѣсь также вдаваться въ подробныя доказательства того, что желаніе „не старѣть“ — фантастическое желаніе, что на самомъ

дѣлѣ пожилой человѣкъ и хочетъ быть пожилымъ человѣкомъ, если только его жизнь прошла нормальнымъ образомъ и если онъ не принадлежитъ къ числу людей поверхностныхъ. Но это ясно и безъ подробныхъ доказательствъ. Всѣ мы „съ сожалѣніемъ“ вспоминаемъ о дѣтствѣ, говоримъ иногда, что „хотѣли бы снова перенестись въ то счастливое время“: но едва ли кто-нибудь согласился бы на самомъ дѣлѣ превратиться въ ребенка. То же самое должно сказать и относительно сожалѣній о томъ, что „прошла красота нашей юности“—эти слова не имѣютъ реального значенія, если юность прошла сколько-нибудь удовлетворительнымъ образомъ. Пережитое было бы скучно переживать вновь, какъ скучно слушать во второй разъ анекдотъ, хотя бы онъ казался чрезвычайно интересенъ въ первый разъ. Надобно различить дѣйствительныя желанія отъ фантастическихъ, мнимыхъ желаній, которыя вовсе и не хотятъ быть удовлетворенными; таково мнимое желаніе, чтобы красота въ дѣйствительности не увядала. „Жизнь стремится впередъ и уносить красоту дѣйствительности въ своемъ теченіи“, говорятъ эстетики;—правда; но вмѣстѣ съ жизнью стремятся впередъ, т.-е. измѣняются въ своемъ содержаніи, наши желанія, и слѣдовательно фантастичны сожалѣнія о томъ, что прекрасное явленіе исчезаетъ—оно исчезаетъ исполнивъ свое дѣло, доставивъ нынѣ столько эстетическаго наслажденія, сколько могъ вмѣстить нынѣшній день; завтра будетъ новый день, съ новыми потребностями, и только новое прекрасное можетъ удовлетворить ихъ. Еслибы красота въ дѣйствительности была неподвижна и неизмѣнна, „безсмертна“, какъ того требуютъ эстетики, она надобно бѣ, опротивѣла бы намъ. Живой человѣкъ не любитъ неподвижнаго въ жизни; потому никогда не наглядится онъ на живую красоту, и очень скоро пресыщаетъ его *tableau vivant*, которую предпочитаютъ живымъ сценамъ исключительные поклонники искусства. Но по ихъ мнѣнію красота должна быть однообразна въ своей вѣчности, не только вѣчна, потому противъ прекраснаго въ дѣйствительности является новое обвиненіе:

IV. „Прекрасное въ дѣйствительности непостоянно въ своей красотѣ“—но на это надобно отвѣчать тѣмъ же самымъ вопросомъ, какъ и прежде:—развѣ это мѣшаетъ ему быть прекраснымъ по временамъ? Развѣ пейзажъ менѣе прекрасенъ поутру оттого, что красота его померкнетъ на время съ закатомъ солнца? И опять надобно сказать, что большею частью этотъ упрекъ несправедливъ; положимъ, что есть пейзажи, красота которыхъ пропадаетъ съ пурпурнымъ озареніемъ утренней зари; но большая часть прекрасныхъ пейзажей прекрасны при всякомъ освѣщеніи; и надобно прибавить, что незавидна красота того пейзажа, который хорошъ только въ данную минуту, а не все время, пока существуетъ. Иногда фizioгномія выражаетъ всю полноту жизни, иногда она не выражаетъ ничего“—нѣтъ; справедливо то, что иногда фizioгномія бываетъ чрезвычайно выразительна, иногда она гораздо менѣе выразительна; но чрезвычайно рѣдки минуты, когда фizioгномія человѣка, свѣтящаяся умомъ или добротою, бываетъ лишена выраженія: умное лицо и во время сна сохраняетъ выраженіе ума, доброе лицо сохраняетъ и во снѣ выраженіе доброты; а бѣглое разнообразіе выраженія на выразительномъ лицѣ придаетъ ему новую красоту.

Точно такъ же разнообразіе позъ придаетъ новую красоту живому существу. Очень часто бываетъ и то, что исчезновеніе прекрасной позы одно только и спасаетъ ея драгоцѣнность для насъ: „группа сражающихся воиновъ прекрасна; но чрезъ нѣсколько минутъ она уже разстроилась“—а что было бы, еслибы она не разстроилась, еслибы схватка атлетовъ продолжалась цѣлыя сутки? намъ наскучило бы смотрѣть, и мы отвернулись бы, какъ это впрочемъ бываетъ часто въ дѣйствительности. Чѣмъ обыкновенно кончается эстетическое впечатлѣніе, подѣ влияніемъ котораго держать насъ полчаса или часъ неподвижная „вѣчно прекрасная“, „вѣчно неизмѣнная въ красотѣ своей“ картина?—тѣмъ, что мы уходимъ сами, недождавшись, пока насъ „оторветъ отъ наслажденія“ мракъ вечера.

V. „Прекрасное въ дѣйствительности прекрасно только потому, что мы смотримъ на него съ такой точки зрѣнія, съ которой оно кажется прекраснымъ“.—Напротивъ, гораздо чаще случается, что прекрасное прекрасно со всѣхъ точекъ зрѣнія; такъ, напр., прекрасный пейзажъ бываетъ большею частью хорошъ, откуда бы ни смотрѣли мы на него; конечно, онъ бываетъ въ высшей степени хорошъ только съ *одной* точки зрѣнія—но что же изъ этого? и на произведенія живописи надобно смотрѣть съ извѣстнаго мѣста, для того, чтобы они представлялись намъ во всей своей красотѣ. Это слѣдствіе законовъ перспективы, которые одинаково должны быть соблюдаемы при наслажденіи прекраснымъ въ дѣйствительности и прекраснымъ въ искусствѣ.

Вообще надобно, кажется, сказать, что всѣ разсмотрѣнные упреки прекрасному въ дѣйствительности преувеличены, а нѣкоторые совершенно несправедливы; что нѣтъ изъ нихъ ни одного, который прилагался бы ко всѣмъ родамъ прекраснаго. Но нами не разсмотрѣны еще главнѣйшіе, существеннѣйшіе недостатки, открываемые господствующими эстетическими воззрѣніями въ прекрасномъ дѣйствительнаго міра. До сихъ поръ упреки были обращены на то, что прекрасное въ дѣйствительности неудовлетворительно для человѣка; теперь слѣдуютъ прямые доказательства, что прекрасное въ дѣйствительности, собственно говоря, не можетъ и называться прекраснымъ. Доказательствъ этихъ три. Пересмотримъ ихъ, начиная съ менѣе сильнаго и менѣе общаго.

VI. „Прекрасное въ дѣйствительности или группа предметовъ (пейзажъ, группа людей), или одинъ предметъ въ отдѣльности. Вредная случайность всегда портитъ въ дѣйствительности группу, кажущуюся прекрасной, внося въ нее посторонніе, ненужные предметы, мѣшающіе красотѣ и единству цѣлаго; она портитъ и кажущійся прекраснымъ отдѣльный предметъ, портя нѣкоторыя его части: внимательное разсмотрѣніе покажетъ намъ всегда, что нѣкоторыя части дѣйствительнаго предмета, представляющагося прекраснымъ, вовсе не прекрасны“.—Здѣсь мы опять встрѣчаемся съ мыслью, что красота есть совершенство. Но эта мысль только частное приложеніе общей мысли, что человѣкъ удовлетворяется вообще только математически совершеннымъ; нѣтъ, практическая жизнь человѣка убѣждаетъ насъ, что онъ ищетъ только приблизительнаго совершенства, которое, выражаясь строго, и не должно называться совершенствомъ. Человѣкъ ищетъ только *хорошаго*, а не совер-

шеннаго. Совершенства требуетъ только чистая математика; даже прикладная математика довольствуется приблизительными вычисленіями. Искать совершенства въ какой бы то ни было сферѣ жизни — дѣло отвлеченной, болѣзненной или праздной фантазіи. Мы хотимъ дышать чистымъ воздухомъ; но замѣчаемъ ли мы, что абсолютно чистъ воздухъ не бываетъ нигдѣ и никогда? Мы хотимъ пить чистую воду, но не абсолютно-чистую воду: совершенно чистая (дистиллированная) вода даже непріятна для вкуса. Эти примѣры слишкомъ матеріальны? Приведемъ другіе: развѣ кому приходила мысль называть неученымъ человѣка, которому не *все* извѣстно? Нѣтъ, мы и не ищемъ человѣка, которому было бы извѣстно *все*; мы требуемъ отъ ученаго только того, чтобы ему было извѣстно все существенное и чтобы ему было извѣстно очень многое. Развѣ мы недовольны, напр., историческою книгою, въ которой не всѣ рѣшительно вопросы объяснены, не всѣ рѣшительно подробности приведены, не всѣ до одного взгляды и слова автора абсолютно справедливы? нѣтъ, мы довольны, и чрезвычайно довольны книгою, когда въ ней разрѣшены *главные* вопросы, приведены самонужнѣйшія подробности, когда *главныя* мнѣнія автора справедливы, и въ книгѣ его *очень мало* невѣрныхъ или неудачныхъ объясненій. (Ниже мы увидимъ, что въ сферѣ искусства мы также довольствуемся приблизительнымъ совершенствомъ). Послѣ этихъ замѣчаній можно сказать, не боясь сильнаго противорѣчія, что и въ области прекраснаго дѣйствительной жизни мы довольствуемся тѣмъ, когда находимъ очень хорошее, но не ищемъ совершенства математическаго, изъятаго отъ *всѣхъ* мелкихъ недостатковъ. Неужели кому-нибудь вздумается говорить, что пейзажъ не прекрасенъ, если на какомъ-нибудь мѣстѣ его растутъ три куста, а лучше было бы, еслибъ росло два или четыре? Вѣроятно никому еще изъ людей, любовавшихся моремъ, не приходило въ голову, что море могло бы быть лучше, нежели оно есть; а если математически строго смотрѣть на море, то въ немъ дѣйствительно есть недостатки, и первый недостатокъ—оно не плоская, а выпуклая поверхность. Правда, этого недостатка не видно, его открываетъ не глазъ, а вычисленіе; потому можно прибавить, что смѣшно и говорить объ этомъ недостаткѣ, котораго невозможно замѣтить, о которомъ можно только *знать*. Таковы большею частью недостатки прекраснаго въ дѣйствительности: ихъ не видно, они нечувствительны, они открываются только изслѣдованію, а не возрѣнію. Не забудемъ же, что чувство прекраснаго имѣетъ дѣло съ возрѣніемъ, а не съ наукою: чтò нечувствительно, то не существуетъ для эстетическаго чувства. Но въ самомъ ли дѣлѣ недостатки прекраснаго въ дѣйствительности большею частью нечувствительны для возрѣнія? Въ этомъ убѣждаетъ насъ опытъ. Нѣтъ человѣка, одареннаго эстетическимъ чувствомъ, которому бы не встрѣчались въ дѣйствительности тысячи лицъ, явленій и предметовъ, казавшихся ему безукоризненно прекрасными. Но что же особенно важнаго, когда въ прекрасномъ предметѣ и замѣтны для возрѣнія недостатки? Вѣрно они слишкомъ неважны, если, несмотря на нихъ, предметъ продолжаетъ казаться прекраснымъ—если они важны, предметъ будетъ уродливъ, а не прекрасенъ. А неважное не стоитъ того, чтобы и говорить о немъ. И дѣйствительно, эстетически здоровый человѣкъ не обращаетъ на

него вниманія. — Человѣку, не приготовленному спеціальнымъ изученіемъ новѣйшей эстетики, странно будетъ слышать второе доказательство, приводимое ею въ подтвержденіе того, что такъ называемое прекрасное въ дѣйствительности не можетъ быть прекрасно въ полномъ смыслѣ слова.

VII. „Дѣйствительный предметъ не можетъ быть прекрасенъ уже потому, что онъ живой предметъ, въ которомъ совершается дѣйствительный процессъ жизни со всею своею грубостью, со всеѣми своими антиэстетическими подробностями“. — Едва ли можно себѣ представить высшую степень фантастическаго идеализма. Какъ, неужели живое лицо не прекрасно, а изображенное на портретѣ или снятое въ дагерротипъ прекрасно? и почему же? потому, что на живомъ лицѣ неизбѣжно бываютъ всегда матерьяльные слѣды процесса жизни; потому, что, если мы посмотримъ въ микроскопъ на живое лицо, то всегда увидимъ его покрытое испариною и т. п. Какъ, живое дерево не можетъ быть прекраснымъ, потому, что на немъ всегда гнѣзятся мелкія насѣкомыя, питающіяся его листьями? Странное мнѣніе, которое даже не требуетъ опроверженія: какое же дѣло моему эстетическому возрѣнію до того, чего оно не замѣчаетъ? можетъ ли производить какое-нибудь вліяніе на мое ощущеніе тотъ недостатокъ, котораго оно не чувствуетъ? Въ опроверженіе этого мнѣнія не нужно даже приводить истину, что странно искать такихъ людей, которые бы не пили, не ѣли, не имѣли надобности умываться и перемѣнять бѣлье. Распространяться о подобныхъ требованіяхъ совершенно бесполезно. Лучше рассмотримъ одну изъ тѣхъ идей, изъ которыхъ возникъ столь странный упрекъ прекрасному въ дѣйствительности, идею, составляющую одно изъ основныхъ возрѣній господствующей эстетики. Вотъ эта мысль: „Прекрасное есть не самый предметъ, а чистая поверхность, чистая форма (die reine Oberfläche) предмета“. Неосновательность этого взгляда на прекрасное обнаружится, когда мы пересмотримъ источники, изъ которыхъ оно произошло. Прекрасное чаще всего мы видимъ глазами; а глаза въ очень многихъ случаяхъ видятъ только оболочку, абрисъ, наружность предмета, а не внутреннее его сложеніе. Изъ этого легко вывести заключеніе, что прекрасное есть поверхность предмета, а не самый предметъ. Но во-первыхъ, кромѣ прекраснаго для зрѣнія есть прекрасное для слуха (пѣніе и музыка), въ которомъ нельзя говорить ни о какой поверхности. Во-вторыхъ, не всегда и глазами видимъ мы только оболочку предмета: въ прозрачныхъ предметахъ мы видимъ *весь* предметъ, все его внутреннее сложеніе; водѣ и драгоценнымъ камнямъ именно прозрачность и сообщаетъ красоту. Наконецъ человѣческое тѣло, лучшая красота на землѣ, полупрозрачно, и мы въ человѣкѣ видимъ не одну только поверхность: сквозь кожу просвѣчиваетъ тѣло, и это просвѣчиваніе тѣла придаетъ чрезвычайно много прелести человѣческой красотѣ. Въ-третьихъ, странно говорить, что и въ совершенно непрозрачныхъ тѣлахъ мы видимъ только поверхность, а не самый предметъ: возрѣніе принадлежитъ не исключительно глазамъ; въ немъ всегда участвуетъ припоминающій и соображающій разумъ; соображеніе всегда наполняетъ матеріей пустую форму, представляющуюся глазу. Человѣкъ видитъ *движущійся* предметъ, хотя органъ его глаза самъ по себѣ не видитъ движенія; человѣкъ видитъ

отдаленность предмета, хотя самъ по себѣ глазъ не видитъ отдаленія; такъ точно человѣкъ видитъ матеріальный предметъ, когда глазъ его видитъ только поверхность предмета. Другое основаніе для мысли: „прекрасное есть чистая поверхность“ состоитъ въ предположеніи, что эстетическое наслажденіе несомнѣнито съ матеріальнымъ интересомъ, принимаемымъ въ предметѣ. Не будемъ входить въ разсмотрѣніе того, какимъ образомъ надобно понимать отношеніе матеріальной интересности для насъ предмета и эстетическаго наслажденія имъ, хотя это изслѣдованіе привело бы къ убѣжденію, что эстетическое наслажденіе отлично отъ матеріальнаго интереса или практическаго взгляда на предметъ, но не противоположно ему. Довольно будетъ указать на свидѣтельство опыта, что и дѣйствительный предметъ можетъ казаться прекраснымъ, не возбуждая матеріальнаго интереса: какая же своекорыстная мысль пробуждается въ насъ, когда мы любуемся звѣздами, моремъ, лѣсомъ (неужели при взглядѣ на дѣйствительный лѣсъ я необходимо долженъ думать, годится ли онъ мнѣ на постройку или отопленіе дома?),—какая своекорыстная мысль пробуждается въ насъ, когда мы заслушиваемся шелеста листьевъ, пѣсни соловья? Что касается человѣка, мы часто любимъ его безъ всякихъ своекорыстныхъ побужденій, нисколько не думая о себѣ; тѣмъ скорѣе можетъ онъ эстетически нравиться намъ, не возбуждая матеріальнаго (stoffartig) раздумья о нашихъ отношеніяхъ къ нему. Наконецъ ближайшимъ образомъ мысль о томъ, что прекрасное есть чистая форма, вытекаетъ изъ понятія, что прекрасное есть чистый призракъ; а такое понятіе—необходимое слѣдствіе опредѣленія прекраснаго какъ полноты осуществленія идеи въ отдѣльномъ предметѣ, и падаетъ вмѣстѣ съ этимъ опредѣленіемъ.

Послѣ длиннаго ряда упрековъ прекрасному въ дѣйствительности, становившихся все общѣе и сильнѣе, мы доходимъ теперь до послѣдней, самой сильной и самой общей причины, почему реальное прекрасное не можетъ быть считаемо дѣйствительно прекраснымъ.

VIII. „Отдѣльный предметъ не можетъ быть прекрасенъ уже потому, что онъ не абсолютенъ; а прекрасное есть абсолютное“..—Доказательство дѣйствительно неопровержимое въ кругу понятій философскихъ школъ, породившихъ его и принимающихъ мѣриломъ не только теоретической истины, но и дѣятельныхъ стремленій человѣка абсолютное. Но эти системы уже распались, уступивъ мѣсто другимъ, развившимся изъ нихъ по силѣ внутренняго діалектическаго процесса, но понимающимъ жизнь совершенно иначе. Ограничиваясь этимъ указаніемъ на философскую несостоятельность воззрѣнія, изъ котораго произошло подведеніе всѣхъ человѣческихъ стремленій подъ абсолютъ, станемъ для нашей критики на другую точку зрѣнія, болѣе близкую къ чисто эстетическимъ понятіямъ, и скажемъ, что вообще дѣятельность человѣка не стремится къ абсолютному, и ничего не знаетъ о немъ, имѣя въ виду чисто человѣческія цѣли. Въ этомъ совершенно сходны съ другими чувствами и дѣятельностями человѣка чувство и дѣятельность эстетическія. Въ дѣйствительности мы не встрѣчаемъ ничего абсолютнаго; потому не можемъ сказать по опыту, какое впечатлѣніе произвела бы на насъ абсолютная красота; но то мы знаемъ, по крайней мѣрѣ, изъ опыта,

что *similis simili gaudet*, что поэтому намъ, существамъ индивидуальнымъ, не могущимъ перейти за границы нашей индивидуальности, очень нравится индивидуальность, очень нравится индивидуальная красота, не могущая перейти за границы своей индивидуальности. Послѣ этого дальнѣйшія опроверженія излишни. Надобно только прибавить, что мысль объ индивидуальности истинной красоты развита тою же системою эстетическихъ воззрѣній, которая поставляетъ мѣриломъ прекраснаго абсолютъ. Изъ мысли о томъ, что индивидуальность существеннѣйшій признакъ прекраснаго, само собою вытекаетъ положеніе, что мѣрило абсолютнаго чуждо области прекраснаго — выводъ противорѣчащій основному воззрѣнію этой системы на прекрасное. Источникъ подобныхъ противорѣчій, не всегда избѣгаемыхъ системою, о которой мы говоримъ, — смѣшеніе въ ней геніальныхъ выводовъ изъ опыта и столько же геніальныхъ, но страждущихъ внутреннею несостоятельностью попытокъ подчинить всѣ ихъ апіористическому взгляду, который часто противорѣчитъ имъ.

Теперь просмотрѣны всѣ упреки, болѣе или менѣе несправедливо дѣлаемые прекрасному въ дѣйствительности, и можно приступить къ рѣшенію вопроса о существенномъ значеніи искусства. По господствующимъ эстетическимъ понятіямъ, „искусство имѣетъ своимъ источникомъ стремленіе чело-вѣка освободить прекрасное отъ недостатковъ (нами разсмотрѣнныхъ), мѣшающихъ прекрасному на степени своего реальнаго существованія въ дѣйствительности быть вполнѣ удовлетворительнымъ для чело-вѣка. Прекрасное, создаваемое искусствомъ, свободно отъ недостатковъ прекраснаго въ дѣйствительности“. Посмотримъ же, до какой степени на самомъ дѣлѣ прекрасное, создаваемое искусствомъ, выше прекраснаго въ дѣйствительности по свободности своей отъ упрековъ, возводимыхъ на это послѣднее; послѣ того намъ легко будетъ рѣшить, вѣрно ли опредѣляется господствующимъ воззрѣніемъ происхожденіе искусства и его отношеніе къ живой дѣйствительности.

I. „Прекрасное въ природѣ не преднамѣренно“. — Прекрасное въ искусствѣ бываетъ преднамѣренно, это правда; но во всѣхъ ли случаяхъ и во всѣхъ ли подробностяхъ? Не будемъ говорить о томъ, часто ли, и въ какой степени художникъ и поэтъ ясно понимаютъ, что именно выразится въ ихъ произведеніи — безсознательность художническаго дѣйствованія давно уже стала общимъ мѣстомъ, о которомъ всѣ толкуютъ; быть можетъ, нужнѣе нынѣ рѣзко выставить на видъ зависимость красоты произведенія отъ сознательныхъ стремленій художника, нежели распространяться о томъ, что произведенія истинно творческаго таланта имѣютъ всегда очень много непредна-мѣренности, инстинктивности. Какъ бы то ни было, обѣ эти точки зрѣнія извѣстны, и бесполезно здѣсь останавливаться на нихъ. Но, можетъ, не излишне сказать, что и преднамѣренные стремленія художника (особенно поэта) не всегда даютъ право сказать, что забота о прекрасномъ была истиннымъ источникомъ его художественныхъ произведеній; правда, поэтъ всегда старается „сдѣлать какъ можно лучше“; но это еще не значитъ, чтобы вся его воля и соображенія управлялись исключительно или даже преимущественно заботою о художественности и эстетическомъ достоинствѣ

произведенія: какъ у природы есть много стремленій, находящихся между собою въ борьбѣ и губящихъ или искажающихъ своею борьбою красоту; такъ и въ художникѣ, въ поэтѣ есть много стремленій, которыя своимъ вліяніемъ на его стремленіе къ прекрасному искажаютъ красоту его произведенія. Сюда, во-первыхъ, принадлежатъ различныя житейскія стремленія и потребности художника, не позволяющія ему быть только художникомъ и болѣе ничѣмъ; во-вторыхъ, его умственные и нравственные взгляды, также не позволяющіе ему думать при исполненіи исключительно только о красотѣ; въ-третьихъ, наконецъ, идея художественнаго созданія является у художника обыкновенно не вслѣдствіе одного только стремленія создать прекрасное: поэтъ, достойный своего имени, обыкновенно хочетъ въ своемъ произведеніи передать намъ свои мысли, свои взгляды, свои чувства, а не исключительно только созданную имъ красоту. Однимъ словомъ, если красота въ дѣйствительности развивается въ борьбѣ съ другими стремленіями природы, то и въ искусствѣ красота развивается также въ борьбѣ съ другими стремленіями и потребностями человѣка, ее создающаго; если въ дѣйствительности эта борьба портитъ или губитъ красоту, то едва ли меньше шансовъ, что она испортитъ или погубитъ ее въ произведеніи искусства; если въ дѣйствительности прекрасное развивается подъ вліяніями, ему чуждыми, недопускающими его быть только прекраснымъ, то и созданіе художника или поэта развивается подъ множествомъ различныхъ стремленій, результатъ которыхъ долженъ быть таковъ же. Правда, въ прекрасныхъ произведеніяхъ искусства находится болѣе преднамѣренности создать прекрасное, нежели въ прекрасныхъ произведеніяхъ другихъ дѣятельностей человѣка, и безспорно, что въ дѣятельности природы вовсе нѣтъ преднамѣренности; потому слѣдовало бы согласиться, что въ этомъ отношеніи искусство стояло бы выше природы, еслибъ его преднамѣренность была свободна отъ недостатковъ, этъ которыхъ свободна природа. Но выигрывая преднамѣренностью съ одной стороны, искусство проигрываетъ тѣмъ же самымъ съ другой; дѣло въ томъ, что художникъ, задумывая прекрасное, очень часто задумываетъ вовсе не прекрасное: мало—хотѣтъ прекраснаго, надобно умѣть постигать его въ его истинной красотѣ — а какъ часто художники заблуждаются въ своихъ понятіяхъ о красотѣ! какъ часто обманываетъ ихъ даже художническій инстинктъ, не только рефлексивныя понятія, большею частью одностороннія! Всѣ недостатки индивидуальности неразлучны въ искусствѣ съ преднамѣренностью.

II. „Прекрасное рѣдко встрѣчается въ дѣйствительности“;—но развѣ чаще оно встрѣчается въ искусствѣ? Сколько ежедневно бываетъ истинно трагическихъ или драматическихъ событій! А много ли насчитывается истинно прекрасныхъ трагедій или драмъ? Во всѣхъ западныхъ литературахъ три-четыре десятка, въ русской—если не ошибаемся, кромѣ Бориса Годунова и Сценъ изъ рыцарскихъ временъ — ни одной, которая стояла бы выше посредственности. Сколько романовъ совершается въ дѣйствительности! А много ли насчитывается истинно прекрасныхъ романовъ? Можетъ быть, по нѣскольку десятковъ въ англійской и французской литературахъ, и пять-шесть въ русской. Что скорѣе можно встрѣтить: прекрасный пейзажъ въ

природѣ, или живописи?—Почему же такъ? Потому что великихъ поэтовъ и художниковъ очень мало, какъ и вообще мало гениальныхъ людей во всякомъ родѣ. Если рѣдко бываетъ въ дѣйствительности совершенно благопріятный случай для созданія прекраснаго или возвышеннаго, то еще рѣже благопріятный случай рожденія и безпрепятственнаго развитія великаго гения, потому что здѣсь нужно стеченіе гораздо большаго числа благопріятныхъ условій. Этотъ упрекъ противъ дѣйствительности еще съ большею силою падаетъ на искусство.

III. „Прекрасное въ природѣ мимолетно“; — въ искусствѣ оно часто бываетъ вѣчно, это правда; но не всегда, потому что и произведеніе искусства подвержено гибели и порчѣ отъ случая. Греческіе лирики погибли для насъ; погибли картины Апеллеса и статуи Лизиппа. Но не останавливаясь на этомъ, перейдемъ къ другимъ причинамъ невѣчности очень многихъ произведеній искусства, отъ которыхъ свободно прекрасное въ природѣ — это мода и обветшаніе матеріала. Природа не старѣетъ, вмѣсто увядшихъ произведеній своихъ она рождаетъ новыя; искусство лишено этой вѣчной способности воспроизведенія, возобновленія, а между тѣмъ время не безъ слѣда проходитъ и надъ его созданіями. Въ произведеніяхъ поэзии скоро старѣетъ языкъ. Еще гораздо важнѣе то, что съ теченіемъ времени многое въ произведеніяхъ поэзии дѣлается непонятнымъ для насъ (мысли и обороты, заимствованные отъ современныхъ обстоятельствъ, намеки на событія и лица); многое становится безцвѣтно и безвкусно; ученые комментаріи не могутъ сдѣлать всего въ нихъ столь же яснымъ и живымъ для потомковъ, какъ все было ясно для современниковъ; притомъ ученые комментаріи и эстетическое наслажденіе—противоположныя вещи; не говоримъ уже, что черезъ нихъ произведеніе поэзии перестаетъ быть общедоступнымъ. Еще важнѣе то, что развитіе цивилизаціи, измѣненіе понятій иногда совлекаетъ всю красоту съ произведенія поэзии, иногда превращаетъ его даже въ нѣчто непріятное или отвратительное. Примѣровъ не хотимъ указывать, кромѣ эклогъ Виргилія, скромнѣйшаго изъ римскихъ поэтовъ. Отъ поэзии переходимъ къ другимъ искусствамъ. Произведенія музыки погибаютъ вмѣстѣ съ тѣми инструментами, для которыхъ были писаны. Вся древняя музыка погибла для насъ. Красота старыхъ музыкальных произведеній блѣднѣетъ съ усовершенствованіемъ оркестровки. Краски въ живописи очень скоро линяютъ и чернѣютъ; картины XVI—XVII вѣка уже давно потеряли свою первобытную красоту. Какъ ни сильно вліяніе всѣхъ этихъ обстоятельствъ, не въ нихъ однакоже главная причина мимолетности произведеній искусства; она заключается во вліяніи на нихъ вкуса эпохи, почти всегда вліяніи моднаго настроенія, односторонняго и очень часто фальшиваго. Мода сдѣлала половину каждой драмы Шекспира негодною для эстетическаго наслажденія въ наше время; мода, отразившаяся на трагедіяхъ Расина и Корнеля, заставляетъ насъ не столько наслаждаться ими, сколько подсмѣиваться надъ ними. Ни въ живописи, ни въ музыкѣ, ни въ архитектурѣ не найдется почти ни одного произведенія, созданнаго за 100 или 150 лѣтъ, которое не казалось бы нынѣ или вялымъ, или смѣшнымъ, несмотря на всю силу

генія, впечатлѣнную на немъ. И современное искусство черезъ пятьдесятъ лѣтъ будетъ часто вызывать улыбку.

IV. „Прекрасное въ дѣйствительности непостоянно въ своей красотѣ“. — Это правда; но прекрасное въ искусствѣ мертво — неподвижно въ своей красотѣ, это гораздо хуже. На живое лицо можно смотрѣть по нѣскольку часовъ; картина надоѣдаетъ чрезъ четверть часа, и рѣдки примѣры дилеттантовъ, которые устояли бы часъ предъ картиною. Произведенія поэзіи живѣе, нежели произведенія живописи, архитектуры и ваянія; но и они пресыщаютъ насъ довольно скоро: конечно не найдется человѣка, который былъ бы въ состояніи перечитать романъ пять разъ сряду; между тѣмъ жизнь, живыя лица и дѣйствительныя событія увлекательны своимъ разнообразіемъ.

V. „Красота въ природу вносится только тѣмъ, что мы смотримъ на нее съ той, а не съ другой точки зрѣнія“ — мысль, почти никогда не бывающая справедливою; но къ произведеніямъ искусства она почти всегда прилагается. Всѣ произведенія искусства не нашей эпохи и не нашей цивилизаціи непремѣнно требуютъ, чтобы мы перенеслись въ ту эпоху, въ ту цивилизацію, которая создала ихъ; иначе они покажутся намъ непонятными, странными, но не прекрасными. Если мы не перенесемся въ Древнюю Грецію, пѣсни Сафо и Анакреона покажутся намъ выраженіемъ антиэстетическаго наслажденія, чѣмъ-то похожимъ на тѣ произведенія нашего времени, которыхъ стыдится печать; если мы не перенесемся мыслью въ патріархальное общество, пѣсни Гомера будутъ оскорблять насъ цинизмомъ, грубымъ обжорствомъ, отсутствіемъ нравственнаго чувства. Но греческій міръ слишкомъ далекъ отъ насъ; возьмемъ ближайшую эпоху. Сколько у Шекспира. у итальянскихъ живописцевъ такого, что понимается и цѣнится только тогда, когда мы перенесемся въ прошлое съ его понятіями о вещахъ! Представимъ примѣръ еще ближе къ нашему времени: „Фаустъ“ Гёте покажется страннымъ произведеніемъ человѣку, неспособному перенестись въ ту эпоху стремленій и сомнѣній, выраженіемъ которой служить „Фаустъ“.

VI. „Прекрасное въ дѣйствительности включаетъ въ себѣ много не прекрасныхъ частей или подробностей“. — А въ искусствѣ развѣ не то же самое, только въ гораздо большей степени? Укажите произведеніе искусства, въ которомъ нельзя было бы найти недостатковъ. Романы Вальтеръ-Скотта слишкомъ растянуты, романы Диккенса почти постоянно приторно-сентиментальны и очень часто растянуты, романы Теккерея иногда (или, лучше сказать, очень часто) надоѣдаютъ своею постоянною претензіею на иронически-злое простодушіе. Но гениі новѣйшіе рѣдко являются путеводителями въ эстетику; она преимущественно любитъ Гомера, греческихъ трагиковъ и Шекспира. Гомеровы поэмы безсвязны; Эсхиль и Софокль слишкомъ суровы и сухи, у Эсхила кромѣ того недостаетъ драматизма; Эврипидъ плаксивъ; Шекспиръ риториченъ и напыщенъ; художественное построеніе драмы его было бы вполне хорошо, еслибъ ихъ нѣсколько передѣлать, какъ и предлагаетъ Гёте. Перейдемъ къ живописи, и должны будемъ признаться въ томъ же самомъ: противъ одного Рафаэля рѣдко возвышаютъ голосъ; во всѣхъ остальныхъ живописцахъ давно открыто множество слабыхъ сто-

ронъ. Но самого Рафаэля упрекають въ незнаніи анатоміи. О музыкѣ нечего и говорить: Бетховенъ слишкомъ непонятенъ и часто дикъ; у Моцарта слаба оркестровка; у новыхъ композиторовъ слишкомъ много шума и трескотни. Безукоризненная опера, по мнѣнію знатоковъ, одна—Донъ-Жуанъ: незнаючи находятъ его скучнымъ. Если совершенства нѣтъ въ природѣ и въ живомъ человѣкѣ, то еще меньше можно найти его въ искусствѣ и въ дѣлахъ человѣка: „въ слѣдствіи не можетъ быть того, чего нѣтъ въ причинѣ, въ человѣкѣ“. Широкое, безпредѣльное поле открывается тому, кто захочетъ доказывать слабость всѣхъ вообще произведеній искусства. Само собою разумѣется, что подобное предпріятіе могло бы свидѣтельствовать о ѣдкости ума, но не о безпристрастіи: достоинъ сожалѣнія человѣкъ не преклоняющійся предъ великими произведеніями искусства; но прощительно, когда принуждаютъ преувеличенныя похвалы, напоминать, что если на солнцѣ есть пятна, то въ „земныхъ дѣлахъ“ человѣка ихъ не можетъ не быть.

VII. „Живой предметъ не можетъ быть прекрасенъ уже и потому, что въ немъ совершается тяжелый, грубый процессъ жизни“.—Произведеніе искусства—мертвый предметъ; поэтому кажется, что оно должно быть изъято изъ этого упрека. И однакоже такое заключеніе поверхностно. Факты противорѣчатъ ему. Произведеніе искусства—созданіе жизненнаго процесса, созданіе живого человѣка, который произвелъ дѣло не безъ тяжелой борьбы, и на произведеніи отражается тяжелый, грубый слѣдъ борьбы производства. Развѣ много такихъ поэтовъ и художниковъ, которые работаютъ шутя, какъ шутя, безъ поправокъ, писалъ, говорятъ, свои драмы Шекспиръ? А если произведеніе создано не безъ тяжелаго труда, на немъ будутъ „пятна масляной лампы“, при свѣтѣ которой работалъ художникъ. Тяжеловатость можно найти во всѣхъ почти произведеніяхъ искусства, какъ бы легки ни казались они съ перваго взгляда. А если они въ самомъ дѣлѣ созданы безъ большого, тяжелаго труда, то они будутъ страдать грубостью отдѣлки. Итакъ, одно изъ двухъ: или грубость, или тяжелая отдѣлка—вотъ Сцилла и Харибда для произведеній искусства.

Я не хочу сказать, что всѣ недостатки, выставляемые этимъ анализомъ, всегда до грубости рѣзко отпечатываются на произведеніяхъ искусства. Я хочу только показать, что щепетильной критики, которую направляютъ на прекрасное въ дѣйствительности, никакъ не можетъ выдержать прекрасное, создаваемое искусствомъ.

Изъ обзора, нами сдѣланнаго, видно, что еслибъ искусство вытекало отъ недовольства нашего духа недостатками прекраснаго въ живой дѣйствительности и отъ стремленія создать нѣчто лучшее, то вся эстетическая дѣятельность человѣка оказалась бы напрасна, бесплодна, и человѣкъ скоро отказался бы отъ нея, видя, что искусство не удовлетворяетъ его намѣреніямъ. Вообще говоря, произведенія искусства страдаютъ всѣми недостатками, какіе могутъ быть найдены въ прекрасномъ живой дѣйствительности; но если искусство вообще не имѣетъ никакихъ правъ на предпочтеніе природѣ и жизни, то, быть можетъ, нѣкоторыя искусства въ частности обладаютъ какими-нибудь особенными преимуществами, ставящими ихъ произведенія выше соотвѣствующихъ явленій живой дѣйствительности? Быть можетъ даже,

то или другое искусство производить нѣчто не имѣющее себѣ соотвѣтствія въ реальномъ мірѣ? Эти вопросы еще не рѣшаются нашею критикою, и мы должны прослѣдить частные случаи, чтобы видѣть, каково отношеніе прекраснаго въ опредѣленныхъ искусствахъ къ прекрасному въ дѣйствительности, производимой природою независимо отъ стремленія человѣка къ прекрасному. Только этотъ обзоръ дастъ намъ положительный отвѣтъ на то, можетъ ли происхожденіе искусства быть объясняемо неудовлетворительностью живой дѣйствительности въ эстетическомъ отношеніи.

Рядъ искусствъ начинаютъ обыкновенно съ архитектуры, изъ всѣхъ многообразныхъ дѣятельностей человѣка для осуществленія болѣе или менѣе практическихъ цѣлей уступая одной строительной дѣятельности право возвышаться до искусства. Но несправедливо такъ ограничивать поле искусства, если подѣ „произведеніями искусства“ понимаются „предметы, производимые человѣкомъ подѣ преобладающимъ вліяніемъ его стремленія къ прекрасному“: есть такая степень развитія эстетическаго чувства въ народѣ, или, вѣрнѣе сказать, въ кругу высшаго общества, когда подѣ преобладающимъ вліяніемъ этого стремленія замышляются и исполняются почти всѣ предметы человѣческой производительности: вещи, нужныя для удобства домашней жизни (мебель, посуда, убранство дома), платье, сады и т. п. Этрусскія вазы и галантерейныя вещи древнихъ всѣми признаны за „произведенія искусства“; ихъ относятъ къ отдѣлу „скульптуры“, конечно не совсѣмъ справедливо; но неужели къ архитектурѣ должны мы будемъ причислять мебельное искусство? къ какому отдѣлу отнесены будутъ нами цвѣтники и сады, въ которыхъ первоначальное назначеніе — служить мѣстомъ прогулки или отдыха — совершенно подчиняется назначенію быть предметами эстетическаго наслажденія? въ нѣкоторыхъ эстетикахъ садоводство называется отраслью архитектуры, но это явная натяжка. Называя искусствомъ всякую дѣятельность, производящую предметы подѣ преобладающимъ вліяніемъ эстетическаго чувства, должно будетъ значительно расширить кругъ искусствъ; потому что нельзя не признать существеннаго тождества архитектуры, мебельнаго и моднаго искусства, садоводства, лѣпнаго искусства и т. д. Намъ скажутъ: „архитектура создаетъ новое, не существовавшее въ природѣ, она совершенно передѣлываетъ свой матеріалъ; другія отрасли человѣческой производительности оставляютъ свой матеріалъ въ его первобытной формѣ“ — нѣтъ, есть много отраслей человѣческой дѣятельности, не уступающихъ архитектурѣ и въ этомъ отношеніи. Въ примѣръ представимъ цвѣтоводство: полевые цвѣты нисколько не похожи на роскошные махровые цвѣты, обязанные своимъ происхожденіемъ цвѣтоводству. Чѣмъ общаго между дикимъ лѣсомъ и искусственнымъ садомъ или паркомъ? Какъ архитектура обтесываетъ камни, такъ садоводство очищаетъ, выпрямляетъ деревья, придаетъ каждому дереву совершенно не тотъ видъ, какой имѣетъ оно въ дѣйствительномъ лѣсу; какъ архитектура соединяетъ камни въ правильныя группы, такъ садоводство соединяетъ въ паркѣ деревья въ правильныя группы. Однимъ словомъ, цвѣтоводство или садоводство передѣлываютъ, обрабатываютъ „грубый матеріалъ“ не менѣе, нежели архитектура. То же самое надобно сказать и о промышленности, создающей подѣ пре-

обладающимъ вліяніемъ стремленія къ прекрасному, на примѣръ, ткани, которыми природа не представляетъ ничего подобнаго, и въ которыхъ первоначальный матеріалъ еще менѣе остался неизмѣннымъ, нежели камень въ архитектурѣ. „Но архитектура, какъ искусство, гораздо болѣе, нежели другія отрасли практической дѣятельности, подчиняется исключительнымъ требованіямъ эстетическаго чувства, совершенно отказываясь отъ стремленія удовлетворять житейскимъ цѣлямъ“; — но какой житейской цѣли удовлетворяютъ цвѣты, искусственные парки? и развѣ Паренонъ или Альгамбра не имѣли практическаго назначенія? Гораздо въ меньшей степени, нежели архитектура, подчиняются практическимъ соображеніямъ садоводство, мебельное, ювелирное и модное искусства, которымъ однакоже не посвящается особенной главы въ курсахъ эстетики. Мы видимъ причину того, что изъ всѣхъ практическихъ дѣятельностей одна строительная обыкновенно удостоивается имени изящнаго искусства, не въ существѣ ея, а въ томъ, что другія отрасли дѣятельности, возвышающіяся до степени искусства, забываются по „маловажности“ своихъ произведеній, между тѣмъ какъ произведенія архитектуры не могутъ быть упущены изъ виду по своей важности, дороговизнѣ и наконецъ просто по сзоей массивности, бросающейся въ глаза прежде всего и больше всего остальнаго, производимаго человѣкомъ. Всѣ отрасли промышленности, всѣ ремесла, имѣющія цѣлью удовлетворять „вкусу“ или эстетическому чувству, мы признаемъ „искусствами“ въ такой же степени, какъ архитектуру, когда ихъ произведенія замышляются и исполняются подъ преобладающимъ вліяніемъ стремленія къ прекрасному и когда другія цѣли (которыя всегда имѣетъ и архитектура) подчиняются этой главной цѣли. Совершенно другой вопросъ о томъ, до какой степени достойны уваженія произведенія практической дѣятельности, задуманныя и исполненные подъ преобладающимъ стремленіемъ произвести не столько что-нибудь дѣйствительно нужное или полезное, сколько произвести что-нибудь прекрасное. Какъ рѣшить этотъ вопросъ, не входить въ сферу нашего разсужденія; но какъ рѣшенъ будетъ онъ, точно такъ же долженъ быть рѣшенъ вопросъ и о степени уваженія, которой заслуживаютъ созданія архитектуры въ значеніи чистаго искусства, а не практической дѣятельности. Какими глазами смотритъ мыслитель на кашмирскую шаль, стоящую 10,000 франковъ, на столовые часы, стоящіе 10,000 франковъ, такими же глазами долженъ смотрѣть онъ и на изящный кіоскъ, стоящій 10,000 франковъ. Быть можетъ, онъ скажетъ, что всѣ эти вещи — произведенія не столько искусства, сколько роскоши; быть можетъ, онъ скажетъ, что истинное искусство чуждается роскоши, потому что существеннѣйшій характеръ прекраснаго — простота. Каково же отношеніе этихъ произведеній фривольнаго искусства къ безыскусственной дѣйствительности? Вопросъ рѣшается тѣмъ, что во всѣхъ указанныхъ нами случаяхъ дѣло идетъ о произведеніяхъ практической дѣятельности человѣка, которая, уклонившись въ нихъ отъ своего истиннаго назначенія — производить нужное или полезное, тѣмъ не менѣе сохраняетъ свой существенный характеръ — производить нѣчто такое, чего не производитъ природа. Потому не можетъ быть и вопроса, какъ въ этихъ случаяхъ относится красота произведеній искусства къ красотѣ

произведений природы: въ природѣ нѣтъ предметовъ, съ которыми было бы можно сравнивать ножи, вилки, сукно, часы; точно такъ же въ ней нѣтъ предметовъ, съ которыми было бы можно сравнивать дома, мосты, колонны и т. п.

Итакъ, если даже причислять къ области изящныхъ искусствъ всѣ произведенія, создаваемые подъ преобладающимъ вліяніемъ стремленія къ прекрасному, то надобно будетъ сказать, что произведенія архитектуры или сохраняютъ свой практическій характеръ, и въ такомъ случаѣ не имѣютъ права быть разсматриваемы какъ произведенія искусства; или на самомъ дѣлѣ становятся произведеніями искусства, но искусство имѣетъ столько же права гордиться ими, какъ произведеніями ювелирнаго мастерства. По нашему понятію о сущности искусства, стремленіе къ произведенію прекраснаго въ смыслѣ граціознаго, изящнаго, красиваго не есть еще искусство; для искусства, какъ увидимъ, нужно больше; потому произведеній архитектуры ни въ какомъ случаѣ мы не рѣшимся назвать произведеніями искусства. Архитектура—одна изъ практическихъ дѣятельностей человѣка, которая всѣ не чужды стремленія къ красивости формы, и отличается въ этомъ отношеніи отъ мебельнаго мастерства не существеннымъ характеромъ, а только размѣромъ своихъ произведеній.

Общій недостатокъ произведеній скульптуры и живописи, по которому они стоятъ ниже произведеній природы и жизни — ихъ мертвенность, неподвижность; въ этомъ всѣ признаются, и потому было бы излишне распространяться относительно этого пункта. Посмотримъ же лучше на мнимыя преимущества этихъ искусствъ надъ природою.

Скульптура изображаетъ формы человѣческаго тѣла; все остальное въ ней аксессуаръ; потому и будемъ говорить о томъ только, какъ она изображаетъ человѣческую фигуру. Обратилось въ какую-то аксіому, что красота очертаній Венеры Медицейской или Милосской, Аполлона Бельведерскаго и т. д. гораздо выше, нежели красота живыхъ людей. Въ Петербургѣ нѣтъ ни Венеры Медицейской, ни Аполлона Бельведерскаго; но есть произведенія Кановы; потому мы, жители Петербурга, можемъ имѣть смѣлость судить до нѣкоторой степени о красотѣ произведеній скульптуры. Мы должны сказать, что въ Петербургѣ нѣтъ ни одной статуи, которая по красотѣ очертаній лица не была бы гораздо ниже безчисленнаго множества живыхъ людей и что надобно только пройти по какой-нибудь многолюдной улицѣ, чтобы встрѣтить нѣсколько такихъ лицъ. Въ этомъ согласится большая часть тѣхъ, которые привыкли судить самостоятельно. Но этого собственнаго впечатлѣнія не будемъ однако считать доказательствомъ. Есть другое, гораздо болѣе твердое. Математически строго можно доказать, что произведеніе искусства не можетъ сравниться съ живымъ человѣческимъ лицомъ по красотѣ очертаній: извѣстно, что въ искусствѣ исполненіе всегда неизмѣримо ниже того идеала, который существуетъ въ воображеніи художника. А самый этотъ идеалъ никакъ не можетъ быть по красотѣ выше тѣхъ живыхъ людей, которыхъ имѣлъ случай видѣть художникъ. Силы „творческой фантазіи“ очень ограничены: она можетъ только комбинировать впечатлѣнія, полученныя изъ опыта; воображеніе лишь разнообразитъ и

экстенсивно увеличивает предмет по интенсивнѣе того, что мы наблюдали или испытали, мы ничего не можемъ вообразить. Я могу представить себѣ солнце гораздо больше величиной, нежели каково оно въ дѣйствительности; но ярче того, какъ оно являлось мнѣ въ дѣйствительности, я не могу его вообразить. Точно также я могу представить себѣ человѣка выше ростомъ, толще и т. д., нежели тѣ люди, которыхъ я видѣлъ; но лица прекраснѣе тѣхъ лицъ, которыя случалось мнѣ видѣть въ дѣйствительности, я не могу себѣ вообразить. Это выше силъ человѣческой фантазіи. Одно могъ бы сдѣлать художникъ: соединить въ своемъ идеалѣ лобъ одной красавицы, носъ другой, ротъ и подбородокъ третьей; не споримъ, что это иногда и дѣлають художники; но сомнительно: во-первыхъ, нужно ли это; во-вторыхъ, въ состояніи ли воображеніе соединить эти части, когда онѣ дѣйствительно принадлежать разнымъ лицамъ? Нужно это было бы только тогда, когда бы художнику попадались все такія лица, въ которыхъ одна часть была бы хороша, а другія дурны. Но обыкновенно въ лицѣ всѣ части почти одинаково хороши или почти одинаково дурны, такъ что художникъ, будучи доволенъ, напр., лбомъ, долженъ почти въ такой же степени остаться доволенъ и очертаніемъ носа и рта. Обыкновенно, если лицо не изуродовано, то всѣ части его бываютъ въ такой гармоніи между собою, что нарушать ее значило бы портить красоту лица. Этому учить насъ сравнительная анатомія. Правда, очень часто случается слышать: „какъ хорошо было бы это лицо, еслибы носъ былъ нѣсколько приподнять кверху, губы нѣсколько потоньше“ и т. п.—нисколько не сомнѣваясь въ томъ, что иногда при красотѣ всѣхъ остальныхъ частей лица одна часть его бываетъ некрасива, мы думаемъ, что обыкновенно или, лучше сказать, почти всегда, подобное недовольство проистекаетъ или отъ неспособности понимать гармонію, или отъ прихотливости, которая граничитъ съ отсутствіемъ истинной, сильной способности и потребности наслаждаться прекраснымъ. Части человеческого тѣла, какъ и всякаго живого организма, постоянно возрождающагося подъ вліяніемъ своего единства, находятся между собою въ тѣснѣйшей связи, такъ что форма одного члена зависитъ отъ формъ всѣхъ остальныхъ, и въ свою очередь онѣ зависятъ отъ нея. Тѣмъ болѣе надобно это сказать о различныхъ частяхъ одного органа, о различныхъ частяхъ лица. Взаимная зависимость очертаній доказывается, какъ мы говорили, наукою, но и безъ помощи науки очевидна для всякаго, одареннаго чувствомъ гармоніи. Человѣческое тѣло—одно цѣлое; его нельзя разрывать на части и говорить: эта часть прекрасна, эта некрасива. И здѣсь, какъ во многихъ другихъ случаяхъ, подбораніе, мозаичность, эклектизмъ ведетъ къ несообразностямъ: принимайте все, или не принимайте ничего—только тогда вы будете правы, по крайней мѣрѣ съ своей точки зрѣнія. Только въ уродкахъ, въ этихъ эклектическихъ существахъ, умѣтна мѣрка эклектизма. А оригиналами при изваяніи „великихъ произведеній скульптуры“, конечно, служили не они. Если бы художникъ взялъ для своего изваянія лобъ съ одного лица, носъ съ другого, ротъ съ третьяго, онъ доказалъ бы этимъ только одно: собственное безвкусіе или, по крайней мѣрѣ, неумѣнье отыскать дѣйствительно прекрасное лицо для своей модели. На основаніи всѣхъ приве-

денныхъ соображеній мы думаемъ, что красота статуи не можетъ быть выше красоты живого индивидуальнаго человѣка; потому что снимокъ не можетъ быть прекраснѣ оригинала. Правда, не всегда статуя бываетъ вѣрнымъ снимкомъ съ натурщика; иногда „художникъ воплощаетъ въ своей статуѣ свой идеалъ“,—но какимъ образомъ составляется идеалъ художника, не похожій на его модель, мы будемъ имѣть случай говорить впослѣдствіи. Мы не забываемъ и того, что, кромѣ очертаній, въ произведеніи скульптуры есть еще группировка и выраженіе; но оба эти элемента красоты гораздо полнѣе, нежели въ статуѣ, мы встрѣчаемъ въ картинѣ; потому и анализируемъ ихъ, говоря о живописи, къ которой переходимъ. Живопись съ нашей настоящей точки зрѣнія мы должны раздѣлить на изображеніе отдѣльныхъ фигуръ и группъ, живопись, изображающую внѣшній міръ и живопись, изображающую фигуры и группы среди ландшафта или, выражаясь общѣе, среди обстановки.

Что касается до очертаній отдѣльной человѣческой фигуры, надобно сказать, что живопись уступаетъ въ этомъ отношеніи не только природѣ, но и скульптурѣ: она не можетъ очерчивать такъ полно и опредѣленно; зато, располагаясь красками, она изображаетъ человѣка гораздо ближе къ живой природѣ и можетъ придавать его лицу гораздо болѣе выразительности, нежели скульптура. Не знаемъ, до какой степени совершенства дойдетъ современемъ составленіе красокъ; но при настоящемъ положеніи этой стороны техники, живопись не можетъ хорошо передавать цвѣтъ человѣческаго тѣла вообще, и особенно цвѣтъ лица. Краски ея въ сравненіи съ цвѣтомъ тѣла и лица—грубое, жалкое подражаніе; вмѣсто нѣжнаго тѣла она рисуетъ что-то зеленоватое или красноватое; и, говоря безотносительно, не принимая въ соображеніе, что и для этого зеленоватого или красноватого изображенія нужно имѣть необыкновенное „умѣнье“, мы должны будемъ признаться, что живое тѣло не можетъ быть удовлетворительно передано мертвыми красками. Одинъ только изъ оттѣнковъ его передаетъ живопись довольно хорошо—потерявшій жизненность, сухой цвѣтъ стариковскаго или загрубѣлаго лица. Покрѣпы оспенными ямочками или болѣзненныя лица также выходятъ на картинахъ несравненно удовлетворительнѣе, нежели свѣжія, молодыя. Наилучшее передается живописью наименѣе удовлетворительно, наихудшее—наболѣе удовлетворительно. То же самое надобно сказать и о выраженіи лица. Лучше другихъ оттѣнковъ жизни удается живописи изображать судорожныя искаженія лица при разрушительно-сильныхъ аффектахъ, напр., выраженіе гнѣва, ужаса, свирѣпости, буйнаго разгула, физической боли или нравственнаго страданія, переходящаго въ физическое; потому что въ этихъ случаяхъ съ чертами лица происходятъ рѣзкія измѣненія, которыя достаточно могутъ быть изображены довольно грубыми взмахами кисти, и мелочная невѣрность или неудовлетворительность подробностей исчезаетъ среди крупныхъ штриховъ: самый грубый намекъ здѣсь понятенъ для зрителя. Удовлетворительнѣе другихъ оттѣнковъ выраженія передается также сумасшествіе, тупоуміе или отсутствіе мысли; потому что здѣсь почти нечего передавать или надобно передать дисгармонію—дисгармонія не портится, а развивается несовершенствомъ исполненія. Но всѣ

остальные видоизмѣненія фізіогноміи передаются живописью чрезвычайно неудовлетворительно, потому что никогда не можетъ она достигъ нѣжности штриховъ, гармоничности всѣхъ мельчайшихъ видоизмѣненій въ мускулахъ, отъ которыхъ зависитъ выраженіе нѣжной радости, тихой задумчивости, легкой веселости и т. д. Руки человѣческія грубы и въ состояніи удовлетворительно сдѣлать только то, для чего не требуется слишкомъ удовлетворительной отдѣлки; „топорная работа“ — вотъ настоящее имя всѣхъ пластическихъ искусствъ, какъ скоро сравнимъ ихъ съ природою. Впрочемъ, живопись (и скульптура) еще больше, нежели очертаніями или выраженіемъ своихъ фигуръ, гордится предъ природою группировкою. Но *эта* гордость еще менѣе понятна. Правда, искусству иногда удается безукоризненно сгруппировать фигуры, но напрасно будетъ оно превозноситься своею чрезвычайно рѣдкою удачею; потому что въ дѣйствительности *никогда* не бываетъ въ этомъ отношеніи неудачи: въ каждой группѣ живыхъ людей всѣ держатъ себя совершенно сообразно: 1) сущности сцены, происходящей между ними, 2) сущности собственнаго своего характера и 3) условіямъ обстановки. Все это само собою всегда соблюдается въ дѣйствительной жизни и съ чрезвычайнымъ трудомъ достигаетъ этого искусство. „Всегда и само собою“ въ природѣ, „очень рѣдко и съ величайшимъ напряженіемъ силъ“ въ искусствѣ — вотъ фактъ, почти во всѣхъ отношеніяхъ характеризующій природу и искусство.

Переходимъ къ живописи, изображающей природу. Очертанія предметовъ, опять, никакъ не могутъ быть не только нарисованы рукою, но и представлены воображеніемъ лучше, нежели встрѣчаются въ дѣйствительности; причину объясняли мы выше. Лучше дѣйствительной розы воображеніе не можетъ ничего представить; а исполненіе всегда ниже воображаемаго идеала. Цвѣта нѣкоторыхъ предметовъ удаются живописи очень хорошо; но есть много предметовъ, колоритъ которыхъ она не можетъ передать. Вообще лучше удаются темные цвѣта и грубые, жесткіе оттѣнки; свѣтлые хуже; колоритъ предметовъ, освѣщенныхъ солнцемъ, хуже всего; такъ же неудачны выходятъ оттѣнки голубого полуденнаго неба, розовые и золотистые оттѣнки утра и вечера. — „Но именно побѣжденіемъ этихъ трудностей прославились великіе художники“ — т.-е. тѣмъ, что побѣждали ихъ гораздо лучше, нежели другіе живописцы. Мы не говоримъ объ относительномъ достоинствѣ произведеній живописи, а сравниваемъ лучшія изъ нихъ съ природою. Насколько лучшія изъ нихъ лучше другихъ, настолько же уступаютъ природѣ. — „Но живопись лучше можетъ сгруппировать пейзажъ?“ — Сомнѣваемся; по крайней мѣрѣ въ природѣ на каждомъ шагу встрѣчаются картины, къ которымъ нечего прибавить, изъ которыхъ нечего выбросить. Не такъ говорятъ очень многіе люди, посвятившіе свою жизнь изученію искусства и опустившіе изъ виду природу. Но простое естественное чувство каждого человѣка, не вовлеченнаго въ пристрастіе художническою или дилеттантскою односторонностію, будетъ согласно съ нами, когда мы скажемъ, что въ природѣ очень много такихъ мѣстоположеній, такихъ зрѣлищъ, которыми можно только восхищаться, и въ которыхъ нечего осудить. Войдите въ порядочный лѣсъ — не говоримъ о лѣсахъ экваторіальной Америки, го-

воримъ о тѣхъ лѣсахъ, которые уже пострадали отъ руки человѣка, о нашихъ европейскихъ лѣсахъ—чего недостаетъ этому лѣсу? Кому изъ видѣвшихъ порядочный лѣсъ приходило въ голову, что въ этомъ лѣсу надобно что-нибудь измѣнить, что-нибудь дополнить для полноты эстетическаго наслажденія имъ?—Проѣзжайте двѣсти, триста верстъ по дорогѣ—не говоримъ въ Италіи, или въ Швейцаріи и сосѣднихъ съ нею частяхъ Германіи,—нѣтъ, въ средней Россіи, которая, говорятъ, бѣдна видами—сколько вамъ встрѣтится на этомъ небольшомъ переѣздѣ такихъ мѣстностей, которыя восхитятъ васъ, любуйся на которыя вы не подумаете о томъ, что „еслибы тутъ вотъ это прибавить, тутъ вотъ это убавить, пейзажъ былъ бы лучше“. Человѣкъ съ неиспорченнымъ эстетическимъ чувствомъ наслаждается природою вполне, не находитъ недостатковъ въ ея красотѣ. Мнѣніе, будто бы рисованный пейзажъ можетъ быть величественнѣе, граціознѣе или въ какомъ бы то ни было отношеніи лучше дѣйствительной природы, отчасти обязано своимъ происхожденіемъ предразсудку, надъ которымъ самодовольно подсмѣиваются въ наше время даже тѣ, которые въ сущности еще не отдѣлались отъ него,—предразсудку, что природа груба, низка, грязна, что надобно очищать и украшать ее для того, чтобъ она облагородилась. Это—принципъ подстриженныхъ садовъ. Другой источникъ мнѣнія о превосходствѣ рисованныхъ пейзажей надъ дѣйствительными анализируемъ ниже, когда будемъ разсматривать вопросъ, въ чемъ именно состоитъ наслажденіе, доставляемое намъ произведеніями искусства.

Остается взглянуть на отношеніе къ природѣ третьяго рода картинъ—тѣхъ, на которыхъ изображается группа людей среди пейзажа. Мы видѣли, что группы и пейзажи, изображаемые живописью, но идеи никакъ не могутъ быть выше того, что представляетъ намъ дѣйствительность, а по исполненію всегда неизмѣримо ниже дѣйствительности. Но то справедливо, что на картинѣ группа можетъ быть поставлена въ обстановкѣ болѣе эффектной и даже болѣе приличной сущности ея, нежели обыкновенная дѣйствительная обстановка (радостныя сцены часто происходятъ среди довольно тусклой или даже грустной обстановки; потрясающія, величественныя сцены часто, и даже болѣею частію—среди обстановки вовсе не величественной; и наоборотъ, очень часто пейзажъ не наполненъ группами, характеръ которыхъ былъ бы приличенъ его характеру). Искусство очень легко восполняетъ эту неполноту, и мы готовы сказать, что оно имѣетъ въ этомъ случаѣ преимущество предъ дѣйствительностью. Но, признавая это преимущество, мы должны разсмотрѣть, во-первыхъ, до какой степени оно важно, во-вторыхъ, всегда ли оно бываетъ истиннымъ преимуществомъ.—Картина изображаетъ пейзажъ и группу людей среди этого пейзажа. Обыкновенно въ такихъ случаяхъ или пейзажъ есть только рамка для группы, или группа людей только второстепенный аксессуаръ, а главное въ картинѣ—пейзажъ. Въ первомъ случаѣ преимущество искусства надъ дѣйствительностью ограничивается тѣмъ, что оно сыскало для картины золоченую рамку вмѣсто простой; во второмъ искусство прибавило, можетъ быть прекрасный, но второстепенный аксессуаръ—выигрышъ также не слишкомъ великъ. Но дѣйствительно ли внутреннее значеніе картины возвышается, когда

живописцы стараются дать группѣ людей обстановку, соответствующую характеру группы? Это сомнительно въ большей части случаевъ. Не будетъ ли слишкомъ однообразно всегда освѣщать сцены счастливой любви лучами радостнаго солнца и помѣщать среди смѣющейся зелени луговъ, и притомъ еще весною, когда „вся природа дышетъ любовью“, а сцены преступленій освѣщать молніею и помѣщать среди дикихъ скалъ? И кромѣ того, не будетъ ли не совсѣмъ гармонирующая съ характеромъ сцены обстановка, какова обыкновенно бываетъ она въ дѣйствительности, своею дисгармоніею возвышать впечатлѣніе, производимое самою сценою? И не имѣетъ ли почти всегда обстановка вліянія на характеръ сцены, не придаетъ ли она ей новыхъ оттѣнковъ, не придаетъ ли она ей чрезъ то больше „свѣжести и больше жизни“?

Окончательный выводъ изъ этихъ сужденій о скульптурѣ и живописи: мы видимъ, что произведенія того и другого искусства по многимъ и существеннѣйшимъ элементамъ (по красотѣ очертаній, по абсолютному совершенству исполненія, по выразительности и т. д.) неизмѣримо ниже природы и жизни; но, кромѣ одного маловажнаго преимущества живописи, о которомъ сейчасъ говорили, рѣшительно не видимъ, въ чемъ произведенія скульптуры или живописи стояли бы выше природы и дѣйствительной жизни. Теперь намъ остается говорить о музыкѣ и поэзіи—высшихъ, совершеннѣйшихъ искусствахъ, предъ которыми, какъ говоритъ господствующая эстетическая теорія, утрирующая въ этомъ случаѣ мысль, въ умѣренной формѣ справедливую, исчезаютъ и живопись, и скульптура. Но прежде мы должны обратить вниманіе на вопросъ: въ какомъ отношеніи находится инструментальная музыка къ вокальной, и въ какихъ случаяхъ вокальная музыка можетъ назваться искусствомъ?

Искусство есть дѣятельность, посредствомъ которой осуществляетъ человѣкъ свое стремленіе къ прекрасному—такое обыкновенное опредѣленіе искусства; мы не согласны съ нимъ; но пока не высказана наша критика, еще не имѣемъ права отступать отъ него, и подстановивъ въ послѣдствіи вмѣсто употребляемаго нами здѣсь опредѣленія то, которое кажется намъ справедливымъ, мы не измѣнимъ чрезъ это нашихъ выводовъ относительно вопроса: всегда ли пѣніе есть искусство, и въ какихъ случаяхъ становится оно искусствомъ?—Какова первая потребность, подъ вліяніемъ которой человѣкъ начинаетъ пѣть? участвуетъ ли въ ней насколько нибудь стремленіе къ прекрасному? Намъ кажется, что это потребность, совершенно отличная отъ заботы о прекрасномъ. Человѣкъ спокойный можетъ быть замкнуть въ себѣ, можетъ молчать. Человѣкъ, находящійся подъ вліяніемъ чувства радости или печали, дѣлается сообщителемъ; этого мало: онъ не можетъ не выражать во внѣшности своего чувства: „чувство просится наружу“. Какимъ же образомъ выступаетъ оно во внѣшній міръ? Различно, смотря потому, каковъ его характеръ. Внезапныя и потрясающія ощущенія выражаются крикомъ или восклицаніями; чувства непріятныя, переходящія въ физическую боль, выражаются разными гримасами и движеніями; чувство сильнаго педовольства также—беспокойными, разрушительными движеніями; наконецъ, чувства радости и грусти расскажемъ, когда есть кому рассказать,

и пѣніемъ, когда некому рассказывать или когда человѣкъ не хочетъ рассказывать. Эта мысль найдется въ каждомъ разсужденіи о народныхъ пѣсняхъ. Странно только, почему не обращаютъ вниманія на то, что пѣніе, будучи по сущности своей выраженіемъ радости или грусти, вовсе не происходитъ отъ нашего стремленія къ прекрасному. Неужели подъ преобладающимъ вліяніемъ чувства человѣкъ будетъ еще думать о томъ, чтобы достигать прелести, граціи, будетъ заботиться о формѣ? Чувство и форма противоположны между собою. Уже изъ этого одного видимъ, что пѣніе, произведеніе чувства, и искусство, заботящееся о формѣ, два совершенно различные предмета. Пѣніе первоначально и существенно—подобно разговору—произведеніе практической жизни, а не искусства; но какъ всякое „умѣнье“, пѣніе требуетъ привычки, занятія, практики, чтобы достичь высокой степени совершенства; какъ всѣ органы,—органъ пѣнія, голосъ, требуетъ обработки, ученія, для того, чтобы сдѣлаться покорнымъ орудіемъ воли—и естественное пѣніе становится въ этомъ отношеніи „искусствомъ“, но только въ томъ смыслѣ, въ какомъ называется „искусствомъ“ умѣнье писать, считать, пахать землю, всякая практическая дѣятельность; а вовсе не въ томъ, какой придается слову „искусство“ эстетикою.

Но въ противоположность естественному пѣнію существуетъ искусственное пѣніе, старающееся подражать естественному. Чувство придаетъ особенный, высокій интересъ всему, что производится подъ его вліяніемъ; оно даже придаетъ всему особенную прелесть, особенную красоту. Одушевленное грустью или радостью лицо въ тысячу разъ прекраснѣе, нежели холодное. Естественное пѣніе, какъ изліяніе чувства, будучи произведеніемъ природы, а не искусства, заботящагося о красотѣ, имѣетъ однако высокую красоту; потому является въ человѣкѣ желаніе пѣть нарочно, подражать естественному пѣнію. Каково отношеніе этого искусственнаго пѣнія къ естественному?—оно гораздо обдуманнѣе, оно рассчитано, украшено всѣмъ, чѣмъ только можетъ украсить его геній человѣка: какое сравненіе между арією итальянской оперы и простымъ, бѣднымъ, монотоннымъ мотивомъ народной пѣсни! Но вся ученость гармоніи, все изящество развитія, все богатство украшеній геніальной аріи, вся гибкость, все несравненное богатство голоса, ее исполняющаго, не замѣняютъ недостатка искренняго чувства, которымъ проникнутъ бѣдный мотивъ народной пѣсни и неблестящій малообработанный голосъ человѣка, который поетъ не изъ желанія блеснуть и выказать свой голосъ и искусство, а изъ потребности излить свое чувство. Различіе между естественнымъ и искусственнымъ пѣніемъ—различіе между актеромъ, играющимъ роль веселаго или печальнаго и человѣкомъ, который въ самомъ дѣлѣ обрадованъ или опечаленъ чѣмъ-нибудь—различіе между оригиналомъ и копіею, между дѣйствительностью и подражаніемъ. Слѣдующимъ прибавить, что композиторъ можетъ въ самомъ дѣлѣ проникнуться чувствомъ, которое должно выражаться въ его произведеніи; тогда онъ можетъ написать нѣчто гораздо высшее не только по виѣшней красотѣ, но и по внутреннему достоинству, нежели народная пѣсня, но въ такомъ случаѣ его произведеніе будетъ произведеніемъ искусства или „умѣнья“ только съ технической стороны, только въ томъ смыслѣ, въ которомъ и всѣ человѣческія произведенія, созданныя

при помощи глубокаго изученія, соображеній, заботы о томъ, чтобы „вышло какъ возможно лучше“, могутъ назваться произведеніями искусства; въ сущности же произведеніе композитора, написанное подъ преобладающимъ вліяніемъ произвольнаго чувства, будетъ созданіе природы (жизни) вообще, а не искусства. Точно такъ же искусный и впечатлительный пѣвецъ можетъ войти въ свою роль, проникнуться тѣмъ чувствомъ, которое должна выражать его пѣсня, и въ такомъ случаѣ онъ пропоетъ ее на театрѣ, предъ публикою, лучше другого человѣка, поющаго не на театрѣ, отъ избытка чувства, а не напоказъ публикѣ; но въ такомъ случаѣ пѣвецъ перестаетъ быть актеромъ, и его пѣніе становится пѣснью самой природы, а не произведеніемъ искусства. Это увлеченіе чувствомъ мы не думаемъ смѣшивать съ вдохновеніемъ: вдохновеніе есть особенно благопріятное настроеніе творческой фантазіи; оно и увлеченіе чувствомъ имѣютъ общаго только то, что въ людяхъ, одаренныхъ поэтическимъ талантомъ и вмѣстѣ особенною впечатлительностью, вдохновеніе можетъ переходить въ увлеченіе чувствомъ, когда предметъ вдохновенія располагаетъ къ чувству. Между вдохновеніемъ и чувствомъ то же самое различіе, какое между фантазією и дѣйствительностью, между мечтами и впечатлѣніями.

Первоначальное и существенное назначеніе инструментальной музыки — служить аккомпанементомъ для пѣнія. Правда, впоследствии, когда пѣніе становится для высшихъ классовъ общества преимущественно искусствомъ, когда слушатели начинаютъ быть очень требовательны въ отношеніи къ техникѣ пѣнія — за недостаткомъ удовлетворительнаго пѣнія инструментальная музыка старается замѣнить его, и является какъ нѣчто самостоятельное; правда, что она имѣетъ и полное право обнаруживать притязанія на самостоятельное значеніе при усовершенствованіи музыкальных инструментовъ, при чрезвычайномъ развитіи технической стороны игры и при господствѣ предпочтительнаго пристрастія къ исполненію, а не къ содержанію. Но тѣмъ не менѣе истинное отношеніе инструментальной музыки къ пѣнію сохраняется въ оперѣ, полнѣйшей формѣ музыки какъ искусства, и въ нѣкоторыхъ другихъ отрасляхъ концертной музыки. И нельзя не замѣтить, что несмотря на всю искусственность нашего вкуса, на изысканное пристрастіе ко всѣмъ трудностямъ и хитростямъ блестящей техники, всѣ продолжаютъ отдавать пѣнію предпочтеніе предъ инструментальною музыкою: едва начинается пѣніе, мы перестаемъ обращать вниманіе на оркестръ. Выше всѣхъ инструментовъ ставится скрипка потому, что она „ближе всѣхъ инструментовъ подходитъ къ человѣческому голосу“; высочайшая похвала артисту: „въ звукахъ его инструмента слышится человѣческій голосъ“. Итакъ: инструментальная музыка — подражаніе пѣнію, его аккомпанементъ или суррогатъ; пѣніе какъ произведеніе искусства только подражаніе и суррогатъ пѣнію, какъ произведенію природы. Послѣ этого мы имѣемъ право сказать, что въ музыкѣ искусство есть только слабое воспроизведеніе явленій жизни, независимыхъ отъ стремленія нашего къ искусству.

Переходимъ къ высочайшему и полнѣйшему изъ искусствъ, поэзіи, вопросы о которой заключаютъ въ себѣ всю теорію искусства. Недозвѣрно выше другихъ искусствъ стоитъ поэзія по своему содержанію; всѣ другія

искусства не въ состояніи сказать намъ и сотой доли того, что говоритъ поэзія. Но совершенно измѣняется это отношеніе, когда мы обращаемъ вниманіе на силу и живость субъективнаго впечатлѣнія, производимаго поэзією съ одной стороны и остальными искусствами съ другой. Всѣ другія искусства, подобно живой дѣйствительности, дѣйствуютъ прямо на чувства; поэзія дѣйствуетъ на фантазію; фантазія у однихъ людей гораздо впечатлительнѣе и живѣе, нежели у другихъ, но вообще должно сказать, что у здороваго человѣка ея образы блѣдны, слабы въ сравненіи съ воззрѣніями чувствъ; потому надобно сказать, что по силѣ и ясности субъективнаго впечатлѣнія поэзія далеко ниже не только дѣйствительности, но и всѣхъ другихъ искусствъ. Посмотримъ же какова степень объективнаго совершенства содержанія и формы въ произведеніяхъ поэзіи, и можетъ ли она хотя въ этомъ отношеніи соперничать съ природою.

Много говорятъ о „законченности“, „индивидуальности“, „живой опредѣленности“ лицъ и характеровъ, изображаемыхъ великими поэтами. Но вмѣстѣ съ этимъ говорятъ намъ, что „это однакоже не отдѣльные лица, а общіе типы“—послѣ такой фразы было бы излишне доказывать, что самое опредѣленное, наилучшимъ образомъ обрисованное лицо остается въ поэтическомъ произведеніи только общимъ, неопредѣленно-очерченнымъ абрисомъ, которому живая опредѣленная индивидуальность придается только воображеніемъ (собственно говоря, воспоминаніями) читателя. Образъ въ поэтическомъ произведеніи точно такъ же относится къ дѣйствительному живому образу, какъ слово къ дѣйствительному предмету, имъ обозначаемому—это блѣдный и общій, неопредѣленный намѣкъ на дѣйствительность. Многіе въ этой „общности“, поэтическаго образа видятъ превосходство его надъ лицами, представляющимися намъ въ дѣйствительной жизни. Такое мнѣніе основывается на предполагаемой противоположности между общимъ значеніемъ существа и его живою индивидуальностью, на предположеніи, будто бы „общее, индивидуализируясь, теряетъ свою общность“ въ дѣйствительности и „возводится опять къ ней только силою искусства, совлекающаго съ индивидуума его индивидуальность“. Не вдаваясь въ метафизическія сужденія о томъ, каковы на самомъ дѣлѣ отношенія между общимъ и частнымъ (причемъ необходимо было бы прійти къ заключенію, что для человѣка общее только блѣдный и мертвый экстрактъ изъ индивидуальнаго, что поэтому между ними такое же отношеніе, какъ между словомъ и реальностью), скажемъ только, что на самомъ дѣлѣ индивидуальныя подробности вовсе не мѣшаютъ общему значенію предмета, а, напротивъ, оживляютъ и дополняютъ его общее значеніе; что, во всякомъ случаѣ, поэзія признаетъ высокое превосходство индивидуальнаго стремленіемъ къ живой индивидуальности своихъ образовъ; что съ тѣмъ вмѣстѣ никакъ не можетъ она достигъ индивидуальности, а успѣваетъ только нѣсколько приблизиться къ ней, и что степенью этого приближенія опредѣляется достоинство поэтическаго образа. Итакъ: стремится, но не можетъ никогда достигъ того, что всегда встрѣчается въ типическихъ лицахъ дѣйствительной жизни—ясно, что образы поэзіи слабы, неполны, неопредѣленны въ сравненіи съ соотвѣтствующими имъ образами дѣйствительности. „Но встрѣчаются ли въ дѣйствительности

истинно-типическія лица“? Достаточно предложить подобный вопросъ, и не дожидаться на него отвѣта, какъ на вопросы о томъ, дѣйствительно ли въ жизни встрѣчаются добрые и дурные люди, моты, скупцы и т. д., дѣйствительно ли ледъ холоденъ, хлѣбъ очень питателенъ и т. п. Есть люди, которымъ все надобно указывать и доказывать. Но ихъ нельзя убѣдить общими доказательствами въ общемъ сочиненіи; на нихъ можно дѣйствовать только порознь, для нихъ убѣдительно только спеціальныя примѣры, заимствованные изъ кружка знакомыхъ имъ людей, въ которомъ, какъ бы ни былъ онъ тѣсенъ, всегда найдется нѣсколько истинно-типическихъ личностей; указаніе на типическія личности въ исторіи едвали поможетъ: есть люди, готовые сказать: „историческія личности опоэтизированы преданіемъ, удивленіемъ современниковъ, гениемъ историковъ или своимъ исключительнымъ положеніемъ“.

Отчего произошло мнѣніе, будто бы типическіе характеры въ поэзіи выставляются гораздо чище и лучше, нежели представляются они въ дѣйствительной жизни, рассмотримъ послѣ; теперь обратимъ вниманіе на процессъ, посредствомъ котораго „создаются“ характеры въ поэзіи—онъ обыкновенно представляется ручательствомъ за большую въ сравненіи съ живыми лицами типичность этихъ образовъ. Обыкновенно говорятъ: „Поэтъ наблюдаетъ множество живыхъ индивидуальныхъ личностей; ни одна изъ нихъ не можетъ служить полнымъ типомъ; но онъ замѣчаетъ, что въ каждой изъ нихъ есть общаго, типическаго; отбрасывая въ сторону все частное, соединяетъ въ одно художественное цѣлое разбросанныя въ различныхъ людяхъ черты, и такимъ образомъ создаетъ характеръ, который можетъ быть названъ квинтъ-эссенціею дѣйствительныхъ характеровъ“. Положимъ, что все это совершенно справедливо, и что всегда бываетъ именно такъ; но квинтъ-эссенція вещи обыкновенно непохожа бываетъ на самую вещь: теиш не чай, алкоголь не вино; по правилу, приведенному выше, въ самомъ дѣлѣ поступаютъ „сочинители“, дающіе намъ вмѣсто людей квинтъ-эссенцію героизма и злобы въ видѣ чудовищъ порока и каменныхъ героевъ. Всѣ, или почти всѣ, молодые люди влюбляются—вотъ общая черта, въ остальныхъ они не сходны—и во всѣхъ произведеніяхъ поэзіи мы услаждаемся дѣвицами и юношами, которые и мечтаютъ и толкуютъ всегда только о любви, и во все продолженіе романа только и дѣлаютъ, что страдаютъ или блаженствуютъ отъ любви; всѣ пожилые люди любятъ порезонерствовать, въ остальномъ они не похожи другъ на друга; всѣ бабушки любятъ внучатъ и т. д.,—и вотъ повѣсти и романы населяются стариками, которые только и дѣла дѣлаютъ, что резонерствуютъ, бабушками, которыя только и дѣла дѣлаютъ, что ласкаютъ внучатъ и т. п. Но большею частью рецептъ не совсѣмъ соблюдается: у поэта, когда онъ „создаетъ“ свой характеръ, обыкновенно носится предъ воображеніемъ образъ какого-нибудь дѣйствительнаго лица; иногда сознательно, иногда безсознательно, „воспроизводитъ“ онъ его въ своемъ типическомъ лицѣ. Въ доказательство напомнимъ о безчисленномъ количествѣ произведеній, въ которыхъ главное дѣйствующее лицо—болѣе или менѣе вѣрный портретъ самого автора (напр. Фаустъ, Донъ-Карлосъ и маркизъ Поза, герои Байрона, герои и героини

Жоржъ-Занда, Ленскій, Онѣгинъ, Печоринъ); напомнимъ еще объ очень частыхъ обвиненіяхъ противъ романистовъ, что они „въ своихъ романахъ выставляютъ портреты своихъ знакомыхъ“; эти обвиненія обыкновенно отвергаются съ насмѣшкою и негодованіемъ; но они большею частью бываютъ только утрированы и несправедливо выражаемы, а не по сущности своей несправедливы. Съ одной стороны, приличія, съ другой обыкновенное стремленіе человѣка къ самостоятельности, къ „творчеству, а не списыванію копій“ заставляютъ поэта видоизмѣнять характеры, списываемые имъ съ людей, которые встрѣчались ему въ жизни, представлять ихъ до нѣкоторой степени неточными; кромѣ того, списанному съ дѣйствительнаго человѣка лицу обыкновенно приходится въ романѣ дѣйствовать совершенно не въ той обстановкѣ, какой оно было окружено на самомъ дѣлѣ, и отъ этого внѣшнее сходство теряется. Но всѣ эти перемѣны не мѣшаютъ характеру въ сущности оставаться списаннымъ, а не созданнымъ, портретомъ, а не оригиналомъ. Можно возразить: правда, что первообразомъ для поэтического лица очень часто служитъ дѣйствительное лицо; но поэтъ „возводитъ его къ общему значенію“. Возводитъ обыкновенно не зачѣмъ, потому что и оригиналъ уже имѣетъ общее значеніе въ своей индивидуальности; надобно только — и въ этомъ состоитъ одно изъ качествъ поэтического генія — умѣть понимать сущность характера въ дѣйствительномъ человѣкѣ, смотрѣть на него проникающими глазами; кромѣ того надобно понимать или чувствовать, какъ сталъ бы дѣйствовать и говорить этотъ человѣкъ въ тѣхъ обстоятельствахъ, среди которыхъ онъ будетъ поставленъ поэтомъ — другая сторона поэтического генія; въ-третьихъ, надобно умѣть изобразить его, умѣть передать его такимъ, какимъ понимаетъ его поэтъ — едва ли не самая характеристическая черта поэтического генія. Понять, умѣть сообразить или почувствовать инстинктомъ и передать понятое — вотъ задача поэта при изображеніи большей части изображаемыхъ имъ лицъ. Вопросъ о томъ, что называется „возведеніемъ къ идеальному значенію“, „опоэтизированиемъ прозы и нескладыцы жизни“, представится намъ ниже. Мы нисколько не сомнѣваемся однако, что бываетъ въ поэтическихъ произведеніяхъ очень много лицъ, которыя не могутъ быть названы портретами, которыя „созданы“ поэтомъ. Но это происходитъ вовсе не отъ того, чтобы не нашлось въ дѣйствительности достойныхъ натурщиковъ, а совершенно отъ другой причины, чаще всего просто отъ забывчивости или недостаточнаго знакомства: если въ памяти поэта исчезли живыя подробности, осталось только общее отвлеченное понятіе о характерѣ, или поэтъ знаетъ о типическомъ лицѣ гораздо меньше, нежели нужно для того, чтобы оно было въ его изображеніи живымъ лицомъ, то поневолѣ приходится ему самому дополнять общій очеркъ, оттѣнять абрисъ. Но почти никогда эти придуманныя лица не обрисовываются предъ нами какъ живые характеры. Вообще, чѣмъ больше намъ извѣстно о жизни поэта, о лицахъ съ которыми онъ былъ близокъ, тѣмъ больше мы видимъ у него портретовъ съ живыхъ людей. Трудно не согласиться, что „созданнаго“ въ лицахъ, изображаемыхъ поэтами, бываетъ и всегда бывало гораздо меньше, а списаннаго съ дѣйствительности гораздо больше, нежели обыкновенно предпо-

лагають; трудно не прийти къ убѣжденію, что поэтъ въ отношеніи къ своимъ лицамъ почти всегда только историкъ или авторъ мемуаровъ. Само собою разумѣется, что всѣмъ этимъ не хотимъ мы сказать, будто бы каждое слово, произносимое Мефистофелемъ, было буквально слышано Гёте отъ Мерка. Неголько геніальный поэтъ, но и самый ненаходчивый рассказчикъ въ состояніи къ одной фразѣ придѣлать другую въ томъ же родѣ, прибавить вступленія и переходы.

Гораздо больше бываетъ „самостоятельно изобрѣтеннаго“ или „придуманнаго“ — рѣшаемся замѣнить этими терминами обыкновенный, слишкомъ гордый терминъ: „созданнаго“ — въ событіяхъ, изображаемыхъ поэтомъ, въ интригѣ, завязкѣ и развязкѣ ея и т. д., хотя очень легко доказать, что сюжетами романовъ, повѣстей и т. д. обыкновенно служатъ поэту дѣйствительно совершившіяся событія или анекдоты, разнаго рода рассказы и пр. (укажемъ въ примѣръ на всѣ прозаическія повѣсти Пушкина: Капитанская дочка — анекдотъ, Дубровский — анекдотъ; Пиковая дама — анекдотъ; Выстрѣлъ — анекдотъ, и т. д.). Но общій очеркъ сюжета самъ по себѣ еще не придастъ высокаго поэтическаго достоинства роману или повѣсти — надобно умѣть воспользоваться сюжетомъ; потому, оставляя безъ разсмотрѣнія „самостоятельность“ сюжета, обратимъ вниманіе на то, выше или ниже дѣйствительныхъ событій „поэтичность“ поэтическихъ произведеній со стороны сюжета, какъ онъ представляется въ нихъ вполне развитымъ. Пособіями для полученія окончательнаго вывода, выставимъ нѣсколько вопросовъ, изъ которыхъ большая часть разрѣшаются сами собою: 1) Бываютъ ли въ дѣйствительности поэтическія событія, совершаются ли въ дѣйствительности драмы, романы, комедіи, трагедіи, водевили? — ежеминутно. 2) Истинно ли поэтичны эти событія въ своемъ развитіи и развязкѣ? — имѣютъ ли они въ дѣйствительности художественную полноту и законченность? — Какъ случится; часто не имѣютъ, но часто имѣютъ. Есть очень много такихъ событій, въ которыхъ строго-поэтическое воззрѣніе не находитъ никакихъ недостатковъ въ художественномъ отношеніи. Этотъ пунктъ рѣшается чтеніемъ первой хорошо написанной исторической книги, первымъ вечеромъ, проведеннымъ въ бесѣдѣ съ человѣкомъ, много на своемъ вѣку издавшимъ; разрѣшается, наконецъ, первыми взятыми въ руки нумерами какой-нибудь французской или англійской судебной газеты. 3) Есть ли между этими законченными поэтическими событіями такія, которыя могли бы безъ всякаго измѣненія быть переданы подъ заглавіемъ „драма“, „трагедія“, „романъ“ и т. п.? — очень много; правда, что многія изъ дѣйствительныхъ событій неправдоподобны, основаны на слишкомъ рѣдкихъ, исключительныхъ положеніяхъ или сѣпленіяхъ обстоятельствъ, и потому въ настоящемъ своемъ видѣ имѣютъ видъ сказки или наткнутой выдумки (изъ этого можно видѣть, что дѣйствительная жизнь часто бываетъ слишкомъ драматична для драмы, слишкомъ поэтична для поэзіи); но очень много есть событій, въ которыхъ, при всей ихъ замѣчательности, нѣтъ ничего эксцентрическаго, невѣроятнаго, все сѣпленіе происшествій, весь ходъ и развязка того, что въ поэзіи называется интригою, просты. 4) Имѣютъ ли дѣйствительныя событія „общую“ сторону, которая необходима въ поэтическомъ произведеніи? — конечно ее имѣетъ вся-

кое событіе, достойное вниманія мыслящаго человѣка; а такихъ событій очень много.

Послѣ всего этого трудно не сказать, что въ дѣйствительности есть много событій, которыя надобно только знать, понять и умѣть разсказать, чтобъ они въ чистомъ прозаическомъ разсказѣ историка, писателя мемуаровъ или собирателя анекдотовъ отличались отъ настоящихъ „поэтическихъ произведеній“ только меньшимъ объемомъ, меньшимъ развитіемъ сценъ, описаній и тому подобныхъ подробностей. И въ этомъ мы находимъ существенное различіе поэтическихъ произведеній отъ точнаго, прозаическаго пересказыванія дѣйствительныхъ происшествій. Бѣлая полнота подробностей, или то, что въ плохихъ произведеніяхъ пріобрѣтаетъ имя „реторическаго распространенія“—вотъ къ чему въ сущности приводится все превосходство поэзіи надъ точнымъ разсказомъ. Мы не меньше другихъ готовы смѣяться надъ риторикою; но, признавая законными всѣ потребности человѣческаго сердца, какъ скоро замѣчаемъ ихъ всеобщность, мы признаемъ важность этихъ поэтическихъ распространеній, потому что всегда и вездѣ видимъ стремленіе къ нимъ въ поэзіи: въ жизни всегда есть эти подробности, не нужныя для сущности дѣла, но необходимыя для его дѣйствительнаго развитія; должны онѣ быть и въ поэзіи. Разница только та, что въ дѣйствительности подробности никогда не могутъ быть пустымъ растягиваніемъ дѣла, а въ поэтическихъ произведеніяхъ онѣ на самомъ дѣлѣ очень часто отзываются риторикою, механическимъ растягиваніемъ разсказа. За что же и превозносятъ Шекспира, если не за то, что въ рѣшительныхъ, лучшихъ сценахъ онъ отбрасываетъ въ сторону эти распространенія? Но сколько найдется ихъ даже у него, у Гёте и у Шиллера! Намъ кажется (можетъ быть это—пристрастіе къ своему, родному), что русская поэзія носитъ въ себѣ зародыши отвращенія къ растягиванію сюжета механически подбираемыми подробностями. Въ повѣстяхъ и разсказахъ Пушкина, Лермонтова, Гоголя общее свойство—краткость и быстрота разсказа.—Итакъ вообще, по сюжету, по типичности и полнотѣ обрисовки лицъ, поэтическія произведенія далеко уступаютъ дѣйствительности; но есть двѣ стороны, которыми они могутъ стоять выше дѣйствительности—украшеніе событія прибавкою эффектныхъ аксессуаровъ и соглашеніе характеровъ лицъ съ тѣми событіями въ которыхъ они участвуютъ.

Мы говорили, что живопись чаще, нежели дѣйствительность, окружаетъ группу обстановкою, соотвѣтствующею существенному характеру сцены; точно такъ же и поэзія чаще, нежели дѣйствительность, двигателями и участниками событій выставляетъ людей, которыхъ существенный характеръ совершенно соотвѣтствуетъ духу событій. Въ дѣйствительности очень часто мелкіе по характеру люди являются двигателями трагическихъ, драматическихъ и т. д. событій; ничтожный повѣса, въ сущности даже вовсе не дурной человѣкъ, можетъ надѣлать много ужасныхъ дѣлъ; человѣкъ, котораго нисколько нельзя назвать дурнымъ, можетъ погубить счастье многихъ людей, и надѣлать несчастій гораздо больше, нежели Яго и Мефистофель. Въ произведеніяхъ поэзіи, напротивъ того, очень дурныя дѣла обыкновенно дѣлаютъ люди, очень дурные; хорошія дѣла дѣлаютъ люди, особенно хоро-

ше. Въ жизни часто не знаешь, кого винить, кого хвалить; въ поэтическихъ произведеніяхъ обыкновенно положительнымъ образомъ раздается честь и безчестье. Но преимущество это, или недостатокъ?—Бываетъ иногда то, иногда другое; чаще бываетъ это недостаткомъ. Не говоримъ пока о томъ, что слѣдствіемъ подобнаго обыкновенія бываетъ идеализація въ хорошую и въ дурную сторону, или, просто говоря, преувеличеніе; потому что мы не говорили еще о значеніи искусства, и рано еще рѣшать, недостатокъ или достоинство эта идеализація; скажемъ только, что вслѣдствіе постоянного приспособленія характера людей къ значенію событій, является въ поэзіи монотонность, однообразны дѣлаются лица, и даже самыя событія; потому, что отъ разности въ характерахъ дѣйствующихъ лицъ и самыя происшествія, существенно сходныя, приобрѣтали бы различный оттѣнокъ, какъ это бываетъ въ жизни, вѣчно разнообразной, вѣчно новой, между тѣмъ какъ въ поэтическихъ произведеніяхъ очень часто приходится читать повторенія.—Въ наше время принято смѣяться надъ украшеніями, не истекающими изъ сущности предмета и не нужными для достиженія главной цѣли; но до сихъ поръ еще удачное выраженіе, блестящая метафора, тысячи прикрасъ, придумываемыхъ для того, чтобы сообщить внѣшній блескъ сочиненію, имѣютъ чрезвычайно большое вліяніе на сужденіе о произведеніяхъ поэзіи. Что касается украшеній, внѣшняго великолѣпія, замысловатости и т. д., мы всегда признаемъ возможность превзойти въ вымышленномъ разсказѣ дѣйствительность. Но стоитъ только указать это мнимое достоинство повѣсти или драмы, чтобы уронить ее въ глазахъ людей со вкусомъ, и низвести изъ области „искусства“ въ область „искусственности“.

Нашъ разборъ показалъ, что произведеніе искусства можетъ имѣть преимущество предъ дѣйствительностью развѣ только въ двухъ-трехъ ничтожныхъ отношеніяхъ, и по необходимости остается далеко ниже ея въ существенныхъ своихъ качествахъ. Разборъ этотъ можно упрекнуть въ томъ, что онъ ограничивался самыми общими точками зрѣнія, не входилъ въ подробности, не ссылался на примѣры. Дѣйствительно, его краткость кажется недостаткомъ, когда вспомнимъ о томъ, до какой степени укоренилось мнѣніе, будто бы красота произведеній искусства выше красоты дѣйствительныхъ предметовъ, событій и людей; но когда посмотришь на шаткость этого мнѣнія, когда вспомнишь, какъ люди, его выставяющіе, противорѣчатъ сами себѣ на каждомъ шагу, то покажется, что было бы довольно, изложивъ мнѣніе о превосходствѣ искусства надъ дѣйствительностью, ограничиться прибавленіемъ словъ: это несправедливо, всякій чувствуетъ, что красота дѣйствительной жизни выше красоты созданій „творческой“ фантазіи. Если такъ, то на чемъ же основывается или, лучше сказать, изъ какихъ субъективныхъ причинъ проистекаетъ преувеличенно высокое мнѣніе о достоинствѣ произведеній искусства?

Первый источникъ этого мнѣнія—естественная наклонность человѣка чрезвычайно высоко цѣнить трудность дѣла и рѣдкость вещи. Никто не цѣнитъ чистоты выговора француза, говорящаго по-французски, нѣмца, говорящаго по-нѣмецки—„это ему не стоило никакихъ трудовъ, и это вовсе не рѣдкость“; но если французъ говорить сносно по-нѣмецки, или нѣмецъ

по-французски—это составляет предмет нашего удивленія и даетъ такому человѣку право на нѣкоторое уваженіе съ нашей стороны, почему? потому, во-первыхъ, что это рѣдко; потому, во-вторыхъ, что это достигнуто цѣлыми годами усилій. Собственно говоря, почти каждый французъ, имѣющій порядочное литературное или свѣтское образованіе, превосходно говоритъ по-французски—но какъ мы взыскательны въ этомъ случаѣ!—малѣйшій, почти незамѣтный оттѣнокъ провинціализма въ его выговорѣ, одна не совсемъ изящная фраза—и мы объявляемъ, что „этотъ господинъ говоритъ очень дурно на своемъ родномъ языкѣ“. Русскій, говоря по-французски, въ каждомъ звукѣ изобличаетъ, что для органовъ его неуволима полная чистота французскаго выговора, безпрестанно изобличаетъ свое иностранное происхожденіе въ выборѣ словъ, въ построеніи фразы, во всемъ складѣ рѣчи—и мы прощаемъ ему всѣ эти недостатки, мы даже не замѣчаемъ ихъ, а объявляемъ, что онъ превосходно, несравненно говоритъ по-французски, наконецъ мы объявляемъ, что „этотъ русскій говоритъ по-французски лучше самихъ французовъ“ хотя въ сущности мы не думаемъ сравнивать его съ настоящими французами, сравнивая его только съ другими русскими, также усиливающимися говорить по-французски; онъ дѣйствительно говоритъ несравненно лучше ихъ, но несравненно хуже французовъ—это подразумѣвается каждымъ, имѣющимъ понятіе о дѣлѣ; но многихъ гиперболическая форма можетъ вводить въ заблужденіе. Точно то же и съ приговоромъ эстетики о созданіяхъ природы и искусства: малѣйшій, истинный или мнимый, недостатокъ въ произведеніи природы—и эстетика толкуетъ объ этомъ недостаткѣ, шокируется имъ, готова забывать о всѣхъ достоинствахъ, о всѣхъ красотахъ: стѣбитъ ли цѣнить ихъ, въ самомъ дѣлѣ, когда онѣ явились безъ всякаго усилія! Тотъ же самый недостатокъ въ произведеніи искусства во сто разъ больше, грубѣе и окруженъ еще сотнями другихъ недостатковъ—и мы не видимъ всего этого, а если видимъ, то прощаемъ и восклицаемъ: „и на солнцѣ есть пятна“. Собственно говоря, произведеніе искусства могутъ быть сравниваемы только другъ съ другомъ при опредѣленіи относительнаго ихъ достоинства; нѣкоторыя изъ нихъ оказываются выше всѣхъ остальныхъ; и въ восторгѣ отъ ихъ красоты (только относительной) мы восклицаемъ: „они прекраснѣе самой природы и жизни! красота дѣйствительности—ничто предъ красотой искусства!“ Но восторгъ пристрастенъ; онъ даетъ больше, нежели можетъ дать справедливость: мы цѣнимъ трудность—это прекрасно; но не должно забывать и существеннаго, внутренняго достоинства, которое независимо отъ степени трудности; мы дѣлаемся рѣшительно несправедливыми, когда трудность исполненія предпочитаемъ достоинству его. Природа и жизнь производятъ прекрасное не заботясь о красотѣ, она является въ дѣйствительности безъ усилія и слѣдовательно безъ заслуги въ нашихъ глазахъ, безъ права на сочувствіе, безъ права на снисхожденіе; да и къ чему снисхожденіе, когда прекраснаго въ дѣйствительности такъ много! „Все не въ совершенствѣ прекрасное въ дѣйствительности—дурно; все сколько-нибудь сносное въ искусствѣ—превосходно“—вотъ правило, на основаніи котораго мы судимъ. Чтобы доказать, какъ высоко цѣнятся трудность исполненія и какъ много теряетъ въ

глазахъ человѣка то, что дѣлается само собою, безъ всякихъ усилій съ нашей стороны, укажемъ на дагерротипные портреты; въ числѣ ихъ найдется очень много не только вѣрныхъ, но и передающихъ въ совершенствѣ выраженіе лица—цѣнимъ ли мы ихъ? Странно даже услышать апологію дагерротипныхъ портретовъ. Другой примѣръ: какъ высоко уважалась каллиграфія! между тѣмъ, довольно посредственно напечатанная книга несравненно прекраснѣ всякой рукописи; но кто же восхищается искусствомъ типографскаго фактора и кто не будетъ въ тысячу разъ больше любоваться на прекрасную рукопись, нежели на порядочно-напечатанную книгу, которая въ тысячу разъ прекраснѣ рукописи? Что легко, то мало интересуетъ насъ, хотя бы по внутреннему достоинству было несравненно выше труднаго. Само собою разумѣется, что даже и съ этой точки зрѣнія мы правы только субъективно: „дѣйствительность производить прекрасное безъ усилій“—значитъ только, что усилія въ этомъ случаѣ дѣлаются не волею человѣка; на самомъ же дѣлѣ все въ дѣйствительности—и прекрасное и непрекрасное, и великое и мелкое—результатъ высочайшаго возможнаго напряженія силъ, не знающихъ ни отдыха, ни усталости. Но что намъ за дѣло до усилій и борьбы, которыя совершаются не нашими силами и въ которыхъ не участвуетъ наше сознаніе? мы не хотимъ и знать о нихъ; мы цѣнимъ только человѣческую силу, цѣнимъ только человѣка. И вотъ другой источникъ нашей пристрастной любви къ произведеніямъ искусства: они—произведенія человѣка; потому мы все гордимся ими, считая ихъ чѣмъ-то не чуждымъ лично намъ; они свидѣлствуютъ объ умѣ человѣка, о его силѣ, и потому дороги для насъ. Все народы, кромѣ французовъ, очень хорошо видятъ, что между Корнелемъ или Расиномъ и Шекспиромъ неизмѣримое разстояніе; но французы до сихъ поръ еще сравниваютъ ихъ;—трудно дойти до сознанія: „наше не совсѣмъ хорошо“; между нами найдется очень много людей, готовыхъ утверждать, что Пушкинъ—всемирный поэтъ; есть даже люди, думающіе, что онъ выше Байрона: такъ высоко человѣкъ ставитъ свое. Какъ отдѣльный народъ преувеличиваетъ достоинство своихъ поэтовъ, такъ человѣкъ вообще преувеличиваетъ достоинство поэзіи вообще.

Причины пристрастія къ искусству, нами приведенныя, заслуживаютъ уваженія, потому что онѣ естественны: какъ человѣку не уважать человѣческаго труда, какъ человѣку не любить человѣка, не дорожить произведеніями, свидѣлствующими объ умѣ и силѣ человѣка? Но едва ли заслуживаетъ такого уваженія третья причина предпочтительной любви нашей къ искусству. Искусство льститъ нашему искусственному вкусу. Мы очень хорошо понимаемъ, какъ искусственны были нравы, привычки, весь образъ мыслей временъ Людовика XIV; мы приблизились къ природѣ, гораздо лучше понимаемъ и цѣнимъ ее, нежели понимало и цѣнило общество XVII вѣка; тѣмъ неменѣе мы еще очень далеки отъ природы; наши привычки, нравы, весь образъ жизни и вслѣдствіе того весь образъ мыслей еще очень искусственны. Трудно видѣть недостатки своего вѣка, особенно когда недостатки стали слабѣе, нежели были въ прежнее время; вмѣсто того, чтобы замѣчать, какъ много еще въ насъ изысканной искусственности, мы замѣчаемъ только, что XIX вѣкъ стоитъ въ этомъ отношеніи выше XVII,

лучше его понимая природу, и забываемъ, что ослабѣвшая болѣзнь не есть еще полное здоровье. Наша искусственность видна во всемъ, начиная съ одежды, надъ которою такъ много всѣ смѣются и которую всѣ продолжаютъ носить, до нашего кушанья, приправляемаго всевозможными примѣсями, совершенно измѣняющими естественный вкусъ блюда; отъ изысканности нашего разговорнаго языка до изысканности нашего литературнаго языка, который продолжаетъ украшаться антитезами, остротами, распространеніями изъ *loci topici*, глубокомысленными разсужденіями на избитыя темы и глубокомысленными замѣчаніями о человѣческомъ сердцѣ, на манеръ Корнеля и Расина въ беллетристикѣ и на манеръ Іоанна Миллера въ историческихъ сочиненіяхъ. Произведенія искусства льстятъ всѣмъ мелочнымъ нашимъ требованіямъ, происходящимъ отъ любви къ искусственности. Не говоримъ о томъ, что мы до сихъ поръ еще любимъ „умывать“ природу, какъ любили наряжать ее въ XVII вѣкѣ—это завлекло бы насъ въ длинныя сужденія о томъ, что такое „грязное“ и до какой степени оно должно являться въ произведеніяхъ искусства. Но до сихъ поръ въ произведеніяхъ искусства господствуетъ мелочная отдѣлка подробностей, цѣль которой не приведеніе подробностей въ гармонію съ духомъ цѣлаго, а только то, чтобы сдѣлать каждую изъ нихъ въ отдѣльности интереснѣе или красивѣе, почти всегда во вредъ общему впечатлѣнію произведенія, его правдоподобию и естественности; господствуетъ мелочная погоня за эффектностью отдѣльныхъ словъ, отдѣльныхъ фразъ и цѣлыхъ эпизодовъ, разцѣпчиванье лицъ и событій не совсѣмъ натуральными, но рѣзкими красками. Произведеніе искусства мелочнѣе того, что мы видимъ въ жизни и въ природѣ, и вмѣстѣ съ тѣмъ эффектнѣе—какъ же не утвердиться мнѣнію, что оно прекраснѣе дѣйствительной природы и жизни, въ которыхъ такъ мало искусственности, которымъ чуждо стремленіе заинтересовать?

Природа и жизнь выше искусства; но искусство старается угодить нашимъ наклонностямъ, а дѣйствительность не можетъ быть подчинена стремленію нашему видѣть все въ томъ цвѣтѣ и въ томъ порядкѣ, какой нравится намъ или соотвѣтствуетъ нашимъ понятіямъ, часто одностороннимъ. Изъ многихъ случаевъ этого угожденія господствующему образу мыслей укажемъ на одинъ: многіе требуютъ, чтобы въ сатирическихъ произведеніяхъ были лица, „на которыхъ могло бы съ любовью отдохнуть сердце читателя“—требованіе очень естественное; но дѣйствительность очень часто не удовлетворяетъ ему, представляя множество событій, въ которыхъ нѣтъ ни одного отраднаго лица; искусство почти всегда угождаетъ ему; и не знаемъ, найдется ли, на примѣръ, въ русской литературѣ, кромѣ Гоголя, писатель, который бы не подчинялся этому требованію; и у самого Гоголя за недостатки „отрадныхъ“ лицъ вознаграждаютъ „высоко-лирическія“ отступленія. Другой примѣръ: человѣкъ наклоненъ къ сентиментальности; природа и жизнь не раздѣляютъ этого направленія; но произведенія искусства почти всегда больше или меньше удовлетворяютъ ему. То и другое требованіе—слѣдствіе ограниченности человѣка; природа и дѣйствительная жизнь выше этой ограниченности; произведенія искусства, подчиняясь ей, становясь этимъ ниже дѣйствительности и даже очень часто подвергаясь

опасности впадать въ пошлость или въ слабость, приближаются къ обыкновеннымъ потребностямъ человѣка и чрезъ это выигрываютъ въ его глазахъ. — „Но въ такомъ случаѣ вы сами соглашаетесь, что произведенія искусства лучше, полнѣе, нежели объективная дѣйствительность, удовлетворяютъ природѣ человѣка; слѣдовательно для человѣка они лучше произведеній дѣйствительности“. — Заключение, не совсѣмъ точно выраженное; дѣло въ томъ, что искусственно развитой человѣкъ имѣетъ много искусственныхъ, исказившихся до лживости, до фантастичности требованій, которымъ нельзя вполне удовлетворить, потому что они въ сущности не требованія природы, а мечты испорченнаго воображенія; которымъ почти невозможно и угождать, не подвергаясь насмѣшкѣ и презрѣнію отъ самого того человѣка, которому стараемся угодить, потому что онъ самъ инстинктивно чувствуетъ, что его требованіе не стоитъ удовлетворенія. Такъ публика и въ слѣдъ за нею эстетика требуютъ „отрадныхъ“ лицъ, сантиментальности — и та же самая публика смѣется надъ произведеніями искусства, удовлетворяющими этимъ желаніямъ. Угождать прихотямъ человѣка не значить еще удовлетворять потребностямъ человѣка. Первѣйшая изъ этихъ потребностей — истина. — Мы говорили объ источникахъ предпочтенія произведеній искусства явленіямъ природы и жизни относительно содержанія и выполненія; но очень важно и впечатлѣніе, производимое на насъ искусствомъ или дѣйствительностью: степенью его также измѣряется достоинство вещи.

Мы видѣли, что впечатлѣніе, производимое созданіями искусства, должно быть гораздо слабѣе впечатлѣнія, производимаго живою дѣйствительностью, и не считаемъ нужнымъ доказывать это. Однакоже въ этомъ отношеніи произведеніе искусства находится въ гораздо благопріятнѣйшихъ обстоятельствахъ, нежели явленія дѣйствительности; эти обстоятельства могутъ заставить человѣка, не привыкшаго анализировать причины своихъ ощущеній, предполагать, что искусство само по себѣ производитъ на человѣка больше дѣйствія, нежели живая дѣйствительность. Дѣйствительность представляется нашимъ глазамъ независимо отъ нашей воли, большею частью не во время, не встаетъ. Очень часто мы отправляемся въ общество, на гулянье, вовсе не затѣмъ, что-бы любоваться человѣческою красотою, не затѣмъ, что-бы наблюдать характеры, слѣдить за драмою жизни; отправляемся съ заботами въ головѣ, съ замкнутымъ для впечатлѣній сердцемъ. Но кто же отправляется въ картинную галерею не затѣмъ, чтобы наслаждаться красотою картинъ? кто принимается читать романъ не затѣмъ, чтобы вникать въ характеры изображенныхъ тамъ людей и слѣдить за развитіемъ сюжета? На красоту, на величіе дѣйствительности мы обыкновенно обращаемъ вниманіе почти насильно. Пусть она сама, если можетъ, привлечетъ на себя наши глаза, обращенные совершенно на другіе предметы, пусть она насильно проникнетъ въ наше сердце, занятое совершенно другимъ. Мы обращаемся съ дѣйствительностью какъ съ докучливымъ гостемъ, напрашивающимся на наше знакомство: мы стараемся запереться отъ нея. Но есть часы, когда пусто остается въ нашемъ сердцѣ отъ нашего же собственнаго невниманія къ дѣйствительности — и тогда мы обра-

щаемся къ искусству, умоляя его наполнить эту пустоту; мы сами играемъ предъ нимъ роль заискивающаго просителя. На жизненномъ пути нашемъ разбросаны золотыя монеты; но мы не замѣчаемъ ихъ, потому что думаемъ о цѣли пути, не обращая вниманія на дорогу, лежащую подъ нашими ногами; замѣтивъ, мы не можемъ нагнуться, чтобы собрать ихъ, потому что „телѣга жизни“ неужержимо уноситъ насъ впередъ—вотъ наше отношеніе къ дѣйствительности; но мы пріѣхали на станцію, и прохаживаемся въ скучномъ ожиданіи лошадей—тутъ мы со вниманіемъ разсматриваемъ каждую жестяную бляху, которая, быть можетъ, не стоитъ и вниманія—вотъ наше отношеніе къ искусству. Не говоримъ уже о томъ, что явленія жизни каждому приходится оцѣнивать самому, потому что для каждого отдѣльнаго человѣка жизнь представляетъ особенныя явленія, которыхъ не видятъ другіе, надъ которыми поэтому не произносить приговора цѣлое общество; а произведенія искусства оцѣнены общимъ судомъ. Красота и величіе дѣйствительной жизни рѣдко являются намъ патентованными, а про что не трубить молва, то немногіе въ состояніи замѣтить и оцѣнить; явленія дѣйствительности—золотой слитокъ безъ клейма: очень многіе откажутся уже поэтому одному взять его, не умѣя отличить отъ куска мѣди; произведеніе искусства—банковъ билетъ, въ которомъ очень мало внутренней цѣнности, но за условную цѣнность котораго ручается все общество, которымъ поэтому дорожить всякій и относительно котораго немногіе даже сознаютъ ясно, что вся его цѣнность заимствована только отъ того, что онъ представитель золотого куска. Когда мы смотримъ на дѣйствительность, она сама занимаетъ насъ собою, какъ нѣчто совершенно самостоятельное, и рѣдко оставляетъ намъ возможность переноситься мыслями въ нашъ субъективный міръ, въ наше прошедшее. Но когда я смотрю на произведеніе искусства,—тутъ полный просторъ моимъ субъективнымъ воспоминаніямъ, и оно для меня обыкновенно бываетъ только поводомъ къ сознательнымъ или безсознательнымъ мечтамъ и воспоминаніямъ. Трагическая сцена совершается передо мною въ дѣйствительности—тогда мнѣ не до того, чтобы вспомнить о себѣ; но я читаю въ романѣ эпизодъ о гибели человѣка—и въ моей памяти ясно или смутно воскресаютъ всѣ опасности, въ которыхъ я былъ самъ, всѣ случаи гибели близкихъ ко мнѣ людей. Сила искусства, въ особенности поэзіи, есть обыкновенно сила воспоминанія. Ужь и по самой своей незаконченности, неопредѣленности, именно потому самому, что обыкновенно оно только „общее мѣсто“, а не живой индивидуальный образъ или событіе, произведеніе искусства особенно способно вызывать наши воспоминанія. Дайте мнѣ законченный портретъ человѣка—опъ не напомнитъ мнѣ ни одного изъ моихъ знакомыхъ, и я холодно отвернусь, сказавъ „недурно“; но покажите мнѣ въ благопріятную минуту едва набросанный, неопредѣленный абрисъ, въ которомъ ни одинъ человѣкъ не узнаетъ себя положительнымъ образомъ—и этотъ жалкій, слабый абрисъ напомнитъ мнѣ черты кого-нибудь милаго мнѣ; и, холодно смотря на живое лицо, полное красоты и выразительности, я въ упоеніи буду смотрѣть на ничтожный эскизъ, говорящій мнѣ о близкомъ мнѣ, и по воспоминанію о моихъ отношеніяхъ къ нему, говорящій обо мнѣ самомъ. Сила искусства

есть сила общих мѣстъ. Есть еще въ произведеніяхъ искусства сторона, по которой они въ неопытныхъ или недалководидныхъ глазахъ выше явленій жизни и дѣйствительности—въ нихъ все выставлено на показъ, объяснено самимъ авторомъ, между тѣмъ какъ природу и жизнь надобно разгадывать собственными силами. Сила искусства—сила комментарія; но объ этомъ должны будемъ говорить мы ниже.

Много нашли мы причинъ предпочтенія, отдаваемого искусству предъ дѣйствительностью; но всѣ онѣ только объясняютъ, а не оправдываютъ это предпочтеніе. Не соглашаясь, чтобы искусство стояло не только выше дѣйствительности, но и наравнѣ съ нею по внутреннему достоинству содержанія или исполненія, мы, конечно, не можемъ согласиться съ господствующимъ нынѣ взглядомъ на то, изъ какихъ потребностей возникаетъ оно, въ чемъ цѣль его существованія, его назначеніе. Господствующее мнѣніе о происхожденіи и значеніи искусства говоритъ такъ: „Имѣя непреодолимое стремленіе къ прекрасному, человѣкъ не находитъ истинно-прекраснаго въ объективной дѣйствительности; этимъ онъ поставленъ въ надобность самъ создавать предметы или произведенія, которыя соотвѣтствовали бы его требованію, предметы и явленія истинно-прекрасныя“; или, по специальной терминологіи господствующей школы: „Идея прекраснаго, не осуществляемая дѣйствительностью, осуществляется произведеніями искусства“. Мы должны анализировать это опредѣленіе, чтобы открыть истинное значеніе неполныхъ и одностороннихъ намековъ, въ немъ заключающихся. „Человѣкъ имѣетъ стремленіе къ прекрасному“,—но если подъ прекраснымъ понимать то, что понимается въ этомъ опредѣленіи—полное согласіе идеи и формы, то изъ стремленія къ прекрасному надобно выводить не искусство въ частности, а вообще всю дѣятельность человѣка, основное начало которой—полное осуществленіе извѣстной мысли; стремленіе къ единству идеи и образа—формальное начало всякой техники, всякаго труда, направленаго къ созданію и усовершенствованію всяческихъ надобныхъ намъ предметовъ; выводъ изъ стремленія къ прекрасному искусство, мы смѣшиваемъ два значенія этого слова: 1) изящное искусство (поэзія, музыка и т. д.) и 2) умѣнье или старанье хорошо сдѣлать что-нибудь; только послѣднее выводится изъ стремленія къ единству идеи и формы. Если же подъ прекраснымъ должно понимать (какъ намъ кажется) то, въ чемъ человѣкъ видитъ жизнь—очевидно, что изъ стремленія къ нему происходитъ радостная любовь ко всему живому и что оно въ высочайшей степени удовлетворяется живою дѣйствительностью.—„Человѣкъ не встрѣчаетъ въ дѣйствительности истинно и вполне прекраснаго“—мы старались доказать, что это несправедливо, что дѣятельность нашей фантазіи возбуждается не недостатками прекраснаго въ дѣйствительности, а его отсутствіемъ; что дѣйствительное прекрасное вполне прекрасно, но, къ сожалѣнію нашему, не всегда бываетъ предъ нашими глазами. Еслибы произведенія искусства возникали вслѣдствіе нашего стремленія къ совершенству и пренебреженія всѣмъ несовершеннымъ, человѣкъ долженъ былъ бы давно покинуть, какъ бесплодное усиліе, всякое стремленіе къ искусству, потому что въ произведеніяхъ искусства нѣтъ совершенства; кто недоволенъ дѣйствительною

красотою, тотъ еще меньше можетъ удовлетвориться красотою, создаваемою искусствомъ. Итакъ, невозможно согласиться съ обыкновеннымъ объясненіемъ значенія искусства; но въ этомъ объясненіи есть намеки, которые могутъ быть названы справедливыми, если будутъ истолкованы надлежащимъ образомъ. „Человѣкъ не удовлетворяется прекраснымъ въ дѣйствительности, ему мало этого прекраснаго“—вотъ въ чемъ сущность и правдивость обыкновеннаго объясненія, которая, будучи ложно понимаема, сама нуждается въ объясненіи.

Море прекрасно: смотря на него, мы не думаемъ быть имъ довольны въ эстетическомъ отношеніи; но не всѣ люди живутъ близъ моря; многимъ не удастся ни разу въ жизни взглянуть на него; а имъ хотѣлось бы полюбоваться на море—для нихъ интересны и милы картины, изображающія море. Конечно, гораздо лучше смотрѣть на самое море, нежели на его изображеніе; но за недостаткомъ лучшаго, человѣкъ довольствуется и худшимъ, за недостаткомъ вещи — ея суррогатомъ. И тѣмъ людямъ, которые могутъ любоваться моремъ въ дѣйствительности, не всегда, когда хочется, можно смотрѣть на море—они вспоминаютъ о немъ; но фантазія слаба, ей нужна поддержка, напominаніе—и, чтобы оживить свои воспоминанія о морѣ, чтобы яснѣе представлять его въ своемъ воображеніи, они смотрятъ на картину, изображающую море. Вотъ единственная цѣль и значеніе очень многихъ (большей части) произведеній искусства: дать возможность, хотя въ нѣкоторой степени, познакомиться съ прекраснымъ въ дѣйствительности тѣмъ людямъ, которые не имѣли возможности наслаждаться имъ на самомъ дѣлѣ; служить напominаніемъ, возбуждать и оживлять воспоминаніе о прекрасномъ въ дѣйствительности у тѣхъ людей, которые знаютъ его изъ опыта и любятъ вспоминать о немъ. (Оставляемъ пока выраженіе „прекрасное есть существенное содержаніе искусства“; впоследствии мы подстановимъ вмѣсто термина „прекрасное“ другой, которымъ содержаніе искусства опредѣляется, по нашему мнѣнію, точнѣе и полнѣе). Итакъ, первое значеніе искусства, принадлежащее всѣмъ безъ исключенія произведеніямъ его—воспроизведеніе природы и жизни. Отношеніе ихъ къ соответствующимъ сторонамъ и явленіямъ дѣйствительности таково же, какъ отношеніе гравюры къ той картинѣ, съ которой она снята, какъ отношеніе портрета къ лицу, имъ представляемому. Гравюра снимается съ картины не потому, чтобы картина была не хороша, а именно потому, что картина очень хороша; такъ дѣйствительность воспроизводится искусствомъ не для сглаживанья недостатковъ ея, не потому, что сама по себѣ дѣйствительность не довольно хороша, а потому именно, что она хороша. Гравюра не лучше картины, съ которой снята, она гораздо хуже этой картины въ художественномъ отношеніи; такъ и произведеніе искусства никогда не достигаетъ красоты или величія дѣйствительности; но картина одна, ея могутъ любоваться только люди, пришедшіе въ галерею, которую она украшаетъ; гравюра расходуется въ сотняхъ экземпляровъ по всему свѣту, каждый можетъ любоваться ею когда ему угодно, не выходя изъ своей комнаты, не вставая съ своего дивана, не скидая своего халата; такъ и предметъ прекрасный въ дѣйствительности доступенъ не всякому и не всегда, воспроизведенный (слабо, грубо, блѣдно,

это правда, но все-таки воспроизведенный) искусством, онъ доступенъ всякому и всегда. Портретъ снимается съ человѣка, который намъ дорогъ и милъ, не для того, чтобъ сгладить недостатки его лица (что намъ за дѣло до этихъ недостатковъ? они для насъ незамѣтны или милы), но для того, чтобы доставить намъ возможность любоваться на это лицо даже и тогда, когда на самомъ дѣлѣ оно не предъ нашими глазами; такова же цѣль и значеніе произведеній искусства; они не поправляютъ дѣйствительности, не украшаютъ ее, а воспроизводятъ, служатъ ей суррогатомъ.

Итакъ первая цѣль искусства—воспроизведеніе дѣйствительности. Нисколько не думая, чтобы этими словами было высказано нѣчто совершенно новое въ исторіи эстетическихъ воззрѣній, мы однакоже полагаемъ, что псевдоклассическая „теорія подражанія природѣ“, господствовавшая въ XVII—XVIII вѣкахъ, требовала отъ искусства не того, въ чемъ поставляется формальное начало его опредѣленіемъ, заключающимся въ словахъ: „искусство есть воспроизведеніе дѣйствительности“. Чтобы за существенное различіе нашего воззрѣнія на искусство отъ понятій, которыя имѣла о немъ теорія подражанія природѣ, ручались не наши только собственные слова, приведемъ здѣсь критику этой теоріи, заимствованную изъ лучшаго курса господствующей нынѣ эстетической системы. Критика эта съ одной стороны покажетъ различіе опровергаемыхъ ею понятій отъ нашего зрѣнія, съ другой стороны, обнаружить, чего недостаетъ въ нашемъ первомъ опредѣленіи искусства, какъ дѣятельности воспроизводящей, и такимъ образомъ послужить переходомъ къ точнѣйшему развитію понятій объ искусствѣ.

«Въ опредѣленіи искусства какъ подражанія природѣ показывается только его формальная цѣль; сообразно этому опредѣленію оно должно стараться по возможности повторять то, что уже существуетъ во вѣншемъ мірѣ. Такое повтореніе должно быть признано излишнимъ, такъ какъ природа и жизнь уже представляютъ намъ то, что по этому понятію должно представить искусство. Этого мало, подражать природѣ—тщетное усиліе, далеко не достигающее своей цѣли, потому что, подражая природѣ, искусство, по ограниченности своихъ средствъ, даетъ только обманъ вмѣсто истины и вмѣсто дѣйствительно-живого существа только мертвую маску».

Здѣсь прежде всего замѣтимъ, что словами: „искусство есть воспроизведеніе дѣйствительности“, какъ и фразою: „искусство есть подражаніе природѣ“, опредѣляется только формальное начало искусства; для опредѣленія содержанія искусства первый выводъ нами сдѣланный, относительно его цѣли, долженъ быть дополненъ, и мы займемся этимъ впослѣдствіи. Другое возраженіе нисколько не прилагается къ воззрѣнію, нами высказанному; изъ предъидущаго развитія видно, что воспроизведеніе или „повтореніе“ предметовъ и явленій природы искусствомъ—дѣло вовсе не излишнее, напротивъ, необходимое. Переходя къ замѣчанію, что это повтореніе—тщетное усиліе, далеко не достигающее своей цѣли, надобно сказать, что подобное возраженіе имѣетъ силу только въ томъ случаѣ, когда предполагается, будто искусство хочетъ соперничать съ дѣйствительностью, а не просто быть ея суррогатомъ. Но мы именно то и утверждаемъ, что искусство не можетъ выдержать сравненія съ живою дѣйствительностью и вовсе

не имѣть той жизненности, какъ реальная дѣйствительность; это мы признаемъ несомнѣннымъ.

Итакъ, выраженіе „искусство есть воспроизведеніе дѣйствительности“ должно быть дополнено для того, чтобы быть всестороннимъ опредѣленіемъ; не исчерпывая въ этомъ видѣ все содержаніе опредѣляемаго понятія, оно однако вѣрно, и возраженія противъ него пока могутъ быть основаны только на затаенномъ требованіи, чтобы искусство являлось по своему опредѣленію выше, совершеннѣе дѣйствительности; объективную неосновательность этого предположенія мы старались доказать, и потомъ обнаружили его субъективныя основанія. Посмотримъ, прилагаются ли къ нашему воззрѣнію дальнѣйшія возраженія противъ теоріи подражанія.

«При невозможности полного успѣха въ подражаніи природѣ оставалось бы только самодовольное наслажденіе относительнымъ успѣхомъ этого фокуса-покуса; но и это наслажденіе становится тѣмъ холоднѣе, тѣмъ больше бываетъ наружное сходство копій съ оригиналомъ, и даже обращается въ ирещеніе или отвращеніе. Есть портреты, похожіе на оригиналъ, какъ говорится, до отвратительности. Намъ тотчасъ же становится скучнымъ и отвратительнымъ превосходнѣйшее подражаніе пѣнію соловья, какъ скоро мы узнаемъ, что это не въ самомъ дѣлѣ пѣніе соловья, а подражаніе ему какого-нибудь искусника, выдѣлывающаго соловьиныя трели, потому что отъ человѣка мы въ правѣ требовать не такой музыки. Подобные фокусы искуснѣйшаго подражанія природѣ можно сравнить съ искусствомъ того фокусника, который безъ промаха бросалъ чечевичныя зерна сквозь отверстія величиною не болѣе чечевицы, и котораго Александръ Великій наградилъ медимномъ чечевицы».

Эти замѣчанія совершенно справедливы; но относятся къ бесполезному и бессмысленному копированію того, что недостойно вниманія, или къ рисованію пустой внѣшности, обнаженной отъ содержанія. (Сколько превозносимыхъ произведеній искусства поддаются этой горькой, но заслуженной насмѣшкѣ!) Содержаніе, достойное вниманія мыслящаго человѣка, одно только въ состояніи избавить искусство отъ упрека, будто бы оно — пустая забава, чѣмъ оно и дѣйствительно бываетъ чрезвычайно часто: художественная форма не спасетъ отъ презрѣнія или сострадательной улыбки произведеніе искусства, если оно важностью своей идеи не въ состояніи дать отвѣта на вопросъ: „да стоило ли трудиться надъ этимъ?“ Бесполезное не имѣетъ права на уваженіе. „Человѣкъ самъ себѣ цѣль“; но дѣла человѣка должны имѣть цѣль въ потребностяхъ человѣка, а не въ самихъ себѣ. Потому-то бесполезное подражаніе и возбуждаетъ тѣмъ большее отвращеніе, чѣмъ совершеннѣе внѣшнее сходство: „зачѣмъ потрачено столько времени и труда?“ думаемъ мы, глядя на него: „и какъ жаль, что такая несостоятельность относительно содержанія можетъ совмѣщаться съ такимъ совершенствомъ въ технику!“ Скука и отвращеніе, возбуждаемые фокусникомъ, подражающимъ соловьиному пѣнію, объясняются самыми замѣчаніями, сопровождающими въ критикѣ указаніе на него: жалокъ человѣкъ, который не понимаетъ, что долженъ пѣть человѣческую пѣсню, а не выдѣлывать трели, имѣющія смыслъ только въ пѣніи соловья, утрачивающія его при повтореніи ихъ человекомъ. Что касается портретовъ, сходныхъ до отвратительности, это надобно понимать такъ: всякая копія для того, чтобы быть вѣрною, должна пере-

давать существенныя черты подлинника; портретъ, не передающій главныхъ, выразительнѣйшихъ чертъ лица, невѣренъ; а когда мелочныя подробности лица переданы при этомъ отчетливо, лицо на портретѣ выходитъ обезображеннымъ, бессмысленнымъ, мертвымъ — какъ же ему не быть отвратительнымъ? Часто возстаютъ противъ такъ называемаго „дагерротипнаго копирования“ дѣйствительности — не лучше ли было бы говорить только, что копировка, такъ же какъ и всякое человѣческое дѣло, требуетъ пониманія, способности отличать существенныя черты отъ несущественныхъ? „Мертвая копировка“ — вотъ обыкновенная фраза; но человѣкъ не можетъ скопировать вѣрно, если мертвенность механизма не направляется живымъ смысломъ; нельзя сдѣлать даже вѣрнаго fac-simile съ обыкновенной рукописи, не понимая значенія копируемыхъ буквъ.

Прежде, нежели перейдемъ къ опредѣленію существеннаго содержанія искусства, чѣмъ дополнится принимаемое нами опредѣленіе его формальнаго начала, считаемъ нужнымъ сдѣлать нѣсколько ближайшихъ указаній объ отношеніи теоріи „воспроизведенія“ къ теоріи такъ называемаго „подражанія“. Воззрѣніе на искусство, нами принимаемое, проистекаетъ изъ воззрѣній, принимаемыхъ новѣйшими нѣмецкими эстетиками и возникаетъ изъ нихъ чрезъ діалектическій процессъ, направленіе котораго опредѣляется общими идеями современной науки. Итакъ, непосредственнымъ образомъ оно связано съ двумя системами идей — начала нынѣшняго вѣка съ одной стороны, послѣднихъ десятилѣтій съ другой. Всякое другое соотношеніе — только простое сходство, не имѣющее генетическаго вліянія. Но если понятія древнихъ и старинныхъ мыслителей не могутъ при настоящемъ развитіи науки имѣть вліянія на современный образъ мыслей; то нельзя не видѣть, что во многихъ случаяхъ современные понятія оказываются сходны съ понятіями предшествовавшихъ вѣковъ. Особенно часто сходятся они съ понятіями греческихъ мыслителей. Таково положеніе дѣла и въ настоящемъ случаѣ. Опредѣленіе формальнаго начала искусства, нами принимаемое, сходно съ воззрѣніемъ, господствовавшимъ въ греческомъ мірѣ, находимымъ у Платона, Аристотеля, и, по всей вѣроятности, высказаннымъ у Демокрита. Ихъ *mimesis* соответствуетъ нашему термину „воспроизведеніе“. И если позднѣе понимали это слово какъ „подражаніе“ (Nachahmung), то переводъ не былъ удаченъ, стѣсняя кругъ понятія и пробуждая мысль о поддѣлкѣ подъ внѣшнюю форму, а не о передачѣ внутренняго содержанія. Псевдоклассическая теорія дѣйствительно понимала искусство какъ поддѣлку подъ дѣйствительность съ цѣлью обмануть чувства; но это — злоупотребленіе, принадлежащее только эпохамъ испорченнаго вкуса.

Теперь мы должны дополнить выставленное нами выше опредѣленіе искусства и отъ разсмотрѣнія формальнаго начала искусства перейти къ опредѣленію его содержанія.

Обыкновенно говорятъ, что содержаніе искусства есть прекрасное; но этимъ слишкомъ стѣсняется сфера искусства. Если даже согласиться, что возвышенное и комическое — моменты прекраснаго, то множество произведеній искусства не подойдутъ по содержанію подъ эти три рубрики: прекрасное, возвышенное, комическое. Въ живописи не подходятъ подъ эти

подраздѣленія картины домашней жизни, въ которыхъ нѣтъ ни одного прекраснаго или смѣшнаго лица, изображенія старика или старухи, не отличающихся особенною старческою красотою и т. д. Въ музыкѣ еще труднѣе провести обыкновенныя подраздѣленія: если отнесемъ марши, патетическія пьесы и т. д. къ отдѣлу величественнаго; если пьесы, дышашія любовью или веселостію, причислимъ къ отдѣлу прекраснаго; если отыщемъ много комическихъ пѣсенъ, то у насъ еще останется огромное количество пьесъ, которыя по своему содержанію не могутъ быть безъ натяжки причислены ни къ одному изъ этихъ родовъ: куда отнести грустные мотивы? неужели къ возвышенному, какъ страданіе? или къ прекрасному, какъ нѣжныя мечты? Но изъ всѣхъ искусствъ наиболѣе противится подведенію своего содержанія подъ тѣсныя рубрики прекраснаго и его моментовъ поэзія. Область ея—вся область жизни и природы; точки зрѣнія поэта на жизнь въ разнообразныхъ ея проявленіяхъ такъ же разнообразны, какъ понятія мыслителя объ этихъ разнохарактерныхъ явленіяхъ; а мыслитель находитъ въ дѣйствительности очень многое, кромѣ прекраснаго, возвышеннаго и комическаго. Не всякое горе доходитъ до трагизма; не всякая радость граціозна или комична. Что содержаніе поэзіи не исчерпывается тремя извѣстными элементами, внѣшнимъ образомъ видимъ изъ того, что ея произведенія перестали вмѣщаться въ рамки старыхъ подраздѣленій. Что драматическая поэзія изображаетъ не одно трагическое или комическое, доказываетъ тѣмъ, что кромѣ комедіи и трагедіи должна была явиться драма. Вмѣсто эпоса, по преимуществу возвышеннаго, явился романъ, съ безчисленными своими разрядами. Для большей части нынѣшнихъ лирическихъ пьесъ не отыскивается въ старыхъ подраздѣленіяхъ заглавія, которое могло бы обозначить характеръ содержанія: недостаточны сотни рубрикъ, тѣмъ менѣе можно сомнѣваться, что не могутъ всего обнять три рубрики (мы говоримъ о характерѣ содержанія, а не формѣ, которая всегда должна быть прекрасна).

Проще всего рѣшить эту запутанность, сказавъ, что сфера искусства не ограничивается однимъ прекраснымъ и его такъ называемыми моментами, а обнимаетъ собою все, что въ дѣйствительности (въ природѣ и въ жизни) интересуется человѣка, не какъ ученаго, а просто какъ человѣка; общее-интересное въ жизни—вотъ содержаніе искусства. Прекрасное, трагическое, комическое—только три наиболѣе опредѣленные элемента изъ тысячи элементовъ, отъ которыхъ зависитъ интересъ жизни и перечислить которые значило бы перечислить всѣ чувства, всѣ стремленія, волнующія сердце человѣка. Едва ли надобно вдаваться въ болѣе подробныя доказательства вѣрности принимаемаго нами понятія о содержаніи искусства; потому что, если въ эстетикѣ предлагается обыкновенно другое, болѣе тѣсное опредѣленіе содержанія, то взглядъ, нами принимаемый, господствуетъ на самомъ дѣлѣ, т.-е. въ самихъ художникахъ и поэтахъ, постоянно высказывается въ литературѣ и въ жизни. Если считаютъ необходимою опредѣлять прекрасное какъ преимущественное и, выражаясь точнѣе, какъ единственное существенное содержаніе искусства, то истинная причина этого скрывается въ неясномъ различеніи прекраснаго, какъ объекта искусства, отъ прекрасной формы,

которая дѣйствительно составляетъ необходимое качество всякаго произведенія искусства. Но эта формальная красота или единство идеи и образа, содержанія и формы, не специальная особенность, которая отличала бы искусство отъ другихъ отраслей человѣческой дѣятельности. Дѣйствование человѣка всегда имѣетъ цѣль, которая составляетъ сущность дѣла; по мѣрѣ соотвѣтствія нашего дѣла съ цѣлью, которую мы хотѣли осуществить имъ, цѣнится достоинство самаго дѣла; по мѣрѣ совершенства выполненія оцѣнивается всякое человѣческое произведеніе. Это общій законъ и для ремесла, и для промышленности, и для научной дѣятельности и т. д. Онъ примѣняется и къ произведеніямъ искусства: художникъ (сознательно или безсознательно, все равно) стремится воспроизвести предъ нами извѣстную сторону жизни; само собою разумѣется, что достоинство его произведенія будетъ зависѣть отъ того, какъ онъ выполнилъ свое дѣло. „Произведеніе искусства стремится къ гармоніи идеи съ образомъ“, ни больше, ни меньше, какъ произведеніе сапожнаго мастерства, ювелирнаго ремесла, каллиграфіи, инженернаго искусства, нравственной рѣшимости. „Всякое дѣло должно быть хорошо выполнено“ — вотъ смыслъ фразы: „гармонія идеи и образа“. Итакъ, 1) прекрасное какъ единство идеи и образа вовсе не характеристическая особенность искусства въ томъ смыслѣ, какой придается этому слову эстетикою; 2) „единство идеи и образа“ опредѣляетъ одну формальную сторону искусства, нисколько не относясь къ его содержанію; оно говоритъ о томъ, какъ должно быть исполнено, а не о томъ, что исполняется. Но мы уже замѣтили, что въ этой фразѣ важно слово „образъ“ — оно говоритъ о томъ, что искусство выражаетъ идею не отвлеченными понятіями, а живымъ индивидуальнымъ фактомъ; говоря: „искусство есть воспроизведеніе природы и жизни“, мы говоримъ то же самое: въ природѣ и жизни нѣтъ ничего отвлеченно существующаго; въ нихъ все конкретно; воспроизведеніе должно по мѣрѣ возможности сохранять сущность воспроизводимаго; потому созданіе искусства должно стремиться къ тому, чтобы въ немъ было какъ можно меньше отвлеченнаго, чтобы въ немъ все было, по мѣрѣ возможности, выражено конкретно, въ живыхъ картинахъ, въ индивидуальныхъ образахъ. (Совершенно другой вопросъ: можетъ ли искусство достигъ этого вполне? Живопись, скульптура и музыка достигаютъ; поэзія не всегда можетъ и не всегда должна слишкомъ заботиться о пластичности подробностей: довольно и того, когда вообще, въ цѣломъ, произведеніе поэзіи пластично; излишнія хлопоты о пластической отдѣлкѣ подробностей могутъ повредить единству цѣлаго, слишкомъ рельефно очертивъ его части, и, что еще важнѣе, будутъ отвлекать вниманіе художника отъ существеннѣйшихъ сторонъ его дѣла). Красота формы, состоящая въ единствѣ идеи и образа, общая принадлежность не только искусства (въ эстетическомъ смыслѣ слова), но и всякаго человѣческаго дѣла, совершенно отлична отъ идеи прекраснаго, какъ объекта искусства, какъ предмета нашей радостной любви въ дѣйствительномъ мірѣ. Смѣшеніе красоты формы, какъ необходимаго качества художественнаго произведенія, и прекраснаго, какъ одного изъ многихъ объектовъ искусства, было одною изъ причинъ печальныхъ злоупотребленій въ искусствѣ. „Предметъ искусства — прекрасное“, прекрасное, во что бы то ни стало, другого

содержанія нѣтъ у искусства. Что же прекраснѣе всего на свѣтѣ? Въ человѣческой жизни—красота и любовь; въ природѣ—трудно и рѣшить, что именно—такъ много въ ней красоты. Итакъ, надобно кстати и некстати наполнять поэтическія созданія описаніями природы: чѣмъ больше ихъ, тѣмъ больше прекраснаго въ нашемъ произведеніи. Но красота и любовь еще прекраснѣе—и вотъ (большую частью совершенно некстати) на первомъ планѣ драмы, повѣсти, романа и т. д. является любовь. Неумѣстныя пространства о красотахъ природы еще не такъ вредны художественному произведенію: ихъ можно выпускать, потому что они приклеиваются внѣшнимъ образомъ; но что дѣлать съ любовною интригою? Ее невозможно опустить изъ вниманія, потому что къ этой основѣ все приплетено гордіевыми узлами, безъ нея все теряетъ связь и смыслъ. Не говоримъ уже о томъ, что влюбленная чета, страдающая или торжествующая, придаетъ цѣлымъ тысячамъ произведеній ужасающую монотонность; не говоримъ и о томъ, что эти любовныя приключенія и описанія красоты отнимаютъ мѣсто у существенныхъ подробностей; этого мало: привычка изображать любовь, любовь и вѣчно любовь, заставляетъ поэтовъ забывать, что жизнь имѣетъ другія стороны, гораздо болѣе интересующія человѣка вообще; вся поэзія и вся изображаемая въ ней жизнь принимаетъ какой-то сентиментальный розовый колоритъ; вмѣсто серьезнаго изображенія человѣческой жизни очень многія произведенія искусства представляютъ какой-то слишкомъ юный (чтобы удержаться отъ болѣе точныхъ эпитетовъ) взглядъ на жизнь, и поэтъ является обыкновенно молодымъ, очень молодымъ юношею, котораго рассказы интересны только для людей того же нравственнаго или фізіологическаго возраста. Это наконецъ роняетъ искусство въ глазахъ людей, уже вышедшихъ изъ счастливой поры ранней юности; искусство кажется имъ забавою, приторною для развитыхъ людей и не совѣмъ безопасною для молодежи. Мы вовсе не думаемъ запрещать поэту описывать любовь; но эстетика должна требовать, чтобы поэтъ описывалъ любовь только тогда, когда хочетъ именно ее описывать: къ чему выставлять на первомъ планѣ любовь, когда дѣло идетъ, собственно говоря, вовсе не о ней, а о другихъ сторонахъ жизни? Къ чему, напримѣръ, любовь на первомъ планѣ въ романахъ, которые собственно изображаютъ бытъ извѣстнаго народа въ данную эпоху, или бытъ извѣстныхъ классовъ народа? Въ исторіи, въ психологіи, въ этнографическихъ сочиненіяхъ также говорится о любви—но только на своемъ мѣстѣ, точно такъ же какъ и обо всемъ. Историческіе романы Вальтеръ-Скотта основаны на любовныхъ приключеніяхъ—къ чему это? развѣ любовь была главнымъ занятіемъ общества и главною двигательною силой бытія въ изображаемыя имъ эпохи? „Но романы Вальтеръ-Скотта устарѣли“—точно такъ же кстати и некстати наполнены любовью романы Диккенса и романы Жоржа-Занда изъ сельскаго быта, въ которыхъ спятъ дѣло идетъ вовсе не о любви. „Пишите о томъ, о чемъ вы хотите писать“,—правило, которое рѣдко рѣшаются соблюдать поэты. Любовь кстати и некстати—первый вредъ, проистекающій для искусства изъ понятія, что „содержаніе искусства—прекрасное“; второй, тѣсно съ нимъ соединенный—искусственность. Въ наше время подсмѣиваются надъ Расиномъ и

мадамъ Дезульеръ; но едва ли современное искусство далеко ушло отъ нихъ въ отношеніи простоты и естественности пружинъ дѣйствія и безыскусственной натуральности рѣчей; раздѣленіе дѣйствующихъ лицъ на героевъ и злодѣевъ до сихъ поръ можетъ быть прилагаемо къ произведеніямъ искусства въ патетическомъ родѣ; какъ связно, плавно, краснорѣчиво объясняются эти лица! Монологи и разговоры въ современныхъ романахъ немногимъ ниже монологовъ псевдоклассической трагедіи. — „Въ художественномъ произведеніи все должно быть облечено красотой“; — одно изъ условій красоты — развитіе всѣхъ подробностей изъ завязки сюжета; и намъ даются такіе глубоко обдуманые планы дѣйствованія, какихъ почти никогда не составляютъ люди въ настоящей жизни; а если выводимое лицо сдѣлаетъ какъ-нибудь инстинктивный, необдуманный шагъ, авторъ считаетъ необходимымъ оправдывать его изъ сущности характера этого лица, а критики остаются недовольны тѣмъ, что „дѣйствіе не мотивировано“ — какъ будто бы оно мотивируется всегда индивидуальнымъ характеромъ, а не общими качествами человѣческаго сердца и обстоятельствами. „Красота требуетъ законченности характеровъ“ — и вмѣсто лицъ живыхъ, разнообразныхъ при всей своей типичности, драматургъ или романистъ даетъ неподвижныя статуи. „Красота художественнаго произведенія требуетъ законченности разговоровъ“ — и вмѣсто живого разговора ведутся искусственныя бесѣды, въ которыхъ разговаривающіе волею и неволею высказываютъ свой характеръ. Слѣдствіемъ всего этого бываетъ монотонность произведеній поэзіи: люди всѣ на одинъ ладъ, событія развиваются по извѣстнымъ рецептамъ, съ нервыхъ страницъ видно, что будетъ дальше, и не только, что будетъ, но и какъ будетъ. Возвратимся однако къ вопросу о существенномъ значеніи искусства.

Первое и общее значеніе всѣхъ произведеній искусства, сказали мы, — воспроизведеніе интересныхъ для человѣка явленій дѣйствительной жизни. Подъ дѣйствительною жизнью, конечно, понимаются не только отношенія человѣка къ предметамъ и существамъ объективнаго міра, но и внутренняя жизнь его; иногда человѣкъ живетъ мечтами — тогда мечты имѣютъ для него (до нѣкоторой степени и на нѣкоторое время) значеніе чего-то объективнаго; еще чаще человѣкъ живетъ въ мірѣ своего чувства; эти состоянія, если достигаютъ интересности, также воспроизводятся искусствомъ. Мы упомянули объ этомъ, чтобы показать, какъ нашимъ опредѣленіемъ обнимается и фантастическое содержаніе искусства.

Но мы говорили выше, что кромѣ воспроизведенія, искусство имѣетъ еще другое значеніе — объясненіе жизни; до нѣкоторой степени это доступно всѣмъ искусствамъ: часто достаточно обратить вниманіе на предметъ (что всегда и дѣлаетъ искусство), чтобы объяснить его значеніе или заставить лучше понять жизнь. Въ этомъ смыслѣ искусство ничѣмъ не отличается отъ разсказа о предметѣ; различіе только въ томъ, что искусство вѣрнѣе достигаетъ своей цѣли, нежели простой разсказъ, тѣмъ болѣе ученый разсказъ: подъ формою жизни мы гораздо легче знакомимся съ предметомъ, гораздо скорѣе начинаемъ интересоваться имъ, нежели тогда, когда находимъ сухое указаніе на предметъ. Романы Купера болѣе, нежели этногра-

фические рассказы и разсужденія о важности изученія быта дикарей, познакомили общество съ ихъ жизнью. Но если всѣ искусства могутъ указывать новые интересные предметы, то поэзія всегда по необходимости указываетъ рѣзко и ясно на существенныя черты предмета. Живопись воспроизводитъ предметъ со всѣми подробностями, скульптура также; поэзія не можетъ объять слишкомъ много подробностей и, по необходимости выпуская изъ своихъ картинъ очень многое, сосредоточиваетъ наше вниманіе на удержанныхъ чертахъ. Въ этомъ видятъ преимущество поэтическихъ картинъ предъ дѣйствительностью; но то же самое дѣлаетъ и каждое отдѣльное слово съ своимъ предметомъ: въ словѣ (въ понятіи) также выпущены всѣ случайныя и оставлены однѣ существенныя черты предмета; можетъ быть, для неопытнаго соображенія слово яснѣе самаго предмета; но это уясненіе есть только ослабленіе. Мы не отрицаемъ относительной пользы компендіумовъ; но не думаемъ, чтобы Русская исторія Таппе, очень полезная для дѣтей, была лучше Исторіи Карамзина, изъ которой извлечена. Предметъ или событіе въ поэтическомъ произведеніи можетъ быть удобопонятнѣе, нежели въ самой дѣйствительности; но мы признаемъ за нимъ только достоинство живого и яснаго указанія на дѣйствительность, а не самостоятельное значеніе, которое могло бы соперничествовать съ полнотою дѣйствительной жизни. Нельзя не прибавить, что всякій прозаическій разсказъ дѣлаетъ то же самое, что поэзія. Сосредоточеніе вниманія на существенныхъ чертахъ предмета не есть характеристическая особенность поэзіи, а общее свойство разумной рѣчи.

Существенное значеніе искусства—воспроизведеніе того, чѣмъ интересуется человѣкъ въ дѣйствительности. Но интересуясь явленіями жизни, человѣкъ не можетъ, сознательно или безсознательно, не произносить о нихъ своего приговора; поэтъ или художникъ, не будучи въ состояніи перестать быть человѣкомъ вообще, не можетъ, еслибъ и хотѣлъ, отказаться отъ произнесенія своего приговора надъ изображаемыми явленіями; приговоръ этотъ выражается въ его произведеніи—вотъ новое значеніе произведеній искусства, по которому искусство становится въ число нравственныхъ дѣятельностей человѣка. Бываютъ люди, у которыхъ сужденіе о явленіяхъ жизни состоитъ почти только въ томъ, что они обнаруживаютъ расположеніе къ извѣстнымъ сторонамъ дѣйствительности, избѣгаютъ другихъ; это люди, у которыхъ умственная дѣятельность слаба; когда подобный человѣкъ—поэтъ или художникъ, его произведенія не имѣютъ другого значенія, кромѣ того, что воспроизводятъ любимыя имъ стороны жизни. Но если человѣкъ, въ которомъ умственная дѣятельность сильно возбуждена вопросами, порожаемыми наблюденіемъ жизни, одаренъ художническимъ талантомъ, то въ его произведеніяхъ, сознательно или безсознательно, выразится стремленіе произнести живой приговоръ о явленіяхъ, интересующихъ его (и его современниковъ, потому что мыслящій человѣкъ не можетъ мыслить надъ ничтожными вопросами, никому кромѣ него не интересными), въ его картинахъ или романахъ, поэмахъ, драмахъ будутъ предложены или разрѣшены вопросы, возникающіе изъ жизни для мыслящаго человѣка; его произведенія будутъ, чтобы такъ выразиться, сочиненіями на темы, предлагаемыя жизнью.

Это направлѣніе можетъ находить себѣ выраженіе во всѣхъ искусствахъ (напр., въ живописи можно указать на картины изъ быта и на многія историческія), но преимущественно развивается оно въ поэзіи, которая представляетъ полнѣйшую возможность выразить опредѣленную мысль. Тогда художникъ становится мыслителемъ, и произведеніе искусства, оставаясь въ области искусства, пріобрѣтаетъ значеніе научное. Само собою разумѣется, что въ этомъ отношеніи произведенія искусства не находятъ себѣ ничего соотвѣтствующаго въ дѣйствительности, — но только по формѣ; что касается до содержанія, до самыхъ вопросовъ, предлагающихся или разрѣшаемыхъ искусствомъ, они всѣ найдутся въ дѣйствительной жизни, только безъ преднамѣренности, безъ *arrière — pensée*. Предположимъ, что въ произведеніи искусства развивается мысль: „временное уклоненіе отъ прямого пути не погубить сильной натуры“; или „одна крайность вызываетъ другую“; или изображается распаденіе человѣка съ самимъ собою; или, если угодно, борьба страстей съ высшими стремленіями (мы указываемъ различныя основныя идеи, которыя видѣли въ „Фаустѣ“) — развѣ не представляются въ дѣйствительной жизни случаи, въ которыхъ развивается то же самое положеніе? Развѣ изъ наблюденія жизни не выводится высокая мудрость? Развѣ наука не есть простое отвлеченіе жизни, подведеніе жизни подъ формулы? Все, что высказывается наукою и искусствомъ, найдется въ жизни, и найдется въ полнѣйшемъ, совершеннѣйшемъ видѣ, со всѣми живыми подробностями, въ которыхъ обыкновенно и лежитъ истинный смыслъ дѣла, которыя часто не понимаются наукой и искусствомъ, еще чаще не могутъ быть ими обняты; въ событіяхъ дѣйствительной жизни все вѣрно, нѣтъ недосмотровъ, нѣтъ односторонней узкости взгляда, которую страждетъ всякое человѣческое произведеніе; — какъ поученіе, какъ наука, жизнь полнѣе, правдивѣе, даже художественнѣе всѣхъ твореній ученыхъ и поэтовъ. Но жизнь не думаетъ объяснять намъ своихъ явленій, не заботится о выводѣ аксіомъ; въ произведеніяхъ науки и искусства это сдѣлано; правда, выводы неполны, мысли односторонни въ сравненіи съ тѣмъ, что представляетъ жизнь; но ихъ извлекли для насъ геніальныя люди, безъ ихъ помощи наши выводы были бы еще одностороннѣе, еще бѣднѣе. Наука и искусство (поэзія) — „Handbuch“ для начинающаго изучать жизнь; ихъ значеніе — приготовить къ чтенію источниковъ и потомъ отъ времени до времени служить для справокъ. Наука не думаетъ скрывать этого; не думаютъ скрывать этого и поэты въ бѣглыхъ замѣчаніяхъ о сущности своихъ произведеній; одна эстетика продолжаетъ утверждать, что искусство выше жизни и дѣйствительности.

Соединяя все сказанное, получимъ слѣдующее воззрѣніе на искусство: существенное значеніе искусства — воспроизведеніе всего, что интересно для человѣка въ жизни; очень часто, особенно въ произведеніяхъ поэзіи, выступаетъ также на первый планъ объясненіе жизни, приговоръ о явленіяхъ ея. Искусство относится къ жизни совершенно такъ же, какъ исторія; различіе по содержанію только въ томъ, что исторія рассказываетъ о жизни человѣчества, заботясь болѣе всего о фактической правдѣ, искусство даетъ о жизни людей рассказы, въ которыхъ фактическая правда замѣняется

вѣрностью психологической и нравственной истинѣ. Первая задача исторіи — воспроизвести жизнь; вторая, исполняемая не всѣми историками — объяснить ее; не заботясь о второй задачѣ, историкъ остается простымъ лѣтописцемъ, и его произведеніе только матеріалъ для настоящаго историка или чтеніе для удовлетворенія любопытства; думая о второй задачѣ, историкъ становится мыслителемъ, и его твореніе приобретаетъ чрезъ это научное достоинство. Совершенно то же самое надобно сказать объ искусствѣ. Исторія не имѣетъ притязанія соперничествовать съ дѣйствительною историческою жизнью, сознается, что ея картины блѣдны, неполны, болѣе или менѣе невѣрны или по крайней мѣрѣ односторонни. Эстетика должна признать, что искусство точно такъ же и по тѣмъ же самымъ причинамъ не должно и думать сравниться съ дѣйствительностью, тѣмъ болѣе превзойти ее красотою.

Но гдѣ же творческая фантазія при такомъ воззрѣніи на искусство? Какая же роль представляется ей? Не будемъ говорить о томъ, откуда истекаетъ въ искусствѣ право фантазіи видоизмѣнять видѣнное и слышанное поэтомъ. Это ясно изъ цѣли поэтическаго созданія, отъ котораго требуется вѣрное воспроизведеніе извѣстной стороны жизни, а не какого-нибудь отдѣльнаго случая; посмотримъ только, въ чемъ необходимость внимательства фантазіи, какъ способности передѣлывать (посредствомъ комбинаціи) воспринятое чувствами и создавать нѣчто новое по формѣ. Предполагаемъ, что поэтъ беретъ изъ опыта собственной жизни событіе, вполне ему извѣстное (это случается не часто; обыкновенно многія существенно важныя подробности остаются мало извѣстны, и для связности разсказъ долженъ быть пополняемъ соображеніемъ); предполагаемъ также, что взятое событіе совершенно закончено въ художественномъ отношеніи, такъ что простой разсказъ о немъ былъ бы вполне художественнымъ произведеніемъ, т.-е. беремъ случай, когда внимательство комбинирующей фантазіи кажется наименѣе нужнымъ. — Какъ бы сильна ни была память, она не въ состояніи удержать всѣхъ тѣхъ подробностей, которыя неважны для сущности дѣла; но многія изъ нихъ нужны для художественной полноты разсказа, и должны быть заимствованы изъ другихъ сценъ, оставшихся въ памяти поэта (напр. веденіе разговора, описанія мѣстности и т. д.); правда, что дополненіе событія этими подробностями еще не измѣняетъ его, и различіе художественнаго разсказа отъ передаваемого въ немъ событія ограничивается пока формою. Но не этимъ исчерпывается внимательство фантазіи. Событіе въ дѣйствительности было перепутано съ другими событіями, находившимися съ нимъ только во внѣшнемъ сцѣпленіи, безъ существенной связи; когда мы будемъ отдѣлять избранное нами событіе отъ другихъ происшествій и отъ ненужныхъ эпизодовъ, мы увидимъ, что это отдѣленіе оставитъ новыя пробѣлы въ жизненной полнотѣ разсказа; поэтъ опять долженъ будетъ восполнять ихъ. Этого мало; отдѣленіе не только отнимаетъ жизненную полноту у многихъ моментовъ событія, но часто измѣняетъ ихъ характеръ — и событіе явится въ разсказѣ уже не такимъ, каково было въ дѣйствительности, или, для сохраненія сущности его, поэтъ принужденъ будетъ измѣнять многія подробности, которыя имѣютъ истинный смыслъ въ событіи только при его дѣйствительной обстановкѣ, отнимаемой изолирующимъ раз-

сказомъ. Какъ видимъ, кругъ дѣятельности творческихъ силъ поэта очень мало стѣсняется нашими понятіями о сущности искусства. Но предметъ нашего изслѣдованія — искусство, какъ объективное произведеніе, а не субъективная дѣятельность поэта; потому было бы неумѣстно вдаваться въ исчисленіе различныхъ отношеній поэта къ матеріаламъ его произведенія: мы показали одно изъ этихъ отношеній, наименѣе благопріятствующее самостоятельности поэта, и нашли, что при нашемъ возрѣніи на сущность искусства, художникъ и въ этомъ положеніи не теряетъ существеннаго характера, принадлежащаго не поэту или художнику въ частности, а вообще человѣку во всей его дѣятельности, — того существеннѣйшаго человѣческаго права и качества, чтобы смотрѣть на объективную дѣйствительность только какъ на поле своей дѣятельности. Еще обширнѣе кругъ вѣдѣтельности комбинирующей фантазіи при другихъ обстоятельствахъ: когда, напримѣръ, поэту не вполне извѣстны подробности событія, когда онъ знаетъ о немъ (и дѣйствующихъ лицахъ) только по чужимъ рассказамъ, всегда одностороннимъ, невѣрнымъ или неполнымъ въ художественномъ отношеніи, по крайней мѣрѣ съ личной точки зрѣнія поэта. Но необходимость комбинировать и видоизмѣнять происходитъ не изъ того, чтобы дѣйствительная жизнь не представляла тѣхъ явленій, которыя хочетъ изобразить поэтъ или художникъ и не представляла ихъ въ видѣ, гораздо болѣе полномъ, чѣмъ какой могутъ они получить въ произведеніи искусства; а изъ того, что картина дѣйствительной жизни принадлежитъ не той сферѣ бытія, какъ дѣйствительная жизнь; различіе рождается отъ того, что поэтъ не располагаетъ тѣми средствами, какими располагаетъ дѣйствительная жизнь. При переложеніи оперы для фортепьяно теряется большая и лучшая часть подробностей и эффектовъ; многое рѣшительно не можетъ быть съ человѣческаго голоса или съ полного оркестра переведено на жалкій, блѣдный, мертвый инструментъ, который долженъ по мѣрѣ возможности воспроизвести оперу; потому при арранжировкѣ многое должно быть передѣлываемо, многое дополняемо — не съ тою надеждою, что въ арранжировкѣ опера выйдетъ лучше, нежели въ первоначальномъ своемъ видѣ, а для того, чтобы сколько-нибудь вознаградить необходимую порчу оперы при арранжировкѣ; не потому, чтобы арранжировщикъ исправлялъ ошибки композитора, а просто потому, что онъ не располагаетъ тѣми средствами, какими владѣетъ композиторъ. Еще больше различія въ средствахъ дѣйствительной жизни и поэта. Переводчикъ поэтическаго произведенія съ одного языка на другой долженъ до нѣкоторой степени передѣлывать переводимое произведеніе; какъ же не являться необходимости передѣлки при переводѣ событія съ языка жизни на скудный, блѣдный, мертвый языкъ поэзіи?

Апология дѣйствительности сравнительно съ фантазією, стремленіе доказать, что произведенія искусства рѣшительно не могутъ выдержать сравненія съ живою дѣйствительностью, вотъ сущность этого разсужденія. — Говорить объ искусствѣ такъ, какъ говоритъ авторъ, не значитъ ли унижать искусство? — Да, если показывать, что искусство *ниже* дѣйствительной жизни

по художественному совершенству своихъ произведеній, значить унижать искусство; но возставать противъ панегириковъ не значить ещё быть хулителемъ. Наука не думаетъ быть выше дѣйствительности; это не стыдъ для нея. Искусство также не должно думать быть выше дѣйствительности; это не унижительно для него. Наука не стыдится говорить, что цѣль ея — понять и объяснить дѣйствительность, потому примѣнить ко благу челоуѣка свои объясненія; пусть и искусство не стыдится признаться, что цѣль его: для вознагражденія челоуѣка въ случаѣ отсутствія полнѣйшаго эстетическаго наслажденія, доставляемаго дѣйствительностью, воспроизвести по мѣрѣ силъ, эту драгоценную дѣйствительность и ко благу челоуѣка объяснить ее.

Пусть искусство довольствуется своимъ высокимъ, прекраснымъ назначеніемъ: въ случаѣ отсутствія дѣйствительности быть нѣкоторою замѣною ей и быть для челоуѣка учебникомъ жизни.

Дѣйствительность выше мечты, и существенное значеніе выше фантастическихъ притязаній.

Задачею автора было изслѣдовать вопросъ объ эстетическихъ отношеніяхъ произведеній искусства къ явленіямъ жизни, разсмотрѣть справедливость господствующаго мнѣнія, будто бы истинно-прекрасное, которое принимается существеннымъ содержаніемъ произведеній искусства, не существуетъ въ объективной дѣйствительности и осуществляется только искусствомъ. Съ этимъ вопросомъ неразрывно связаны вопросы о сущности прекраснаго и о содержаніи искусства. Изслѣдованіе вопроса о сущности прекраснаго привело автора къ убѣжденію, что прекрасное есть — жизнь. Послѣ такого рѣшенія надобно было изслѣдовать понятія возвышеннаго и трагическаго, которыя, по обыкновенному опредѣленію прекраснаго, подходятъ подъ него, какъ моменты; и надобно было признать, что возвышенное и прекрасное — неподчиненные другъ другу предметы искусства. Это уже было важнымъ пособіемъ для рѣшенія вопроса о содержаніи искусства. Но если прекрасное есть жизнь, то самъ собою рѣшается вопросъ объ эстетическомъ отношеніи прекраснаго въ искусствѣ къ прекрасному въ дѣйствительности. Пришедши къ выводу, что искусство не можетъ быть обязано своимъ происхожденіемъ недовольству челоуѣка прекраснымъ въ дѣйствительности, мы должны были отыскивать, вслѣдствіе какихъ потребностей возникаетъ искусство и изслѣдовать его истинное значеніе. Вотъ главнѣйшіе изъ выводовъ, къ которымъ привело это изслѣдованіе:

1) Опредѣленіе прекраснаго: „прекрасное есть полное проявленіе общей идеи въ индивидуальномъ явленіи“ не выдерживаетъ критики; оно слишкомъ широко, будучи опредѣленіемъ формальнаго стремленія всякой челоуѣческой дѣятельности.

2) Истинное опредѣленіе прекраснаго таково: „прекрасное есть жизнь“; прекраснымъ существомъ кажется челоуѣку то существо, въ которомъ онъ видитъ жизнь, какъ онъ ее понимаетъ; прекрасный предметъ, тотъ предметъ, который напоминаетъ ему о жизни.

3) Это объективное прекрасное, или прекрасное по своей сущности, должно отличать отъ совершенства формы, которое состоитъ въ единствѣ

идеи и формы или въ томъ, что предметъ въполнѣ удовлетворяетъ своему назначенію.

4) Возвышенное дѣйствуетъ на человѣка вовсе не тѣмъ, что пробуждаетъ идею абсолютнаго; оно почти никогда не пробуждаетъ ея.

5) Возвышеннымъ кажется человѣку то, что гораздо больше предметовъ или гораздо сильнѣе явленій, съ которыми сравнивается человѣкомъ.

6) Трагическое не имѣетъ существенной связи съ идеею судьбы или необходимости. Въ дѣйствительной жизни трагическое большею частью случайно, не вытекаетъ изъ сущности предшествующихъ моментовъ. Форма необходимости, въ которую облекается оно искусствомъ, слѣдствіе обыкновеннаго принципа произведеній искусства: „развязка должна вытекать изъ завязки“, или неумѣстное подчиненіе поэта понятіямъ о судьбѣ.

7) Трагическое по понятіямъ новаго европейскаго образованія есть „ужасное въ жизни человѣка“.

8) Возвышенное (и моментъ его, трагическое) не есть видоизмѣненіе прекраснаго; идеи возвышеннаго и прекраснаго совершенно различны между собою; между ними нѣтъ ни внутренней связи, ни внутренней противоположности.

9) Дѣйствительность не только живѣе, но и совершеннѣе фантазіи. Образы фантазіи только блѣдная и почти всегда неудачная передѣлка дѣйствительности.

10) Прекрасное въ объективной дѣйствительности въполнѣ прекрасно.

11) Прекрасное въ объективной дѣйствительности совершенно удовлетворяетъ человѣка.

12) Искусство рождается вовсе не отъ потребности человѣка восполнить недостатки прекраснаго въ дѣйствительности.

13) Созданія искусства ниже прекраснаго въ дѣйствительности не только потому, что впечатлѣніе, производимое дѣйствительностью, живѣе впечатлѣній, производимаго сознаніями искусства: созданія искусства ниже прекраснаго (точно такъ же, какъ ниже возвышеннаго, трагическаго, комическаго) въ дѣйствительности и съ эстетической точки зрѣнія.

14) Область искусства не ограничивается областью прекраснаго въ эстетическомъ смыслѣ слова, прекраснаго по живой сущности своей, а не только по совершенству формы: искусство воспроизводитъ все, что есть интереснаго для человѣка въ жизни.

15) Совершенство формы (единство идеи и формы) не составляетъ характеристической черты искусства въ эстетическомъ смыслѣ слова (изящныхъ искусствъ); прекрасное какъ единство идеи и образа или какъ полное осуществленіе идеи есть цѣль стремленія искусства въ обширнѣйшемъ смыслѣ слова или „умѣнья“, цѣль всякой практической дѣятельности человѣка.

16) Потребность, рождающая искусство въ эстетическомъ смыслѣ слова (изящныхъ искусствъ), есть та же самая, которая очень ясно выказывается въ портретной живописи. Портретъ пишется не потому, чтобы черты живого человѣка не удовлетворяли насъ; а для того, чтобы помочь нашему воспоминанію о живомъ человѣкѣ, когда его нѣтъ передъ нашими глазами, и дать о немъ нѣкоторое понятіе тѣмъ людямъ, которые не имѣли случая

его видѣть. Искусство только напоминаетъ намъ своими воспроизведеніями о томъ, что интересно для насъ въ жизни, и старается до нѣкоторой степени познакомить насъ съ тѣми интересными сторонами жизни, которыхъ не имѣли мы случая испытать или наблюдать въ дѣйствительности. §

17) Воспроизведеніе жизни—общій характеристическій признакъ искусства, составляющій сущность его; часто произведенія искусства имѣютъ и другое значеніе—объясненіе жизни; часто имѣютъ они и значеніе приговора о явленіяхъ жизни.

Эстетическія отношенія искусства къ дѣйствительности.

Соч. Н. Чернышевскаго. Спб. 1855 *).

Системы понятій, изъ которыхъ развились господствующія доселѣ эстетическія идеи, уступили нынѣ мѣсто другимъ воззрѣніямъ на міръ и чело-вѣческую жизнь, быть можетъ, менѣе заманчивымъ для фантазіи, но болѣе сообразнымъ съ выводами, которые даетъ строгое, непредубѣжденное изслѣ-дованіе фактовъ при настоящемъ развитіи естественныхъ, историческихъ и нравственныхъ наукъ. Авторъ разсматриваемой нами книги думаетъ, что при тѣсной зависимости эстетики отъ общихъ нашихъ понятій должна под-вергнуться преобразованію и теорія искусства. Мы не беремся рѣшить, до какой степени справедлива его собственная теорія, предлагаемая въ замѣну прежней—это рѣшить время, и самъ г. Чернышевскій признается, что „въ его изложеніи можетъ найтись неполнота, недостаточность или односторон-ность“; но дѣйствительно надобно согласиться, что господствующія эстети-ческія убѣжденія, лишенные современнымъ анализомъ метафизическихъ осно-ваній, на которыхъ такъ самоувѣренно возвысились въ концѣ предыдущаго и началъ нынѣшняго вѣка, должны искать себѣ другихъ опоръ, или усту-пить мѣсто другимъ понятіямъ, если не будутъ вновь подтверждены стро-гимъ анализомъ. Авторъ положительно увѣренъ, что теорія искусства должна получить новый видъ—мы готовы предположить, что это такъ и должно быть, потому что трудно устоять отдѣльной части общаго философскаго зданія, когда оно все перестраивается. Въ какомъ же духѣ должна измѣ-ниться теорія искусства? „Уваженіе къ дѣйствительной жизни, недовѣрчи-вость къ апріорическимъ, хотя бѣ и пріятнымъ для фантазіи, гипотезамъ—вотъ характеръ направленія, господствующаго нынѣ въ наукаъ“, говоритъ онъ, и ему кажется, что „необходимо привести къ этому знаменателю и наши эстетическія убѣжденія“. Чтобы достичь этой цѣли, сначала онъ под-вергаетъ анализу прежнія понятія о сущности прекраснаго, возвышеннаго, трагическаго, объ отношеніи фантазіи къ дѣйствительности, о превосходствѣ искусства надъ дѣйствительностью, о содержаніи и существенномъ значеніи искусства, или о потребности, изъ которой происходитъ стремленіе челоуѣка

*) Авторъ настоящей статьи, подписанной псевдонимомъ Н. П—ъ,—Н. Г. Чер-нышевскій.
Примѣчаніе издателя.

къ созданію произведеній искусства. Обнаруживъ, какъ ему кажется, что эти понятія не выдерживаютъ критики, онъ изъ анализа фактовъ старается извлечь новыя понятія, по его мнѣнію болѣе соответствующія общему характеру идей, принимаемыхъ наукою въ наше время. Мы сказали уже, что не беремся рѣшать, до какой степени справедливы или несправедливы мнѣнія автора, и ограничимся только изложеніемъ ихъ, замѣчая недостатки, особенно поразившіе насъ. Литература и поэзія имѣютъ для насъ, русскихъ, такое огромное значеніе, какого, можно сказать навѣрное, не имѣютъ нигдѣ, и потому вопросы, которыхъ касается авторъ, заслуживаютъ, кажется намъ, вниманія читателей.

Но дѣйствительно ли заслуживаютъ?—въ этомъ очень позволительно усомниться, потому что и самъ авторъ, повидимому, не совершенно въ томъ увѣренъ. Онъ считаетъ пужнымъ оправдываться въ выборѣ предмета для своего изслѣдованія:

„Нынѣ вѣкъ монографій, говоритъ онъ въ предисловіи, и мое сочиненіе можетъ подвергнуться упреку въ несовременности. Зачѣмъ авторъ избралъ такой общій, такой обширный вопросъ, какъ эстетическія отношенія искусства къ дѣйствительности, предметомъ своего изслѣдованія? Почему не избралъ онъ какого-нибудь спеціальнаго вопроса, какъ это нынѣ болѣею частью дѣлается?“ „Автору кажется—отвѣчаетъ онъ въ свое оправданіе—что бесполезно толковать объ основныхъ вопросахъ науки только тогда, когда нельзя сказать о нихъ ничего новаго и основательнаго. Но когда выработаны матеріалы для новаго воззрѣнія на основные вопросы нашей спеціальной науки, и можно и должно высказать эти основныя идеи, *если еще стоитъ говорить объ эстетикѣ*“.

А намъ кажется, что авторъ или не совершенно ясно понимаетъ положеніе дѣла, или очень скрытенъ. Намъ кажется, что напрасно не подражалъ онъ одному писателю, который къ своимъ сочиненіямъ сочинилъ слѣдующаго рода предисловіе:

„Мои сочиненія—обветшалый хламъ, потому что нынѣ вовсе не слѣдуетъ толковать о предметахъ, сущность которыхъ разоблачается мною; но такъ какъ многіе не находятъ для своего ума болѣе живого занятія, то для нихъ будетъ не бесполезно предпринимаемое мною изданіе“.

Еслибы г. Чернышевскій рѣшился послѣдовать этой примѣрной откровенности, то онъ могъ бы сказать въ предисловіи такъ: „Признаюсь, что нѣтъ особенной необходимости распространяться объ эстетическихъ вопросахъ въ наше время, когда они стоятъ въ наукѣ на второмъ планѣ; но такъ какъ многіе пишутъ о предметахъ, имѣющихъ еще гораздо менѣе внутренняго содержанія, то и я имѣлъ полное право писать объ эстетикѣ, неоспоримо представляющей для мысли хотя нѣкоторый интересъ“. Онъ могъ бы также сказать: „Конечно, есть науки, интересныя болѣе эстетики; но мнѣ о нихъ не удалось написать ничего; не пишутъ о нихъ и другіе; а такъ какъ „за недостаткомъ лучшаго, человекъ довольствуется и худшимъ“ („Эстетическія отношенія искусства къ дѣйствительности“, стр. 86), то и вы, любезные читатели, удовольствуйтесь „Эстетическими отношеніями

искусства къ дѣйствительности". Такое предисловіе было бы откровенно и прекрасно.

Дѣйствительно, эстетика можетъ представить нѣкоторый интересъ для мысли, потому что рѣшеніе задачъ ея зависитъ отъ рѣшенія другихъ, болѣе интересныхъ вопросовъ, и мы надѣемся, что съ этимъ согласится каждый, знакомый съ хорошими сочиненіями по этой наукѣ. Но г. Чернышевскій слишкомъ бѣгло проходитъ пункты, въ которыхъ эстетика соприкасается съ общою системою понятій о природѣ и жизни. Излагая господствующую теорію искусства, онъ почти не говоритъ о томъ, на какихъ общихъ основаніяхъ она построена, и разбираетъ по листочку только ту вѣтвь „мысленнаго древа“ (слѣдуя примѣру нѣкоторыхъ доморощенныхъ мыслителей, употребимъ выраженіе „Слова о Полку Игоревѣ“), которая спеціально его занимаетъ, не объясняя намъ, что это за дерево, породившее такую вѣтвь, хотя извѣстно, что подобныя умолчанія нисколько не выгодны для ясности. Точно такъ же, излагая собственныя эстетическія понятія, онъ подтверждаетъ ихъ только фактами, заимствованными изъ области эстетики, не излагая общихъ началъ, изъ приложенія которыхъ къ эстетическимъ вопросамъ образовалась его теорія искусства, хотя, по собственному выраженію, только „приводить эстетическіе вопросы къ тому знаменателю, который дается современными понятіями науки о жизни и мірѣ“. Это, по нашему мнѣнію, важный недостатокъ, и онъ причиною того, что внутренній смыслъ теоріи, принимаемой авторомъ, можетъ для многихъ показаться темнымъ, а мысли, развиваемыя авторомъ—принадлежащими лично автору—на что онъ, по нашему мнѣнію, не можетъ имѣть ни малѣйшаго притязанія: онъ самъ говоритъ, что если прежняя теорія искусства, имъ отвергаемая, сохраняется доселѣ въ курсахъ эстетики, то „взглядъ, имъ принимаемый, постоянно высказывается въ литературѣ и въ жизни“ (стр. 92). Онъ самъ говоритъ: „Воззрѣніе на искусство, нами принимаемое, происходитъ изъ воззрѣній, принимаемыхъ новѣйшими нѣмецкими эстетиками (и опровергаемыхъ авторомъ), и возникаетъ изъ нихъ чрезъ діалектическій процессъ, направленіе котораго опредѣляется общими идеями современной науки. Итакъ, непосредственнымъ образомъ связано оно съ двумя системами идей—начала нынѣшняго вѣка съ одной стороны, послѣднихъ *(двухъ, прибавимъ отъ себя)* десятилѣтій съ другой“ (стр. 90). Какъ же послѣ этого, спрашиваемъ мы, не изложить, насколько то нужно, этихъ двухъ системъ общаго воззрѣнія на міръ? Ошибка, совершенно непонятная для каждого, кромѣ, быть можетъ, самого автора, и во всякомъ случаѣ чрезвычайно ощутительная.

Принявъ на себя роль простого излагателя теоріи, предлагаемой авторомъ, рецензентъ долженъ исполнить то, что долженъ былъ бы сдѣлать, но не сдѣлалъ онъ самъ для объясненія своихъ мыслей.

Въ послѣднее время довольно часто различаются „дѣйствительныя, серьезныя, истинныя“ желанія, стремленія, потребности человѣка отъ „мнимыхъ, фантастическихъ, праздныхъ, не имѣющихъ дѣйствительнаго значенія въ глазахъ самого человѣка, ихъ высказывающаго или воображающаго имѣть ихъ“. Въ примѣръ человѣка, у котораго очень развиты мнимыя,

фантастическія стремленія, на самомъ дѣлѣ совершенно ему чуждыя, можно указать превосходное лицо Грушницкаго въ „Героѣ нашего времени“. Этотъ забавный Грушницкій изъ всѣхъ силъ хлопочетъ, чтобы чувствовать то, чего вовсе не чувствуетъ, достичь того, чего ему въ сущности вовсе не нужно. Онъ хочетъ быть раненъ, онъ хочетъ быть простымъ солдатомъ, хочетъ быть несчастливъ въ любви, приходитъ въ отчаяніе и т. д. — онъ не можетъ жить, не обладая этими обольстительными для него качествами и благами. Но какою горестью поразила-бъ его судьба, еслибъ вздумала исполнить его желанія! Онъ отказался бы навсегда отъ любви, еслибъ думалъ, что какая бы то ни было дѣвушка можетъ не влюбиться въ него. Онъ втайнѣ мучится тѣмъ, что онъ еще не офицеръ, не помнитъ себя отъ восторга, когда получаетъ извѣстіе о желанномъ производствѣ, и съ презрѣніемъ бросаетъ свой прежній костюмъ, которымъ на словахъ такъ гордился. Въ каждомъ человѣкѣ есть частица Грушницкаго. Вообще у человѣка, при фальшивой обстановкѣ, бываетъ много фальшивыхъ желаній. Прежде не обращали вниманія на это важное обстоятельство, и какъ скоро замѣчали, что человѣкъ имѣетъ склонность мечтать о чемъ бы то ни было, тотчасъ же провозглашали всякую прихоть болѣзненнаго или празднаго воображенія коренною и неотъемлемою потребностью человѣческой природы, необходимо требующею себя удовлетворенія. И какихъ неотъемлемыхъ потребностей ни находили въ человѣкѣ! Всѣ желанія и стремленія человѣка объявлены были безграничными, ненасытными. Теперь это дѣлается съ большею осмотрительностью. Теперь разсматриваютъ, при какихъ обстоятельствахъ развиваются извѣстныя желанія, при какихъ обстоятельствахъ они затихаютъ. Въ результатѣ оказался очень скромный, но съ тѣмъ вмѣстѣ и очень утѣшительный фактъ: въ сущности потребности человѣческой природы очень умѣренны; онѣ достигаютъ фантастически громаднаго развитія только вслѣдствіе крайности, только при болѣзненномъ раздраженіи человѣка неблагоприятными обстоятельствами, при совершенномъ отсутствіи сколько, нибудь порядочнаго удовлетворенія. Даже самыя страсти человѣка „кипятъ бурнымъ потокомъ“ только тогда, когда встрѣчаютъ слишкомъ много препятствій; а когда человѣкъ поставленъ въ благоприятныя обстоятельства, страсти его перестаютъ клокотать, и, сохраняя свою силу, теряютъ безпорядочность, всепожирающую жадность и разрушительность. Здоровый человѣкъ вовсе не прихотливъ. У г. Чернышевскаго приведено — случайно, и въ разныхъ мѣстахъ его изслѣдованія — нѣсколько подобныхъ примѣровъ. Мнѣніе, будто бы „желанія человѣческія безиредѣльны“, говоритъ онъ, ложно въ томъ смыслѣ, въ какомъ обыкновенно понимается, въ смыслѣ, что „никакая дѣйствительность не можетъ удовлетворить ихъ“; напротивъ, человѣкъ удовлетворяется не только „наилучшимъ, что можетъ быть въ дѣйствительности“, но и довольно посредственною дѣйствительностью. Надобно различать то, что чувствуется, на самомъ дѣлѣ, отъ того, что только говорится. Желанія раздражаются мечтательнымъ образомъ до горячечнаго напряженія только при совершенномъ отсутствіи здоровой, хотя бы и довольно простой пищи. Это фактъ, доказываемый всею исторіею человечества, и испытанный на себѣ каждымъ,

кто жилъ и наблюдалъ себя. Онъ составляетъ частный случай общаго закона человѣческой жизни, что страсти достигаютъ неумѣреннаго развитія только вслѣдствіе ненормальнаго положенія предающагося имъ человѣка и только въ томъ случаѣ, когда естественная и въ сущности довольно спокойная потребность, изъ которой возникаетъ та или другая страсть, слишкомъ долго не находила себѣ соотвѣтственнаго удовлетворенія, спокойнаго и далеко не титаническаго. Несомнѣнно то, что организмъ человѣка не требуетъ и не можетъ выносить слишкомъ бурныхъ и слишкомъ напряженныхъ удовлетвореній; несомнѣнно и то, что въ здоровомъ человѣкѣ стремленія соразмѣрны съ силами организма.—Надобно только замѣтить, что подъ „здоровьемъ“ человѣка здѣсь понимается и нравственное здоровье. Горячка, жаръ бываетъ вслѣдствіе простуды; страсть, нравственная горячка, такая же болѣзнь, и также овладѣваетъ человѣкомъ, когда онъ подвергся разрушительному вліянію неблагопріятныхъ обстоятельствъ. За примѣрами ходить не далеко—страсть по преимуществу, „любовь“, какая описывается въ сотняхъ трескучихъ романовъ, теряетъ свою романическую бурливость, какъ скоро препятствія отстранены и любящая чета соединилась бракомъ;—значить ли это, что мужъ и жена любятъ другъ друга менѣе сильно, нежели любили въ бурный періодъ, когда ихъ соединенію мѣшали препятствія? Вовсе нѣтъ; каждому извѣстно, что если мужъ и жена живутъ согласно и счастливо, то взаимная привязанность ихъ усиливается съ каждымъ годомъ, и наконецъ достигаетъ такого развитія, что они буквально „не могутъ жить другъ безъ друга“, и если одному изъ нихъ случится умереть, то для другого жизнь навѣки теряетъ свою прелесть, тернетъ въ буквальный смыслъ слова, а не только на словахъ. А между тѣмъ эта чрезвычайно сильная любовь дѣйствительно не представляетъ ничего бурнаго—почему? потому только, что ей не мѣшаютъ препятствія.—Фантастически неумѣренныя мечты овладѣваютъ нами только тогда, когда мы слишкомъ скудны въ дѣйствительности. Лежа на голыхъ доскахъ, человѣкъ можетъ мечтать о пуховикѣ изъ гагачьяго пуха (продолжаетъ г. Чернышевскій) здоровый человѣкъ, у котораго есть, хотя не роскошная, но довольно мягкая и удобная постель, не находитъ ни повода, ни влеченія мечтать о гагачьихъ пуховикахъ. Если человѣку пришлось жить среди сибирскихъ тундръ, онъ можетъ мечтать о волшебныхъ садахъ съ невиданными на землѣ деревьями, у которыхъ коралловые вѣтви, изумрудные листья, рубиновые плоды; но переселившись не далѣе какъ въ Курскую или Кіевскую губернію, получивъ полную возможность гулять досыта по небогатому, но порядочному саду съ яблонями, вишнями, грушами, мечтатель навѣрное забудетъ не только о садахъ „Тысячи и одной ночи“, но и о лимонныхъ рощахъ Испаніи. Воображеніе строить свои воздушныя замки тогда, когда нѣтъ на дѣлѣ не только хорошаго дома, даже сносной избушки. Оно разыгрывается тогда, когда не заняты чувства; отсутствіе удовлетворительной обстановки въ дѣйствительности—источникъ жизни въ фантазіи. Но едва дѣлается дѣйствительность сносною, скучны и блѣдны кажутся намъ передъ нею всѣ мечты воображенія.—Этотъ неоспоримый фактъ, что самыя роскошныя и блестящія, повидимому, мечты забываются

и покидаются нами, какъ неудовлетворительныя, какъ скоро окружаютъ насъ явленія дѣйствительной жизни, служить несомнѣннымъ свидѣтельствомъ того, что мечты воображенія далеко уступаютъ своею красотою и привлекательностью тому, что представляетъ намъ дѣйствительность. Въ этомъ понятіи состоитъ одно изъ существеннѣйшихъ различій между устарѣвшимъ міросозерцаніемъ, подъ вліяніемъ котораго возникали трансцендентальныя системы науки, и нынѣшнимъ воззрѣніемъ науки на природу и жизнь. Нынѣ наука признаетъ высокое превосходство дѣйствительности передъ мечтою, узнавъ блѣдность и неудовлетворительность жизни, погруженной въ мечты фантазіи; прежде, безъ строгаго изслѣдованія, принимали, что мечты воображенія въ самомъ дѣлѣ выше и привлекательнѣе явленій дѣйствительной жизни. Въ литературной области это прежнее предпочтеніе мечтательной жизни выразилось романтизмомъ.

Но, какъ мы говорили, прежде не обращали вниманія на различіе между фантастическими мечтами и истинными стремленіями человѣческой природы, между потребностями, удовлетворенія которыхъ дѣйствительно требуютъ умъ и сердце человѣка, и воздушными замками, въ которыхъ человѣкъ не захотѣлъ бы жить, еслибъ ови существовали, потому что въ нихъ нашелъ бы онъ только пустоту, холодъ и голодъ. Мечты празднофантазіи очень, повидимому, блестящи; желанія здоровой головы и здороваго сердца очень умѣренны; потому, пока анализъ не показалъ, какъ блѣдны и жалки мечты фантазіи, разгулявшейся на пустомъ просторѣ, мыслители обманывались ихъ мнимо блестящими красками, и ставили ихъ выше дѣйствительныхъ предметовъ и явленій, какія встрѣчаетъ человѣкъ въ жизни. Но дѣйствительно ли силы нашей фантазіи такъ слабы, что не могутъ вознестись выше предметовъ и явленій, которыя мы знаемъ изъ опыта? Въ этомъ очень легко убѣдиться. Пусть каждый попробуетъ вообразить себѣ, напримѣръ, красавицу, черты лица которой были бы лучше, нежели черты прекрасныхъ лицъ, видѣнныхъ имъ въ дѣйствительности—каждый, если только внимательно будетъ разсматривать образы, создать которые силится его воображеніе, замѣтитъ, что эти образы нисколько не лучше лицъ, которыя могъ онъ видѣть своими глазами, что можно только думать: „я хочу вообразить себѣ человѣческое лицо прекраснѣе живыхъ лицъ, которыя я видѣлъ“, но въ самомъ дѣлѣ представить себѣ въ воображеніи что-либо прекраснѣе этихъ лицъ онъ не можетъ. Воображеніе—если захочетъ возвыситься надъ дѣйствительностью, будетъ рисовать только чрезвычайно неясные, смутные очерки, въ которыхъ мы ничего опредѣленнаго и дѣйствительно привлекательнаго не можемъ уловить. То же самое повторяется и во всѣхъ другихъ случаяхъ. Я не могу ясно и опредѣленно вообразить себѣ, напримѣръ, кушанья, которое было бы вкуснѣе тѣхъ блюдъ, которыя мнѣ случалось ѣсть въ дѣйствительности; свѣта ярче того, какой видѣлъ я въ дѣйствительности (такъ мы, жители сѣвера, по общему отзыву всѣхъ путешественниковъ, не можемъ имѣть ни малѣйшаго понятія объ ослѣпительномъ свѣтѣ, проникающемъ атмосферу тропическихъ странъ), не можемъ вообразить ничего лучше той красоты, которую видѣли, ничего выше тѣхъ наслажденій, какія испытали въ дѣйствительной жизни. У

г. Чернышевскаго мы находимъ и эту мысль, но она опять высказана только случайно и вскользь, безъ надлежащаго развитія: силы творческой фантазіи, говоритъ онъ, очень ограниченны; она можетъ только составлять предметы изъ разнородныхъ частей (напр., вообразить лошадь съ птичьими крыльями) или увеличить предметъ въ объемъ (напр., представить орла величиною съ слова); но интенсивнѣе (т.-е. прекраснѣе по красотѣ, ярче, живѣе, прелестнѣе и т. д.) того, что мы видѣли или испытали въ дѣйствительной жизни, мы ничего не можемъ вообразить. Я могу представить себѣ солнце гораздо большимъ по величинѣ, нежели каково оно кажется въ дѣйствительности, но ярче того, какъ оно являлось мнѣ въ дѣйствительности, я не могу его вообразить. Точно также я могу представить себѣ человѣка выше ростомъ, толще и т. д., нежели тѣ люди, которыхъ я видѣлъ; но лицъ, прекраснѣе тѣхъ лицъ, которыя случалось мнѣ видѣть въ дѣйствительности, я не могу вообразить. Между тѣмъ говорить можно все, что захочется; можно сказать: желѣзное золото, теплый ледъ, сахарная горечь и т. д.—правда, воображеніе наше не можетъ себѣ представить теплаго льда, желѣзнаго золота, и потому фразы эти остаются для насъ совершенно пустыми, не представляющими для фантазіи никакого смысла; но если не вникнуть въ то обстоятельство, что подобныя праздыя фразы остаются непостижимы для фантазіи, напрасно усиливающейся представить предметы, о которыхъ онъ говорить, то смѣшавъ пустыя слова съ доступными для фантазіи представленіями, можно подумать, будто бы „мечты фантазіи гораздо богаче, полнѣе, роскошнѣе дѣйствительности“.

По этой-то ошибкѣ доходили до мнѣнія, что фантастическія (нелѣпныя, и потому темныя для самой фантазіи) мечты должны быть считаемы истинными потребностями человѣка. Всѣ высокопарныя, по въ сущности не имѣющія смысла, сочетанія словъ, какія придумываются праздымъ воображеніемъ, были объявлены въ высочайшей степени привлекательными для человѣка, хотя на самомъ дѣлѣ онъ просто забавляется ими отъ нечего дѣлать, и не воображаетъ себѣ подъ ними ничего, имѣющаго ясный смыслъ. Было даже объявлено, что дѣйствительность пуста и ничтожна предъ этими мечтами. Въ самомъ дѣлѣ, какая жалкая вещь дѣйствительное яблоко въ сравненіи съ алмазными и рубиновыми плодами Аладдиновыхъ садовъ, какія жалкія вещи дѣйствительное золото и дѣйствительное желѣзо въ сравненіи съ золотымъ желѣзомъ, этимъ дивнымъ металломъ, который блестящъ и неподверженъ ржавчинѣ какъ золото, дешевъ и твердъ, какъ желѣзо? Какъ жалка красота живыхъ людей, нашихъ родныхъ и знакомыхъ, въ сравненіи съ красотой дивныхъ существъ воздушнаго міра, этихъ невыразимо, невообразимо прекрасныхъ сильфидъ, гурій, пери и имъ подобныхъ! Какъ же не сказать, что дѣйствительность ничтожна предъ тѣмъ, къ чему стремится фантазія? Но при этомъ упущено изъ виду одно: мы рѣшительно не можемъ себѣ представить этихъ гурій, пери и сильфидъ иначе, какъ съ очень обыкновенными чертами дѣйствительныхъ людей, и сколько бы мы ни твердили своему воображенію: „представь мнѣ нѣчто прекраснѣе человѣка!“ — оно все-таки представляетъ намъ человѣка, и только человѣка, хотя и говоритъ хвастливо, что воображаетъ не человѣка, а какое-то бо-

лѣе прекрасное существо; или, если порывается создать что-нибудь самостоятельное, не имѣющее себѣ соотвѣтствія въ дѣйствительности, въ безсиліи падаетъ, давая намъ такой туманный, блѣдный и неопредѣленный фантомъ, въ которомъ ровно ничего нельзя разсмотрѣть. Это замѣтила наука въ послѣднее время, и признала основнымъ фактомъ и въ наукѣ и во всѣхъ остальныхъ областяхъ человѣческой дѣятельности, что человѣкъ не можетъ вообразить себѣ ничего выше и лучше того, чтѣ встрѣчается ему въ дѣйствительности. А чего не знаешь, о чемъ не имѣешь ни малѣйшаго понятія, того нельзя и желать.

Пска не былъ признавъ этотъ важный фактъ, фантастическимъ мечтамъ вѣрили, въ буквальномъ смыслѣ, „на слово“, не изслѣдуя, представляютъ ли эти слова какой-нибудь смыслъ, даютъ ли они что-нибудь похожее на опредѣленный образъ, или остаются пустыми словами. Ихъ высокопарность почитали ручательствомъ за превосходство этихъ пустыхъ фразъ надъ дѣйствительностью, и всѣ человѣческія потребности и стремленія объясняли стремленіемъ къ туманнымъ и лишеннымъ всякаго существеннаго значенія фантомамъ. То была пора идеализма въ обширнѣйшемъ смыслѣ слова.

Къ числу призраковъ, внесенныхъ въ науку такимъ образомъ, принадлежалъ призракъ фантастическаго совершенства: „человѣкъ удовлетворяется только абсолютнымъ, онъ требуетъ безусловнаго совершенства“. У г. Чернышевскаго опять встрѣчаемъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ краткія и бѣглыя замѣчанія объ этомъ. Мнѣніе, будто человѣку непременно нужно „совершенство“, говоритъ онъ (стр. 39)—мнѣніе фантастическое, если подѣ „совершенствомъ“ понимать (какъ и понимаютъ) такой видъ предмета, который бы совмѣщалъ всѣ возможные достоинства и былъ чуждъ всѣхъ недостатковъ, какихъ отъ нечего дѣлать можетъ искать въ немъ праздная фантазія человѣка съ холоднымъ или пресыщеннымъ сердцемъ. Нѣтъ, продолжаетъ онъ въ другомъ мѣстѣ (стр. 48), практическая жизнь человѣка убѣждаетъ насъ, что онъ ищетъ только приблизительнаго совершенства, которое, выражаясь строго, и не должно называться совершенствомъ. Человѣкъ ищетъ только „хорошаго“, а не „совершеннаго“. Совершенства требуетъ только чистая математика; даже прикладная математика довольствуется приблизительными вычисленіями. Требовать совершенства въ какой бы то ни было сферѣ жизни—дѣло отвлеченной, болѣзненной или праздной фантазіи. Мы хотимъ дышать чистымъ воздухомъ; но замѣчаемъ ли мы, что абсолютно чистъ воздухъ не бываетъ нигдѣ и никогда; вѣдь въ немъ всегда есть примѣсь ядовитой углекислоты и другихъ вредныхъ газовъ; но ихъ такъ мало, что они не дѣйствуютъ на нашъ организмъ, и потому они нисколько не мѣшаютъ намъ. Мы хотимъ пить чистую воду; но въ водѣ рѣкъ, ручьевъ, ключей всегда есть минеральныя примѣси—если ихъ мало (какъ всегда и бываетъ въ хорошей водѣ) онѣ вовсе не мѣшаютъ нашему наслажденію при утоленіи жажды водою. А совершенно чистая (дистиллированная) вода даже непріятна для вкуса. Эти примѣры слишкомъ матеріальны? Приведемъ другіе. Развѣ кому приходила мысль называть не ученымъ, невѣждою человѣка, которому не *все* въ мірѣ извѣстно? Нѣтъ, мы и не ищемъ человѣка, которому было-бъ извѣстно *все*; мы требуетъ отъ

ученаго только, чтобы ему было извѣстно все *существенное* и, кромѣ того, *многія* (хотя далеко не *всѣ*) подробности. Развѣ мы недовольны, напр., историческою книгою, въ которой не всѣ рѣшительно вопросы объяснены, не всѣ рѣшительно подробности приведены, не всѣ до одного взгляды и слова автора абсолютно справедливы? Нѣтъ, мы довольны, и чрезвычайно довольны книгою, когда въ ней разрѣшены *главные* вопросы, приведены самонужнѣйшія подробности, когда *главныя* мнѣнія автора справедливы, и въ книгѣ его *очень мало* невѣрныхъ или неудачныхъ объясненій. Однимъ словомъ, потребностямъ человѣческой природы удовлетворяетъ „порядочное“, а фантастическаго совершенства ищетъ только праздная фантазія. Чувства наши, нашъ умъ и сердце ничего о немъ не знаютъ, да и фантазія только твердить о немъ пустыя фразы, а живого, опредѣленнаго представленія о немъ также не имѣетъ.

Итакъ, наука въ послѣднее время дошла до необходимости строго различать истинныя потребности человѣческой природы, которыя ищутъ и имѣютъ право находить себѣ удовлетвореніе въ дѣйствительной жизни, отъ мнимыхъ, воображаемыхъ потребностей, которыя остаются и должны оставаться праздными мечтами. У г. Чернышевскаго нѣсколько разъ встрѣчаемъ бѣглые намеки на эту необходимость, а однажды онъ дастъ этой мысли даже нѣкоторое развитіе. „Искусственно развитый человѣкъ (т.-е. испорченный своимъ противоестественнымъ положеніемъ среди другихъ людей) имѣетъ много искусственныхъ, исказившихся до лживости, до фантастичности требованій, которымъ нельзя вполне удовлетворять, потому что они въ сущности не требованія природы его, а мечты испорченнаго воображенія; которымъ почти невозможно и угождать, не подвергаясь насмѣшкѣ и презрѣнію отъ самого того человѣка, которому стараемся угодить, потому что онъ самъ инстинктивно чувствуетъ, что его требованіе не стоитъ удовлетворенія“ (стр. 82).

Но если такъ важно различать мнимыя, воображаемыя стремленія, участь которыхъ оставаться смутными грезами праздной или болѣзненно раздраженной фантазіи, отъ дѣйствительныхъ и законныхъ потребностей человѣческой натуры, которыя необходимо требуютъ удовлетворенія, то гдѣ же признакъ, по которому безошибочно могли бы мы дѣлать это различеніе? Кто будетъ судьей въ этомъ столь важномъ случаѣ?—Приговоръ даетъ самъ человѣкъ своею жизнью; „практика“, этотъ непреложный пробный камень всякой теоріи, должна быть руководительницею нашею и здѣсь. Мы видимъ, что одни изъ нашихъ желаній радостно стремятся на встрѣчу удовлетворенію, напрягаютъ всѣ силы человѣка, чтобы осуществиться въ дѣйствительной жизни—это истинныя потребности нашей природы. Другія желанія, напротивъ, боятся соприкосновенія съ дѣйствительною жизнью, робко стараются укрываться отъ нея въ отвлеченномъ царствѣ мечтаній—это мнимыя, фальшивыя желанія, которымъ не нужно исполненіе, которыя и обольстительны только подъ тѣмъ условіемъ, чтобы не встрѣчать удовлетворенія себѣ, потому что, выходя на „бѣлый свѣтъ“ жизни, они обнаружили бы свою пустоту и непригодность для того, чтобы на самомъ дѣлѣ соотвѣтствовать потребностямъ человѣческой природы и условіямъ его наслажденія

жизнью. „Дѣло есть истина мысли“. Такъ, напримѣръ, на дѣлѣ узнается, справедливо ли человѣкъ думаетъ и говоритъ о себѣ, что онъ храбръ, благороденъ, правдивъ. Жизнь человѣка рѣшаетъ, какова его натура, она же рѣшаетъ, каковы его стремленія и желанія. Вы говорите, что проголодались?—посмотримъ, будете ли вы прихотничать за столомъ. Если вы откажетесь отъ простыхъ блюдъ, и будете ждать, пока приготовить индейку съ трюфлями, у васъ голодъ не въ желудкѣ, а только на языкѣ. Вы говорите, что вы любите науку—это рѣшается тѣмъ, занимаетесь ли вы ею. Вы думаете, что вы любите искусство? Это рѣшается тѣмъ, часто ли вы читаете Пушкина, или его сочиненія лежатъ на вашемъ столѣ только для виду; часто ли бываете въ своей картинной галлерей—бываете наединѣ самъ съ собою, а не только вмѣстѣ съ гостями—или вы собрали ее только для хвастовства передъ другими и самимъ собою любовью къ искусству. Практика—великая разоблачительница обмановъ и самообольщеній не только въ практическихъ дѣлахъ, но также въ дѣлахъ чувства и мысли. Потому-то въ наукѣ нынѣ принята она существеннымъ критеріумомъ всѣхъ спорныхъ пунктовъ. „Что подлежитъ спору въ теоріи, на чистоту рѣшается практикою дѣйствительной жизни“.

Но понятія эти остались бы для многихъ неопредѣленны, если бы мы не упомянули здѣсь о томъ, какой смыслъ имѣютъ въ современной наукѣ слова „дѣйствительность“ и „практика“. Дѣйствительность обнимаетъ собою не только мертвую природу, но и человѣческую жизнь, не только настоящее, но и прошедшее, насколько оно выразилось дѣломъ, и будущее, насколько оно готовится настоящимъ. Дѣла Петра Великаго принадлежатъ дѣйствительности; оды Ломоносова принадлежатъ ей не менѣе, нежели его мозаичныя картины. Не принадлежатъ ей только праздныя слова людей, которые говорятъ: „я хочу быть живописцемъ“, и не изучаютъ живописи, „я хочу быть поэтомъ“—и не изучаютъ человѣка и природу. Не мысль противоположна дѣйствительности, потому что мысль порождается дѣйствительностью и стремится къ осуществленію, потому составляетъ неотъемлемую часть дѣйствительности, а праздная мечта, которая родилась отъ бездѣлья и остается забавою человѣку, любящему сидѣть сложа руки и зажмуривъ глаза. Точно также и „практическая жизнь“ обнимаетъ собою не одну матеріальную, но и умственную и нравственную дѣятельность человѣка.

Теперь можетъ быть ясно различіе между прежними, трансцендентальными системами, которыя, довѣряя фантастическимъ мечтамъ, говорили, что человѣкъ ищетъ повсюду абсолютнаго и, не находя его въ дѣйствительной жизни, отвергаетъ ее, какъ неудовлетворительную, которыя цѣнили дѣйствительность на основаніи туманныхъ грѣзъ фантазіи, и между новыми воззрѣніями, которыя, признавъ безсиліе фантазіи, отвлекающейся отъ дѣйствительности, въ своихъ приговорахъ о существенной цѣнности для человѣка различныхъ его желаній руководятся фактами, которые представляетъ дѣйствительная жизнь и дѣятельность человѣка.

Г. Чернышевскій совершенно принимаетъ справедливость современнаго направленія науки, и, видя съ одной стороны несостоятельность прежнихъ

метафизических системъ, съ другой стороны неразрывную связь ихъ съ господствующею теоріею эстетики, выводить изъ этого, что господствующая теорія искусства должна быть замѣнена другою, болѣе сообразною съ новыми воззрѣніями науки на природу и человѣческую жизнь. Но прежде, нежели займемся мы изложеніемъ его понятій, составляющихъ только примѣненіе общихъ воззрѣній новаго времени къ эстетическимъ вопросамъ, мы должны объяснить отношенія, связывающія новыя воззрѣнія съ старыми въ наукѣ вообще. Часто мы видимъ, что продолжатели ученаго труда возстаютъ противъ своихъ предшественниковъ, труды которыхъ служили исходною точкою для ихъ собственныхъ трудовъ. Такъ Аристотель враждебно смотрѣлъ на Платона, такъ Сократъ безгранично унижалъ софистовъ, продолжателемъ которыхъ былъ. Въ новое время этому также найдется много примѣровъ. Но бывають иногда отрадные случаи, что основатели новой системы понимаютъ ясно связь своихъ мнѣній съ мыслями, которыя находятся у ихъ предшественниковъ, и скромно называютъ себя ихъ учениками; что обнаруживая недостаточность понятій предшественниковъ, они съ тѣмъ вмѣстѣ ясно выказываютъ, какъ много содѣйствовали эти понятія развитію ихъ собственной мысли. Таково было, напримѣръ, отношеніе Спинозы къ Декарту. Къ чести основателей современной науки должно сказать, что они съ уваженіемъ и почти сыновнею любовью смотрятъ на своихъ предшественниковъ, вполне признають величіе ихъ генія и благородный характеръ ихъ ученія, въ которомъ показываютъ зародыши собственныхъ воззрѣній. Г. Чернышевскій понимаетъ это, и слѣдуетъ примѣру людей, мысли которыхъ примѣняетъ къ эстетическимъ вопросамъ. Его отношеніе къ эстетической системѣ, недостаточность которой онъ старается доказать, вовсе не враждебно; онъ признаетъ, что въ ней заключаются зародыши и той теоріи, которую старается построить онъ самъ, что онъ только развиваетъ существенно важныя моменты, которые находили мѣсто и въ прежней теоріи, но въ противорѣчій съ другими понятіями, которымъ она приписывала болѣе важности, и которыя кажутся ему не выдерживающими критики. Онъ постоянно старается показать тѣсное родство своей системы съ прежнею системою, хотя не скрываетъ, что есть между ними и существенное различіе. Это положительно высказываетъ онъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ, изъ которыхъ приведемъ одно: „Принимаемое мною понятіе возвышеннаго (говоритъ онъ на стр. 21) точно также относится къ прежнему понятію, мною отвергаемому, какъ предлагаемое мною опредѣленіе прекраснаго къ прежнему взгляду, мною опровергаемому: въ обоихъ случаяхъ возводится на степень общаго существеннаго начала то, что прежде считалось частнымъ и второстепеннымъ признакомъ, было закрываемо отъ вниманія другими понятіями, которыя мною отвергаются, какъ побочныя“.

Излагая эстетическую теорію г. Чернышевскаго, рецензентъ не будетъ произносить окончательнаго сужденія о справедливости или несправедливости мыслей автора въ чисто эстетическомъ отношеніи. Рецензентъ занимался эстетикою только какъ частью философіи, потому предоставляетъ сужденіе о частныхъ мысляхъ г. Чернышевскаго людямъ, которые могутъ основательно судить о нихъ съ точки зрѣнія специально-эстетической, чуждой ре-

цензенту. Но ему кажется, что существенное значеніе эстетическая теорія автора имѣть именно какъ приложеніе общихъ воззрѣній къ вопросамъ частной науки, потому онъ думаетъ, что будетъ стоять именно въ средоточіи дѣла, разсматривая до какой степени вѣрно сдѣлано авторомъ это приложеніе. И для читателей, по мнѣнію рецензента, будетъ интереснѣе эта критика съ общей точки зрѣнія, потому что самая эстетика имѣть для неспеціалистовъ интересъ только какъ часть общей системы воззрѣній на природу и жизнь. Быть можетъ, въ некоторыхъ читателямъ вся статья кажется слишкомъ отвлеченна—но рецензентъ проситъ ихъ не судить по одной наружности. Отвлеченность бываетъ различна—иногда она суха и бесплодна, иногда, напротивъ того, стоитъ только обратить вниманіе на мысли, изложенныя въ отвлеченной формѣ, чтобъ онѣ получили множество живыхъ приложеній, и рецензентъ положительно увѣренъ, что мысли, имъ изложенныя выше, относятся къ послѣднему роду—онъ говоритъ это прямо, потому что онѣ принадлежатъ наукѣ, а не въ частности рецензенту, который только усвоилъ ихъ, слѣдовательно можетъ превозносить ихъ, какъ послѣдователь извѣстной школы можетъ хвалить принятую имъ систему, не замѣшивая въ это дѣло своего личнаго самолюбія.

Но излагая теорію г. Чернышевскаго, мы должны будемъ измѣнить порядокъ, которому слѣдовалъ авторъ; онъ, по примѣру эстетическихъ курсовъ опровергаемой имъ школы, разсматриваетъ сначала идею прекраснаго, потомъ идеи возвышеннаго и трагическаго, потомъ занимается критикой отношеній искусства къ дѣйствительности, затѣмъ говоритъ о существенномъ содержаніи искусства и наконецъ о потребности, изъ которой оно возникаетъ, или о цѣляхъ, которыя осуществляетъ художникъ своими произведеніями. Въ господствующей эстетической теоріи такой порядокъ совершенно натураленъ, потому что понятіе о сущности прекраснаго основное понятіе всей теоріи. Не такъ въ теоріи г. Чернышевскаго. Основное понятіе его теоріи—отношенія искусства къ дѣйствительности, потому съ него и слѣдовало начинать автору. Слѣдуя порядку, принятому у другихъ и чуждому его системѣ, онъ сдѣлалъ, по нашему мнѣнію, важную ошибку, и разрушилъ логическую стройность своего изложенія: ему пришлось сначала говорить о нѣсколькихъ частныхъ элементахъ изъ числа многихъ элементовъ, составляющихъ, по его мнѣнію, содержаніе искусства, потомъ объ отношеніи искусства къ дѣйствительности и затѣмъ опять о содержаніи искусства вообще, потомъ о существенномъ значеніи искусства, которое вытекаетъ изъ его отношеній къ дѣйствительности—такимъ образомъ однородные вопросы разрознены другими, посторонними для ихъ рѣшенія вопросами. Мы позволяемъ себѣ поправить эту ошибку, и будемъ излагать мысли автора въ томъ порядкѣ, который болѣе соотвѣтствуетъ требованіямъ систематической стройности.

Господствующая теорія, поставляя цѣлью человѣческихъ желаній абсолютное и ставя желанія человѣка, не находящія себѣ удовлетвореній въ дѣйствительности, выше тѣхъ скромныхъ желаній, которыя могутъ удовлетворяться предметами и явленіями дѣйствительнаго міра, прилагаетъ это общее воззрѣніе, которымъ объясняется въ ней происхожденіе всѣхъ умствен-

ныхъ и нравственныхъ дѣятельностей человѣка, и къ происхожденію искусства, содержаніемъ котораго она почитаетъ „прекрасное“. Прекрасное, встрѣчаемое человѣкомъ въ дѣйствительности, говоритъ она, имѣетъ важные недостатки, уничтожающіе красоту его; а наше эстетическое чувство ищетъ совершенства; потому для удовлетворенія требованію эстетическаго чувства, не удовлетворяющагося дѣйствительностью, фантазія наша возбуждается къ созданію новаго прекраснаго, которое не имѣло бы недостатковъ, искажающихъ красоту прекраснаго въ природѣ и жизни. Эти созданія творческой фантазіи осуществляются произведеніями искусства, которыя свободны отъ недостатковъ, губящихъ красоту дѣйствительности, и потому собственно говоря только произведенія искусства истинно прекрасны, между тѣмъ какъ явленія природы и дѣйствительной жизни имѣютъ только призракъ красоты. Итакъ, прекрасное, создаваемое искусствомъ, гораздо выше того, что кажется (только кажется) прекраснымъ въ дѣйствительности.

Это положеніе подтверждается рѣзкою критикою прекраснаго, представляемаго дѣйствительностью, и критика эта старается обнаружить въ немъ множество недостатковъ, искажающихъ его красоту.

Г. Чернышевскій, какъ поставляющій дѣйствительность выше грёзъ фантазіи, не можетъ раздѣлять мнѣнія, будто бы прекрасное, создаваемое фантазіею, выше по красотѣ своей, нежели явленія дѣйствительности. Въ этомъ случаѣ онъ, прилагая къ данному вопросу свои основныя убѣжденія, будетъ имѣть на своей сторонѣ всѣхъ, раздѣляющихъ эти убѣжденія, и противъ себя всѣхъ, которые держатся прежнихъ мнѣній о томъ, что фантазія можетъ возноситься выше дѣйствительности. Рецензентъ, соглашавшійся въ общихъ научныхъ убѣжденіяхъ съ г. Чернышевскимъ, долженъ также признать справедливость его частнаго вывода, что дѣйствительность по красотѣ своей выше созданій фантазіи, осуществляемыхъ искусствомъ.

Но должно доказать это—и г. Чернышевскій, для исполненія этой обязанности, сначала пересматриваетъ упреки, дѣлаемые прекрасному живой дѣйствительности, и старается доказать, что недостатки, поставляемые ему въ вину господствующею теоріею, не всегда въ немъ находятся, а если и находятся, то вовсе не въ такой искажающей громадности, какъ полагаетъ эта теорія. Потомъ онъ разсматриваетъ, свободны ли отъ этихъ недостатковъ произведенія искусства и старается показать, что всѣ упреки, дѣлаемые прекрасному живой дѣйствительности, прилагаются также къ созданіямъ искусства, и почти всѣ эти недостатки бывають въ нихъ болѣе грубы и сильны, нежели каковы они въ прекрасномъ, которое дается намъ живою дѣйствительностью. Отъ критики искусства вообще онъ переходитъ къ анализу отдѣльныхъ искусствъ, и также доказываетъ, что ни одно искусство, ни скульптура, ни живопись, ни музыка, ни поэзія не можетъ давать намъ произведеній, которыя представляли бы нѣчто такое прекрасное, которому не нашлось бы въ дѣйствительности соотвѣствующихъ прекрасныхъ явленій, и ни одно искусство не можетъ создать произведеній, равныхъ по красотѣ этимъ соотвѣствующимъ явленіямъ дѣйствительности. Но мы должны и здѣсь замѣтить, что авторъ опять дѣлаетъ очень важный недосмотръ, перечисляя и опровергая упреки прекрасному въ дѣйствительности только въ

томъ видѣ, какъ изложены они Фишеромъ, и не пополняя этихъ упрековъ тѣми, которые высказаны Гегелемъ. Правда, у Фишера критика прекраснаго живой дѣйствительности гораздо полнѣе и подробнѣе, нежели у Гегеля; но у Гегеля, при всей его краткости, мы встрѣчаемъ два упрека, которые забыты Фишеромъ, и которые чрезвычайно глубоки—*Ungeistigkeit* и *Unfreiheit* (недуховность, несознательность или бессмысленность и несвобода) всего прекраснаго въ природѣ. Надобно прибавить однако, что эта неполнота въ изложеніи, составляя вину автора, не вредитъ сущности защищаемыхъ имъ воззрѣній, потому что забытые авторомъ упреки могутъ быть легко отстранены отъ прекраснаго въ дѣйствительности и обращены на прекрасное въ искусствѣ тѣмъ же самымъ способомъ и почти тѣми же фактами, которые находимъ у г. Чернышевскаго по поводу упрековъ въ непреднамеренности. Столь же важно другое упущеніе—въ обзорѣ отдѣльныхъ искусствъ авторъ забылъ мимику, танцы и сценическое искусство—онъ долженъ былъ разсмотрѣть ихъ, хотя бъ и считалъ, подобно другимъ эстетикамъ, отраслью пластическаго искусства (*die Bildnerkunst*), потому что созданія этихъ искусствъ совершенно отличны по характеру отъ статуй.

Но если произведенія искусства виже дѣйствительности, то изъ какихъ же основаній возникло мнѣніе о высокомъ превосходствѣ искусства надъ явленіями природы и жизни? Авторъ отыскиваетъ эти основанія въ томъ, что предметъ цѣнится человѣкомъ не только по его внутреннему достоинству, а также по рѣдкости и трудности его полученія. Прекрасное въ природѣ и жизни является безъ особенныхъ заботъ съ нашей стороны, и его очень много; прекрасныхъ произведеній искусства очень мало и они производятся не безъ труда, иногда чрезвычайно напряженнаго; кромѣ того, человѣкъ ими гордится, какъ дѣломъ подобнаго себѣ человѣка—какъ для француза французская поэзія (въ сущности очень слабая) кажется лучшею въ мірѣ, такъ для человѣка искусство вообще пріобрѣтаетъ особенную любовь потому, что оно дѣло человѣка—въ его пользу говоритъ пристрастіе къ своему, родному; кромѣ того искусство, подчиняясь, вмѣстѣ съ художниками, мелочнымъ прихотямъ человѣка, на которыя не обращаютъ вниманія природа и жизнь, и тѣмъ самымъ унижаясь, искажаясь, пріобрѣтаетъ, какъ всякій льстецъ, любовь очень многихъ; наконецъ произведеніями искусства мы наслаждаемся, когда хотимъ, то-есть, когда расположены вникать въ ихъ красоты и наслаждаться ими, а прекрасныя явленія природы и жизни очень часто проходятъ мимо насъ въ такое время, когда наше вниманіе и симпатія обращены на другіе предметы; кромѣ того авторъ исчисляетъ еще нѣсколько основаній слишкомъ высокаго мнѣнія о достоинствѣ искусства. Эти объясненія не совершенно полны—авторъ забылъ очень важное обстоятельство: мнѣніе о превосходствѣ искусства надъ дѣйствительностью—мнѣніе ученыхъ, мнѣніе философской школы, а не сужденіе человѣка вообще, чуждаго систематическихъ убѣжденій; масса людей, правда, ставитъ искусство очень высоко, быть можетъ выше, нежели давало бы ему на то право одно внутреннее достоинство, и это пристрастіе удовлетворительно объясняется указаніями автора; но масса людей вовсе не ставитъ искусство выше дѣйствительности, напротивъ, она не думаетъ сравнивать ихъ по достоинству,

а если должна будетъ дать ясный отвѣтъ, то скажетъ, что природа и жизнь прекраснѣ искусства. Одни только эстетики, да и то не всѣхъ школъ, ставятъ искусство выше дѣйствительности, и такое мнѣніе, составившееся вслѣдствіе особенныхъ, имъ только принадлежащихъ воззрѣній, должно быть объясняемо этими воззрѣніями. Именю, эстетики псевдо-классической школы предпочитали искусство дѣйствительности потому, что вообще страдали болѣзнью своего вѣка и кружкѣ — искусственностью всѣхъ привычекъ и понятій: они не въ одномъ искусствѣ, но и во всѣхъ сферахъ жизни боялись и дичились природы, какъ она есть, любили только прикрашенную, „умытую“ природу. А мыслители господствующей нынѣ школы ставятъ искусство, какъ нѣчто идеальное, выше природы и жизни, которыя реальны, потому что вообще не успѣли еще освободиться отъ идеализма, несмотря на геніальные порывы къ реализму, и идеальную жизнь ставятъ вообще выше реальной.

Возвращаемся къ теоріи г. Чернышевскаго. Если искусство не можетъ сравниться съ дѣйствительностью по красотѣ своихъ произведеній, то оно не можетъ быть обязано своимъ происхожденіемъ недовольству нашему красотой дѣйствительности и стремленію создать нѣчто лучшее — въ такомъ случаѣ человѣкъ давно бросилъ бы искусство, какъ нѣчто совершенно недостигающее своей цѣли и безплодное, говорить онъ. Потому потребность, вызывающая искусство, должна быть не та, какъ полагаетъ господствующая теорія — до сихъ поръ всѣ, раздѣляющіе съ г. Чернышевскимъ основныя понятія о человѣческой жизни и природѣ, вѣроятно скажутъ, что выводы его послѣдовательны. Но мы не хотимъ рѣшать, совершенно ли вѣрно пріисканное имъ объясненіе потребности, рождающей искусство; представляемъ его собственными словами этотъ выводъ, чтобы дать читателямъ полную возможность судить о его несправедливости или справедливости.

„Море вполне прекрасно; смотря на него, мы не думаемъ быть имъ недовольны въ эстетическомъ отношеніи. Но не всѣ люди живутъ близъ моря; многимъ не удастся ни разу въ жизни взглянуть на него, а имъ также хотѣлось бы полюбоваться на море — и для нихъ являются картины, изображающія море. Конечно, гораздо лучше смотрѣть на самое море, нежели на его изображеніе; но за недостаткомъ лучшаго, человѣкъ довольствуется и худшимъ, за недостаткомъ вещи — ея суррогатомъ. И тѣмъ людямъ, которые могутъ любоваться моремъ въ дѣйствительности, не всегда, когда хочется, можно смотрѣть на море — они вспоминаютъ о немъ; но фантазія слаба, ей нужна поддержка, напоминаніе — и, чтобъ оживить свои воспоминанія о морѣ, чтобы яснѣе представлять его въ своемъ воображеніи, они смотрятъ на картину, изображающую море. Вотъ единственная цѣль и значеніе очень многихъ (большей части) произведеній искусства: дать возможность, хотя въ нѣкоторой степени, познакомиться съ прекраснымъ въ дѣйствительности тѣмъ людямъ, которые не имѣли возможности наслаждаться имъ на самомъ дѣлѣ; служить напоминаніемъ, возбуждать и оживать воспоминаніе о прекрасномъ въ дѣйствительности у тѣхъ людей, которые знаютъ его изъ опыта и любятъ вспоминать о немъ. (Оставляемъ пока выраженіе: „прекрасное есть существенное содержаніе искусства“; впо-

сѣдствіи мы подстановимъ вмѣсто термина „прекрасное“ другой, которымъ содержаніе искусства опредѣляется, по нашему мнѣнію, точнѣе и полнѣе). Итакъ первое значеніе искусства, принадлежащее всѣмъ безъ изыятія произведеніямъ его—воспроизведеніе природы и жизни. Отношеніе ихъ къ соотвѣтствующимъ сторонамъ и явленіямъ дѣйствительной жизни таково же, какъ отношеніе гравюры къ той картинѣ, съ которой она снята, какъ отношеніе портрета къ лицу, имъ изображаемому. Гравюра снимается съ картины не потому, чтобы картина была не хороша, а именно потому, что картина очень хороша; такъ дѣйствительность воспроизводится искусствомъ не для сглаживанья недостатковъ ея, не потому что сама по себѣ дѣйствительность не довольно хороша, а потому именно, что она хороша. Гравюра не думаетъ быть лучше картины, — она гораздо хуже ея въ художественномъ отношеніи; такъ и произведеніе искусства никогда не достигаетъ красоты или величія дѣйствительности; но картина одна, ею могутъ любоваться только люди, пришедшіе въ галерею, которую она украшаетъ; гравюра расходуется въ сотняхъ экземпляровъ по всему свѣту, каждый можетъ любоваться ею когда ему угодно, не выходя изъ своей комнаты, не вставая съ своего дивана, не скидая своего халата; такъ и предметъ прекрасный въ дѣйствительности доступенъ не всякому и не всегда, воспроизведенный (слабо, грубо, блѣдно, это правда, но все-таки воспроизведенный) искусствомъ доступенъ всегда и всякому. Портретъ человѣка дѣлается не для того, чтобы сгладить недостатки его лица (что намъ за дѣло до этихъ недостатковъ? они для насъ незамѣтны или милы), но для того, чтобы доставить намъ возможность любоваться на это лицо даже и тогда, когда оно на самомъ дѣлѣ не передъ нашими глазами; такова же цѣль и значеніе произведеній искусства вообще: они не поправляютъ дѣйствительность, не украшаютъ ее, а воспроизводятъ, служатъ ей суррогатомъ“.

Авторъ признаетъ, что теорія воспроизведенія, имъ предлагаемая, не есть нѣчто новое: подобный взглядъ на искусство господствовалъ въ греческомъ мірѣ; но съ тѣмъ вмѣстѣ онъ утверждаетъ, что его теорія существенно различна отъ псевдо-классической теоріи подражанія природѣ, и доказываетъ это различіе, приводя критику псевдоклассическихъ понятій изъ Гегелевой эстетики: ни одно изъ возраженій Гегеля, совершенно справедливыхъ относительно теоріи подражанія природѣ, не прилагается къ теоріи воспроизведенія; потому и духъ этихъ двухъ воззрѣній, очевидно, существенно различенъ. Въ самомъ дѣлѣ, воспроизведеніе имѣетъ цѣлью помочь воображенію, а не обманывать чувства, какъ того хочетъ подражаніе, и не есть пустая забава, какъ подражаніе, а дѣло, имѣющее реальную цѣль.

Нѣтъ сомнѣнія, что теорія воспроизведенія, если заслужитъ вниманіе, возбудитъ сильныя выходки со стороны приверженцевъ теоріи творчества. Будутъ говорить, что она ведетъ къ дагерротипичной копировкѣ дѣйствительности, противъ которой такъ часто вооружаются; предупреждая мысль о рабской копировкѣ, г. Чернышевскій показываетъ, что и въ искусствѣ человѣкъ не можетъ отказаться отъ своего—не говоримъ, права, это мало, отъ своей обязанности пользоваться всѣми своими нравственными и умствен-

ными силами, въ томъ числѣ и воображеніемъ, если хочеть даже не болѣе какъ вѣрно скопировать предметъ. Въмѣсто того, чтобы возставать противъ „дагерротипнаго копированья“, прибавляетъ онъ, не лучше ли было бы говорить только, что и копировка, какъ и всякое другое человѣческое дѣло, требуетъ пониманія, требуетъ способности отличать существенныя черты отъ неважныхъ? „Мертвая копировка“ — говорятъ обыкновенно; но человѣкъ не можетъ скопировать вѣрно. если механизмъ его руки не направляется живымъ смысломъ: нельзя сдѣлать даже вѣрнаго fac-simile, не понимая значенія копируемыхъ буквъ.

Но словами „искусство есть воспроизведеніе явленій природы и жизни“ опредѣляется только способъ, какимъ созидаются произведенія искусства; остается еще вопросъ о томъ, какія же явленія воспроизводятся искусствомъ; опредѣливъ формальное начало искусства, нужно, для полноты понятія, опредѣлить и реальное начало или содержаніе искусства. Обыкновенно говорятъ, что содержаніемъ искусства служитъ только прекрасное и его соподчиненныя понятія — возвышенное и комическое. Авторъ находитъ такое понятіе слишкомъ узкимъ, и утверждаетъ, что область искусства — все, интересное для человѣка въ жизни и природѣ. Доказательство этого положенія мало развито и составляетъ самую неудовлетворительную часть въ изложеніи г. Чернышевскаго, который, кажется, считалъ этотъ пунктъ слишкомъ яснымъ и почти ненуждающимся въ доказательствахъ. Мы не оспариваемъ самаго вывода, который принимается авторомъ; а недовольны только его изложеніемъ. Онъ долженъ былъ привести гораздо болѣе примѣровъ, которые подтверждали бы его мысль, что „содержаніе искусства не ограничивается тѣсными рамками прекраснаго, возвышеннаго и комическаго“ — легко было найти тысячи фактовъ, доказывающихъ эту справедливую мысль, и тѣмъ болѣе виноватъ авторъ, что мало позаботился о томъ.

Но если очень многія произведенія искусства имѣютъ только одинъ смыслъ — воспроизведеніе интересныхъ для человѣка явленій жизни, то очень многія пріобрѣтаютъ кромѣ этого основного значенія другое, высшее — служить объясненіемъ воспроизводимыхъ явленій; особенно должно сказать это о поэзіи, которая не въ силахъ обнять всѣхъ подробностей, потому по необходимости выпуская изъ своихъ картинъ очень многія мелочи, тѣмъ самымъ сосредоточиваетъ наше вниманіе на немногихъ удержанныхъ чертахъ, — если удержаны, какъ и слѣдуетъ, черты существенныя, то этимъ самымъ для неопытнаго глаза облегчается обзоръ сущности предмета. Въ этомъ иные видятъ превосходство поэтическихъ картинъ передъ дѣйствительностью — но выпущеніе всѣхъ несущественныхъ подробностей и передача однихъ главныхъ чертъ не особенное качество поэзіи, а общее свойство разумной рѣчи — и въ прозаическомъ разсказѣ бываетъ то же самое.

Наконецъ, если художникъ человѣкъ мыслящій, то онъ не можетъ не имѣть своего сужденія о воспроизводимыхъ явленіяхъ — оно, волею или неволею, ясно или тайно, сознательно или безсознательно отразится на произведеніи, которое такимъ образомъ получаетъ еще третье значеніе — приговора мысли о воспроизводимыхъ явленіяхъ. Это значеніе чаще, нежели въ другихъ искусствахъ, мы находимъ въ поэзіи.

Соединяя все сказанное, заключаемъ г. Чернышевскій, мы получимъ слѣдующее воззрѣніе на искусство: существенное значеніе искусства воспроизведеніе всего, что интересно для человѣка въ жизни; очень часто, особенно въ поэзіи, выступаетъ на первый планъ также объясненіе жизни, приговоръ о явленіяхъ ея. Искусство относится къ дѣйствительности совершенно такъ же, какъ исторія; различіе по содержанію только въ томъ, что исторія говоритъ о жизни общественной, искусство о жизни индивидуальной, исторія о жизни человѣчества, искусство о жизни человѣка (картины природы имѣютъ только значеніе обстановки для явленій человѣческой жизни или намека, предчувствія объ этихъ явленіяхъ. Что касается различія по формѣ, авторъ опредѣляетъ его такъ: исторія, какъ и всякая наука, заботится только о ясности, понятности своихъ картинъ; искусство о—жизненной полнотѣ подробностей). Первая задача исторіи — передать прошедшее; вторая, исполняемая не всѣми историками—объяснить его, произнестъ о немъ приговоръ; не заботясь о второй задачѣ, историкъ остается простымъ лѣтописцемъ, и его произведеніе только матеріалъ для истиннаго историка или чтеніе для удовлетворенія любопытства; исполняя вторую задачу, историкъ становится мыслителемъ, и его твореніе приобретаетъ научное достоинство. Совершенно то же самое надобно сказать объ искусствѣ. Ограничиваясь воспроизведеніемъ явленій жизни, художникъ удовлетворяетъ нашему любопытству или даетъ пособіе нашимъ воспоминаніямъ о жизни. Но если онъ притомъ объясняетъ и судитъ воспроизводимыя явленія, онъ становится мыслителемъ, и его произведеніе къ художественному своему достоинству присоединяетъ еще высшее значеніе—значеніе научное.

Отъ общаго опредѣленія содержанія искусства натураленъ переходъ къ частнымъ элементамъ, входящимъ въ составъ этого содержанія, и мы здѣсь изложимъ взгляды автора на прекрасное и возвышенное, въ опредѣленіи сущности которыхъ онъ не согласенъ съ господствующею теоріею, потому что она въ этихъ случаяхъ перестала соответствовать настоящему развитію науки. Анализировать эти понятія онъ долженъ былъ потому, что въ обыкновенномъ ихъ опредѣленіи находится непосредственный источникъ мысли о превосходствѣ искусства надъ дѣйствительностью: они служатъ въ господствующей теоріи связью между общими идеалистическими началами и частными эстетическими мыслями. Авторъ долженъ былъ очистить эти важныя понятія отъ трансцендентальной примѣси, чтобы привести ихъ въ согласіе съ духомъ своей теоріи.

Господствующая теорія имѣетъ двѣ формулы для выраженія своего понятія о прекрасномъ: „прекрасное есть единство идеи и образа“, и „прекрасное есть полное проявленіе идеи въ отдѣльномъ предметѣ“; авторъ находитъ, что послѣдняя формула говоритъ о существенномъ признакѣ не идеи прекраснаго, а того, что называется мастерскимъ произведеніемъ искусства или всякой вообще человѣческой дѣятельности, а первая формула слишкомъ широка: она говоритъ, что прекрасныя предметы тѣ, которые лучше другихъ въ своемъ родѣ; но есть многіе роды предметовъ, не достигающіе красоты. Потому онъ признаетъ оба господствующія выраженія не совершенно удовлетворительными, и принужденъ искать болѣе точнаго

опредѣленія, которое, какъ ему кажется, находить въ формулѣ: „прекрасное есть жизнь; прекрасно то существо, въ которомъ мы видимъ жизнь такую, какова она должна быть по нашимъ понятіямъ; прекрасенъ тотъ предметъ, который выказываетъ въ себѣ жизнь или напоминаетъ намъ о жизни“. Представимъ здѣсь существенную часть анализа, на которомъ опирается этотъ выводъ — разборъ принадлежностей человѣческой красоты, какъ ее понимаютъ различные классы народа.

«Хорошая жизнь, жизнь, какъ она должна быть, у простого народа состоитъ въ томъ, чтобы сытно ѣсть, жить въ хорошей избѣ, спать вдоволь; но имѣть съ этимъ у поселянина въ понятіи «жизнь» всегда заключается понятіе о работѣ: жить безъ работы нельзя, да и скучно было бы. Слѣдствіемъ жизни въ довольствіи при большой работѣ, не доходящей однако до изнуренія силъ, у сельской дѣвушки будетъ чрезвычайно свѣжій цвѣтъ лица и румянецъ во всю щеку — первое условіе красоты по простонароднымъ понятіямъ. Работая много, поэтому будучи крѣпка сложениемъ, сельская дѣвушка при сытной пищѣ будетъ довольно плотна — это также необходимое условіе сельской красоты: свѣтская «полувоздушная» красавица кажется поселянину рѣшительно «невзрачною», даже производитъ на него непріятное впечатлѣніе; потому что онъ привыкъ считать «худобу» слѣдствіемъ болѣзненности или «горькой доли». Но работа не даетъ разжирѣть: если сельская дѣвушка толста, это родъ болѣзненности, знакъ «рыхлаго» сложения, и народъ считаетъ толстоту недостаткомъ. У сельской красавицы не можетъ быть маленькихъ ручекъ и ножекъ, потому что она много работаетъ — объ этихъ принадлежностяхъ красоты и не упоминается въ нашихъ пѣсняхъ. Однимъ словомъ, въ описаніяхъ красавицы въ народныхъ пѣсняхъ не найдется ни одного признака красоты, который не былъ бы выраженіемъ цвѣтущаго здоровья и равновѣсія силъ въ организмѣ, всегдшняго слѣдствія жизни въ довольствіи при постоянной и не шуточной, но не чрезмѣрной работѣ. Совершенно другое дѣло свѣтская красавица; уже нѣсколько поколѣній предки ея жили, не работая руками; при бездѣйственномъ образѣ жизни крови льется въ оконечности мало, съ каждымъ новымъ поколѣніемъ мускулы рукъ и ногъ слабѣютъ, кости дѣлаются тоньше; необходимымъ слѣдствіемъ всего этого должны быть маленькія ручки и ножки — онѣ признакъ такой жизни, которая одна и кажется жизнью для высшихъ классовъ общества, жизни безъ физической работы; если у свѣтской женщины большія руки и ноги, это признакъ или того, что она дурно сложена, или того, что она не изъ старинной хорошей фамиліи. По этому же самому у свѣтской красавицы должны быть маленькія ушки. Мигрень, какъ извѣстно, интересная болѣзнь — и не безъ причины: отъ бездѣйствія кровь остается вся въ среднихъ органахъ, приливаетъ къ мозгу, нервная система и безъ того уже раздражительна отъ всеобщаго ослабленія въ организмѣ; неизбежное слѣдствіе всего этого — продолжительныя головныя боли и разнаго рода нервическія расстройства; что дѣлать? и болѣзнь интересна, чуть не завидна, когда она слѣдствіе того образа жизни, который намъ нравится. Здоровье, правда, никогда не можетъ потерять своей цѣны въ глазахъ человѣка; потому что и въ довольствіи, и въ роскоши плохо жить безъ здоровья — вслѣдствіе того румянецъ на щекахъ и цвѣтущая здоровьемъ свѣжесть продолжаютъ быть привлекательными и для свѣтскихъ людей; но болѣзненность, слабость, вялость, томность также имѣютъ въ глазахъ ихъ достоинство, какъ скоро кажутся слѣдствіемъ роскошно бездѣйственнаго образа жизни. Блѣдность, томность, болѣзненность имѣютъ еще другое значеніе для свѣтскихъ людей; если поселянинъ ищетъ отдыха, спокойствія, то люди образованнаго общества, у которыхъ матеріальной нужды и физической усталости не бываетъ, но которымъ зато часто бываетъ скучно отъ бездѣлья и отсутствія матеріальныхъ заботъ, ищутъ «сильныхъ ощущеній, волненій, страстей», которыми придается цвѣтъ, разнообразіе, увлекательность свѣтской жизни, безъ того монотонной и безцвѣтной. А отъ сильныхъ ощущеній, отъ пылкихъ страстей человѣкъ скоро изнаши-

вается; какъ же не очароваться томностью, блѣдностью красавицы, если томность и блѣдность ей служатъ признакомъ, что она много жила?

Мила живая свѣжесть цвѣта,
Знакъ юныхъ дней;
Но блѣдный цвѣтъ, тоски примѣта,
Еще милѣй.

«Но если увлеченіе блѣдною, болѣзненною красотою признакъ искусственной испорченности вкуса, то всякій истинно образованный человѣкъ чувствуетъ, что истинная жизнь—жизнь ума и сердца. Она отпечатывается въ выраженіи лица, всего яснѣе въ глазахъ—потому выраженіе лица, о которомъ такъ мало говорится въ народныхъ пѣсняхъ, получаетъ огромное значеніе въ понятіяхъ о красотѣ, господствующихъ между образованными людьми; и часто бываетъ, что человѣкъ кажется намъ прекрасенъ только потому, что у него прекрасные, выразительные глаза... Взглянемъ на противоположную сторону предмета, рассмотримъ, отчего человѣкъ бываетъ некрасивъ. Причину некрасивости общей фигуры человѣка всякій укажетъ въ томъ, что человѣкъ, имѣющій дурную фигуру—дурно сложенъ». Уродливость—слѣдствіе болѣзни или пагубныхъ случаевъ, отъ которыхъ особенно легко уродуется человѣкъ въ первое время развитія. Если жизнь и ея проявленія—красота, очень естественно, что болѣзни и ея слѣдствія—безобразіе. Но человѣкъ дурно сложенный—также уродъ, только въ меньшей степени, и причины «дурного сложенія» тѣ же самыя, которыя производятъ уродливость, только слабѣе ихъ. Горбатость—слѣдствіе несчастныхъ обстоятельствъ, при которыхъ совершалось развитіе человѣка; но сутуловатость та же горбатость, только въ меньшей степени, и должна происходить отъ тѣхъ же самыхъ причинъ. Вообще худо сложенный человѣкъ—до нѣкоторой степени искаженный человѣкъ: его фигура говоритъ намъ не о жизни, не о счастливомъ развитіи, а о тяжелыхъ сторонахъ развитія, о неблагоприятныхъ обстоятельствахъ. Отъ общаго очерка фигуры переходимъ къ лицу. Черты его бываютъ вехороши или сами по себѣ, или по своему выраженію. Въ лицѣ не нравится намъ «злое», непріятное» выраженіе, потому что злость—ядъ, отравляющій нашу жизнь. Но гораздо чаще лицо «некрасиво» не по выраженію, а по самымъ чертамъ: онѣ бываютъ некрасивы въ томъ случаѣ, когда лицевыя кости дурно организованы, когда хрящи и мускулы въ своемъ развитіи болѣе или менѣе носятъ отпечатокъ уродливости, т.-е. когда первое развитіе человѣка совершалось въ неблагоприятныхъ обстоятельствахъ».

Господствующая теорія признаетъ, что красота въ царствѣ природы—то, что напоминаетъ намъ о человѣкѣ и его красотѣ; потому ясно, что если въ человѣкѣ красота есть жизнь, то и о красотѣ природы должно сказать то же самое. Анализъ, которымъ г. Чернышевскій подтверждаетъ свое понятіе о существенномъ значеніи прекраснаго, мы упрекнемъ въ томъ, что выраженія, употребляемая авторомъ, могутъ ввести въ недоумѣніе, инстинктивно или сознательно человѣкъ замѣчаетъ связь красоты съ жизнью. Само собою разумѣется, что большею частью это бываетъ инстинктивно. Напрасно авторъ не позаботился указать это важное обстоятельство.

Различіе между принимаемымъ и отвергаемымъ у автора воззрѣніями на прекрасное очень важно. Если прекрасное есть „полное проявленіе идеи въ отдѣльномъ существѣ“, то прекраснаго въ дѣйствительныхъ предметахъ нѣтъ, потому что идея вполне проявляется только цѣлымъ мірозданіемъ, а въ отдѣльномъ предметѣ вполне осуществиться не можетъ; изъ этого будетъ слѣдовать, что прекрасное въ дѣйствительность вносится только нашею фантазіею, что поэтому истинная область прекраснаго—область фантазіи, а

потому искусство, осуществляющее идеалы фантазии, стоит выше действительности и имѣть своимъ источникомъ стремленіе человѣка создать прекрасное, котораго не находитъ онъ въ действительности. Напротивъ, изъ понятія, предлагаемаго авторомъ: „прекрасное есть жизнь“, слѣдуетъ, что истинная красота есть красота действительности, что искусство (какъ и полагаетъ авторъ) не можетъ создавать ничего равнаго по красотѣ явленіямъ действительнаго міра, и происхожденіе искусства легко тогда объясняется по теоріи автора, которую мы изложили выше.

Подвергая критикѣ выраженія, которыми опредѣляется въ господствующей эстетической системѣ понятіе возвышеннаго, — „возвышенное есть перевѣсъ идеи надъ формою“ и „возвышенное есть то, что пробуждаетъ въ насъ идею безконечнаго“, авторъ приходитъ къ заключенію, что и эти опредѣленія невѣрны — онъ находитъ, что предметъ производитъ впечатлѣніе возвышеннаго, вовсе не возбуждая идеи безконечнаго. Потому авторъ опять долженъ искать другого опредѣленія, и ему кажется, что всѣ явленія, относящіяся къ области возвышеннаго, обнимаются и объясняются слѣдующею формулою: „Возвышенное есть то, что гораздо больше всего, съ чѣмъ сравнивается нами“. Такъ, напримѣръ, говоритъ онъ, Казбекъ величественная гора, (хотя вовсе не представляется чѣмъ-то безграничнымъ или безконечнымъ), потому что гораздо выше пригорковъ, которые мы привыкли видѣть; такъ Волга — величественная рѣка, потому что гораздо шире маленькихъ рѣкъ; любовь — возвышенная страсть, потому что гораздо сильнѣе ежедневныхъ мелочныхъ расчетовъ и интригъ; Юлій Цезарь, Отелло, Дездемона — возвышенныя личности, потому что Юлій Цезарь гораздо гениальнѣе обыкновенныхъ людей, Отелло любитъ и ревнуетъ, Дездемона любитъ гораздо сильнѣе обыкновенныхъ людей.

Изъ господствующихъ опредѣленій, отвергаемыхъ г. Чернышевскимъ, слѣдуетъ, что прекрасное и возвышенное въ строгомъ смыслѣ не встрѣчаются въ действительности и вносятся въ нее только нашею фантазіею; изъ понятій, предлагаемыхъ г. Чернышевскимъ, слѣдуетъ, напротивъ, что прекрасное и возвышенное действительно существуютъ въ природѣ и человѣческой жизни. Но съ тѣмъ выѣстъ слѣдуетъ, что наслажденіе тѣми или другими предметами, имѣющими въ себѣ эти качества, непосредственно зависитъ отъ понятій наслаждающагося человѣка: прекрасно то, въ чемъ мы видимъ жизнь, сообразную съ *нашими* понятіями о жизни, возвышенное то, что гораздо больше предметовъ, съ которыми сравниваемъ его *мы*. Такимъ образомъ, объективное существованіе прекраснаго и возвышеннаго въ действительности примиряется съ субъективными воззрѣніями человѣка.

Понятію трагическаго, которое составляетъ важнѣйшую отрасль возвышеннаго, авторъ также даетъ новое опредѣленіе, чтобы очистить его отъ трансцендентальной примѣси, которою опутано оно въ господствующей теоріи, связывающей его съ понятіемъ судьбы, внутренняя пустота котораго доказана теперь наукою. Удаляя, сообразно требованію науки, изъ опредѣленія трагическаго всякую мысль о судьбѣ или необходимости, неизбѣжности, авторъ понимаетъ трагическое просто какъ „ужасное въ жизни человѣка“. Понятіе комическаго (пустота, бессмысленность формы, лишенной содержанія

или имѣющей претензію на содержаніе, несоразмѣрное ея ничтожеству) господствующею теоріею развито такъ, что соотвѣтствуетъ характеру современной науки, потому авторъ не имѣетъ нужды измѣнять его—оно уже и въ обыкновенномъ своемъ выраженіи совершенно гармонируетъ съ духомъ его теоріи. Такимъ образомъ, задача, которую предложилъ себѣ авторъ—привести основныя эстетическія понятія въ соотвѣтствіе съ настоящимъ развитіемъ науки, исполнена, насколько то было доступно силамъ автора, и онъ заключаетъ свое изслѣдованіе такъ:

«Апологія дѣйствительности сравнительно съ фантазіею, стремленіе доказать, что произведенія искусства рѣшительно не могутъ выдержать сравненія съ живою дѣйствительностью—вотъ сущность моего трактата. Говорить объ искусствѣ такъ, какъ говоритъ авторъ, не значитъ ли унижать искусство?—Да, если показывать, что искусство *ниже* дѣйствительной жизни по художественному совершенству своихъ произведеній, значитъ унижать искусство; но возставать противъ панегириковъ не значитъ еще быть хулителемъ. Наука не думаетъ быть выше дѣйствительности; это не стыдъ для нея. Искусство также не должно думать быть выше дѣйствительности; это не унизительно для него. Наука не стыдится говорить, что цѣль ея—понять и объяснить дѣйствительность, потомъ примѣнить ко благу человѣка свои объясненія; пусть и искусство не стыдится признаться, что цѣль его: для вознагражденія человѣка въ случаѣ отсутствія повѣйшаго эстетическаго наслажденія, доставляемаго дѣйствительностью, воспроизвести, по мѣрѣ силъ, эту драгоценную дѣйствительность и ко благу человѣка объяснить ее».

Заключеніе, по нашему мнѣнію, недовольно развитое. Оно оставляетъ еще для многихъ поводъ предполагать, будто бы значеніе искусства на самомъ дѣлѣ уменьшается, когда отвергаются безграничныя панегирики безусловному достоинству его произведеній и когда, вмѣсто неизмѣримо высокихъ трансцендентальныхъ источниковъ и цѣлей, источникомъ и цѣлью искусства поставляются потребности человѣка. Напротивъ, именно этимъ и возвышается реальное значеніе искусства, потому что такимъ объясненіемъ дается ему неоспоримое и почетное мѣсто въ числѣ дѣятельностей, служащихъ на благо человѣку, а быть во благо человѣку—значитъ имѣть полное право на высокое уваженіе со стороны человѣка. Человѣкъ преклоняется предъ тѣмъ, что служить ему во благо. Онъ называетъ хлѣбъ — „хлѣбъ-батюшка“, за то, что питается имъ; онъ называетъ землю — „матушка-земля“, за то, что она кормитъ его. Отецъ и мать! Всѣ панегирики ничто предъ этими священными именами, всѣ высокопарныя похвалы—пустота и ничтожность предъ чувствомъ сыновней любви и благодарности. Такъ и наука достойна этого чувства, потсму что служить на благо человѣку, такъ и искусство достойно его, когда служить на благо человѣку. А оно много, много блага приноситъ ему; потому что произведеніе художника, особенно поэта, достойнаго этого имени — „учебникъ жизни“, по справедливому выраженію автора, и такой учебникъ, которымъ съ наслажденіемъ пользуются всѣ люди, даже и тѣ, которые не знаютъ или не любятъ другихъ учебниковъ. Этимъ высокимъ, прекраснымъ, благотѣльнымъ значеніемъ своимъ для человѣка должно гордиться искусство.

Г. Чернышевскій сдѣлалъ, по нашему мнѣнію, очень прискорбную ошибку, не развивъ подробнѣе мысль о практическомъ значеніи искусства,

о его благотѣльномъ вліяніи на жизнь и образованность. Конечно, онъ этимъ эпизодомъ переступалъ бы границы своего предмета; но иногда такіа нарушенія систематичности необходимы для объясненія предмета. Теперь, несмотря на то, что сочиненіе г. Чернышевскаго все проникнуто уваженіемъ къ искусству за его великое значеніе для жизни, могутъ найтись люди, которые не захотятъ видѣть этого чувства, потому что нигдѣ не посвящено ему нѣсколькихъ отдѣльныхъ страницъ; могутъ подумать, что онъ не цѣнитъ по достоинству благотѣльнаго вліянія искусства на жизнь, или преклоняется передъ всѣмъ, что представляетъ дѣйствительность. Какъ думать объ этомъ г. Чернышевскій, или какъ будутъ въ этомъ случаѣ думать о немъ другіе, для насъ все равно: онъ оставилъ недосказанными свои мысли, и долженъ отвѣчать за такое упущеніе. Но мы должны объяснить то, что забылъ объяснить онъ, чтобы характеризовать отношенія современной науки къ дѣйствительности.

Дѣйствительность, насъ окружающая, не есть нѣчто однородное и однохарактерное по отношеніямъ своихъ безчисленныхъ явленій къ потребностямъ чловѣка. Понятіе это мы встрѣчаемъ и у г. Чернышевскаго: „Природа—говоритъ онъ—не знаетъ о чловѣкѣ и его дѣлахъ, о его счастіи и гибели; она безстрастная къ чловѣку, она не другъ и не врагъ ему“ (стр. 28); „часто чловѣкъ страдаетъ и погибаетъ безъ всякой вины съ своей стороны“ (стр. 30); природа не всегда соотвѣтствуетъ его потребностямъ; потому чловѣкъ для спокойствія и счастія своей жизни долженъ во многомъ измѣнять объективную дѣйствительность (стр. 99), чтобы приспособить ее къ потребностямъ своей практической жизни (стр. 59). Дѣйствительно, въ числѣ явленій, которыми окруженъ чловѣкъ, очень много такихъ, которыя непріятны или вредны ему; отчасти инстинктъ, еще болѣе наука (знаніе, размышленіе, опытность) даютъ ему средства понять, какія явленія дѣйствительности хороши и благопріятны для него, потому должны быть поддерживаемы и развиваемы его содѣйствіемъ, какія явленія дѣйствительности, напротивъ, тяжелы и вредны для него, потому должны быть уничтожены или по крайней мѣрѣ ослаблены для счастія чловѣческой жизни; наука же даетъ ему и средства для исполненія этой цѣли. Чрезвычайно могущественное пособіе въ этомъ оказываетъ наукѣ искусство, необыкновенно способное распространять въ огромной массѣ людей понятія, добытыя наукою, потому что знакомиться съ произведеніями искусства гораздо легче и привлекательнѣе для чловѣка, нежели съ формулами и суровымъ анализомъ науки. Въ этомъ отношеніи значеніе искусства для чловѣческой жизни неизмѣримо огромно. Не говоримъ о наслажденіи, доставляемомъ чловѣку его произведеніями—потому что толковать о высокой цѣнѣ эстетическаго наслажденія для чловѣка—дѣло совершенно излишнее: объ этомъ значеніи искусства и безъ того говорятъ уже слишкомъ много, забывая другое, болѣе существенное значеніе искусства, которое занимаетъ теперь насъ.

Наконецъ, г. Чернышевскій, намъ кажется, сдѣлалъ также очень важную ошибку, не объяснивъ отношенія современнаго положительнаго или практическаго міросозерцанія къ такъ называемымъ „идеальнымъ“ стремле-

нїямъ челоувѣка—и здѣсь также часто случается необходимость возставать противъ недоразумѣній. Положительность, принимаемая наукою, не имѣетъ ничего общаго съ тою пошлою положительностью, которая господствуетъ въ сухихъ людяхъ и которая противоположна идеальнымъ, но здоровымъ стремленїямъ. Мы видѣли, что современное міросозерцаніе считаетъ науку и искусство такими же насущными потребностями челоувѣка, какъ пищу и дыханіе. Точно также оно благопрїятно всѣмъ другимъ высшимъ стремленїямъ челоувѣка, которыя имѣютъ основаніе въ головѣ или сердцѣ челоувѣка. Голова и сердце такъ же необходимы для истинно челоувѣческой жизни, какъ желудокъ. Если голова не можетъ жить безъ желудка, то и желудокъ умретъ съ голоду, когда голова не будетъ прїискивать ему питанія. Этого мало. Челоувѣкъ не улитка, онъ не можетъ жить исключительно только для наполненія желудка. Жизнь умственная и нравственная (развивающаяся надлежащимъ образомъ тогда, когда здоровъ организмъ, то есть матеріальная сторона челоувѣческой жизни идетъ удовлетворительно)—вотъ истинно приличная челоувѣку и наиболѣе привлекательная для него жизнь. Современная наука не разрываетъ челоувѣка по частямъ, не искажаетъ его прекраснаго организма хирургическими ампутаціями, признаетъ равно нелѣпнымъ и пагубнымъ устарѣлыя стремленія ограничивать челоувѣческую жизнь одною головою или однимъ желудкомъ. Оба эти органы равно необходимо принадлежать челоувѣку и равно существенна для челоувѣка жизнь и того и другого органа. Потому-то благородныя стремленія ко всему высокому и прекрасному признаетъ наука въ челоувѣкѣ столь же существенными, какъ потребность ѣсть и пить. Она такъ же любитъ—потому, что наука не отвлеченна и не холодна: она любитъ и негодуетъ, преслѣдуетъ и покровительствуетъ—она такъ же любитъ благородныхъ людей, которые заботятся о нравственныхъ потребностяхъ челоувѣка, или скорбятъ, видя, какъ часто они не удовлетворяются, какъ любитъ и тѣхъ людей, которые заботятся о матеріальныхъ потребностяхъ своихъ собратіи.

Мы изложили мысли, высказанныя авторомъ, выставляя на видъ и поправляя замѣченные нами ошибки его. Теперь остается намъ произнести свое мнѣніе о его книгѣ. Мы должны сказать, что авторъ обнаруживаетъ нѣкоторую способность понимать эти общія начала и нѣкоторое умѣнье прилагать ихъ къ даннымъ вопросамъ; у него также замѣтна способность различать въ данныхъ понятїяхъ элементы, согласныя съ общими воззрѣніями современной науки, и другіе элементы, несогласныя съ ними. Потому его теорія имѣетъ внутреннее единство характера. До какой степени она справедлива, это рѣшитъ время. Но, охотно признавая, что мысли, изложенныя авторомъ, заслуживаютъ вниманія, мы съ тѣмъ вмѣстѣ должны сказать, что ему почти всегда принадлежитъ только изложеніе и примѣненіе этихъ мыслей, которыя уже даны ему наукою. Перейдемъ же къ оцѣнкѣ его изложенія. Многочисленныя ошибки и опущенія, нами замѣченныя, доказываютъ, что г. Чернышевскій писалъ свое изслѣдованіе въ то время, когда въ немъ самомъ еще совершался процессъ развитія выводимыхъ имъ мыслей, когда онѣ еще не достигли полной, всесторонней, установившейся систематичности. Еслибъ онъ повременилъ издавать свое сочиненіе, оно

могло бы имѣть болѣе научнаго достоинства, если не въ сущности, то по крайней мѣрѣ въ изложеніи. Онъ самъ, кажется, чувствовалъ это, говоря: „если эстетическія понятія, выводимыя мною изъ господствующихъ нынѣ воззрѣній на отношенія человѣческой мысли къ живой дѣйствительности, еще остались въ моемъ изложеніи неполны, односторонни, или шатки, то это, я надѣюсь, недостатки не самыхъ понятій, а только моего изложенія“ (стр. 8). Надобно сказать что-нибудь и о формѣ сочиненія. Мы ею рѣшительно недовольны, потому что она кажется намъ несоотвѣтствующею цѣли автора—возбудить вниманіе къ мыслямъ, на которыхъ онъ старается построить теорію искусства. Достичь этой цѣли онъ могъ придавъ своимъ общимъ мыслямъ живой интересъ приложеніемъ ихъ къ текущимъ вопросамъ нашей литературы. Онъ могъ показать многочисленными примѣрами живую связь общихъ началъ науки съ интересами дня, которые занимаютъ столь многихъ.

Предисловіе къ третьему изданію „Эстетическихъ отношеній искусства къ дѣйствительности“ *).

Въ сороковыхъ годахъ большинство образованныхъ людей въ Россіи живо интересовалось нѣмецкой философіей; лучшіе наши публицисты передавали русской публикѣ, насколько то было возможно, идеи, господствовавшія тогда въ ней. Это были идеи Гегеля и его учениковъ.

Теперь въ самой Германіи остается мало послѣдователей Гегеля; тѣмъ меньше остается ихъ у насъ. Но въ концѣ сороковыхъ и въ началѣ пятидесятихъ годовъ его философія владычествовала въ нашей литературѣ. Почти всѣ люди просвѣщеннаго образа мыслей сочувствовали ей, насколько знали ее изъ неполныхъ изложеній ея нашими публицистами. Немногіе, имѣвшіе привычку читать философскія книги на нѣмецкомъ языкѣ, были въ своихъ кружкахъ разъяснителями того, что не досказывалось въ печатныхъ русскихъ изложеніяхъ ея; этихъ комментаторовъ слушали жадно, они пользовались глубокимъ уваженіемъ своихъ любознательныхъ знакомыхъ. При жизни Гегеля единство образа мыслей поддерживалось между его учениками личнымъ его авторитетомъ. Но уже и при немъ появлялись въ нѣмецкой философской литературѣ изслѣдованія, въ которыхъ излагались выводы изъ основныхъ его идей или умалчиваемые или въ случаѣ крайней надобности даже порицаемые имъ. Важнѣйшимъ изъ такихъ изслѣдованій было анонимное сочиненіе „Мысли о смерти и безсмертіи“ (Gedanken über Tod und Unsterblichkeit). Оно было напечатано въ 1830 году, за годъ до смерти Гегеля. Когда умеръ авторитетный учитель, одинаковость мыслей у массы его послѣдователей стала ослабѣвать и въ 1835 году, по поводу изданія трактата Штрауса „Жизнь Іисуса“ (Das Leben Jesu), школа Гегеля распалась на три отдѣла: нѣкоторые остались вѣрны системѣ осторожнаго либерализма своего учителя; важнѣйшими изъ нихъ были Мишелеть и Розенкранцъ; они образовали отдѣлъ, который получилъ названіе центра;

*) Предисловіе это не было пропущено цензурою, такъ какъ о Фейербахѣ писать не полагалось. Третье изданіе „Эстетическихъ отношеній“ было рѣшено поэтому не печатать.

довольно многіе стали открыто высказывать мнѣнія рѣшительно прогрессивныя; сильнѣйшимъ представителемъ этого направленія былъ Штраусъ; онъ и шедшіе вмѣстѣ съ нимъ философы образовали лѣвую сторону гегелевской школы; очень многіе ученики Гегеля были шокированы рѣзкостью ихъ мнѣній, въ особенности выводами экзегетики Штрауса, и въ полемикѣ съ лѣвой стороной отбросили всѣ тѣ прогрессивные элементы, которые были соединены съ консервативными въ системѣ Гегеля; эта многочисленная группа составила правую сторону. Центральная партія старалась смягчить полемику правой стороны съ лѣвою, но это оказалось невозможнымъ; онѣ, идя каждая своимъ направленіемъ, отходили все дальше и дальше одна отъ другой, и передъ тѣмъ временемъ, когда политическія событія 1848 года дали массѣ нѣмецкой публики интересы, передъ которыми утратили важность философскіе споры, разрывъ между лѣвой и правой сторонами гегельянцевъ произвелъ тотъ результатъ, что большинство философовъ правой стороны уже держалось только терминологіи Гегеля, излагая посредствомъ ея идеи XVII вѣка, а большинство мыслителей лѣвой стороны влагало въ рамки гегелевской діалектики содержаніе болѣе или менѣе сходное съ такъ называемой философіей энциклопедистовъ.

Авторъ „Мыслей о смерти и безсмертіи“, Людвигъ Фейербахъ, занимался нѣсколько лѣтъ трудами по исторіи новой философій. Вѣроятно они содѣйствовали тому, что понятія его пріобрѣли широту, далеко переходившую обычный кругъ идей нѣмецкой философій, развившейся послѣ Канта. Лѣвая сторона гегелевской школы считала его своимъ. Онъ сохранялъ часть гегелевской терминологіи. Но въ 1845 году, въ предисловіи къ собранію своихъ сочиненій, онъ уже говорилъ, что философія отжила свой вѣкъ, что ея мѣсто должно быть занято естествознаніемъ.—Дѣлая обзоръ тѣхъ фазисовъ развитія, которыя проходила его мысль, и показывая при каждомъ изъ нихъ почему она не остановилась на немъ, признала его устарѣвшимъ и перешла къ слѣдующему, онъ, по изложеніи основныхъ идей послѣднихъ своихъ трудовъ, говоритъ: „Но и эта точка зрѣнія не устарѣла ли?“ и отвѣчаетъ: „Къ сожалѣнію да, да!“, Leider, leider! Это заявленіе, что онъ считаетъ устарѣвшими и такіе свои труды, какъ „Сущность религіи“ (Das Wesen der Religion), основывалось на надеждѣ, что скоро явятся натуралисты, способные замѣнить философовъ въ дѣлѣ разъясненія тѣхъ широкихъ вопросовъ, изслѣдованіе которыхъ было до той поры спеціальнымъ занятіемъ мыслителей, называвшихся философами.

Оправдалась ли надежда Фейербаха хотя теперь, больше, чѣмъ черезъ 40 лѣтъ, послѣ того какъ была высказана?—вопросъ, котораго я не буду разбирать. Мой отвѣтъ на него былъ бы грустный.

Авторъ брошюры, къ третьему изданію которой пишу я предисловіе, получилъ возможность пользоваться хорошими библіотеками и употреблять нѣсколько денегъ на покупку книгъ въ 1846 году. До того времени онъ читалъ только такія книги, какія можно доставать въ провинціальныхъ городахъ, гдѣ нѣтъ порядочныхъ библіотекъ. Онъ былъ знакомъ съ русскими изложеніями системы Гегеля, очень неполными. Когда явилась у него возможность ознакомиться съ Гегелемъ въ подлинникъ, онъ сталъ читать

эти трактаты. Въ подлинникѣ Гегель понравился ему гораздо меньше, нежели ожидалъ онъ по русскимъ изложеніямъ. Причина состояла въ томъ, что русскіе послѣдователи Гегеля излагали его систему въ духѣ лѣвой стороны гегелевской школы. Въ подлинникѣ Гегель оказывался болѣе похожъ на философовъ XVII вѣка и даже на схоластиковъ, чѣмъ на того Гегеля, какимъ являлся онъ въ русскихъ изложеніяхъ его системы. Чтеніе было утомительно по своей явной бесполезности для сформированія научнаго образа мыслей. Въ это время случайнымъ образомъ попалось желавшему сформировать себѣ такой образъ мыслей юношѣ одно изъ главныхъ сочиненій Фейербаха. Онъ сталъ послѣдователемъ этого мыслителя; и до того времени, когда житейскія надобности отвлекли его отъ ученыхъ занятій, онъ усердно перечитывалъ и перечитывалъ сочиненія Фейербаха.

Лѣтъ черезъ шесть послѣ начала его знакомства съ Фейербахомъ представлялась ему житейская надобность написать ученый трактатъ. Ему казалось, что онъ можетъ примѣнять основныя идеи Фейербаха къ разрѣшенію нѣкоторыхъ вопросовъ по отраслямъ знаній, не входившимъ въ кругъ изслѣдованій его учителя.

Предметомъ трактата, который нужно было ему написать, должно было быть что-нибудь относящееся къ литературѣ. Онъ вздумалъ удовлетворить этому условію изложеніемъ тѣхъ понятій объ искусствѣ и въ частности о поэзіи, которыя казались ему выводами изъ идей Фейербаха. Такимъ образомъ брошюра, предисловіе къ которой пишу я—попытка примѣнить идеи Фейербаха къ разрѣшенію основныхъ вопросовъ эстетики.

Авторъ не имѣетъ ни малѣйшихъ притязаній сказать что-нибудь новое, принадлежащее лично ему. Онъ желалъ только быть истолкователемъ идей Фейербаха въ примѣненіи къ эстетикѣ.

Странную несообразность съ этимъ представляетъ то обстоятельство, что во всемъ его трактатѣ ни разу не упоминается имя Фейербаха. Дѣло объясняется тѣмъ, что это имя было тогда невозможно употреблять въ русской книгѣ. У автора нѣтъ и имени Гегеля, хотя онъ постоянно полемизируетъ противъ эстетической теоріи Гегеля, продолжавшей господствовать тогда въ русской литературѣ, но излагавшейся уже безъ упоминаній о Гегелѣ. Это имя тоже было неудобно тогда для употребленія на русскомъ языкѣ.

Изъ трактатовъ по эстетикѣ лучшимъ считался тогда обширный и очень ученый трудъ Фишера „Эстетика или наука прекраснаго“ (*Aesthetik oder Wissenschaft der schönen*). Фишеръ былъ гегельянецъ лѣвой стороны, но имя его не принадлежало къ числу неудобныхъ, потому авторъ называетъ его, когда имѣетъ необходимость сказать, противъ кого же полемизируетъ онъ; и когда надобно приводить подлинныя слова какого-нибудь защитника опровергаемыхъ авторомъ эстетическихъ понятій, онъ дѣлаетъ выписки изъ „Эстетики“ Фишера.—„Эстетика“ самого Гегеля въ то время была устарѣлой по фактическимъ подробностямъ; въ этомъ состояла причина предпочтенія, которое отдавалось тогда „Эстетикѣ“ Фишера, труду въ то время еще новому, свѣжему. Фишеръ мыслитель довольно сильный; но сравнительно съ Гегелемъ онъ пигмей. Всѣ его отступленія отъ основ-

ныхъ идей „Эстетики“ Гегеля—порча ихъ. Впрочемъ, тѣ мѣста, которыя приводитъ авторъ, излагаютъ идеи Гегеля безъ всякихъ перемѣнъ.

Прилагая основныя идеи Фейербаха къ разрѣшенію эстетическихъ вопросовъ, авторъ приходитъ къ системѣ понятій, находящихся въ совершенномъ противорѣчій съ эстетической теоріей, которой держится Фишеръ, гегельянецъ лѣвой стороны. Это соотвѣтствуетъ отношенію философіи Фейербаха къ философіи Гегеля даже въ томъ ея видѣ, какой получила она у мыслителей лѣвой стороны школы Гегеля. Она нѣчто совершенно иное, чѣмъ метафизическія системы, самой лучшей изъ которыхъ въ научномъ отношеніи была гегелевская. Родство содержанія исчезло, осталось только употребленіе нѣкоторыхъ терминовъ, общихъ всѣмъ нѣмецкимъ системамъ философіи съ Канта до Гегеля. Мыслители лѣвой стороны школы Гегеля видѣли у Фейербаха, по достиженіи имъ самостоятельности, такія желанія относительно общественнаго быта, которыя были и у нихъ самихъ, какъ и у огромнаго большинства просвѣщенныхъ людей того времени; поэтому они считали его своимъ. До 1848 года не была замѣчаема ими коренная разница его образа мыслей отъ ихъ понятій. Она обнаружилась различіемъ взгляда на событія весны 1848 года въ Германіи. Переворотъ произошедшій въ концѣ февраля во Франціи, одобрилъ партію реформы въ Германіи; ей показалось, что масса нѣмецкаго народа сочувствуетъ ея стремленіямъ, и въ первыхъ числахъ марта она при одобреніи массы горожанъ захватила власть въ Баденѣ, Вюртембергѣ, въ мелкихъ государствахъ западной Германіи; нѣсколькими днями позднѣе произошелъ переворотъ въ Австріи: Венгрія получила независимость отъ вѣнскаго правительства. Черезъ недѣлю послѣ переворота въ Вѣнѣ произошелъ переворотъ въ Берлинѣ. Партія реформы получила увѣренность, что не только правительства второстепенныхъ и мелкихъ нѣмецкихъ государствъ, сформированныя изъ ея мѣстныхъ вождей, будутъ помогать исполненію ея желаній, но и австрійское и прусское правительства, составленныя теперь изъ людей болѣе или менѣе либеральнаго образа мыслей и патріотическаго направленія чувствъ, или будутъ помогать ей или, по крайней мѣрѣ, повиноваться ея требованіямъ. Въ концѣ марта собрался во Франкфуртѣ, столицѣ прежней нѣмецкой имперіи многочисленный съѣздъ представителей либеральной партіи. Они объявили свое собраніе (форпарламентъ, „предварительный парламентъ“), имѣющимъ власть и обязанность сдѣлать распоряженія о созваніи нѣмецкаго парламента („національнаго собранія“), контролировать дѣйствія засѣдающаго во Франкфуртѣ нѣмецкаго сейма, состоявшаго по старому устройству изъ уполномоченныхъ отъ нѣмецкихъ правительствъ, и принимать мѣры необходимыя для того, чтобы всѣ нѣмецкія правительства, въ томъ числѣ и прусское и австрійское, повиновались этому сейму, постановляющему рѣшенія, диктуемыя форпарламентомъ. Дѣйствительно всѣ правительства повиновались, даже и прусское и австрійское повиновались форпарламенту и нѣмецкому сейму, надъ которымъ владычествовалъ онъ. По всей территоріи учрежденной въ 1815 году федераціи государствъ, называвшейся нѣмецкимъ союзомъ, были произведены выборы депутатовъ въ нѣмецкій парламентъ, который соберется въ Франкфуртѣ и установитъ новое государственное устройство Германіи,

обратить ее изъ федераціи государствъ, Staatenbund, въ „федеративное государство“, Bundesstaat. Національное собраніе (какъ назывался этотъ нѣмецкій парламентъ) открыло 18 мая свои засѣданія во Франкфуртѣ; всѣ правительства признали его власть. Оно 14 іюня выбрало временнымъ правителемъ Германіи эрцгерцога Іоанна, дядю австрійскаго императора, передавшаго ему временное управленіе Австріей. Онъ привелъ въ порядокъ австрійскія дѣла, пріѣхалъ во Франкфуртъ и 12 іюля принялъ на себя управленіе нѣмецкимъ союзомъ. Не только австрійское, но и прусское правительство признали его власть. Нѣмецкое національное собраніе занималось составленіемъ конституціи нѣмецкаго союзнаго государства. Повидимому исполнялись надежды нѣмецкой партіи реформъ.

Вся лѣвая сторона гегелевской школы дѣятельно участвовала въ событіяхъ, имѣвшихъ своимъ результатомъ созваніе нѣмецкаго національнаго собранія, повиновеніе нѣмецкихъ правительствъ ему, учрежденіе временнаго центрального правительства, повиновеніе всѣхъ частныхъ нѣмецкихъ правительствъ ему.

Фейербахъ не принялъ никакого участія ни въ агитаціи, которая привела къ этимъ успѣхамъ, ни въ совѣщаніяхъ нѣмецкаго національнаго собранія. Этимъ онъ навлекъ на себя порицанія. Когда дѣло кончилось паденіемъ всѣхъ надеждъ партіи реформъ, онъ сказалъ, что съ самаго начала предвидѣлъ полную неудачу; потому и не могъ участвовать въ дѣлѣ, которое считалъ съ самаго начала не имѣющимъ никакихъ шансовъ успѣха. Программа партіи реформъ была по его мнѣнію непослѣдовательна, силы партіи реформъ были недостаточны для преобразованія Германіи, надежды ея на успѣхъ фантастичны. Когда онъ высказалъ это мнѣніе, оно уже казалось справедливымъ огромному большинству просвѣщенныхъ людей въ Германіи. Еслибъ онъ сталъ оправдываться раньше, то къ несправедливому порицанію прибавилось бы справедливое, что заявленіемъ своего мнѣнія онъ ослабилъ партію реформъ. Потому онъ молча выносилъ упрекъ въ недостаткѣ смѣлости, въ холодности къ благу націи. Теперь дѣло партіи реформы было окончательно проиграно и оправданіемъ своего образа дѣйствій онъ уже не могъ повредить ей.

Различіе его взгляда на политическія событія весны 1848 года отъ взгляда лѣвой стороны гегелевской школы соответствовало различію его системы философскихъ убѣжденій отъ тѣхъ мыслей, которыхъ держалась она. Философскій образъ мыслей учениковъ Гегеля, составившихъ по его смерти лѣвую сторону гегельянства, былъ недостаточно послѣдователенъ, сохранялъ слишкомъ много фантастическихъ понятій или принадлежавшихъ спеціально системѣ Гегеля или общихъ ей со всѣми метафизическими системами нѣмецкой философіи, начиная съ Канта, который, возставая противъ метафизики, самъ погружался въ нее глубже предшествовавшихъ ему и опровергаемыхъ имъ нѣмецкихъ философовъ школы Вольфа. Вмѣстѣ съ тѣмъ философы лѣвой стороны гегелевской школы были недостаточно разборчивы въ усвоеніи себѣ тѣхъ взглядовъ, спеціалистовъ по естествознанію и по общественнымъ наукамъ, которые казались прогрессивными; вмѣстѣ съ научной истиной они брали изъ этихъ специальныхъ трактатовъ много оши-

бочныхъ теорій. Эти слабыя стороны образа мыслей философовъ лѣвой стороны гегельянства съ наибольшей рѣзкостью проявляются въ трудахъ Бруно Бауэра, того изъ ея дѣятелей, который былъ умомъ сильнѣе всѣхъ другихъ, кромѣ Штрауса. Онъ нѣсколько разъ переходилъ изъ одной крайности къ другой и, напимѣръ, начавъ осужденіемъ экзегетической критики Штрауса за ея разрушительность, самъ черезъ нѣсколько времени написалъ экзегетическій трактатъ, сравнительно съ которымъ экзегетика Штрауса оказывалась консервативной (Теорію міа, которой держался Штраусъ, Бруно Бауэръ замѣнилъ теоріей личнаго авторскаго произвола), потому его труды, свидѣтельствующіе объ очень большой силѣ ума, не приобрѣли такого вліянія на мысли разсудительныхъ людей, какъ труды Штрауса, всегда остававшіеся человѣкомъ разсудительнымъ.

Постоянно работая надъ улучшеніемъ своихъ понятій Штраусъ привелъ ихъ наконецъ въ систему, которую изложилъ въ трактатѣ „Старая вѣра и новая вѣра“ (Der alte und der neue Glaube). Эта книга вышла въ 1872 г. Повидимому, Штраусъ предполагалъ тогда, что совершенно очистилъ свои понятія отъ метафизическихъ элементовъ. Такъ показалось и большинству образованныхъ людей въ Германіи. На самомъ дѣлѣ онъ, принимая всѣ выводы естествознанія, сохраняетъ въ своихъ мысляхъ довольно много метафизическихъ элементовъ; а теоріи натуралистовъ принимаетъ слишкомъ не разборчиво, не имѣя силы различить въ нихъ недоразумѣнія отъ научной истины.

Фейербахъ былъ не таковъ; его система имѣетъ чисто научный характеръ.

Но вскорѣ послѣ того, какъ онъ выработалъ ее, болѣзнь ослабила его дѣятельность. Онъ былъ еще не старикъ, но уже чувствовалъ, что у него не достанетъ времени изложить сообразно съ основными научными идеями тѣ спеціальныя науки, которыя оставались тогда и остаются до сихъ поръ ученой собственностью такъ называемыхъ философовъ по неподготовленности специалистовъ къ разработкѣ широкихъ понятій, на которыхъ основывается рѣшеніе коренныхъ вопросовъ этихъ отраслей знанія. (Если называть эти науки старыми ихъ именами, то главная изъ нихъ: логика, эстетика, нравственная философія, общественная философія, философія исторіи). Потому то въ предисловіи къ собранію своихъ сочиненій въ 1845 г. онъ уже говорилъ, что его труды должны быть замѣнены другими, но что у него уже нѣтъ силъ произвести эту замѣну. Этимъ чувствомъ объясняется его печальный отвѣтъ на вопросъ, который онъ предлагаетъ себѣ „Не устарѣла ль и нынѣшняя твоя точка зрѣнія? Къ сожалѣнію да, да!“ *Leider, leider!*—Дѣйствительно ль устарѣла она? Разумѣется, да, въ томъ смыслѣ, что центръ изслѣдованій о наиболѣе широкихъ вопросахъ науки долженъ быть перенесенъ изъ области спеціальныхъ изслѣдованій о теоретическихъ убѣжденіяхъ народныхъ массъ и объ ученыхъ системахъ, построенныхъ на основаніи этихъ простонародныхъ понятій, въ область естествознанія. Но этого не сдѣлано до сихъ поръ. Тѣ натуралисты, которые воображаютъ себя строителями всеобъемлющихъ теорій, на самомъ дѣлѣ остаются учениками и обыкновенно слабыми учениками старинныхъ мыслителей, создавшихъ мо-

тафизическія системы, и обыкновенно мыслителей, системы которыхъ уже были разрушены отчасти Шеллингомъ и окончательно Гегелемъ. Достаточно напомнить, что большинство натуралистовъ, пытающихся строить широкія теоріи законовъ дѣятельности человѣческой мысли повторяютъ метафизическую теорію Канта о субъективности нашего знанія, толкуютъ со словъ Канта, что формы нашего чувственного воспріятія не имѣютъ сходства съ формами дѣйствительнаго существованія предметовъ, что поэтому предметы дѣйствительно существующіе и дѣйствительныя качества ихъ, дѣйствительныя отношенія ихъ между собою не познаваемы для насъ, и если бы были познаваемы, то не могли бы быть предметомъ нашего мышленія, влагающаго весь матеріалъ знаній въ формы совершенно различныя отъ формъ дѣйствительнаго существованія, что и самые законы мышленія имѣютъ лишь субъективное значеніе, что въ дѣйствительности нѣтъ ничего такого, что представляется намъ связью причины съ дѣйствіемъ, потому что нѣтъ ни предыдущаго, ни послѣдующаго, нѣтъ ни цѣлаго, ни частей и такъ далѣе, и такъ далѣе. Когда натуралисты перестанутъ говорить этотъ и тому подобный метафизическій вздоръ, они сдѣлаются способны вырабатывать и вѣроятно выработаютъ, на основаніи естествознанія, систему понятій болѣе точныхъ и полныхъ, чѣмъ тѣ, которыя изложены Фейербахомъ.—А пока лучшимъ изложеніемъ научныхъ понятій о такъ называемыхъ основныхъ вопросахъ человѣческой любознательности остается то, которое сдѣлано Фейербахомъ.

Авторъ брошюры, выходящей теперь новымъ изданіемъ, высказывалъ въ ней насколько могъ, что придаетъ важность только тѣмъ мыслямъ, которыя взялъ изъ трактатовъ своего учителя,—что эти страницы его брошюры составляютъ все достоинство, какое можетъ быть находимо въ ней; тѣ выводы, какіе онъ дѣлалъ изъ мыслей Фейербаха для разрѣшенія спеціальныхъ эстетическихъ вопросовъ, казались ему въ то время правильными; но онъ и тогда не считалъ ихъ особенно важными. Онъ былъ доволенъ своимъ небольшимъ трудомъ только въ томъ отношеніи, что ему удалось передать на русскомъ языкѣ нѣкоторыя изъ идей Фейербаха въ тѣхъ формахъ, какія представляла тогда для подобныхъ работъ необходимость сообразоваться съ условіями русской литературы.

Сдѣлавъ анализъ понятія о прекрасномъ, авторъ говоритъ, что опредѣленіе этого понятія, кажущееся ему справедливымъ, составляетъ по его мнѣнію „выводъ изъ такихъ общихъ воззрѣній на отношенія дѣйствительнаго міра къ воображаемому, которыя совершенно различны отъ господствовавшихъ прежде въ наукѣ“. Это надобно понимать такъ: онъ дѣлаетъ выводъ изъ той мысли Фейербаха, что воображаемый міръ только передѣлка нашихъ знаній о дѣйствительномъ мірѣ, производимая нашей фантазіей въ угожденіе нашимъ желаніямъ; что эта передѣлка блѣдна по интенсивности и скудна содержаніемъ сравнительно съ впечатлѣніями, производимыми на наши мысли предметами дѣйствительнаго міра.

Вообще автору принадлежатъ только тѣ частныя мысли, которыя относятся къ спеціальнымъ вопросамъ эстетики. Всѣ мысли болѣе широкаго объема въ его брошюрѣ принадлежатъ Фейербаху. Онъ передавалъ ихъ

вѣрно и насколько допускало состояніе русской литературы близко къ изложенію ихъ у Фейербаха.

Пересматривая его брошюру, мы сдѣлали по его указанію нѣсколько поправокъ въ текстъ. Онѣ относятся исключительно къ мелочамъ. Авторъ не желаетъ передѣлывать перечитываемую нами брошюру: въ старости не годится передѣлывать то, что написано въ молодости.

1888 г.

АЛЕКСАНДРЪ СЕРГѢВИЧЪ ПУШКИНЪ

ЕГО ЖИЗНЬ И СОЧИНЕНІЯ.

ПРЕДИСЛОВІЕ ИЗДАТЕЛЯ *).

Въ настоящей книгѣ взрослый читатель не найдетъ для себя ничего новаго о Пушкинѣ. Ея цѣль — служить для юношества началомъ знакомства съ великимъ русскимъ поэтомъ. Съ этою цѣлію въ ней разсказана: а) жизнь поэта, по существующимъ нынѣ печатнымъ матеріаламъ, при чемъ составитель отдавалъ предпочтеніе фактамъ, рельефно представляющимъ трудолюбивую, благородную и могучую личность Пушкина; б) представленъ краткій очеркъ произведеній Пушкина и в) помѣщено въ „Приложеніи“ нѣсколько мелкихъ стихотвореній и отрывки изъ поэмъ Пушкина, выбранныхъ, разумѣется, согласно назначенію книги.

Такимъ образомъ составленная, книга о Пушкинѣ, по нашему мнѣнію, можетъ служить полезнымъ и занимательнымъ чтеніемъ русскаго юношества, какъ мужскаго такъ и женскаго половъ.

Изъ всего вышесказаннаго видно, что издатель имѣлъ въ виду дѣтей. И, однакожь, книга не названа дѣтскою. Это сдѣлано не безъ намѣренія. Кто потрудится перенестись мыслію къ собственному дѣтству и отрочеству, тотъ, вѣрно, вспомнитъ, какъ въ то время хотѣлось ему казаться *большимъ* и какъ отталкивало его одно названіе *дѣтскій*. Намъ случалось видѣть дѣтей, особенно въ порѣ перехода къ отрочеству, которыя именно поэтому не читали хорошихъ книгъ, тогда какъ съ жадностію бросались на книги сомнительнаго достоинства, лишь бы на нихъ не стояло: *для дѣтей*.

Итакъ, мы думаемъ, что родители и наставники, которые, приобрѣтя

*) Т.-е. Н. Г. Чернышевскаго. Книга эта была издана безъ фамиліи автора.

нашу книгу, вырвать изъ нея этотъ листокъ прежде, чѣмъ отдадутъ ее въ руки своимъ питомцамъ, поступать весьма благоразумно: они придадутъ ей въ глазахъ своихъ нитомцевъ двойной интересъ.

Спб. 1856. Июнь.

ГЛАВА I.

Значеніе словъ „великій поэтъ“. — Кто имѣетъ право быть названъ образованнымъ человѣкомъ. — Общее значеніе литературы въ дѣлѣ образованія и изящной ея особенности. — Мѣсто, занимаемое Пушкинымъ въ нашей изящной литературѣ.

„Пушкинъ—великій поэтъ“, говоритъ каждый изъ насъ, и эти слова такъ важны, что надобно постараться какъ можно лучше вникнуть въ смыслъ ихъ и объяснить себѣ: что такое значить „великій поэтъ“? почему великіе поэты пользуются общимъ глубокимъ уваженіемъ? и почему Пушкина всѣ считаютъ великимъ поэтомъ?

Объясняя себѣ это, мы увидимъ, какъ необходимо каждому изъ насъ ближе познакомиться съ жизнью Пушкина и его сочиненіями.

Не нужно доказывать, что образованіе—самое великое благо для человѣка. Безъ образованія люди и грубы, и бѣдны, и несчастны. Чтобы убѣдиться въ этомъ, стоить только припомнить рассказы путешественниковъ о дикаряхъ. Краснокожіе индѣйцы жили и отчасти еще живутъ въ тѣхъ же самыхъ земляхъ, которыя заняты теперь Сѣверо-Американскими Штатами: посмотрите же, какая разница между краснокожими, малочисленными, нуждающимися во всемъ необходимомъ для жизни, и многочисленными богатыми, имѣющими все въ изобиліи сѣверо-американцами! И отчего вся эта разница? Только оттого, что сѣверо-американцы — народъ образованный, а краснокожіе туземцы—дикари. Другой примѣръ, болѣе близкій къ намъ: Россія теперь государство могущественное и богатое, потому что русскіе, благодаря Петру Великому, стали народомъ образованнымъ; а всего только пятьсотъ лѣтъ тому назадъ, русскіе были угнетаемы и раззоряемы татарами, потому что были еще мало образованы.

Но не довольно того, что просвѣщеніе приноситъ народу и благосостояніе и могущество: оно доставляетъ человѣку такое душевное наслажденіе, съ которымъ ничто не можетъ сравниться. Каждый образованный человѣкъ чувствуетъ это и всегда скажетъ, что безъ образованія жизнь его была бы очень скудна и жалка.

Теперь будетъ совершенно ясно, какъ важна для всеобщаго блага литература, если мы скажемъ, что изъ всѣхъ средствъ для распространенія образованности самое сильное—литература. Народъ, у котораго нѣтъ литературы, грубъ и невѣжественъ; чѣмъ болѣе усиливается и совершенствуется, или, какъ принято говорить, развивается литература, тѣмъ образованнѣе и лучше становится народъ.

Образованнымъ человѣкомъ называется тотъ, кто приобрѣлъ много зна-

нѣй и, кромѣ того, привыкъ быстро и вѣрно соображать, что хорошо и что дурно, что справедливо и что несправедливо, или, какъ выражаются однимъ словомъ, привыкъ „мыслить“, и, наконецъ, у кого понятія и чувства получили благородное и возвышенное направленіе, то-есть приобрѣли сильную любовь ко всему доброму и прекрасному. Всѣ эти три качества — обширныя знанія, привычка мыслить и благородство чувствъ — необходимы для того, чтобы человѣкъ былъ образованнымъ въ полномъ смыслѣ слова. У кого мало познаній, тотъ невѣжда; у кого умъ не привыкъ мыслить, тотъ грубъ или тупоуменъ; у кого нѣтъ благородныхъ чувствъ, тотъ человѣкъ дурной.

Въ дѣтствѣ, въ первую пору молодости, человѣкъ учится въ школахъ: уроки наставниковъ имѣютъ ту цѣль, чтобы сдѣлать юношу образованнымъ человѣкомъ. Но когда онъ выходитъ изъ школы, перестаетъ учиться, его образованіе поддерживается и совершенствуется чтеніемъ, то-есть вмѣсто прежнихъ наставниковъ, которыхъ слупалъ мальчикъ и юноша, взрослый человѣкъ имѣетъ одну наставницу — литературу.

Чтобы исполнить, какъ должно, свою великую обязанность — быть руководительницею людей на пути образованія, литература, какъ мы уже знаемъ, должна давать ему различныя знанія, развивать въ немъ привычку мыслить и поддерживать въ немъ любовь ко всему прекрасному и доброму. Каждая хорошая книга до нѣкоторой степени исполняетъ всѣ эти условія; но нѣкоторыя книги имѣютъ главною своею цѣлью сообщать уму читателя различныя познанія — это книги, принадлежащія къ такъ называемой ученой литературѣ, напримѣръ, сочиненія по исторіи, по естественнымъ наукамъ и пр.; другія книги пишутся съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы дѣйствовать главнымъ образомъ на воображеніе и сердце читателя, возбуждая въ немъ сочувствіе къ доброму и прекрасному — это книги, принадлежащія къ такъ называемой изящной литературѣ. Между полезными дѣйствіями, какія производятъ на читателя книги того и другого рода, есть очень много общаго; особенно сходны всѣ хорошія книги въ томъ, что непременно возбуждаютъ въ читателѣ желаніе думать о томъ, что справедливо, прекрасно и полезно для людей. Сходны онѣ между собою и въ томъ, что хорошая ученая книга, дѣйствуя болѣе всего на умъ, дѣйствуетъ также и на сердце, а произведенія изящной литературы, преимущественно обращаясь къ сердцу читателя, въ то же время не остаются безполезны и для его ума, которому сообщаютъ вѣрныя понятія о человѣческой жизни. Но, несмотря на это значительное сходство, изящная литература очень рѣзко отличается отъ ученой. Одну сторону этого различія мы уже знаемъ: главная цѣль ученыхъ сочиненій, какъ мы сказали, та, чтобы сообщить точныя свѣдѣнія по какой-нибудь наукѣ, а сущность произведеній изящной словесности — въ томъ, что они дѣйствуютъ на воображеніе и должны возбуждать въ читателѣ благородныя понятія и чувства. Другое различіе состоитъ въ томъ, что въ ученыхъ сочиненіяхъ излагаются событія, происходившія на самомъ дѣлѣ, и описываются предметы, также на самомъ дѣлѣ существующіе или существовавшіе; а произведенія изящной словесности описываютъ и рассказываютъ намъ въ живыхъ примѣрахъ, какъ чувствуютъ и какъ поступаютъ

люди въ различныхъ обстоятельствахъ, и примѣры эти большею частію создаются воображеніемъ самого писателя. Коротко можно выразить это различіе въ слѣдующихъ словахъ: ученое сочиненіе рассказываетъ, что именно было или есть, а произведеніе изящной литературы рассказываетъ, какъ всегда или обыкновенно бываетъ на свѣтѣ.

Довольно намъ и этихъ двухъ замѣчаній, чтобы видѣть, до какой степени изящная литература различна отъ ученой, хотя есть у нихъ и много общаго.

Можно теперь спросить: которая же изъ двухъ отраслей литературы важнѣе? которая больше приносить пользы людямъ? которая больше содѣйствуетъ распространенію и усовершенствованію просвѣщенія? На это образованный человѣкъ будетъ отвѣчать: обѣ онѣ равно важны, равно полезны людямъ. Ученая литература спасаетъ людей отъ невѣжества, а изящная — отъ грубости и пошлости; то и другое дѣло одинаково благотворны и необходимы для истиннаго просвѣщенія и для счастья людей.

Теперь надобно только сказать, что хорошіе писатели по части изящной литературы называются поэтами, и мы поймемъ, какой высокій смыслъ заключается въ этомъ словѣ. Поэты — руководители людей къ благородному понятію о жизни и къ благородному образу чувствъ: читая ихъ произведенія, мы приучаемся отвращаться отъ всего пошлаго и дурного, понимать очаровательность всего добраго и прекраснаго, любить все благородное; читая ихъ, мы сами дѣлаемся лучше, добрѣе, благороднѣе *).

И если Пушкинъ въ самомъ дѣлѣ великій поэтъ, то нельзя не согласиться, что онъ одинъ изъ тѣхъ людей, которые сдѣлали наиболѣе добра своимъ соотечественникамъ, одинъ изъ тѣхъ людей, которыхъ каждый русскій наиболѣе обязанъ уважать и любить.

Эго въ самомъ дѣлѣ такъ. Мы знаемъ теперь, что отъ литературы очень много зависитъ просвѣщеніе народа, и что безъ просвѣщенія нѣтъ для людей истиннаго счастья; намъ надобно только узнать, какое важное мѣсто въ нашей изящной литературѣ занимаетъ Пушкинъ и какъ многимъ она ему обязана, — и мы увидимъ, что его, по всей справедливости, надобно называть великимъ поэтомъ, и что каждый изъ насъ долженъ почитать его человѣкомъ, сдѣлавшимъ очень много добра нашей родинѣ.

Изящная литература появилась у насъ лѣтъ за восемьдесятъ до Пушкина, вскорѣ послѣ благодѣтельныхъ преобразованій Петра Великаго, познакомившаго русскихъ съ просвѣщенными народами **). Но извѣстно, что почти каждое дѣло достигаетъ своей настоящей важности медленно. То, что

*) Прежде называли поэтами только стихотворцевъ, а поэзіею только одни стихи. Теперь поняли, что поэтическими произведеніями должно называть всѣ хорошія сочиненія по части изящной литературы, все равно, стихами ли они писаны, или прозою. Впрочемъ, до сихъ поръ „поэтами“ называютъ въ особенности тѣхъ писателей, у которыхъ особенно много или воображенія, или задушевной теплоты; тѣ произведенія изящной словесности, въ которыхъ холодный разсудокъ преобладаетъ надъ воображеніемъ и теплотою чувства, не принято называть „поэтическими“.

**) Первая ода Ломоносова, котораго обыкновенно называютъ отцомъ нашей изящной словесности, была написана въ 1739 г.

оказывается очень важно впоследствии, сначала бывает маловажно. Такъ было съ нашей словесностью. Число людей, привыкшихъ къ чтенію, было въ то время очень мало. да и людей, знавшихъ грамоту, было немного. Главная заслуга Ломоносова и писателей, слѣдовавшихъ за нимъ до начала нынѣшняго вѣка, состояла въ томъ, что они своими произведеніями возбуждали охоту къ чтенію и мало-по-малу увеличивали число людей, интересующихся литературою. Изъ этихъ писателей, о которыхъ мы всегда должны вспоминать съ особеннымъ уваженіемъ, самыми замѣчательными, послѣ Ломоносова, были Державинъ, фонъ-Визинъ и Карамзинъ. Не менѣе пользы принесъ литературѣ Новиковъ, хотя не былъ знаменитъ, какъ писатель. Державинъ славился своими стихотвореніями (одами), фонъ-Визинъ написалъ двѣ прекрасныя комедіи („Бригадиръ“ и „Недоросль“). Новиковъ чрезвычайно много и успѣшно заботился объ увеличеніи числа книгъ и распространеніи круга читателей въ Россіи: благодаря его безкорыстнымъ усиліямъ, было издано въ пять или шесть лѣтъ болѣе книгъ, нежели прежде было напечатано въ пятьдесятъ; наконецъ, одинъ изъ молодыхъ людей, которымъ покровительствовалъ Новиковъ въ началѣ ихъ литературнаго поприща, обнаружилъ очень замѣчательный талантъ. Это былъ Карамзинъ, послѣ Ломоносова второй основатель нашей изящной литературы. Его произведенія, написанныя очень хорошимъ и легкимъ языкомъ, читались съ такимъ удовольствіемъ, какого прежде не возбуждали прозаическія сочиненія. Трудомъ этихъ людей образовалась въ Россіи „публика“, то-есть нѣкоторая часть русскаго народа получила привычку находить въ чтеніи наслажденіе, безъ котораго уже не могла обходиться. Тогда явился Жуковский, который пріобрѣлъ славу прекрасными переводами англійскихъ и нѣмецкихъ стихотвореній, особенно переводами многихъ произведеній великаго нѣмецкаго поэта Шиллера.

Таково было положеніе русской литературы, когда началъ писать Пушкинъ. Публика уже существовала въ Россіи, но была еще немногочисленна; между писателями считалось нѣсколько людей съ замѣчательнымъ талантомъ, но не было еще такого гениа, который приводилъ бы читателей въ восторгъ, который показывалъ бы русской публикѣ поэзію во всей ея очаровательной красотѣ. Это сдѣлалъ Пушкинъ. И прежде всего существовали на русскомъ языкѣ хорошіе стихи; но когда явились произведенія Пушкина, всѣ увидѣли, что еще не имѣли понятія о томъ, какъ прекрасны могутъ быть русскіе стихи. Въ самомъ дѣлѣ, до Пушкина еще никто не писалъ такимъ легкимъ и живымъ языкомъ, въ которомъ соединялись и простота и поэтическая прелесть; еще никто не умѣлъ придавать русскому стиху столько точности, выразительности и красоты. Всѣ эти качества, въ которыхъ состоитъ такъ называемое „художественное совершенство“ пушкинскаго стиха, очаровали публику и привлекли къ чтенію тысячи людей, которые прежде не имѣли привычки читать. Такимъ образомъ, число людей, составляющихъ публику—иначе сказать, число образованныхъ людей въ Россіи—чрезвычайно увеличилось, благодаря превосходнымъ произведеніямъ гениальнаго поэта. Но этимъ не ограничиваются заслуги Пушкина. Сначала болѣе всего поражены были читатели тѣми художественными достоинствами

его стихотвореній и поэмъ, о которыхъ мы уже сказали. Но мало-по-малу всѣ начали увлекаться и другимъ качествомъ этихъ произведеній. Это важнѣйшее качество состояло въ томъ, что Пушкинъ первый сталъ описывать русскіе нравы и жизнь различныхъ сословій русскаго народа съ удивительною вѣрностью и проницательностью. До него почти не имѣли объ этомъ понятія. Прежніе писатели рѣдко избирали предметомъ своихъ разсказовъ русскую жизнь, а если и дѣлали это, то описывали ее не точно и неестественно. Исключеніемъ изъ этого можно назвать почти только оди́нъ комедіи фонъ-Визина и басни Крылова. Но фонъ-Визинъ не могъ увлечь за собою другихъ писателей и былъ почти забытъ въ то время, когда явился Пушкинъ. Басни Крылова также не имѣли большого вліянія на литературу, потому что басня вообще никогда не приобретаетъ господства надъ другими, болѣе значительными отраслями поэзіи. Такимъ образомъ, несмотря на примѣры, поданные фонъ-Визинимъ и Крыловымъ, въ произведеніяхъ почти всѣхъ остальныхъ тогдашнихъ писателей было очень мало близкаго къ русскому обществу; потому и литература вообще возбуждала мало сочувствія въ обществѣ, которое не находило въ ней почти ничего такого, что живымъ образомъ интересовало бы русскаго человѣка *). Теперь не то: если хорошія книги являются все еще не очень часто, можно сказать, рѣдко, зато каждая изъ нихъ возбуждаетъ въ тысячахъ, въ десяткахъ тысячъ людей самое живое участіе. Припомните, напримѣръ, какой сильный интересъ во всемъ обществѣ обнаружился недавно по случаю новыхъ изданій Гоголя и самого Пушкина: каждый человѣкъ, котораго вы встрѣчали въ обществѣ, говорилъ о появленіи этихъ книгъ съ такимъ жаромъ, съ такою любовью, съ такою радостью, какъ будто дѣло лично касалось его самого. И дѣйствительно, оно касалось каждого изъ насъ, потому что мы всѣ находимъ высокое наслажденіе и большую пользу въ чтеніи подобныхъ книгъ, говорящихъ о предметахъ, важныхъ каждому образованному русскому. Этимъ распространеніемъ сочувствія къ литературѣ общество наше обязано Пушкину болѣе, нежели кому-нибудь. До него книги интересовали изъ десяти человѣкъ одного; нынѣ изъ десяти человѣкъ развѣ одинъ какой-нибудь полуневѣжда не интересуется литературою **).

*) Не надобно забывать, что мы говоримъ собственно только объ изящной литературѣ. Въ числѣ ученыхъ сочиненій всегда были книги очень интересныя. Но кругъ публики, читающей ученыя книги, всегда бываетъ гораздо малочисленнѣе той публики, которая читаетъ почти исключительно только произведенія изящной словесности; изящная словесность, между прочимъ, необыкновенно важна и потому, что именно она привлекаетъ къ чтенію и распространяетъ въ обществѣ любовь къ книгамъ, т.-е. къ просвѣщенію.

**) Вскорѣ послѣ того, какъ явились первыя поэмы Пушкина, сдѣлалась извѣстною значительной части публики превосходная комедія Грибоѣдова „Горе отъ Ума“, и Грибоѣдовъ долженъ раздѣлять съ Пушкинымъ славу преобразователя литературы. Но, несмотря на всю любовь къ благородному автору этой комедіи, несмотря на всѣ великія достоинства ея, надобно сказать, что для исторіи нашей литературы и образованія русской публики Пушкинъ еще важнѣе, нежели Грибоѣдовъ; потому что Грибоѣдовъ послѣ „Горя отъ Ума“ не написалъ ничего, а чтобы имѣть дѣйствіе на публику и литературу, дѣятельность писателя должна быть продолжительна и сочиненія его довольно многочисленны.

Вліяніе Пушкина на литературу было такъ же сильно, какъ и впечатлѣніе, произведенное имъ въ публикѣ. До него, какъ мы сказали, наши поэты писали по большей части о предметахъ, не интересныхъ для русскаго читателя. Послѣ него всѣ талантивые литераторы начали писать въ такомъ же родѣ, какъ и онъ, т.-е. говорить большею частью о предметахъ, которые близко касаются насъ самихъ и представляютъ большую занимательность для образованнаго русскаго человѣка.

Такимъ образомъ, Пушкинъ произвелъ своими сочиненіями въ нашей литературѣ важное измѣненіе къ лучшему, значительно увеличилъ число любящихъ литературу, то-есть образованныхъ людей въ Россіи, и, кромѣ этихъ великихъ услугъ нашему обществу, доставилъ русской публикѣ очаровательно прелестную своихъ произведеній высокія поэтическія, то-есть благородныя, наслажденія. Ко всему этому надобно еще прибавить, что онъ первый научилъ русское общество такъ уважать литературу и талантливыхъ писателей, какъ уважаемъ мы ихъ теперь. И прежде нѣкоторые писатели пользовались въ обществѣ большимъ почтеніемъ—напримѣръ, Державинъ и Карамзинъ—но, вообще говоря, публика смотрѣла на нихъ съ уваженіемъ не столько потому, что сама чувствовала, какой сильной любви и признательности заслуживаетъ хорошій писатель, сколько потому, что видѣла милости, которыя оказываются Державину и Карамзину. Но Пушкина каждый русскій читатель самъ любилъ и уважалъ въ глубинѣ своего сердца, и каждый зналъ, за что его уважаетъ—за то, что Пушкинъ великій поэтъ; и тутъ каждый понималъ то, чего не понималъ прежде—понималъ, что великій поэтъ и вообще великій писатель есть человѣкъ, оказывающій большую услугу, дѣлающій много добра своей родинѣ, понималъ, что литература есть дѣло очень важное, полезное, заслуживающее величайшаго уваженія.

Вотъ какъ велика была польза, принесенная Пушкинымъ русской литературѣ и публикѣ: онъ научилъ публику любить и уважать литературу, возбудилъ сильный интересъ къ ней въ обществѣ, научилъ литераторовъ писать о томъ, что интересно и полезно для русскихъ читателей. Поэтому-то и справедливо считаютъ его первымъ истинно великимъ русскимъ поэтомъ, потому-то ни одинъ образованный русскій человѣкъ не можетъ произносить его имени безъ глубокаго почтенія, безъ живой признательности.

ГЛАВА II.

Рожденіе А. С. Пушкина. — Его фамиліальная гордость. — Родъ Пушкиныхъ и Ганнибаловыхъ. — Историческая дѣятельность тѣхъ и другихъ. — Сергѣй Львовичъ, отецъ поэта. — Василій Львовичъ, дядя поэта. — Вѣсѣда Любителей Русскаго Слова и Арзамасъ. — Комическое посвященіе Василія Львовича въ арзамасцы. — Марья Алексѣевна Ганнибалъ, бабушка поэта. — Ольга Сергѣевна, сестра Пушкина, и посланіе къ ней четырнадцатилѣтняго поэта. — Арина Родионовна, няня А. С. Пушкина. — Ея вліяніе на питомца.

Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ родился въ Москвѣ, 26 мая 1799 года.

Онъ чрезвычайно гордился тѣмъ, что происходитъ отъ фамилій, игравшихъ довольно значительную роль въ нашей исторіи, и дорожилъ памятью

своихъ предковъ. Чувство это отразилось на многихъ его произведеніяхъ, и если мы не будемъ знать фамилійныхъ воспоминаній, которыми онъ гордился, то многое въ его сочиненіяхъ останется для насъ темнымъ. Просмотримъ же, хотя кратко, что намъ извѣстно о предкахъ Пушкина.

Родъ Пушкиныхъ, не принадлежа къ числу особенно знатныхъ или могущественныхъ, съ конца XVIII вѣка состоялъ на службѣ при дворѣ московскихъ царей, и нѣкоторые члены его успѣвали достигать почетныхъ званій. Трое изъ нихъ были даже боярами—санъ, который по своей важности можетъ быть сравненъ съ нынѣшними чинами полнаго генерала или тайнаго совѣтника. Гаврила Григорьевичъ Пушкинъ (въ началѣ XVII вѣка) извѣстенъ тѣмъ, что одинъ изъ первыхъ между тогдашними сановниками перешелъ на сторону Лжедмитрія, и нашъ поэтъ далъ своему предку значительную роль въ исторической трагедіи „Ворисъ Годуновъ“.

Гораздо чаще, нежели о предкахъ по отцовской линіи, Пушкинъ упоминаетъ о предкахъ своихъ со стороны матери, Ганнибаловыхъ. Родоначальникомъ этой фамиліи былъ негръ Ганнибалъ, любимецъ Петра Великаго. Пушкинъ заботливо собиралъ всѣ свѣдѣнія о жизни этого Ганнибала и хотѣлъ написать полную его біографію, но не успѣлъ исполнить своего намѣренія и оставилъ намъ только нѣсколько строкъ о Ганнибалѣ, въ статьѣ „Родословная Пушкиныхъ и Ганнибаловыхъ“.

„Дѣдъ моей матери—говоритъ Пушкинъ—былъ негръ, сынъ владѣтельнаго князька. Русскій посланникъ въ Константинополь какъ-то досталъ его изъ серая, гдѣ содержался онъ аманатомъ, и отослалъ его Петру Великому, вмѣстѣ съ двумя другими арапчагами. Государь крестилъ маленькаго Ибрагима въ Вильнѣ, въ 1707 году, съ польскою королевою, супругою Августа, и далъ ему фамилію Ганнибалъ. Въ крещеніи наименованъ онъ былъ Петромъ; но какъ онъ плакалъ и не хотѣлъ носить новаго имени, то до самой смерти назывался Абрамомъ. Старшій братъ его пріѣзжалъ въ Петербургъ, предлагая за него выкупъ; но Петръ оставилъ при себѣ своего крестника. До 1716 года Ганнибалъ находился неотлучно при особѣ Государя, спалъ въ его токарнѣ, сопровождалъ его во всѣхъ походахъ: потомъ посланъ былъ въ Парижъ, гдѣ нѣсколько времени обучался въ военномъ училищѣ, вступилъ во французскую службу; во время испанской войны былъ раненъ въ голову и возвратился въ Парижъ, гдѣ долгое время жилъ въ разсѣяннѣ большого свѣта. Петръ Первый неоднократно призывалъ его къ себѣ, но Ганнибалъ не торопился, отговариваясь подъ разными предлогами. Наконецъ Государь написалъ ему, что онъ неволить его не намѣренъ, что предоставляетъ его доброй волѣ возвратиться въ Россію или оставаться во Франціи, но что во всякомъ случаѣ, онъ никогда не оставитъ своего прежняго питомца. Тронутый Ганнибалъ немедленно отправился въ Петербургъ. Государь выѣхалъ къ нему на встрѣчу и благословилъ образомъ Петра и Павла, который хранился у его сыновей, но котораго я не могъ уже отыскать“. На этихъ историческихъ данныхъ основанъ превосходный разсказъ, которымъ начинается неоконченный романъ Пушкина: „Арапъ Петра Великаго“. Главнымъ дѣйствующимъ лицомъ романа, въ которомъ, судя по началу, Пуш-

кипъ превосходно изобразилъ бы эпоху Петра Великаго, былъ избранъ Ганнибалъ. У Абрама Петровича было два сына. Старшій, Иванъ Абрамовичъ, извѣстенъ тѣмъ, что въ царствованіе Екатерины II участвовалъ въ первой турецкой войнѣ, находясь на флотѣ, дѣйствовавшемъ въ Средиземномъ морѣ; между прочимъ, Иванъ Петровичъ отличился мужествомъ въ Чесменской битвѣ, гдѣ сожженъ турецкій флотъ, и, въ 1770 году, взялъ Наваринъ. Пушкинъ часто упоминаетъ о немъ въ своихъ стихахъ, — напримѣръ, въ слѣдующей замѣткѣ, которая одна была бы достаточно для того, чтобы сдѣлать безсмертными имена Абрама Петровича и Ивана Абрамовича.

„Гдѣ-то было сказано, что прадѣдъ мой Абрамъ Петровичъ Ганпibalъ, крестникъ и воспитанникъ Петра Великаго, генераль-аппефъ, отецъ „Ганнибала, покорившаго Наваринъ, былъ купленъ шкиперомъ.. Прадѣдъ „мой если былъ купленъ. то... достался шкиперу, коего имя всякій русскій произносить не всуе:

Сей шкиперъ былъ тотъ шкиперъ славный,
Кѣмъ наша двинулась земля,
Кто придалъ мощно бѣгъ державный
Кормѣ роднаго корабля.
Сей шкиперъ дѣду былъ доступенъ,
И сходно купленный аранъ
Возросъ усерденъ, неподкупенъ,
Царя навѣрникъ, а не рабъ.
И былъ отецъ онъ Ганнибала,
Предъ кѣмъ. средь гибельныхъ пучинъ,
Громада кораблей вспылала
И палъ впервые Наваринъ!

Братъ наваринскаго героя, младшій сынъ „Арапа Петра Великаго“, Осипъ Абрамовичъ Ганнибалъ, былъ отецъ матери Пушкина, Надежды Осиповны. Южная живость характера была наследована Пушкинымъ отъ своего прадѣда-африканца; даже черты его лица и курчавые волосы напоминали африканскій типъ его прадѣда по матери.

Не зная этихъ подробностей, легко можно вообразить, что предки Пушкина играли необыкновенно важную роль въ русской исторіи: такъ любить говорить о нихъ нашъ поэтъ и такъ искусно намекаетъ о ихъ участіи въ важнѣйшихъ событіяхъ отечественной исторіи. На самомъ же дѣлѣ родъ Пушкиныхъ принадлежалъ къ числу довольно старинныхъ фамилій, но важнаго мѣста въ государствѣ никогда не занималъ и славою своею обязанъ только таланту Александра Сергѣевича Пушкина. Что касается до Абрама Петровича Ганнибала, то онъ былъ любимъ Петромъ Великимъ, какъ крестникъ, но также не пользовался вліяніемъ на государственныя дѣла; Иванъ Абрамовичъ, сынъ его, былъ, какъ видимъ, храбрымъ генераломъ, но сражался находясь подъ начальствомъ другихъ и не занималъ никогда мѣста съ самостоятельной властью. Обоихъ этихъ людей мы знаемъ также преимущественно потому только, что о нихъ упоминаетъ Пушкинъ, а не потому, чтобы они замѣтнымъ образомъ участвовали въ историческихъ событіяхъ. Познакомясь съ предками Пушкина, перейдемъ къ ближайшимъ его родственникамъ.

Сергѣй Львовичъ Пушкинъ, отецъ поэта, сначала служилъ въ гвардейскомъ Измайловскомъ полку, но вскорѣ послѣ женитьбы вышелъ въ отставку и поселился въ Москвѣ, откуда на лѣто все семейство уѣзжало въ свою подмосковную деревню, Захарьино. Богатый и гостепріимный домъ Сергѣя Львовича былъ часто посѣщаемъ лучшими тогдашними писателями, потому что хозяинъ былъ человекъ образованный и любившій литературу, особенно, по обычаю того вѣка, французскую. Сергѣй Львовичъ даже сочинялъ французскіе стихи, легкіе и остроумные. Самыми частыми гостями его бывали Карамзинъ и Дмитріевъ; Жуковский и Батюшковъ также посѣщали его. Александръ Сергѣевичъ былъ еще такъ молодъ въ то время, что этимъ бесѣдамъ въ домѣ его отца нельзя приписывать особеннаго вліянія на развитіе его ума или таланта; но важно то обстоятельство, что самаго малолѣтства онъ былъ въ литературномъ кругу. Рассказываютъ, между прочимъ, что однажды, оставивъ дѣтскія игры, ребенокъ съ необыкновеннымъ вниманіемъ слушалъ рассказы Карамзина; съ такимъ же вниманіемъ слушалъ онъ иногда Дмитріева, читавшаго свои басни. Подражая примѣру отца, девятилѣтній Александръ Сергѣевичъ уже самъ писалъ небольшія французскія стихотворенія.

Братъ Сергѣя Львовича, Василій Львовичъ, также отчасти способствовалъ развитію склонности къ литературнымъ занятіямъ въ своемъ племянникѣ. Василій Львовичъ считался въ свое время довольно хорошимъ поэтомъ и, радуясь тому, что ребенокъ выучилъ наизусть нѣсколько его стихотвореній, твердилъ ему, чтобъ онъ читалъ русскихъ поэтовъ. Сближеніе между дядею и племянникомъ было тѣмъ легче, что Василій Львовичъ отличался чрезвычайнымъ простодушіемъ, о которомъ сохранилось много анекдотовъ. Изъ нихъ мы расскажемъ одинъ, довольно забавный и хорошо показывающій разницу между тогдашнимъ и нынѣшнимъ временемъ,—разницу, которая произведена талантомъ Пушкина.

До появленія Пушкина число людей, занимавшихся у насъ литературою, было не велико; немногочисленна была и публика, интересовавшаяся ихъ произведеніями. При такихъ обстоятельствахъ, любовь къ своему дѣлу охладѣла бы въ большей части писателей, еслибъ они не ободряли и не возбуждали другъ друга, соединяясь въ тѣсныя пріятельскіе кружки, которые назывались „литературными обществами“. Въ началѣ нынѣшняго вѣка въ Петербургѣ было два главныхъ литературныхъ общества: „Весѣда Любителей Русскаго Слова“, состоявшая по большей части изъ людей, не одаренныхъ талантомъ или уже ослабѣвшихъ отъ старости, и „Арзамасъ“,—общество, составившееся изъ молодыхъ и даровитыхъ литераторовъ, которые хотѣли защищать отъ нападеній „Весѣду“ Карамзина и Жуковского. Члены „Весѣды“, привыкнувъ къ старинному слогу, не ободряли ни новаго прозаическаго слога, введеннаго Карамзинымъ, ни превосходныхъ произведеній Жуковского, который прекрасными стихами переводилъ стихотворенія Шиллера и другихъ нѣмецкихъ и англійскихъ поэтовъ. „Арзамасомъ“ это общество назвалось потому, что поводомъ къ его основанію былъ шуточный рассказъ, въ которомъ осыѣвался устарѣлый языкъ нѣкоторыхъ литераторовъ: рассказчикъ говорилъ, будто бы однажды, будучи, проѣздомъ,

въ Арзамасѣ и обѣдая въ тамошней гостинницѣ, онъ подслушалъ, какъ въ сосѣдней комнатѣ другой проѣзжій разговаривалъ самъ съ собою, употребляя выраженія, вычитанныя изъ нѣкоторыхъ тогдашнихъ книгъ и журналовъ: эти смѣшныя и нелѣпыя фразы были выписаны авторомъ разсказа изъ сочиненій писателей, мнѣнія которыхъ онъ хотѣлъ представить въ смѣшномъ видѣ. Въ числѣ главныхъ членовъ арзамасскаго общества были Жуковский, графъ Уваровъ (впослѣдствіи министръ народнаго просвѣщенія) и проч.

Василью Львовичу, который въ то время уже не былъ молодымъ человѣкомъ, но любилъ молодежь, очень хотѣлось попасть въ арзамасское общество. Члены его, хотя и были пріятели Василью Львовичу, вздумали посмѣяться надъ своимъ пожилымъ другомъ, у котораго было болѣе добродушія, нежели поэтическаго таланта, и объявили ему, что онъ долженъ безпрекословно подчиниться церемоніямъ торжественнаго принятія въ общество, если хочетъ участвовать въ его собраніяхъ. Добродушный искатель согласился, и ему устроили слѣдующій пріемъ. Сначала тучный Василій Львовичъ долженъ былъ лечь на лавку или диванъ, и его завалили множествомъ шубъ, подъ которыми онъ пролежалъ часъ или два, между тѣмъ, какъ надъ нимъ читали какую-то французскую трагедію; потомъ страшно измученнаго страдальца поставили передъ огромнымъ чучеломъ и дали ему въ руки замороженнаго гуся: замороженный гусь—эмблема Арзамаса, сказали ему. Въ этомъ забавномъ положеніи, новопринимаемый долженъ былъ выслушать длинную рѣчь, и вдругъ чучело упало, и спрятанный за нимъ мальчикъ выстрѣлилъ изъ пистолета въ Василья Львовича, который въ испугъ повалился на землю, считая себя уже убитымъ, хотя, конечно, пистолетъ былъ заряженъ однимъ порохомъ.

Мы рассказываемъ этотъ анекдотъ, какъ одинъ изъ примѣровъ, показывающихъ, что тогда сами писатели смотрѣли на литературныя свои занятія вовсе не съ нынѣшней серьезной точки зрѣнія. Литература тогда была не болѣе, какъ забавою, пріятнымъ отдыхомъ послѣ разныхъ житейскихъ дѣлъ, а не однимъ изъ самыхъ важнѣйшихъ дѣлъ, какъ всѣ думаютъ нынѣ. Въ наше время не только лучшіе, но и посредственные писатели, собираясь вмѣстѣ для занятій литературными дѣлами, не будутъ тратить цѣлый вечеръ на подобныя шутки; да и ни одинъ изъ людей, называющихъ себя писателями, не захочетъ, чтобы съ нимъ шутили такимъ образомъ. Все это мы говоримъ для того, чтобы показать различіе между тогдашними и нынѣшними понятіями. А главнымъ виновникомъ такой перемѣны былъ Пушкинъ: его произведенія, возбуждивъ необыкновенный интересъ во всѣхъ грамотныхъ русскихъ людяхъ, придали нашей литературѣ важность, которой она не имѣла прежде.

Но мы заглянули далеко впередъ: надобно возвратиться къ дѣтству Пушкина, къ разсказу о тѣхъ обстоятельствахъ, которыя способствовали къ быстрому обнаруженію его таланта.

Василій Львовичъ, его дядя, игралъ, какъ мы видимъ, не слишкомъ завидную роль въ тогдашнемъ литературномъ мірѣ; но, тѣмъ не менѣе, онъ былъ коротко знакомъ съ лучшими писателями. Отецъ великаго поэта, Сер-

гѣй Львовичъ, также былъ пріятель со многими изъ нихъ. Эти отношенія не могли бы внушить любви къ литературѣ молодому Пушкину, если бы не была она вложена въ него самую природою, не могли бы они доставить ему съ перваго раза блестящаго положенія въ литературныхъ кружкахъ, еслибъ не давалъ ему право на то его необыкновенный и очень рано развившійся талантъ, но, конечно, до нѣкоторой степени, облегчили ему первые шаги на литературномъ поприщѣ: Карамзинъ и Жуковский привѣтствовали гениальнаго юношу тѣмъ съ большею любовью, что онъ являлся къ нимъ какъ человѣкъ, носящій фамилію, не чуждую для ихъ слуха.

Изъ другихъ лицъ, близкихъ по родству, особенно много обязанъ былъ Пушкинъ своей бабушкѣ, Марьѣ Алексѣевнѣ Ганнибалъ, которая жила въ домѣ своего зятя, Сергѣя Петровича. Она учила внука читать и писать по-русски и была вообще очень ласкова къ нему. Когда мальчику хотѣлось избавиться отъ какого-нибудь принужденія, онъ бѣжалъ къ бабушкѣ, садился подлѣ нея, даже залѣзалъ въ ея рабочую корзину и по цѣлымъ часамъ просиживалъ съ бабушкою, слушая рассказы ея. Марья Алексѣевна была женщина умная, много видѣвшая, много помнившая, и, конечно, многое изъ ея рассказовъ осталось навсегда въ памяти внука.

Другомъ дѣтства Пушкина была его сестра, Ольга Сергѣевна, которую онъ нѣжно любилъ до конца жизни. Она была только годомъ старше его, и они вмѣстѣ учились, вмѣстѣ играли; ей первой читалъ десятилѣтній мальчикъ первые свои стихи, которые, по примѣру отца, сочинялъ на французскомъ языкѣ; ей посвящено и первое изъ русскихъ его стихотвореній, извѣстныхъ намъ: оно писано въ 1814 году; молодому поэту не было еще тогда пятнадцати лѣтъ. Приведемъ здѣсь нѣсколько стиховъ изъ этого довольно длиннаго „посланія“, драгоценнаго для насъ, какъ первый памятникъ поэтической дѣятельности великаго писателя. „Ты хочешь, милая сестра, чтобъ я писалъ къ тебѣ“, говоритъ Пушкинъ:

Ты хочешь, другъ безцѣнный,
Чтобъ я, поэтъ молодой,
Бесѣдовалъ съ тобою
И, съ лирою забвенной,
Мечтами окриленный
Оставилъ монастырь *)
И край уединенный,
Гдѣ непрерывный маръ
Во мракѣ опустился...

„И я переносусь мыслями къ тебѣ. Что дѣлаешь ты теперь—продолжаешь молодой поэтъ—читаешь, играешь съ своею собачкою или сидишь за фортепьяно?

И вотъ ужъ я съ тобою.
И въ радости нѣмой
Твой другъ разцѣлѣ душою,
Какъ ясный вешній день.
Забыты дни разлуки,

*) Монастыремъ Пушкинъ называетъ Лицей, гдѣ тогда учился.

Дни горести и скуки,
Исчезла грусти тѣнь.

„Но это лишь одна мечта — она исчезаетъ, и я остаюсь одинъ въ своей скучной и пустой комнатѣ. Но время летитъ, и я скоро примчусь къ тебѣ...“

И съ каменныхъ воротъ
Надутъ, падутъ запоры
И въ пышный Петроградъ
Черезъ долины, горы
Ретивые примчатъ,
Спѣша на новоселье.

Стихи, нами выписанные, еще слабы въ поэтическомъ отношеніи, даже въ языкѣ, которымъ они написаны, встрѣчаются устарѣлыя или неправильныя выраженія; но „Посланіе къ Сестрѣ“ должно быть извѣстно каждому изъ насъ, какъ первое произведеніе великаго нашего поэта.

Мы видѣли, что отецъ, дядя и бабушка имѣли нѣкоторое вліяніе на дѣтскія понятія Пушкина; но сильнѣе всѣхъ содѣйствовала развитію въ немъ воображенія его няня, Арина Родіоновна, которой память увѣковѣчилъ ея воспитанникъ въ своихъ стихахъ. Арина Родіоновна была такъ привязана къ семейству Пушкиныхъ, что, получивъ отпускную, не хотѣла ею пользоваться. Александръ Сергѣевичъ чрезвычайно любилъ ее до конца своей жизни и, когда жилъ въ деревнѣ, постоянно бесѣдовалъ съ нею, какъ съ лучшимъ изъ своихъ друзей. Кромѣ неуспынной заботливости о своемъ питомцѣ и самой искренней привязанности къ нему, она приобрѣла право на его благодарность особенно тѣмъ, что своими неистощимыми разсказами познакомила его съ русскою народною словесностью. Арина Родіоновна знала безчисленное множество сказокъ и умѣла прекрасно ихъ пересказывать. Нѣкоторыя изъ лучшихъ произведеній Пушкина взяты изъ этого запаса, на примѣръ, прекрасное его стихотвореніе „Женихъ“, заимствованное изъ преданія о томъ, какъ дѣвушка, заблудившись въ лѣсу, забрела въ притонъ разбойниковъ и, спрятавшись подъ лавку, видѣла ихъ злодѣйства, а потомъ узнала атамана разбойниковъ въ своемъ женихѣ и уличила его:

Три дня купеческая дочь
Наташа пропадала;
Она на дворъ на третью ночь
Безъ памяти вбѣжала.
Съ вопросами отецъ и мать
Къ Наташѣ стали приступать.
Наташа ихъ не слышитъ.
Дрожить и еле дышать... и пр.

Вообще, очень многія описанія русскихъ народныхъ нравовъ и обычаевъ не были бы у Пушкина такъ живы и хороши, еслибъ онъ не былъ съ дѣтства пропитанъ разсказами изъ народной жизни. Зато онъ вспоминаетъ о своей нянѣ очень часто, и всегда съ самою трогательною любовью. Онъ называетъ ее своею первою музою, то есть говоритъ, что ея разсказами были навѣяны первыя его стремленія къ поэзіи:

Наперсница волшебной старинны,
 Другъ вымысловъ игривыхъ и нечальныхъ,
 Тебя я зпаль во дни моей весны,
 Во дни утѣхъ и снова первоначальныхъ.
 Я ждалъ тебя. Въ вечерней тишинѣ
 Являлась ты веселою старушкой
 И надо мной сидѣла въ шумѣ.
 Въ большихъ очкахъ и съ рѣзною гремушкой.
 Ты, дѣтскую качая колыбель,
 Мой юный слухъ напѣвами плѣнила
 И межъ пеленъ оставила свирѣль,
 Которую сама заворожала...

Вотъ одно изъ писемъ, которыя посылала старая няня своему воспитаннику, уже славному поэту:

„Любезный мой другъ Александръ Сергѣевичъ! Я получила письмо и деньги, которыя вы мнѣ прислали. За всѣ ваши милости я вамъ всѣмъ сердцемъ благодарна, вы у меня безпрестанно въ сердцѣ и на умѣ, и только когда засну, забуду васъ. Пріѣзжай, мой ангелъ, къ намъ въ Михайловское—всѣхъ лошадей на дорогу выставлю. Я васъ буду ожидать и молить Бога, чтобъ онъ далъ намъ свидѣться. Прощай, мой батюшка Александръ Сергѣевичъ! За ваше здоровье я просвиру вынула и молебень отслужила. Поживи, дружочекъ, хорошенько—самому слюбится. Я, слава Богу, здорова; цалую ваши ручки и остаюсь васъ многолюбящая няня ваша Арина Родионовна“.

Растроганный до глубины души этою простодушною заботливостью няни о томъ, чтобы питомецъ ея „жилъ хорошенько“, этою умилительною любовью, Пушкинъ пишетъ:

Подруга дней моихъ суровыхъ,
 Голубка дряхлая моя!
 Одна въ глуши лѣсовъ сосновыхъ
 Давно, давно ты ждешь меня!..
 Ты подъ окномъ своей свѣтлицы
 Горюешь, будго на часахъ,
 И медлятъ поминутно спицы
 Въ твоихъ наморщенныхъ рукахъ.
 Глядишь въ забытыя ворота
 На черный, отдаленный путь:
 Тоска, предчувствіе, заботы
 Тѣснятъ твою всечасно грудь...

Особенно много воспоминаній въ душѣ Пушкина оставили бесѣды съ нянею въ 1825 и 1826 годахъ, когда онъ совершенно одинъ жилъ въ селѣ Михайловскомъ и длинные зимніе вечера проводилъ въ разговорахъ съ нянею, которая раздѣляла его одиночество: то она пересказывала ему „преданья старины глубокой“,—и въ бумагахъ Пушкина сохранилось нѣсколько сказокъ, записанныхъ съ ея словъ, между прочимъ, сказки „О царѣ Салтанѣ“, „О мертвой царевнѣ и семи богатыряхъ“, „О купцѣ Остолопѣ и работникѣ его Балдѣ“, которыя потомъ были переложены имъ въ стихи,—то онъ самъ читалъ ей свои произведенія: пусть другіе поэты читаютъ

кому угодно свои произведенія—говорить онъ въ IV главѣ „Ояѣгина“, вспоминая объ этихъ вечерахъ—

Но я плоды моихъ мечтавій
И гармоническихъ затѣй
Читаю только старой нянѣ,
Подругѣ юности моей.

Арина Родіоновна умерла семидесятилѣтней старушкой, въ 1828 году, въ самую блестящую эпоху восторга, возбужденнаго произведеніями ея питомца.

ГЛАВА III.

Дѣтство до семи лѣтъ и лѣтъ, которую въ эти годы отличался гениальный ребенокъ.—Учителя и гувернеры Пушкина.—Шиллеръ, учившій Пушкина русскому языку.—Степень успѣховъ Пушкина въ наукахъ.—Страсть къ чтенію.—Дѣтскія произведенія.—Лицей.—Лицейскіе журналы.—Дельвингъ.—Державинъ и торжественный актъ 1815 года.

До семи лѣтъ будущій поэтъ не обнаруживалъ ни особенныхъ дарованій, ни даже той живости, которою бываютъ привлекательны почти всѣ дѣти. Онъ былъ ребенкомъ толстымъ, неповоротливымъ, лѣнивымъ, такъ что неподвижностью своею приводилъ въ отчаяніе родныхъ. Гулять и играть его заставляли почти насильно; онъ не любилъ ни бѣгать, ни рѣзвиться: сидѣть или лежать было единственнымъ его наслажденіемъ. Лѣньность толстаго ребенка была такъ велика, что однажды, когда старшіе взяли его съ собою на прогулку, онъ незамѣтно отсталъ отъ общества и успѣлся отдыхать среди улицы. Кто-то смотрѣвшій изъ окна сосѣдняго дома увидѣлъ эту смѣшную сцену и улыбнулся. „Ну, нечего скалить зубы!“ съ досадою сказалъ ребенокъ и всталъ; а безъ этой помѣхи онъ, вѣроятно, просидѣлъ бы долго.

Между тѣмъ, принялись учить его. Гувернеровъ, гувернантокъ и учителей было много; но, при лѣнности и неповоротливости ребенка, учебныя его дѣла шли довольно плохо и очень медленно. Главный надзоръ за воспитаніемъ былъ порученъ французу-эмигранту, графу Монфору; кромѣ того былъ другой гувернеръ французъ, Руссло. При ихъ помощи, Пушкинъ сдѣлалъ навѣкъ говорить и писать по французски такъ же легко, если еще не легче, нежели по русски. Впрочемъ, мудрено было бы не сдѣлать этого навыка, потому что въ семействѣ Сергѣя Львовича, какъ и почти во всѣхъ тогдашнихъ знатныхъ домахъ, совершенно господствовалъ французскій языкъ. Зато по англійски—въ числѣ гувернантокъ была и англичанка—Пушкинъ учился очень плохо. Этотъ языкъ онъ только впослѣдствіи, будучи уже взрослымъ мужчиною, узналъ на столько, что могъ читать англійскія книги; по нѣмецки старался онъ вовсе не учиться и успѣлъ въ этомъ, но потомъ очень жалѣлъ о незнаніи нѣмецкаго языка. Стоитъ, по странности случая, замѣтить то, что русскому языку училъ молодого Пушкина нѣмецъ, фамилія котораго была—Шиллеръ.

Въ самомъ дѣлѣ, довольно забавно, что величайшаго изъ русскихъ

поэтовъ родному его языку училъ иностранецъ, и еще забавиле, что этому иностранцу случилось быть однофамильцемъ гениальнаго нѣмецкаго поэта. Есть люди, которые изъ каждаго случайнаго совпаденія именъ или чиселъ готовы выводить необыкновенно важныя заключенія и предзнаменованія. Имъ не мѣшало бы приложить свои истолкованія къ этому случаю. Мы не станемъ заниматься каламбурами и скажемъ только, что г. Шиллеръ, если и превосходно зналъ по русски, не многому могъ научить Пушкина, потому что мальчику и его сестрѣ, воспитывавшимся вѣстѣ, всѣ остальные предметы преподавались, по тогдашнему обычаю, на французскомъ языкѣ, и даже говорить между собою и со старшими заставляли дѣтей по французски. Однако же, какъ показалъ опытъ, это нисколько не помѣшало Пушкину остаться чисто русскимъ человѣкомъ и писать по русски такъ, какъ не писалъ до него еще никто.

Вообще, учебныя занятія Пушкина и въ отцовскомъ домѣ и въ Лицеѣ, куда онъ поступилъ потомъ, не сопровождались особенно блестящими успѣхами, и то, что говорить онъ о Евгеніѣ Олѣгинѣ, относится и къ самому поэту, представляя вѣрный очеркъ тогдашняго воспитанія дѣтей въ такъ называемыхъ „хорошихъ фамиліяхъ“:

Судьба Евгенія хранила:
 Сперва madame за нимъ ходила,
 Потомъ monsieur ее смѣнилъ.
 Ребенокъ былъ рѣзовъ, но милъ.
 Monsieur l'Abbé, французъ убогой.
 Чтوبъ не измучилось дитя,
 Училъ его всему шутя.
 Не докучалъ моралью строгой,
 Слегка за шалости бравилъ
 И въ Лѣтній Садъ гулять водилъ.
 . . . . .
 Онъ по французски совершенно
 Могъ изъясняться и писалъ,
 Легко мазурку танцевалъ
 И кланялся непринужденно.
 Чего жъ вамъ больше?—Свѣтъ рѣшилъ,
 Что онъ уменъ и очень милъ.
 . . . . .
 Мы всѣ учились по немногу,
 Чему нибудь и какъ-нибудь:
 Такъ воспитавъемъ, слава Богу,
 У насъ не мудрено блеснуть.

Для довершенія сходства съ этимъ очеркомъ, надобно замѣтить, что Пушкинъ съ семи лѣтъ сдѣлался мальчикомъ бойкимъ, живымъ, развязнымъ; прежняя застѣнчивость и вялость уступили мѣсто рѣзости, которая часто доходила до шаловливости. Одно только сохранилось въ немъ неизмѣннымъ: какъ ученикъ, Пушкинъ всегда, до самаго окончанія курса въ Лицеѣ, былъ довольно лѣнивъ.

Но если такъ, то какимъ же образомъ успѣлъ онъ пріобрѣсть многостороннія познанія, безъ которыхъ невозможно сдѣлаться хорошимъ лите-

раторомъ? Дѣло въ томъ, что Пушкинъ не любилъ только учить уроковъ, которые было надобно каждый день готовить къ завтрашнимъ классамъ; а любознательности было въ немъ очень много. Страсть къ чтенію развилась въ немъ рано — лѣтъ съ восьми или девяти. Будучи воспитанъ на французскомъ языкѣ, онъ принялся, разумѣется, за французскія книги, которыхъ у его отца было очень много: Сергѣй Львовичъ, большой любитель французской литературы, имѣлъ хорошую бібліотеку. Онъ старался поощрять въ дѣтяхъ любовь къ книгамъ и часто читалъ вмѣстѣ съ ними лучшія, по его мнѣнію, сочиненія, особенно Мольера, котораго, говорятъ, зналъ почти наизусть. Сынъ его бросился на книги съ жадностью, читалъ безъ устали день и ночь и, при необыкновенной своей памяти, на одиннадцатомъ году былъ, по выраженію дяди Василья Львовича, уже отличнѣйшимъ знатокомъ французской литературы.

Страсть къ чтенію сохранилась у Пушкина до конца жизни. Рѣдко можно встрѣтить человѣка, который бы прочелъ такъ много книгъ, какъ онъ. Потому и не удивительно, что онъ былъ однимъ изъ самыхъ образованнѣйшихъ людей своего времени, хотя въ школѣ и считался посредственнымъ ученикомъ. Не съ однимъ Пушкинымъ было такъ: люди съ блестящими способностями часто пренебрегаютъ школьнымъ преподаваніемъ, которое кажется для нихъ слишкомъ медленно или не касается предметовъ, особенно интересующихъ ихъ умъ. Только внимательная и пѣжкая заботливость отца или матери можетъ предохранить ихъ отъ пренебреженія школьными занятіями, или — но это уже особенно счастливый и рѣдкій случай — какой-нибудь талантливый и любящій наставникъ заставляетъ ихъ шагъ за шагомъ идти впередъ, не оставляя позади ничего не изученнымъ основательно. И счастливъ бываетъ даровитый юноша, если найдетъ себѣ въ родителяхъ или наставникѣ такого любимаго руководителя: его образованіе будетъ тогда не только обширно, но и основательно — у него будутъ всѣ познанія нужныя человѣку для того, чтобы составить себѣ прочныя и благородныя убѣжденія, то-есть примѣнять отношенія всего, о чемъ случится ему судить, къ понятіямъ справедливости и добра. Иначе, онъ узнаетъ многое, но въ числѣ этого многого больше будетъ неважнаго и излишняго, нежели необходимаго для истинной образованности, которая состоитъ въ томъ, чтобы о всемъ, чтѣ дѣлается въ мірѣ, умѣть судить, какъ должно судить человѣку просвѣщенному и благородному.

Въ произведеніяхъ Пушкина мы находимъ доказательства того, что онъ былъ человѣкъ съ большою начитанностью; но если бы онъ вмѣстѣ съ этою начитанностью обладалъ бѣльшею основательностью въ своихъ понятіяхъ о многихъ важныхъ вопросахъ человѣческой жизни, то, безъ сомнѣнія, достоинство его твореній было бы еще выше.

Не отъ Пушкина зависѣло, что онъ не получилъ образованія болѣе солиднаго; не онъ былъ виноватъ, что его любознательность съ самаго начала не нашла умнаго и вполне образованнаго руководителя, который воспользовался бы ею, чтобы поставить ученныя понятія Пушкина на высоту, соотвѣтствующую величію его таланта. Но, къ чести нашего поэта должно сказать, что, достигнувъ лѣтъ, когда человѣкъ начинаетъ самъ располагать своими дѣй-

ствіями, онъ неутомимо старался вознаградить потерянные годы и чрезвычайно ревностно трудился надъ собственнымъ образованіемъ. Онъ учился всю свою жизнь.

Влѣствѣ съ любовью къ чтенію въ ребенкѣ обнаружилась и страсть къ авторству. Мы говорили, что онъ началъ сочинять стихи, когда ему было не болѣе 9-ти или 10-ти лѣтъ, и, по примѣру отца, сначала писалъ на французскомъ языкѣ; вѣроятно, также примѣръ отца внушилъ ему особенную любовь къ Мольеру, и въ числѣ первыхъ произведеній Пушкина были небольшія французскія комедіи, сочиненныя по образцу мольеровыхъ. Онъ читалъ ихъ сестрѣ. Къ сожалѣнію, эти первые опыты не дошли до насъ. Сохранилась въ памяти его сестры только эпиграмма, которою онъ самъ посмѣялся надъ одною изъ своихъ комедій, „l'Escamoteur“, которая не понравилась его слушательницѣ.

Dis moi, pourquoi l'Escamoteur
Est-il sifflé par le parterre?
Hélas, c'est que le pauvre auteur
L'escamota de Molière (*).

Кромѣ небольшихъ комедій, Пушкинъ писалъ басни и наконецъ вздумалъ сочинить эпическую поэму въ шести пѣсняхъ. Сюжетомъ онъ выбралъ войну карликовъ и карлицъ при старинномъ французскомъ королѣ Дагобертѣ. Карликъ Толи, влюбленный въ Карлицу Нитушь, побѣдивъ соперниковъ, долженъ былъ получить руку миньятюрной красавицы. Но эта поэма погибла, еще не достигши конца: одна изъ гувернантокъ замѣтила тетрадь, надъ которою прилежно трудился молодой авторъ, унесла ее и отдала гувернѣру, жалуюсь на непослушнаго мальчика, который „проводитъ время за сочиненіемъ подобныхъ пустяковъ“. Гувернѣръ началъ читать „Толіаду“, какъ называлась поэма по имени своего героя, и расхохотался. Оскорбленный авторъ вырвалъ у него тетрадь и бросилъ въ топившуюся печь.

Мальчику исполнилось двѣнадцать лѣтъ, и родители начали думать, что пора отдать его въ какое-нибудь училище. Особенно славился тогда существовавшій въ Петербургѣ іезуитскій коллегіумъ, и Сергѣй Львовичъ поѣхалъ въ Петербургъ, чтобы помѣстить сына въ это заведеніе. Но въ то самое время правительство объявило объ открытіи высшего училища для дворянъ — Царскосельскаго Лицея. Директоромъ этого учрежденія назначенъ былъ одинъ изъ друзей Сергѣя Львовича, и двѣнадцатилѣтній Пушкинъ былъ принятъ въ число воспитанниковъ Лицея.

Годы, проведенные въ Лицеѣ, остались навсегда лучшими годами жизни въ памяти Пушкина: въ Лицеѣ развился его поэтический талантъ, въ Лицеѣ онъ встрѣтилъ друзей, особенно Дельвига, котораго всегда чрезвычайно уважалъ и любилъ. Воспитанники, удаленные отъ столицы, принужденные довольствоваться собственнымъ обществомъ, скоро свыклись между собою и

*) Скажите, за что партеръ освисталъ „похитителя“? за то, что бѣдный авторъ похитилъ его у Мольера. — Пушкинъ, читая свои комедіи, воображалъ, что онѣ разыгрываются на сценѣ, и сестра была для него „публикою“ и „партеромъ“, рѣшающимъ успѣхъ или паденіе пьесы.

на всю жизнь остались людьми близкими другъ другу. Но, кажется, ни въ одномъ изъ нихъ эти юношескія чувства не остались такъ живы, какъ въ Пушкинѣ. Его лирическія стихотворенія и „Евгеній Онѣгинъ“ наполнены воспоминаніями о Царскомъ Селѣ и Лицеѣ. Нѣсколько прекраснѣйшихъ стихотвореній его написаны въ память годовщины открытія Лицея.

Въ Лицеѣ, точно такъ же, какъ и дома, Пушкинъ не слишкомъ прилежно готовился къ урокамъ и, несмотря на чрезвычайно сильную память и блестящій умъ, считался посредственнымъ ученикомъ. Но, независимо отъ школьнаго преподаванія, онъ читалъ очень много книгъ по всеобщей исторіи, французской и русской словесности. Потому шесть лѣтъ (1811 — 1817), проведенныя имъ въ Лицеѣ, были для него не бесполезны и въ отношеніи умственнаго образованія. Что же касается поэтическаго его таланта, онъ развивался въ это время очень быстро и уже начиналъ пріобрѣтать извѣстность.

Между товарищами Пушкина была довольно сильна любовь къ литературнымъ занятіямъ: многіе писали стихи, другіе переводили разныя прозаическія статьи съ иностранныхъ языковъ; молодые литераторы начали даже издавать рукописные журналы. Къ сожалѣнію, тетради эти, столь интересныя, затеряны и извѣстны намъ только по заглавіямъ. Такъ, одинъ журналъ назывался „Лицейскій Мудрецъ“, другой — „Неопытное Перо“, третій — „Пловцы“, и проч.

Въ первые годы своей лицейской жизни Пушкинъ попрежнему писалъ стихи на французскомъ языкѣ и только около 1814 года началъ писать и по-русски. Мы привели отрывки изъ „Посланія къ сестрѣ“, перваго русскаго его стихотворенія, дошедшаго до насъ. Но оно не было напечатано. Первымъ изъ появившихся въ печати произведеній его было довольно длинное посланіе „Къ другу-стихотворцу“, написанное въ сатирическомъ духѣ, по образцу множества подобныхъ стихотвореній того времени: посланія были тогда въ модѣ. Оно напечатано въ московскомъ журналѣ „Вѣстникъ Европы“ 1814 года, въ восьмой книжкѣ. Послѣ того стихотворенія Пушкина начали появляться въ журналахъ довольно часто и скоро обратили на себя вниманіе легкостью языка, съ которою часто соединялось и поэтическое достоинство мысли и картинъ.

Многіе изъ товарищей сначала не любили Пушкина за его эпиграммы: онъ тогда уже отличался остроуміемъ и за каждое оскорбленіе расплачивался колымъ стихомъ, котораго боялись не одни его сверстники, но и люди гораздо старше его лѣтами. Довольно долго эта легкая вражда мѣшала даже единодушному согласію товарищей въ томъ, что Пушкинъ превосходитъ ихъ всѣхъ поэтическимъ талантомъ. Но, ближе познакомаясь съ молодымъ поэтомъ, всѣ полюбили его, потому что въ душѣ Пушкинъ былъ очень добръ и чрезвычайно благороденъ. Извѣстность, которую пріобрѣлъ онъ въ литературѣ, убѣдилъ всѣхъ въ несомнѣнности его дарованія, и въ послѣднее время лицейской жизни Пушкинъ пользовался уже между товарищами громкою славою.

Изъ всѣхъ товарищей Пушкинъ особенно былъ друженъ съ барономъ Дельвигомъ, привязанность къ которому не ослабѣла въ немъ до самой смерти Дельвига и доставила Дельвигу большую извѣстность, какъ пре-

восходному поэту; только послѣ смерти Пушкина, когда уже некому было превозносить до небесъ стихи Дельвига, публика убѣдилась, что этотъ поэтъ не отличался замѣчательнымъ талантомъ. Но Пушкинъ такъ сильно былъ ему преданъ, что искренно считалъ его великимъ поэтомъ, и вліяніе Пушкина на мнѣніе публики было такъ сильно, что почти всѣ вѣрили этому. На самомъ же дѣлѣ баронъ Дельвигъ заслужилъ дружбу Пушкина своею любовью къ поэзіи и тѣмъ, что великій поэтъ могъ откровенно и не безъ пользы говорить съ нимъ о своихъ произведеніяхъ, какъ съ человѣкомъ образованнымъ и не лишеннымъ вкуса.

Изъ событій лицейской жизни ярче всего остался въ памяти Пушкина торжественный актъ 1815 г., который былъ почтенъ посвѣщеніемъ Державина, съ одобреніемъ выслушавшаго стихотвореніе молодого поэта: „Воспоминанія въ Царскомъ Селѣ“. Вотъ какъ рассказываетъ объ этомъ случаѣ самъ Пушкинъ:

„Державина видѣлъ я только разъ въ жизни, но никогда того не забуду. Это было въ 1815 году, на публичномъ экзаменѣ въ Лицѣѣ. Какъ узнали мы, что Державинъ будетъ къ намъ, всѣ мы взволновались. Дельвигъ вышелъ на лѣстницу, чтобъ дожидаться его и поцаловать руку, — руку, написавшую „Водопадъ“ *) Державинъ пріѣхалъ.... Онъ былъ очень старъ.... Экзаменъ нашъ очень его утомилъ: онъ сидѣлъ поджавъ голову рукою; глаза его были мутны, губы отвисли. Онъ дремалъ до тѣхъ поръ, пока не начался экзаменъ русской словесности. Тутъ онъ оживился: глаза заблестали, онъ преобразился весь. Разумѣется, читаны были его стихи, поминутно хвалили его стихи. Онъ слушалъ съ живостью необыкновенною. Наконецъ вызвали меня. Я прочелъ мои „Воспоминанія въ Ц. С.“, стоя въ двухъ шагахъ отъ Державина. Я не въ силахъ описать состояніе души моей: когда я дошелъ до стиха, гдѣ упоминаю имя Державина, голосъ мой отороческій зазвенѣлъ, а сердце забилося съ упоительнымъ восторгомъ. Не помню, какъ я кончилъ свое чтеніе; не помню, куда убѣжалъ. Державинъ былъ въ восхищеніи: онъ меня требовалъ, хотѣлъ меня обнять.... Меня искали, но не нашли....“

Послѣ экзамена, на обѣдѣ, графъ Разумовскій, бывшій въ то время министромъ народнаго просвѣщенія, поздравляя Сергѣя Львовича съ успѣхами сына, прибавилъ: „Однакоже, я желалъ бы обратить вашего сына къ прозѣ“.

— Оставьте его поэтомъ! — съ необыкновеннымъ жаромъ сказалъ Державинъ.

Объ этихъ отношеніяхъ своихъ къ Державину Пушкинъ упоминаетъ въ превосходныхъ стихахъ „Евгенія Онѣгина“, гдѣ рассказываетъ судьбу своей музы (то-есть своего поэтического дарованія):

И свѣтъ ее (музу) съ улыбкой встрѣтилъ;
Успѣхъ насъ первый окрылилъ;
Старикъ Державинъ насъ замѣтилъ
И, въ гробъ сходя, благословилъ...

*) Ода эта, написанная Державинымъ подъ вліяніемъ извѣстія о смерти Потемкина-Таврическаго, принадлежитъ къ числу лучшихъ произведеній Державина.

Но вотъ приближилось и время окончанія курса (9 іюня 1817 г.). Пушкинъ былъ выпущенъ съ чиномъ десятаго класса и черезъ три дня опредѣленъ въ Коллегію Иностранныхъ Дѣлъ. Молодой человѣкъ тотчасъ взялъ отпускъ и поѣхалъ въ село Михайловское, къ своему семейству.

Надобно замѣтить, что пока Пушкинъ былъ въ Лицеѣ, его родные переселились изъ Москвы въ Петербургъ и лѣтомъ переѣзжали въ село Михайловское, находящееся въ Псковской губерніи. Пушкинъ до 1820 года, когда долженъ былъ уѣхать на югъ Россіи, каждое лѣто проводилъ также въ Михайловскомъ.

ГЛАВА IV.

Пушкинъ въ свѣтскомъ обществѣ.—Первая его поэма: „Русланъ и Людмила“.—Пушкинъ въ Бессарабіи, въ Одессѣ, на Кавказѣ, въ Крыму.—Поэмы его: „Кавказскій Пльнникъ“, „Бахчисарайскій Фонтанъ“, „Цыганы“ и „Братья Разбойники“.

По возвращеніи въ Петербургъ послѣ отдыха въ деревнѣ, Пушкинъ вшелъ въ кругъ свѣтской жизни: веселый и живой характеръ его проявлялся тогда во всей силѣ; но въ то же время онъ не покидалъ своихъ литературныхъ занятій, былъ принятъ въ число членовъ Арзамасскаго Общества, о которомъ мы говорили, и въ 1819 году написалъ первую изъ своихъ большихъ поэмъ — „Руслана и Людмилу“, которая прославила его имя, и по прочтеніи которой Жуковскій подарилъ ему свой портретъ съ надписью: „Ученику-побѣдителю отъ побѣжденнаго учителя“.

Нынѣ всякій хорошо видитъ, что эта поэма имѣетъ множество недостатковъ; но въ то время она, дѣйствительно, была необыкновеннымъ явленіемъ по чрезвычайной легкости стиха и по прекрасному языку. Все, что было написано прежними нашими поэтами, казалось тяжелымъ и пеизящнымъ въ сравненіи съ поэмою Пушкина; потому вся публика прочла ее съ необыкновеннымъ восторгомъ. Содержаніе этой повѣсти въ стихахъ состоитъ въ томъ, что Русланъ, древній русскій богатырь, отыскиваетъ свою невѣсту, Людмилу, которую похитилъ волшебникъ Черноморъ.

Вскорѣ по окончаніи „Руслана и Людмилы“ Пушкинъ былъ посланъ въ Бессарабію и оставался на югѣ Россіи съ 1820 до 1824 года. Сначала прибылъ онъ изъ Екатеринославль, гдѣ занемогъ, такъ что долженъ былъ ѣхать на Кавказскія Минеральныя Воды. Когда его здоровье поправилось, онъ поѣхалъ съ Кавказа въ Крымъ, осмотрѣлъ южный берегъ его, богатый живописными видами, посѣтилъ Бахчисарай, бывшую столицу крымскихъ хановъ, и въ сентябрѣ 1820 года пріѣхалъ жить въ Кишеневъ. Въ концѣ этого года онъ ѣздилъ въ Кіевъ и, по возвращеніи въ Кишеневъ, окончилъ (въ началѣ 1821 года) свою поэму „Кавказскій Пльнникъ“, начатую за нѣсколько мѣсяцевъ. Она написана подъ вліяніемъ впечатлѣній, произведенныхъ на поэтическое воображеніе Пушкина величественною горною природою, и лучшее достоинство ея составляютъ превосходныя и живыя картины Кавказа. Вмѣстѣ съ тѣмъ на ней отразилось вліяніе

англійскаго поэта Байрона, произведеніями котораго восхищалась тогда вся Европа. Пушкинъ былъ въ то время еще такъ молодъ, что не удивительно, если и онъ подчинился общему увлеченію. Характеръ въ человѣкѣ образуется мало-по-малу, житейскою опытностью, и Пушкинъ послѣ „Кавказскаго Пльнника“ писалъ еще нѣсколько лѣтъ, увлекаясь вліяніемъ Байрона. Байронъ—поэтъ чрезвычайно грустный. Въ поэмахъ Пушкина, писанныхъ въ байроновскомъ духѣ, также отразилась отчасти эта грусть, но гораздо слабѣе, нежели у англійскаго поэта, потому что въ сущности она противорѣчила природному расположенію Пушкина, скорѣе наклоннаго къ беззаботности, любившаго жизнь и ея удовольствія, добраго и снисходительнаго.

Въ Кишиневѣ же, въ 1822 году, была написана и третья поэма Пушкина „Бахчисарайскій Фонтанъ“, заключающая въ себѣ воспоминанія о Крымѣ, какъ воспоминанія о Кавказѣ были высказаны поэтомъ въ „Кавказскомъ Пльнникѣ“. Съ какимъ восторгомъ были приняты публикою оба эти произведенія, можно судить по тому, что черезъ нихъ Кавказъ и Крымъ стали знакомы каждому русскому, между тѣмъ какъ прежде понятія о природѣ этихъ странъ были почти у всѣхъ очень неопредѣленны.

Въ половинѣ слѣдующаго года Пушкинъ былъ переведенъ на службу въ Одессу, гдѣ прожилъ около года. Здѣсь онъ началъ писать свой романъ въ стихахъ „Евгеній Онѣгинъ“, который оконченъ былъ уже черезъ нѣсколько лѣтъ. Мы скажемъ объ этомъ произведеніи послѣ. Въ Одессѣ также была написана поэма „Цыганы“, въ которой особенно хороши описанія кочевой жизни цыганъ. Содержаніемъ этому произведенію послужили такъ же, какъ и прежнимъ, воспоминанія поэта: когда онъ ѣздилъ по Бессарабіи, то часто имѣлъ случай близко присмотрѣться къ цыганскому быту, а однажды даже посвятилъ этимъ наблюденіямъ нѣсколько дней.

На югѣ Россіи, именно въ Кишиневѣ, написанъ Пушкинымъ также отрывокъ изъ поэмы, напечатанный подъ заглавіемъ „Братья Разбойники“. Остальныя части этой недописанной поэмы авторъ уничтожилъ, будучи ею недоволенъ; а напечатанный отрывокъ уцѣлѣлъ случайно въ рукахъ одного изъ пріятелей автора. Содержаніе для разсказа взято изъ анекдота о томъ, что два колодника, скованные вмѣстѣ, переплыли черезъ рѣку. Если это и дѣйствительно было, то все-таки остается случаемъ почти невѣроятнымъ; а поэтическія произведенія хороши тогда, когда, прочитавъ ихъ, каждый говорить: „да, это не только правдоподобно, но и вѣче и быть не могло, потому что всегда такъ бываетъ“.

ГЛАВА V.

Возвращеніе Пушкина въ село Михайловское, потомъ въ Москву и Петербургъ.—Трагедія „Борисъ Годуновъ“.—Поэма „Полтава“.—Романъ въ стихахъ „Евгеній Онѣгинъ“.—Путешествіе въ Арзерумъ.—Драматическія произведенія.—Женитьба Пушкина.—Онъ поселяется въ Петербургѣ.—Повѣсти въ прозѣ: „Дубровский“ и „Капитанская Дочка“.—Поэма „Мѣдный Всадникъ“.

Въ іюлѣ 1824 года Пушкинъ былъ возвращенъ изъ Одессы въ свое село Михайловское, гдѣ и прожилъ два года. Здѣсь-то, будучи почти по-

стоянно одинокъ, онъ чрезвычайно много читалъ и писалъ. Время, проведенное въ Михайловскомъ, было въ литературномъ отношеніи самую дѣятельную порою его жизни. Здѣсь написалъ онъ нѣсколько главъ „Евгенія Онегина“ и трагедію „Борисъ Годуновъ“.

Съ этого времени въ произведеніяхъ Пушкина уже не замѣтно увлеченіе Байрономъ, подѣ влияніемъ котораго задуманы прежнія его поэмы. Напротивъ, Пушкинъ проникся особенною любовью къ Шекспиру, величайшему изъ всѣхъ драматическихъ писателей, и, отчасти въ подражаніе драмамъ Шекспира изъ англійской исторіи, написалъ своего „Бориса Годунова“, въ которомъ довольно близко держался разсказа Карамзина; „незабвенной памяти“ Карамзина и посвящена эта драма. До сихъ поръ она остается единственнымъ въ своемъ родѣ твореніемъ въ русской литературѣ. Пушкинъ преимущественно на „Борисъ Годуновъ“ основывалъ свою славу, потому что очень долго и внимательно занимался этимъ произведеніемъ.

Въ сентябрѣ 1826 года Пушкинъ былъ возвращенъ въ Петербургъ, гдѣ съ того времени и жилъ почти постоянно, уѣзжая, впрочемъ, каждый годъ на лѣто и осень въ село Михайловское, гдѣ написалъ большую часть своихъ слѣдующихъ произведеній. Но въ 1826 году изъ Михайловскаго онъ проѣхалъ прежде въ Москву, гдѣ его встрѣтили съ восторгомъ, и гдѣ онъ прожилъ до весны 1827 года. Семь лѣтъ уже не бывалъ онъ въ свѣтскомъ обществѣ, и отъ долгой разлуки оно получило для него новую прелесть. Лѣто провелъ онъ въ Петербургѣ, а на осень уединился въ свое Михайловское.

Въ 1828 году написалъ онъ, менѣе, нежели въ мѣсяцъ, поэму „Полтава“, существеннымъ содержаніемъ которой, какъ видно уже изъ заглавія, служатъ борьба Петра Великаго съ Карломъ XII. Уже прежде этого времени Пушкинъ съ особенною любовью занимался изученіемъ эпохи Петра Великаго и еще въ предыдущемъ (1827) году началъ большой романъ „Арапъ Петра Великаго“, въ которомъ, какъ мы видѣли, главнымъ лицомъ хотѣлъ выставить своего прадѣда Ганнибала. Романъ этотъ остался неоконченнымъ. Позднѣе Пушкинъ написалъ поэму „Мѣдный Всадникъ“, посвященную прославленію памяти державнаго основателя Петербурга, и это лучшая изъ его поэмъ. Кромѣ того, въ послѣдніе годы своей жизни онъ почти исключительно занимался собираніемъ матеріаловъ для исторіи Петра Великаго.

Въ 1829 году онъ испросилъ разрѣшеніе сопровождать нашу армію въ побѣдоносномъ походѣ противъ персіянъ и, проѣхавъ черезъ Тифлисъ, присоединился къ войску на берегу Карса-Чая и видѣлъ взятіе Арзерума. Памятникомъ этой поѣздки осталось „Путешествіе въ Арзерумъ“.

Осенью 1830 года Пушкинъ дописалъ „Онегина“, который былъ начатъ за семь лѣтъ. Романъ этотъ былъ издаваемъ въ свѣтъ отдѣльными главами, и первыя три главы, изданныя въ 1825 году, произвели необыкновенный восторгъ въ публикѣ. Многіе такъ восхищались этимъ романомъ, что выучивали его наизусть. Главное достоинство „Евгенія Онегина“, кромѣ превосходныхъ стиховъ, состоитъ въ томъ, что онъ чрезвычайно вѣрно изображаетъ нравы русскаго общества. Теперь мы имѣемъ довольно много про-

изведеній, болѣе или менѣе отличающихся этимъ достоинствомъ, хорошая повѣсть изъ русскихъ нравовъ нынѣ уже не рѣдкость; но „Евгеній Онегинъ“ въ свое время былъ неслыханною и небывалою рѣдкостью. Мы говорили о содержаніи поэмъ, писанныхъ Пушкинымъ до „Онегина“: могутъ ли онѣ назваться картинами нашихъ нравовъ? Въ одной изъ нихъ изображаются черкесы и Кавказъ, въ другой—татары и Крымъ, третья—сказка о приключеніяхъ богатырей или витязей. Таковы же были и всѣ почти произведенія русской литературы до появленія „Онегина“. Они отличались отъ поэмъ Пушкина только тѣмъ, что были написаны не такъ хорошо, но такъ же мало изображали нравы и бытъ русскаго общества, какъ и „Кавказскій Плѣнникъ“ или „Бахчисарайскій Фонтанъ“. Исключеніе остается очень за немногими—за комедіями фонъ-Визина „Бригадиръ“ и „Недоросль“ и за комедіею Грибоѣдова „Горе отъ ума“. Но „Горе отъ ума“ тогда еще не было напечатано, а комедіи фонъ-Визина не цѣнились по достоинству, между прочимъ, оттого, что языкъ ихъ считался слишкомъ устарѣвшимъ. Кромѣ того, романъ Пушкина написанъ въ повѣствовательной формѣ, которая гораздо легче для чтенія, нежели драматическая. „Евгеній Онегинъ“ былъ первымъ романомъ, изображавшимъ—и превосходно изображавшимъ—современное русское общество. Успѣхъ его былъ, можно сказать, безпримѣренъ въ русской литературѣ, а вліяніе на развитіе литературы и на понятія публики огромно.

Осень этого года провелъ Пушкинъ въ своемъ селѣ Болдинѣ (Нижегородской губерніи), гдѣ написалъ кромѣ послѣднихъ двухъ главъ „Онегина“, большую часть своихъ драматическихъ произведеній, именно: „Скупого Рыцаря“, „Каменнаго Гостя“, „Пиръ во время чумы“ и „Моцартъ и Сальери“. Въ Болдинѣ также были написаны повѣсти, изданныя подъ именемъ „Повѣстей Вѣлкина“. Онѣ были первыми сочиненіями въ прозѣ, которыя напечаталъ Пушкинъ, и уступаютъ въ достоинствѣ другимъ его прозаическимъ произведеніямъ. „Скупой Рыцарь“ и „Сцены изъ рыцарскихъ временъ“, написанныя превосходно, изображаютъ нравы среднихъ вѣковъ, а „Каменный Гость“—старинные испанскіе нравы. Въ этихъ произведеніяхъ вѣрность всѣхъ подробностей тому вѣку и той странѣ, къ которой относятся дѣйствіе, такъ же удивительна, какъ и поэтическое достоинство.

Въ началѣ 1831 года Пушкинъ, находившійся тогда въ Москвѣ, былъ чрезвычайно опечаленъ извѣстіемъ о смерти самаго любимаго изъ его друзей, Дельвига.

18 февраля того же года онъ женился на Н. Н. Гончаровой. Бракъ былъ совершенъ въ Москвѣ, гдѣ жило семейство невесты. Онъ прожилъ въ Москвѣ до весны, потомъ повезъ свою супругу въ Петербургъ и поселился на лѣто въ Царскомъ Селѣ.

Съ этого года началъ онъ заниматься собраніемъ матеріаловъ для исторіи Петра Великаго. Ему было разрѣшено пользоваться для того государственными архивами, и онъ дѣятельно работалъ въ нихъ. Смерть прервала обширный трудъ Пушкина, когда онъ еще только хотѣлъ приступить къ обработкѣ собранныхъ фактовъ.

Въ 1833 году были написаны Пушкинымъ: повѣсти въ прозѣ „Ду-

Бровскій“ и „Капитанская Дочка“, и драматическое произведеніе въ стихахъ „Русалка“, оставшееся послѣ его смерти неоконченнымъ. Содержаніе „Русалки“ взято изъ сказочнаго міра, какъ содержаніе „Руслана и Людмилы“; но между тѣмъ, какъ „Русланъ и Людмила“ только по заглавію относится къ старинной русской жизни, а на самомъ дѣлѣ очень мало проникнута духомъ нашей старины, въ „Русалкѣ“ многія сцены превосходно изображаютъ старинную нашу жизнь въ ея истинномъ видѣ.

„Дубровскій“ и особенно „Капитанская Дочка“ должны назваться лучшими изъ прозаическихъ повѣстей Пушкина. „Дубровскій“ изображаетъ бытъ нашихъ помѣщиковъ въ началѣ нынѣшняго столѣтія, а „Капитанская Дочка“ — эпоху пугачевского бунта, исторію котораго Пушкинъ занимался въ это время.

Въ 1833 году написана Пушкинымъ одна изъ лучшихъ его поэмъ — „Мѣдный Всадникъ“, сюжетомъ которой послужило ужасное наводненіе, бывшее въ Петербургѣ 7 ноября 1824 года, а героемъ ея Пушкинъ сдѣлалъ Петра Великаго, памятникъ котораго, „Мѣдный Всадникъ“, въ его картинѣ наводненія величественно возвышается надъ волнами и умириваетъ ихъ.

Въ 1836 году Пушкинъ началъ издавать журналъ „Современникъ“, который по смерти основателя продолжалъ издаваться его друзьями, въ томъ числѣ Жуковскимъ, княземъ Вяземскимъ и г. Плетневымъ, а въ послѣдствіи однимъ г. Плетневымъ, и который, подъ другою редакціею, существуетъ до сихъ поръ.

ГЛАВА VI.

Смерть матери Пушкина.—Тоска овладѣваетъ поэтомъ.—Онъ желаетъ умереть.—Дуэль.—Кончина Пушкина.—Пенсія его семейству.—Памятникъ его.—Характеръ Пушкина.—Его привычки.

Въ 1836 году Пушкинъ былъ огорченъ кончиною матери, Надежды Осиповны. Проводивъ ея тѣло въ Святогорскій Успенскій монастырь (въ Опочковскомъ уѣздѣ Псковской губерніи), онъ, какъ бы предчувствуя близкую смерть, условился съ начальствомъ монастыря, чтобъ и ему была приготовлена могила рядомъ съ тѣмъ мѣстомъ, гдѣ положена была его мать.

Въ самомъ дѣлѣ, онъ не долго пережилъ это время. Послѣднее время было наполнено разными огорченіями, которыхъ не въ силахъ былъ переносить великій нашъ писатель, одаренный живымъ и нетерпѣливымъ характеромъ. Онъ самъ, кажется, зналъ, что такъ или иначе, но скоро разстанется съ жизнью. Разсказываютъ, между прочимъ, слѣдующій случай, обнаруживающій, что уже за нѣсколько мѣсяцевъ до смерти Пушкинъ тосковалъ и чувствовалъ тяжесть на душѣ. Товарищи Пушкина по Лицею каждый годъ собирались, 19 октября, въ годовщину основанія Лицея, чтобы вспоминать о прошломъ и проводить этотъ день по товарищески. Пушкинъ часто писалъ къ этому собранію стихотворенія. Такъ онъ сдѣлалъ и въ 1836 году, но не успѣлъ совершенно окончить и обдѣлать своего стихо-

творенія къ 19 октября и въ кругу собравшихся товарищей извинился, что прочтетъ имъ неоконченную пьесу. Помолчавъ немного, онъ вынулъ листъ бумаги и началъ:

Была пора: нашъ праздникъ молодой
Сіялъ, шумѣлъ и розами вѣнчался...

Но голосъ его задрожалъ, и слезы показались на глазахъ при этихъ словахъ. Онъ положилъ бумагу на столъ, ушелъ въ уголъ комнаты и сидѣлъ тамъ молча. Другой товарищъ прочиталъ его послѣднюю лицейскую го-довщину.

Душевные безпокойства тяготили Пушкина до такой степени, что онъ по одному недоразумѣнію, которое можно было устранить, если бы Пушкинъ дорожилъ собою, вышелъ на дуэль съ французскимъ подданнымъ Дантесомъ, жившимъ тогда въ Петербургѣ. Дуэль была 27 января 1837 года. Пуля противника смертельно ранила нашего великаго поэта, и, послѣ ужасныхъ страданій, Пушкинъ скончался 29 января, въ три-четверти третьяго часа пополудни. Послѣдніе часы его жизни подробно описаны Жуковскимъ.

Неожиданная и слишкомъ ранняя смерть Пушкина поразили горестью всѣхъ, кто сколько-нибудь любилъ русскую литературу, которая лишилась величайшаго изъ всѣхъ писателей, какіе только являлись въ ней до того времени. Печальная толпа день и ночь наполняла комнату, въ которой стояло тѣло Пушкина; общая печаль соединяла у гроба его людей всѣхъ состояній, всѣхъ званій, всѣхъ степеней образованности.

Согласно желанію покойнаго, тѣло его было, по Высочайшему повелѣнію, отвезено для погребенія въ Святогорскій Успенскій монастырь, гдѣ приготовилъ онъ себѣ могилу подлѣ матери, и на похороны его было пожаловано Императоромъ 10,000 рублей ассигнаціями.

Святогорскій монастырь находится въ четырехъ верстахъ отъ любимаго Пушкинымъ села Михайловскаго. Надъ могилою его поставленъ памятникъ изъ бѣлаго мрамора, въ видѣobeliska, на четырехугольномъ пьедесталѣ, сдѣланномъ на подобіе древнихъ гробницъ. На памятникѣ простая надпись: „Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ“. Площадка могилы, начинающаяся зарастать деревьями, находится близъ церкви монастыря, по лѣвую сторону олтара.

По Высочайшему повелѣнію, долгъ Пушкина казнѣ былъ снятъ съ его имѣнія; супругъ поэта была назначена пенсія въ 5,000 рублей ассигн., и, кромѣ того, дѣтямъ его 6,000 рублей. На изданіе сочиненій Пушкина пожаловано 50,000 рублей.

Намъ остается сказать нѣсколько словъ о Пушкинѣ, какъ человѣкѣ. Основными чертами его характера были благородство, мягкость и живость. Благородство было дано ему природою и развито образованностью. Онъ хотѣлъ быть не только чистъ отъ всего, что признавалъ низкимъ или дурнымъ, но держать себя такъ, чтобы никто не имѣлъ права сказать о немъ что-нибудь дурное, по его мнѣнію. Потому каждая клевета глубоко огорчала его, какъ бы ни была глупа и нелѣпа. Даже причиною его смерти надобно считать то, что въ послѣдніе годы недоброжелатели его начали

распускать относительно его разныя пошлыя выдумки: щекотливое чувство собственного достоинства въ немъ было оскорбляемо, онъ не могъ выносить клеветы съ тѣмъ равнодушіемъ, какого она заслуживаетъ, и жизнь стала для него тяжела. Имѣя привычки лучшаго общества, будучи свѣтскимъ человѣкомъ въ полномъ смыслѣ слова, онъ былъ очень обходителенъ и любезенъ въ обществѣ; но въ то же время, постоянно опасаясь несправедливыхъ толковъ, онъ старался быть осторожнымъ, и иногда это доводило его до нѣкоторой скрытности даже съ короткими знакомыми. Впрочемъ, при живости своего характера, онъ не могъ выдерживать этой роли и, забывая о ней, обнаруживалъ свои истинныя мысли и чувства. Какъ всѣ добрые и вмѣстѣ живые люди, онъ былъ вспыльчивъ; но гнѣвъ скоро уступалъ мѣсто обыкновенной его кротости и мягкости. Все, чтò встрѣчалось ему въ жизни, чрезвычайно сильно дѣйствовало на его воспріимчивую натуру; даже мелочи, на которыя другой не обратилъ бы вниманія, очень часто производили на него глубокое впечатлѣніе. О немъ болѣе, нежели о комъ-нибудь, можно сказать, что онъ жилъ впечатлѣніями, которыя приносила настоящая минута. Переходы отъ грусти къ веселости, отъ унынія къ беззаботности, отъ отчаянія къ надеждѣ были у него часты и очень быстры. Въ одномъ онъ оставался всегда неизмѣненъ—въ привязанности къ людямъ, которыхъ разъ полюбилъ: трудно найти человѣка, который былъ бы такимъ вѣрнымъ и преданнымъ другомъ, какъ Пушкинъ.

Пушкинъ хотѣлъ быть и былъ свѣтскимъ человѣкомъ, но привычки его всегда были просты. И въ жизни онъ не любилъ изысканности, принужденія, искусственности, какъ не любилъ ихъ въ литературѣ. Онъ не терпѣлъ ни картинъ, ни другихъ украшеній въ своемъ кабинетѣ, и когда, на время пріѣзжая въ Петербургъ, останавливался въ гостинницѣ, то выбиралъ скромную квартиру. До сихъ поръ еще мы не имѣемъ подробныхъ разсказовъ о томъ, какъ любилъ онъ проводить время по возвращеніи изъ Южной Россіи въ Петербургъ; но что касается жизни его въ Одессѣ и Кишиневѣ и потомъ въ деревнѣ, онъ самъ въ общихъ чертахъ разсказалъ ее въ „Евгеніѣ Онѣгинѣ“. Въ Одессѣ и Кишиневѣ онъ искалъ развлеченій въ обществѣ, или бродилъ по окрестностямъ города, или читалъ лежа въ постели. Въ самомъ дѣлѣ, онъ такъ любилъ рѣзкіе переходы изъ одной крайности въ другую, что ему нравилось только или сильное физическое движеніе, или совершенный покой. Онъ даже писалъ первыя главы „Евгенія Онѣгина“ лежа въ постели. Въ деревнѣ онъ вставалъ рано и тотчасъ же отправлялся въ рѣчку купаться, если дѣло было лѣтомъ, а зимою передъ завтракомъ бралъ ванну со льдомъ, потомъ все утро посвящалъ занятіямъ, читалъ или писалъ. Послѣ обѣда, если не было гостей, онъ одинъ игралъ самъ съ собою на бильярдѣ, а вечера проводилъ въ нескончаемыхъ разговорахъ съ своею нянею. Страсть много ходить пѣшкомъ не покидала его и въ столицѣ: такъ, иногда онъ ходилъ пѣшкомъ изъ Петербурга въ Царское Село; а когда онъ послѣднее время жилъ на дачѣ на Черной Рѣчкѣ п, занимаясь собираніемъ матеріаловъ для исторіи Петра Великаго, долженъ былъ каждый день посѣщать архивы, то всегда ходилъ съ дачи въ городъ и возвращался на дачу пѣшкомъ.

Вообще Пушкинъ былъ очень крѣпкаго сложенія. Это не мѣшало ему быть внимательнымъ относительно здоровья, и въ молодости онъ воображалъ себя страждущимъ чахоткою, воображалъ даже, что чувствуетъ признаки аневризма въ сердцѣ.

Онъ не былъ красивъ лицомъ; только черные курчавые волосы и блестящіе, полные огня и ума глаза его были хороши. Но когда его лицо одушевлялось, въ увлеченіи разговора, онъ былъ прекрасенъ.

Заключимъ эту характеристику чертою, относящеюся къ литературѣ. Теперь великій писатель и у насъ, какъ вездѣ, гордится своимъ званіемъ писателя. Не такъ было въ то время, когда явился Пушкинъ, и до конца жизни сохранилась въ немъ привычка молодости — думать, что имя великаго поэта не составляетъ его самого неоспоримаго права на высокое мѣсто въ обществѣ. Онъ даже не любилъ, чтобы его считали писателемъ, и это было довольно понятно, потому что только послѣ него научилось русское общество высоко уважать поэтовъ. Но онъ любилъ ободрять молодыхъ писателей, въ которыхъ замѣчалъ талантъ. Губеръ, одинъ изъ хорошихъ поэтовъ своего времени, сохранилъ для насъ воспоминаніе о томъ, какое живое участіе принималъ въ немъ Пушкинъ, когда узналъ, что Губеръ, тогда бѣдный и неизвѣстный юноша, переводитъ „Фауста“. Гоголь встрѣтилъ въ Пушкинѣ перваго цѣнителя своихъ произведеній, и самымъ благороднымъ образомъ выказался въ дружбѣ къ Гоголю характеръ Пушкина, съ любовью ставшаго совѣтникомъ молодому человѣку, который долженъ былъ по его смерти стать его преемникомъ въ господствѣ надъ развитіемъ русской литературы и русскаго общества.

Все, что мы знаемъ о Пушкинѣ, какъ о человѣкѣ, заставляетъ любить его; а великія услуги, оказанныя имъ русской литературѣ, и поэтическія достоинства его произведеній, по справедливому замѣчанію одного изъ литераторовъ, писавшихъ о жизни Пушкина, заставляютъ признаться, что онъ имѣлъ полное право сказать о себѣ и своихъ твореніяхъ:

Я памятникъ себѣ воздвигъ нерукотворный;
Къ нему не заростетъ народная тропа;
Вознесся выше онъ главою непокорной
Наполеонова столба.

Нѣтъ! весь я не умру: душа въ завѣтной лирѣ
Мой прахъ переживетъ и тлѣнья убѣжитъ,
И славенъ буду я, доколь въ подлунномъ мірѣ
Живъ будетъ хоть одинъ питей.

И долго буду я народу тѣмъ любезенъ,
 Что чувства добрыя я лирой пробуждалъ,
 Что прелестью живой стиховъ я былъ полезенъ
 И милость къ падшимъ призывалъ *).

---

*) *Примѣчаніе издателя.* Далѣе въ концѣ книги было непомѣщаемое здѣсь приложеніе изъ слѣдующихъ мелкихъ стихотвореній Пушкина и отрывковъ его поэмъ, а именно: Возрожденіе. — Примѣты. — Муза. — Птичка. — Коварность. — Зимній вечеръ. — Пророкъ. — Стансы. — Утопленникъ. — Анчаръ. — Что въ имени тебѣ моемъ? — Делибашъ. — Брожу ли я вдоль улицъ шумныхъ. — Поэту. — Мадонна, — Царскосельская статуя. — Полководецъ. — Пиръ Петра Великаго. — Памятникъ. — Отрывокъ изъ поэмы Полтава (Но онъ рѣшилъ: завтра бой...). — Мѣдный Всадникъ (отрывокъ — На берегу пустынныхъ волнъ...). — Изъ Бориса Годунова (Пименъ и Григорій). — Изъ Евгенія Онѣгина (XXXV—XXXIX.—XL.—XXX—XXXII.—XXXVI—XXXVII.—)

ПРЕДИСЛОВІЕ

къ русскому переводу Исторіи XVIII столѣтія, Шлоссера *).

Шлоссеръ вовсе не похожъ на тѣхъ блистательныхъ рассказчиковъ, знаменитѣйшимъ представителемъ которыхъ теперь считается Маколей. Его изложеніе совершенно лишено драматизма и яркихъ картинъ; у него даже нѣтъ плавности, часто недостаетъ даже виѣшней связности въ рассказѣ, — иной разъ онъ, не договоривъ одного, переходитъ къ другому, а еще чаще случается, что одно и тоже онъ повторяетъ четыре или пять разъ. Мало того, что изложеніе у него не обработано, — даже языкъ его неправиленъ, шероховатъ, небреженъ, такъ дуренъ, что каждый дюжинный фельетонистъ пишетъ лучше его. Читая его, вы читаете будто бы не книгу, изданную для публики, а черновыя тетради, не просмотрѣнныя авторомъ.

И однако же, этотъ человѣкъ, говорящій такимъ небрежнымъ языкомъ, безсвязно, иногда вяло, — этотъ человѣкъ занимаетъ первое мѣсто между всѣми современными намъ историками. Онъ не увлекаетъ насъ живостью или прелестью рассказа, какъ Маколей или Мишле, вы сначала досадуете на очевидные недостатки его повѣствованія, досада смѣняется у васъ иногда улыбкой, — такъ странна кажется вамъ его нескладица. Но это только на первыхъ порахъ знакомства съ нимъ. Едва вы прочтете нѣсколько десятковъ страницъ въ его книгѣ, въ васъ начинается пробуждаться чувство, котораго вы никакъ не ожидали — чувство уваженія къ нему. Чѣмъ ближе вы знакомитесь съ нимъ, тѣмъ болѣе растетъ это чувство, и скоро въ дурномъ рассказчикѣ, говорящемъ вяло и небрежно, вы видите мудреца, у котораго, кто бы вы ни были, какъ бы ни горды были вы своею житейскою опытностью и своимъ умомъ, вы учитесь понимать событія и людей. Мало-по-малу онъ овладѣваетъ вашими понятіями такъ, что вы какъ

*) Историческая Библіотека. Исторія восемнадцатаго столѣтія и девятнадцатаго до паденія французской имперіи, Ф. К. Шлоссера. Т. I, переводъ съ четвертаго исправленнаго изданія. С.-Петербургъ, 1858. (Переводъ сдѣланъ Н. Г. Чернышевскимъ, но на книгѣ не указана фамилія переводчика).

будто видите его, съ брезгливою гримасою говорящимъ о тѣхъ изящныхъ историкахъ, которыми вы прежде увлекались: *was für elende Menschen, die alle diese Lappalien erzählen und bewundern!*— „что за жалкіе люди эти господа, съ восторгомъ разсказывающіе такой пошлый вздоръ!“—и вы соглашаетесь съ нимъ.

Да, этотъ плохой разсказчикъ въ самомъ дѣлѣ мудрецъ, если можно кого-нибудь назвать мудрецомъ. Ничѣмъ не подкупится, ничѣмъ не обольстится онъ: ни блескъ, ни геній, ни софизмы панегиристовъ, ни даже собственныя желанія, ничто не ошуганитъ его зоркаго взгляда, не смягчитъ его строгаго приговора. Онъ знаетъ людей, какъ ихъ знали Монтанъ и Макіавелли. Но съ тѣмъ вмѣстѣ онъ вѣритъ въ правду, снѣ любитъ человѣка. Потому рѣчь его, суровая и печальная, разрушая ваши иллюзіи, укрѣпляетъ ваши убѣжденія во всемъ истинно добромъ и высокомъ. Сроднившись съ нимъ, вы, можетъ быть, перестанете видѣть въ исторіи тотъ непрерывный, ровный прогрессъ въ каждой смѣнѣ событій и историческихъ состояній, который чудился вамъ прежде; быть можетъ, вы потеряете вѣру почти во всѣхъ тѣхъ людей, которыми ослѣплялись прежде; но зато уже никакое разочарованіе опыта не сокрушитъ того убѣжденія въ неизбѣжности развитія, которое сохранится въ васъ послѣ его строгаго анализа; и если вы перестанете представлять героями добра и правды почти всѣхъ тѣхъ, кто прежде являлся вамъ въ ореолѣ, сотканномъ изъ риторскихъ фразъ или идеальныхъ увлеченій, зато укрѣпится ваше довѣріе къ будущимъ судьбамъ человѣка, потому что вмѣсто героевъ истинно полезными двигателями исторіи вы признаете людей простыхъ и честныхъ, темныхъ и скромныхъ, какихъ, слава Богу, всегда и вездѣ будетъ довольно.

Чрезвычайно здравый взглядъ на человѣческую жизнь, вотъ чѣмъ великъ Шлоссеръ. Многіе хвалятся тѣмъ, что не принадлежать ни къ какой партіи; почти всегда это бываетъ самообольщеніемъ и, вслушавшись въ слова человѣка, гордящагося своимъ безпристрастіемъ, вы скоро замѣчаете, что и онъ также руководился предубѣжденіями, какъ тѣ, которыхъ осуждаетъ за пристрастный взглядъ,—что и онъ, подобно другимъ, члвчкъ партіи. О Шлоссерѣ этого нельзя сказать. Онъ не хваляется безпристрастіемъ, но дѣйствительно безпристрастенъ, насколько то возможно члвчку: онъ не принадлежитъ ни къ какой партіи,—не потому, чтобы у него не было своего образа мыслей, очень точнаго и непреклоннаго, но потому, что его понятія о людяхъ и событіяхъ основаны не на личныхъ желаніяхъ и привязанностяхъ, а на опытѣ долгой жизни, честно проведенной въ исканіи добра и правды. Чтобы раздѣлять этотъ взглядъ, надобно отказаться отъ всѣхъ обольщеній внѣшности, отъ всѣхъ прикрастъ идеализма, но сохранить молодое стремленіе ко всему истинно благотворному для людей, нужно холодную разборчивость старика соединять съ благородствомъ юноши. Такихъ людей не такъ много, чтобы они могли составить особую партію. Немногіе достигаютъ такой зоркости и безпристрастія; потому немногіе могутъ во всемъ соглашаться съ Шлоссеромъ. Почти каждому изъ насъ будутъ непріятны многія изъ его сужденій: одному одни, другому другія; но въ читателѣ, любящемъ чистую правду больше, нежели

потворство своимъ предубѣжденіямъ, послѣ cadaго разнорѣчія съ Шлоссеромъ остается впечатлѣніе: если мнѣ кажется, что онъ неправъ, то едва ли это не кажется мнѣ потому, что я не могу еще отказаться отъ пріятнаго мнѣ обольщенія.

Тацитъ, какъ разсказчикъ, гораздо выше Шлоссера; но въ томъ, что составляетъ главнѣйшее достоинство Тацита,—въ строгомъ и совершенно здоровомъ пониманіи людей и жизни, изъ новыхъ историковъ ближе всѣхъ подходитъ къ Тациту Шлоссерь.

Мы не говоримъ о другихъ достоинствахъ автора „Исторіи XVIII столѣтія“, о его громадной учености, о добросовѣстности, съ которою пять разъ провѣряетъ онъ каждое свое слово, прежде чѣмъ напишетъ его, о томъ, какъ вѣрно представляетъ онъ посредствомъ краткаго указанія двумя, тремя словами связь и зависимость событій въ своемъ, повидимому, безсвязномъ разсказѣ. Самое изложеніе Шлоссера, его небрежный и неправильный языкъ начинаетъ нравиться, когда вчитаешься въ него: онъ грубъ и небреженъ, но эта грубость отъ силы, эта небрежность—отъ сознанія своихъ внутреннихъ достоинствъ; наконецъ находишь странную прелесть въ этомъ прямодушномъ отвращеніи отъ наряда, въ этой простой рѣчи, которая ведется какъ будто среди домашняго безцеремоннаго круга.

Теперь нѣсколько словъ о русскомъ переводѣ, начало котораго нынѣ издается.

Шлоссерь грубъ и небреженъ; этихъ качествъ онъ не хочетъ скрывать въ себѣ и мы не считали пужнымъ прятать ихъ при переводѣ. Читатель найдетъ въ переводѣ очень много фразъ вовсе неясныхъ, иногда неловкихъ; если онъ сохранять Шлоссеру для русскаго читателя ту же фізіономію, съ какою хотѣлъ онъ являться запросто передъ своими нѣмцами, читатель одобритъ насъ за то, что мы шероховатую простоту рѣчи не замѣнили приглаженностью, надъ которой такъ брюзгливо смѣется авторъ.

У Шлоссера много выписокъ изъ французскихъ, англійскихъ и другихъ источниковъ, особенно въ примѣчаніяхъ. Онъ эти выписки представляетъ въ подлинникѣ, безъ перевода на нѣмецкій языкъ. Такъ какъ нашъ переводъ дѣлается для обширной публики, не имѣющей привычки къ чтенію на иностранныхъ языкахъ, то мы почли удобнѣйшимъ для читателя переводить всѣ эти выписки нѣмецкія, французскія, англійскія, латинскія и итальянскія на русскій языкъ.

Часто Шлоссерь ссылается на сочиненія, которыя легко доступны его нѣмецкой публикѣ, но которыхъ не существуетъ въ русскомъ переводѣ. Часто онъ упоминаетъ о фактахъ, которые легко узнаетъ нѣмецъ изъ книгъ, находящихся у cadaго подъ рукою въ Германіи, но о которыхъ нечего прочесть на русскомъ языкѣ. Къ русскому переводу необходимо прибавить много выписокъ и примѣчаній, безъ которыхъ могъ обходиться нѣмецкій авторъ. Надобно также сказать, что мы хотѣли бы дать читателю разсказъ о главныхъ фактахъ и важнѣйшихъ дѣятеляхъ XVIII вѣка болѣе подробный, нежели какой дается у Шлоссера. Если бы мы захотѣли помѣщать эти дополнительные примѣчанія при тѣхъ самыхъ

страницахъ перевода, къ которымъ онѣ относятся, этимъ чрезвычайно замедлилось бы печатаніе перевода; притомъ же, примѣсь этихъ дополненій при чтеніи спутывала бы впечатлѣніе, производимое разсказомъ автора, съ другими разнохарактерными мнѣніями. Эти соображенія склонили насъ къ тому, чтобы наши дополнительные примѣчанія печатать отдѣльно отъ текста. Изъ нихъ составитя три или четыре тома, которые будутъ изданы по окончаніи перевода.

ОБЪЯСНЕНИЕ

на докладъ о вредномъ направленіи всей русской литературы вообще и „Военнаго Сборника“ въ особенности, составленный г. военнымъ цензоромъ полковникомъ Штюмеромъ *).

Въ Высочайше одобренномъ объявленіи о „Военномъ Сборникѣ“ сказано: *Всестороннее, добросовѣстное изученіе настоящаго матеріальнаго и нравственнаго состоянія нашихъ войскъ составляетъ первую обязанность этого журнала*“.

Значеніе такого желанія Правительства не могло быть сомнительно, особенно по соображенію съ фактами, всѣмъ извѣстными и составлявшими одну изъ главныхъ заботъ Правительства.

Ислѣдованіе причинъ неуспѣха послѣдней войны открыло Правительству существованіе значительныхъ недостатковъ и злоупотребленій въ обученіи, вооруженіи и хозяйствѣ нашей Арміи. Представлялась необходимость склонить всѣхъ благомыслящихъ офицеровъ къ искреннему исполненію мѣръ, принимаемыхъ Правительствомъ для искорененія зла; вѣрнѣйшимъ путемъ къ тому было—дать самимъ офицерамъ средство узнать и высказать истину,—этимъ доказывалась бы для нихъ собственными ихъ устами неизбѣжность и и полезность преобразованій, предпринимаемыхъ Правительствомъ. Объясняя

*) *Примѣчаніе издателя.* Весною 1858 года [былъ основанъ журналъ „Военный Сборникъ“, причемъ главнымъ изъ 3 редакторовъ этого журнала состоялъ мой отецъ. Съ первыхъ же книжекъ этотъ журналъ обратилъ на себя вниманіе цензуры, и тогдашнимъ военнымъ цензоромъ, полковникомъ Штюмеромъ, былъ написанъ докладъ о вредномъ направленіи всей русской литературы вообще и „Военнаго Сборника“ въ особенности. Въ отвѣтъ на это отецъ мой написалъ объяснительную записку, которую Военный Министръ долженъ былъ доложить Государю. Хотя дальнѣйшаго хода этому дѣлу и не было дано, но отецъ мой не счелъ возможнымъ оставаться редакторомъ этого журнала и въ тотъ же годъ сложилъ съ себя эту обязанность.

Упомянутая записка была написана сначала въ болѣе рѣзкомъ тонѣ, но затѣмъ была смягчена по требованію Военнаго Министра. Для сравненія помѣщаю объ редакціи этой записки.

сами для себя недостатки, принадлежавшіе нашему военному быту, офицеры излагали бы и средства къ ихъ отстраненію. Если кто изъ нихъ жаловался бы неосновательно, или предлагалъ бы для улучшеній способы непрактичныя, изъ самой среды его товарищей поднимались бы голоса, показывающіе неосновательность его претензій, неудобопримѣнимость его проекта—и собственнымъ убѣжденіемъ самихъ офицеровъ, сужденія ихъ о недостаткахъ и злоупотребленіяхъ лишались бы всякаго преувеличеннаго характера, ихъ желанія относительно улучшеній въ ихъ бытъ приводились бы къ размѣрамъ удобоисполнимымъ. А такъ какъ Правительство дѣйствительно искренно заботится объ улучшеніяхъ въ Арміи и приняло уже или готовится принять всѣ практически возможныя мѣры къ улучшенію ея быта, то и оказывалось бы, что мѣры Правительства соотвѣтствуютъ всѣмъ здравымъ желаніямъ самихъ офицеровъ, что Правительство дѣлаетъ все, что возможно, не дѣлаетъ только того что признано за невозможное самими офицерами. Черезъ это водворялось бы въ Арміи наибѣйшее довѣріе къ заботливости о ней Правительства, уничтожались бы всякія неудовольствія, и Правительству обезпечивалось бы точное и дѣятельное исполненіе всѣмъ сословіемъ офицеровъ тѣхъ улучшеній по вооруженію, тактическому обученію и хозяйству Арміи, какія уже предприняты волею Государя. Такое довѣріе Арміи къ Правительству въ особенности необходимо тогда, когда Правительство предпринимаетъ великія преобразованія въ государственномъ устройствѣ.

И такъ, вопросъ о направленіи „Военнаго Сборника“ зависѣлъ отъ вопроса: хочетъ ли Правительство, чтобы его мѣры понимались Арміею въ истинномъ ихъ смыслѣ и исполнялись съ добросовѣстнымъ усердіемъ?

Отвѣтъ не могъ быть сомнительнымъ: онъ заключался въ дѣйствіяхъ самого Правительства; на тотъ же самый отвѣтъ указывали и основанія, Высочайше утвержденныя для изданія „Военнаго Сборника“.

Направленіе „Военнаго Сборника“ было понято огромнымъ большинствомъ русскихъ офицеровъ точно такъ, какъ предполагала понимать его редакція „Сборника“. Армія увидѣла въ этомъ изданіи новый залогъ довѣрія къ ней и заботливости о ней Правительства. Изъ нѣсколькихъ сотъ статей, доставленныхъ въ „Военный Сборникъ“, не было ни одной, которая имѣла бы иной смыслъ.

Назначеніе, опредѣленное для „Военнаго Сборника“ его Высочайше утвержденнымъ объявленіемъ, могло достигаться только дѣятельностью самихъ офицеровъ русской Арміи; потому объявленіе прямо и обращалось къ офицерамъ, говоря имъ, что они одни могутъ рѣшить задачу, исполненію которой долженъ, по указанію Правительства, служить „Военный Сборникъ“.

Офицеры русской Арміи отвѣчали на это приглашеніе съ такимъ прсвѣщеннымъ сочувствіемъ къ намѣренію, въ которомъ Правительство основало „Военный Сборникъ“, что съ самаго начала этотъ журналъ сталъ однимъ изъ пользующихся наибольшимъ уваженіемъ въ публикѣ. Мы можемъ это сказать, не нарушая скромности, потому что заслуга принадлежитъ не редакціи, а сотрудникамъ, дѣйствовавшимъ совершенно самостоятельно. Редакція должна сказать о себѣ въ этомъ отношеніи развѣ только то одно, что она не отвергала хорошихъ статей и не портила ихъ.

Такимъ образомъ, направление „Военнаго Сборника“ не зависѣло отъ редакціи: оно было указано журналу Высочайше утвержденными основаніями и осуществлено дѣятельностью всего корпуса офицеровъ русской Арміи, въ которомъ всѣ просвѣщенные люди явились проникнуты однимъ и тѣмъ же духомъ.

Послѣднее обстоятельство особенно ясно выказывается слѣдующимъ фактомъ. Редакція объявляла, что съ готовностію будетъ печатать всякія возраженія на статьи, помѣщенныя въ „Сборникъ“. Дѣйствительно, возраженій явилось очень много, и всѣ они, если были хотя сколько-нибудь грамотны, печатались въ „Сборникъ“. Но и эти возраженія всѣ написаны въ томъ же самомъ духѣ, какъ и остальные статьи „Сборника“ *). Спорившіе разнились между собою въ оцѣнкѣ важности того или другого факта, въ сужденіяхъ о предпочтительности той или другой подробности какого-нибудь предложеннаго способа къ улучшенію, а въ основныхъ понятіяхъ и желаніяхъ всѣ сходились единодушно.

Но извѣстно всѣмъ, что просвѣщенные намѣренія Государя возбуждаютъ неудовольствіе въ горсти людей, незначительной по числу, но сильной именно тѣмъ, что она защищаетъ злоупотребленія, слѣдовательно неразборчива въ средствахъ оппозиціи. Не отваживаясь на открытое сопротивленіе, эти люди прикрываютъ свои умыслы разными предлогами.

Главное коварство тайныхъ противниковъ просвѣщенной воли Государя Императора заключается въ томъ, чтобы говорить о вредѣ, будто бы приносимомъ Правительству раскрытіемъ злоупотребленій и довѣріемъ къ Россіи. Они проповѣдуютъ скрытность, мракъ. Цѣль ихъ при этомъ очевидна, обманъ слишкомъ грубъ. Пока злоупотребленіе не обличено вполне, до той поры они имѣютъ надежду какъ-нибудь отстоять и сохранить его для своей личной выгоды. Но развѣ можетъ любить мракъ и скрытность тотъ, кто хочетъ чести Правительству, пользы Государству, чьи намѣренія чисты? Дурное Правительство разнится отъ хорошаго не тѣмъ, что при дурномъ существуютъ злоупотребленія, а при хорошемъ ихъ не существуетъ, — нѣтъ, они существуютъ всегда и повсюду, при всякомъ Правительствѣ; нѣтъ, разница въ томъ, что дурное Правительство покровительствуетъ злоупотребленіямъ и прикрываетъ ихъ, а хорошее старается искоренить ихъ, пользуется для того всѣми честными средствами, изъ которыхъ первое — преслѣдованіе злоупотребленій свѣтомъ истины, и призываетъ къ содѣйствію себѣ всѣхъ честныхъ людей, то-есть любить правду.

По мѣрѣ своихъ силъ, въ кругу дѣйствія, ему предназначенномъ, „Военный Сборникъ“ усердно служилъ просвѣщеннымъ намѣреніямъ Государя Императора. Противники намѣреній Государя не могли не чувствовать вражды и къ нему, какъ враждуютъ они противъ всякой правды. Средствомъ въ этой враждѣ послужило имъ, какъ всегда, недобросовѣстное искаженіе фактовъ.

*) Кромѣ одного возраженія, помѣщеннаго въ № 7 „Военнаго Сборника“, редакція была обязана напечатать это возраженіе, потому что имъ думалъ защитить себя авторъ, захотѣвшій видѣть обвиненіе своимъ распоряженіямъ въ словахъ статьи „Военнаго Сборника“, говорившей о состояніи здоровья Южной арміи въ минувшую войну.

Мы подробно рассмотрим докладъ полковника Штюмера, обвиняющій всю русскую литературу въ стремленіи унизить честь Русской Арміи (какъ будто бы русская публика, вся масса которой состоитъ изъ людей, принадлежащихъ или принадлежавшихъ къ Арміи, и имѣющихъ родственниками офицеровъ, могла потерпѣть въ литературѣ подобное стремленіе), особенно обвиняющій въ этомъ направленіи „Военный Сборникъ“, какъ будто бы онъ издается не подъ непосредственнымъ наблюденіемъ начальства одного изъ корпусовъ русской Арміи, какъ будто бы изъ трехъ его редакторовъ два не принадлежатъ къ офицерамъ Русской Арміи, какъ будто бы всѣ статьи этого изданія *) написаны не офицерами Русской Арміи, какъ будто бы 5,800 человекъ **) офицеровъ Русской Арміи могли сочувствовать изданію, когда бы оно не служило къ чести Русской Арміи.

Г. военный цензоръ говоритъ, что военно-ценсурныя правила начинаются слѣдующими двумя параграфами: „1) Не допускать къ напечатанію ничего оскорбительнаго для чести Русскаго войска. 2) Не допускать никакихъ нападокъ, ни насмѣшекъ на счетъ какой-либо части нашихъ войскъ или Корпуса Офицеровъ“.

Чтобы умѣть охранять эти правила, надобно, прежде всего, умѣть понимать ихъ.

Честь каждаго сословія состоитъ въ томъ, чтобы не обнаруживать преступнаго потворства недостойнымъ своимъ сочленамъ и сочувствовать всему тому, что нужно для достиженія цѣли, предназначенной этому сословію государственнымъ устройствомъ и желаніями Правительства. Русская Армія хорошо понимаетъ это и ставитъ себѣ за честь радоваться всему, что ведетъ къ искорененію въ ея рядахъ невѣжества и недобросовѣстности. Она понимаетъ, что каждое многочисленное сословіе заключаетъ въ себѣ нѣсколькихъ людей, достойныхъ порицанія, что честь сословія требуетъ не прикрывать ихъ и не потворствовать имъ, а стараться исправить ихъ.

Необходимымъ средствомъ къ тому всѣ образованные люди считаютъ литературное изобличеніе недобросовѣстности и пороковъ, потому русская Армія съ одобреніемъ принимаетъ статьи, способствующія совершенному очищенію ея отъ недостатковъ. Но г. военный цензоръ понимаетъ честь не такъ, какъ понимаетъ ее огромное большинство офицеровъ русской Арміи. Онъ недоволенъ, онъ находитъ предосудительнымъ для чести русской Арміи направленіе „Военнаго Сборника“.

О направленіи „Военнаго Сборника“ каждый можетъ судить сообразно своимъ понятіямъ. Но какъ бы ни судилъ кто, не долженъ упускать онъ изъ виду одного факта: направленіе „Военнаго Сборника“ придано этому изданію не редакціею, не начальствомъ Гвардейскаго Штаба, а самими офицерами русской Арміи. Тотъ, кто осуждаетъ это направленіе, не дол-

*) За исключеніемъ только двухъ, имѣющихъ чисто историческое содержаніе и относящихся къ отдаленной старинѣ.

**) Изъ 6,000 экземпляровъ „Военнаго Сборника“, расходившихся въ нынѣшнемъ году, менѣе двухъ сотъ получались лицами не военнаго сословія; остальные болѣе нежели 5,800 экземпляровъ выписывались офицерами.

женъ забывать, что онъ идетъ противъ чувствъ огромнаго большинства русскихъ офицеровъ.

Редакція, изъ множества получаемыхъ ею статей, выбирала къ напечатанію тѣ или другія, не по различію въ ихъ направленіи, а единственно по степени ихъ занимательности, дѣльности и достоинству изложенія. Относительно направленія, выборъ былъ невозможенъ, потому что рѣшительно всѣ безъ исключенія статьи были проникнуты одинаковымъ направленіемъ. Даже полковникъ Штюмеръ не могъ не замѣтить этого: въ запискѣ о „Военномъ Сборникѣ“, приложенной къ докладу о направленіи литературы вообще, онъ говоритъ самъ, что четыре статьи, написанныя, одна пѣхотнымъ армейскимъ офицеромъ, другая артиллерійскимъ, третья стрѣлковымъ, четвертая козачьимъ, и помѣщенные въ первой книжкѣ „Сборника“, „заслуживаютъ особаго вниманія (собственные слова полковника Штюмера), съ одной стороны, по важности разсматриваемыхъ предметовъ и видимому сходству, почти тождественности взгляда на оныя, а съ другой потому, что случайное совокупленіе сихъ четырехъ голосовъ можетъ быть принято неопытнымъ читателемъ за гласъ большинства всей Арміи“.

Если бы полковникъ Штюмеръ самъ былъ опытнымъ судьей въ литературныхъ дѣлахъ, то онъ понималъ бы, что написавъ эти слова, онъ безвозвратно осуждаетъ самъ себя. Чтò говоритъ онъ этими словами? Онъ говоритъ, что четыре офицера, принадлежащіе къ совершенно различнымъ родамъ войскъ, думаютъ о положеніи нашей Арміи, ея потребностяхъ, достоинствахъ и недостаткахъ, совершенно одинаково. Редакція можетъ прибавить, что эти офицеры живутъ въ различныхъ концахъ Россіи: одинъ въ Петербургѣ, другой въ деревнѣ на сѣверѣ Россіи, третій въ Оренбургскомъ краѣ, четвертый въ районѣ расположенія Первой Арміи. Взгляды этихъ людей, невидѣвшихъ другъ друга въ лицо, сходны, по словамъ полковника Штюмера, до тождественности. Еслибъ ихъ мысли были ихъ личными частными мнѣніями, они разошлись бы между собою хотя въ чемъ-нибудь. Но они говорятъ совершенно одно и то же. Ясно, что каждый изъ нихъ выражаетъ общее мнѣніе, одинаковое во всѣхъ частяхъ войскъ. Сходство простирается до того, что полковникъ Штюмеръ не можетъ раздѣлить этихъ четырехъ статей одну отъ другой, и въ своей запискѣ разбираетъ ихъ всѣ вмѣстѣ, какъ будто одну статью. Да и какъ мнѣнію, выражаемому этими четырьмя статьями, не быть одинакову во всѣхъ частяхъ арміи, когда во всѣхъ частяхъ происходитъ одно и то же, когда въ одно и тоже время Правительство получаетъ извѣстія объ одинаковыхъ злоупотребленіяхъ въ Кронштадтѣ, въ Петровскѣ, въ Саратовѣ и Балашовѣ? Если бы полковникъ Штюмеръ понималъ значеніе того, чтò самъ говоритъ, онъ или не написалъ бы этихъ словъ, или зналъ бы, что, написавъ ихъ, онъ самъ себя опровергъ, или чувствовалъ бы, по крайней мѣрѣ, что, послѣ этихъ словъ, осуждая „Военный Сборникъ“, онъ осуждаетъ большинство офицеровъ русской Арміи. Вѣдь онъ самъ прибавляетъ, что впечатлѣніе, производимое сходствомъ осуждаемыхъ имъ статей, представляетъ ихъ за „голосъ большинства всей Арміи“; въ другомъ мѣстѣ своей записки о „Воен-

номъ Сборникѣ“, онъ положительно говоритъ, что направленіе осуждаемаго имъ журнала пользуется сочувствіемъ въ Арміи.

Надобно ли объяснять послѣ этого, что такое дѣлають люди, возбуждающіе Правительство противъ статей, служащихъ выраженіемъ мнѣній большинства офицеровъ русской Арміи и награждаемыхъ, по собственному признанію этихъ людей, сочувствіемъ Арміи? Понимаетъ ли полковникъ Штюмеръ, что онъ дѣлаеть, желая возбудить неудовольствіе Правительства противъ чувствъ всего сословія офицеровъ русской Арміи? И чѣмъ заслужило сословіе нашихъ офицеровъ этотъ гнѣвъ? Развѣ тѣмъ, что хочетъ быть еще лучшимъ, нежели каково оно теперь? Или тѣмъ, что, по собственнымъ словамъ полковника Штюмера, „офицеры нашей арміи принесли, въ недавнее время, Престолу и отечеству столько благородныхъ жертвъ, которыхъ прахъ еще не остылъ и раны еще не закрылись?“

Первымъ параграфомъ военно-ценсурныхъ правилъ охраняется честь всей Арміи; второй параграфъ охраняетъ честь каждой отдѣльной части войска и корпуса офицеровъ въ особенности. Говоря о нападкахъ и насмѣшкахъ, второй параграфъ, конечно, разумѣетъ нападки и насмѣшки предосудительныя для чести того или другого рода войскъ и корпуса офицеровъ: это видно изъ соображенія его съ первымъ параграфомъ.

Но кромѣ насмѣшекъ, оскорбительныхъ для чести, есть невинная шутка, надъ которою въ образованномъ обществѣ весело хохочетъ первый тотъ самый, къ кому она относится. Извѣстно, что человѣкъ умственно неразвитый не понимаетъ разницы между этою шуткою и оскорбительною для чести насмѣшкою. Онъ становится смѣшонъ или отвратителенъ, оскорбляясь тѣмъ, что ни мало не оскорбительно.

Теперь посмотримъ, какъ понимаетъ полковникъ Штюмеръ второй параграфъ военно-ценсурныхъ правилъ и чего требуетъ онъ отъ нашихъ офицеровъ. Вотъ его собственныя слова: „Когда, въ недавнемъ времени, „фельетонистъ Де-Пепнь позволилъ себѣ упомянуть о подпоручикахъ, которые къ ущербу дамскихъ нарядовъ являются на балы въ мундирѣ“ (дѣло шло вовсе не о мундирѣ), „то хотя статья его и не заключала по видимому ничего лично оскорбительнаго, однакожъ порицаніе носить мундиръ въ обществѣ показалось военнымъ людямъ обиднымъ. Не одни только „подпоручики“ (пѣтъ, они одни) „все офицерское сословіе признало себя „оскорбленнымъ, и офицеры разныхъ чиновъ“ (пѣтъ, только одни подпоручики), „разныхъ командъ и изъ разныхъ городовъ потребовали удовлетворенія у редакціи журнала. Можетъ быть они обнаружили въ этомъ „случаѣ излишнюю щекотливость, можно также упрекнуть дравшихся подпоручиковъ въ неблагородномъ окончаніи дуэли съ Пепномъ, но за все тѣмъ, надобно согласиться, что первоначальный порывъ негодованія офицеровъ произошелъ изъ понятія объ оскорбленіи ихъ званія и что это сильно развитое чувство чести составляетъ главнѣйшую долю нравственной силы французской арміи. Изъ этого наконецъ видно, въ какой степени необходимо цѣнить это чувство въ арміи и охранять отъ незаслуженныхъ нападковъ“.

Полковникъ Штюмеръ хвалить поведеніе французскихъ подпоручи-

ковъ въ исторіи съ фельетонистомъ Пеномъ. Надобно изложить эту исторію чтобы видѣть, какія понятія о чести офицера имѣеть полковникъ Штюрмеръ. Рассказывая въ забавномъ видѣ о какомъ-то балѣ и подсмѣиваясь надъ всѣми лицами, тутъ бывшими, Пенъ сказалъ, между прочимъ, что былъ на балѣ одинъ подпоручикъ, который плохо умѣлъ танцевать и по неловкости разорвалъ шпорою платье дамы, съ которою танцевалъ. Само собою разумѣется, что всѣ дѣйствующія лица, и въ томъ числѣ подпоручикъ, были выдуманы. Кажется, тутъ не было обиды никому, но французскіе подпоручики обидѣлись. Можетъ ли благовоспитанный человѣкъ принимать въ обиду шутки надъ неловкостью его манеръ? Онъ чувствуетъ, что сдѣлался бы черезъ это смѣшнымъ и пошлымъ; онъ знаетъ, что ему слѣдуетъ первому отъ души смѣяться при этихъ шуткахъ, и дѣйствительно смѣется отъ души, понимая, что ловкость или неловкость манеръ не вышаетъ и не унижаетъ его чести. Французскіе подпоручики, обидѣвшіеся шуткою Пена, только выказали себя людьми дѣйствительно неблаговоспитанными и смѣшными.

Но тѣмъ не кончилось дѣло: этихъ обиженныхъ собралась цѣлая ватага и всѣ они послали вызовъ Пenu драться поочередно съ каждымъ изъ нихъ. Если цѣлое общество считаетъ пужнымъ загладить посредствомъ дуэли оскорбленіе, нанесенное ему отдѣльнымъ лицомъ, то между порядочными людьми принято за правило, чтобы это общество выбирало отъ себя одного, такъ сказать, депутата, который бы дрался одинъ отъ имени всѣхъ. Нарушивъ это правило, подпоручики, составившіе ватагу, показали себя людьми не только неблаговоспитанными и смѣшными, но и неблагородными.

И этого мало. Они поставили драться противъ Пена такого офицера, который служилъ учителемъ фехтованія. Они выставили человѣка, который навѣрняка долженъ былъ убить Пена, такъ чтобы до нихъ не дошла и очередь драться, а между тѣмъ каждый изъ нихъ хвастался своимъ вызовомъ. Это было уже поступкомъ не просто людей смѣшныхъ, неблаговоспитанныхъ и не совсѣмъ порядочныхъ, но прямо дѣло низкихъ, трусливыхъ хвастуновъ, дѣлающихъ подлость. Мы увѣрены, что въ цѣлой нашей Арміи не найдется ни одного офицера, который бы согласился участвовать въ подобной подлой штукѣ.

И этого всего мало. Низкій бандитъ, избранный отъ цѣлой ватаги, чтобы навѣрняка зарѣзать человѣка, плохо владѣвшаго шпагой, не успѣлъ первымъ ударомъ зарѣзать его: рана была не смертельна; однако же, была такъ тяжела, что Пенъ выпустилъ изъ рукъ шпагу и зашатался, падая. Въ эту минуту господинъ учитель фехтованія, прицѣпившись хорошенько, воткнулъ шпагу въ грудь обезоруженнаго, падающаго противника и проткнулъ его насквозь. Въ нашей арміи, славу Богу, не бывало еще примѣра, чтобы офицеръ совершилъ подобную гнусность. Но если бы она совершилась, нѣтъ сомнѣнія, что всѣ до одного офицеры того полка, къ которому принадлежалъ бы негодяй, потребовали бы, чтобы онъ снялъ мундиръ имъ обезчещенный, потребовали бы, чтобы этотъ человѣкъ былъ преданъ военному суду, подвергнутъ позорнѣйшему наказанію, чтобы надъ его головою была сломана шпага, которую онъ осквернилъ.

И чувства этихъ-то людей осмѣливается полковникъ Штюрмеръ ставить въ примѣръ нашимъ офицерамъ! Онъ не понималъ, какъ подлѣ, какъ гнусенъ поступокъ, выставлемый имъ за примѣръ для подражанія русскимъ офицерамъ. Такимъ ли людямъ, которые не знаютъ различія между чувствомъ чести и гнусѣйшею подлостью, такимъ ли людямъ охранять честь Русской Арміи? Имъ-ли учить кого бы то ни было пониманію чести?

Онъ извиняется незнаніемъ и непониманіемъ; онъ просто хотѣлъ похвалить французскую армію, — намѣреніе доброе, только случай къ похвалѣ выбранъ неудачно.

Можетъ быть, не совсѣмъ удачна и вообще его мысль ставить французскую армію примѣромъ для русской въ дѣлахъ чести. Первый долгъ чести для арміи — вѣрность правительству. Что же дѣлала французская армія въ послѣднія тридцать лѣтъ? Она измѣнила въ 1830 году Бурбонамъ, она измѣнила въ 1848 году Людовику Филиппу, она измѣнила своимъ генераламъ, возмущившись противъ нихъ 2 декабря 1851 года, она теперь готовится измѣнить Наполеону III: подъ Севастополемъ она уже кричала „*vive la république!*“ Она храбра на полѣ битвы, но она при каждой смутѣ покрывала себя безчестіемъ въ Парижѣ. Каждый разъ она звѣрски рѣзала стариковъ и женщинъ при началѣ народнаго волненія, и каждый разъ, какъ только волненіе усиливалось, покидала свои знамена и фрaternизировала съ мятежниками. Это ли чувство чести, которое ставятъ въ примѣръ русской арміи противники „Военнаго Сборника“?

Разсмотрѣвъ, изъ какихъ понятій о чести вытекаютъ мнѣнія полковника Штюрмера относительно обязанностей военной цензуры, мы разсмотримъ теперь, до какой степени знакомъ онъ съ ценсурнымъ уставомъ.

Онъ начинаетъ обвиненіемъ гражданской цензуры за то, что она не присылала на разсмотрѣніе военнаго цензора двухъ повѣстей, изъ которыхъ одна помѣщена въ „Современникъ“, а другая въ „Отечественныхъ Запискахъ“, и въ которыхъ между множествомъ дѣйствующихъ лицъ разныхъ званій представлены два или три лица военнаго сословія. Мы не обязаны защищать гражданскую цензуру. Но мы должны разсмотрѣть мнѣніе полковника Штюрмера о ея обязанностяхъ, чтобы видѣть, знаетъ ли онъ ценсурный уставъ. Онъ полагаетъ, что гражданская цензура обязана присылать военному цензору каждую повѣсть, въ которой, хотя мимоходомъ, являются лица военнаго сословія. (Въ двухъ повѣстяхъ, на которыя указываетъ полковникъ Штюрмеръ, военные лица являются только мимоходомъ). Сообразно такому понятію, если въ повѣсти, хотя мимоходомъ, является купецъ, она должна быть препровождаема изъ гражданской цензуры въ департаментъ Министерства Внутреннихъ дѣлъ, занимающійся городскими дѣлами. Если являются: государственный, удѣльный и дворцовый крестьяне, повѣсть должна перебивать поочередно въ Министерствахъ: Государственныхъ Имуществъ, Удѣловъ и Императорскаго Двора.

Полковнику Штюрмеру, какъ видно изъ его претензій, неизвѣстны цѣрвыя основанія нашего ценсурнаго устройства. Общая цензура должна передавать на разсмотрѣніе частной цензуры того или другого вѣдомства только тѣ статьи, которыя касаются какихъ-нибудь административныхъ или

законодательныхъ вопросовъ по этому вѣдомству. Еслибы каждое упоминаніе о лицѣ какого-нибудь званія вело къ посылкѣ статьи на разсмотрѣніе того вѣдомства, которому подчинено это званіе, каждая повѣсть должна была бы два-три года бродить по десяткамъ различныхъ вѣдомствъ, потому что въ каждой выводится много лицъ самыхъ разнородныхъ званій.

Но вотъ отъ литературныхъ журналовъ полковникъ Штюмеръ переходитъ къ „Военному Сборнику“; тутъ мы должвы быть внимательнѣе. Вотъ его подлинныя слова: „Въ іюньской книжкѣ Военнаго Сборника помѣщено весьма неутѣшительное для военныхъ людей открытіе, что служба офицера безцвѣтна, скучна, не представляетъ никакой пищи для ума, и „потому приводитъ нѣкоторыхъ къ пьянству“.

На какихъ страницахъ іюньской книжки „Военнаго Сборника“ полковникъ Штюмеръ нашелъ это открытіе? Вотъ на какихъ. Одинъ изъ офицеровъ, служившихъ въ пѣхотѣ, говоритъ, что когда онъ стоялъ съ своимъ взводомъ одинъ въ деревнѣ, то ему было очень скучно, потому что помѣщиковъ кругомъ не было, а товарищи, по расположенію полка на просторныхъ квартирахъ, стояли очень далеко отъ этой деревни, и что ему прекраснымъ развлеченіемъ послужила охота. Онъ совѣтуетъ испробовать это развлеченіе тѣмъ офицерамъ, которые, подобно ему, живутъ разбросанно и по одиночкѣ на просторныхъ квартирахъ, и предлагаетъ свои совѣты о томъ, какъ обзавестись ружьемъ и собакою для охоты; потомъ говоритъ, что солдаты также съ удовольствіемъ занимаются охотою, и если офицеръ при расположеніи на просторныхъ квартирахъ позволить имъ иногда, въ свободное время, это развлеченіе, то оно будетъ полезно и для здоровья солдатъ и для самой службы, потому что солдаты приучатся къ вѣрной стрѣльбѣ.

Мы просимъ прочесть всю эту небольшую статейку въ подлинникѣ *), чтобы убѣдиться, какъ она невинна. Впрочемъ, и по самому содержанію ея уже легко отгадать, что статья эта написана совершенно спокойнымъ тономъ, съ теплымъ сочувствіемъ къ армейскому офицеру, съ единственнымъ желаніемъ нѣкоторой пользы и этому офицеру и самой службѣ. Но полковникъ Штюмеръ набралъ прилагательныхъ именъ съ разныхъ страницъ, прибавилъ нѣсколько существительныхъ собственного изобрѣтенія (напримѣръ, слово „пьянство“,—этого слова нѣтъ въ статьѣ); замѣнилъ другія выраженія автора фразами собственного изобрѣтенія (напримѣръ: „Служба офицера не представляетъ никакой пищи для ума“,—этой фразы нѣтъ въ цѣлой статьѣ), приписалъ свое изобрѣтеніе автору статьи и такимъ образомъ сдѣлалъ „открытіе“, присоединивъ еще, будто бы авторъ говорилъ вообще о службѣ офицера, между тѣмъ какъ авторъ говорилъ только о служахъ одинокой жизни офицера, которому пришлось стоять одному вдаль отъ всѣхъ товарищей. Эта недобросовѣстность превосходить всякое вѣроятіе.

Далѣе полковникъ Штюмеръ осуждаетъ два отрывка изъ двухъ статей, помѣщенныхъ въ майской книжкѣ „Военнаго Сборника“, искажая при-

*) Ружейная охота въ примѣненіи къ военному дѣлу и военной жизни. „Военный Сборникъ“ № 2-й.

водимые отрывки по тому же способу. Полковникъ Штюмеръ не хотѣлъ замѣтить, что первый изъ приводимыхъ имъ отрывковъ принадлежитъ не „Военному Сборнику“, а „Морскому Сборнику“, изъ котораго перепечатанъ въ „Военномъ Сборникѣ“. Такимъ образомъ, мнѣніе полковника Штюмера о предметахъ чести расходится съ мнѣніемъ морского начальства, издающаго „Морской Сборникъ“, и съ понятіями самого Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Константина Николаевича, принимающаго столь близкое участіе въ этомъ изданіи. Вторая же изъ статей, безчестящихъ по мнѣнію полковника Штюмера русскую армію, есть „Голосъ изъ Арміи“, — статья, одобренная къ печатанію самимъ Его Величествомъ Государемъ Императоромъ, о чемъ хранится въ редакціи „Военнаго Сборника“ письменное засвидѣтельствованіе. Замѣтимъ, что эта статья („Голосъ изъ Арміи“) болѣе всѣхъ другихъ статей доставила полковнику Штюмеру матеріаловъ для его особенной записки о „Военномъ Сборникѣ“. Такимъ образомъ, мысли, одобренныя Государемъ Императоромъ, наиболѣе безчестятъ, по мнѣнію полковника Штюмера, Русскую Армію. Какимъ путемъ искаженій достигъ онъ до такого ужаснаго результата, совершенно раскрывается сличеніемъ его записки о „Военномъ Сборникѣ“ съ подлиннымъ текстомъ „Военнаго Сборника“. Подобнымъ образомъ онъ искажаетъ и статьи другихъ журналовъ, имъ упоминаемыхъ и заканчиваетъ свои добросовѣстныя выписки слѣдующимъ заключеніемъ:

„Такимъ образомъ, русская публика, въ послѣдніе три мѣсяца, осведомилась изъ трехъ лучшихъ журналовъ (Современникъ, Отечественныя Записки и Военный Сборникъ), что офицеры нашей Арміи невѣжды, пьяницы и воры!..“.

Это клевета на гражданскую цензуру, которая никакимъ образомъ не позволила бы выражаться о русскихъ офицерахъ столь нлощадными словами. Полковнику Штюмеру позволительно предполагать, что подобная клевета не покажется неправдоподобною: онъ не знаетъ Ценсурнаго Устава. Въ „Военномъ Сборникѣ“ ни разу не употреблены эти грязныя слова. Можно ручаться за то, что не найдется ихъ и ни въ какомъ русскомъ журналѣ. Если называть русскихъ офицеровъ невѣждами, пьяницами и ворами, значитъ „стремиться къ униженію и представленію на поруганіе военной службы“, какъ говорить далѣе полковникъ Штюмеръ, то это стремленіе принадлежитъ исключительно одному полковнику Штюмеру, который первый и одинъ отважился сочетать эти слова съ словомъ Русскій Офицеръ.

Утвердившись на такихъ основаніяхъ, онъ начинаетъ давать совѣты литературѣ.

Онъ говоритъ во-первыхъ, что литература „должна преслѣдовать только „тѣ пороки и недостатки, которые дѣйствительно существуютъ, и представлять типы, дѣйствительно взятые изъ среды общества“; но именно такъ и дѣйствуетъ русская литература. Всѣ повѣсти и статьи, на которыя онъ нападаетъ, могутъ служить тому примѣромъ. Въ одной изъ нихъ („Внукъ русскаго милліонера“) изображается, какимъ образомъ богатый купеческій сыночекъ проматываетъ наслѣдство, доставшееся ему послѣ дѣда, — развѣ этотъ

типъ не дѣйствительно взятъ изъ среды общества? Что другая повѣсть или, точнѣе говоря, романъ („Тысяча душъ“), вѣрно изображаетъ дѣйствительную жизнь нашихъ губернскихъ городовъ, это рѣшено всею русскою публикою, которая съ громкимъ одобреніемъ приняла превосходный романъ одного изъ первыхъ писателей нашего времени. О томъ, скучно-ли жить одному въ деревнѣ, вдали отъ всѣхъ товарищей (первая изъ статей Военнаго Сборника, осуждаемыхъ полковникомъ Штюмеромъ), можетъ сказать каждый армейскій офицеръ. О томъ, выдуманные ли факты изображены въ отрывкѣ изъ „Морского Сборника“, который также осуждается полковникомъ Штюмеромъ, можетъ свидѣтельствовать Морское начальство. Взяты ли изъ дѣйствительности факты, изображаемые въ третьей статьѣ („Голосъ изъ Арміи“) благоволилъ рѣшить самъ Государь Императоръ, удостоившій своего одобренія эту статью, особенно осуждаемую полковникомъ Штюмеромъ.

И такъ, вѣрны ли дѣйствительности, правдивы ли тѣ статьи, которыя осуждаются полковникомъ Штюмеромъ? Лучше было бы ему не поднимать этого вопроса, который не можетъ быть рѣшенъ въ его пользу.

Вторымъ правиломъ для литературы, полковникъ Штюмеръ ставитъ: „Не представлять явленіями общими тѣхъ недостатковъ и пороковъ, которые составляютъ случаи частные, встрѣчающіеся рѣдко“. Нельзя не улыбнуться, видя, что эта мысль, относящаяся къ дарованію, а вовсе не къ направленію беллетриста, ставится полковникомъ Штюмеромъ за общее правило для всей литературы. Беллетристъ талантливый всегда изображаетъ такіе типы, которые не составляютъ случаевъ частныхъ, а принадлежатъ къ характеристическимъ чертамъ общественной жизни; писатель безъ таланта никакъ не умѣетъ достичь этого. Итакъ, полковникъ Штюмеръ ставитъ въ обязанность ценсурѣ запрещать все написанное беллетристами малоталантливыми. Къ чему такое жестокосердіе къ людямъ и безъ того уже обиженнымъ природою? Не лучше ли согласиться съ ценсурнымъ уставомъ, который предписываетъ ценсурѣ судить о направленіи писателя, предоставляя уже публикѣ разбирать, сколько таланта имѣетъ писатель.

Послѣднее изъ своихъ правилъ полковникъ Штюмеръ излагаетъ въ такомъ странномъ видѣ, что одна фраза его прямо противорѣчитъ другой. Вотъ начало: „Въ отношеніи пороковъ и злоупотребленій, караемыхъ законами, достаточно, чтобы законы исполнялись; а потому, литературѣ остается только представлять на судъ публикѣ всю гнусность зла“. Эти слова означаютъ, что литература должна обличать зло, караемое закономъ. Но что далѣе? „Не рѣдко случается также, что подробныя описанія злоупотребленій научаютъ плутовъ тому, чего они еще не знали“. Стало быть литература должна скрывать зло? И какая вѣрная мысль: плуты научаются плутовать изъ литературныхъ разсказовъ, карающихъ плутовство! Послѣ этого воры не научаются ли воровать изъ Уложенія о преступленіяхъ?

Составивъ общія правила, онъ занимается далѣе примѣненіемъ ихъ къ военному сословію.

„Военное сословіе составляетъ, какъ и всѣ другія, часть народа. Оно имѣетъ какъ общія, такъ и свои собственныя страсти, недостатки и по-

„роки. Оно не лучше и не хуже другихъ сословій и подлежитъ наравнѣ съ прочими литературному представленію дурной стороны ума и сердца“.

Справедливо. Но въ такомъ случаѣ о чемъ же хлопотать, зачѣмъ говорить, что честь военнаго званія унижается, когда оно подвергается литературному изображенію точно въ такой же степени какъ прочія сословія, которыя ни мало не принимаютъ за оскорбленіе своей чести такія изображенія?

Но продолжаемъ слушать полковника Штюмера: „Въ каждой арміи „говорить онъ, могутъ быть хвастуны, лгуны, жестокосердые, хитрецы, скупые и даже безнравственные офицеры; но объ офицерахъ плутахъ, пьяницахъ, трусахъ, ворахъ и т. п. говорить нечего,—ибо еслибъ такой офицеръ встрѣтился, то онъ по закону исключается изъ службы“. Но законъ также исключаетъ изъ гражданской службы взяточниковъ, слѣдовательно и о нихъ также нечего говорить? Именно о томъ-то и говорится, исполняется ли законъ?—это во-первыхъ. А во-вторыхъ, въ цѣлой Россіи одинъ только полковникъ Штюмеръ осмѣливается „говорить объ офицерахъ плутахъ, пьяницахъ, трусахъ, ворахъ и т. п.“. Никто другой не употребляетъ такихъ грязныхъ словъ. Но слушаемъ далѣе. „Представлять такого рода „типы есть тоже самое, что говорить о сфинксахъ или центаврахъ“. Мысль полковника Штюмера имѣетъ сильную склонность къ сфинксамъ, которые растерзывали невинныхъ людей. Она уже не въ первый разъ склоняется къ этимъ чудовищамъ. Излагая свое первое правило, полковникъ Штюмеръ уже говорилъ, что литература не должна представлять „страсти и злодѣянія сфинксовъ, центавровъ и сильфидъ“. Но слушаемъ далѣе.

„Въ Германіи, въ Англіи и даже во Франціи, гдѣ литературная письменность часто употреблялась во зло, никто не осмѣлится представить позорную картину офицера“. Будто бы въ самомъ дѣлѣ французскіе, нѣмецкіе и англійскіе романы и повѣсти не осмѣливаются изображать французскихъ, нѣмецкихъ и англійскихъ офицеровъ съ невыгодной стороны? Изъ этого видно, что полковникъ Штюмеръ знаетъ иностранную литературу не такъ хорошо, какъ Ценсурный Уставъ.

„Гдѣ не имѣется цензуры (продолжаетъ онъ), тамъ существуютъ обыкновенно особые законы, ограждающіе военное сословіе отъ печатныхъ нападковъ и оскорбленій“. Гдѣ же это существуютъ такіе особенные законы? Ни въ одномъ изъ государствъ Западной Европы ихъ нѣтъ. А гдѣ нѣтъ такихъ законовъ, продолжаетъ онъ, тамъ офицеры сами должны защищать себя; и въ примѣръ всѣмъ офицерамъ Русской Арміи приводитъ дуэль французскихъ подпоручиковъ съ Пенюмъ. Мы уже разбирали эту исторію, которая служитъ представительницею понятій полковника Штюмера о чести. Такъ вотъ чего онъ хочетъ: онъ хочетъ, чтобы русскіе офицеры, подобно нѣкоторымъ французскимъ подпоручикамъ, обижались тѣмъ, въ чемъ нѣтъ ничего обиднаго, и сами себя дѣлали смѣшными такой щепетильностью. Онъ хочетъ, чтобы офицеры Русской Арміи исполняли предположеніе „Статскаго“, разговаривающаго съ „Военнымъ“ у Гоголя (въ „Развѣздѣ изъ театра“): Вѣдь вотъ, вы какіе, господа военные! Вы готовы вдоволь посмѣяться надъ какимъ-нибудь статскимъ чиновникомъ, а

затронь какъ-нибудь военныхъ, скажи только, что есть офицеры,—не говори уже о прочихъ наклонностяхъ,—но просто скажи: есть офицеры дурного тона,—да вы изъ одного этого готовы съ жалобой полѣзть въ самый государственный совѣтъ“. Именно такъ понимаетъ честь полковникъ Штюмеръ.

Далѣе представляетъ онъ ужасающую картину послѣдствій отъ такихъ страшныхъ обидъ, какія нанесены были Русской Арміи пятью тысячами восемьюстами офицеровъ, одобрявшихъ „Военный Сборникъ“. Чего тутъ нѣтъ!—и никто изъ молодыхъ людей не пойдетъ въ военную службу, и начальства никто не будетъ уважать, и Россія потеряетъ свой голосъ въ Европейскихъ дѣлахъ, и внутренняя безопасность исчезнетъ, если Правительство не запретитъ русскимъ писателямъ говорить, что иногда офицеры посѣщаютъ московскихъ цыганъ и петербургскія Минеральныя воды.

Усердіе защищать сфинксовъ и другихъ чудовищъ—качество, достойное всякаго уваженія; но добросовѣстность и истинное понятіе о чести, это качества еще болѣе важныя. Примѣромъ послѣдняго служила намъ дуэль французскихъ подпоручиковъ. Доказательствъ добросовѣстности мы видѣли много, но еще больше увидимъ въ запискѣ о „Военномъ Сборникѣ“; она—документъ образцовый въ своемъ родѣ.

ЗАМѢЧАНІЯ

на докладъ о вредномъ направленіи всей русской литературы вообще и „Военнаго Сборника“ въ особенности, составленный г. военнымъ цензоромъ полковникомъ Штюмеромъ *).

Въ Высочайше одобренномъ объявленіи о „Военномъ Сборникѣ“ сказано: *Всестороннее, добросовѣстное изученіе настоящаго матеріальнаго и нравственнаго состоянія нашихъ войскъ составляетъ первую обязанность этого журнала*“.

Значеніе такого желанія Правительства не могло быть сомнительно, особенно по соображенію съ фактами, всѣмъ извѣстными и составлявшими одну изъ главныхъ заботъ Правительства.

Исслѣдованіе причинъ неуспѣха послѣдней войны открыло Правительству существованіе значительныхъ недостатковъ и злоупотребленій въ обученіи, вооруженіи и хозяйствѣ нашей Арміи. Представлялась необходимость склонить всѣхъ благомыслящихъ офицеровъ къ искреннему исполненію мѣръ,

---

*) *Примѣчаніе издателя.* Первоначальная редакція той же записки. На корректурѣ имѣется слѣдующая помѣтка Военнаго министра: „Здѣсь дѣло идетъ не объ оправданіи однихъ только редакторовъ, но и объ оправданіи моемъ и вашемъ какъ наблюдавшихъ за направленіемъ сборника, а потому я требую, чтобы никакихъ ругательствъ не было употреблено въ выраженіяхъ, а только одни хладнокровныя разсужденія и ясныя доводы—все оскорбительное какъ на счетъ полковника Штюмера, такъ и для французской арміи прошу непременно отбросить, иначе я не берусь представить это объясненіе Государю Императору.“

Гг. Редакторы по мнѣнію моему, справедливо опредѣляютъ правила чести, говоря о неблагородномъ дѣйствіи нѣсколькихъ французскихъ Подпоручиковъ, но правила чести также требуютъ: не обвинять цѣлую армію за дѣйствіе нѣсколькихъ лицъ.—Эти же правила требуютъ, чтобы не смотря ни на сдѣланную намъ несправедливость и неправильный доносъ отвѣтъ нами написанъ былъ съ достоинствомъ и безъ всякихъ оскорбительныхъ выраженій, иначе препія могутъ кончиться площадными ругательствами¹ какъ и бываетъ иногда между Гг. журналистами“.

принимаемыхъ Правительствомъ для искорененія зла; вѣрнѣйшимъ путемъ къ тому было—дать самимъ офицерамъ средство узнать и высказать истину,—этимъ доказывалась бы для нихъ собственными ихъ устами неизбежность и полезность преобразованій, предпринимаемыхъ Правительствомъ. Объясняя сами для себя недостатки, принадлежавшіе нашему военному быту, офицеры излагали бы и средства къ ихъ отстраненію. Если кто изъ нихъ жаловался бы неосновательно, или предлагалъ бы для улучшеній способы непрактичныя, изъ самой среды его товарищей поднимались бы голоса, показывающіе неосновательность его претензій, недопримѣнимость его проекта,—и собственнымъ убѣжденіемъ самихъ офицеровъ, сужденія ихъ о недостаткахъ и злоупотребленіяхъ лишались бы всякаго преувеличеннаго характера, ихъ желанія относительно улучшеній въ ихъ бытѣ приводились бы къ разнѣрамъ удобоисполнимымъ. А такъ какъ Правительство дѣйствительно искренно заботится объ улучшеніяхъ въ Арміи и приняло уже или готовится принять всѣ практически возможныя мѣры къ улучшенію ея быта, то и оказалось бы, что мѣры Правительства соотвѣтствуютъ всѣмъ здравымъ желаніямъ самихъ офицеровъ, что Правительство дѣлаетъ все, что возможно, не дѣлаетъ только того, что признано за невозможное самими офицерами. Чрезъ это водворялось бы въ Арміи полнѣйшее довѣріе къ заботливости о ней Правительства, уничтожились бы всякія неудовольствія, и Правительству обезпечивалось бы точное и дѣятельное исполненіе всѣмъ сословіемъ офицеровъ тѣхъ улучшеній по вооруженію, тактическому обученію и хозяйству Арміи, какія уже предприняты волею Государя. Такое довѣріе Арміи къ Правительству въ особенности необходимо тогда, когда Правительство предпринимаетъ великія преобразованія въ государственномъ устройствѣ.

Итакъ, вопросъ о направленіи „Военнаго Сборника“ зависѣлъ отъ вопроса: какъ дѣйствуетъ и впредь намѣрено дѣйствовать Правительство относительно Арміи: хочетъ ли оно улучшать ее? хочетъ ли Правительство, чтобы его мѣры понимались Арміею въ истинномъ ихъ смыслѣ и исполнялись съ добросовѣстнымъ усердіемъ?

Отвѣтъ не могъ быть сомнительнымъ: онъ заключался въ дѣйствіяхъ самаго Правительства; на тотъ же самый отвѣтъ указывали и основанія, Высочайше утвержденныя для изданія „Военнаго Сборника“.

Если мы ошибались въ этомъ отвѣтѣ, значитъ, мы ошибались, находя, что Правительство заботится объ улучшеніи вооруженія Арміи, ея обмундированія и продовольствія, ея тактическаго обученія, о введеніи лучшаго порядка въ ея хозяйственномъ и военномъ управленіи, о возвышеніи ея духа; значитъ, мы ошиблись, находя, что Государь Императоръ милостивъ къ своей Арміи и заботливъ о ней. Но, въ такомъ случаѣ, мы ошибались вмѣстѣ со всѣми честными людьми нашей Арміи, сочувствовавшими просвѣщеннымъ намѣреніямъ Государя.

Дѣйствительно, направленіе „Военнаго Сборника“ было понято огромнымъ большинствомъ русскихъ офицеровъ точно такъ, какъ предполагала понимать его редакция „Сборника“. Армія увидѣла въ этомъ изданіи новый залогъ довѣрія къ ней и заботливости о ней Правительства.

Изъ нѣсколькихъ сотъ статей, доставленныхъ въ „Военный Сборникъ“, не было ни одной, которая имѣла бы иной смыслъ.

Назначеніе, опредѣленное для „Военнаго Сборника“ его Высочайше утвержденнымъ объявленіемъ, могло достигаться только дѣятельностью самихъ офицеровъ русской Арміи; потому объявленіе прямо и обращалось къ офицерамъ, говоря имъ, что они одни могутъ рѣшить задачу, исполненію которой долженъ, по указанію Правительства, служить „Военный Сборникъ“.

Офицеры русской Арміи отвѣчали на это приглашеніе съ такимъ просвѣщеннымъ сочувствіемъ къ намѣренію, въ которомъ Правительство основало „Военный Сборникъ“, что съ самаго начала этотъ журналъ сталъ однимъ изъ пользующихся наибольшимъ уваженіемъ въ публикѣ. Мы можемъ это сказать, не нарушая скромности, потому что заслуга принадлежить не редакціи, а сотрудникамъ, дѣйствовавшимъ совершенно самостоятельно. Редакція должна сказать о себѣ въ этомъ отношеніи развѣ только то одно, что она не отвергала хорошихъ статей и не портила ихъ.

Такимъ образомъ, направленіе „Военнаго Сборника“, не зависѣло отъ редакціи: оно было указано журналу Высочайше утвержденными основаніями и осуществлено дѣятельностью всего корпуса офицеровъ русской Арміи, въ которомъ всѣ просвѣщенные люди явились проникнуты однимъ и тѣмъ же духомъ.

Послѣднее обстоятельство особенно ясно выказывается слѣдующимъ фактомъ. Редакція объявляла, что съ готовностью будетъ печатать всякія возраженія на статьи, помѣщенные въ „Сборникъ“. Дѣйствительно возраженій явилось очень много, и всѣ они, если были хотя сколько нибудь грамотны, печатались въ „Сборникъ“. Но и эти возраженія всѣ написаны въ томъ же самомъ духѣ, какъ и остальные статьи „Сборника“ *). Спорившіе разнились между собою въ оцѣнѣ важности того или другаго факта, въ сужденіяхъ о предпочтительности той или другой подробности какого нибудь предложеннаго способа къ улучшенію, а въ основныхъ понятіяхъ и желаніяхъ всѣ сходились единодушно.

Но извѣстно всѣмъ, что просвѣщенные намѣренія Государа возбуждаютъ неудовольствіе въ горсти людей незначительной по числу, но сильной именно тѣмъ, что она защищаетъ злоупотребленія, слѣдовательно неразборчива въ средствахъ оппозиціи. Не отваживаясь на открытое сопротивленіе, эти люди прикрываютъ свои умыслы разными предлогами.

Главное коварство тайныхъ противниковъ просвѣщенной воли Государа Императора заключается въ томъ, чтобы говорить о вредѣ, будто бы приносимомъ Правительству раскрытіемъ злоупотребленій и довѣріемъ къ Россіи. Они проповѣдуютъ скрытность, мракъ. Цѣль ихъ при этомъ очевидна, обманъ слишкомъ грубъ. Пока злоупотребленіе не обличено вполне,

*) Кромѣ одного возраженія, помѣщеннаго въ № 7 „Военнаго Сборника“; редакція была обязана напечатать это возраженіе, потому что имъ думалъ защититъ себя авторъ, захотѣвшій видѣть обвиненіе своимъ распоряженіямъ въ словахъ статьи „Военнаго Сборника“, говорившей о состояніи здоровья Южной арміи въ минувшую войну.

до той поры онѣ имѣютъ надежду какъ нибудь отстоять и сохранить его для своей личной выгоды. Но развѣ можетъ любить мракъ и скрытность тотъ, кто хочетъ чести Правительству, пользы Государству, чьи намѣренія чисты? Дурное Правительство разнится отъ хорошаго не тѣмъ, что при дурномъ существуютъ злоупотребленія, а при хорошемъ ихъ не существуетъ,—нѣтъ, они существуютъ всегда и повсюду, при всякомъ Правительствѣ; нѣтъ, разница въ томъ, что дурное Правительство покровительствуетъ злоупотребленіямъ и прикрываетъ ихъ, а хорошее старается искоренить ихъ, пользуется для того всѣми честными средствами, изъ которыхъ первое—преслѣдованіе злоупотребленій свѣтомъ истины, и призываетъ къ содѣйствію себѣ всѣхъ честныхъ людей, то есть любить правду.

По мѣрѣ своихъ силъ, въ кругу дѣйствія, ему предназначенномъ, „Военный Сборникъ“ усердно служилъ просвѣщеннымъ намѣреніямъ Государя Императора. Противники намѣреній Государя не могли не чувствовать вражды и къ нему, какъ враждуютъ они противъ всякой правды. Средствомъ въ этой враждѣ послужило имъ, какъ всегда, недобросовѣстное искаженіе фактовъ.

Мы подробно рассмотримъ докладъ полковника Штюрмера, обвиняющій всю русскую литературу въ стремленіи унизить честь Русской Арміи (какъ будто бы русская публика, вся масса которой состоитъ изъ людей, принадлежащихъ или принадлежавшихъ къ Арміи, или имѣющихъ родственниками офицеровъ, могла потерпѣть въ литературѣ подобное стремленіе), особенно обвиняющій въ этомъ направленіи „Военный Сборникъ“, какъ будто бы онъ издается не подъ непосредственнымъ наблюденіемъ начальства одного изъ корпусовъ русской Арміи, какъ будто бы изъ трехъ его редакторовъ два не принадлежатъ къ офицерамъ Русской Арміи, какъ будто бы всѣ статьи этого изданія *) написаны не офицерами Русской Арміи, какъ будто бы 5,800 человекъ **) офицеровъ Русской Арміи могли сочувствовать изданію, когда бы оно не служило къ чести Русской Арміи.

Г. военный цензоръ самъ признается въ своемъ докладѣ, что „не получаетъ постоянно никакихъ журналовъ“, слѣдовательно не имѣетъ привычки къ чтенію. Это признаніе одно только и могло объяснить для насъ характеръ его доклада, который иначе былъ бы непостижимъ. Человѣку, мало читавшему, натурально не имѣть понятій о томъ, какимъ тономъ долженъ говорить о литературѣ судья, который не хочетъ компрометировать своей умственной репутаціи.

Въ началѣ доклада г. военный цензоръ говоритъ объ обязанностяхъ, возлагаемыхъ на него его должностью; какъ понимаетъ онъ эти обязанности,

*) За исключеніемъ только двухъ, имѣющихъ чисто историческое содержаніе и относящихся къ отдаленной старинѣ.

**) Изъ 6,000 экземпляровъ „Военнаго Сборника“, расхитившихся въ вышѣшемъ году, менѣе двухъ сотъ получались лицами не военнаго сословія; остальные болѣе нежелалъ 5,800 экземпляровъ выписывался офицерами.

мы рассмотримъ ниже, а прежде всего замѣтимъ, что кромѣ частныхъ обязанностей, возлагаемыхъ на того или другаго должностнаго человѣка его особеннымъ званіемъ, на всѣхъ вообще служащихъ Правительству лежитъ одна общая обязанность: не компрометировать Правительство своими дѣйствіями.

Ничѣмъ Правительство не компрометируется такъ опасно, какъ совѣтами невѣжественными. Невѣжество подвергается смѣху *).

Послѣ этихъ замѣчаній, займемся разборомъ мнѣній г. докладчика.

Онъ говоритъ, что военно-ценсурныя правила начинаются слѣдующими двумя параграфами: „1) Недопускать къ напечатанію ничего оскорбительнаго для чести Русскаго войска. 2) Недопускать никакихъ нападокъ, ни насмѣшекъ на счетъ какой-либо части нашихъ войскъ или Корпуса Офицеровъ“.

Чтобы умѣть охранять эти правила, надобно, прежде всего, умѣть понимать честь.

Честь каждаго сословія состоитъ въ томъ, чтобы не обнаруживать преступнаго потворства недостойнымъ своимъ сочленамъ и сочувствовать всему тому, что пужно для достиженія цѣли, предназначенной этому сословію государственнымъ устройствомъ и желаніями Правительства. Русская Армія хорошо понимаетъ это и ставитъ себѣ за честь радоваться всему, что ведетъ къ искорененію въ ея рядахъ невѣжества и недобросовѣстности. Она понимаетъ, что каждое многочисленное сословіе заключаетъ въ себѣ нѣсколькихъ людей, достойныхъ порицанія, что честь сословія требуетъ не прикрывать ихъ и не потворствовать имъ, а стараться исправить ихъ.

Необходимымъ средствомъ къ тому всѣ образованные люди считаютъ литературное изобличеніе недобросовѣстности и пороковъ, потому русская Армія съ одобреніемъ принимаетъ статьи, способствующія совершенному очищенію ея отъ недостатковъ. По собственному опыту, редакція „Военнаго Сборника“ убѣдилась въ томъ. Но г. военный цензоръ понимаетъ честь не такъ, какъ понимаетъ ее огромное большинство офицеровъ русской Арміи, онъ недоволенъ, онъ находитъ предосудительнымъ для чести русской Арміи направленіе „Военнаго Сборника“.

О направленіи „Военнаго Сборника“ каждый можетъ судить сообразно развитости своимъ понятіямъ. Но какъ бы ни судилъ кто, не долженъ упускать онъ изъ виду одного факта: направленіе „Военнаго Сборника“ придано этому изданію не редакціею, не начальствомъ Гвардейскаго Штаба, а самими офицерами русской Арміи. Тотъ, кто осуждаетъ это направленіе, не долженъ забывать, что онъ идетъ противъ чувствъ огромнаго большинства русскихъ офицеровъ. Дѣло это извѣстно всѣмъ, кто слѣдитъ за литературою. Полковнику Штюрмеру оно не было извѣстно только потому, что онъ по собственному признанію, оставался чуждъ литературнаго движенія.

Редакція, изъ множества получаемыхъ ею статей, выбирала къ напечатанію тѣ или другія, не по различію въ ихъ направленіи, а единственно

*) Противъ этого мѣста имѣется слѣдующая помѣтка Военнаго министра: „въ журнальной статьѣ это могло бы быть допущено, но не здѣсь“.

по степени ихъ занимательности, дѣльности и достоинству изложенія. Относительно направленія, выборъ былъ невозможенъ, потому что рѣшительно всѣ безъ исключенія статьи были проникнуты одинаковымъ направленіемъ. Даже полковникъ Штюмеръ не могъ не замѣтить этого: въ запискѣ о „Военномъ Сборникѣ“, приложенной къ докладу о направленіи литературы вообще, онъ говоритъ самъ, что четыре статьи, написанныя, одна пѣхотнымъ армейскимъ офицеромъ, другая артиллерійскимъ, третья стрѣлковымъ, четвертая козачьимъ, и помѣщенные въ первой книжкѣ „Сборника“, заслуживаютъ особаго вниманія (собственные слова полковника Штюмера), съ одной стороны, по важности разсматриваемыхъ предметовъ и повидимому сходству, почти тождественности взгляда на оныя, а съ другой потому, что случайное совокупленіе сихъ четырехъ голосовъ можетъ быть принято неопытнымъ читателемъ за гласъ большинства всей арміи“.

Если бы полковникъ Штюмеръ самъ былъ опытнымъ судьей въ литературныхъ дѣлахъ, то онъ понималъ бы, что, написавъ эти слова, онъ безвозвратно осуждаетъ самъ себя. Чтò говоритъ онъ этими словами? Онъ говоритъ, что четыре офицера, принадлежащіе къ совершенно различнымъ родамъ войскъ, думаютъ о положеніи нашей Арміи, ея потребностяхъ, достоинствахъ и недостаткахъ, совершенно одинаково. Редакція можетъ прибавить, что эти офицеры живутъ въ различныхъ концахъ Россіи: одинъ въ Петербургѣ, другой въ деревнѣ на сѣверѣ Россіи, третій въ Оренбургскомъ краѣ, четвертый въ районѣ расположенія Первой Арміи. Взгляды этихъ людей, невидѣвшихъ другъ друга въ лицо, сходны, по словамъ полковника Штюмера, до тождественности. Еслибъ ихъ мысли были ихъ личными частными мнѣніями, они разошлись бы между собою хотя въ чемъ нибудь. Но они говорятъ совершенно одно и тоже. Ясно, что каждый изъ нихъ выражаетъ общее мнѣніе, одинаковое во всѣхъ частяхъ войскъ. Сходство простирается до того, что полковникъ Штюмеръ не можетъ раздѣлить этихъ четырехъ статей одну отъ другой, и въ своей запискѣ разбираетъ ихъ всѣ вмѣстѣ, какъ будто одну статью. Да и какъ мнѣнію, выражаемому этими четырьмя статьями, не быть одинакову во всѣхъ частяхъ арміи, когда во всѣхъ частяхъ происходитъ одно и тоже, когда въ одно и тоже время Правительство получаетъ извѣстія объ одинаковыхъ злоупотребленіяхъ въ Кронштадтѣ, въ Петровскѣ, въ Саратовѣ и Балаховѣ? Если бы полковникъ Штюмеръ понималъ значеніе того, что самъ говоритъ, онъ, или не написалъ бы этихъ словъ, или звалъ бы, что, написавъ ихъ, онъ самъ себя опровергъ, или чувствовалъ бы, по крайней мѣрѣ, что, послѣ этихъ словъ, осуждая „Военный Сборникъ“, онъ осуждаетъ большинство офицеровъ русской Арміи. Вѣдь онъ самъ прибавляетъ, что впечатлѣніе, производимое сходствомъ осуждаемыхъ имъ статей, представляетъ ихъ за „голосъ большинства всей Арміи“; въ другомъ мѣстѣ своей записки о „Военномъ Сборникѣ“, онъ положительно говоритъ, что направленіе осуждаемаго имъ журнала пользуется сочувствіемъ въ Арміи.

Надобно ли объяснять послѣ этого, чтò такое дѣлаютъ люди, возбуждающіе Правительство противъ статей, служащихъ выраженіемъ мнѣній большинства офицеровъ русской Арміи и награждаемыхъ, по собственному

признанію этихъ людей, сочувствіемъ всей Арміи? Понимаетъ ли полковникъ Штюмеръ, что онъ дѣлаетъ, желая возбудить неудовольствіе Правительства противъ чувствъ всего сословія офицеровъ русской Арміи? И чѣмъ заслужило сословіе нашихъ офицеровъ этотъ гнѣвъ? Развѣ тѣмъ, что хочетъ быть еще лучшимъ, нежели каково оно теперь? Или тѣмъ, что, по собственнымъ словамъ полковника Штюмера, „офицеры нашей арміи принесли, въ недавнее время, Престолу и отечеству столько благородныхъ жертвъ, которыхъ прахъ еще не остылъ и раны еще не закрылись“?

Если понятіе чести, доступное даже малообразованнымъ людямъ, представляется полковнику Штюмеру въ такомъ странномъ видѣ, что все сословіе нашихъ офицеровъ онъ обвиняетъ въ нарушеніи перваго параграфа военно-ценсурныхъ правилъ, охраняющаго честь Арміи, то еще менѣе способенъ онъ понимать второй параграфъ этихъ правилъ, охраняющій отдѣльныя части войска и корпусъ офицеровъ отъ нападокъ и насмѣшекъ: понятіе нападокъ и насмѣшекъ, свойственное только образованному обществу, конечно, не можетъ быть доступно человѣку, который, по собственному признанію, незнакомъ съ литературою, составляющею одну изъ необходимыхъ принадлежностей образованнаго общества.

Смыслъ втораго параграфа ясенъ для человѣка сколько-нибудь развитаго умственно. Первымъ параграфомъ военно-ценсурныхъ правилъ охраняется честь всей Арміи; второй параграфъ охраняетъ честь каждой отдѣльной части войска и корпуса офицеровъ въ особенности. Говоря о нападкахъ и насмѣшкахъ, второй параграфъ военно-ценсурныхъ правилъ, конечно, разумѣетъ нападки и насмѣшки предосудительныя для чести того или другаго рода войскъ и корпуса офицеровъ: это видно изъ соображенія его съ первымъ параграфомъ.

Но кромѣ насмѣшекъ, оскорбительныхъ для части, есть невинная шутка, надъ которою въ образованномъ обществѣ весело хохочетъ первый тотъ самый, къ кому она относится. Извѣстно, что человѣкъ умственно неразвитый не понимаетъ разницы между этою шуткою и оскорбительною для чести насмѣшкою. Онъ становится смѣшонъ или отвратителенъ, оскорбляясь тѣмъ, что ни мало не оскорбително.

Теперь посмотримъ, какъ понимаетъ полковникъ Штюмеръ второй параграфъ военно-ценсурныхъ правилъ и чего требуетъ онъ отъ нашихъ офицеровъ. Вотъ его собственныя слова: „Когда, въ недавнемъ времени, „фельетонистъ Де-Пеннъ позволилъ себѣ упомянуть о подпоручикахъ, которые къ ущербу дамскихъ нарядовъ являются на балы въ мундирѣ“ (дѣло шло вовсе не о мундирѣ), „то хотя статья его и не заключала „повидимому ничего лично оскорбительнаго, однакожъ порицаніе носить „мундиръ въ обществѣ показалось военнымъ людямъ обиднымъ. Не одни „только подпоручики“, (нѣтъ, они одни) „все офицерское сословіе признало „себя оскорбленнымъ, и офицеры разныхъ чиновъ“ (нѣтъ, только одни подпоручики), „разныхъ командъ и изъ разныхъ городовъ потребовали удовлетворенія отъ редакціи журнала. Можетъ быть они обнаружили въ этомъ „случаѣ излишнюю щекотливость, можно также упрекнуть дравшихся подпоручиковъ въ неблагородномъ окончаніи дуэли съ Пенномъ, но за всѣмъ

„тѣмъ, надобно согласиться, что первоначальный порывъ негодованія офицеровъ произошелъ изъ понятія объ оскорбленіи ихъ званія и что это сильно развитое чувство чести составляетъ главнѣйшую долю нравственной силы французской арміи. Изъ этого наконецъ видно, въ какой степени необходимо цѣнить это чувство въ арміи и охранять отъ незаслуженныхъ нападокъ“.

Полковникъ Штюрмеръ хвалить поведеніе французскихъ подпоручиковъ въ исторіи съ фельетонистомъ Пенюмъ. Надобно изложить эту исторію, чтобы видѣть, какія понятія о чести офицера имѣетъ полковникъ Штюрмеръ. Разсказывая въ забавномъ видѣ о какомъ-то балѣ и подсмѣиваясь надъ всѣми лицами, тутъ бывшими, Пенъ сказалъ, между прочимъ, что былъ на балѣ одинъ недпоручикъ, который плохо умѣлъ танцевать и по неловкости разорвалъ шпорою платье дамы, съ которою танцевалъ. Само собою разумѣется, что всѣ дѣйствующія лица, и въ томъ числѣ подпоручикъ, были выдуманы. Кажется, тутъ не было обиды никому, но французскіе подпоручики обидѣлись. Такой гнѣвъ былъ бы непонятенъ, если бы не знали мы о томъ, какое мѣсто занимаютъ въ обществѣ французскіе офицеры (кромя офицеровъ специальныхъ родовъ оружія). Они составляютъ не самое уважаемое, какъ у насъ, сословіе, а напротивъ наименѣе уважаемое. Это незавидное положеніе зависитъ отъ многихъ обстоятельствъ, между прочимъ отъ того, что молодые люди хорошихъ фамилій или зажиточнаго состоянія почти никогда не избираютъ военной карьеры во Франціи: сословіе пѣхотныхъ и кавалерійскихъ офицеровъ пополняется въ этой странѣ такими людьми, которые у насъ служатъ канцеляристами въ земскихъ и уѣздныхъ судахъ. Не получивъ рѣшительно никакого воспитанія, они не умѣютъ держать себя въ свѣтскомъ обществѣ. Можетъ ли благовоспитанный человѣкъ принимать въ обиду шутки надъ неловкостью его манеръ? Онъ чувствуетъ, что сдѣлался бы черезъ это смѣшнымъ и пошлымъ; онъ знаетъ, что ему слѣдуетъ нервному отъ души смѣяться при этихъ шуткахъ, и дѣйствительно смѣется отъ души, понималъ, что ловкость или неловкость манеръ не возвышаетъ и не унижаетъ его чести. Французскіе подпоручики, обидѣвшіеся шуткою Пена, только выказали себя людьми дѣйствительно неблаговоспитанными и смѣшными.

Но тѣмъ не кончилось дѣло: этихъ обиженныхъ собралась цѣлая ватага и всѣ они послали вызовъ Пену драться поочередно съ каждымъ изъ нихъ. Если цѣлое общество считаетъ нужнымъ загладить посредствомъ дуэли оскорбленіе, нанесенное ему отдѣльнымъ лицомъ, то между порядочными людьми принято за правило, чтобы это общество выбирало отъ себя одного, такъ сказать, депутата, который бы дрался одинъ отъ имени всѣхъ. Нарушивъ это правило, подпоручики, составившіе ватагу, показали себя людьми не только неблаговоспитанными и смѣшными, но и неблагородными.

И этого мало. Первымъ поставили они драться противъ Пена такого офицера, который служилъ учителемъ фехтованія. Они хотѣли навѣрняка убить Пена какъ трактирные герои во фризovýchъ шинеляхъ навѣрняка обыгрываютъ купеческихъ сынковъ на бильярдѣ. Они выставили человѣка, который навѣрняка долженъ былъ убить Пена, такъ чтобы до нихъ не дошла и

очередь драться, а между тѣмъ каждый изъ нихъ хвастался своимъ вызовомъ. Это было уже поступкомъ не просто людей смѣшныхъ, неблаговоспитанныхъ и не совсѣмъ порядочныхъ, но прямо дѣломъ низкихъ, трусливыхъ хвастуновъ, дѣлающихъ подлость. Мы увѣрены, что въ цѣлой нашей Арміи не найдется ни одного офицера, который бы согласился участвовать въ подобной подлой штуцѣ, а во французской арміи такихъ подпоручиковъ сошлись цѣлые десятки.

И этого всего мало. Низкій бандить, избранный отъ цѣлой ватаги, чтобы навѣрняка зарѣзать человѣка, плохо владѣвшаго шпагой, не усѣлъ первымъ ударомъ зарѣзать его: рана была не смертельна; однако же, была такъ тяжела, что Пенъ выпустилъ изъ рукъ шпагу и зашатался, падая. Въ эту минуту господинъ учитель фехтованія, прицѣпившись хорошенько, воткнулъ шпагу въ грудь обезоруженнаго, падающаго противника и проткнулъ его насквозь. Въ нашей арміи, слава Богу, не бывало еще примѣра, чтобы офицеръ совершилъ подобную гнусность. Но если бы она совершилась, нѣтъ сомнѣнія, что всѣ до одного офицеры того полка, къ которому принадлежалъ бы негодяй, потребовали бы, чтобы онъ снялъ мундиръ имъ обезчещенный, потребовали бы, чтобы этотъ человѣкъ былъ преданъ военному суду, подвергнуть позорнѣйшему наказанію, чтобы надъ его головой была сломана шпага, которую онъ осквернилъ. Ватага французскихъ подпоручиковъ напротивъ того, осыпала своего достойнаго сотоварища выраженіями признательности.

И чувства этихъ-то людей осмѣливается полковникъ Штюрмеръ ставить въ примѣръ нашимъ офицерамъ! Онъ не понималъ, какъ подлѣ, какъ гнусенъ поступокъ, выставляемый имъ за примѣръ для подражанія русскимъ офицерамъ. Такимъ ли людямъ, которые не знаютъ различія между чувствомъ чести и гнуснѣйшею подлостью, такимъ ли людямъ охранять честь Русской Арміи? Имъ ли учить кого бы то ни было пониманію чести?

Полковникъ Штюрмеръ конечно также не зналъ о послѣдствіяхъ поступка, заслужившаго отъ него похвалу. Онъ не зналъ, что въ цѣлой Евроцѣ, отъ Португаліи до Россіи, поступокъ французскихъ подпоручиковъ возбудилъ негодованіе и уронилъ честь французской арміи. Неужели онъ хочетъ, чтобы нашихъ офицеровъ презирала вся Европа?

Но нѣтъ, мы забываемъ, что онъ извиняется незнаціемъ и непониманіемъ; онъ просто хотѣлъ похвалить французскую армію, — намѣреніе доброе, только случай къ похвалѣ выбранъ неудачно.

Можетъ быть, не совсѣмъ удачна и вообще его мысль ставить французскую армію примѣромъ для русской въ дѣлахъ чести *). Первый долгъ чести для арміи — вѣрность правительству. Что же дѣлала французская армія въ послѣднія тридцать лѣтъ? Она измѣнила Людовику XVI въ 1792 году, она измѣнила директоріи въ 1797 году, она измѣнила Наполеону I въ

*) Противъ этого мѣста имѣется слѣдующая помѣтка Военнаго министра: „здесь редакторъ впадаетъ въ ту же ошибку, въ которой обвиняетъ Г. Штюрмера, т.-е. осуждаетъ цѣлую Французскую Армію за дѣйствія нѣсколькихъ подпоручиковъ. Все это не можетъ быть здѣсь допущено. Это должно быть рассказано безъ брани и обвиненій цѣлой арміи.“

1815 году, она изменила въ 1830 году Бурбонамъ, она изменила въ 1848 году Людовику Филиппу, она изменила своимъ генераламъ, возмущившись противъ нихъ 2 декабря 1851 года, она теперь готовится изменить Наполеону III: подъ Севастополемъ она уже кричала „*vive la république!*“ Она храбра на полѣ битвы, но она при каждой смутѣ покрывала себя безчестіемъ въ Парижѣ. Каждый разъ она звѣрски рѣзала стариковъ и женщинъ при началѣ народнаго волненія, и каждый разъ, какъ только волненіе усиливалось, покидала свои знамена и фрaternизировала съ мятежниками. Это ли чувство чести, которое ставятъ въ примѣръ русской арміи противники „Военнаго Сборника“?

Разсмотрѣвъ, изъ какихъ понятій о чести вытекаютъ мнѣнія полковника Штюмера относительно обязанностей военной цензуры, мы разсмотримъ теперь, до какой степени знакомъ онъ съ ценсурнымъ уставомъ.

Онъ начинаетъ обвиненіемъ гражданской цензуры за то, что она не присылала на разсмотрѣніе военнаго цензора двухъ повѣстей, изъ которыхъ одна помѣщена въ „Современникъ“, а другая въ „Отечественныхъ Запискахъ“, и въ которыхъ между множествомъ дѣйствующихъ лицъ разныхъ званій представлены два или три лица военнаго сословія. Мы не обязаны защищать гражданскую цензуру. Но мы должны разсмотрѣть мнѣніе полковника Штюмера о ея обязанностяхъ, чтобы видѣть, знаетъ ли онъ ценсурный уставъ. Онъ полагаетъ, что гражданская цензура обязана присылать военному цензору каждую повѣсть, въ которой, хотя мимоходомъ, являются лица военнаго сословія. (Въ двухъ повѣстяхъ, на которыя указываетъ полковникъ Штюмеръ, военныя лица являются только мимоходомъ). Сообразно такому понятію, если въ повѣсти, хотя мимоходомъ, является купецъ, она должна быть препровождаема изъ гражданской цензуры въ департаментъ Министерства Внутреннихъ дѣлъ, занимающійся городскими дѣлами. Если являются государственный, удѣльный и дворцовый крестьяне, повѣсть должна перебивать поочередно въ Министерствахъ: Государственныхъ Имуществъ, Удѣловъ и Императорскаго Двора.

Полковнику Штюмеру, какъ видно изъ его претензіи, неизвѣстны первыя основанія нашего ценсурнаго устройства. Общая цензура должна передавать на разсмотрѣніе частной цензуры того или другого вѣдомства только тѣ статьи, которыя касаются какихъ-нибудь административныхъ или законодательныхъ вопросовъ по этому вѣдомству. Если бы каждое упоминаніе о лицѣ какого-нибудь званія вело къ послыскъ статьи на разсмотрѣніе того вѣдомства, которому подчинено это званіе, каждая повѣсть должна была бы два три года бродить по десяткамъ различныхъ вѣдомствъ, потому что въ каждой выводится много лицъ самыхъ разнородныхъ званій.

Если претензія полковника Штюмера на гражданскую цензуру за неприсылку на его разсмотрѣніе повѣстей, которыхъ гражданская цензура и не должна была присылать къ нему, доказываетъ незнакомство его съ главными основаніями Ценсурнаго Устава, то рассказъ его о содержаніи этихъ повѣстей обнаруживаетъ совершенную непривычку къ чтенію и пониманію литературныхъ произведеній.

Но вотъ отъ литературныхъ журналовъ полковникъ Штюмеръ пере-

ходить къ „Военному Сборнику“: тутъ мы должны быть внимательнѣе чтобы видѣть степень его добросовѣстности. Вотъ его подлинныя слова: „Въ іюньской книжкѣ Военнаго Сборника помѣщено весьма неутѣшительное для „военныхъ людей открытіе, что служба офицера безцвѣтна, скучна не представляетъ никакой пищи для ума, и потому приводитъ нѣкоторыхъ къ „пьянству““.

На какихъ страницахъ іюньской книжки „Военнаго Сборника“ полковникъ Штюмеръ нашелъ это открытіе? Вотъ на какихъ. Одинъ изъ офицеровъ, служившихъ въ армейской пѣхотѣ, говоритъ, что когда онъ стоялъ со своимъ взводомъ одинъ въ деревнѣ, то ему было очень скучно, потому что помѣщиковъ кругомъ не было, а товарищи, по расположенію полка на просторныхъ квартирахъ, стояли очень далеко отъ этой деревни, и что ему прекраснымъ развлеченіемъ послужила охота. Онъ совѣтуетъ испробовать это развлеченіе тѣмъ офицерамъ, которые подобно ему живутъ разбросанно и поодиоцкѣ на просторныхъ квартирахъ, и предлагаетъ свои совѣты о томъ, какъ обзавестись ружьемъ и собакою для охоты; потомъ говоритъ, что солдаты также съ удовольствіемъ занимаются охотою, и если офицеръ при расположеніи на просторныхъ квартирахъ позволить имъ иногда, въ свободное время, это развлеченіе, то оно будетъ полезно и для здоровья солдатъ и для самой службы, потому что солдаты приучатся къ вѣрной стрѣльбѣ.

Мы просимъ прочесть всю эту небольшую статейку въ подлинникѣ *), чтобы убѣдиться, какъ она невинна. Впрочемъ, и по самому содержанію ея уже легко отгадать, что статья эта написана совершенно спокойнымъ тономъ, съ теплымъ сочувствіемъ къ армейскому офицеру, съ единственнымъ желаніемъ нѣкоторой пользы и этому офицеру и самой службѣ. Но полковникъ Штюмеръ набралъ прилагательныхъ именъ съ разныхъ страницъ, прибавилъ нѣсколько существительныхъ собственнаго изобрѣтенія (напримѣръ, слово „пьянство“, — этого слова нѣтъ въ статьѣ); замѣнилъ другія выраженія автора фразами собственнаго изобрѣтенія (напримѣръ: „Служба офицера не представляетъ никакой пищи для ума“, — этой фразы нѣтъ въ цѣлой статьѣ), приписалъ свое изобрѣтеніе автору статьи и такимъ образомъ сдѣлалъ „открытіе“, присочинивъ еще, будто бы авторъ говорилъ вообще о службѣ офицера, между тѣмъ какъ авторъ говорилъ только о случаяхъ одинокой жизни офицера, которому пришлось стоять одному вдалекѣ отъ всѣхъ товарищей. Эта недобросовѣстность превосходитъ всякое вѣроятіе.

Далѣе полковникъ Штюмеръ осуждаетъ два отрывка изъ двухъ статей, помѣщенныхъ въ майской книжкѣ „Военнаго Сборника“, искажая приводимые отрывки по тому же способу. Полковникъ Штюмеръ не хотѣлъ замѣтить, что первый изъ приводимыхъ имъ отрывковъ принадлежитъ не „Военному Сборнику“, а „Морскому Сборнику“, изъ котораго перепечатанъ въ „Военномъ Сборникѣ“. Такимъ образомъ, мнѣніе полковника Штюмера о предметахъ чести расходится съ мнѣніемъ морского начальства, издаю-

*) Ружейная охота въ примѣненіи къ военному дѣлу и военной жизни. „Военный Сборникъ“ № 2-й.

шаго „Морской Сборникъ“, и съ понятіями самого Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Константина Николаевича, принимающаго столь близкое участіе въ этомъ изданіи. Вторая же изъ статей, безчестящихъ по мнѣнію полковника Штюмера русскую армію, есть „Голосъ изъ Арміи“, — статья, одобренная къ печатанію самимъ Его Величествомъ Государемъ Императоромъ, о чемъ хранится въ редакціи „Военнаго Сборника“ письменное засвидѣтельствованіе. Замѣтимъ, что эта статья („Голосъ изъ Арміи“) болѣе всѣхъ другихъ статей доставила полковнику Штюмеру матеріаловъ для его особенной записки о „Военномъ Сборникѣ“. Такимъ образомъ, мысли, одобренныя Государемъ Императоромъ, наиболѣе безчестятъ, по мнѣнію полковника Штюмера, Русскую Армію. Какимъ путемъ дерзкихъ искаженій достигъ онъ до такого ужаснаго результата, совершенно раскрывается сличеніемъ его записки о „Военномъ Сборникѣ“ съ подлиннымъ текстомъ „Военнаго Сборника“. Подобнымъ образомъ онъ искажаетъ и статьи другихъ журналовъ, имъ упоминаемыхъ, и заканчиваетъ свои добросовѣстные выписки слѣдующимъ заключеніемъ:

„Такимъ образомъ, русская публика, въ послѣдніе три мѣсяца, освѣдомилась изъ трехъ лучшихъ журналовъ (Современникъ, Отечественныя Записки и Военный Сборникъ), что офицеры нашей Арміи невѣжды, пьяницы и воры!...“

Это клевета на гражданскую цензуру, которая никакимъ образомъ не позволила бы выражаться о русскихъ офицерахъ столь площадными словами. Полковнику Штюмеру позволительно предполагать, что подобная клевета не покажется неправдоподобною: онъ не знаетъ Ценсурнаго Устава. Въ „Военномъ Сборникѣ“ ни разу не употреблены эти грязныя слова. Можно ругаться за то, что не найдется ихъ и ни въ какомъ русскомъ журналѣ. Если называть русскихъ офицеровъ невѣждами, пьяницами и ворами, значитъ „стремиться къ униженію и представленію на поруганіе военной службы“, какъ говоритъ далѣе полковникъ Штюмеръ, то это стремленіе принадлежитъ исключительно одному полковнику Штюмеру, который первый и одинъ отважился сочетать эти слова съ словомъ Русскій Офицеръ.

Способъ передачи литературныхъ произведеній полковникомъ Штюмеромъ напоминаетъ извѣстный рассказъ деньщика о томъ, какую „комедію“ видѣлъ онъ въ театрѣ *): „Дѣвушка, красивая изъ себя такая, завела шапни съ чернымъ такимъ генераломъ; генераль-то мужчина ужъ въ лѣтахъ, однако такой видный и здоровый; извѣстно, убѣжала къ нему отъ отца. Нашли ее черезъ полицію, привели въ кварталъ; отецъ ее принялся ругать; а она ему, безстыдница, прямо въ глаза говоритъ: „я съ моимъ чернымъ по любви живу, съ нимъ связь имѣю“. Нечего дѣлать, надо стыдъ прикрыть, повѣнчали. Только вотъ, долго ли, коротко ли, завелся у чорнаго-то генерала адъютантъ, молодой такой, ловкій, да и подѣхалъ къ генеральской женѣ, чтобы себѣ мѣсто хорошее черезъ нее получить. Она съ дуру-то и попроси мужа за своего любовника, а сама любовнику подарила платокъ мужнинъ. Генераль-то какъ увидѣлъ свой платокъ у любовника, догадался; ну, и

*) Противъ этого мѣста имѣется помѣтка Военнаго министра: „полагаю выпустить“.

добрые люди то же ему рассказали. Онъ говоритъ: когда дѣвическаго своего стыда не сберегла со мной, такъ и мужина стыда, извѣстно не сбережетъ. Возьми генералъ, да и удуши жену, — въ пьяномъ видѣ былъ; ну, а какъ хмѣль-то прошелъ, онъ видитъ, плохо дѣло, самому въ Сибирь идти, за смертоубійство то-есть; ну, наложилъ на себя руки“.

Такъ одинъ изъ посябителей театра понялъ и пересказалъ содержаніе „Отелло“. Точно также полковникъ Штюмеръ передаетъ содержаніе тѣхъ немногихъ повѣстей и статей, которыя удалось ему прочесть.

Нѣтъ сомнѣнія, что человѣкъ съ подобнымъ развитіемъ и подобною добросовѣстностью совершенно способенъ понимать условія, при которыхъ литература можетъ существовать и приносить пользу. Онъ начинаетъ философствовать объ эстетикѣ и греческой мифологіи, начинаетъ законодательствовать въ литературѣ. Утвердившись на такихъ основаніяхъ, онъ начинаетъ давать совѣты литературѣ *).

Онъ говоритъ, во первыхъ, что литература „должна преслѣдовать только тѣ пороки и недостатки, которые дѣйствительно существуютъ, и представлять типы, дѣйствительно взятые изъ среды общества“; но именно такъ и дѣйствуетъ русская литература. Всѣ повѣсти и статьи, на которыя онъ нападаетъ, могутъ служить тому примѣромъ. Въ одной изъ нихъ („Внукъ русскаго милліонера“) изображается, какимъ образомъ богатый купеческій сыночекъ проматываетъ наслѣдство, доставшееся ему послѣ дѣда, — развѣ этотъ типъ не дѣйствительно взятъ изъ среды общества? Что другая повѣсть или, точнѣе говори, романъ („Тысяча душъ“), вѣрно изображаетъ дѣйствительную жизнь нашихъ губернскихъ городовъ, это рѣшено всею русскою публикою, которая съ громкимъ одобреніемъ приняла превосходный романъ одного изъ первыхъ писателей нашего времени. О томъ, скучно ли жить одному въ деревнѣ, вдали отъ всѣхъ товарищей (первая изъ статей Военнаго Сборника, осуждаемыхъ полковникомъ Штюмеромъ), можетъ сказать каждый армейскій офицеръ. О томъ, выдуманные ли факты изображены въ отрывкѣ изъ „Морского Сборника“, который также осуждается полковникомъ Штюмеромъ, можетъ свидѣтельствовать Морское начальство. Взятые ли изъ дѣйствительности факты, изображаемые въ третьей статьѣ („Голосъ изъ арміи“) благоволилъ рѣшить самъ Государь Императоръ, удостоившій своего одобренія эту статью, особенно осуждаемую полковникомъ Штюмеромъ.

Итакъ, вѣрны ли дѣйствительности, правдивы ли тѣ статьи, которыя осуждаются полковникомъ Штюмеромъ? Лучше было бы ему не поднимать этого вопроса, который не можетъ быть рѣшенъ въ его пользу.

Вторымъ правиломъ для литературы, полковникъ Штюмеръ ставитъ: „Не представлять явленіями общими тѣхъ недостатковъ и пороковъ, которые составляютъ случаи частные, встрѣчающіеся рѣдко“. Нельзя не улыбнуться, видя, что эта мысль, относящаяся къ дарованію, а вовсе не къ направленію беллетриста, ставится полковникомъ Штюмеромъ за общее правило для всей литературы. Беллетристъ талантливый всегда изображаетъ такіе типы, которые не составляютъ случаевъ частныхъ, а принадлежатъ

*) Противъ этого мѣста имѣется помѣтка Военнаго министра: „ругательства“.

къ характеристическимъ чертамъ общественной жизни; писатель безъ таланта никакъ не умѣетъ достичь этого. Итакъ, полковникъ Штюмеръ ставить въ обязанность ценсурѣ запрещать все написанное беллетристами мало-талантливыми. Къ чему такое жестокосердіе къ людямъ и безъ того уже обиженнымъ природою? Не лучше ли согласиться съ ценсурнымъ уставомъ, который предписываетъ ценсурѣ судить о направленіи писателя, предоставляя уже публикѣ разбирать, сколько таланта имѣетъ писатель. Но забавнѣе всего, что эстетическое качество, возводимое полковникомъ Штюмеромъ на степень ценсурнаго правила, можетъ относиться только къ беллетристикѣ, а полковникъ Штюмеръ хочетъ поставить его закономъ для всѣхъ отраслей литературы. Какимъ образомъ, напримѣръ, составить хотя бы статью о войнѣ 1812 года, если литературѣ не слѣдуетъ изображать „случаевъ частныхъ, встрѣчающихся рѣдко?“ Вѣдь каждое историческое событіе происходило только одинъ разъ, составляетъ частный случай.

Послѣднее изъ своихъ правилъ полковникъ Штюмеръ излагаетъ въ такомъ странномъ видѣ, что одна фраза его прямо противорѣчитъ другой. Вотъ начало: „Въ отношеніи пороковъ и злоупотребленій, караемыхъ законами, достаточно, чтобы законы исполнялись; а потому, литературѣ остается только представлять на судъ публики всю гнусность зла“. Эти слова означаютъ, что литература должна обличать зло, караемое закономъ. Прекрасно; но что далѣе? „Нерѣдко случается также, что подробныя описанія злоупотребленій научаютъ плутовъ тому, чего они еще не знали“. Стало бытъ литература должна скрывать зло? И какая вѣрная мысль: плуты научаются плутовать изъ литературныхъ разсказовъ, карающихъ плутовство! Послѣ этого воры не научаются ли воровать изъ Уложенія о преступленіяхъ? Иной воръ, напримѣръ, занимался простымъ воровствомъ: но вотъ онъ прочелъ въ Уложеніи о преступленіяхъ, что другіе занимаются воровствомъ со взломомъ, и самъ принимается производить воровство со взломомъ. А другой прочтетъ въ томъ же Уложеніи статью объ изнасилованіи малолѣтнихъ дѣвушекъ, подумаетъ про себя: „такъ вотъ что, значить, возможно насиловать малолѣтнихъ дѣвушекъ!“ и тотчасъ же изнасилуетъ какую-нибудь несчастную дѣвочку.

Составивъ общія правила, онъ занимается далѣе примѣненіемъ ихъ къ военному сословію.

„Военное сословіе составляетъ, какъ и всѣ другія, часть народа. Оно имѣетъ какъ общія, какъ и свои собственныя страсти, недостатки и пороки. Оно не лучше и не хуже другихъ сословій и подлежитъ наравнѣ съ прочими литературному представленію дурной стороны ума и сердца“.

Справедливо. Но въ такомъ случаѣ о чемъ же хлопотать, зачѣмъ говорить, что честь военного званія унижается, когда оно подвергается литературному изображенію точно въ такой же степени какъ прочія сословія, которыя нимало не принимаютъ за оскорбленіе своей чести такіа изображенія?

Но, продолжаетъ полковникъ Штюмеръ, при этомъ не должно однакожь забывать, что военное званіе „основано главнѣйше на сознаніи и охраненіи чести каждаго лица отдѣльно, каждой отдѣльной части войскъ и всей

„арміи. Безъ глубокаго чувства чести прочія военныя доблести почти не-
„возможны; онѣ, какъ бы листы великолѣпнаго древа воинской славы—вы-
„растаютъ всѣ изъ двухъ корней: присяги и чести“. Прекрасная картина!
Жаль одного: листья на деревьяхъ вырастаютъ не изъ корней, а изъ вѣтвей,
вѣтви изъ ствола, и уже стволъ изъ корня. Но продолжаемъ слушать
полковника Штюмерера: „Въ каждой арміи, говоритъ онъ, могутъ быть
„хвастуны, лгуны, жестокосердые, хитрецы, скупые и даже безнравственные
„офицеры; но объ офицерахъ плутахъ, пьяницахъ, трусахъ, ворахъ и т. п.
„говорить нечего,—ибо еслибъ такой офицеръ встрѣтился, то онъ по закону
„исключается изъ службы“. Но законъ также исключаетъ изъ гражданской
службы взяточниковъ, слѣдовательно и о нихъ также нечего говорить?
Боже мой! именно о томъ-то и говорится, исполняется ли законъ?—это во-
первыхъ. А во-вторыхъ, въ цѣлой Россіи одинъ только полковникъ Штю-
меръ осмѣливается говорить объ офицерахъ „плутахъ, пьяницахъ, трусахъ,
„ворахъ и т. п.“. Никто другой не употребляетъ такихъ грязныхъ словъ.
Но слушаемъ далѣе. „Представлять такого рода типы есть тоже самое,
„что говорить о сфинксахъ или центаврахъ“. Мысль полковника Штю-
мера имѣетъ сильную склонность къ сфинксамъ, которые растерзываютъ не-
винныхъ людей. Она уже не въ первый разъ склоняется къ этимъ чудови-
щамъ. Излагая свое первое правило, полковникъ Штюмеръ уже говорилъ,
что литература не должна представлять „страсти и злодѣянія сфинксовъ,
„центавровъ и сильфидъ“. За что такъ беречь чудовищъ? Но слушаемъ
далѣе.

„Въ Германіи, въ Англіи и даже во Франціи, гдѣ литературная
„письменность часто употреблялась во зло, никто не осмѣлится представить
„позорную картину офицера“. Будто бы въ самомъ дѣлѣ французскіе, нѣ-
мецкіе и англійскіе романы и повѣсти не осмѣливаются изображать фран-
цузскихъ, нѣмецкихъ и англійскихъ офицеровъ съ невыгодной стороны?
Изъ этого видно, что полковникъ Штюмеръ знаетъ иностранныя литера-
туры не такъ хорошо, какъ Ценсурный Уставъ.

„Гдѣ не имѣется цензуры (продолжаетъ онъ), тамъ существуютъ обыкно-
„венно особые законы, ограждающіе военное сословіе отъ печатныхъ напад-
„ковъ и оскорбленій“. Гдѣ же это существуютъ такіе особенные законы!
Ни въ одномъ изъ государствъ Западной Европы ихъ нѣтъ. А гдѣ нѣтъ
такихъ законовъ, продолжаетъ онъ, тамъ офицеры сами должны защищать
себя; и въ примѣръ всѣмъ офицерамъ Русской Арміи приводитъ дуэль фран-
цузскихъ подпоручиковъ съ Пенномъ. Мы уже разбирали эту исторію, кото-
рая служить представительницею понятій полковника Штюмерера о чести.
Такъ вотъ чего онъ хочетъ: онъ хочетъ, чтобы русскіе офицеры, подобно
нѣкоторымъ французскимъ подпоручикамъ, обижались тѣмъ, въ чемъ нѣтъ
ничего обиднаго, и сами себя дѣлали смѣшными такой щепетильностью. Онъ
хочетъ, чтобы офицеры Русской Арміи исполняли предположеніе „Статскаго“,
разговаривающаго съ „Военнымъ“ у Гоголя (въ „Разъѣздѣ изъ театра“):
Вѣдь вотъ, вы какіе, господа военные! Вы готовы вдоволь посмѣяться надъ
какимъ-нибудь статскимъ чиновникомъ, а затронъ какъ-нибудь военныхъ,
скажи только, что есть офицеры, — не говоря уже о прочихъ наклонно-

стяхъ, — но просто скажи: „есть офицеры дурнаго тона, — да вы изъ одного этого готовы съ жалобой полѣзть въ самый государственный совѣтъ“. Именно такъ понимаетъ честь полковникъ Штюмеръ. Но о чести мы не будемъ разсуждать съ полковникомъ Штюмеромъ, потому что чести нѣтъ безъ добросовѣстности *).

Далѣе представляетъ онъ ужасающую картину послѣдствій отъ такихъ страшныхъ обидъ, какія нанесены были Русской Арміи пятью тысячами восемьюстами офицеровъ, одобравшихъ „Военный Сборникъ“. Чего тутъ нѣтъ! — и никто изъ молодыхъ людей не пойдетъ въ военную службу, и начальства никто не будетъ уважать, и Россія потеряетъ свой голосъ въ европейскихъ дѣлахъ, и внутренняя безопасность исчезнетъ, если Правительство не запретитъ русскимъ писателямъ говорить, что иногда офицеры посягаютъ московскихъ цыганъ и петербургскія Минеральныя воды.

Усердіе защищать сфинксовъ и другихъ чудовищъ — качество, достойное всякаго уваженія; но добросовѣстность и истинное понятіе о чести, это качества еще болѣе важныя. Примѣромъ послѣдняго служила намъ дуэль французскихъ подпоручиковъ. Доказательствъ добросовѣстности мы видѣли много, но еще больше увидимъ въ запискѣ о „Военномъ Сборникѣ“; она — документъ образцовый въ своемъ родѣ.

*) Противъ этого мѣста имѣется помѣтка Военнаго министра: „опять ругательство“.

СЛИЧЕНІЕ ЗАПИСКИ

полковника Штюрмера о „Военномъ Сборникѣ“ съ подлиннымъ текстомъ
Сборника.

ЗАПИСКА ПОЛКОВНИКА ШТЮРМЕРА *).

ЦѢЛЬ ЖУРНАЛА, УКАЗАННАЯ
ПРАВИТЕЛЬСТВОМЪ.

Въ объявленіи объ этомъ изданіи
сказано было, что оно „предпри-
нимается съ цѣлью доставить офице-
рамъ всѣхъ оружій занимательное и
„полезное чтеніе и въ то же время
„каждому наблюдательному и желаю-
„щему общей пользы офицеру дать
„средство сообщать своимъ товари-
„щамъ по оружію наблюденія и за-
„мѣчанія свои о всѣхъ предметахъ,
„касающихся матеріальнаго быта на-
„шихъ войскъ“.

ВЫЗОВЪ СОТРУДНИКОВЪ.

При вызовѣ сотрудниковъ, редак-
ція объявила, „что „Военный Сбор-
„никъ“ тогда только можетъ достичь
„указанной правительствомъ благой
„цѣли своего изданія, когда онъ сдѣ-

ПОДЛИННЫЯ ВЫПИСКИ ИЗЪ „СБОРНИКА“.

Это объявленіе удостоено было Высочайша-
го одобренія Государя Императора.

*) Въ этомъ обзорѣ „Военнаго Сбор-
ника“ рассмотрѣны только тѣ статьи,
о которыхъ можно сдѣлать какія ли-
бо замѣчанія. О прочихъ статьяхъ
здѣсь не упоминается.

ЗАПИСКА ПОЛКОВНИКА ШГЮРМЕРА.

„дается органомъ прогресса въ нашей
„арміи, когда практическіе и мысля-
„щіе люди будутъ видѣть въ немъ
„проводникъ гласности для своихъ
„идей, плода ихъ опыта и наблюда-
„тельности“.

ГЛАСНОСТЬ.

Изъ письма г. Н. О. Т., помѣщен-
наго въ журналъ съ признательностью
редакціи и принятаго ею за „отголо-
сокъ сочувствія арміи къ цѣли „Воен-
наго Сборника“, видно (стр. 77), что
„впечатлѣніе, произведенное вѣстью
„объ этомъ изданіи, особенно прояви-
„лось въ молодыхъ офицерахъ“. Впе-
„чатлѣніе это выразилось слѣдующи-
„ми словами: „Итакъ у насъ есть
„теперь свой журналъ, свой магазинъ
„наблюденій и мыслей, есть органъ,
„посредствомъ котораго мы можемъ
„высказать все, что сильно занимаетъ
„насъ, что затрагиваетъ за живое“,
и проч. (стр. 77).

Другой офицеръ говоритъ (стр. 93):
„Правительство дозволило каждому
„гласно высказывать свои мысли о
„дѣлахъ важныхъ для общаго блага“.

„Говорить о важности гласнаго вы-
„раженія общественнаго мнѣнія, раз-
„бирать послѣдствія этой благодѣ-
„тельной мѣры и доказывать ея поль-
„зу—совершенно излишне; объ этомъ
„было уже такъ много говорено, что
„если въ настоящее время и есть про-
„тивники гласности, люди, имѣющіе
„причины желать келейности и скрыт-
„ности, то и они даже не рѣшаются
„сознаться въ своихъ предубѣжде-
„ніяхъ публично“.

По мнѣнію третьяго (стр. 248):
„весьма важно еще то обстоятельство,
„что одинъ журналъ помѣщаетъ на
„своихъ страницахъ безъ затрудненія
„разныя замѣтки офицеровъ, касаю-
„щіяся ихъ служебныхъ обязанностей,
„и въ нихъ свободно дозволяетъ вы-
„сказывать иногда очень горькую
„правду“.

„Такое направленіе журнала, ко-
„нечно, возможно только при глубо-
„комъ убѣжденіи въ пользѣ гласности,

подлинныя выписки изъ „Сборника“.

Письмо это („Голосъ изъ Арміи“) было удо-
стоено Высочайшаго одобренія Государя Импе-
ратора.

ЗАПИСКА ПОЛКОВНИКА ШТЮРМЕРА.

„которая одна и может вывести насъ на настоящій и твердый путь къ совершенствованію“.

Изъ приведенныхъ отъзывовъ видно, что гласность довольно заманчива. Въ этомъ нѣтъ еще ничего предосудительнаго, напротивъ того, гласность мнѣній просвѣщенныхъ и опытныхъ людей, невыходящая изъ предѣловъ благоразумія и законовъ, признается правительствомъ весьма полезною. Но достигаются ли эти условія въ „Сборникѣ“?—это обнаружить послѣдующій разборъ.

Статьи: а) „Голосъ изъ Арміи“ (стр. 77), б) „Мысли по поводу преобразованій въ артиллеріи“ (стр. 93), в) „Замѣтки командира стрѣлковой роты“ (стр. 111), д) „Потановъ, изъ воспоминаній козака. Разсказъ“ (стр. 163),—коими на вызовъ редакціи откликнулись офицеры пѣхотный, артиллерійскій, стрѣлковый и козачій, заслуживаютъ особаго вниманія, съ одной стороны по важности разсматриваемыхъ предметовъ и видимому сходству (почти тождественности) взгляда на оныя, а съ другой потому, что случайное совокупленіе сихъ четырехъ голосовъ можетъ быть принято, неопытнымъ читателемъ, за гласъ большинства всей арміи, за несомнѣнную истину. Если прибавить къ сему разборъ статьи „Морскаго Сборника“ „Старыя мысли на новое дѣло“, помѣщенный въ „Обозрѣвіи военныхъ журналовъ“ (стр. 239), то ареопагъ судей сухопутной арміи дополнится еще однимъ членомъ, представителемъ флота.

Одинъ изъ нихъ, основываясь на опытѣ 10-лѣтней своей службы, замѣчаетъ (стр. 111), что „гуманныя идеи, проникая весь составъ русскаго общества, заглянули и въ военный бытъ, но коснулись его слишкомъ поверхностно, мимоходомъ, не отразились во всѣхъ мелочахъ нравственнаго быта солдатъ“. А потому авторъ „беретъ смѣлость сказать нѣсколько словъ по этому поводу“. Но всѣ голоса весьма сход-

ПОДЛИВНЫЯ ВЫПИСКИ ИЗЪ „СБОРНИКА“.

Первая изъ этихъ статей, „Голосъ изъ Арміи“, была удостоена прочтеніемъ и одобрена къ печати Государемъ Императоромъ. Статья „Замѣтки командира Стрѣлковой роты“, написанная однимъ изъ офицеровъ Л.-гв. Измайловскаго полка, была прочитана предварительно командиромъ полка, который самъ можетъ засвидѣтельствовать, что болѣе благородной и болѣе благонамѣренной статьи—быть не можетъ. Изъ этихъ-то двухъ статей по преимуществу и составлены искаженные выписки г. цензора.

ЗАПИСКА ПОЛКОВНИКА ШТЮРМЕРА

ны между собою, слѣдовательно приличнѣе будетъ привести по порядку подлинныя ихъ выраженія.

РАЗБОРЪ СТАТЕЙ ПО ПРЕДМЕТАМЪ.

а) „Недостатковъ (стр. 78) и грѣшковъ у насъ довольно много, и даже крупныхъ. Теперь, когда вездѣ такъ громко заговорили о взяточничествѣ и казнокрадствѣ, когда возстановляются болѣе человѣческія отношенія между помѣщиками и крестьянами, пора и намъ ближе осмотрѣться вокругъ себя“.

СОЛДАТО-КРАДСТВО.

„У насъ (стр. 81) надъ солдатамъ тяготѣетъ постоянная, непрываемая взятка. Солдато-крадство, несмотря на сильныя мѣры противодѣйствія со стороны правительства, еще образуетъ, какъ извѣстно, довольно правильно организованное ремесло нашего брата. Здѣсь нечего говорить, на сколько эта язва имѣетъ своею причиною недостатокъ законныхъ средствъ къ безбѣдной жизни *), на сколько она развивается всеобщимъ примѣромъ подобныхъ обычаевъ и косвеннымъ вынужденіемъ стоящихъ выше **) на длинной лѣстницѣ солдато-крадства. Солдаты очень хорошо знаютъ, гдѣ его фунты провіанта....“ и т. д.

ПОДЛИННЫЯ ВЫПИСКИ ИЗЪ „СБОРНИКА“.

Эта выписка окончена не на точкѣ и даже не на запятой, а на серединѣ фразы. Въ подлинникѣ такъ: „пора и намъ, ближе осмотрѣвшись вокругъ себя и построже провѣривъ свои дѣла, этимъ явленіемъ въ жизни общества гражданскаго искать соответственныхъ у себя дома,—въ жизни общества военнаго“ (стр. 78).

Безъ окончанія фразы, намѣренія автора скрыты и могутъ быть истолкованы произвольно.

Выписка начата г. цензоромъ съ середины фразы, а заканчивается словами совершенно другого параграфа. Въ подлинникѣ смыслъ далеко не тотъ, какой выходитъ у г. ценсора.

„Мы никогда не прочь бросить камешекъ въ огородъ взяточника чиновника. Но тамъ берется взятка съ лица болѣе или менѣе заинтересованнаго, а у насъ надъ солдатамъ тяготѣетъ постоянная, непрываемая взятка. Солдато-крадство, несмотря на сильныя мѣры противодѣйствія со стороны правительства, еще образуетъ, какъ извѣстно, довольно правильно организованное ремесло нашего брата. Здѣсь нечего говорить, на сколько эта язва имѣетъ своею причиною недостатокъ законныхъ средствъ къ безбѣдной жизни; на сколько она развивается всеобщимъ примѣромъ подобныхъ обычаевъ и косвеннымъ вынужденіемъ стоящихъ выше на длинной лѣстницѣ солдато-крадства: для насъ важнѣе то, что это гнусное обыкновеніе, независимо отъ названныхъ вѣтвѣйшихъ обстоятельствъ, главнымъ образомъ поддерживается, находитъ себѣ защиту въ понятіяхъ всего нашего общества, признающаго солдато-крадство дѣломъ весьма обыкновеннымъ, благоразумнымъ, и только: наконецъ, оно находитъ себѣ поддержку и въ условной нашей честности, по которой мы отворачиваемся съ негодованіемъ отъ человѣка, вынудившаго тихою дѣйствіемъ изъ чужаго кошелька; очень строги, если деньщикъ нашъ показываетъ купленные имъ для насъ вещи дороже, нежели заплатилъ за нихъ,—а между тѣмъ не задумываемся дѣлать тоже самое съ суммами, назначенными для солдата, солдата, наиболѣе заслуживающаго пощады въ этомъ отношеніи.

*) Скудное жалованье.

**) Начальниковъ.

ЗАПИСКА ПОЛКОВНИКА ШТЮРМЕРА.

ПОДЛИННЫЕ ВЫПИСКИ ИЗЪ „СБОРНИКА“.

Взятки козачьяго начальства составляютъ предметъ особой повѣсти подъ заглавіемъ „Потаповъ“ (стр. 162—189).

Козачьему артиллерійскому офицеру простой козакъ рассказываетъ съ негодованіемъ, какъ жестоко прежній полковой командиръ, лютой прелютой, сѣрый волкъ задурилъ, какъ безсовѣстно бралъ онъ взятки съ козаковъ, между тѣмъ какъ жена его, мать командерша, обирала станичныхъ женщинъ. Къ счастью этого взяточника смѣнилъ неженатый полковой командиръ, „чудный человекъ“, которому крѣпко поправился хорунжій Потаповъ, товарищъ по корпусу автора этого рассказа.

Потаповъ въ свою очередь рассказываетъ товарищу о благородныхъ правилахъ своего командира, „который окруженъ лѣнтяями и взяточниками, заваленъ кляузными дѣлами, день и ночь сидитъ за бумагами, и изъ котораго всѣ ненавидятъ за его честность.“

Повѣсть оканчиваются тѣмъ, что молодой Потаповъ, воспитанный въ корпусѣ, съ сердцемъ, открытымъ для всего благороднаго и умомъ возвышеннымъ, преданъ, за пристрастное производство слѣдствія надъ отцомъ любимой имъ дѣвушки, военному суду, вмѣстѣ съ благороднымъ своимъ командиромъ. Взятчники торжествуютъ нахально и отвратительно. Потаповъ

„Гдѣ же, въ такомъ случаѣ, нравственное вліяніе начальника части на его подчиненныхъ, которое онъ необходимо долженъ имѣть, кромѣ officialнаго, собственно служебнаго;— гдѣ его примѣръ для нихъ? Какимъ образомъ возможно внушеніе солдату словомъ, когда онъ очень хорошо знаетъ, гдѣ его фунты провіанта?... Мало того, что офицеръ связанъ въ преслѣдованіи младшихъ себя въ различныхъ плутняхъ, онъ не можетъ войти во всѣ подробности домашняго быта солдата, не предполагая къ себѣ съ его стороны ни симпатіи, ни довѣренности“ (стр. 81—82).

Примѣчаній, сдѣланныхъ у г. цензора, что недостатокъ средствъ означаетъ „скудное жалованье“ и что стоящіе выше суть „начальники“, въ подлинникѣ нѣтъ.

Г. ценсоръ не приводитъ выписокъ изъ этой повѣсти, а передаетъ ея содержаніе по своему усмотрѣнію. Въ дѣйствительности же она имѣетъ другой смыслъ.

1) Козакъ, рассказывая Потапову о злоупотребленіяхъ прежняго своего командира, начинаетъ съ того, что командиръ „давнымъ давно смѣненъ. А нынѣ (говоритъ козакъ) у насъ другіе порядки пошли. Во всемъ себѣ у начальства защиту видимъ“ (стр. 165).

2) Цѣль статьи г. ценсоръ повялъ слишкомъ односторонне. Слова Потапова, находящагося подъ судомъ за лицепріятіе, оказанное имъ въ слѣдственномъ дѣлѣ отца любимой имъ дѣвушки, свидѣлствуютъ о желаніи автора указать читателю, что уклоненіе отъ правды и справедливости никогда не можетъ быть извинительно.

3) Фраза, представленная въ выпискѣ г. цензора, не есть подлинная, а составлена изъ отдѣльныхъ словъ, собранныхъ изъ всей 170 страницы.

4) Что Потаповъ умеръ безъ священника,— это предположеніе самого г. цензора. Конецъ статьи не оставляетъ никакого сомнѣнія, что Потаповъ исполнилъ всѣ свои духовныя обязанности. За часъ до смерти онъ еще спрашивалъ, отслужили ли по его приказанію благодарственный молебенъ за Государя. Какую цѣль имѣлъ г. ценсоръ, дѣлая свою помѣтку о священникѣ? Зачѣмъ также въ послѣдней фразѣ слова „ремесло нашего брата“, онъ замѣнилъ словами: *ремесло начальниковъ*.

записка полковника Штюмера.

дѣлается горькимъ пьяницею и умираетъ безъ священника.

Трудно постигнуть, какую цѣль имѣетъ эта повѣсть? Какую пользу могутъ принести нападки на солдатокрадство, представляемое не какъ гнусный порокъ, осужденный общественнымъ мнѣніемъ и составляющій рѣдкое исключеніе, „но какъ довольно организованное ремесло начальниковъ“ (стр. 82).

Перехожу къ другому предмету.

отношенія офицера къ солдату.

а) „Мы пѣхотинцы (говорить безымянный на стр. 78) принадлежимъ къ такого рода оружію, гдѣ главное дѣло, гдѣ впереди всего человекъ, и потому отношенія офицера къ солдату должны стать на ряду самыхъ капитальныхъ вопросовъ нашего быта“.

„Въ ежедневныхъ столкновеніяхъ съ солдатами, рѣдкій изъ насъ откажется отъ какого-то презрительнаго тона, отъ какой-то отталкивающей вѣтерпѣливости. Въ Крыму французскіе офицеры были поражены ненатуральностью нашихъ отношеній къ солдату. Хотя они не звали *иныхъ условий* нашей военной организаціи и раздѣленія русскаго общества на сословія, но тѣмъ не менѣе нельзя не видѣть въ этомъ въ некоторой доли истины. Подобное поведение офицера относительно солдатъ порождено барскимъ, сословнымъ взглядомъ, и перенесено на службу изъ житейской среды“.

Какія это особые условия? Отношенія нижнихъ чиновъ къ офицерамъ опредѣлены у насъ, какъ и во всякой другой арміи, Военскимъ уставомъ, что и называется дисциплиною.

Русское общество раздѣляется на сословія, но разница происхожденія устранима изъ всѣхъ служебныхъ отношеній между лицами составляющими армію. Для сихъ отношеній есть чины высшіе и низшіе, но сословій въ военной службѣ нѣтъ.

подлинные выписки изъ „Сборника“.

Эта небольшая выписка составлена изъ фразъ, выбранныхъ изъ двухъ страницъ (78 и 79), при чемъ г. цензоръ опустилъ всѣ тѣ фразы, отъ которыхъ зависитъ пониманіе самой сущности дѣла, и не затруднился исказить остальное.

Вотъ что написано въ подлинникѣ:

„Мы, пѣхотинцы, принадлежимъ къ такого рода оружію, гдѣ главное дѣло, гдѣ впереди всего — человекъ, и потому отношенія офицера къ солдату должны стоять на ряду самыхъ капитальныхъ вопросовъ нашего быта.“

„Характеръ, который мы даемъ этимъ отношеніямъ, иногда бываетъ не только не согласенъ съ нравственнымъ чувствомъ, но и со стороны практической имѣетъ вредное, если не сказать пагубное вліяніе на успѣхъ самой службы.“

„Въ ежедневныхъ постоянныхъ столкновеніяхъ съ солдатами, рѣдкій изъ насъ откажется отъ какого-то презрительнаго тона, отъ какой-то отталкивающей вѣтерпѣливости. Мнѣ еще въ Крыму случалось слышать отъ французскихъ офицеровъ, что они были поражены ненатуральностью нашихъ отношеній къ солдату. Хотя, вообще, можно не придавать большого значенія ихъ проницательности, можно предполагать, что высказывая свое сужденіе, французскіе офицеры не принимали во вниманіе *иныхъ условий* нашей военной организаціи и раздѣленія русскаго общества на сословія, но тѣмъ не менѣе, нельзя не видѣть въ ихъ словахъ въ некоторой доли истины“.

„Неужели, въ самомъ дѣлѣ, много такихъ людей, которымъ кажется, что тихое, внимательное обращеніе съ солдатомъ будетъ униженіемъ офицерскаго сана? Участіе къ нуждамъ и удобствамъ солдата, превышающее

ЗАПИСКА ПОЛКОВНИКА ШТЮРМЕРА.

подлинныя выписки изъ „Сворника“.

„обязанности, налагаемыя требованіями самой службы, будетъ неприлично порядочному чело-вѣку и дворянину? Лишь необразованность, не чувствующая своего умственного превосходства, можетъ бояться сближенія съ низшимъ себя по положенію въ обществѣ.

„Подобное поведеніе офицера относительно солдатъ порождено барскимъ, сословнымъ взглядомъ и перенесено на службу изъ житейской среды“ (стр. 78—79).

Сужденія и сомнѣнія г. цензора, отражаются ли дѣйствительно сословныя отношенія въ нашемъ войскѣ, обнаруживаютъ только его невѣдѣніе нашихъ законовъ. Онъ не сказалъ бы, что у насъ на службѣ нѣтъ сословій, а есть только чины, еслибъ зналъ, что законы наши въ самомъ прохожденіи службы и въ опредѣленіи наказаній отдѣляютъ дворянина отъ недворянина. Авторъ возстаетъ только противъ неправильнаго проявленія этихъ отношеній, но г. цензоръ превратно толкуетъ мысли автора.

„У насъ существуютъ такіа аксіомы и положенія, которыя громко вопіютъ свою безтолковостью и несправедливостью и даже не могутъ быть оправдываемы какими бы то ни было прирожденными понятіями цѣлаго общества. Кому изъ насъ не обила ушей ходячая, все разрѣшающая фраза, когда рѣчь заходитъ у нашихъ товарищей о солдатахъ, но глубоко безнравственная и бессмысленная фраза: „для русскаго солдата необходима палка, онъ хорошихъ словъ не понимаетъ“. Неосмотрительное употребленіе крутыхъ мѣръ происходитъ въ нашихъ офицерахъ оттого, что мы не привыкли стыдиться такихъ мѣръ, и не привыкли смотрѣть на это, какъ на поправленіе самыхъ присущихъ правъ человѣка“. „Здѣсь,—замѣчаетъ авторъ,—разумѣютъ домашнія исправительныя мѣры, а не наказаніе по суду“.

Авторъ долженъ бы знать, что тѣлесное наказаніе, какъ по суду, такъ и исправительное, существуетъ не только у насъ, но и во многихъ другихъ европейскихъ арміяхъ. Вопіющихъ и безтолковыхъ положеній у насъ нѣтъ; несправедливости быть не

Эта выписка заслуживаетъ особеннаго вниманія. Не говоря уже о томъ, что она набрана изъ отдѣльныхъ фразъ съ двухъ страницъ, и что слово *положенія* подчеркнуто съ тѣмъ, чтобы дать ему потомъ другой смыслъ,—тѣ фразы даже, которыя выбраны въ разбивку изъ статьи, искажены съ явною цѣлю дать имъ тотъ рѣзкій тонъ, котораго онѣ не имѣли, дать имъ тотъ смыслъ, который нуженъ былъ г. цензору.

Вотъ, что говорится въ самомъ подлинникѣ: „Но кромѣ того, у насъ существуютъ такіа аксіомы и положенія, которыя громко вопіютъ свою безтолковостью и несправедливостью, и даже не могутъ быть оправдываемы какими бы то ни было прирожденными понятіями цѣлаго общества (рѣчь, слѣдовательно, не о положеніяхъ, издаваемыхъ правительствомъ, а о мнѣніяхъ, рождающихся въ самомъ обществѣ, хотя и независимыхъ отъ понятій, прирожденныхъ обществу). Кому изъ насъ не обила ушей ходячая, все-разрѣшающая фраза,—когда рѣчь заходитъ у нашихъ товарищей о солдатахъ,—но глубоко безнравственная и бессмысленная фраза: „для русскаго солдата необходима палка: онъ хорошихъ словъ не понимаетъ“. Но не думайте, чтобы такіа воззрѣнія были результатомъ долгаго опыта; нѣтъ, подобные афоризмы повторяются по заведенному обычаю, какъ-то легко, безотчетно и бездоказательно. И большая часть придерживающихся имъ, по

ЗАПИСКА ПОЛКОВНИКА ШТЮРМЕРА.

должно, ибо строгость исправительных мѣръ опредѣляется не производомъ, а по закону, охраняющему въ солдатѣ права человѣка, и наконецъ изрѣченіе о палкѣ есть не аксіома, а безразсудная фраза.

ПОДЛИВНЫЯ ВЫПЕСКИ ИЗЪ „СБОРНИКА“.

натурѣ своей, добрѣе и лучше, нежели какъ кажется по такимъ ихъ словамъ.

„Фразу, только что приведенную, декламируетъ и дамскій любезникъ, расхаживающій постоянно по улицамъ съ единственнымъ намѣреніемъ прельщать прекрасный полъ; и какой нибудь весельчакъ, добройша душа, хотя и готовый сколько угодно выбрасывать изъ окна „штафирку“,—какъ онъ выражается,—если тотъ недостаточно выразить благоговѣніе къ эполетамъ; и старый офицеръ, вышедшій изъ тѣхъ же рядовъ, о которыхъ такъ презрительно выражается; еще печальвѣ слышать тоже самое и отъ юноши, только что выпущеннаго изъ корпуса,—юноши, который, при разсказѣ о произведеннѣй имъ экзекуціи, для возбужденія въ слушателяхъ уваженія къ твердости и мужеству своего характера, лжетъ на себя немилосердно, баснословно увеличивая число ударовъ, которые будто бы приказаль онъ сдѣлать.

„Повторяющимъ аксіому о необходимости палки и въ голову не приходитъ, какой страшный укоръ они взводятъ сами на себя, какое высказываютъ непониманіе русскаго человѣка вообще и русскаго солдата въ особенности.

„И можетъ-ли, хоть одинъ изъ нихъ, положить руку на сердце, сказать, что онъ, прежде чѣмъ прибѣгнувъ къ палкѣ, сдѣлалъ, по крайнему своему разумѣнію, все, что могъ только сдѣлать? Да и есть ли вѣроятность предполагать, чтобы у человѣка съ такимъ взглядомъ на существо, себѣ подобное, было успѣшно исправленіе солдата своимъ нравственнымъ вліяніемъ, убѣжденіемъ или стыдомъ; есть ли вѣроятность, чтобы у такого офицера родилось хотя желаніе къ этого рода вліянію на солдата?

„Неосмотрительное употребленіе крутыхъ мѣръ, главнымъ образомъ, происходитъ въ нашихъ офицерахъ не отъ особеннаго расположенія къ этимъ упражненіямъ, а скорѣе оттого, что мы не привыкли стыдиться такихъ мѣръ и не привыкли смотрѣть на это, какъ на поправленіе самыхъ присущихъ правъ человѣка *). Мы не хотимъ, или не умѣемъ заглянуть глубже въ солдата, не подозреваемъ, что дѣлается съ нимъ при первомъ наказаніи, и какъ легко переносить онъ послѣдующія, когда ему болѣе уже нечего терять. „Ваше благопо-

*) „Здѣсь, конечно, разумѣются домашнія и исправительныя мѣры, а не наказанія по суду“.

ЗАПИСКА ПОЛКОВНИКА ШТЮРМЕРА.

подлинныя выписки изъ „Сборника“.

дѣ! меня еще никогда не били!“ говорить онъ такимъ голосомъ, какъ еще никогда, можетъ быть, не приходилось ему говорить—и говорить по большей части напрасно.—Вы не подержали этого чувства стыда и чести, и, по окончаніи процесса наказанія, жалуется товарищу, что вы разстроены, но не потому, что сдѣлали возмутительный поступокъ, а оттого, что, какъ вы говорите, нервы ваши слабы, и вы неспособны служить съ такими грубыми людьми, которые постоянно васъ бѣсятъ“.

Непостижимо, какъ г. цензоръ, котораго прямая обязанность заключалась именно въ добросовѣстномъ составленіи выписки, дабы своей ошибкой не навлечь на другаго подозрѣнія въ неблагонамѣренности, рѣшился не только отбросить весь конецъ послѣдняго параграфа, то есть самый смыслъ дѣла, но и оставшуюся фразу измѣнить именно въ томъ смыслѣ, чтобы авторъ ея подвергся осужденію. Неужели г. цензоръ не понимаетъ, что онъ сдѣлалъ; и какъ называется то, что онъ сдѣлалъ. Какъ же онъ говоритъ, что *несправедливости быть не должно*, а самъ творить хуже чѣмъ несправедливость?

Г. цензоръ выпустилъ вступленіе этой выписки, которымъ объясняется самый мотивъ автора.

„Нужно правильное пониманіе провинностей и, главное, внутреннихъ побужденій къ нимъ“, говоритъ авторъ, и затѣмъ уже переходитъ къ недостаткамъ нашего понятія о дисциплинѣ, недостаткамъ не мнимымъ, а дѣйствительнымъ, но о которыхъ, конечно, нѣтъ ничего въ иностранныхъ романахъ. Зачѣмъ также, г. цензоръ послѣ словъ „еслибъ мы не ожесточили этого человѣка“ выпустилъ фразу: „Этотъ солдатъ не колеблется передъ жерлами непріятельскихъ пушекъ, не выдастъ въ трудную минуту своихъ“? Отчего онъ не выписываетъ также слѣдующаго параграфа, который прямо сюда относится?

Равномѣрно веосновательны слѣдующія замѣчанія автора (стр. 80): „Какъ часто въ нѣкоторой гордости, „происходящей отъ благороднаго сознанія своей правоты, когда она пробивается въ солдатъ, мы видимъ непростительную дерзость; мы задумываемъ въ немъ *святѣйшіе* (?) пороки духа, оттого только, что они не пришли по нашему узкому пониманію дисциплины. И бѣдный солдатъ ищетъ себѣ выхода въ отчаянномъ пьянствѣ, въ буйствѣ и побѣгахъ, переноситъ жесточайшія наказанія съ силою характера, достойною лучшаго дѣла, которое, вѣроятно, и нашлось бы, еслибъ мы не подавили и не ожесточили этого человѣка. Это не тотъ проныра, который мелкими угожденіями, щепетильною исправностью и терпѣливымъ перенесеніемъ различныхъ униженій, добился до фельдфебеля, а теперь уже и офицеръ, и вымещаетъ свои прежнія бѣды на прежнихъ товарищахъ“ и прочее.

Должно полагать, что это есть отрывокъ изъ какого-либо плохого ино-

ЗАПИСКА ПОЛКОВНИКА ШТЮРМЕРА.

страннаго романа о несчастномъ положеніи русскихъ солдатъ. Благоразумный и опытный офицеръ этого сказать не можетъ, ибо существованіе такого самопроизвольнаго угнетенія солдатъ противно здравому смыслу, не говоря уже о томъ, что оно, при нашихъ военныхъ законахъ, невозможно.

б) Въ томъ же духѣ другой голосъ изъ арміи (стр. 107):

„Солдатъ выносить на своемъ тѣлѣ, какъ всѣ невзгоды своего командира, такъ и всѣ непріятности офицеровъ. Пока не измѣнятся отношенія старшаго къ младшему, не переведутся на Руси и командиры, которыхъ такъ вѣрно называлъ г. П. (въ Морскомъ Сборникѣ) *дантистами*. Нѣкоторые господа имѣютъ скверную привычку расправляться съ людьми собственноручно. Случалось иногда, во время фронтоваго ученія, что батальонный командиръ, взбѣсившись вдругъ за какую-нибудь ошибку, врывается въ каре и, съ пѣной у рта (!), руками и ногами разсыпаетъ удары (!); киверъ у него отъ сильныхъ движеній свернулся на бокъ, перчатки запачканы кровью (!), вся фигура представляетъ что-то безобразное...“ и проч. и проч.

Хотя авторъ статьи и благодаритъ г. П. за эту картину и считаетъ ее болѣе полезною, „чѣмъ строгій положительный законъ“, тѣмъ не менѣе ее невозможно здѣсь кончить. Она отвратительна. Продолженіе о *зуботычинахъ и подзатыльникахъ*, о бѣшенствѣ офицеровъ, о турецкихъ командирахъ, о двухъ методахъ расправы съ солдатами и проч. (стр. 108—110), означено въ книгѣ краснымъ карандашомъ.

ПОДЛИННЫЯ ВЫПИСКИ ИЗЪ „СБОРНИКА“.

Эта выписка помѣщена безъ начала, безъ конца и даже безъ середины. Г. цензоръ совершенно произвольно свелъ отдѣльныя фразы въ цѣльный параграфъ, котораго, конечно, и смыслъ вышелъ совершенно не тотъ. Въ подлинникѣ картина достигаетъ вполне своей благонамѣренной цѣли, а изъ подъ пера г. цензора она вышла какъ будто голымъ поруганіемъ военнаго быта.

Авторъ, сказавъ нѣсколько словъ о вредномъ влияніи дурнаго обращенія старшихъ офицеровъ съ младшими, ведущемъ послѣднихъ къ загрубѣлости, выписываетъ слѣдующій отрывокъ изъ статьи Морского Сборника *).

„Чтобы окончить разсужденія наши о наказаніяхъ и обращеніи съ командой, говорить г. П., скажемъ нѣсколько словъ о скверной привычкѣ, которую имѣютъ нѣкоторые господа, — привычкѣ расправляться съ людьми собственноручно. Въ былые годы говорили, что безъ крѣпкаго слова корабль не поворотить, и потому были такіе виртуозы браниться, что, слушая ихъ, не знаешь бывало, чему удивляться: плодовитости русскаго языка, или умѣнья этихъ господъ подбирать непостижимыя фразы. Мало-по-малу, манера подкрѣплять каждое приказаніе бранью велась между моряками, виртуозы почти совершенно исчезли; и если подъ часть и сорвется крѣпкое слово, то это уже невольно, по свойственной русской натурѣ привычкѣ ругнуть, чтобы отвести маленькую душу. Надо надѣяться, что и такъ называемые дантисты также со временемъ совершенно выведутся. Ничто не можетъ быть безобразнѣе человѣка, который съ бранью и проклятіями, покрапивъ отъ гнѣва, поражаетъ по физиономіи матроса, смиренно принимающаго удары. Случалось иногда, во время фронтоваго ученія, что батальонный командиръ, взбѣсившись вдругъ за какую-нибудь ошибку, врывается въ каре, и съ пѣной у рта, руками и ногами щедро разсыпаетъ удары во всѣ стороны. Киверъ у него отъ сильныхъ движеній свернулся на бокъ, перчатки запачканы кровью, вся фигура представляетъ что-то безобразное и крайне каррикатурное: жаль, что въ эти минуты онъ не можетъ взглянуть на себя въ зеркало! — кажется, этого было бы достаточно, чтобы навсегда излечить его отъ привычки

*) „Еще нѣсколько словъ мнѣмъ сослуживцамъ“, „Морской Сборникъ“ 1857, № 1.

ЗАПИСКА ПОЛКОВНИКА ШТЮРМЕРА.

ПОДЛИННЫЕ ВЫПИСКИ ИЗЪ „СБОРНИКА“.

„расправляться своими руками. Господь этихъ „оправдываютъ тѣмъ, что, будучи отъ природы „вспыльчивы, они рѣшительно не могутъ удержаться, но оправданіе ли это? Отъ подчиненныхъ они требуютъ же умѣнья владѣть собою, бороться со своими наклонностями, и не допускаютъ въ нихъ ни вспыльчивости, ни досады: такъ почему же прежде всего не хотятъ они потрудиться надъ собою—пріучить себя удерживать порывы гнѣва? Своимъ личнымъ примѣромъ мы всегда будемъ дѣйствовать на подчиненныхъ силой и вѣрой, нежели какими угодно доводами; а дурныя привычки, къ несчастію, перенимаются скорѣе, нежели хорошія. Можно навѣрное сказать, что у командира, привыкшаго расправляться собственноручно, молодые офицеры также привыкаютъ драться. Къ счастью, съ каждымъ годомъ угловатость въ нашихъ манерахъ сглаживается, и есть надежда, что собственно ручныя расправы со временемъ выведутся совершенно“.

Почему г. цензору показалась вторая половина этой картины до такой степени отвратительна, что онъ не рѣшился ее выписать? Что скажетъ морское начальство, узнавъ, что г. цензоръ распространяетъ такіе слухи о статьѣ, которую оно признало (да которая и въ дѣйствительности есть) высоко нравственной и ведущей прямо къ исправленію общества? Можно ли подъ предлогомъ мнимаго отвращенія такъ исказить истину, такъ смѣяться надъ мыслью и честию другого? Не картина, а искаженіе картины отвратительно. Неужели г. цензоръ не понимаетъ, что онъ дѣлаетъ?

Можно было бы полагать, что несомнѣнная благонамѣренность автора (насмѣшливо названнаго поборникомъ гуманности) предохранитъ его отъ пера г. цензора. Но вышло противное: г. цензоръ, не имѣя возможности отыскать въ статьѣ того, что ищетъ, рѣшается не только на сведеніе въ одно цѣлое отдѣльныхъ словъ 112-й страницы, но принимается самъ сочинять за автора и сочинять именно такъ, чтобы положить пятно на его рѣчь.

Въ подлинникѣ этотъ параграфъ таковъ:

„Въ продолженіе моей десятилѣтней службы, меня всегда поражало встрѣчаемое весьма часто отсутствіе общечеловѣческихъ отношеній между нижними чинами и ихъ ближайшими начальниками, т.-е. ротными командирами. Они составляли два отдѣльныхъ, строго замкнутыхъ

в) Поборникъ гуманности составилъ свои замѣтки несомнѣнно съ благонамѣренною цѣлью. Это видно. Но многія изъ его замѣчаній опрометчивы и неосновательны. Мѣста эти отмѣчены краснымъ карандашомъ (стр. 111—122). Здѣсь можно указать только главнѣйшія мысли.

Онъ говоритъ, „что его всегда поражало встрѣчаемое весьма часто отсутствіе общечеловѣческихъ отношеній между нижними чинами и ротными командирами. Это два отдѣльныхъ, строгозамкнутыхъ кружка, которые случайно сомкнулись, и безъ взаимнаго участія идутъ рядомъ. И можетъ ли быть иначе? Офицеры

ЗАПИСКА ПОЛКОВНИКА ШТЮРМЕРА.

„служать изъ матеріальныхъ выгодъ, солдаты считаютъ службу вѣчнымъ разрывомъ съ семьей, родиной, обычаемъ. Изъ этихъ двухъ главныхъ частей образовалось у насъ военное сословіе. Можетъ ли въ немъ существовать любовь къ званію воина, сочувствіе къ общему направленію *„правды и чести“*. Разумѣется, нѣтъ!“ и проч. (стр. 112).

ПОДЛИННЫЯ ВЫПИСКИ ИЗЪ „СБОРНИКА“.

кружка, между которыми, казалось, ничего не было общаго, кромѣ того, что оба случайно столкнулись вмѣстѣ, и безъ взаимнаго участія идти рядомъ. И можетъ ли быть иначе? Многие ли служатъ въ военной службѣ по призванію? Воля родителей, основанная по большей части на матеріальныхъ выгодахъ воспитанія въ Военно-Учебныхъ Заведеніяхъ, ограниченность требованій для поступленія на службу, красота военной формы и почетность ея въ глазахъ общества—вотъ побудительныя причины вступленія дворянъ въ военную службу. Что же касается до нижнихъ чиновъ, то они считаютъ ее вѣчнымъ разрывомъ съ семьей, родиной, обычаемъ. Рекрута провожаютъ родные на службу, думая о томъ, что очень не скоро придется, а быть можетъ и никогда уже не придется увидѣть его въ кругу семейства; и дѣйствительно, многие не возвращались домой, послѣ нашего продолжительнаго срока службы. Изъ этихъ двухъ главныхъ частей образовалось у насъ военное сословіе; при подобномъ составѣ, при недостаточномъ развитіи составныхъ частей, можетъ ли существовать любовь къ званію воина, сочувствіе къ общему направленію—правды и чести? Разумѣется, нѣтъ! Напротивъ, проглядываетъ какое-то равнодушіе, отчужденіе, какъ отъ самой службы, такъ и членовъ ея между собою. Что же могло такъ разъединить людей одной націи, одной вѣры, повидимому съ общими интересами,—неужели только недобровольное избраніе ими военнаго поприща? Вотъ вопросъ, который мы постараемся разяснить. Вникая въ него подробнѣе, невольно приходишь къ мысли, что эти люди далеки одинъ отъ другого не вслѣдствіе какихъ-либо непріязненныхъ столкновений, не по врожденному чувству антипатіи, а потому, что не поняли другъ друга; а не поняли оттого, что никогда не смотрѣли одинъ на другаго, какъ человѣкъ долженъ смотрѣть на себѣ подобное существо“.

Какимъ образомъ, г. цензоръ виѣсто словъ: „Они составляли два отдѣльныхъ кружка“, пишетъ: „это два отдѣльныхъ кружка“.

Какимъ образомъ, „волю родителей, красоту военной формы и почетность ея въ глазахъ общества“, г. цензоръ обращаетъ въ слова *„офицеры служатъ изъ матеріальныхъ выгодъ“*? Небольшое содержаніе оберъ-офицеровъ не даетъ матеріальныхъ выгодъ, и слѣдовательно, сочинивъ эти слова за автора, г. цензоръ явно желалъ приписать ему намекъ на

ЗАПISКА ПОЛКОВНИКА ШТЮРМЕРА.

ПОДЛИННЫЯ ВЫПИСКИ ИЗЪ „СБОРНИКА“.

„Ограниченность обязанностей, требуемыхъ правительствомъ съ офицеровъ, и вынесенный изъ корпуса поверхностный взглядъ на значеніе службы дѣлаютъ офицера *гостемъ* на службѣ“.

„Не успокоивши рекрута, начинаютъ прямо выламывать ему ноги и руки. Обаяніе этой системы обученія было такъ сильно, что встрѣчались начальники, проходившіе въ неописанный восторгъ отъ *хватки, какъ орляхъ щелкнулъ, и изумительной игры въ носъ*. Спросить, зачѣмъ все это?—никто не смѣлъ; да и какъ объяснить существенную необходимость большей части ружейныхъ приемовъ и учебныхъ шаговъ. Солдатъ или оставлялъ всякую работу мысли и дѣлался *ученымъ зѣбремъ* или терялъ всю вѣру въ себя, *всякое уваженіе къ своимъ учителямъ*, и дѣлался такъ называемымъ негодяемъ“ (стр. 114).

то, что всѣ офицеры живутъ доходами съ солдатъ. Иного повода не могло быть къ подобной поддѣлкѣ. Вотъ до чего доходитъ г. цензоръ. Неужели онъ не понимаетъ, что онъ дѣлаетъ?

Даже и этихъ трехъ строчекъ г. цензоръ не сохранилъ цѣлыми, а выпустилъ именно то, что придавало имъ смыслъ. Въ подлинникѣ такъ:

„Ограниченность обязанностей, требуемыхъ правительствомъ съ офицеровъ, вынесенный изъ корпуса поверхностный взглядъ на значеніе службы, неохота думать, заставляющая его избѣгать всего, что не входитъ въ кругъ рутинныхъ обязанностей—все это дѣлаетъ офицера *гостемъ* на службѣ“.

Замѣчательно, что г. цензоръ для составленія этого параграфа, отбросивъ часть примѣчанія, самую необходимую, вставилъ другую куда ему вздумалось въ самый текстъ, и все это выдалъ за произведеніе автора. Въ подлинникѣ такъ:

„Теперь разсмотримъ отношенія офицеровъ къ солдатамъ, съ перваго столкновенія ихъ въ службѣ. По большей части, офицеры или не обращали на послѣднихъ ровно никакого вниманія, или же открыто оказывали имъ пренебреженіе, удивляясь ихъ тупоумію и глупости. Удивленіе это проявлялось прежде всего, когда взятый изъ-подъ сохи, вырванный изъ семейнаго круга, почти дикарь, окруженный чужими людьми, связанный непривычной одеждой, солдатъ не понималъ истинъ, взятыхъ цѣликомъ изъ Воинскаго Устава. Что же отъ этого происходило? Начальники, иногда и высшіе, а большею частью изъ среды солдатъ, не видя успѣховъ, истощали терпѣніе, выходили изъ себя, и мѣрами строгости навсегда отталкивали подчиненныхъ, которые окончательно теряли всю вѣру въ себя. Русский солдатъ есть сынъ русскаго крестьянина, можетъ быть такого, какъ Глѣбъ Савиновъ („Рыбаки“, Григоровича); въ немъ много русской смѣлки, врожденной логики; его не увлечешь громкой фразой какъ Француза, народнымъ мотивомъ какъ Итальянца; нѣтъ, ему разскажи его языкомъ, чтобы онъ разложилъ умомъ, и тогда онъ въ вѣкъ ничего не забудетъ. Нашему же рекруту, не успокоивши его, не обладавши добрымъ словомъ, теплымъ участіемъ, начинаютъ прямо выламывать ноги и руки, часто безъ предварительнаго объясненія, въ чемъ состоитъ сущ-

ЗАПИСКА ПОЛКОВНИКА ШТЮРМЕРА.

ПОДЛИННЫЕ ВЫПИСКИ ИЗЪ „СБОРНИКА“.

„Солдатъ не свыкается съ своими начальниками, потому что существуютъ обстоятельства, которыя отталкиваютъ ихъ постоянно.

1) „Это всегдашній начальническій тонъ обращенія съ ними. Во фронтѣ или внѣ его, начальники одинаково равнодушно презрительно или холодно форменно обращаются съ солдатами. 2) Убѣжденіе, что каждый офицеръ *баринъ*. Въ каждомъ изъ нихъ, солдаты изъ *крѣпостныхъ* продолжаютъ видѣть барина, бурмистра, управляющаго Русскаго или Нѣмца, смотря по тому, какой націи начальникъ; солдатамъ же изъ казенныхъ крестьянъ видятся становые, окружные и исправники, грабившіе и притѣснявшіе ихъ“ (стр. 116).

ность приемовъ, которымъ его учать *). Врожденная логика разумнаго существа никакъ не могла переварить подобной пищи; спросить: „зачѣмъ все это?“ никто не смѣлъ; да и какъ объяснить существенную необходимость большей части ружейныхъ приемовъ и учебныхъ шаговъ?—и потому солдатъ невольно бросался въ крайности: или оставлялъ всякую работу мысли и дѣлался ученымъ звѣремъ,—чему покорялось значительное большинство; или же, порываясь разсуждать, но встрѣчая всюду противодѣйствіе, терялъ всю вѣру въ себя, всякое уваженіе къ своимъ учителямъ, дѣлался такъ называемымъ негодяемъ, и оканчивалъ незавидное свое служебное поприще“.

И въ этой выпискѣ г. цензоръ держится своей методы сводить въ одну рѣчь слова, набранныя на цѣлой страницѣ, и, отбросивъ начало, мѣняютъ самый тонъ рѣчи.

Въ подлинникѣ такъ:

„Когда молодой солдатъ уже нѣсколько привыкнетъ къ своему быту, обживется, — онъ все-таки не свыкается съ своими начальниками, потому что существуютъ обстоятельства, которыя отталкиваютъ ихъ постоянно. Во-первыхъ, это всегдашній начальническій тонъ обращенія съ ними; во фронтѣ, или внѣ его, начальники одинаково равнодушно, презрительно или холодно-форменно, обращаются съ солдатами. Умѣть отдѣлать свои отношенія служебныя и частныя — была бы важная услуга; для этого стоитъ только отличить въ солдатѣ человѣка отъ солдата; а чтобы онъ самъ понялъ эту двойственность, солдатомъ видѣть его только во фронтѣ, человѣкомъ — всюду. Дисциплина отъ этого нѣсколько не пострадаетъ; напротивъ, разность тона скорѣе увеличитъ значеніе фронта, какъ во всемъ отличное отъ обыкновенныхъ отношеній частныхъ. Каждый изъ насъ бывалъ въ походахъ; вспомните, какъ въ это время отношенія солдатъ съ офицерами сблизаются; общая цѣль, общія труды, лишенія ставятъ и тѣхъ и другихъ на общечеловѣче-

*) „Хотя въ настоящее время эта метода обученія, благодаря Бога, отмѣнена, но почти всѣ нынѣ служащіе солдаты прошли чрезъ ея премудрость. Обаяніе этой системы обученія было такъ сильно, что встрѣчались начальники, приходившіе въ неописанный восторгъ отъ хватки, какъ орлякъ щелкнулъ, и изумительной тире въ носки“.

ЗАПИСКА ПОЛКОВНИКА ШТЮРМЕРА.

ПОДЛИННЫЕ ВЫПИСКИ ИЗ „СВОРНИКА“.

„скую ногу; а дисциплина развѣ отъ этого „страдаетъ? Нисколько.

„Второе обстоятельство, способствующее „разъединенію, есть убѣжденіе, что каждый „офицеръ—*баринъ*; часто, спрашивая у сол- „даты: „кто тамъ?“—получаешь въ отвѣтъ— „*господа*. Въ каждомъ изъ начальниковъ, „солдатъ продолжаетъ видѣть своихъ преж- „нихъ властей; — крѣпостной: барина, бурми- „стра, управляющаго изъ Русскихъ или Нѣм- „цевъ, смотря по тому, какой націи началь- „никъ; казеннымъ видятся становые, окруж- „ные и исправники, грабившіе и притѣсняя- „шіе ихъ. Нужно всѣми мѣрами доказывать „имъ, что мы офицеры, которыми и они мо- „гутъ быть, а не *господа*, чѣмъ, по ихъ мнѣ- „нію, они никогда быть не могутъ. Этотъ „страхъ власти, это сознаніе превосходства „породы, проявляется не только въ словахъ, „но и въ поступкахъ, какъ можно замѣтить, „присмотрѣвшись къ обращенію нижнихъ чи- „новъ съ офицерами вѣѣ фронта“.

Г. цензоръ представилъ только конецъ рѣчи, но упустилъ ея поводъ. Авторъ, указы- „вая, какъ важно для ротныхъ командировъ „внимательно слѣдить за отношеніями къ сол- „датамъ унтеръ-офицеровъ, людей вполнѣ не- „образованныхъ и неразборчивыхъ въ сред- „ствахъ къ достиженію благорасположенія рот- „ныхъ командирѣвъ на счетъ солдатъ, говоритъ „такъ:

„За средствами (у фельдфебелей и унтеръ- „офицеровъ) недостатка не бываетъ; дежур- „ства, дневальства, нарядъ на работы, носка „шланцевого инструмента, раздача годовыхъ „вещей, — вотъ тѣ мелкіе бичи, которые мо- „гутъ жестоко истязать бѣднаго солдата при „его молчаливомъ терпѣніи. Каждый изъ рот- „ныхъ командировъ согласится со мною, что „слѣдить за правильнымъ нарядомъ людей на „дежурства и дневальства очень трудно; тѣмъ „болѣе, что отдѣленные унтеръ-офицеры имѣ- „ютъ право нарядить не въ очередь — за на- „казаніе. Солдатъ, въ особенности дослужив- „шійся до галуновъ, чрезвычайно гордится „своимъ достоинствомъ; истинное сознаніе сво- „ихъ заслугъ — чувство прекрасное, еслибъ „оно не влекло за собою злоупотребленія вла- „сти; но у насъ почти каждый унтеръ-офи- „церъ, въ своемъ маленькомъ кругѣ дѣйствій, „дѣлается мелкимъ, но грубымъ тираномъ. „Ничтожное, часто неумышленное неуваженіе „отъ своего подчиненнаго, не по службѣ, а

„У насъ почти каждый унтеръ- „офицеръ дѣлается мелкимъ, но гру- „бымъ тираномъ. Ничтожное, неумы- „шленное неуваженіе отъ подчинен- „наго, не по службѣ, а въ частномъ „быту, принимается имъ чуть не за „кровную обиду и отмщается жестоко; „при разборѣ споровъ и жалобъ „иногда встрѣчаются такіа жесто- „ченія, за какое-нибудь пустое слово, „что можно бояться кровопролитія“.

(Стр. 117).

Если бъ солдаты имѣли дѣйстви- „тельно убѣжденія, подобныя выше- „приведеннымъ замѣчаніямъ, то не „подлежитъ сомнѣнію, что любой полкъ „разбѣжался бы; но, къ счастью, до „этой крайности никогда не доходило. „Это доказываетъ только, что *человѣ- „чность* ведетъ иногда къ заблужде- „нію, а сіе послѣднее къ рѣзкимъ, „неосновательнымъ заключеніямъ.

Остальная часть статьи весьма по- „лезна и наполнена практическихъ на- „ставленій для умственного и строевого „образованія солдатъ.

ЗАПИСКА ПОЛКОВНИКА ШТЮРМЕРА.

подлинныя выписки изъ „Сворника“.

отношенія начальниковъ къ
подчиненнымъ офицерамъ.

б) Авторъ статьи говоритъ (стр. 101): „Не знаю, какъ теперь, а прежде были у насъ какія-то особенныя понятія объ отношеніяхъ начальника къ подчиненнымъ. Подчиненный съ понятіемъ о начальникѣ соединялъ понятіе о карательной власти въ различныхъ видахъ наказаній, начиная съ выговора, послѣ котораго на первый разъ три дня ходилъ, какъ *ошельмованный*, и къ которому однако скоро привыкалъ до такой степени, что переносилъ его потомъ уже совершенно равнодушно, и оканчивая отданіемъ подь судъ. Сообразно съ этимъ предубѣжденіемъ о власти, установились особыя отношенія между начальникомъ и его подчиненными, и *родились какія-то искаженныя понятія о дисциплинѣ и чинопочитаніи*. Начальникъ съ своей стороны какъ-то боялся сближенія съ подчиненными. По его понятіямъ, онъ опасался сближеніемъ съ ними нарушить дисциплину и чинопочитаніе и долго раздумывалъ о томъ, нарушатся ли онѣ подаваніемъ руки подчиненному? Совершенно забывалось, что вовсе не великодушно оскорблять того, кто не имѣлъ права защищаться“.

дисциплина.

„Мы очень хорошо понимаемъ важность и необходимость дисциплины (стр. 102), но только расходимся нѣсколько въ своихъ понятіяхъ съ

„въ частномъ быту, принимается имъ чуть не за кровную обиду, и отмщается жестоко; при разборѣ споровъ и жалобъ, иногда встрѣчаются такіа ожесточенія, за какое-нибудь пустое слово, что можно бояться „кровопролитія“.

Есть ли хоть малѣйшій поводъ этому простому наблюденію автора давать такое заключеніе, какое дѣлаетъ г. цензоръ?

Здѣсь г. цензоръ свелъ въ одну рѣчь отдѣльныя фразы съ трехъ страницъ, выпустивъ то, что именно и опредѣляетъ цѣль, съ какой онѣ написаны.

Послѣ опредѣленія отношеній между начальниками и подчиненными въ артиллеріи, отношеній, которыя именно и способствуютъ тому, что артиллерійское общество стоитъ выше общества другихъ родовъ оружія, авторъ излагаетъ свои мысли о томъ, что и общество пѣхотныхъ офицеровъ, несмотря на разнообразіе своего состава, могло бы быть значительно поднято противъ прежняго лучшимъ обращеніемъ начальниковъ съ подчиненными и тѣснѣйшею между ними связью. Высказавъ эту мысль, авторъ говоритъ далѣе слѣдующее:

„Не знаемъ, какъ теперь, а прежде у насъ господствовалъ уже давно образовавшійся, совсѣмъ особый взглядъ на службу, и родились какія-то особенныя понятія о ней и объ отношеніяхъ начальника къ подчиненнымъ.

„Не будемъ входить въ подробности и изыскивать источники и обстоятельства, развившія этотъ взглядъ; скажемъ только, что подчиненный съ понятіемъ о начальникѣ соединялъ понятіе о карательной власти, которая можетъ олицетворяться въ различныхъ чинахъ и званіяхъ, начиная отъ майора (батальоннаго командира) и постепенно восходя до генерала (корпуснаго), и проявляться въ различныхъ видахъ наказаній, начиная съ выговора, послѣ котораго на первый разъ три дня ходишь какъ *ошельмованный*, и къ которому, однако, скоро привыкаешь до такой степени, что переносишь его потомъ уже совершенно равнодушно, и оканчивая отданіемъ подь судъ.

„Сообразно съ этимъ представленіемъ о власти установились особыя отношенія между начальникомъ и его подчиненными, и родились какія-то искаженныя понятія о дисциплинѣ.

записка полковника Штюмера.

„съ тѣми, которые воображаютъ, будто старшинство даетъ право на арендное содержаніе моральной стороны своихъ подчиненныхъ и на удобреніе этой почвы оскорбленіями всякаго рода.

„Дисциплина обратилась въ какую-то широкую отвлеченность (стр. 103), подъ которую можно было подвести даже чуть, чуть не семейныя обстоятельства офицера и отвѣчать за нарушеніе которой можно было не согласившись съ мнѣніемъ жены своего командира. Повиновеніе начальству обратилось въ простую и прямую обязанность каждого чина ежеминутно быть готовымъ къ выслушанію самой неприличной браппи отъ старшаго по чину“. Остальное означено краснымъ карандашомъ. (Стр. 102—106).

Замѣчательно, что при подобномъ сужденіи, авторъ восклицаетъ (стр. 102): „Да не упрекнетъ насъ никто въ томъ, будто бы мы говоримъ не въ пользу дисциплины. Далеко нѣтъ“.

Но это не болѣе какъ фраза.

подлинныя выписки изъ „Сборника“.

„пльнѣ и чинопочитаніи. Почти всѣ служебныя отношенія вертѣлись около распекавціи. „Можно было прослужить два, три года, и не сказать слова съ командиромъ, если только подчиненный держалъ себя такъ хорошо, что не подвергался служебному выговору. Даже начальникъ, съ своей стороны, какъ-то боялся сближенія съ подчиненными. По его понятіямъ, онъ опасался сближеніемъ съ ними нарушить дисциплину и чинопочитаніе. Встрѣчаясь даже съ такимъ изъ подчиненныхъ, котораго обязанъ былъ видѣть очень часто, онъ долго раздумывалъ о томъ, нарушится ли нѣтъ дисциплина чрезъ то, если онъ подастъ ему руку? Учивость была совершенно изгнана изъ обращенія, какъ будто вѣжливость могла увидить начальника, и какъ будто необходимо унижать другихъ, чтобы самому быть выше. Совершенно упускалось изъ виду, что истинное достоинство никогда не позволитъ себѣ ничего лишняго, и что не деликатность есть оскорбленіе, которое бываетъ тѣмъ чувствительнѣе и щекотливѣе, чѣмъ выше лицо, отъ котораго оно идетъ. „Совершенно забывалось, что вовсе невеликодушно оскорблять того, кто не имѣлъ права защищаться. И все это сваливалось на нечастную дисциплину.

„Но да не упрекнетъ насъ никто въ томъ, будто мы говоримъ не въ пользу дисциплины. „Далеко нѣтъ. Мы очень хорошо понимаемъ важность и необходимость дисциплины, но только расходимся нѣсколько въ своихъ понятіяхъ о ней съ тѣми, которые воображаютъ, будто старшинство даетъ право на арендное содержаніе моральной стороны своихъ подчиненныхъ и на удобреніе этой почвы оскорбленіями всякаго рода, для того, чтобы взростить на ней хорошій плодъ.

„Дайте мнѣ самыхъ изнѣженныхъ, самыхъ испорченныхъ сибаритовъ, и я, съ помощью дисциплины, сдѣлаю изъ нихъ самыхъ доблестныхъ воиновъ“, говорилъ Пирръ. „Родная армія безъ дисциплины гораздо опаснѣе для государства, нежели непріятель“, говорилъ маршалъ Морицъ Саксонскій. Все это мы очень хорошо понимаемъ, и ровно ничего не находимъ сказать противъ такихъ простыхъ и неоспоримыхъ истинъ. Многіе говорятъ, что безъ дисциплины невозможна побѣда; скажемъ болѣе, безъ нея не можетъ существовать даже армія. Но какъ ни говорить о дисциплинѣ, она все-таки останется

ЗАПИСКА ПОЛКОВНИКА ШТЮРМЕРА.

ПОДЛИННЫЕ ВЫПИСКИ ИЗЪ „СБОРНИКА“.

„только безпрекословнымъ повиновениемъ младшаго къ старшему во всемъ, что касается до службы; а изъ этого вовсе не слѣдуетъ, чтобы старшій могъ злоупотреблять своею властью, примѣшивать къ ней свой произволъ и пользоваться ею для того, чтобы безнаказанно оскорблять младшаго.“

„Въ этомъ случаѣ начальникъ уже перестаетъ быть представителемъ закона, который всегда спокоенъ, а дѣлается просто человекомъ, безнаказанно оскорбляющимъ беззащитнаго.“

„Подавляя въ человекѣ чувство чести и уваженія къ самому себѣ, начальникъ нарушаетъ дисциплину, и заставляетъ подчиненнаго, за испытанное имъ публичное униженіе, возставать въ душѣ противъ старшаго.“

„Такія отношенія, конечно, не могли быть полезны ни для службы, ни для самихъ офицеровъ.“

„Принося вредъ нравственному развитію, удаленіе командира отъ офицеровъ и разединеніе общества очень много вредило и службѣ. Командиръ не имѣлъ никакой возможности вѣрно оцѣнить способности и нравственность своихъ подчиненныхъ, изъ которыхъ болѣе ловкіе всегда имѣли возможность искусно маскироваться. Офицеръ, исправный по службѣ (что, впрочемъ, всегда составляетъ одно изъ важныхъ достоинствъ) и въ то же время въ высшей степени испорченный нравственно, могъ прослыть за полезнаго человека, скорѣе выслужиться, получить роту и потомъ вдругъ начать обчитывать солдата, притѣснять его всѣми возможными средствами и кончить тѣмъ, что проиграть солдатскія деньги.“

„Командиръ разочаровывался наконецъ въ хорошихъ офицерѣ; но не подозревая, что виною ошибки онъ самъ и тѣ отношенія, въ которыхъ онъ находится съ офицерами и которыми не позволяютъ ему проникнуть за кругъ служебныхъ формъ, переносилъ свое разочарованіе на цѣлое общество и, повидимому справедливо, находилъ, что послѣ этого никому нельзя довѣрять, и что въ его полку нѣтъ ни одного порядочнаго человека.“

„Все остальное сбивалось также только на соблюденіе самой узкой формальности. Дисциплина—это существенное свойство образо-

ЗАПИСКА ПОЛКОВНИКА ШТЮРМЕРА.

ПОДЛИННЫЕ ВЫПИСКИ ИЗЪ „СБОРНИКА“.

„важною арміи, безъ котораго войско—толпа, непригодная для битвы, принимала иногда самыя странныя формы. Дисциплина — душа войска, обратилась въ какую-то широкую отвлеченность, подъ которую можно было подвести даже чуть-чуть не семейныя обстоятельства офицера, и отвѣчать за нарушение которой можно было, не согласившись съ мнѣніемъ жены своего командира. Повиновение начальству обратилось въ простую и ясную обязанность каждаго чина ежеминутно быть готовымъ къ выслушанію самой ужасной, очень часто самой неприличной брани отъ старшаго по чину.

„Сравните всего то, что такія отношенія между начальникомъ и подчиненнымъ образовались совершенно вопреки духу нашего законодательства, которое постоянно имѣло въ виду, изъ каждаго частнаго начальника сдѣлать ближайшаго ходатая за своихъ подчиненныхъ предъ высшимъ начальствомъ.

„Законъ, вручая начальнику значительную власть надъ подчиненными, налагая на него строгую отвѣтственность за нихъ, въ то же время обязываетъ этого начальника быть вѣжливымъ и справедливымъ. По духу и по самой буквѣ закона, начальникъ долженъ входить во всѣ нужды своего подчиненнаго, знать его потребности, степень возможности ихъ удовлетворенія, и содѣйствовать къ улучшенію его быта, какъ въ матеріальномъ, такъ и нравственномъ и умственномъ отношеніяхъ.

„Понятно, что это совершенно невозможно при описанномъ нами обращеніи.

„Напрасно здѣсь говорить, что подобныя отношенія между начальникомъ и его подчиненными существуютъ не вездѣ, и что есть начальники, которые, имѣя правильный взглядъ на свои обязанности, свято исполняютъ свой истинный долгъ — это разумѣется само собою“.

Изъ этой выписки видно, что слова автора о необходимости дисциплины дѣйствительно составляютъ его убѣжденіе, и не даютъ никому права подозрѣвать, что это только фраза. Можно ли судить человѣка, читая между строчками?

По выпискѣ г. цензора можно подумать, что предшествующая рѣчь этого другаго автора была какимъ-то возмутительнымъ монологомъ противъ дисциплины, до такой степени возмутительнымъ, что потребовала для очище-

Точно также и авторъ другой статьи, для успокоенія совѣсти, огориваетъ (стр. 119): „Да не обвинять меня въ томъ, что я проповѣдую слабость, излишнее снисхожде-

ЗАПИСКА ПОЛКОВНИКА ШТЮРМЕРА.

„ніе къ солдатамъ; нисколько. Понимая всю важность дисциплины, я возстаю только противъ ея злоупотребленій“.

ПОДЛИННЫЯ ВЫПИСКИ ИЗЪ „СБОРНИКА“

нія совѣсти особой оговорки. Но можно ли такъ безжалостно бросать тѣнь подозрѣнія на человѣка, котораго каждое слово дышитъ высокими, благородными чувствомъ, достигающимъ, не на долю всякаго.

Вотъ рѣчь автора, которую г. цензоръ счелъ нужнымъ подвергнуть подозрѣнію.

„Для возможнаго уничтоженія всѣхъ несправедливостей, не рѣдко злоупотребленій, мнѣ кажется, нужно, чтобы ближайшіе начальники входили въ самыя мелочи быта солдатъ, считали бы послѣднихъ себѣ подобными существами, мыслящими и чувствующими; а главное, не прятали бы отъ нихъ своего сердца, не краснѣли бы предъ ихъ благородными порывами, дали бы имъ вздохнуть. Не даромъ говоритъ русская пословица: *„сердце сердцу вѣсть подаетъ“*, и сердце русскаго солдата съумѣетъ откликнуться на задуманный голосъ своего начальника. Не рѣдко, одинъ только лживый стыдъ и неуравновѣшенный страхъ уничтоженія чинопочитанія, ставили преграду между начальниками и подчиненными; а какъ легко было ее преодолѣть: ласковое слово, иногда шутка, — забота, когда солдатъ боленъ, участіе къ его семейному быту, изрѣдка разспросы объ его семьѣ, родинѣ. — вотъ все, чего желаетъ онъ.

„Да не обвинять меня въ томъ, что я проповѣдую слабость, излишнее снисхожденіе къ солдатамъ; — нисколько. Понимая всю важность дисциплины въ военной службѣ, я возстаю только противъ ея злоупотребленій“.

Въ чемъ же тутъ очищать свою совѣсть? Развѣ она хоть на одну йоту расходится съ духомъ всего нашего законодательства, развѣ законъ не предписываетъ точно также сближенія, вниманія и участія начальниковъ къ подчиненнымъ? Неужели г. цензоръ не понимаетъ, что значить бросить подозрѣніе на другаго?

СЛУЖБА.

а) Авторъ статьи „Голосъ изъ Арміи“ объясняетъ также *„незрѣлое пониманіе у насъ самой службы“* (стр. 82). По его словамъ: „До сихъ поръ, наша дѣятельность по службѣ носитъ характеръ служенія частному лицу, а не государству. Начальникъ, авторитетомъ своей власти, даетъ личнымъ вкусомъ и симпа-

И въ этихъ выпискахъ точно также нѣтъ ни одного цѣлаго мѣста; г. цензоръ съ необыкновенною осмотрительностью выбрасываетъ каждое слово, которое хотя сколько-нибудь могло бы смягчить тонъ рѣчи.

Въ подлинникѣ напечатано такъ:

„Надобно также упомянуть о незрѣломъ пониманіи у насъ самой службы. До сихъ поръ, наша дѣятельность по службѣ носитъ

ЗАПИСКА ПОЛКОВНИКА ШТЮРМЕРА.

„тіямъ значеніе обязательнаго долга, „и для собственныхъ видовъ на- „правляетъ дѣятельность подчинен- „ныхъ. Говорятъ, что рота должна „знать духъ своего командира и по „его дудочкѣ плясать.

„Здѣсь-то и нужно искать (стр. 83) „начало раболѣпству, наушничеству, „податливости характера и располо- „женія въ подчиненныхъ; на сколько „плутъ староста безнравственнѣе про- „стаго мужика, на столько плутова- „тый фельдфебель хуже обыкновен- „наго рядоваго; начальникъ, требую- „щій услужливости отъ своихъ под- „чиненныхъ, самъ дѣлаетъ тоже са- „мое относительно вышнихъ. Движи- „мый ревностью къ угожденію на- „чальству, онъ готовъ былъ бы раз- „дѣть солдатъ и сложить все въ „цейхгаузъ, чтобы ничего не носи- „лось и не портилось.

„Личная непріятность и ссора „часто переносится въ область службы. „На плацу при ученьяхъ дѣлаются „придирки, выговоры, и что еще „хуже, еще отвратительнѣе, — злоба „иногда вымещается на подчинен- „ныхъ того, кто имѣлъ несчастье не „повраться“.

„Здѣсь прибавлены *указанія* на „плацъ-майора въ городѣ III. и на „генерала ***, который любилъ грѣ- „тое бурговское.

ПОДЛИННЫЯ ВЫПИСКИ ИЗЪ „СБОРНИКА“.

„характеръ служенія частному лицу, а не „государству; до сихъ поръ личныя, частныя „отношенія какъ-то смутно отдѣляются отъ „служебныхъ въ нашей жизни. Начальникъ „части, авторитетомъ своей власти, даетъ „своимъ личнымъ вкусамъ и симпатіямъ зна- „ченіе обязательнаго долга; дѣятельность под- „чиненныхъ своихъ болѣе или менѣе стремится „направить для собственныхъ видовъ; ставить „свою особу на первый планъ и, большею „частью, дѣлаетъ это не по добросовѣстности, „а отъ безсознательнаго смѣшенія въ себѣ „частнаго, индивидуальнаго лица съ служеб- „нымъ, общественнымъ. Этимъ объясняются „изрѣченія старыхъ, закаленныхъ ротныхъ ко- „мандировъ: *„рота должна знать духъ сво- „его командира“*. или *„по моей дудочкѣ „плясать“*. Въ переводѣ они будутъ значить, „то, что солдаты должны изучать и прино- „ситься ко всѣмъ прихотямъ, капризамъ, „привычкамъ и частнымъ видамъ своего бли- „жайшаго начальника.

„Здѣсь-то и нужно искать начало раболѣпству, „наушничеству, податливости характера и рас- „положенія въ подчиненныхъ; точно такъ же, „какъ въ помѣщичьихъ имѣніяхъ такого же „рода отношенія владѣльца къ собственнымъ „крестьянамъ бывають причиною появленія „плутовъ и пройдохъ старостъ или прикащи- „ковъ; и на сколько плутъ староста безнрав- „ственнѣе простаго, безхитростнаго мужика, „на столько плутоватый фельдфебель хуже „обыкновеннаго рядоваго. Начальникъ части, „требующій услужливости отъ своихъ подчи- „ненныхъ, самъ дѣлаетъ тоже самое относи- „тельно вышнихъ. Движимый ревностію къ „угожденію начальству, онъ готовъ былъ бы „раздѣть солдатъ и сложить все въ цейхгаузъ, „чтобы ничего не носилось и не портилось.

„Личная непріятность и ссора часто пере- „носятся въ область службы; тотчасъ же „являются форменныя бумаги съ форменными „выраженіями, считающимися у насъ колкими, „какъ напримеръ: *„вынужденнымъ нахо- „жусь...“* — „не лишній считая замѣтить...“ „и т. п. Прославленнымъ на незавидномъ по- „прищѣ военнаго крючкотворства дается даже „титулъ головы. — „О, этотъ человѣкъ — го- „лова!... какое у него перо!...“ таинственно „произносятъ его товарищи. На плацу, при „ученьяхъ, дѣлаются придирки, выговоры „и, — что еще хуже, еще отвратительнѣе, — „злоба иногда вымещается на подчиненныхъ

ЗАПИСКА ПОЛКОВНИКА ШТЮРМЕРА.

СМОТРЫ.

„Кстати о смотрахъ (стр. 84).
„Смотры высшаго начальства составляютъ альфу и омегу нашей служебной дѣятельности; удача на смотру поглощаетъ всѣ стремленія начальниковъ частей.

„Въ горячихъ случаяхъ ожиданія смотра отличаются иные офицеры, люди разбитые во всѣ руки, какъ говорится съ правилами: „воруй да не попадайся“, которые *зубочистками* и пинками дѣлаютъ повидимому чудеса въ обученіи солдатъ ружейнымъ приемамъ и широкому шагу. Но солдаты, прошедшіе ихъ школу, съ забытыми и поглупѣвшими головами, съ оторопѣвшими физиономіями, уже менѣе годны къ ловкому дѣйствию въ разсыпномъ строю. Они отвыкли разсуждать и имѣть свою волю. Да и сами эти офицеры оказываются совершенно лишними въ часъ битвы. Но тѣмъ не менѣе, ими дорожатъ. Они весьма нужны для смотровъ, для различныхъ сдѣлокъ съ мѣстными властями и для командировокъ по хозяйственной части. Ужъ если и себя не забудетъ такой человекъ, то все же посылающій его забудетъ не въ накладъ“.

ПОДЛИВНЫЯ ВЫПИСКИ ИЗЪ „СБОРНИКА“.

„того, кто имѣлъ несчастіе не понравиться; и старшій начальникъ наказываетъ тогда солдата не за то, что онъ въ самомъ дѣлѣ виноватъ, а затѣмъ, чтобы досадить ближайшему его начальнику.

„Кстати о смотрахъ. Нельзя не замѣтить, что смотры высшаго начальства составляютъ альфу и омегу нашей служебной дѣятельности. Не усиѣнность службы въ ея постепенномъ, непрерывномъ ходѣ; не ровная, постоянная заботливость о ея выгодахъ,—а только удача на смотру, вотъ что поглощаетъ всѣ стремленія начальниковъ частей. Оттого такая напряженная, лихорадочная дѣятельность передъ днемъ смотра, такіа усиленные ученія; здѣсь уже не имѣютъ мѣста ни заботливость о здоровьи солдатъ, ни разборчивость средствъ; кому, напримѣръ, не извѣстны проколотыя штыками мишени и т. п.?”

„Вотъ въ такихъ-то горячихъ случаяхъ ожиданія смотра и отличаются иные офицеры, люди разбитые, на всѣ руки, какъ говорится, съ правилами „воруй да не попадайся“, которые *зубочистками* и пинками дѣлаютъ, повидимому, чудеса въ обученіи солдатъ ружейнымъ приемамъ и широкому шагу. Но солдаты, прошедшіе ихъ школу съ забытыми и поглупѣвшими головами, съ оторопѣлыми физиономіями, уже менѣе годны къ ловкому дѣйствию по одиночкѣ, въ разсыпномъ строю; вѣтъ у нихъ ни смѣтливости, ни рѣшительности; они отвыкли разсуждать и имѣть свою волю. Да и сами эти офицеры, обыкновенно такіе храбрые предъ безмолвнымъ и безответнымъ фронтомъ своей роты или команды, отходятъ предъ лицомъ настоящей опасности и смерти, какъ замѣчалось, на задній планъ; эти люди, такіе находчивые въ надувательствѣ становыхъ приставовъ, при расплатѣ контрмарками, знающіе наизусть, какъ *Отче нашъ*, всѣ параграфы Военскаго устава, но не понимающіе и не дающіе никогда себѣ отчета, почему такъ, а не иначе говорить уставъ, на основаніи какихъ тактическихъ данныхъ то или другое постановлено,—оказываются совершенно лишними въ часъ битвы. Но тѣмъ не менѣе, ими дорожатъ. Они весьма нужны для смотровъ, для различныхъ сдѣлокъ съ мѣстными властями и для командировокъ по хозяйственной части. Ужъ если и себя не

ЗАПИСКА ПОЛКОВНИКА ШТЮРМЕРА.

подлинныя выписки изъ „Сборника“.

СТРѢЛБА ВЪ МИШЕНЬ

„Кому, напримѣръ, не извѣстны проколотыя штыками мишени?“ (стр. 84).

б) Болѣе рѣзко, и не безъ остроты, описаны употребляемыя, будто бы, въ артиллеріи хитрости для обмана начальства въ отношеніи успѣховъ практической стрѣльбы и описано составленіе подложныхъ журналовъ производства оной (стр. 98—99).

Даже весьма основательная статья „Взглядъ на состояніе войскъ въ минувшую войну“ представляетъ довольно рѣзкія выраженія о долгѣ службы, обученіи войскъ и проч.

ВОЕННОЕ СУДОПРОИЗВОДСТВО.

При разборѣ „Морскаго Сборника“ (стр. 238—245) выписаны изъ этого журнала сужденія о вѣкоторыхъ предметахъ и нѣсколько подлинныхъ выраженій. Послѣ колкаго сравненія

„забудетъ такой человѣкъ, то все же, посылающій его будетъ не въ накладѣ“.

—Но гдѣ же найти универсальное лекарство и противоядіе для недостатковъ нашихъ? Ясно, что отвѣтъ будетъ тотъ же самый, какимъ отвѣчали на всѣ вопросы, затронутые въ послѣднее время; отвѣтъ этотъ: „въ просвѣщеніи“. Только образованный офицеръ можетъ имѣть болѣе человѣчный взглядъ на солдата, можетъ отрѣшиться отъ условной честности и возвыситься до истинной честности, и понять свой долгъ и назначеніе обязанности и правильныя“ (стр. 83, 84 и 85).

Г. цензоръ, приводя эти слова въ обвиненіе, не знаетъ, конечно, что они совершенно справедливы.

Г. цензоръ принимаетъ на себя видъ, что онъ рѣшительно никакихъ, даже и мелкихъ злоупотребленій и подозрѣвать не можетъ. Сознаніе въ ошибкѣ онъ ставитъ въ преступленіе. Очевидно, что онъ не можетъ сойтись въ мнѣніи съ „Сборникомъ“, который возстава на господъ, проповѣдующихъ правило „воруй да не попадайся“, возстаетъ точно также и на тѣхъ, кто проповѣдуетъ: „обманывай, плутуй, но не сознавайся“.

Эта статья еще въ рукописи удостоилась быть читанной и одобренной Государемъ Императоромъ.

Г. цензоръ, относительно этой статьи, ограничился только отзывомъ, что въ ней есть рѣзкія мѣста противъ долга службы и обученія войскъ. Но еслибы онъ привелъ эти мѣста точно также составленными изъ отдѣльных фразъ и словъ, собранныхъ совершенно съ разныхъ страницъ, какъ онъ приводилъ мѣста изъ другихъ статей, то и эта статья могла бы подвергнуться осужденію, и кто читалъ ее въ подлинникѣ, тотъ не узналъ бы ее вышедшею изъ подъ пера г. цензора. Статью „Голосъ изъ Арміи“ Его Величество точно также осчастливилъ прочтеніемъ и помѣтками, но передѣланная г. цензоромъ, она явилась въ такомъ видѣ, что ея и слѣда ни осталось; все, что было въ ней благороднаго, разумнаго, поблекло въ искаженныхъ выпискахъ.

Г. цензоръ, искажая выписку, лишаетъ ее основной идеи и умалчиваетъ о томъ, что здѣсь идетъ рѣчь о судопроизводствѣ на корабляхъ, совершенно другаго характера, чѣмъ въ сухопутномъ вѣдомствѣ, и о такомъ во-

ЗАПИСКА ПОЛКОВНИКА ШТЮРМЕРА.

нашего Балтійскаго флота съ *этапными инвалидами*, слѣдуетъ рѣзкое описаніе воспитанія въ Морскомъ кадетскомъ корпусѣ, и наконецъ приводится мнѣніе о военномъ судопроизводствѣ. Законная форма военного суда представляетъ, по мнѣнію автора, два важныя неудобства (стр. 242), *„медленность и зависимость участіи подсудимаго отъ одного лица*. Военные законы ясны, — къ чему же множество инстанцій? Участіе къ судьбѣ провинившагося должно быть разсудительное и живое; для чего же отдавать ее на произволъ неспособности или прихотливости, свойственной старости? Къ чему между первоначальнымъ осужденіемъ и окончательнымъ пересмотромъ его, что дѣлается коллегіально, вводить произвольное сужденіе одного лица, котораго мнѣніе, по положенію, имъ занимаемому, непремѣнно должно имѣть вѣсъ и значеніе. Судите cadaго естественными судьями его; вводите въ комиссію непремѣнно и элементъ товарищества. Какое подкрѣпленіе для власти, если лейтенантъ осудить лейтенанта“!

ПОДЛИННЫЯ ВЫПИСКИ ИЗЪ „СБОРНИКА“.

просѣ, по которому Морское вѣдомство само желало узнать мнѣніе своихъ служащихъ, находя его несомнѣнно полезнымъ для соображеній при преобразованіяхъ судопроизводства.

Вотъ слова, цитированныя изъ „Морскаго Сборника“:

„Допуская къ себѣ надежды на лучшее будущее, нельзя не пожелать реформы и усовершенствованій по той части, отъ которой судьба служащихъ наиболѣе зависитъ, именно по судебной. При настоящей организаціи существуютъ два важныя неудобства — *„медленность и зависимость участіи подсудимаго отъ одного лица*. Медленность не свойственна военному судопроизводству и могла бы быть устранена, во-первыхъ, уменьшеніемъ случаевъ, по которымъ служащіе предаются военному суду; во-вторыхъ, учрежденіемъ, для всякаго случая, особой комиссіи изъ офицеровъ, состоящихъ на дѣйствительной службѣ, изъ живущихъ съ подсудимымъ одною жизнію. Если всѣ преступленія противъ общества предоставить рѣшенію гражданскихъ законовъ, то военные чины не будутъ считать себя какою-то отдѣльною кастою, и военнымъ судамъ останутся только случаи, противные требованіямъ службы. Мундиръ долженъ подвигать ко всему хорошему и честному, а не спасать отъ кары за дурное и неблагородное. Кто справедливѣе разсудить случаи, вредящіе службѣ: тѣ ли, которые хорошо знаютъ ея требованія, дѣятельно занимаясь ею, или люди, которымъ даютъ въ руки вѣсы правосудія потому, что они не умѣютъ держать въ нихъ жезла власти; тѣ ли, кому подсудимый болѣе или менѣе извѣстенъ, со всею исторіею его служебной карьеры, которые слѣдятъ за ходомъ сословія, или отжившіе старцы, мѣрящіе все масштабомъ прошедшаго, иногда слишкомъ снисходительные, подъ часть безмѣрно строгіе. давно отставшіе отъ сословія? Военные законы ясны; къ чему же множество инстанцій? Участіе къ судьбѣ провинившагося должно быть разсудительное и живое; для чего же отдавать ее на произволъ неспособности или прихотливости, свойственной старости? Къ чему между первоначальнымъ осужденіемъ и окончательнымъ пересмотромъ его, что дѣлается коллегіально, вводить произвольное сужденіе одного лица, котораго мнѣніе, по положенію, имъ занимаемому, непремѣнно должно имѣть вѣсъ и значеніе? Судите cadaго

ЗАПISКА ПОЛКОВНИКА ШТЮРМЕРА.

ПОДЛИННЫЯ ВЫПИСКИ ИЗЪ „СБОРНИКА“.

По приведеніи этого мѣста, разбирающій „Морской Сборникъ“ говоритъ: „Мысли автора справедливы и рациональны. Ничто не можетъ сравниться съ судомъ товарищей, всегда безпристрастнымъ“. Этого одобренія надлежало ожидать. Оба „Сборника“ имѣютъ одно убѣжденіе. „Военный“ предлагаетъ (стр. 120) проступки солдатъ отдавать на судъ сослуживцевъ, на подобіе того, какъ крестьянскія дѣла разбираетъ миръ. „Морской“ желаетъ, чтобы офицера судили его товарищи. Оба „Сборника“ забываютъ, что основанія уголовного судопроизводства зависятъ отъ высшихъ государственныхъ соображеній, и что законы вырабатываются не изъ праздныхъ мечтаній молодыхъ офицеровъ, но изъ жизни народа, мудростью правительства и требованіями времени.

„естественными судьями его; введите въ комиссію непременно и элементъ товарищества. „Законъ, повторяемъ, ясенъ; что черно, то черно и будетъ; но какое подкрѣпленіе для власти, если лейтенантъ осудить лейтенанта! Какое торжество закона надъ всѣми связями дружбы и частныхъ отношеній! Съ другой стороны, отстаивая товарища, членъ комиссій дороется до всѣхъ побудительныхъ и извинительныхъ причинъ. и торжество истинны обезпечится. Мойте грязное бѣлье невѣжества, наглости и безнравственности на бѣломъ свѣту, „противно пословицѣ, и это покажетъ всѣмъ, „что вы хотите держать себя чисто“ (стр. 241—242).

И въ этомъ размысленіи г. цензоръ также находитъ преступленіе?

Г. цензоръ въ этомъ случаѣ столько же скупъ на выписки, сколько щедръ на философскія разсужденія.

Авторъ, разбирающій „Морской Сборникъ“, говоритъ слѣдующее: „Мысли автора справедливы и рациональны. Ничто не можетъ сравниться съ судомъ товарищей, всегда безпристрастныхъ. Офицеръ, осужденный цѣлымъ обществомъ, хорошо знающимъ малѣйшія подробности его быта, не найдетъ уже никакого оправданія нигдѣ, куда бы судьба его ни бросила. Даже теперь, когда общество офицеровъ устранено отъ судебной власти надъ своими товарищами, и теперь даже судъ товарищей явно оставляетъ свои слѣды на личности осужденнаго общественнымъ мнѣніемъ. Это замѣтно и тамъ даже, гдѣ, по видимому, менѣе всего можно подозрѣвать существованіе этого мнѣнія. Офицеръ, удаленный изъ одного полка своими товарищами, никогда не найдетъ участія къ себѣ въ другомъ. Каждый, говоря о такомъ офицерѣ, непременно уже скажетъ при всякомъ удобномъ случаѣ: „его удалили офицеры изъ такого-то полка“. Если же офицеръ удаленъ самимъ командиромъ, то хотя бы проступокъ его и былъ вдвое чернѣе того, за который первый изгнанъ своими товарищами, однако почти всегда объ немъ скажутъ только: „у него была какая-то исторія съ командиромъ“. (стр. 242—243).

Затѣмъ на 120 страницѣ „Военный Сборникъ“ предлагаетъ отдавать нѣкоторые проступки на судъ самихъ же солдатъ слѣдующимъ образомъ: „Когда проступокъ по роду своему не требуетъ немедленнаго наказанія,

ЗАПИСКА ПОЛКОВНИКА ШТЮРМЕРА.

ПОДЛИННЫЕ ВЫПИСКИ ИЗЪ „СБОРНИКА“.

За симъ изложено довольно подробно устройство прусскихъ офицерскихъ судовъ и разрѣшенія, даваемые ими на дуэли холоднымъ оружіемъ. Такъ какъ дуэли воспрещены у насъ безусловно, то кажется благоразумнѣе было бы не дразнить молодыхъ умовъ изложеніемъ этой статьи, тѣмъ болѣе, что учрежденіе, введенное въ протестантскомъ государствѣ, можетъ быть, въ религіозномъ отношеніи, совершенно противно тѣмъ началамъ, на которыхъ основаны законы православной державы.

МЫСЛИ ПО ЧАСТЯМЪ УЧЕБНОЙ И УЧЕНОЙ.

Разсмотрѣвъ статьи, относящіяся къ фронтовой службѣ, обратимся къ частямъ учебной и ученой.

Выше упомянуто было о мнѣніи „Морскаго Сборника“ (повторенномъ въ „Военномъ Сборникѣ“ (на стр. 239—241) на счетъ неудовлетворительности воспитанія въ Морскомъ кадетскомъ корпусѣ. На стр. 234—238, встрѣчается разборъ предмета, относящагося не только до одного Морскаго корпуса, но до всѣхъ кадетскихъ корпусовъ, до всѣхъ учебныхъ заведеній,—это значеніе балловъ. Авторъ, сознавая необходимость балловъ, какъ за поведеніе, такъ и за науки для домашняго лишь обихода, старается доказать, что вообще нельзя никогда придавать серьезнаго значенія балламъ. Мысли его,

полезно отдавать его на судъ товарищей, это подыметъ голосъ общества, внушить виновному уваженіе къ товарищамъ и вѣрво взысканіе опредѣлять справедливѣе *)“.

Неужели г. цензоръ и въ этомъ видитъ безправственность? Но на самомъ дѣлѣ подобнаго рода судъ повторяется безпрестанно и самыми разумными начальниками. Какое соотношеніе съ подобнымъ судомъ имѣетъ уголовное судопроизводство?

Г. цензоръ позабылъ упомянуть, откуда въ „Военномъ Сборникѣ“ взято описаніе прусскихъ офицерскихъ судовъ, тогда какъ на 243 страницѣ ясно сказано, что описаніе взято изъ *Военнаго Журнала за 1857 годъ № 5-й*, то есть изъ журнала, издаваемого Военно-Ученымъ Комитетомъ и проценсированнаго уже военной ценсурой.

Г. цензоръ, который въ другой своей запискѣ увлекся дуэлью французскихъ подпоручиковъ съ Пэномъ до того, что несмотря на *неблагородное* окончаніе дуэли, выставилъ ее образцомъ чувства *чести*, лишь только зашла въ „Сборникѣ“ рѣчь о судахъ, разрѣшающихъ дуэли, находитъ, что дразнить молодежь дуэлями не хорошо. Трудно рѣшить, чего желаетъ г. цензоръ. Но очевидно, что онъ въ обоихъ случаяхъ совершенно расходится съ понятіями о чести всего военного общества, признающаго дуэль съ Пэномъ образцомъ, не чести, а низости, марающей мундиръ; а дуэль, разрѣшаемую судомъ,—вещью иногда совершенно неизбежною, хотя и прискорбною.

Здѣсь выводъ г. цензора особенно оригиналенъ. Мысли, высказанныя о балахъ, онъ

„*) Каждый солдатъ, прежде поступленія въ военную службу, былъ крестьяниномъ, и потому знаетъ, что такое міръ, понимаетъ всю важность этого учрежденія, и съ юныхъ лѣтъ питаетъ къ нему уваженіе; поэтому дѣла, отданныя на обсужденіе солдатскому міру, будутъ рѣшены имъ безпристрастно. Слишкомъ большой строгости отъ ихъ опредѣленій ожидать нельзя, русскій солдатъ самъ по себѣ челоувѣколюбивъ: въ лагеряхъ десятки нищихъ пропитываются на его счетъ: арестанту онъ всегда дастъ копѣйку, если она у него есть. Состраданіе у него развито: дажѣ къ животнымъ: ротная лошадь, собака служатъ тому примѣромъ; весь запасъ нѣжности солдата, за немѣнимымъ другого исхода, истощается на какого нибудь нѣжнаго ваську или мохнатую жучку“.

ЗАПИСКА ПОЛКОВНИКА ШТЮРМЕРА.

конечно, отчасти справедливы, того отвергать нельзя, но желательно было бы, чтобы кадеты не читали его статьи, потому что они могут и готовы слишком повфрять проповѣдываемой заманчивой истинѣ.

Въ статьѣ: „Мысли по поводу преобразованій въ артиллеріи“, собственно о преобразованіяхъ нѣтъ почти никакихъ подробностей, за исключениемъ только слѣдующаго:

Авторъ, сказавъ, „что по окончаніи послѣдней войны сдѣлать правительствомъ цѣлый рядъ реформъ, „самыхъ благодѣтельныхъ“ для народа“, и о дозволении гласности, продолжаетъ (стр. 94): „Перелистывая официальный отдѣлъ „Артиллерійскаго Журнала“, невольно оставаясь на отчетѣхъ о различныхъ реформахъ по артиллерійскому вѣдомству: въ числѣ этихъ новыхъ, важныхъ мѣръ, одно изъ первыхъ мѣстъ занимаетъ *уничтоженіе въ артиллеріи экзаменовъ*“.

За симъ изложены довольно интересно подлоги и хитрости, употреблявшіяся офицерами для удовлетворенія *нелюбви* (какъ выражается авторъ) *формальности*. Авторъ замѣчаетъ, что „какъ артиллерійское начальство печатно заклѣмилло бесполезную формальность этихъ экзаменовъ, то *возвратъ къ ней сдѣлался невозможнымъ*“.

По прочтеніи этихъ строкъ, невольнымъ образомъ представляешь себѣ ребенка, радующагося, что тетюшка выпросила его отъ экзамена, къ которому онъ не былъ приготовленъ. Кто желаетъ трудиться, тому экзамены не мѣшаютъ; кто не хочетъ, тотъ воспользуется не много и вводимыми теперь лекціями.

ПОЛЕМИКА.

Въ полемической статьѣ по вопросу о батареѣ Раевского (1812 г.) встрѣчаются нѣсколько рѣзкія выраженія, напримѣръ, стр. 296: „Это можно бы „оставить безъ вниманія, если бы

ПОДЛИННЫЯ ВЫПИСКИ ИЗЪ „СБОРНИКА“.

признаетъ справедливыми, „того отвергать нельзя“, находить даже, что все это „истина“, но отвергаетъ ее, потому что она заманчива! Если истинѣ излагать (или какъ выражается цензоръ *проповѣдывать*) нельзя, потому что онѣ заманчивы, то, что же тогда проповѣдывать? — неужели ложь?

Въ этомъ случаѣ г. цензоръ совершенно расходится въ мнѣніи съ Артиллерійскимъ Ученымъ комитетомъ. Насмѣшки его неумѣстны, дѣло объ экзаменахъ уже рѣшено серьезнымъ образомъ, людьми, которые приобрѣли себѣ всеобщее уваженіе своею просвѣщенною и благонамѣренною дѣятельностью. Подлоги и хитрости, употреблявшіяся при экзаменахъ, всѣми признаны, экзамены отмѣнены и сравненія съ тетюшками уже лишніе. Авторъ статьи „Сборника“ совершенно правъ въ своихъ словахъ. Вотъ приведенная имъ выписка изъ подлиннаго рѣшенія Комитета помѣщеннаго въ „Артиллерійскомъ Журналѣ“.

„Принимая въ соображеніе, сказано въ отчетѣ, что нынѣшній порядокъ офицерскихъ экзаменовъ, какъ доказывается по многолѣтнему его существованію, не только не служить ни для какой полезной цѣли, но, вмѣсто поощренія къ занятіямъ молодыхъ офицеровъ, даетъ имъ лишь поводъ ухищряться въ подлогахъ, а потомъ издѣваться надъ слѣпымъ распоряженіемъ, наноситъ этимъ ущербъ пользѣ службы и самой нравственности офицеровъ, унижая ихъ личное достоинство, и наконецъ обременяетъ начальство разсмотрѣніемъ громаднаго количества письменныхъ отвѣтовъ на вопросы, всегда почти списанныхъ изъ курсовъ или прежнихъ рѣшеній, — Артиллерійское отдѣленіе Военно-Ученаго Комитета, находя существованіе настоящаго порядка офицерскихъ экзаменовъ вреднымъ, признало необходимымъ нынѣ же отмѣнить оный“.

За симъ слѣдуютъ соображенія, чѣмъ замѣнить экзамены, чтобы дѣйствительно привести образованіе артиллерійскихъ офицеровъ къ желаемой цѣли.

Статья эта, принадлежащая заслуженному нашему исторіографу и члену Военно-Ученаго Комитета, только подъ перомъ г. цензора, при его умѣнныхъ придрывахъ къ одному предложенію окончаніе совершенно другаго предложенія, могла

ЗАПИСКА ПОЛКОВНИКА ШТЮРМЕРА.

„почтенный автобіографъ не имѣлъ притязанія, облекшись въ докторскую мавтію, поучать насъ уму разуму. Кто принимаетъ на себя такую роль, тотъ долженъ подтвердить неоспоримыми доказательствами новые факты, а не ограничиваться повтореніемъ: „я видѣлъ, я слышалъ. Историкъ (стр. 297) долженъ вѣрить только тѣмъ свидѣтелямъ, *которыхъ вся жизнь была посвящена служенію правдѣ*“.

Послѣднее выраженіе въ особенности оскорбительно. Какое право имѣетъ авторъ намекать нечаша, что его противникъ всю жизнь не служилъ правдѣ?...

О ВООРУЖЕННОЙ СИЛѢ ГОСУДАРСТВА.

Въ составѣ „Военнаго Сборника“ статья „О вооруженной силѣ и ея устройствѣ“ (стр. 16—57) обращаетъ на себя особое вниманіе читателей. Предметъ оной относится къ военной философіи, стратегіи и военной статистикѣ; а это высшія отрасли военной науки.

Съ самаго начала статьи авторъ принимаетъ уже совершенно миролюбивое направленіе. „Образованіе, говоритъ онъ (стр. 17), доведетъ народы до того, что они откажутся отъ употребленія насилія въ случай возникающихъ недоразумѣній“. Въ подтвержденіе сего, приводитъ извѣстную фразу: „имперія — это миръ!“ Потомъ указываетъ на „громадную силу (стр. 18) общественнаго мнѣнія“, которое будто бы ставитъ миръ *выше всего*, радуется, что идея справедливости дѣлается „постепенно руководящею мыслью нашего вѣка“ и повторяетъ другую

ПОДЛИННЫЯ ВЫПИСКИ ИЗЪ „СБОРНИКА“.

выразить какой-то отвлеченный намекъ, который г. цензоръ счелъ нужнымъ выставить особенно *оскорбительнымъ*.

Изъ выписки г. цензора видно, что начало ея взято на 296 страницѣ, а окончаніе прибрано изъ 297. Этому окончанію предшествуютъ слѣдующія слова, отъ которыхъ зависитъ прямо ихъ смыслъ:

„При изложеніи какого бы то ни было историческаго факта, слѣдуетъ сличить между собою всѣ имѣющіяся о немъ свѣдѣнія, и потомъ ихъ дополнить и повѣрить показаніями свидѣтелей излагаемаго событія: послѣдніе материалы драгоцѣнны, но ими должно пользоваться съ большою разборчивостью, потому что они не всегда отличаются безпристрастіемъ. Почти всѣ автобіографіи имѣютъ недостатокъ Птолмеевой системы, поставляя Я въ центрѣ міра. Поэтому историкъ, имѣющій цѣлью своихъ изслѣдованій истину, и ничего болѣе какъ истину, долженъ вѣрить только тѣмъ свидѣтелямъ событій, *которыхъ вся жизнь была посвящена служенію правды*“.

То есть служенію истины, остающейся всегда безпристрастной, даже и тамъ, гдѣ затронуто собственное Я.

Г. цензоръ обратилъ это въ особенное оскорбленіе.

Можно было бы полагать, что г. цензоръ, признавшій самъ важное значеніе этой статьи, поступить съ ней серьезно, тѣмъ съ другими. Но г. цензоръ, ни сколько не стѣсняясь смысломъ, озаботился только тѣмъ, чтобы изъ 40 печатныхъ страницъ набрать двѣ страницы выписокъ.

Какъ одного автора онъ съ насмѣшкою винить въ *гуманномъ* направленіи, такъ этому онъ ставитъ въ вину *миролюбивое* направленіе.

ЗАПИСКА ПОЛКОВНИКА ШГЮРМЕРА.

„известную фразу: „время завоеваний прошло“.

Миръ— „миръ, покровительствующій труду и развитію довольства (стран. 19) между народами содѣлывается нормальнымъ положеніемъ нашего общества, а исключительное (стран. 20) военное могущество государства становится въ Европѣ „аномалією. Политическое достоинство государства должно быть главнымъ образомъ основываемо не на арміяхъ и флотахъ, а на совокупности всѣхъ нравственныхъ и матеріальныхъ силъ государства, источникомъ которыхъ служить *народъ*. Не въ казармахъ скрывается сила (слова Пексана). Исторія лучше всего свидѣтельствуетъ гдѣ искать ее. Огнѣмъ (стран. 21), тѣ правительства будутъ сильны, которыя тѣсно связаны съ народомъ. Англійская армія въ Крыму утратила свою славу, но англійскій уполномоченный повизилъ ли свой голосъ на конгрессѣ? — Нисколько. Англія по прежнему была требовательна“.

„При сознаніи закона (стран. 22) вооруженная сила, какъ обезпеченіе внутренняго спокойствія государства, имѣетъ лишь весьма неважное значеніе. Во Франціи ода армія можетъ гарантировать внутреннее спокойствіе страны. Положеніе Россіи въ этомъ отношеніи тоже не установилось“.

„На количество войскъ можетъ имѣть также вліяніе степень личнаго довѣрія между правительствомъ и народомъ (стр. 23). Вездѣ арміи (стран. 26) тѣмъ вѣрнѣе притягивали войну и все зло, съ нею сопряженное, чѣмъ онѣ были страшнѣе. Изъ нихъ не было ни одной, котораяохранила бы свою страну отъ вторженія. Наполеонъ съ своими превосходными арміями былъ униженъ болѣе, чѣмъ кто либо“.

„Для войска, государство должно пожертвовать людьми молодыми, сильными, здоровыми; оно ослабляетъ составъ населенія, уменьшая его приращеніе (стран. 28).

ПОДЛИННЫЯ ВЫПИСКИ ИЗЪ „СБОРНИКА“.

Чтобы возстановить смыслъ этихъ двухъ параграфовъ, надо было бы выписать 8 печатныхъ страницъ. По отмѣткамъ самого г. цензора видно, что онъ свелъ фразы изъ отдѣльныхъ фразъ, мало того изъ отдѣльныхъ словъ 19, 20, 21, 22, 23 и 26 страницы. Можно ли приписывать другому смыслъ подобно сведенныхъ параграфовъ и притомъ въ статьѣ теоретической, гдѣ логичность самого вывода связываетъ всѣ слова отъ перваго до послѣдняго.

Даже для этихъ четырехъ строкъ надо выписать цѣлую страницу. Вотъ она:

„Мы приходимъ, такимъ образомъ, къ заключенію, что военныя касты невозможны, и что вооруженная сила должна возникать изъ среды всего населенія страны. Посмотримъ теперь, какія соображенія представляются каж-

ЗАПИСКА ПОЛКОВНИКА ШТЮРМЕРА.

подлинныя выписки изъ „Сборника“.

„дому государству, при образованіи военной
„силы на этомъ условіи.

„Для войска, государство должно пожертво-
„вать людьми молодыми, сильными, здоровыми,
„слѣдовательно, оно лишаетъ себя производи-
„тельныхъ трудовъ лучшей части своего насе-
„селенія; оно ослабляетъ и самый составъ на-
„селенія, уменьшая его приращеніе. Браки не
„согласуются съ чисто-военными цѣлями; въ
„войскахъ почти всѣхъ государствъ они встрѣ-
„чаютъ большія или меньшія затрудненія, да
„и самыя обязанности военной службы имъ
„не благопріятствуютъ; поэтому, самая способная
„къ умноженію часть населенія тратитъ свои
„производительныя силы въ семейныхъ обя-
„занностей граждаина. Это обстоятельство
„ограничиваетъ число рождающихся; но при
„продолжительномъ военномъ напряженіи, когда
„большая часть крѣпкаго населенія вызвана
„на службу, къ ограниченному числу рождаю-
„щихся присоединяется еще другое невыгодное
„условіе—ихъ недолговѣчность, такъ какъ по-
„колѣніе въ подобномъ случаѣ производится
„людьми незрѣлыми, хилыми, болѣзненными.
„или дряхлыми, словомъ, тѣми, которые по
„своимъ физическимъ недостаткамъ были не-
„способны для военной службы.—Обстоятель-
„ство это уже оправдалось однажды на Фран-
„ціи. Огромныя арміи, которыя она выставляла
„въ послѣдніе годы имперіи, были причиной,
„что въ 1830-хъ годахъ количество ея кон-
„скриптовъ было менѣе обыкновеннаго соб-
„ственно потому, что изъ родившихся въ
„1810—1815 годахъ, немногіе дожили до
„21-го года. — Больныя постоянныя арміи и
„флоты, несоразмѣрныя съ населеніемъ и излиш-
„не его отягощающія, точно также вредно на
„него дѣйствуютъ, какъ и другія причины,
„имѣющія вліяніе на уменьшеніе населенія: вой-
„ны, болѣзни, голодъ и проч.

„Это важное экономическое условіе постоянно
„побуждаетъ и всегда будетъ побуждать пра-
„вительства заботиться, какъ объ уменьшеніи
„пропорціи постоянныхъ войскъ къ населенію,
„такъ и объ облегченіи самой военной повин-
„ности. Достигается это двумя способами:
„1) организаціею милицій, ополченій, развитіемъ
„торговаго флота и 2) сокращеніемъ сроковъ
„службы“.

Это и такъ ясно, а изъ предыдущихъ до-
казательствъ, помѣщенныхъ на 29 стр., вы-
текаетъ еще яснѣе.

„Какъ справедливость въ распре-
„дѣленіи военной повинности, такъ и
„сбереженіе военныхъ силъ въ случаѣ
„продолжительнаго напряженія, оди-

ЗАПИСКА ПОЛКОВНИКА ШТЮРМЕРА.

ПОДЛИННЫЕ ВЫПИСКИ ИЗ „СБОРНИКА“.

„наково заставляють отдать предпо-
„чтеніе *краткимъ срокамъ службы*
„(стр. 30).

„Выходить, значить (стр. 34),
„что армія не только не обогащаетъ
„государство, но парализируя извѣст-
„ную часть работы, которая могла бы
„быть предпринята на поглощенные
„ею суммы, ослабляетъ народное про-
„изводство, а слѣдовательно и обога-
„щеніе“.

Слова экономиста *Бастіа* (стр. 3):
„распустить 100,000 солдатъ, зна-
„чить сберечь 100 миліоновъ фран-
„ковъ и отдать ихъ людямъ, платя-
„щимъ подати. Пуская такимъ обра-
„зомъ 100,000 человекъ на рынокъ,
„вы рядомъ пускаете туда и 100
„миліоновъ франковъ, которые опла-
„чивали бы ихъ работу и, слѣдова-
„тельно, мѣра, увеличивающая число
„предлагаемыхъ рукъ, увеличиваетъ
„и запросъ на нихъ. Какъ предъ уволь-
„неніемъ, такъ и по роспускѣ войскъ.
„въ странѣ есть 100 миліоновъ фран-
„ковъ, соответствующихъ 100,000 че-
„ловѣкъ, вся разница въ томъ, что
„прежде страна давала 100 миліоновъ
„франковъ 100,000 человекамъ, чтобы
„они ничего не дѣлали, а потомъ она
„даетъ тѣ же деньги, чтобы они ра-
„ботали. Во второмъ случаѣ нація
„получаетъ что-нибудь а въ первомъ
„не получаетъ ничего. Результатъ —
„чистый убытокъ для народа“.

Вышензложенныя мысли могутъ быть
болѣе или менѣе справедливы въ те-
оріи политической экономіи, но здра-
вый смыслъ говорить, что онѣ совер-
шенно неумѣстны въ военномъ журналѣ,
имѣющемъ притязаніе сдѣлаться отбор-
ною книгою военныхъ людей. Умень-
шеніе значенія арміи можетъ быть
прочтено съ удовольствіемъ лицами
уховнаго званія, которыя по сану

Г. цензоръ упустилъ здѣсь весь смыслъ рѣ-
чи. Въ одной изъ статей 1852 года было на-
печатано, что *арміи обогащаютъ государства,*
способствуютъ обращенію денегъ, и что
расходы на армію составляютъ предметъ
второстепенной важности. Г. цензоръ при-
велъ только одну фразу изъ критики на это
сужденіе, но конечнаго вывода не привелъ.
Вотъ онъ: „Нѣтъ, не обращеніемъ капиталовъ,
а тѣмъ, что армія оберегаетъ работу, даетъ
возможность каждому члену спокойно тру-
диться надъ своимъ дѣломъ.—вотъ чѣмъ
армія способствуетъ благосостоянію госу-
дарства; и необходимо заботиться только о
томъ, чтобы пріобрѣсть это спокойствіе съ воз-
можно меньшими пожертвованіями“ (стр. 35).

Точно также г. цензоръ поступаетъ и съ
словами французскаго экономиста *Бастіа*.

Бастіа разбиралъ существовавшій во Франціи
тотъ же экономическій софизмъ, будто арміи
слѣдуетъ содержать для обогащенія *государ-*
ства циркуляцію капиталовъ. Приступая
къ этому разбору и указавъ на важность арміи
въ политическомъ смыслѣ, онъ именно просилъ,
чтобы не переголковали его словъ, чтобы не
дали имъ другаго смысла; но г. цензоръ, не-
смотря на предупредительную фразу *Бастіа*:
„*Пусть же не ошибаются въ цѣли моего*
сужденія“, не оказалъ ему снисхожденія и,
выписавъ только конецъ его рѣчи, лишилъ ее
смысла, который она имѣетъ въ подлинникѣ.
Впрочемъ, сущность дѣла, именно, что Франція
могла бы распустить 100,000 войска, не уни-
чтожая благосостоянія государства — осталась
ясною.

Какимъ образомъ, г. цензоръ, читавшій эту
статью, не замѣтилъ, что въ ней, послѣ разбора
экономическихъ условій, на которыхъ созидаются
вооруженныя силы, посвящено 20 страницъ на
разборъ условій чисто военныхъ, требуемыхъ
отъ каждой арміи? Послѣдній выводъ этой
статьи лучше всего свидѣтельствуетъ, писана
ли ова для духовныхъ и купцовъ или для
военныхъ.

„Высокое достоинство войскъ даетъ госу-

записка полковника Штюмера.

своему суть предпочтительно слуги мира; оно может поврагиться купцамъ, помѣщикамъ, профессорамъ, но ни одного офицера не прихоишетъ оно къ военной службѣ.

отношение къ иностраннымъ державамъ.

Въ статьѣ „Военное Обзорѣніе“ (стр. 215—223) авторъ отзывается вѣскольکو рѣзко о Наполеонѣ III и французской арміи. „Наполеонъ слѣлалъ войско слѣпымъ орудіемъ исполнительной власти, увеличивъ жалованье, учредивъ военный капиталъ и присвоивъ военскимъ чинамъ многія особыя права (напримѣръ, ѣздить въ омнибусахъ за половинную таксу). Онъ всѣми мѣрами старается устранить всякую связь между войскомъ и народомъ, чему много способствуетъ то, что вся армія живетъ въ казармахъ. Французское войско (стр. 216) не только не пользуется въ настоящее время никакой популярностью, но напротивъ того, является *какою-то кастою отверженцевъ общества (!)*. Армія постепенно обрацается изъ національнаго войска въ вербованное, наемное войско.

„Мѣра эта, просто обманъ, какъ нельзя лучше ведетъ императора къ цѣли, имъ предположенной. Армія наполняется наемниками, а правительство получаетъ возможность усилить жалованье, не увеличивая бюджета (стр. 218).

„Вотъ какими мѣрами Луи-Наполеонъ достигъ своей цѣли, создалъ себѣ наемное войско, держась извѣст-

подлинные выписки изъ „Сборника“.

„дарству возможность уменьшать ихъ число, сбергать средства, необходимыя для развитія народнаго. Достоинство же войскъ вполнѣ за виситъ отъ насъ. Вотъ, значить, цѣль, къ которой должны стремиться всѣ наши старанія, вся наша дѣятельность. Въ этомъ стремленіи заключается и самый долгъ нашъ. Кто его исполнитъ, тому государство будетъ вѣдойнѣ благодарно“.

Какъ въ началѣ статьи авторъ убѣждаетъ не скорбѣть о сокращеніи штатовъ, какъ въ самой статьѣ онъ доказываетъ, что это сокращеніе не произвольно, а вытекаетъ изъ насущныхъ потребностей государства; такъ въ концѣ онъ приглашаетъ всѣхъ военныхъ усугубить свои старанія и усилія, чтобы *достоинствомъ войскъ замѣнить ихъ уменьшающееся число*.

Г. цензоръ не хотѣлъ замѣтить простой и ясный смыслъ статьи.

Выписки эти составлены, какъ и всѣ предыдущія изъ отрывковъ фразъ, набранныхъ съ разныхъ страницъ. Въ этой статьѣ говорится о новыхъ учрежденіяхъ, послѣдовавшихъ во Французской арміи и весьма интересныхъ для военныхъ, а именно: о дотаціонной кассѣ и увеличеніи числа нижнихъ чиновъ, служащихъ не по обязанности, а по найму. Мнѣніе, выраженное здѣсь авторомъ, пробывшимъ нѣкоторое время въ близкихъ сношеніяхъ съ французскою арміею, есть общее мнѣніе ея офицеровъ. Могла ли же быть эта статья напечатана въ политическомъ отношеніи, то рѣшила гражданская цензура, которой представлялись статьи „Сборника“ на разсмотрѣніе.

ЗАПИСКА ПОЛКОВНИКА ШТЮРМЕРА.

ПОДЛИННЫЕ ВЫПИСКИ ИЗЪ „СБОРНИКА“.

„наго правила своего дяди: „*всѣ средства хороши, лишь бы вели прямо къ цѣли*. Но Наполеонъ III „впалъ въ весьма важную ошибку „учрежденіемъ гвардіи. Учрежденіе „этого привилегированнаго войска „возбудило нѣкоторое неудовольствіе „въ массѣ линейныхъ войскъ.

„Слишкомъ далеко завлекало бы „насъ исчисленіе невыгодъ этой чу- „довищной централизаціи. Подобная „система управленія только и воз- „можна во Франціи при развитыхъ „железныхъ дорогахъ“ и проч.

Въ какой мѣрѣ подобныя отзывы о французской арміи и о духѣ французскаго правительства могутъ быть дозволены, это ближе извѣстно министру иностранныхъ дѣлъ. Кажется, однакожь, что въ военномъ журналѣ, издаваемомъ по Высочайшему повелѣнію, эти сужденія неумѣстны.

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

Говоря только о тѣхъ статьяхъ, о которыхъ сдѣланы замѣчанія, сколько разнообразныхъ, сколько важныхъ предметовъ, относящихся въ особенности до военнаго управленія, переложилъ „Сборникъ“ уже въ 1-мъ своемъ томѣ! — Солдатокрадство, отношенія офицеровъ къ солдатамъ и къ начальникамъ, дисциплина, служба, смотры, практическая стрѣльба, военное судопроизводство, артиллерійскіе экзамены, и проч. и проч. Отдавая должную дань справедливости способностямъ составителей поименованныхъ статей, и сознавая охотно, что въ нихъ заключаются многія полезныя мысли, все же сожалѣть должно, что эти именно статьи были избраны для обработки. Исслѣдованія по симъ предметамъ требуютъ зрѣлой служебной опытности, уваженія къ существующему порядку,....*).

Дѣйствительно, „Сборникъ“ тронулъ много вопросовъ, но рѣшеніе ихъ надо искать, конечно, не въ выпискахъ г. цензора. Отвѣчалъ ли „Сборникъ“ хотя на одинъ вопросъ криво, а не по строгой правдѣ и не по чувству глубокой любви къ Государю и арміи?

Можно сказать утвердительно, что ни „Военный Сборникъ“, ни какая бы то ни было книга въ мірѣ, не можетъ считаться безопасною отъ обвиненія въ неблагонамѣренности, если обвиненіе это будетъ основываться на произвольномъ составленіи фразъ и на произвольномъ ихъ толкованіи! Такъ и случилось: статьи, прочитанныя Государемъ Императоромъ, статьи, помѣщенные Морскимъ вѣдомствомъ въ „Морскомъ Сборникѣ“, официальные слова журнала застѣданий Артиллерійскаго Отдѣленія Военно-Ученаго Комитета, выписки изъ „Военнаго Журнала“, уже одобреннаго военною цензурою, — все подало г. цензору пищу и поводъ къ обвиненіямъ.

*) Окончанія этой рукописи я не нашелъ въ имѣющихся у меня матеріалахъ.

ПИСЬМА БЕЗЪ АДРЕСА *).

I.

5 февраля, С.-Петербургъ.

Милостивый Государь!

Вы недовольны нами. Это пусть будетъ, какъ вамъ угодно: надъ своими чувствами никто не властенъ, и мы не ищемъ вашихъ одобреній. У насъ другая цѣль, которую, вѣроятно, имѣете и вы: быть полезными русскому народу. Стало быть, не отъ насъ вы, и не отъ васъ мы должны ждать настоящей признательности за ваши и наши труды. Есть для нихъ судья внѣ вашего круга, очень малочисленнаго, и даже нашего круга, который хотя и гораздо многочисленнѣе вашего, но все-таки составляетъ лишь ничтожную частичку въ десяткахъ миллионовъ людей, благу которыхъ мы и вы хотѣли бы содѣйствовать. Если бы этотъ судья могъ произносить съ сознаниемъ дѣла оцѣнку вашимъ и нашимъ работамъ, всякія объясненія между вами и нами были бы излишни.

Къ сожалѣнію, этого нѣтъ. Васъ онъ знаетъ по имени, но будучи совершенно чуждъ вашего круга понятій и вашей обстановки, рѣшительно не знаетъ ни вашихъ мыслей, ни причинъ, руководящихъ вашими дѣйствіями; а насъ онъ не знаетъ даже и по имени. Согласитесь, милостивый государь, что такое положеніе дѣлъ фальшиво. Работать для людей, которые не понимаютъ тѣхъ, кто работаетъ для нихъ, — это очень неудобно для работающихъ и невыгодно для успѣха работы. Думаешь, что какое-нибудь дѣло принесетъ пользу, а видишь, что оно остается неисполненнымъ по недостатку сочувствія въ людяхъ, для которыхъ предпринято. Вы испытывали это при каждомъ хорошемъ вашемъ дѣлѣ. Тоже очень часто испытывали и мы. Это печалитъ и подъ конецъ сердитъ. Становишься мнительнъ и раздражителенъ. Не имѣешь духа объяснить свою неудачу настоящею ея причиною, — недостаткомъ общности въ понятіяхъ между собою и

*) Эта статья была набрана для № 2 Современника за 1862 г., но не была пропущена цензурою.

людьми, для которых работаешь;—признать эту причину было бы слишком тяжело, потому что отняло бы всякую надежду на успѣхъ всего того образа дѣйствій, которому слѣдуешь;—не хочешь признать эту настоящую причину, и стараешься найти для неуспѣха мелочныя объясненія въ мало-важныхъ, случайныхъ обстоятельствахъ. Такимъ образомъ, вы сваливаете вину своихъ неудачъ на насъ; нѣкоторые изъ насъ винятъ въ своихъ неудачахъ васъ. Какъ хорошо бы оно было, еслибъ эти нѣкоторые изъ насъ, или вы, были правы въ такомъ объясненіи своихъ неуспѣховъ! Тогда задача бы разрѣшилась очень легко устраненіемъ вышшняго пренятствія успѣху дѣла. Но грустно то, что никакія наши дѣйствія противъ васъ, или ваши противъ насъ, не могутъ привести ни къ чему полезному. Апатиченъ остается народъ; какой же результатъ могли бы произвести ваши заботы, или наши хлопоты о его пользахъ, хотя бы вы, или мы, и остались на полѣ дѣйствія одни?

Вы говорите народу: ты долженъ идти вотъ какъ; мы говоримъ ему: ты долженъ идти вотъ такъ. Но въ народѣ почти всѣ дремлютъ; а тѣ немногіе, которые проснулись, отвѣчаютъ: давно уже раздаются призывы къ народу, чтобы онъ жилъ такъ или иначе, и много разъ пробовалъ онъ слушать призывы, но пользы отъ нихъ не было. Звали народъ выручать Москву отъ поляковъ,—народъ пошелъ, выручилъ, и оставленъ былъ въ положеніи, хуже котораго не было прежде и не могло быть при полякахъ. Потомъ ему сказали: выручай Малороссію; онъ выручилъ, но ни ему, ни самой Малороссіи, не стало отъ этого лучше. Ему сказали: завоюй себѣ связь съ Европой,—онъ побѣдилъ шведовъ и завоевалъ себѣ вмѣстѣ съ балтійскими гаванями только рекрутчину и подтвержденіе крѣпостного права. Потомъ, по новымъ призывамъ, онъ много разъ побѣждалъ турокъ, захватилъ Литву, разрушилъ Польшу и опять-таки не получилъ себѣ никакой пользы. Двинули его противъ Наполеона: онъ завоевалъ своему государству первенство въ Европѣ, а самъ былъ оставленъ все въ прежнемъ положеніи. Такую же пользу онъ получалъ себѣ и отъ призывовъ, которые были послѣ. Зачѣмъ же ему увлекаться теперь какими бы то ни было новыми призывами? Онъ не ждетъ себѣ отъ нихъ другой пользы, какъ и отъ прежнихъ.

Виноваты ли въ этомъ недовѣріи народа вы или мы, нынѣшніе люди? Нынѣшнее расположеніе народныхъ мыслей устроилось долгимъ ходомъ событий, бывшихъ раньше васъ и насъ. Постараемся понять это.

Истина одинаково горька для васъ и для насъ. Народъ не думаетъ, чтобы изъ чьихъ-нибудь заботъ объ немъ выходило что-нибудь дѣйствительно полезное для него. Мы всѣ, отдѣляющіе себя отъ народа какими-нибудь именами, — именемъ ли власти, именемъ ли того или другого привилегированнаго сословія, — мы всѣ, предполагающіе у себя какіе-нибудь особенные интересы, различные отъ предметовъ народнаго желанія, — интересы ли дипломатическаго и военнаго могущества, или интересы распоряженія внутренними дѣлами, или интересы личнаго нашего богатства, или интересы просвѣщенія—мы всѣ смутно чувствуемъ, какая развязка вытекаетъ изъ этого расположенія народныхъ мыслей. Когда люди дойдутъ до мысли: „ни отъ кого другого не могу я ждать пользы для своихъ дѣлъ“, они

непрерѣнно и скоро сдѣлають выводъ, что имъ самимъ надобно взяться за веденіе своихъ дѣлъ. Всѣ лица и общественные слои, отдѣльные отъ народа, трепещуть этой ожидаемой развязки. Не вы одни, а также и мы желали бы избѣжать ее; вѣдь между нами также распространена мысль, что и наши интересы пострадали бы отъ нея, даже тотъ изъ нашихъ интересовъ, который мы любимъ выставять, какъ единственный предметъ нашихъ желаній, потому что онъ совершенно чистъ и безкорыстенъ, — интересъ просвѣщенія. Мы думаемъ: народъ невѣжественъ, исполненъ грубыхъ предразсудковъ и слѣпой ненависти ко всѣмъ отказавшимся отъ его дикихъ привычекъ; онъ не дѣлаетъ никакой разницы между людьми, носящими нѣмецкое платье; съ ними со всѣми онъ сталъ бы поступать одинаково; онъ не пощадитъ ни нашей науки, ни нашей поэзіи, ни нашихъ искусствъ; онъ станетъ уничтожать всю нашу цивилизацію.

Потому мы также противъ ожидаемой попытки народа сложить съ себя всякую опеку и самому приняться за устройство своихъ дѣлъ. Намъ такъ ослѣпляетъ страхъ за себя и свои интересы, что мы не хотимъ даже разсуждать, какой ходъ событій былъ бы почетнѣе для самого народа, и мы готовы для отвращенія ужасающей насъ развязки забыть все, — и нашу любовь къ свободѣ, и нашу любовь къ народу.

Подъ вліяніемъ этого чувства обращаюсь къ вамъ, м. г., съ изложеніемъ моихъ мыслей о средствахъ, которыми можно отвратить развязку, одинаково опасную для васъ и для насъ.

Дѣлая это, я понимаю, что дѣлаю.

Я измѣняю народу.

Измѣняю потому, что, руководясь личными опасеніями за вещь болѣе драгоцѣнную для меня, нежели для народа, — за просвѣщеніе, я уже не думаю о томъ, полезна ли для народа забота о разрѣшеніи запутанностей положенія русской націи вашими и нашими усиліями, а напротивъ, не выигралъ ли бы народъ чрезъ независимое отъ насъ занятіе національными дѣлами больше, чѣмъ отъ продолженія нашихъ хлопотъ о немъ. Въ этомъ случаѣ, для своей выгоды, я подавляю въ себѣ убѣжденіе, что ничьи постороннія заботы не приносятъ людямъ такой пользы, какъ самостоятельное дѣйствованіе по своимъ дѣламъ. Да, я измѣняю своему убѣжденію и своему народу. Это низко. Но мы принуждены были дѣлать уже столько низостей, что одна лишняя ничего для насъ не значить.

А я предчувствую, что она будетъ совершенно лишнею, что останется недостигнутою та жалкая цѣль, для которой измѣняю я народу. Никто не въ силахъ измѣнить хода событій: одни хотѣли бы, но не имѣютъ средствъ; у другихъ есть средства, но не можетъ быть желанія.

Изъ-за чего же я становлюсь измѣнникомъ народу, когда самъ знаю, что не помогу ни вамъ, ни себѣ? Не лучше ли продолжать молчаніе? Да, было бы лучше; но презрѣнная писательская привычка надѣяться на силу слова отуманиваетъ меня. Я не въ состояніи держаться на точкѣ зрѣнія житейскаго благоразумія, съ которой очень ясно вижу, что всякія объясненія напрасны; едва я поднимаюсь на нее, меня сбиваетъ съ толку обыкновенная наша писательская мысль: „ахъ, если бы можно было объяснить дѣло!

оно уладилось бы!“ Поэтому я и молчалъ болѣе двухъ лѣтъ отъ того, что не имѣлъ возможности бить воздухъ словами, и, какъ видите, возобновляю этотъ пустой трудъ съ первой же минуты, какъ мнѣ показалось, что можно мнѣ возобновить его.

Почему мнѣ такъ показалось? Въ какой журналъ, въ какую газету я ни загляну, вездѣ я нахожу признаки того, что какъ будто бы почувствовалась надобность въ нашихъ объясненіяхъ. Очень вѣроятно, что признаки эти обманчивы. Но пристрастіе добиваться хорошихъ результатовъ посредствомъ объясненій такъ сильно въ писателяхъ, что я увлекаюсь имъ.

Это увлеченіе неизвинительно послѣ столькихъ опытовъ. Но я усиливаюсь прикрыть въ собственныхъ глазахъ жалкую забавность его, твердя себѣ о фактахъ, которые дѣйствительно таковы, что вы, м. г., дѣйствительно могли бы желать объясненія. Вотъ нѣкоторые изъ нихъ: бывшіе помѣщичьи крестьяне, называемые нынѣ срочно-обязанными, не принимаютъ уставныхъ грамотъ; предписанное продолженіе обязательнаго труда оказалось невозможнымъ; предписанныя добровольныя соглашенія между землевладѣльцами и живущими на ихъ земляхъ, срочно-обязанными крестьянами оказались невозможными; будучи поставлены въ безысходное положеніе этою неисполнимостью предположеннаго рѣшенія, помѣщики ропщутъ и предъявляютъ требованія, о которыхъ не отваживались говорить не больше, какъ годъ тому назадъ; въ государствѣ появилось и усиливается общее безденежье; курсъ падаетъ, что равнозначительно возвышенію цѣнности звонкой монеты сравнительно съ бумажными деньгами, или, что то же, паденію цѣнности бумажнаго рубля, однихъ этихъ фактовъ внутренней жизни русскаго народа уже достаточно, и я не имѣю надобности касаться ни многихъ другихъ значительныхъ фактовъ ея, ни другихъ менѣе вѣрныхъ явленій, принадлежащихъ отношеніямъ русскаго народа въ жизни другихъ народовъ, входящихъ нынѣ въ составъ одного съ нимъ цѣлаго.

Примите, м. г., увѣреніе въ искренности чувствъ, склонившихъ вступить въ это объясненіе вашего покорнѣйшаго слугу, какимъ имѣю честь, и пр.

II.

6 февраля.

Источникомъ тѣхъ затрудненій во внутренней жизни русскаго народа, о которыхъ я упомянулъ въ концѣ перваго письма, считается многими не только въ вашемъ, м. г., но и въ нашемъ кругу, такъ называемый крестьянскій вопросъ. Я не имѣю нужды доказывать вамъ, м. г., что вы не ошиблись, обративъ на него первое ваше вниманіе. Но смѣю заключать изъ нѣкоторыхъ вашихъ словъ, что не излишнимъ будетъ разъяснить вамъ, почему онъ пріобрѣлъ такую важность въ вашихъ глазахъ. Часто человѣкъ не замѣчаетъ отношенія внѣшнихъ побужденій къ его собственнымъ дѣйствіямъ, а при эгой неизвѣстности онъ можетъ ошибаться и относительно характера своихъ дѣйствій: можетъ казаться ему возникшимъ изъ его воли такой фактъ его жизни, который произведенъ независѣвшими отъ него внѣшними обстоятельствами.

Необходимость заняться крестьянскимъ вопросомъ наложена была на Россію ходомъ послѣдней нашей войны. Въ народѣ ходилъ слухъ, что императоръ французовъ требовалъ уничтоженія крѣпостного права и согласился подписать миръ лишь тогда, когда внесена была въ договоръ тайная статья, постановлявшая, что крѣпостнымъ крестьянамъ дается воля. Не знаю, м. г., извѣстна ли вамъ эта молва, принимавшаяся за истину всѣмъ нашимъ народомъ; но если она достигала васъ, вы, конечно, еще лучше моего знали совершенную несправедливость столь страннаго мнѣнія. Напрасно было бы однакоже приписывать его только невѣжеству и легковѣрію простолюдиновъ; отъ этихъ качествъ произошло только то, что инстинктивное предчувствіе неизбежной связи событій вылилось у народа въ грубую форму, нелѣпость которой очевидна не только для васъ, м. г., но и для каждого, имѣющаго понятіе о международныхъ отношеніяхъ. А предчувствіе, выразившееся въ столь смѣшномъ для насъ видѣ, было вѣрно; оно говорило народу, что крымская война сдѣлала необходимою освобожденіе крестьянъ. Связь этихъ двухъ фактовъ такова: военные неудачи обнаружили для всѣхъ слоевъ общества несостоятельность того порядка вещей, въ которомъ оно жило до войны. Я не имѣю надобности перечислять вамъ, м. г., тѣ силы, которыя могуществомъ своимъ должны были, новидимому, обезпечить торжество русскаго оружія; вамъ лучше, нежели мнѣ, извѣстна громадность средствъ, которыми располагала тогда Россія. Многочисленность нашихъ войскъ была безмѣрна; храбрость ихъ несомнѣнна. При тогдашнемъ непоколебимомъ и, смѣю сказать, безпечномъ до слѣпоты довѣріи къ нашей денежной системѣ и къ нашимъ кредитнымъ учрежденіямъ и при нашемъ порядкѣ установленія налоговъ, не могло, новидимому, быть недостатка въ денежныхъ средствахъ. Потому русское общество нимало не превосходило мѣръ возможнаго, когда ожидало въ началѣ войны, что мы возьмемъ Константинополь и разрушимъ Турецкую имперію. Когда война получила совершенно иной ходъ, этого разочарованія нельзя было приписать ничему, кромѣ непригодности механизма, располагавшаго нашими силами. Открылась надобность измѣнить неудовлетворительное устройство. Самою замѣтною чертою его считалось тогда крѣпостное право. Конечно, оно было только однимъ частнымъ приложеніемъ принциповъ, на которыхъ былъ устроенъ весь прежній порядокъ; но внутренней связи этого частнаго факта съ общими принципами большинство нашего общества тогда еще не принимало. Потому общіе принципы прежняго порядка были оставлены въ покоѣ и вся реформаціонная сила общества обратилась противъ самаго осязательнаго изъ его внѣшнихъ примѣненій.

Надобно замѣтить вамъ, м. г., что это настроеніе общественнаго мнѣнія страдало самую неудачною непослѣдовательностью. Крѣпостное право, конечно, заключало въ себѣ возможность многихъ злоупотребленій, и вамъ очень хорошо извѣстны случаи жестокости, или алчности, или циническаго насилія, проистекавшіе изъ крѣпостного права. Но при всей ихъ многочисленности надобно согласиться съ словами бывшихъ адвокатовъ крѣпостного права, что всѣ эти вопіющія нарушенія закона были исключеніемъ изъ общаго правила, и что огромное большинство помѣщиковъ составляли

люди вовсе не злые и не преступавшіе правъ, какія давались имъ надъ крестьянами закономъ или утвердившимся подъ вліяніемъ закона обычаемъ. Тяжела была для крѣпостныхъ крестьянъ и вредна для государства законная сущность крѣпостного права. Но она была сообразна всему порядку нашего устройства; потому самъ въ себѣ онъ не могъ имѣть силы, чтобы отмѣнить ее. А между тѣмъ общество предполагало отмѣнить крѣпостное право силою стараго порядка.

Эта ошибка, столь замѣчательная нынѣ для всѣхъ, показываетъ, что причина, заставившая общество приняться за опытъ отмѣненія крѣпостного права, была недостаточно сильна для возбужденія въ обществѣ совершенно отчетливыхъ понятій объ основаніяхъ прежней его жизни. Да и дѣйствительно, вы лучше меня знаете, м. г., что крымская война, при всѣхъ своихъ неудачахъ и при всей своей обременительности, не нанесла Россіи удара слишкомъ тяжелаго. Непріятель едва коснулся нашихъ границъ на двухъ окраинахъ, далекихъ отъ коренныхъ русскихъ обитателей; можно сказать, что чувствительно было его прикосновеніе даже только къ одной окраинѣ, Черноморской, такъ какъ стоянка союзнаго флота подъ Петербургомъ, бомбардированіе Свеаборга и мелкія высадки на финляндскомъ берегу не могли считаться серьезными нападеніями и доставляли намъ больше поводовъ къ насмѣшкамъ, нежели къ основательнымъ безпокойствамъ. Но что же такое Крымъ, Таганрогъ и Керчь для жителей Великой Россіи? Это отдаленныя колоніи, о которыхъ коренной русскій никогда много не думалъ. Притомъ же, благодаря характеру мѣстности, своему незнанію, отчасти, быть можетъ, и по расчету императора французовъ, непріятель и въ этой окраинѣ не проникалъ далѣе нѣсколькихъ верстъ отъ берега. Самые его побѣды надъ нами не были окончательными разгромами военныхъ силъ, организованныхъ старымъ порядкомъ. Арміи наши отступали, но не бѣжали; ослабѣвали, но не уничтожались, и все еще сохраняли твердость и могущество, внушавшія уваженіе къ непріятелю. Не могло исчезнуть и въ насъ уваженіе къ старому порядку: оно также только поколебалось, но не пало.

Такова была степень глубины впечатлѣнія, обратившаго насъ къ заботамъ о реформахъ. Оно было мелко, поверхностно. Англофранцузы (какъ мы тогда называли союзниковъ) прорвали небольшую прорѣху въ нашемъ платѣ, и мы думали на первый разъ, что надобно только починить ее; но, начавъ штопать, мы постепенно замѣчали ветхость матеріи на всѣхъ мѣстахъ, до которыхъ приходилось намъ дотрогиваться; и вотъ мы видимъ теперь, м. г., что все общество начинаетъ высказывать потребность одѣться съ ногъ до головы въ новое, — штопать оно не хочетъ. Говоря проще, наше общество, занявшись отмѣненіемъ крѣпостного права, принялось за дѣло очень серьезное. Принялось оно за него съ легкомысленною и безпечною недалекостью, думая, что отдѣлаться отъ этой задачи можно столь же незначительными передѣлками прежнихъ внутреннихъ трактатовъ, сколь ничтожны были передѣлки прежнихъ дипломатическихъ трактатовъ, оказавшіяся достаточными для заключенія парижскаго мира. Но внутреннее дѣло вышло не таково, какъ вѣдѣнее. Надъ нимъ поневолѣ стало учиться наше общество серьезности. Пришлось обществу много думать, и вы видите теперь,

м. г., какъ широко развивается трудъ пересозданія, которому, первоначально, поставлялись такія узкія границы.

И странное дѣло, м. г., какъ бываетъ иногда вѣренъ инстинктивный, почти бессмысленный шопотъ людей, которые громко и сознательно говорятъ совершенно иное. Вы можете припомнить теперь, что при самомъ же началѣ крестьянскаго дѣла поднялась темная молва, предсказавшая то самое движеніе дворянства, которое обнаруживается теперь.

Молва объ этомъ движеніи, возникшая при самомъ же началѣ крестьянскаго дѣла, казалась пустою и смѣшною людямъ, судившимъ о будущихъ событіяхъ не на основаніи самаго характера затронутыхъ этимъ дѣломъ общественныхъ отношеній, а только по прежнимъ дѣйствіямъ дворянства, при прежнихъ отношеніяхъ, теперь измѣнившихся. Они видѣли, что дворянство всегда являлось робкимъ въ дѣлахъ съ существующею властью, искало себѣ выгодъ только отъ угожденія ей, и потому ожидали, что оно не выкажетъ энергіи и по вопросамъ, возникшимъ изъ уничтоженія крѣпостного права. Они видѣли, что дворянство очень пристрастно къ своимъ привилегіямъ, и потому не ожидали, чтобы оно могло предъявить гражданскія требованія. Почти всѣ просвѣщенные люди считали его безсильнымъ для гражданской дѣятельности. Но они забывали принимать въ расчетъ логическую силу событія, которая даетъ смѣлость боязливымъ, политическій умъ людямъ, не думавшимъ прежде ни о чемъ, кромѣ мелкихъ личныхъ расчетовъ. Осмѣливаясь думать, судя по нѣкоторымъ вашимъ словамъ, что и вы, м. г., раздѣляли это заблужденіе. Этого нельзя ставить въ порицаніе вамъ, потому что ошибались вмѣстѣ съ вами почти всѣ наши передовые люди. Но тѣмъ не менѣе ошибка раскрывается теперь фактами, и, научаемые опытомъ, всѣ теперь могутъ видѣть, что съ самаго начала надобно было ожидать исполненія той молвы, которая показалась имъ пустою болтовнею раздраженныхъ крѣпостниковъ.

Въ самомъ дѣлѣ, каково было положеніе фактовъ при началѣ крестьянскаго дѣла? Существовали четыре главные элемента въ этомъ дѣлѣ: власть, имѣвшая дотолѣ бюрократическій характеръ; просвѣщенные люди всѣхъ сословій, находившіе нужнымъ уничтоженіе крѣпостного права; помѣщики, желавшіе отсрочить это дѣло изъ опасенія за свои денежные интересы, и, наконецъ, крѣпостные, тяготившіеся этимъ правомъ. Въ сторонѣ отъ этихъ четырехъ элементовъ находилась вся остальная половина населенія — государственные крестьяне, мѣщане, купцы, духовенство и то большинство безпомѣстныхъ чиновниковъ, которое не получало большихъ выгодъ отъ бюрократическаго порядка. Изъ всѣхъ этихъ сословій, какъ и изъ самихъ помѣщиковъ, нѣкоторые люди, — наиболѣе просвѣщенные, — составляли одну партію, которую выше называли мы „партією просвѣщенныхъ людей“, и которая стала въ послѣдніе годы называться у насъ либеральною партією. Но здѣсь мы говоримъ не объ отдѣльныхъ лицахъ, болѣе или менѣе возвысившихся надъ своими сословными понятіями, болѣе или менѣе думавшихъ объ общественныхъ дѣлахъ; мы говоримъ здѣсь о той массѣ всѣхъ сословій, кромѣ крѣпостного и дворянскаго, которая знала только свои сословные и личные расчеты. О ней мы говоримъ, что она стояла въ сторонѣ отъ крѣ-

постного вопроса, когда онъ началъ разыгрываться. Не имѣя разсчета поддерживать крѣпостное право, она готова была по естественному человѣческому чувству симпатизировать его уничтоженію; но, по своей неопытности въ общественныхъ дѣлахъ, еще не замѣчала, что собственными своими интересами она будетъ принуждена принять участіе въ немъ. Это едва начинаетъ обнаруживаться для нея только теперь, и, съ вашего дозволенія, м. г., я коснусь впослѣдствіи, какъ неизбѣжности участія этой массы остальныхъ сословій въ крестьянскомъ дѣлѣ, такъ и вліянія, какое окажетъ она на ходъ событій своимъ неизбѣжнымъ вмѣшательствомъ. А теперь, сдѣлавъ эту оговорку о первоначальномъ безучастіи другихъ общественныхъ элементовъ, мы займемся разсмотрѣніемъ первоначальныхъ отношеній между четырьмя элементами, принимавшими въ немъ участіе съ самаго начала.

III.

13 февраля.

На шесть дней былъ я оторванъ мелкими хлопотами своего журнальнаго ремесла отъ бесѣды съ вами, м. г., о дѣлѣ, которое однакоже для меня гораздо важнѣе всѣхъ личныхъ моихъ дѣлъ, не только мелкихъ, но и важныхъ. Вотъ какъ идетъ наша жизнь, — некогда бываетъ по цѣлымъ недѣлямъ, мѣсяцамъ удосузиться ни на четверть часа для мыслей о предметѣ, который самъ ставишь выше всего. Упоминаю объ этихъ недосугахъ не для того только, чтобы выставить ихъ своимъ извиненіемъ передъ вами, м. г., въ недостаткахъ моего изложенія: тѣ же самые недосуги ставлю я оправданіемъ и для васъ, м. г., въ томъ, что вы, какъ замѣтно по многимъ вашимъ выраженіямъ, не углублялись достаточно въ предметъ, насъ занимающій. Въ самомъ дѣлѣ, м. г., несмотря на всю разницу вашего положенія отъ моего, въ отношеніи къ недосугамъ разницы между нами мало, да и у всѣхъ людей жизнь въ этомъ отношеніи идетъ почти такъ же. Вы имѣете очень большіе доходы, я — довольно умѣренные, другой — очень малые; вы живете очень богато, я — такъ себѣ, другой и вовсе бѣдно; васъ повсюду встрѣчаютъ съ большимъ почетомъ, меня — такъ себѣ, другого и вовсе съ пренебреженіемъ. А недосуговъ почти у всѣхъ людей одинаковое количество. И у васъ, и у меня, я у всякаго другого пропасть времени уходитъ на пустые разговоры, которыхъ ни избѣжать нельзя, ни вести не стоитъ; на семейныя дѣла, не имѣющія никакой связи съ общественными; на развлеченія, отъ которыхъ нельзя отказаться, хотя и ни къ чему они не нужны: одинъ изъ насъ таскается по театрамъ, другой сидитъ за вистомъ, третій читаетъ легкія книги, четвертый трется въ свѣтскомъ обществѣ, — словомъ, каждый по-своему, а все-таки каждый какъ-нибудь убиваетъ время попусту. И за всѣми этими мелочами, неважными, но необходимыми, мало остается времени на серьезныя занятія. А въ серьезныхъ занятіяхъ опять-таки у каждаго дня своя забота, мимолетная, ни къ чему прочному не ведущая, а все-таки безотлагательная. Такъ и летитъ время, и когда увидишь надобность взяться за дѣло, дѣйствительно важное, не имѣешь до-

суга ни приготовиться къ нему, ни сообразить его и начинаешь почти-что на авось, и ведешь его на авось, и самъ не замѣтишь, какъ оно отъ этого веденія на авось выходитъ вовсе не тѣмъ, чѣмъ ждалъ его видѣть. Съ полною готовностью примѣнять къ вамъ всѣ извиненія, вытекающія изъ этого обыкновеннаго хода нашей жизни, прошу и васъ, м. г., столь же снисходительно, по той же причинѣ, смотрѣть на недостатки моей корреспонденціи.

Повѣрьте, я цѣню всю важность принятой мною на себя обязанности разъяснить вамъ положеніе нашихъ дѣлъ, и самъ первый жалѣю о томъ, что могу бесѣдовать съ вами лишь урывками, спѣша, кое-какъ, но что же дѣлать, когда и у меня, и у васъ слишкомъ мало времени для основательныхъ занятій.

Прежнее письмо къ вамъ я кончилъ тѣмъ, что изъ характера и взаимныхъ отношеній четырехъ общественныхъ элементовъ, съ самаго начала участвовавшихъ въ крѣпостномъ вопросѣ, надобно было предвидѣть, къ чему пойдетъ это дѣло. Мы видѣли, что тутъ было четыре элемента: власть, просвѣщенные люди, или либеральная партія, дворянство и крѣпостные крестьяне. Подумаемъ о роли каждого изъ нихъ при первоначальномъ постановленіи крѣпостного вопроса.

Крѣпостное право было создано и распространено властью; всегдашнимъ правиломъ власти было опираться на дворянство, которое и образовалось у насъ не само собою и не въ борьбѣ съ властью, какъ во многихъ другихъ странахъ, а покровительствомъ со стороны власти, добровольно дававшей ему привилегіи. Почему же власть принималась за отмѣненіе той изъ установленныхъ ею самой привилегій, которою наиболѣе дорожило дворянство? Отвѣтъ уже данъ во второмъ моемъ письмѣ. Неудачная политика, подвергнувшая страну несчастной войнѣ, доставила силу такъ называемой либеральной партіи, требовавшей уничтоженія крѣпостного права. Такимъ образомъ, власть принимала на себя исполненіе чужой программы, основанной на принципахъ, несогласныхъ съ характеромъ самой власти.

Изъ этого разнорѣчія сущности предпринимаемаго дѣла съ качествами элемента, бравшагося за его исполненіе, должно было произойти то, что дѣло будетъ исполнено неудовлетворительно: источникомъ неизбѣжной неудовлетворительности былъ привычный, произвольный способъ веденія дѣла. Власть не замѣчала того, что берется за дѣло не ею придуманное, и хотѣла остаться полною хозяйкою его веденія. А при такомъ способѣ веденія дѣла оно должно было совершаться подъ вліяніемъ двухъ основныхъ привычекъ власти: первая привычка состояла въ бюрократическомъ характерѣ дѣйствій, вторая—въ пристрастіи къ дворянству.

Дѣло начато было съ желаніемъ требовать какъ можно менѣе пожертвованій отъ дворянства. А бюрократія по самой сущности своей всего болѣе занимается формалистикою. Потому и результатъ оказался такой, что измѣнены были формы отношеній между помѣщиками и крестьянами, съ очень малымъ, почти незамѣтнымъ измѣненіемъ существа прежнихъ отношеній. Этимъ думали удовлетворить помѣщиковъ.

Но тотчасъ оказалось, что рѣшеніе сдѣлано было неудобноисполнимое.

Предполагалось сохранить сущность крѣпостного права, отмѣнивъ его формы. Но безъ формъ нельзя ссхранить и сущности. И что же вышло? Помѣщики увидѣли себя не въ состояніи пользоваться выгодами, которыя были оставлены за ними; выгоды эти исчезали безъ всякаго вознагражденія для нихъ, потому что власть и не предполагала, чтобы выгоды эти на самомъ дѣлѣ исчезли.

А между тѣмъ дворянство видѣло, что власть старалась сдѣлать для него все, что могла. Изъ этого естественно слѣдовалъ выводъ: и такъ, власть не въ состояніи ничего сдѣлать для сохраненія собственности помѣщиковъ или для ихъ вознагражденія. А изъ этого вывода еще легче слѣдовалъ другой: и такъ, помѣщики должны сами позаботиться о сохраненіи той части собственности, какая можетъ остаться за ними, и о полученіи вознагражденія за ту часть, которую теряютъ. А изъ этого вывода неизбѣжно слѣдовалъ третій: но до сихъ поръ помѣщики держались не собственною силою, а постороннею опорою; теперь, когда прежняя опора оказывается слишкомъ слаба, надобно имъ отыскать для себя новыя опоры. Выборъ тутъ былъ незатруднителенъ.

Мы видѣли, что при началѣ крѣпостного вопроса масса другихъ словій, до которыхъ не касался онъ прямо, оставалась равнодушна къ нему. Но нельзя ей было сохранить равнодушіе, когда она увидѣла развязку, приготовленную бюрократическимъ рѣшеніемъ дѣла. Крѣпостные крестьяне не повѣрили, чтобы обѣщанная имъ воля была ограничена тѣми формальными перемѣнами, какими ограничило ее бюрократическое рѣшеніе. Изъ этого повсюду произошли столкновенія между крѣпостными крестьянами и властью, старавшеюся провести свое рѣшеніе. Произошли сцены, которыхъ нельзя было видѣть хладнокровно. Массою другихъ сословій овладѣло состраданіе къ крѣпостнымъ крестьянамъ. А между тѣмъ крѣпостные крестьяне, несмотря на всѣ внушенія и мѣры усмиренія, остались въ увѣренности, что надобно ждать имъ другой, настоящей воли. Отъ этого ихъ расположенія должны будутъ произойти новыя столкновенія, если надежда ихъ не исполнится. Такимъ образомъ страна подвергалась смутамъ и опасается новыхъ смуть. А смутное время бываетъ тяжело для всѣхъ. Изъ этого стала развиваться въ массѣ другихъ сословій мысль, что нужно измѣнить рѣшеніе крестьянскаго вопроса для отклоненія смуть. Разъ будучи принуждены обстоятельствомъ думать объ общественныхъ дѣлахъ, всѣ сословія естественно перешли отъ частнаго вопроса, давшего ихъ мыслямъ такое направленіе, къ общему положенію вещей и, разумѣется, не затруднились сообразить, согласно ли оно съ ихъ собственными выгодами. Тотчасъ же замѣтили они, что на- ходятся въ настоящемъ порядкѣ черты, одинаково невыгодныя для всѣхъ сословій, и соединились въ желаніи измѣнить эти черты.

Вамъ извѣстно, м. г., какихъ общихъ перемѣнъ стали желать всѣ сословія, которыхъ прямо не касался частный вопросъ о крѣпостномъ правѣ. Всѣ они чувствовали обремененіе отъ произвольной администраціи, отъ неудовлетворительности судебного устройства и отъ многосложной формалистичности законовъ. Дворянство точно такъ же страдало отъ этихъ недостатковъ, какъ и другія сословія. Такимъ образомъ, самъ собою открывался

ему способъ найти нужную для него опору. Оно сдѣлалось представителемъ стремленія къ реформамъ, нужнымъ для всѣхъ сословій.

Вотъ въ какомъ положеніи находятся нынѣ дѣла. Послѣ сдѣланныхъ мною объясненій, могу ли я надѣяться, м. г., что вы избѣжите двухъ заблужденій, послѣдствія которыхъ были бы прискорбны.

Во-первыхъ, м. г., вы не припишете какимъ-либо частнымъ или сословнымъ побужденіямъ дворянства тѣхъ желаній общей реформы, представителемъ которыхъ оно теперь выступаетъ. Эти желанія не имѣютъ ничего общаго съ раздраженіемъ въ некоторой части дворянства на власть за уничтоженіе крѣпостнаго права. Съ его уничтоженіемъ огромнѣйшее большинство дворянства уже совершенно примирилось, какъ съ фактомъ безвозвратнымъ. Если остаются въ дворянствѣ особенныя сословныя желанія по этому дѣлу, не принадлежащія и всѣмъ другимъ сословіямъ, то эти желанія относятся только къ размѣру выкупа. Тутъ возможенъ споръ, и еще неизвѣстно, какой размѣръ выкупа будетъ одобренъ или допущенъ другими сословіями. Но совершенно иной характеръ имѣютъ желанія дворянства относительно предметовъ, выходящихъ за предѣлы этого частнаго вопроса. Въ мысляхъ о реформѣ общаго законодательства, объ основаніи администраціи и суда на новыхъ началахъ, о свободѣ слова,—дворянство только является представителемъ всѣхъ другихъ сословій, и представителемъ ихъ выступило оно даже не потому, чтобы въ немъ сильнѣе были эти желанія, чѣмъ въ другихъ сословіяхъ, а единственно потому, что оно имѣетъ при нынѣшнемъ порядкѣ организацію, дающую возможность выражать желанія. Если бы другія сословія имѣли законные органы для выраженія своихъ мыслей, они высказались бы по этимъ предметамъ въ томъ же самомъ смыслѣ, какъ и дворянство, только съ большою рѣшимостью, потому что всякое другое сословіе еще болѣе дворянства чувствуетъ обременительность тѣхъ общихъ недостатковъ нынѣшняго устройства, объ устраненіи которыхъ говоритъ дворянство. Если вы, м. г., спросите купечество или духовенство, или крестьянъ, или даже массу чиновниковъ (за исключеніемъ немногихъ чиновниковъ, которымъ нынѣшній порядокъ выгоденъ), вы услышите отъ каждаго изъ этихъ сословій тѣ же самыя мысли о законодательствѣ, администраціи и судѣ.

Если бы вы пожелали убѣдиться въ этомъ, вы отстранили бы отъ себя всякую возможность другого важнаго заблужденія. Вы совершенно освободились бы отъ мысли, что можно принимать какія-нибудь мѣры противъ общаго стремленія, начинающаго обнаруживаться. Его проявленія еще кажутся слабыми, но вѣдь это потому только, что они еще первыя. Присмотрѣвшись къ дѣлу, вы замѣтите, что сила ихъ очень быстро растетъ; очень жаль, что, при отдаленности вашей отъ маленькихъ людей, вы лишены удобствъ лично дѣлать эти наблюденія. А мы,—наблюдающіе вблизи жизнь всѣхъ слоевъ общества, кромѣ вашего круга,—мы видимъ очень быстрое распространеніе мыслей, о которыхъ я имѣю честь бесѣдовать съ вами, и замѣчаемъ, что общество уже недалеко отъ рѣшительнаго или единодушнаго заявленія ихъ.

Этимъ кончаю я, м. г., общій очеркъ настоящаго положенія дѣлъ.

Для многихъ онъ былъ бы уже совершенно достаточенъ. Но я никакъ не смѣлъ надѣяться, что онъ покажется намъ достаточно полонъ для васъ, мало занимавшагося разсмотрѣніемъ дѣлъ съ той точки зрѣнія, которая одна только разъясняетъ ихъ. Для васъ этотъ краткій очеркъ можетъ имѣть только значеніе предисловія, перечисляющаго предметы, о которыхъ далѣе будетъ говорить подробнѣе, показывающаго надобность заняться ими и общающаго, что авторъ постарается разъяснить ихъ вамъ.

Мы видѣли, что главнымъ пунктомъ, около котораго стало группироваться все остальное, было дѣло объ уничтоженіи крѣпостнаго права. Я займусь имъ въ слѣдующемъ письмѣ.

IV.

13 февраля.

Какимъ ровнымъ токомъ идетъ наша жизнь, м. г.! Шесть дней не могъ я улучшить минуту для бесѣды съ вами, а нынѣ вотъ въ одинъ день отправляю уже второе письмо. Такъ и во всемъ важномъ, какъ въ этомъ мелочномъ случаѣ. Иной разъ тянутся долгіе годы, и незамѣтно никакихъ перемѣнъ въ существующихъ отношеніяхъ. А то приходитъ такое время, что безпрестанно совершаются новости, и вся обстановка жизни быстро передѣлывается. Возьмите, напримѣръ, прошлый годъ. Смуты въ Варшавѣ, смуты внутри Россіи, загадочное появленіе программы *), порицаемой одними, хвалимой другими, но принимаемой къ свѣдѣнію всѣми, небывалое движеніе молодежи въ самомъ Петербургѣ, страшная развязка этого движенія, слухи о предполагаемыхъ требованіяхъ дворянства, приготовленія его къ занятію общественными вопросами,—вотъ сколько въ одинъ годъ новостей, изъ которыхъ каждая передвигала общество все далѣе и далѣе по одному направленію. Едва ли кому былъ пріятенъ какой-нибудь изъ этихъ сюрпризовъ; но они все-таки случались, производимые натянутостью отношеній. Не слѣдуетъ ли позаботиться о томъ, чтобы избавиться отъ ихъ повторенія? А избавиться отъ нихъ можно только прекращеніемъ натянутости отношеній; а чтобы прекратить ее, надобно разобрать, отчего отношенія сдѣлались натянуты. Мы начнемъ разборъ самаго главнаго натянутого отношенія, т.-е. вопроса объ освобожденіи крѣпостныхъ крестьянъ.

Я не знаю, м. г., имѣете ли вы точное понятіе о свойствахъ вещи, называемой бюрократическимъ порядкомъ. Но если вы позволите, я объясню вамъ натуру этой вещи однимъ примѣромъ.

*) Авторъ очевидно намекаетъ на появленіе „Великорусса“, вышедшаго 1861 г. въ 3-хъ номерахъ. За „Великоруссъ“ былъ сосланъ въ Сибирь поручикъ Обручевъ. Одновременно вышла прокламація „Къ Молодому Поколѣнію“. За эту послѣднюю М. Н. Михайловъ, сотрудникъ „Современника“, былъ сосланъ въ каторжную работу въ Сибирь. Кромѣ того былъ поданъ государю адресъ отъ различныхъ сословій, въ которомъ ставится монарху на видъ необходимость созванія народнаго представительства. Это воззваніе можно найти частію въ „Колоколѣ“, частію въ „Свободномъ Словѣ“ Блюммера, въ „Будущности“ Долгорукова. *Примѣчаніе, сдѣланное въ заграничномъ изданіи этой статьи.*

Цѣлый уголъ моей комнаты заваленъ многотомнымъ изданіемъ „*Матеріаловъ Редакціонныхъ Коммиссій для составленія положеній о крестьянахъ, выходящихъ изъ крѣпостной зависимости*“. Конечно, только очень немногіе люди прочитали весь этотъ сборникъ журналовъ и протоколовъ, постановленій и докладовъ, справокъ и соображеній; къ огромному же числу людей, принимавшихся за это чтеніе и покинувшихъ его, принадлежу и я. Не знаю, по какимъ причинамъ покидали чтеніе этихъ матеріаловъ другіе, но про себя могу сказать, что я былъ остановленъ не многотомностью изданія и не сухостью безчисленныхъ подробностей, — по такому важному дѣлу можно бы жадно прочесть не десятки, а сотни томовъ, — меня остановило совершенно другое обстоятельство, отпечатанное на первыхъ же страницахъ I-го тома, такъ что я не дочиталъ бы „*Матеріаловъ*“, еслибъ они составляли всего одну тоненькую брошюру, страничекъ во сто. Вотъ это обстоятельство, сдѣлавшее для меня ненужнымъ тратить время на чтеніе „*Матеріаловъ*“: Редакціонная Коммиссія открыта была 4-го марта 1859 г.; это первое засѣданіе было только приготовительнымъ, и журналъ его занимаетъ съ небольшимъ одну страницу; для дѣйствительнаго пачала своихъ занятій Редакціонныя Коммиссіи собрались на другой день 5 марта. и вотъ что мы читаемъ въ самомъ же началѣ журнала этого второго засѣданія:

„Предсѣдатель предложилъ на обсужденіе Коммиссій извлеченныя изъ печатныхъ и литографированныхъ его мнѣній нѣкоторыя основныя мысли, которыя, по его убѣжденію, не бесполезно было бы принять къ соображенію, а именно“...

Предположеніе предсѣдателя состояло изъ 9 пунктовъ; переписывать здѣсь всѣ ихъ было бы излишне, потому что нѣкоторые имѣли только формальную важность, другіе относились къ предметамъ, которые уже были поставлены внѣ круга вопросовъ, предоставленныхъ разсмотрѣнію Коммиссій. Обращаю вниманіе только на слѣдующіе пункты, относившіеся къ вопросамъ, въ которыхъ мнѣніе Коммиссій не было, повидимому, связано ничѣмъ. Вотъ они:

„2) Одновременно съ личнымъ освобожденіемъ крестьянъ, необходимо дать имъ возможность *приобрѣтать въ собственность отъ помѣщиковъ, по добровольному съ ними соглашенію, достаточное количество земли для упроченія своей осплостности и обезпеченія своего быта.*

„4) Обязательныя барщинныя повинности, и при срочно-обязанномъ положеніи, будутъ все-таки составлять видъ крѣпостнаго права, но лишь подчиненнаго законнымъ правиламъ. Посему они все таки не могутъ не быть для крестьянъ тягостны, а для крестьянъ и правительства могутъ сдѣлаться источникомъ важныхъ затрудненій, что не соотвѣтствовало бы благимъ намѣреніямъ Государя о дѣйствительномъ прекращеніи крѣпостнаго состоянія. Въ этихъ видахъ, обязательныя повинности должны быть разсматриваемы лишь какъ мѣра переходная, и если Коммиссіямъ удастся сократить срокъ, или умѣрить дѣйствіе оной, то улучшеніе быта можетъ быть упрочено даже и на время срочно-обязаннаго періода.

„6) Помѣщики должны получить справедливое, вполне достаточное

вознагражденіе за тѣ земли и угоды, которыя крестьяне у нихъ выкупаютъ“.

Смотрите же, м. г., что слѣдуетъ въ журналѣ прямо за изложеніемъ предложеній предсѣдателя:

„По выслушаніи сего, члены Коммиссій единогласно изъявили полное сочувствіе выраженнымъ предсѣдателемъ основнымъ соображеніямъ, какъ исполнѣ согласнымъ съ ихъ убѣжденіями, а потому и просили о внесеніи сихъ соображеній въ журналъ Коммиссій для непремѣннаго руководства. Предсѣдатель не встрѣтилъ препятствій ко внесенію всего этого въ журналъ, предоставляя однако же каждому изъ членовъ высказывать искренно свои убѣжденія, если бы они были, въ чемъ бы то ни было, и не согласны съ его мыслями.

Вы можете видѣть изъ этого, м. г., что такое значить бюрократическій порядокъ. Старшій говоритъ: я полагаю, что надобно рѣшить дѣло вотъ такъ и вотъ такъ; согласны ли вы, господа? я не навязываю вамъ своихъ мнѣній: возражайте противъ нихъ, если не согласны; можете совершенно отвергнуть ихъ, если они не правильны. На это всѣ младшіе товарищи единогласно отвѣчаютъ: ваши мнѣнія совершенно согласны съ нашимъ убѣжденіемъ, и мы исполнѣ принимаемъ ихъ.

Теперь, м. г., попробуйте разсудить, правдоподобная ли вещь, возможная ли вещь была, чтобы ни одинъ изъ десяти тогдашнихъ членовъ Коммиссій не имѣлъ ни по одному изъ 9 пунктовъ, предложенныхъ предсѣдателемъ, никакого взгляда, различнаго отъ рѣшеній, предложенныхъ предсѣдателемъ, даже никакого сомнѣнія въ невозможности дополнить или улучшить, хотя въ чемъ-нибудь, хотя одно изъ этихъ десяти рѣшеній? Вы бываете въ обществѣ, м. г.; вы знаете, что если разговоръ ничѣмъ не связанъ, то никакъ не обходится дѣло безъ разспросовъ, объясненій, споровъ; конечно, могутъ согласиться наконецъ всѣ единодушно, но вѣдь не съ перваго же слова. Въ засѣданіи Редакціонныхъ Коммиссій, судя по журналу его, было не такъ. Это показываетъ, что свободы мнѣній въ Редакціонныхъ Коммиссіяхъ не было.

„Но вѣдь предсѣдатель нимало не стѣснялъ ея, — онъ приглашалъ членовъ возражать и отвергать“. Конечно такъ, м. г.; но опять таки прошу васъ вспомнить, что вы сами, конечно, замѣчали въ обществѣ. Есть случаи, въ которыхъ на всякія приглашенія выражать свои мнѣнія свободно, каждый человѣкъ, въ комъ есть хоть капля разсудка и чувства приличій, отвѣтитъ не иначе, какъ условной фразой, которая и напередъ извѣстна. Напримѣръ, во время кадрили дама спрашиваетъ кавалера: „не скучаетъ ли онъ?“ Даю голову на отсѣченіе, онъ непремѣнно будетъ отвѣчать, что нимало не скучаетъ, что ему очень пріятно танцевать съ ней. А вѣдь она вызвала его высказаться, и вѣдь онъ, по всей вѣроятности, очень скучалъ съ ней, иначе не было бы и повода къ ея вопросу. Но какъ же вы хотите иначе, м. г.? На все есть свои законы приличія. Или другой примѣръ: хозяинъ любитъ самъ дѣлать салатъ; сдѣлалъ и спрашиваетъ гостей: вкусенъ ли салатъ; всѣ въ одинъ голосъ отвѣчаютъ всегда: „очень, очень хорошъ!“.... Я хотѣлъ сказать, м. г., что во всякомъ разрядѣ житейскихъ вещей есть свои правила благоразумія, свои обязанности благоприличія, ко-

торыхъ никто не нарушаетъ, кромѣ людей неблаговоспитанныхъ или сумасбродныхъ. Въ томъ разрядѣ дѣлъ, который называется бюрократическимъ порядкомъ, принято за правило соглашаться во всемъ со старшимъ членомъ, который предсѣдательствуетъ въ собраніи. Быть можетъ, вамъ покажется это правило страннымъ, но покажется развѣ только по незнакомству съ основаніями, изъ которыхъ оно вытекло. Дѣло въ томъ, что тутъ всегда предполагается, что предсѣдатель, — или какъ бы тамъ ни назывался старшій членъ собранія, — всегда имѣетъ болѣе точныя свѣдѣнія о дѣлахъ высшаго правительства, сообразуется съ ними, служить истолкователемъ плановъ, уже принятыхъ высшимъ правительствомъ. Вы знаете, м. г., что не всегда такъ бываетъ; иногда высшее правительство еще не приняло опредѣленнаго рѣшенія по вопросу, переданному для разработки въ бюрократическую комиссію; иногда оно готово измѣнить свое мнѣніе о вопросѣ, хотя бы оно и было уже составлено у него. Но такіе случаи бываютъ только исключеніемъ, а правила для образа дѣйствій возникаютъ не изъ исключительныхъ случаевъ, и при бюрократическомъ порядкѣ всегда уже всѣ приглашаемые на совѣщаніе бываютъ убѣждены, что они приглашены только работать по инструкціи, измѣнить которой уже нельзя, и хранителемъ которой избранъ старшій членъ ихъ собранія. Напрасно сталъ бы самъ онъ увѣрять въ противномъ, ему никто не повѣритъ, что каждое его слово не должно приниматься за основаніе вырабатываемаго постановленія. Это настроеніе мыслей, — настроеніе совершенно неизбѣжное при бюрократическомъ порядкѣ, — дѣйствуетъ съ такою обаятельною силою на предсѣдателя, что какъ бы ни готовъ онъ былъ въ началѣ различать свои личныя мнѣнія отъ неизмѣнныхъ рѣшеній правительства, онъ скоро спутываетъ эти понятія, и ему начинаетъ уже представляться, что каждое его слово — дѣйствительно законъ; „я органъ правительства, я знаю его виды, я хочу того, чего оно хочетъ, значить — чего я хочу, того оно хочетъ. Угодно ли вамъ, м. г., чтобы я подтвердилъ примѣромъ это неизбѣжное увлеченіе? Вы видѣли, что въ засѣданіи 5 марта предсѣдатель еще представлялъ свои мнѣнія, только какъ свои личныя мнѣнія, которыя только „не бесполезно было принять къ соображенію“; черезъ два съ половиною мѣсяца въ засѣданіи 20 мая, онъ уже выражался слѣдующимъ образомъ:

„Выкупъ крестьянами земли, какъ уже было мною изъяснено, долженъ быть на основаніи *Высочайшей* воли не *обязательный*, а *полюбовный*, т. е. выкупъ не можетъ происходить безъ формальнаго согласія помѣщика продать, а крестьянина купить поземельныя угодья, за исключеніемъ усадебъ, продажа коихъ обязательна для тѣхъ помѣщиковъ, которые не изъявляютъ согласія на продажу угодій полевыхъ“.

За этимъ вступленіемъ слѣдовалъ рядъ соображеній, изложивъ которыхъ, предсѣдатель говорилъ совершенно въ духѣ заключенія, какое мы видѣли въ журналѣ 5 марта; онъ и теперь, 20 мая, тоже приглашалъ членовъ комиссій не стѣсняться его мнѣніемъ, давалъ имъ свободу отвергать это мнѣніе.

„Въ заключеніе повторяю, что всѣ эти мои соображенія я не предлагаю въ основу сужденій Финансовой Комиссіи; Комиссія имѣетъ пол-

ное право не только измѣнить имъ, но и совершенно ихъ отвергнуть, и что цѣль моя при предъявленіи этихъ моихъ соображеній, состоитъ единственно въ томъ, чтобы объяснить Коммисіи: въ какія данныя можетъ быть нынче вставленъ вопросъ о выкупѣ крестьянами полевыхъ угодій, и что выкупъ этотъ я признаю весьма исполнимымъ“.

Все это очень либерально; но извольте припомнить, м. г., какія выраженія встрѣчаются въ началѣ рѣчи, имѣющей такое заключеніе: председатель упоминаетъ о „*Высочайшей волѣ*“; а потомъ, излагая свои соображенія, онъ выражается такъ: „правительство должно, крестьяне должны, опѣнка должна быть; правительство покрываетъ своими средствами, правительство найдетъ возможность“ и т. д., и т. д., эти обороты рѣчи выставляютъ каждую мысль председателя, какъ дѣло уже рѣшенное правительствомъ. Какое же существенное вліяніе могли имѣть заключительныя слова, что члены Коммисіи могутъ измѣнить и отвергать мнѣніе председателя, когда по тону всей предшествующей рѣчи слѣдовало принимать эти мнѣнія за неизмѣнную инструкцію, такъ какъ они представлены въ связи съ Высочайшею волею. О чемъ же тутъ разсуждать? Надобно принимать къ исполненію.

Редакціонныя Коммисіи такъ и сдѣлали.

Посмотрите же, м. г., что изъ этого выходило. Вы очень хорошо знаете, съ какою цѣлью были назначены эти Коммисіи. Высшее правительствомъ, опредѣливъ нѣкоторые, самые общіе принципы дѣла, нашло нужнымъ, чтобы имъ занялись специалисты. Ихъ основательному изслѣдованію оно желало предоставить опредѣленіе всего устройства дѣла. Что же мы видимъ?—Едва собрались эти специалисты, ни за что еще не успѣли приняться, а уже опредѣлилось, какъ будетъ устроено дѣло. Но вѣдь дѣло еще не изслѣдовано; вѣдь они еще не знаютъ, какія основанія будутъ найдены ими для него? Нужды нѣтъ, эти основанія уже готовы. Какъ же они приготовлены? Очень просто. У каждаго есть о каждомъ предметѣ какое-нибудь мнѣніе или предположеніе. Разумѣется, было и о крестьянскомъ дѣлѣ какое-нибудь мнѣніе или предположеніе у лица, назначеннаго председательствовать въ этихъ Коммисіяхъ, какъ были у него мнѣнія и предположенія о всякомъ другомъ предметѣ,—и о томъ, что Віардо хорошая нѣвица, и о томъ, что Вольтеръ былъ остроумный писатель, и о томъ, что пулковская обсерваторія хорошо устроена; предположите же теперь, что начали бюрократическимъ порядкомъ разсуждать объ итальянской оперѣ, о французской литературѣ, объ астрономіи. Собираютъ специалистовъ; председатель высказываетъ свои мнѣнія объ этихъ предметахъ, съ которыми очень мало знакомъ, но о которыхъ все-таки имѣетъ же какое-нибудь мнѣніе,—что изъ этого слѣдуетъ по бюрократическому порядку? то, что специалисты тотчасъ восклицаютъ: совершенно согласны и вполне принимаемъ основанія, предлагаемыя вами, г. председатель.

Скажите, м. г., хорошъ ли вышелъ бы обѣдъ, если бы поваръ сталъ безусловно принимать всѣ ваши или мои мнѣнія о томъ, какъ варить супъ или жарить ростбифъ? А вѣдь вы или я, мы имѣемъ объ этомъ нѣкоторыя понятія. Но вы и я даже и не высказываемъ своего мнѣнія объ этомъ

повару, которому поручили готовить намъ обѣдъ. И мы очень хорошо дѣлаемъ, что не высказываемъ тутъ своего мнѣнія. А по бюрократическому порядку это дѣло пошло бы вотъ такъ: поваръ руководился бы не своимъ знаніемъ и опытностью, а старался бы развѣдать, какъ мы думаемъ объ устройствѣ кухонной плиты, о формѣ кострюль и жаровень, о времени сколько нужно держать кушанье на плитѣ и т. д., и т. д. Разумѣется, если бы стали къ намъ приставать съ этими развѣдываніями, забѣгать и справа и слѣва, вовлекать насъ во всякіе разговоры и ловить каждое наше слово для исполненія, — разумѣется, вывѣдали бы отъ насъ что-нибудь и объ этихъ предметахъ, — и о кострюляхъ, и о жаровняхъ, и о томъ, какъ топить печь и т. д., и т. д., и каждое наше слово объ этомъ, дошедшее до повара Богъ знаетъ черезъ сколько устъ и Богъ знаетъ какъ перетолковывавшееся въ каждахъ устахъ, становилось бы инструкціей для повара. Какъ вы полагаете, хорошъ былъ бы у насъ порядокъ на кухнѣ, и вкусень выходилъ бы нашъ обѣдъ, какъ бы хорошъ ни былъ нашъ поваръ?

А вѣдь мы въ самомъ дѣлѣ не думали связывать его, ничего не хотѣли предписывать ему; мы хотѣли только, чтобы обѣдъ былъ хорошъ, и думали, что онъ будетъ готовить его какъ самъ знаетъ. Нѣтъ, если поваръ будетъ къ вамъ въ бюрократическихъ отношеніяхъ, это наше желаніе неисполнимо: поваръ непременно будетъ только подмастерьемъ нашимъ, поварская часть будетъ управляться нами.

Вотъ точно такъ вышло и въ Редакціонныхъ Коммиссіяхъ.

Будемъ говорить серьезно. При бюрократическомъ порядкѣ совершенно бесполезны умъ, знаніе, опытность людей, которымъ поручено дѣло. Люди эти дѣйствуютъ какъ машины, у которыхъ нѣтъ своего мнѣнія; они ведутъ дѣло по случайнымъ намекамъ и догадкамъ о томъ, какъ думаетъ про это дѣло то, или другое, или третье лицо, совершенно не занимающееся этимъ дѣломъ. Что изъ этого выходитъ, мы увидимъ все на томъ же примѣрѣ Редакціонныхъ Коммиссій.

Первою чертою дѣла для примѣра пусть послужитъ такъ называемая гласность, — это, м. г., бюрократическое выраженіе, придуманное для замѣны выраженія „свобода слова“, и придуманное по догадкѣ, что выраженіе „свобода слова“ можетъ показаться непріятнымъ или рѣзкимъ кому-нибудь, — и такъ, м. г., первую чертою для моего примѣра я беру такъ называемую гласность по крестьянскому дѣлу.

По фактамъ, которые приведены мною выше, могло казаться, будто предсѣдатель Коммиссіи дѣйствовалъ по своему убѣжденію. Остальные члены были работники, не могшіе дѣйствовать по своимъ убѣжденіямъ, а трудившіеся по инструкціямъ предсѣдателя. Но по крайней мѣрѣ предсѣдатель поступалъ сообразно своему убѣжденію. Оно могло быть составлено безъ основательнаго знакомства съ дѣломъ; но каково бы оно ни было, все-таки оно было его убѣжденіемъ, и если оно опредѣляло, характеръ коммиссіонныхъ работъ, все-таки въ этихъ работахъ могла быть какая-нибудь опредѣленная мысль и внутренняя связность. Нѣтъ, м. г., и это наше предположеніе оказывается ошибочнымъ. Мы видѣли предсѣдателя въ его отношеніяхъ къ членамъ. Передъ ними дѣйствительно онъ былъ человѣкъ само-

стоятельный. Но вѣдь онъ былъ въ сношеніяхъ не съ ними одними, а со множествомъ лицъ, въ числѣ которыхъ было нѣсколько человѣкъ, занимавшихъ относительно его точно такое же положеніе, какое занималъ онъ относительно членовъ Редакціонныхъ Коммиссій. По бюрократическому порядку онъ тоже въ свою очередь вывѣдывалъ мнѣнія лицъ, болѣе заслуженныхъ, чѣмъ онъ; тоже строилъ догадки о ихъ мнѣніяхъ, и тоже принималъ всякое ихъ слово и всякую догадку о ихъ мнѣніяхъ за инструкцію, которую долженъ исполнять. Можно было бы найти множество подтвержденій тому въ воспоминаніяхъ, еще свѣжихъ у каждого изъ насъ. Но я хочу опираться только на факты, формально засвидѣтельствованные въ протоколахъ Коммиссій, и укажу вамъ на одинъ изъ нихъ.

Черезъ мѣсяцъ по открытіи Коммиссій, въ засѣданіи 6 апрѣля, председатель, наученный опытомъ, высказалъ убѣжденіе, что ни онъ самъ, ни Редакціонныя Коммиссіи никакъ не могутъ удовлетворительно исполнить порученнаго имъ дѣла, если не привлекутъ къ помощи ихъ труду всю публику; онъ видѣлъ, что ему и Коммиссіямъ необходимо опереться на общественное мнѣніе; онъ видѣлъ, что, не будучи поддерживаемы общественнымъ мнѣніемъ, онъ и Редакціонныя Коммиссіи не найдутъ въ себѣ силы дѣйствовать, какъ нужно для успѣха дѣла. Вотъ, м. г., подлинныя слова председателя Редакціонныхъ Коммиссій, написанныя въ журналъ засѣданія 6 апрѣля.

„Возбужденъ былъ вопросъ: какую степень гласности должны имѣть занятія Коммиссій?

„По мнѣнію, выраженному председателемъ, занятія эти составляютъ дѣло всей Россіи,—дѣло, съ которымъ тѣсно связано и спокойствіе и благосостояніе цѣлаго государства, какъ въ настоящемъ, такъ и въ будущемъ. Опытъ показалъ, что, хотя поднятый вопросъ живо затронулъ интересы всего народа, но Россія, въ полномъ довѣріи къ своему Государю, осталась спокойною; что спокойствіе это можно частію приписать и нѣкоторой гласности, съ которой съ самаго начала, по Высочайшему повелѣнію, было ведено дѣло. При томъ же Коммиссіи, совершая трудъ, столь близкій интересамъ всѣхъ сословій, обязаны честнымъ отчетомъ въ своихъ дѣйствіяхъ передъ всею Россіею. Дать этотъ отчетъ, успокоить всѣхъ и каждого, можно только посредствомъ полной откровенности, потому что гдѣ дѣло ведется открыто, тамъ нѣтъ мѣста ни превратнымъ слухамъ, ни ложнымъ опасеніямъ, ни нелѣпымъ толкованіямъ. Наконецъ, на Коммиссіяхъ лежитъ святая обязанность уяснить вопросъ и самимъ себѣ *со всѣхъ сторонъ*. Какъ бы ни былъ добросовѣстенъ трудъ Коммиссій, какъ бы ни было велико стремленіе ихъ быть безпристрастными и неодносторонними, онѣ при всей опытности своихъ членовъ, врядъ ли избѣгутъ такихъ ошибокъ, которыя, при примѣненіи къ дѣйствительной мѣстной жизни, могутъ оказать неблагопріятное вліяніе на успѣхъ дѣла. А потому, и здѣсь необходимо передать себя общему суду, призвать на помощь общее участіе, которое прольетъ свѣтъ на каждую оставшуюся въ тѣни сторону вопроса, дополнить недостающіе факты и исправить во время каждую ошибку Коммиссій“.

Вникните въ эти слова, м. г., взвѣсьте ихъ, они заслуживаютъ того.

Какой сильный и твердый тонъ, какое честное и широкое понятіе о дѣлѣ. Хорошо; но слушайте же, какой выводъ дѣлается изъ такого основанія, какое примѣненіе получаетъ такой принципъ, какая практика извлекается изъ теоріи:

„Вслѣдствіе всѣхъ сихъ соображеній, предсѣдатель полагалъ бы полезнымъ:

„1) Всѣ журналы и труды Коммиссій печатать въ значительномъ количествѣ экземпляровъ.

„2) Напечатанные экземпляры разсылать гг. членамъ Главнаго Комитета, министрамъ и главноуправляющимъ отдѣльными частями, генералъ-губернаторамъ, начальникамъ губерній и губернскимъ предводителямъ дворянства (симъ послѣднимъ въ нѣсколькихъ экземплярахъ).

„3) Предварить всѣхъ означенныхъ лицъ, что подлежащіе обсужденію Коммиссій вопросы будутъ разрѣшаемы не ранѣе прибытія членовъ-экспертовъ, а затѣмъ труды Коммиссій будутъ предъявляемы депутатамъ губернскихъ комитетовъ, для сообщенія замѣчаній и съ ихъ стороны.

„4) Просить всѣхъ лицъ, которымъ будутъ разсылать такіе *труды*, сообщать свои замѣчанія къ опредѣленному сроку, на особомъ по каждой главѣ листѣ, и по возможности кратко, чтобы Коммиссія могли принять ихъ въ соображеніе своевременно, тотчасъ же раздѣлять по отдѣленіямъ и имѣть физическую возможность прочесть и обсудить ихъ“.

М. Г., вы твердо убѣждены, что предсѣдатель Редакціонныхъ Коммиссій былъ человекъ очень умный. Я совершенно согласенъ съ вами; посмотрите же, м. г., можетъ ли умный человекъ, если руководится своимъ умомъ, дѣлать такой выводъ изъ такого основанія. „Дѣло Редакціонныхъ Коммиссій,—дѣло всей Россіи“. Самимъ Коммиссіямъ для успѣха въ своихъ занятіяхъ, „необходимо предать себя общему суду, призвать на помощь общее участіе“. Что же надобно сдѣлать? какъ исполнить эту обязанность, какъ получить эту помощь? „Экземпляры трудовъ Редакціонныхъ Коммиссій разсылать начальникамъ губерній и губернскимъ предводителямъ дворянства, прося ихъ сообщать Редакц. Коммиссіямъ свои замѣчанія“. М. Г., скажите сами: развѣ начальники губерній и губернскіе предводители дворянства цѣлая Россія? Развѣ судъ ихъ—общій судъ цѣлой Россіи? Развѣ отчетъ передъ ними,—отчетъ передъ всею Россіей? Думаете ли вы, м. г., что онъ, человекъ умный, не былъ внутренно сконфуженъ передъ самимъ собою несообразностью своего заключенія съ началомъ? Думаете ли вы, что онъ могъ прямо смотрѣть въ глаза членамъ Редакціонныхъ Коммиссій, когда переходилъ отъ своего начала къ своему заключенію. Я этого не думаю, потому что думать такъ, значило бы оскорблять его память съ той стороны, съ которой уже никакъ нельзя отзываться о немъ дурно,—стороны ума.

Чѣмъ же можно объяснить такую странную несвязность мыслей, такое явное несоотвѣтствіе принимаемаго рѣшенія съ собственными желаніями? Конечно, только тѣмъ, что предсѣдатель Редакціонныхъ Коммиссій и самъ былъ совершенно связанъ въ своихъ рѣшеніяхъ. И кѣмъ же былъ онъ связанъ въ этомъ случаѣ? Я говорю съ вами, м. г., прямо и открыто, по-

тому, выскажу самъ свое убѣжденіе, впередъ свидѣтельствуя, что вы ошибаетесь, если сочтете его вѣрнымъ. Предсѣдатель Редакціонныхъ Коммиссій не былъ связанъ тутъ твердою и обдуманною волею того лица или тѣхъ лицъ, волю которыхъ онъ обязанъ былъ исполнить по закону; онъ былъ связанъ мнѣніями, опасеніями, привычками множества другихъ лицъ, которыхъ даже не имѣли законнаго права обнаруживать вліяніе на Редакціонную Коммиссію. Онъ былъ связанъ мнѣніями цѣлаго круга, отъ котораго, по формальному своему полномочію, былъ совершенно независимъ. Вотъ для васъ, м. г., случай убѣдиться, что при бюрократическомъ порядкѣ нѣтъ ни у кого независимости. Въ мелочахъ, особенно въ поступкахъ съ подвѣдомственными лицами, каждый имѣетъ при бюрократическомъ порядкѣ много произвола. Но слѣдовать своимъ убѣжденіямъ въ дѣлахъ серьезныхъ никто не властенъ; всѣ связаны безгласною и незаконною взаимною зависимою, потому что все тутъ основано на слухахъ, догадкахъ, т.-е. на умѣнны угрождать всякому, кто могъ бы распустить невыгодный слухъ, если бы чело-вѣкъ не угодилъ ему.

Если вы сравните практическое заключеніе предсѣдателя Редакціонныхъ Коммиссій о сообщеніи „Трудовъ Коммиссій“ губернскимъ предводителямъ и губернаторамъ съ теоретическимъ стремленіемъ предсѣдателя призвать все общество къ участию въ этихъ трудахъ и давать отчетъ о нихъ цѣлой Россіи, то вы увидите, м. г., каковъ бываетъ ходъ дѣлъ при бюрократическомъ порядкѣ: начинаютъ тѣмъ, что видятъ надобность чего-нибудь существеннаго и великаго, стремятся къ нему, и успѣваютъ сдѣлать лишь нѣчто очень маловажное и вовсе не существенное, а только формальное. Вы согласитесь, м. г., что мнѣнія губернаторовъ и губернскихъ предводителей никакъ не могли придать новой силы правительственному дѣлу, потому что сами губернаторы имѣютъ только силу, заимствованную отъ правительства, и губернскіе предводители находились тогда въ такомъ же положеніи: они не имѣли значенія, независимаго отъ правительства: не могло имѣть самобытнаго вѣса и ихъ мнѣніе. Такимъ образомъ Редакціонныя Коммиссіи никакъ не могли найти въ нихъ подкрѣпленія, въ которомъ чувствовалъ необходимую нужду предсѣдатель Коммиссій. Что же касается до содѣйствія этихъ лицъ разъясненію дѣла замѣчаніями на труды Коммиссій, то въ этихъ замѣчаніяхъ Коммиссіи не могли найти ничего новаго для себя: губернаторы смотрѣли на дѣло съ правительственной точки зрѣнія, подобно самой Коммиссіи, слѣдовательно не могли указать Коммиссіямъ важныхъ сторонъ дѣла, которыхъ не замѣчали бы и сами Коммиссіи; а губернскіе предводители могли дѣлать замѣчанія только съ помѣщичьей точки зрѣнія, которая уже и безъ того была очень знакома Коммиссіямъ. И такъ, необходимо нуждаясь въ опорѣ и критикѣ для своихъ трудовъ, Редакціонныя Коммиссіи искали ихъ у людей, которые были для нихъ совершенно бесполезны въ этихъ отношеніяхъ и принуждены были работать, не имѣя ни поддержки, ни критики въ своихъ трудахъ.

Въ слѣдующемъ письмѣ я постараюсь объяснить вамъ, м. г., къ чему это привело. А теперь покончу нѣсколькими замѣчаніями рѣчь о предметѣ. наполнившемъ собою все нынѣшнее письмо,—о характерѣ бюрократическаго

порядка. Припомните, м. г., какіе странные факты видѣли мы засвидѣтельствованными въ журналахъ Редакціонныхъ Коммиссій. Созываются люди, чтобы разсмотрѣть дѣло; но съ перваго же раза имъ предлагаютъ заключенія, которыми уже рѣшается все дѣло; а вѣдь оно еще не разсмотрѣно ни ими, ни лицомъ, предлагающимъ эти рѣшенія. И эти лица принимаютъ предлагаемыя имъ рѣшенія. Что же послѣ этого они будутъ дѣлать? Они будутъ не разсматривать дѣло, а только будутъ заниматься подбораніемъ и прилаживаніемъ мелкихъ подробностей, т.-е. ихъ работа будетъ работа каменщицковъ, смазывающихъ кирпичи одинъ къ другому, хотя и предполагали тѣ, которые созывали ихъ, что созываютъ ихъ обсудить планъ зданія. Какъ произошла такая перемѣна въ ихъ назначеніи? Этого никто не знаетъ. По чьей волѣ произошла она, — ни по чьей, потому что никто этого не хотѣлъ. Она произведена силою бюрократическаго порядка, противъ которой ничего не въ силахъ сдѣлать никто, хотя бы стоялъ въ самой главѣ всего управленія. Вы хотите только спросить, вашъ вопросъ принимаютъ за рѣшеніе; вы хотите посовѣтоваться, и ваши слова принимаютъ за приказаніе; вы ищите опоры, — все, до чего вы касаетесь, гнется передъ вами. Такъ уже заведено въ бюрократическомъ порядкѣ, и ничего иного не добьетесь вы отъ него.

И посмотрите же, м. г., какая удивительная вещь произведена натурой бюрократическаго порядка. Думалъ ли кто-нибудь въ высшемъ правительствѣ, что крѣпостное право должно быть сохранено при провозглашеніи его отменны? Конечно, никто этого не хотѣлъ въ высшемъ правительствѣ. Хотѣлъ ли того предсѣдатель Редакціонныхъ Коммиссій? — Конечно нѣтъ, вамъ извѣстно это. Хотѣли ли того члены Редакціонныхъ Коммиссій? — Нѣтъ, это всѣмъ извѣстно. Что же вы видѣли, м. г., въ самой же первой выпискѣ, приведенной мною изъ журналовъ Редакціонныхъ Коммиссій? Вы видѣли, что Редакціонныя Коммиссія начали свои работы принятіемъ принципа: при провозглашеніи освобожденія крестьянъ, крѣпостное право должно быть сохранено; припомните подлинныя слова журнала „Засѣданія“ 5 марта: „обязательныя барщинныя повинности и при срочно-обязанномъ положеніи будутъ составлять все-таки видъ крѣпостнаго права“. Это говоритъ предсѣдатель Коммиссій. По выслушаніи сего члены Коммиссій единогласно изъяснили полное сочувствіе къ этимъ словамъ предсѣдателя и внесли ихъ въ журналъ для непремѣннаго руководства себѣ. Снова спрашиваю, какъ могло это случиться, что въ основаніи дѣла кладется рѣшеніе, несогласное ни съ убѣжденіемъ членовъ Коммиссій, ни съ желаніемъ ихъ предсѣдателя, ни съ намѣреніемъ высшаго правительства? Случилось это по неизбѣжному характеру бюрократическаго порядка: предсѣдателю Коммиссій показалось по какой-то догадкѣ, что хотятъ этого какія-то лица, которымъ необходимо угождать; членамъ Коммиссій показалось, что слова предсѣдателя должны служить выраженіемъ неизмѣнной рѣшимости высшаго правительства, а высшее правительство, увидѣвъ такое рѣшеніе Коммиссій, убѣдилось, что нельзя уничтожить крѣпостнаго права, если уже спеціалисты, и при томъ извѣстные противники крѣпостнаго права, рѣшаютъ, что надобно сохранить его.

Точно также опредѣлились и всѣ другія черты дѣла; выкупъ земель

необязательный, а по добровольному соглашенію, размѣръ надѣла, величина повинностей и платежей крестьянскихъ, и т. д. Никто не можетъ принять на себя отвѣтственности за устройство дѣла въ такомъ видѣ, — ни высшее правительство, ни Редакціонныя Коммиссіи, рѣшительно никто не желалъ устроить дѣло такъ; его такъ устроилъ собственно бюрократическій порядокъ, независимо отъ воли и убѣжденія лицъ, чѣмъ бы то ни было — работами ли своими, желаніями ли своими, подписями ли своими, — участвовавшихъ въ веденіи этого дѣла.

Но посмотрите же, м. г., что изъ этого вышло? Я открою вамъ тайну, которая до сихъ поръ оставалась неизвѣстною не только вамъ, — отъ котораго укрывается столь многое, — неизвѣстною даже лицамъ, составлявшимъ положеніе объ освобожденіи крестьянъ, — открою тайну, которая удивитъ какъ неожиданная новость всякаго, кромѣ освобожденныхъ крестьянъ, съ первой же минуты почувствовавшихъ на своихъ карманахъ дѣйствіе этого секрета.

V.

16 февраля.

Открытіемъ секрета, который хочу сообщить вамъ, обязанъ я, м. г., случайному обстоятельству. Не смотря на гласность, которую непременно хотѣлъ придать трудамъ Редакціонныхъ Коммиссій ихъ предсѣдатель, я цѣлые два года даже не видывалъ этихъ изданій; такъ мало было ихъ обращеніе между публикой. Нужно заводить знакомства и прибѣгать къ просьбамъ, чтобы достать эти книги. Такъ у насъ все дѣлается, м. г.; безъ знакомства, безъ просьбъ ничего; съ ними — все. Но писать о крестьянскомъ вопросѣ нельзя было, потому я и не хлопоталъ, чтобы достать матеріалы, которыми не могъ бы воспользоваться. Наконецъ, когда приблизился срокъ обнародованія манифеста объ освобожденіи крестьянъ, разнесся слухъ (неосновательный, какъ обнаружилось впоследствии), будто бы по его обнародованіи разрѣшено будетъ разбирать Положенія. Тогда я захотѣлъ имѣть Труды Редакціонныхъ Коммиссій. Это изданіе состоитъ, какъ вамъ извѣстно, изъ двухъ отдѣловъ: одинъ, напечатанный въ 8 д. л. содержитъ въ себѣ матеріалы, болѣе или менѣе переработанные самими Коммиссіями; другой отдѣлъ, напечатанный въ 4 д. л. подъ названіемъ „Приложеній къ Трудамъ Коммиссій“, заключаетъ въ себѣ статистическія данныя о помѣстьяхъ, имѣющихъ болѣе 100 душъ. Тутъ обозначены: имя владѣльца и помѣстья, количество душъ и тягловъ въ каждомъ помѣстьѣ, общее количество земли при помѣстьѣ, количество каждаго рода угодій, входящихъ въ эту общую цифру, величина существовавшего надѣла и размѣръ повинностей, отбываемыхъ или платимыхъ за него. Этотъ отдѣлъ я успѣлъ получить раньше, чѣмъ досталъ первый отдѣлъ, въ которомъ переработаны Коммиссіями данныя втораго отдѣла. Не имѣя подъ руками этихъ сдѣланныхъ Коммиссіями выводовъ и даже не зная до какой степени выработаны они, я долженъ былъ заняться самъ разработкою цифръ, представлявшихъ мнѣ описаніями помѣстій. Мнѣ хотѣлось получить приблизительное понятіе о томъ, какая

перемены производится Положеніями въ существовавшемъ надѣлѣ земли и въ повинностяхъ, отбываемыхъ или платимыхъ крестьянами помѣщику. Работу свою я хотѣлъ ограничить великорусскими губерніями, о которыхъ объ однихъ я и хотѣлъ писать, потому что самъ лично знакомъ только съ ихъ бытомъ и обычаями. Но и тутъ я не могъ переработать всѣхъ цифръ по всѣмъ великорусскимъ уѣздамъ, — цифръ наполняющихъ цѣлые 4 тома: у меня не достало бы на то времени. Я долженъ былъ взять только нѣкоторые уѣзды, чтобы судить по нимъ о всемъ цѣломъ. Но я хотѣлъ, чтобы разработанная мною часть дѣйствительно могла служить точною представительницею всего цѣлага, и чтобы никому нельзя было заподозрить какого-нибудь произвола во мнѣ при выборѣ тѣхъ или другихъ уѣздовъ для пробы цѣлага. Поэтому я передъ началомъ работы принялъ два слѣдующія правила:

1) Составивъ списокъ уѣздовъ въ томъ самомъ порядкѣ, въ какомъ они слѣдуютъ одинъ за другимъ въ „Приложеніяхъ къ Трудамъ Редакціонныхъ Коммиссій“, я сталъ отбрасывать тѣ уѣзды, въ которыхъ общее число описанныхъ помѣстій заключаетъ менѣе 10 тысячъ душъ крѣпостныхъ крестьянъ, оставляя въ своемъ списокѣ только уѣзды, имѣющіе болѣе этого числа. Цѣль этого приѣма понятна: я хотѣлъ работать только надъ уѣздами, представляющими достаточную широту основанія для выводовъ о дѣйстви производимой Положеніями перемены. Такимъ образомъ осталось у меня 175 уѣздовъ, изъ которыхъ въ каждомъ описано состояніе болѣе чѣмъ 10 тыс. душъ.

2) Изъ нихъ я рѣшился взять тѣ, которыми будетъ начинаться каждый десятокъ, т.-е. первый уѣздъ, одиннадцатый уѣздъ, двадцать первый уѣздъ и т. д. *).

Такимъ образомъ, досталось мнѣ взять для разработки цифръ слѣдующіе уѣзды:

Александровскій	—	Владимірской губерніи.
Вирюченскій	—	Воронежской
Спасскій	—	Казанской
Дмитровскій	—	Курской
Клинскій	—	Московской
Горбатовскій	—	Нижегородской
Орловскій	—	Орловской
Пензенскій	—	Пензенской
Новоржевскій	—	Псковской
Михайловскій	—	Рязанской
Саратовскій	—	Саратовской
Алатырскій	—	Симбирской
Козловскій	—	Тамбовской
Нерехтскій	—	Костромской
Рославльскій	—	Смоленской
Корчевскій	—	Тверской
Евфиманскій	—	Тульской
Мышкинскій	—	Ярославской

*) Прилагаю сдѣланный мною списокъ на тотъ случай, если бы вы, м. г., пожела-
ли удостовѣриться въ правильности его составленія.

Надѣюсь, м. г., что правилами, принятыми мною при этомъ выборѣ, отстранена всякая возможность подозрѣвать какую-либо произвольность въ немъ. Посмотрите же, м. г., что открылось изъ разбора цифръ по этимъ 18 уѣздамъ.

Прежде всего я занялся счетомъ того, каковъ будетъ назначаемый Положеніями новый оброкъ, при назначаемомъ ими новомъ надѣлѣ, сравнительно съ прежнимъ оброкомъ и надѣломъ, въ тѣхъ помѣстьяхъ, которыя прежде были на оброкѣ и останутся на оброкѣ по Положенію.

Общее число душъ въ оброчныхъ имѣніяхъ, внесенныхъ въ „Приложенія къ Трудамъ Редакціонныхъ Комиссій“, по всѣмъ 18 уѣздамъ: 125.324 души. Прежній надѣлъ ихъ показанъ въ 419.406^{1/2} десятинъ. Всего оброка за этотъ надѣлъ при крѣпостномъ правѣ платили они помѣщикамъ: 842.728 руб. 50 коп. Такимъ образомъ, при прежнемъ крѣпостномъ правѣ, среднимъ числомъ, бралось съ крестьянъ за одну десятину надѣла: 2 руб. 9 коп. По правиламъ, даннымъ новыми Положеніями, изъ прежняго надѣла должно отойти къ помѣщику: 101.767^{3/4} десятины. Остается за крестьянами: 317.638^{3/4} десятины. За нихъ установленъ оброкъ: 731.346 руб. 80 коп. То есть за одну десятину земли своего надѣла крестьяне должны по новымъ правиламъ платить 2 руб. 30^{1/2} коп. Иначе сказать, по новымъ Положеніямъ освобождаемые крестьяне должны платить помѣщику 1 руб. 10 коп. вмѣсто каждаго рубля, который платили ему при прежнемъ крѣпостномъ правѣ.

Ожидали ли вы, м. г., такого результата?

Не смѣю далѣе утруждать вашего вниманія. Но если бы я смѣлъ предполагать, что свѣдѣнія, мною доставляемые вамъ, будутъ приниматься вами съ тою же единственною мыслью о драгоцѣнности правды, съ какою я старался пріобрѣсти эти свѣдѣнія, то я поставилъ бы себѣ за удовольствіе изложить вамъ во всей подробности вопросъ о судьбѣ оброчныхъ имѣній по новому Положенію; потомъ перешелъ бы къ вопросу о помѣстьяхъ, состоящихъ на барщинѣ; наконецъ представилъ бы вамъ свѣдѣнія о дѣйствительномъ значеніи тѣхъ сторонъ новаго устройства, которыя одинаково касаются тѣхъ и другихъ помѣстій. Но я уже довольно много времени потратилъ на непрошенную бесѣду съ вами, м. г., и не могу тратить его больше, не зная, не будетъ ли оно совершенно потеряннымъ. Во всякомъ случаѣ, вы теперь можете судить о томъ, каковъ былъ бы характеръ дальнѣйшихъ бесѣдъ съ вами; слѣдовательно, вы сами можете судить, нужны ли онѣ для васъ.

Я понимаю, м. г., что нарушилъ правила приличія, напрашиваясь съ своими объясненіями къ человѣку, ни мало не вызвавшему меня на нихъ; поэтому не будетъ для васъ страннымъ, если я не соблюду этихъ правилъ и въ заключеніи своей корреспонденціи, и не подпишусь по обычаю „готовый къ услугамъ“ или „вашъ покорнѣйшій слуга“, а подпишусь просто

Н. Чернышевскій.

СПИСОКЪ

уѣздовъ великороссійскихъ губерній, въ которыхъ Приложеніями къ Трудамъ Редакціонныхъ Коммиссій описано состояніе болѣе чѣмъ 10 тысячъ душъ крѣпостныхъ крестьянъ.

Владимірской губерніи.

- 1 Александровскій.
- Гороховецкій.
- Ковровскій.
- Муромскій.
- Покровскій.
- Шуйскій.
- Юрьевскій.

Вологодской г.

- Вологодскій.
Кадниковскій;

Воронежской г.

- Воронежскій.
- 11 Бирючевскій.
- Бобровскій.
- Валуйскій.
- Задонскій.
- Землянский.
- Новохоперскій.
- Острогожскій.
- Павловскій.

Вятской г.

- Яранскій.

Казанской г.

- Лаишевскій.
- 21 Спасскій.

Калужской г.

- Жиздринскій.
- Козельскій.
- Лихвинскій.
- Медынскій.
- Мещовскій.
- Мосальскій.
- Тарусскій.

Курской г.

- Бѣлгородскій.
- Грайворонскій.
- 31 Дмитриевскій.
- Льговскій.
- Новооскольскій.
- Путивльскій.

Рыльскій.

Старооскольскій.

Московской г.

- Московскій.
- Богородскій.
- Вронницкій.
- Волоколамскій.
- 41 Клинскій.
  - Коломенскій.
  - Можайскій.
  - Подольскій.
  - Рузскій.

Нижегородской г.

- Нижегородскій.
- Ардатовскій.
- Арзамасскій.
- Балахнинскій.
- Васильсурскій.
- 51 Горбатовскій.
  - Княгининскій.
  - Лукояновскій.
  - Макарьевскій.
  - Сергачскій.

Новгородской г.

- Новгородскій.
- Воровичскій.
- Демьянскій.
- Устюжскій.
- Череповецкій.

Орловской г.

- 61 Орловскій.
- Болховскій.
- Дмитровскій.
- Елецкій.
- Карачевскій.
- Кромскій.
- Ливенскій.
- Малоархангельскій.
- Мценскій.
- Стѣвскій.

Пензенской г.

- 71 Пензенскій.
- Городищенскій.

Ивсарскій.

Керенскій.

Мокшавскій.

Нижнеломовскій.

Саранскій.

Чембарскій.

Псковской г.

- Псковской.
- Великолукскій.
- 81 Новоржевскій.
  - Опочецкій.
  - Островскій.
  - Порховскій.
  - Торопецкій.

Рязанской г.

- Рязанскій.
- Данковскій.
- Егорьевскій.
- Зарайскій.
- Касимовскій.
- 91 Михайловскій.
  - Равенбургскій.
  - Рязжскій.
  - Сапожковскій.
  - Спасскій.

Самарской г.

- Самарскій.
- Бугурусланскій.
- Вузулукскій.
- Николаевскій.
- Ставропольскій.

Саратовской г.

- 101 Саратовскій.
- Аткарскій.
- Балашовскій.
- Вольскій.
- Петровскій.
- Сердобскій.
- Кузнецкій.
- Хвалынский.

Петербургской г.

- Петербургскій.
- Лужскій.

Симбирской губернии.

- 111 Алатырский
Ардатовский.
Корсунский.
Курмышский.
Сенгилеевский.
Сызранский.

Тамбовской г.

- Тамбовский.
Борисоглебский.
Елатомский.
Кирсановский.
121 Козловский.
Моршанский.
Темниковский.
Шацкий.

Костромской г.

- Варнавинский.
Веглужский.
Галицкий.
Кивешемский.
Кологривский.
Макарьевский.
131 Нерехтский.
Юрьевецкий.

Пермской губернии.

- Пермский.
Оханский.
Соликамский.

Смоленской г.

- Бѣльскій.
Вяземскій.
Гжатскій.
Дорогобужскій.
Ельнинскій.
141 Рославльскій.
Сычевскій.
Юхновскій.

Тверской г.

- Тверской.
Бѣжецкій.
Весьегонскій.
Вышневолоцкій.
Зубцовскій.
Калязинскій.
Кашинскій.
151 Корчевскій.
Новоторжскій.
Осташковскій.

- Ржевскій.
Старицкій.

Тульской г.

- Тульскій.
Алексинскій.
Бѣлевскій.
Богородицкій.
Веневскій.
161 Епифанскій.
Ефремовскій.
Каширскій.
Крапивинскій.
Новосильскій.
Одоевскій.
Чернскій.

Ярославской г.

- Ярославскій.
Даниловскій.
Мологскій.
171 Мышкинскій.
Пошехонскій.
Романо-Борисоглебскій.
Ростовскій.
Угличскій.

БЕЗДЕНЕЖЬЕ *).

I.

Когда товаръ бываетъ дешевъ: когда его находится слишкомъ мало или слишкомъ много?

По этому головоломному вопросу не имѣютъ никакихъ сомнѣній простые люди: мужики, мѣщане, канцелярскіе чиновники, кухарки, хозяйки небогатыхъ семействъ, и т. д. и т. д. Сидишь, бывало, поутру за чаемъ и слушаешь разговоръ старшихъ родственниковъ, возвратившихся съ рынка, и ихъ знакомыхъ, завернувшихъ къ нимъ отогрѣться послѣ двухъ-часовыхъ поисковъ дешевой провизіи на рынокѣ. — „Мало нынче было подвезено дровъ, и приступу къ нимъ нѣтъ: ломаютъ по два рубля (ассигнаціями) за возъ“. — „Вотъ то-то и есть, пропустили вы прошлую среду: покупали по рублю за возъ; а я вамъ говорилъ тогда, берите, такого большаго подвозу не будетъ послѣ“. — Думала, батюшка, что навезутъ еще больше, и куплю по 80 копѣекъ“. — На другое утро сидишь, бывало, опять за чаемъ, и опять слышишь такой же разговоръ: „ужъ сколько нынче навезли сѣна, просто ужасъ,—ну и покупали дешево: я взяла три воза за пять рублей“. — „А я, матушка, въ прошлую пятницу заплатилъ за одинъ возъ четыре рубля, потому что очень мало сѣна было привезено. — Такіе разговоры слушаешь, бывало, изо дня въ день, и слушаешь по цѣлымъ долгимъ годамъ. Однообразно и потому скучновато; но очень полезно.

Въ самомъ дѣлѣ, человѣку, прослушавшему въ дѣтствѣ за чаемъ такой курсъ живой экономической мудрости, совершенно ясно и неопровержимо все дѣльное и справедливое въ книжной ученой политической экономіи. Его уже ничѣмъ не собьете вы, напримѣръ, съ мысли, что если товаръ падаетъ въ цѣнѣ, то значить, что количество этого товара слишкомъ велико.

*) *Примѣчаніе издателя.* Статья эта, оставшаяся ненапечатанною, предназначалась вѣроятно въ апрѣльскую книжку Современника 1862 г., такъ какъ цензурская корректура помѣчена 29 марта 1862 г.

Но кто не знаетъ, какъ идутъ экономическія дѣла въ самой коренной дѣйствительности, въ жизни той массы, которая своими руками производитъ все національное богатство и хлопочетъ съ утра до ночи, чтобы какъ-нибудь переколотиться на свѣтѣ, — кто не узналъ эту жизнь, такъ что не можетъ забыть о ней, тотъ почти-что ничего не умѣетъ разобрать и въ книжной мудрости; отвлеченныя понятія и отвлеченныя статистическія цифры вергнутся у него въ головѣ, складываясь и раскладываясь по прихотямъ фантазіи и производя всякую любую путаницу, какую только захочется ему сочинить изъ нихъ. Къ вопросу о дороговизнѣ вещей и упадкѣ цѣнности денежныхъ знаковъ эти мудрецы приступаютъ, напримѣръ, такимъ манеромъ:

„Всѣ жалуются на дороговизну вещей, которая съ ученой точки зрѣнія должна быть названа пониженіемъ цѣны денежныхъ знаковъ сравнительно съ общою массою товаровъ. Но можно ли объяснять этотъ упадокъ излишнимъ увеличеніемъ количества денежныхъ знаковъ, находящихся въ обращеніи? Въ такомъ-то году, когда цѣнность денежныхъ знаковъ не находилась въ упадкѣ, Россія имѣла въ обращеніи столько-то милліоновъ звонкой монеты, столько-то милліоновъ кредитныхъ билетовъ, столько-то милліоновъ процентныхъ билетовъ разныхъ кредитныхъ учрежденій, и другихъ бумагахъ, замѣнявшихъ собою деньги; итого было у насъ тогда, — въ какомъ-нибудь 1850 или 1852 году, столько-то милліоновъ денежныхъ знаковъ. Нынѣ находится въ обращеніи по каждому изъ этихъ разрядовъ столько-то милліоновъ, итого сумма всѣхъ денежныхъ знаковъ, находящихся въ обращеніи, составляетъ столько-то милліоновъ. Изъ этого мы видимъ что....“

Тутъ разногласіе между мудрецами, потому что видны по ихъ расчетамъ оказываются вещи, совершенно разныя: однимъ видно, что сумма денежныхъ знаковъ, находящаяся нынѣ въ обращеніи, меньше той, какая была прежде; другимъ видно, что она равна ей; третьимъ видно, что она нѣсколько больше, но не настолько, насколько увеличился размѣръ торговыхъ и промышленныхъ оборотовъ, нашего общества за послѣдніе годы; эти противорѣчающія очевидности нисколько не мѣшаютъ всѣмъ тремъ партіямъ мудрецовъ послѣ своего небольшого разногласія въ очевидности снова сойтись въ общемъ выводѣ, и они въ одинъ голосъ заключаютъ:

„Изъ этой очевидности (которая по однимъ состоитъ въ томъ, что количество денежныхъ знаковъ увеличилось, а по другимъ въ томъ, что оно уменьшилось) столь же очевидно слѣдуетъ, что количество денежныхъ знаковъ, находящихся нынѣ въ обращеніи у насъ, недостаточно при громадномъ развитіи нашихъ производительныхъ силъ въ послѣдніе годы и при возникшемъ изъ того огромномъ увеличеніи торговыхъ сдѣлокъ въ странѣ. Дѣйствительно, если предположимъ, что сумма этихъ оборотовъ удвоилась, то не очевидно ли, что недостаточна стала для ихъ совершенія масса денежныхъ знаковъ, не превышающая, или мало превышающая, ту, какая находилась въ прежнее время при размѣрѣ оборотовъ, вдвое меньшемъ“.

Къ этому заключенію мудрецы сходятся, хотя и расходились по дорогѣ; сходятся потому, что и въ мысляхъ у нихъ было не то, чтобы дер-

жаться прямого пути, а только чтобы какими бы то ни было изворотами дойти до такого результата.

Соединившись тутъ во взаимныхъ объятіяхъ, они продолжаютъ въ одинъ голосъ: „выводъ, нами сдѣланный изъ сравненія нынѣшней суммы денежныхъ знаковъ съ бывшею прежде у насъ, получаетъ еще болѣе осязательности, если мы просто сравнимъ количество настоящихъ денегъ въ тѣсномъ смыслѣ этого слова съ числомъ нашего населенія. Звонкой монеты у насъ теперь такъ мало, что не стоитъ и считать ее; кредитныхъ билетовъ находится въ обращеніи около 700 милліоновъ, а населеніе Россійской имперіи составляетъ около 70-ти милліоновъ человѣкъ; стало быть на каждого жителя имперіи приходится среднимъ числомъ всего по 10 рубл. Не очевидно ли, что эта цифра слишкомъ мала. Изъ этого очевидно, въ чемъ находится причина промышленныхъ, торговыхъ и финансовыхъ нашихъ затрудненій: денежныхъ знаковъ слишкомъ мало; ясны и средства устранить всѣ затрудненія: надобно увеличить количество денежныхъ знаковъ. Какимъ способомъ увеличить его, тоже ясно: золото и серебро нельзя производить силою одного желанія, значить нечего и хлопотать о звонкой монетѣ, а надобно пособить горю выпустивъ еще побольше кредитныхъ билетовъ и процентныхъ бумагъ всякаго наименованія“.

Цѣлыхъ три партіи мудрецовъ пѣли хоромъ этотъ прекрасный гимнъ. Но этихъ пѣвцовъ надобно назвать крайними мудрецами; а въ противоположность крайнимъ всегда существуютъ умѣренные. Умѣреннымъ быть легко во всякомъ дѣлѣ: надобно только слушать, что говорятъ люди, выходящіе изъ какихъ бы то ни было основаній, — справедливыхъ или ложныхъ все равно, — и развивающіе свой взглядъ по строгой логикѣ, которая приводитъ ихъ къ вѣрнымъ выводамъ, если основанія вѣрны, или къ фальшивымъ, если основанія фальшивы, — надобно слушать, что говорятъ эти люди, и повторять ихъ слова съ прибавкою ограничительныхъ оговорокъ: „есть справедливая сторона въ мнѣніи, утверждающемъ, что...“ „Нельзя отчасти не согласиться съ тѣмъ, что...“ и т. д. и т. д.; что же касается до сдѣланныхъ крайними людьми выводовъ, то надобно прибавлять къ нимъ замѣчаніе въ такомъ родѣ: „эта мѣра слишкомъ сильна; къ той же цѣли приведетъ средство болѣе удобное, — не дѣлать ничего или почти ничего“. Владѣя умѣньемъ ко всему, что говорится людьми какого бы то ни было взгляда, приставлять такіа оговорки, вы будете человѣкомъ умѣренной партіи. Такъ и по вопросу о денежныхъ знакахъ умѣренные мудрецы рассуждали слѣдующимъ маперомъ, тоже на основаніи глубокихъ научныхъ соображеній: „Нельзя не признать отчасти справедливымъ того мнѣнія, что излишества въ денежныхъ знакахъ у насъ нѣтъ; не лишено нѣкотораго основанія даже и то мнѣніе, что количество денежныхъ знаковъ слишкомъ мало. Но увеличивать эту массу значительнымъ выпускомъ новыхъ бумажныхъ денегъ было бы дѣломъ рискованнымъ, какъ и всякая крайняя мѣра. Дѣлать неболѣшіе выпуски можно, потому что не окажутъ они чувствительнаго вліянія, но лучше и того не дѣлать, чтобы курсъ не падалъ“.

Итакъ ничего не дѣлать? О, нѣтъ: это самая смертельная обида для умѣренныхъ людей — сказать про нихъ, что они не хотятъ дѣлать ничего

или почти ничего; они тотчасъ же восклицаютъ: „извольте дослушать, мы еще не развили до конца свой взглядъ; у насъ также есть своя программа дѣятельности—конечно безъ рѣзкихъ мѣръ, предлагаемыхъ крайними людьми; но въ нашихъ мѣрахъ, легкихъ и мягкихъ находится болѣе легкое лекарство отъ болѣзней. Есть одно обстоятельство, котораго не хотятъ замѣчать крайніе мудрецы, опровергаемые нами (да гдѣ жъ вы ихъ опровергаете? Вы только повторяете ихъ слова на половину; вѣдь если, напримѣръ, вмѣсто полного слова „бумага“ вы хотите произносить только одну половину его „бума“, то вѣдь вы не опровергли его, а только отняли у него смыслъ; если это слово дурно, то и ваше искаженіе его тоже дурно, съ тою только разницею, что въ добавокъ оно и глупо, чего нельзя сказать о цѣломъ словѣ). Это важное обстоятельство, выставленное нами на видъ, заключается въ низкомъ курсѣ бумажныхъ знаковъ (да вовсе не вы, о умѣренные мудрецы, выставляете на видъ это обстоятельство: его выставляютъ на видъ другіе крайніе люди, противоположные первымъ; разница между вами и этими другими крайними людьми та, что они говорятъ объ этомъ обстоятельстве со смысломъ, а вы,—но какъ вы о немъ говорите, мы послушаемъ, продолжайте...). Чѣмъ объяснить низкій курсъ бумажныхъ знаковъ при неоспоримости (вотъ ужъ и неоспоримость! а вы бы просто сказали, что вы не умѣете опровергнуть, — это еще не признакъ неоспоримости) того факта, что у насъ нѣтъ излишества или даже есть недостаточность въ количествѣ денежныхъ знаковъ? Понять это можно только при глубокомъ изученіи великихъ истинъ политической экономіи (фразы „о глубинѣ изученія, необходимой для“... и т. д. обыкновенно служатъ признакомъ, что голова, требующая глубины мыслей, напутала въ себѣ мысли, совершенно не клеящіяся; если, наприимѣръ, вздумаю я, что Петербургъ лежитъ подъ тропиками, то дѣйствительно потребуются необыкновенно глубокія соображенія, чтобы объяснить, почему въ Петербургѣ такой холодный климатъ; а и вся-то надобность въ глубокомыслии произошла оттого, что взялъ я правду, что въ Петербургѣ холодно, да взялъ вздоръ, будто Петербургъ лежитъ подъ тропиками, спуталъ эту правду съ этимъ вздоромъ, да и хочу, чтобы они ужились вмѣстѣ). Благодаря изслѣдованіямъ Рикардо, доказано, что курсъ бумажныхъ денегъ не можетъ держаться безъ обмѣна на звонкую монету (о умѣренные мудрецы! Рикардо вовсе не то доказывалъ. Тутъ и доказывать-то нечего; умному человеку, каковъ былъ Рикардо, нечего было размышлять надъ такими вопросами),—и теперь навсегда опровергнуты теоріи утопистовъ, утверждавшихъ противное. (Умѣренные мудрецы при всякомъ случаѣ таки задѣнутъ утопистовъ, теоріи которыхъ состоятъ совершенно въ иномъ, чѣмъ полагаютъ умѣренные мудрецы, и которые по вопросамъ о денежномъ обращеніи ни на одинъ волосъ не отступаютъ отъ Рикардо). Итакъ для восстановленія курса бумажныхъ денегъ, надобно только восстановить размѣнъ ихъ на звонкую монету. Такъ какъ ихъ количество не чрезмерно, то и къ размѣну будетъ представлена лишь самая незначительная часть ихъ,—такъ сказать только для пробы, въ самомъ ли дѣлѣ станутъ размѣнивать; а какъ только увидятъ люди, что въ самомъ дѣлѣ размѣниваются ихъ бумажныя деньги на звонкую монету, то и перестанутъ представлять ихъ къ размѣну: зачѣмъ

дескать, вѣдь теперь ужъ это — вѣрный капиталъ, все равно что золото. Изъ этого слѣдуетъ, что при нынѣшнемъ состояніи размѣннаго фонда государственнаго банка можно возстановить обмѣнъ кредитныхъ билетовъ на звонкую монету и этимъ все дѣло будетъ улажено. Курсъ поднимется, торговля возстановится, промышленность оживится и, вѣроятно, даже процвѣтутъ, какъ въ старыя блаженные годы, наши акціонерныя общества.

Сладки словеса умѣренныхъ мудрецовъ: по щучьему велѣнію, по иванушкину прошенію окажись размѣнный фондъ достаточнымъ для возстановленія курса, процвѣти торговля и промышленность. — Пріятны и слова крайнихъ мудрецовъ: ну-ка съ Богомъ, шелкайте станки, печатайте побольше кредитныхъ билетовъ, и все пойдетъ какъ по маслу. Но вотъ, — картина, достойная Дантовой кисти, — что это за лица исхудалыя, зеленыя, съ блуждающими глазами, съ искривленными злобною улыбкой ненависти устами, — съ немытыми руками, съ скверными сигарами въ зубахъ? Это — нигилисты, изображенные г. Тургеневымъ въ романѣ „Отцы и дѣти“. Эти небритые, нечесанные юноши отвергаютъ все, все: отвергаютъ картины, статуи, скрипку и смычокъ, оперу, театръ, женскую красоту, — все, все отвергаютъ. и прямо такъ и рекомендуютъ себя: мы дескать нигилисты, все отрицаемъ и разрушаемъ. Что-то скажутъ они о выслушанныхъ нами теоріяхъ умѣренныхъ мудрецовъ и крайнихъ мудрецовъ.

Они скажутъ вотъ что: вспомните, читатель, простые житейскіе факты, свидѣтелемъ которыхъ были вы съ самаго дѣтства. Вспомните разговоры вашего отца, дяди, бабушки о дороговизнѣ и дешевизнѣ сѣна и дровъ; если цѣнность вещи упала, значить, что количество этой вещи сдѣлалось больше, чѣмъ при какомъ она можетъ сохранять свою прежнюю цѣнность. Курсъ бумажныхъ денегъ упалъ, — при этомъ фактѣ уже не нужны никакія другія изысканія, и противъ него невозможны никакія возраженія. Онъ самъ по себѣ полнѣйшее и очевиднѣйшее заявленіе тому, что выпущенное количество бумажныхъ денегъ слишкомъ велико.

Положимъ, что мои векселя падаютъ въ цѣнѣ. Изъ этого уже ясно, что я падалъ векселей больше, чѣмъ слѣдовало. Тутъ нечего сравнивать ихъ прежнее количество съ нынѣшнимъ. Пусть прежде масса денежныхъ знаковъ была больше нынѣшней; но если тогда курсъ кредитныхъ билетовъ и другихъ бумагъ не падалъ, это значить, что тогда въ обращеніи находилось не больше денежныхъ знаковъ, чѣмъ слѣдовало. Пусть нынѣшняя сумма денежныхъ знаковъ меньше прежняго; но если курсъ бумажныхъ денегъ падаетъ, это все-таки значить, что количество ихъ чрезмѣрно велико. Время на время не приходитъ. Количество, не бывшее чрезмѣрнымъ прежде, можетъ оказываться чрезмѣрнымъ нынѣ. Пока не было желѣзной дороги изъ Петербурга въ Москву, по шоссе между этими городами содержалось быть можетъ 100 тысячъ лошадей; и если цѣна этихъ лошадей не падала, то значить ихъ было не больше, чѣмъ нужно. Теперь, быть можетъ, осталось всего 10 тысячъ лошадей на этомъ шоссе, и все-таки это количество чрезмѣрно, если цѣна ихъ упала. Что тутъ будете вы разсуждать объ увеличившемся движеніи проѣзжихъ и товаровъ между Петербургомъ и Москвой; пусть оно и увеличилось, но если цѣна лошадей упала,

значить все-таки, что цѣна эта упала, и что ямщики на шоссе должны не увеличивать, а уменьшать число своихъ лошадей.

Что еще разсуждаете вы о пропорціи между количествомъ кредитныхъ билетовъ и количествомъ населенія? Припомните разсказы о дровахъ и снѣдъ. Если возы дровъ стоятъ на рынкѣ по цѣлой недѣлѣ, то семь десятковъ возовъ на рынкѣ будутъ означать собою меньшій размѣръ рыночныхъ оборотовъ, чѣмъ 20 возовъ въ такое время, когда больше одного дня не стоитъ возъ на рынкѣ. По 20 возовъ въ день,—вѣдь это составитъ 140 возовъ въ недѣлю; а 70 возовъ въ недѣлю даютъ только по 10 возовъ на день. Значить иной рынокъ, на которомъ въ каждое данное время находится только по 20 возовъ дровъ, достаточенъ на поддержаніе экономическихъ отправленій въ количествѣ печей, вдвое большемъ того, какое едва поддерживается въ исправности другимъ рынкомъ, постоянно имѣющимъ 70 возовъ дровъ. Понятно или нѣтъ? Просто или нѣтъ?

Сколько нужно мнѣ имѣть наличныхъ денегъ въ карманѣ, чтобы круглый годъ былъ у меня на столѣ чай поутру и вечеромъ? Какъ вамъ это сказать? Да вѣдь этого совершенно нельзя опредѣлить. Голова сахару стоитъ рублей 5, да фунтъ чаю рубля 3; значитъ 10 рублей за-глаза довольно, чтобы войти въ магазинъ и запастись чаемъ и сахаромъ. Легко обойтись и гораздо меньшимъ количествомъ наличныхъ денегъ: $\frac{1}{2}$ ф. чая и 5 ф. сахара все еще порядочный запасъ. Его купить можно на 3 рубля. Значить человѣкъ, у котораго никогда не будетъ въ наличности за одинъ разъ больше 10 рублей, можетъ постоянно пить чай, лишь бы эта маленькая наличность въ его карманѣ быстро возобновлялась. Положимъ, она возобновляется каждый день. Тогда получая и расходуя по 10 рублей въ день, я буду проживать въ годъ 3,650 рублей, т. е. буду совершать торговые сдѣлки на эту сумму въ теченіе года. Но если я получаю деньги только одинъ разъ въ мѣсяцъ по 100 рублей, то хотя наличность и бываетъ у меня тутъ гораздо больше, чѣмъ въ первомъ случаѣ, а все-таки въ годъ получу я только 1,200 рублей и въ теченіе года сдѣлаю покупокъ вдвое меньше, чѣмъ въ первомъ случаѣ. Тутъ шутя стану я порядкомъ экономничать на чаѣ и сахарѣ; иной разъ будетъ у меня въ карманѣ и 25-рублевая бумажка; а я стѣсняюсь позвать себѣ пріятеля на стаканъ чаю. А что если я получаю деньги одинъ разъ въ годъ по 300 рублей? Наличность тутъ бываетъ иногда у меня очень солидная; а все-таки большую часть дней въ году останусь я безъ чаю и безъ сахару.

Понятно ли, въ чемъ штука? Штука не въ томъ, поскольку денегъ бываетъ у меня въ карманѣ за одинъ разъ, а въ томъ, каковъ мой годовой доходъ. Положите, что красненькая бумажка за № 12,345,678 возвращается ко мнѣ въ карманъ 350 разъ въ годъ; значитъ я съ одной этой бумажкой буду жить такъ, какъ живутъ люди, имѣющіе болѣе 3,500 дохода. А если бумажки въ карманѣ у меня перебываютъ и разныхъ нумеровъ и разныхъ цѣтовъ, существенной разницы тутъ не будетъ.

Итакъ, сколько же бумажекъ нужно человѣку, чтобы жить въ порядочной квартирѣ, имѣть сносный столъ и пр. и пр., какъ имѣютъ люди, проживающіе болѣе 3000 рублей въ годъ? Сколько нужно ему наличныхъ

денегъ, этого нельзя сказать: а можно только сказать, что въ годъ онъ долженъ прожить болѣе 3,000 рублей.

Не угодно ли теперь вмѣсто одного человѣка взять цѣлый народъ, положимъ, хоть русскій народъ. Вы говорите, что въ какомъ-нибудь 1850 году было у насъ денежныхъ знаковъ, положимъ, 1,400 милліоновъ, а вся сумма продажъ и покупокъ всей націи простиралась въ томъ году до 7,000 милліоновъ. А теперь говорите вы, сумма продажъ и покупокъ доходитъ до 10,000 милл., а денежныхъ знаковъ находится въ обращеніи только на 1.250 милліоновъ; значить денежныхъ знаковъ мало, говорите вы; по пропорціи 1850 г. когда денежныхъ знаковъ было ни много, ни мало, а въ самую пору, нужно было бы теперь на 2,000 милл. денежныхъ знаковъ. Нѣтъ глубокомысленные мудрецы, вовсе не значить. Разсужденіе надобно начинать вовсе не съ того конца, а вотъ съ какого. Если въ 1850 г. при количествѣ денежныхъ знаковъ 1,400 милл. не оказывалось излишества въ денежныхъ знакахъ, а сумма торговыхъ сдѣлокъ простиралась только до 7,000 милл. р., это значить, что каждый рубль денежныхъ знаковъ переходилъ тогда изъ рукъ въ руки среднимъ числомъ 5 разъ въ годъ. Какъ составлялась эта сумма переходовъ, все равно,—быть можетъ вотъ такъ:

400 милліоновъ лежали неподвижно, не сдѣлали ни одной покупки; значить и считать нечего; значить въ суммѣ оборотовъ они составляли	0,000 милл.
500 милліоновъ перешли изъ рукъ въ руки по 4 раза; значить сдѣлали покупокъ на	2,000 "
500 милліоновъ перешли изъ рукъ въ руки по 10 разъ; значить сдѣлали покупокъ на	5.000 "
1,400 милліоновъ сдѣлали оборотовъ на	7,000 "

А можетъ быть движеніе совсѣмъ было другое; напримѣръ:

700 милліоновъ лежали неподвижно, значить произвели покупокъ на	0,000 милл.
300 милліоновъ перешли изъ рукъ въ руки по одному разу и сдѣлали покупокъ	0.300 "
200 милліоновъ перешли изъ рукъ въ руки по 4 раза и сдѣлали покупокъ на	1,200 "
100 милліоновъ перешли изъ рукъ въ руки по 10 разъ и сдѣлали покупокъ на	1,000 "
50 милліоновъ перешли изъ рукъ въ руки по 20 разъ и сдѣлали покупокъ на	1,000 "
50 милліоновъ перешли изъ рукъ въ руки по 70 разъ и сдѣлали покупокъ на	3,500 "
1,400 милліоновъ сдѣлали оборотовъ на	7,000 милл.

А что если было въ самомъ дѣлѣ такъ, какъ во 2 примѣрѣ? Въдѣ тогда пустая сумма 50 милл. рублей исполнила половину работы, а цѣлая половина рублей лежала на боку. И если бы еще другіе 50 милл. начали работать такъ же усердно, какъ навболѣе стлчившіеся ихъ товарищи?

Тогда вѣдь всѣмъ другимъ работавшимъ 600 милліонамъ пришлось хотѣ отпавляться на боковую къ своимъ товарищамъ соннымъ 700 милліонамъ.

Ну а что, если бы эти сонные 700 милліоновъ вдругъ проснулись, да и начали работать не хуже наиболѣе отличившихся? Вѣдь начавъ хлопотать о томъ, чтобы совершить по 70 покупокъ въ годъ, они накупили бы ни сумму 49,000 милліоновъ, да и безъ нихъ была уже сумма покупокъ въ 7,000 милл.; значить всего было покупокъ на 56,000 милліоновъ. Вотъ была бы штука! Ну-ко, о мудрецы, разсудите, какая бы это была штука?

О, возблагоденствовала бы Россія, восклицаютъ мудрецы: легко ли сказать, сумма торговыхъ оборотовъ увеличилась бы въ 8 разъ! Да что же это такое, если не то, что страна сдѣлалась бы въ 8 разъ богаче? Да тогда я думаю, каждый мужикъ завелъ бы у себя золотые лапти, какъ г. Кокоревъ.

Эхъ мудрецы, мудрецы! все то вы понимаете, кромѣ одной небольшой вещицы, называемой дѣйствительнымъ ходомъ обыденной жизни мелкихъ людей. Мелкіе люди думаютъ о провизіи, о дровахъ, объ сапогахъ. Подумайте-ка, количество этихъ вещей измѣнилось ли бы отъ великаго движенія, овладѣвшаго сонными рублями? Можетъ быть по немногу оно и стало бы измѣняться, — уменьшаться или увеличиваться, смотря по обстоятельствамъ, о которыхъ мы поговоримъ послѣ. Ну а вдругъ, скоростижно, какая перемѣна произошла бы въ количествѣ товаровъ? Да ровно никакой. Что въ самомъ дѣлѣ, могло ли бы прибавиться количество хлѣба до новой жатвы? Могли ли бы вдругъ народиться пожилые быки и коровы, изъ шкуры которыхъ были бы спиты лишніе сапоги. Значить количество вещей осталось бы прежнее. Прежде оно переходило среднимъ числомъ изъ рукъ въ руки, положимъ, по два раза; значить сумма вещей равнялась въ дѣйствительности $3\frac{1}{2}$ тысячамъ милліоновъ; при двухъ оборотахъ каждой вещи, составлялась сумма сдѣлокъ въ 7,000 милліоновъ. А теперь тѣ же вещи должны войти въ сдѣлки на 56,000 милліоновъ, значить каждая должна войти въ сдѣлки гораздо большее число разъ, значить увеличилась горячка покупателей покупать, покупать; а покупатели горячятся покупать, продавцы ломятъ цѣну не бывалую, — значить цѣна вещей должна возрасти, — ну, хоть въ два раза; тогда вещей оказалось на сумму 7,000 милліоновъ, и каждая прошла восемь разъ черезъ продажу, вотъ и составила сумма оборотовъ въ 56,000 милліоновъ.

Ну, а что же страна обдѣнѣла или обогатѣла? А покуда еще ровно ничего неизвѣстно, — должно быть, что никакой особенной перемѣны въ богатствѣ страны не произошло.

Ну а деньги какъ? съ ними не было ли перемѣны? какъ же, съ ними-то произошла перемѣна. Вѣдь товары вздорожали отъ горячности покупателей, и вздорожали по нашему предположенію вдвое. Значить это то же самое, что цѣна денегъ упала вдвое.

Подумайте теперь, отчего она упала? вѣдь количество денегъ не увеличилось и не уменьшилось. Такъ, но произошла перемѣна въ характерѣ отношеній между деньгами и товарами. Прежде деньги носматривали на то-

вары свысока, ухаживайте-ка за нами, говорили они товарамъ, а теперь сами принялись ухаживать за товарами, ну и пришли у нихъ въ небреженіе, и унизились предъ ними.

Положимъ, что мы очень огорчены этимъ обстоятельствомъ: жалко намъ видѣть, что такія эlegantныя существа, какъ полу-имперіалы (ахъ хоть бы на одинъ изъ нихъ полюбоватіся хоть издали!) и кредитные билеты унижаются передъ огурцами и говядиной, вяленой рыбой и саломъ — какую перемѣну слѣдуетъ намъ выпрашивать у судьбы, чтобы возстановилась репутація милыхъ нашихъ денежныхъ знаковъ?

Явное дѣло, чего надобно просить у судьбы: да благоволитъ она пробудить въ нашихъ денежныхъ знакахъ чувство сановитой важности, чтобы они считали неприличнымъ для себя ухаживать за товарами, а держали себя чинно и спокойно.

Но когда же человѣкъ ли, кредитный ли билетъ, находящійся въ рукѣ человѣка, забываетъ сановитую важность, хлопочетъ, суетится, роняетъ свое достоинство? это бываетъ въ случаѣ нужды. Когда нѣтъ хлѣба, поневолѣ суетишься. Стало быть потери достоинства происходятъ отъ нужды, а возстановится она можетъ не иначе, какъ устраненіемъ нужды.

Изъ примѣра, нами предположеннаго видно, что упадокъ цѣнности денегъ можетъ произойти безъ всякаго увеличенія въ количествѣ денежныхъ знаковъ; легко сообразить, что онъ можетъ произойти даже и при уменьшеніи этого количества. Въ самомъ дѣлѣ пусть прежнее количество и прежнее обращеніе денежныхъ знаковъ было таково:

700 миллионѣвъ рублей переходили въ годъ изъ рукъ въ руки по 1 разу, значить сдѣлали покупокъ на	700 милл.
700 миллионѣвъ рублей переходить изъ рукъ въ руки по 9 разъ значить сдѣлали покупокъ на	6,300 —
1.400 сдѣлали покупокъ на	7,000 милл.

Пусть теперь количества денежныхъ знаковъ уменьшится на 200 милл., по 100 милл. въ каждомъ изъ двухъ разрядовъ; но пусть увеличится быстрота обращенія, напримѣръ, слѣдующимъ образомъ:

600 миллионѣвъ рублей переходить изъ рукъ въ руки по 2 раза и дѣлають покупокъ на	1,200 милл.
600 миллионѣвъ рублей переходять изъ рукъ въ руки по 18 разъ и дѣлають покупокъ на	10,800 —
1,200 милл. дѣлають покупокъ на	12,000 милл.

Въ этомъ случаѣ цѣнность денегъ также упадетъ, несмотря на уменьшеніе въ количествѣ денежныхъ знаковъ, потому что быстрота ихъ обращенія увеличилась въ большей пропорціи, чѣмъ уменьшилось ихъ количество: оно уменьшилось только на одну седьмую часть, а она возрасла вдвое.

Что же такое? не надобно ли думать, что, когда увеличивается быстрота обращенія денежныхъ знаковъ, цѣнность денегъ непремѣнно уже падаетъ? Нѣтъ, это какъ случится. Мы брали такіе случаи, что сумма про-

дажъ и покупокъ возрастала безъ увеличенія въ количествѣ товаровъ; увеличеніе хлопотъ деньгамъ происходило не отъ возрастанія массы вещей, надъ оборотами которой онѣ хлопочатъ, а просто отъ суетливости, овладѣвавшей покушниками вслѣдствіе нужды. Тутъ достоинство денегъ падаетъ какъ вообще падаетъ достоинство всякаго лица и предмета, когда онъ подвергается нуждѣ. Но предположимъ обратный случай—что масса продажъ и покупокъ возрастаетъ, то есть возрастаетъ и количество хлопотъ деньгамъ, иначе сказать, увеличивается быстрота ихъ обращенія не вслѣдствіе нужды, а вслѣдствіе увеличенія массы товаровъ, то есть вслѣдствіе увеличенія общественнаго благосостоянія. Тогда выйдетъ исторія совершенно другого рода. Хлопоты деньгамъ увеличиваются не по ихъ волѣ, а по усилившимся просьбамъ предметовъ, надъ которыми онѣ работаютъ; тутъ не деньги запрашиваются на работу, а товары запрашиваются къ деньгамъ, значить достоинство денегъ не только не падаетъ, а еще поднимается. Вотъ примѣръ.

Прежде мы полагали, что при суммѣ оборотовъ въ 7,000 милл. рублей количество товаровъ простиралось до $3\frac{1}{2}$ тысячъ миллионовъ рублей, такъ что каждая вещь проходила среднимъ числомъ два раза черезъ денежный оборотъ. Теперь положимъ, что количество вещей увеличилось до 6,000 милл., а сумма оборотовъ до 9,000 милл. Если количество денежныхъ знаковъ осталось прежнее, то быстрота ихъ обращенія конечно увеличилась; но все-таки каждая вещь соприкасается теперь съ деньгами только полтора раза въ годъ среднимъ числомъ, а прежде прикасалась два раза; значить денежные знаки, несмотря на увеличившуюся быстроту своего обращенія, стали рѣже прежняго видѣться съ товарами, не такъ охотно принимаютъ на свиданіе съ собой всякую вещь, желающую сдѣлать имъ визитъ, стали менѣе доступны, болѣе важны; а если такъ, то ихъ цѣнность возвысилась.

Можно бы до безконечности разнообразить эти примѣры различнаго измѣненія въ цѣнности денегъ при различіи въ обстоятельствахъ, производящихъ измѣненіе въ денежныхъ оборотахъ. Но и приведенныхъ нами примѣровъ конечно достаточно для того, чтобы убѣдиться въ главномъ принципѣ вѣрныхъ сужденій по вопросамъ о денежномъ обращеніи: ни перемѣны въ количествѣ денежныхъ знаковъ, находящихся въ обращеніи, ни перемѣны въ быстротѣ ихъ обращенія не могутъ сами по себѣ служить мѣрками для выводовъ о томъ, возвысилась или упала цѣнность денегъ. Она можетъ возвыситься, хотя бы количество денежныхъ знаковъ увеличилось, и можетъ упасть, хотя бы оно уменьшилось; можетъ подняться, хотя бы быстрота ихъ обращенія увеличилась; и можетъ упасть, хотя бы обращеніе денегъ замедлилось. Тотъ или другой изъ противоположныхъ результатовъ явится въ дѣйствительности,—упадутъ или поднимутся деньги въ цѣнѣ, зависитъ не отъ какого-нибудь формальнаго критеріума въ родѣ величины итога обращающихся денегъ или въ родѣ соображеній о быстротѣ ихъ обращенія,—этотъ результатъ зависитъ отъ характера реальныхъ перемѣнъ народной жизни,—перемѣнъ, которыя имѣютъ лишь случайнымъ своимъ послѣдствіемъ ту или другую перемѣну въ количествѣ и обращеніи денежныхъ знаковъ,—и которыя могли бы при другихъ условіяхъ производить въ этихъ фор-

мальныхъ элементахъ совершенно другую переѣву или не производить никакой. Тутъ, какъ и во всѣхъ дѣлахъ дѣйствительный результатъ зависитъ отъ сущности дѣла, а не отъ формальной его обстановки. Если реальная переѣна дѣйствительнаго хода народной жизни такова, что денежные знаки должны упасть въ цѣнѣ, то они упадутъ, хотя бы не возрасла ни сумма денежныхъ знаковъ, ни быстрота ихъ обращенія.

Изъ элементовъ, имѣющихъ реальное значеніе въ народной жизни и своими измѣненіями производящихъ, черезъ посредство или безъ посредства переѣвъ въ массѣ или быстротѣ обращенія денежныхъ знаковъ, переѣвы въ цѣнности денегъ, мы указали одинъ, очень многообъемлющій: количество производимыхъ товаровъ. Но легко замѣтить, что подъ эту рубрику соединяется множество разнородныхъ фактовъ, которые надобно было бы разнести на много рубрикъ при точнѣйшемъ анализѣ. Масса производимыхъ товаровъ не первоначальный элементъ, а результатъ сочетанія многихъ элементовъ, каковы напримѣръ: количество работающихъ рукъ, степень ихъ усердія въ работѣ, степень ихъ искусства, степень предпримчивости, количество и достоинство матеріаловъ, надъ которыми совершается трудъ, количество и достоинство орудій (инструментовъ и машинъ) и т. д. и т. д. Кромѣ этихъ элементовъ есть другіе, которые не имѣютъ такого прямого участія въ работѣ надъ производимыми товарами, но точно также опредѣляютъ характеръ экономической жизни народа, — напримѣръ, народныя обычаи и нравы, общественное устройство, законы, и т. д. и т. д., — еслибы сказать, все, отъ чего зависитъ или чѣмъ составляется дѣйствительная жизнь народа. Каждая переѣна въ каждомъ изъ этихъ элементовъ отзывается переѣною и въ состояніи денежнаго рынка. Нѣтъ возможности перечислить всѣ эти элементы, да и надобности нѣтъ въ томъ, чтобы составить полный теоретическій списокъ ихъ. Важность только въ томъ, чтобы мы знали и исполняли общій принципъ.

